

Дальневосточный федеральный университет
Школа гуманитарных наук
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Социологический факультет
Федеральный научно-исследовательский
социологический центр РАН

ПРОБЛЕМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ: РОССИЯ И СТРАНЫ АТР

МАТЕРИАЛЫ
III ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

Владивосток

9–10 ноября 2017 года

Научное электронное издание

© ФГАОУ ВО «ДВФУ», 2017
ISBN 978-5-7444-4176-0

УДК 316.42

ББК 60.56

П78

Редакционная коллегия:

И.Г. Кузина, канд. ист. наук, профессор (отв. ред.);

А.В. Винокурова, канд. социол. наук, доцент;

О.В. Заяц, канд. социол. наук, доцент;

В.В. Зырянов, канд. экон. наук, доцент;

Е.Ю. Костина, канд. социол. наук, доцент.

Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР [Электронный ресурс] : материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Владивосток, 9–10 ноября 2017 г. / [отв. ред. И.Г. Кузина]. – Электрон. дан. – Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2017. – Режим доступа: <https://www.dvfu.ru/science/publishing-activities/catalogue-of-books-fefu/>. – Загл. с экр. – ISBN 978-5-7444-4176-0.

В издание включены материалы выступлений участников третьей всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР», которая уже стала традиционным мероприятием для Школы гуманитарных наук ДВФУ. Конференция проводилась при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 17-01-20512. Материалы конференции объединены общей проблемой применения естественнонаучных методов в количественных и качественных социологических исследованиях. Особое внимание уделено вопросам теории и практики проведения социологических исследований в России и АТР.

Текстовое электронное издание

Минимальные системные требования:

Веб-браузер Internet Explorer версии 6.0 или выше, Opera Версии 7.0 или выше, версии 1.5 или выше, Google Chrome 3.0 или выше.

Компьютер с доступом к сети Интернет.

Минимальные требования к конфигурации и операционной системе компьютера определяются требованиями перечисленных выше программных продуктов.

© ФГАОУ ВО «ДВФУ», 2017

Размещено на сайте 14.12.2017 г.

Объем 3,8 Мб

Дальневосточный федеральный университет
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

E-mail: editor_dvfu@mail.ru

Тел.: (423) 226-54-43, 265-24-24 (доб. 2383)

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ.....	7
<i>Бадмацыренов Т.Б., Родионов В.А.</i> Моделирование в теории международных отношений.....	7
<i>Вершинина И.А.</i> Глобальная урбанистическая система и ее социальные проблемы.....	9
<i>Гончарова С.В., Панченко Е.П.</i> Социальные сети как пространство формирования экономических интересов молодежи	11
<i>Гримов О.А.</i> Описательная модель функционирования сетевых технологий	13
<i>Гузенина С.В.</i> Современный мир: в поисках модели «вечного мира»	15
<i>Двойнев В.В., Егоров А.Г.</i> Биполярное природомоделирование экологического сознания	17
<i>Иванова Н.Г.</i> Даешь образование молодежи и теряешь ее: механизмы сохранения образовательного капитала в стране.....	19
<i>Иванова Т.Н., Цветкова И.В.</i> Конструирование дискурсивной модели инновационного развития.....	20
<i>Игбаева Ф.А.</i> О некоторых вопросах регулирования демографического воспроизводства населения города.....	23
<i>Калинникова М.В., Шматова С.С.</i> Построение модели здоровьесберегающего поведения личности на примере населения саратовской области	26
<i>Карпова В.М.</i> Динамика половозрастной структуры населения как фактор поддержки политических систем	28
<i>Ковтун Г.С., Котков Д.А.</i> Нормативная модель социального контроля над проявлениями экстремизма в Интернете	31
<i>Ковтун Г.С., Нестерова А.А.</i> Библиометрический анализ диссертационных исследований супружеских конфликтов в россии	33
<i>Костина Е.Ю.</i> К вопросу о построении модели социального благополучия населения: индикаторы и показатели	36
<i>Котов И.С.</i> Социальные кооперативы как фактор устойчивого развития	39
<i>Кузина И.Г., Прокофьева А.С.</i> Моделирование государственной семейной политики в современном российском обществе	41
<i>Купряшкин И.В.</i> Математика капитализма: мир-системный анализ экономических циклов	43
<i>Купряшкина Е.А.</i> Применение индексов в исследовании уровня детской независимой мобильности в городской среде	45
<i>Лежебоков А.А.</i> Социокультурное пространство региона как объект социологического исследования	48
<i>Лопатова А.П.</i> Образование – важнейший ресурс для личности и общества.....	50
<i>Макаров С.Н.</i> Методология социально-управленческих экспертных систем в международной интеграции	53
<i>Обрывалина О.А.</i> Международная интеграция в сфере образования: уровневая организация межкультурного взаимодействия новых образовательных проектов	54
<i>Осмачко Н.В., Чистик К.В.</i> Моделирование технологии социального сопровождения семьи в Приморском крае (на материалах опроса экспертов)	56
<i>Романцева Е.Е.</i> Методы и модели принятия управленческих решений	59
<i>Свищёва А.Н.</i> Анализ социальных сетей: проблемы формирования групповой относительной депривации.....	62
<i>Семенова Ю.А.</i> Программно-целевой метод как механизм реализации государственной поддержки предпринимательства в Саратовском регионе	64
<i>Синельников А.Б.</i> Моделирование брачного рынка в россии.....	67
<i>Темнова Л.В., Лизунова О.А.</i> Новые практики формирования карьерных траекторий	71
<i>Титова Н.Ю., Первухин М.А., Батулин Г.Г.</i> Методы идентификации территориально-отраслевых кластеров на макро- и микро- уровнях	72

<i>Томилов В.А.</i> Общество как гибридная система	76
<i>Филипова А.Г., Высоцкая А.В.</i> Средний балл ЕГЭ в российских регионах: от корреляционного анализа к построению имитационной модели	79
<i>Хадисов М-Р.Б.</i> Интегральный индекс сравнительной оценки риска снижения уровня экономической безопасности	82
<i>Холоденко Ю.А.</i> Глобальные факторы социальных трансформаций: роль социологического анализа	85
<i>Шарович Р., Самарджич О.</i> Семейные отношения и общественная жизнь семьи в Черногории	87

РАЗДЕЛ 2. РОССИЯ И АТР: ПРАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ..... 90

<i>Абагеро Д.Д.</i> Социальные механизмы вовлечения индивида в коммуникативное пространство города (на примере Москвы)	90
<i>Абрамов А.П.</i> Императивы российского патриотизма: новые реалии и перспективы формирования..	93
<i>Аристова И.Л., Соколова А.М.</i> Ценностные ориентации иностранных студентов стран АТР (на примере Дальневосточного федерального университета)	95
<i>Бадараев Д.Д.</i> Сельско-городская миграция как фактор социальной напряженности в современной Монголии	98
<i>Бобылева Н.Ю., Проказина Н.В.</i> О перспективах российско-китайских отношений	100
<i>Гончарова С.В., Алейникова Е.Е.</i> Приоритеты молодежной политики в современной России (на материалах исследования в Приморском крае)	103
<i>Грановская О.Л.</i> Критика объяснительных моделей изменения баланса сил в Восточной Азии. Теория баланса сил против либерального институционализма	105
<i>Деханова Н.Г.</i> Проблемы реализации человеческого капитала в современной России	107
<i>Задонская И.А.</i> Восприятие молодежью образа политического лидера современной России: опыт эмпирического исследования	109
<i>Заяц О.В.</i> О процессе реформирования организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Приморском крае: мнение экспертов	112
<i>Заяц О.В., Матко Д.А.</i> Выявление стратегий и тактик конфликтного взаимодействия супругов: межкультурный аспект	114
<i>Злотников А.Г.</i> Социальный капитал Беларуси на рынке труда России.....	117
<i>Зырянов В.В.</i> Объединение университетов в контексте трансформации российского высшего образования.....	120
<i>Калита В.В., Соколова М.М.</i> Динамика поступления студентов стран АТР в вузы России и Дальнего Востока: проблемы и перспективы.....	124
<i>Килимова Л.В.</i> Гражданская активность личности в региональном измерении	127
<i>Кондратенко Г.В.</i> Демографическое неравенство китайских регионов: причины возникновения и возможности выравнивания	130
<i>Корпачева П.В.</i> Железнодорожный транспорт и социальная ответственность.....	132
<i>Кочетков В.В.</i> Социология международных отношений: вчера, сегодня и завтра	135
<i>Краснов А.Ю.</i> Престиж профессий в представлениях современной российской молодежи	137
<i>Крокинская О.К.</i> Активизация субъектного статуса молодежи: мировоззренческие признаки и общественные практики	138
<i>Кузина И.Г., Панкова Н.В.</i> Социальное сопровождение как инструмент оказания помощи семьям с детьми	141
<i>Леонов А.К., Василенко Е.П.</i> Представления студенческой молодежи приграничного города о терроризме и экстремизме	144
<i>Липатова М.Е.</i> Российские студенты в глобализирующемся образовательном пространстве.....	147
<i>Литвинова Т.Н.</i> Политическая активность молодежи в регионах Сибири и Приморском крае (на материалах социологических исследований)	149

<i>Макарчук В.А.</i> Инфраструктура объектов физической культуры и спорта: анализ состояния и перспективы развития (на примере Приморского края).....	152
<i>Марин Е.Б.</i> Молодежь и протест: опыт анализа протестного потенциала приморских студентов...	154
<i>Мищенко А.С.</i> Университет как центр воспроизводства и непрерывного развития человеческого капитала региона	157
<i>Назаров М.С.</i> Идентичность молодежи г. Уссурийска: сравнительный анализ	160
<i>Немерюк Е.Е.</i> Социально-культурная адаптация мигрантов в Саратовской области	162
<i>Ойдопова А.М.</i> Социальное образование в трансграничном регионе	164
<i>Орлова Н.А., Хомушку К.Ч.</i> Конфликтное поле взаимодействия субъектов рынка труда: сравнительный анализ культур	166
<i>Осмачко Н.В., Приходько И.А., Штейникова М.Е.</i> Образ великой российской революции в исторической памяти населения Приморского края.....	169
<i>Осмачко Н.В., Толстоброва Ю.Д.</i> Проблемы внедрения инновационных технологий в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг населению (на примере деятельности МФЦ)	172
<i>Панфилова А.О., Филина В.Н.</i> Социальная проблематика современного города	175
<i>Проказина Н.В.</i> Представления россиян о перспективах отношений России и стран Азии.....	177
<i>Самойленко П.Ю.</i> Проект «Дальневосточный гектар» как составляющая имиджевой стратегии развития Дальнего Востока России и интеграции в АТР	179
<i>Свердликова Е.А.</i> Российская логистика: проблемы и пути их решения в контексте развития АТР..	181
<i>Сыроед Н.С., Бунькина Н.Е.</i> Актуальность исследований негативных социальных последствий недостаточной информированности населения о высокотехнологичной медицинской помощи	183
<i>Сыроед Н.С., Городинец А.С.</i> Влияние культурных традиций на возникновение и динамику конфликтов в смешанных браках.....	185
<i>Хайруллина Ю.Р., Соловьев М.М.</i> Ценностные ориентации подростков, нуждающихся в социально-психологической помощи и реабилитации (на примере Республики Татарстан).....	188
<i>Халий И.А.</i> Региональные и местные власти: обратная связь с гражданами	190
<i>Шаршембиева Т.С.</i> Роль билингвизма в образовательной системе кыргызстана.....	196
<i>Шишкарева Н.В., Ухалова Т.С.</i> Приграничное межрегиональное сотрудничество как одна из форм развития российско-китайских отношений	199
<i>Яковлев И.В.</i> Локальные сообщества и развитие региональных систем гражданского контроля.....	201
<i>Lučić Miomirka</i> Transformation of value system and its correspondence with religion in the post-socialist period.....	203
<i>Vukasović Sandra</i> Dominance and power in TV talk shows.....	205
РАЗДЕЛ 3. ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ И КАЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ....	208
<i>Абросимова Е.Е.</i> Особенности метода контент-анализа детских видеоблогов	208
<i>Аверин Ю.П.</i> Качество жизни и социальный порядок в российском обществе: методология и результаты исследования.....	211
<i>Батуренко С.А.</i> Глобализация как фактор гендерной асимметрии в системах занятости и образования	213
<i>Белоус Е.И.</i> Особенности применения качественных методов исследования в психологии духовности	216
<i>Бутуева З.А., Дмитриева Е.А.</i> Социально-психологическая подготовка человека к выходу на пенсию	219
<i>Винокурова А.В.</i> Трудовые мигранты: основные модели семейных взаимоотношений	221
<i>Герасимов А.В.</i> Формирование положительного образа российского региона технологиями и методами событийного туризма (на примере Республики Крым)	223
<i>Горошко Ю.Н.</i> Экологический архетип единства человека и природы в крымских легендах	226

<i>Грабельных Т.И.</i> Значение социологического исследования и социологической экспертизы на новом этапе развития гражданского общества в России.....	228
<i>Грибова К.Л.</i> Социальное пространство в условиях глобализации.....	231
<i>Григоричев К.В.</i> Past dependence и неформальность российских пригородов.....	234
<i>Григорьева Л.Ю.</i> Категории патернов коммуникации: «информация», «граница» и «диссипация» в исследовании медиа-реальности. Основные принципы постнеклассической парадигмы социосинергетики.....	237
<i>Грудина Т.Н.</i> Традиции и обычаи царской семьи Романовых: контент-анализ семейных дневников.....	240
<i>Ефимова В.Л.</i> Визуальные исследования феномена моды в социологии культуры: возможности и перспективы.....	243
<i>Кабайкина О.В.</i> Интервью как метод изучения гендерного неравенства в трудовой сфере российского общества.....	245
<i>Кадиров Н.Т.</i> Методология сбора и анализа данных для оценки состояния системы трансактивной памяти в команде.....	247
<i>Каменский Е.Г.</i> Модное потребление «техно» как фактор трансформации социальных структур	251
<i>Комарова А.Н.</i> Роль социологии в изучении актуальных вопросов киберсоциализации	253
<i>Костина Е.Ю., Семенов С.А.</i> Качественные методы социологии в исследовании социального здоровья	255
<i>Кривошеев В.В.</i> Цифровая социология: необходимость уточнения основных характеристик современного социального познания	257
<i>Крошкина М.С.</i> Основные подходы к пониманию жизненных стратегий молодежи	258
<i>Лапишов В.А.</i> Социальный капитал современного российского общества	260
<i>Лядова А.В.</i> Трансформация института медицины и развитие новых социальных практик в сфере охраны здоровья	263
<i>Манцева Е.Р.</i> Характер знаний в сети Интернет: социологический анализ	264
<i>Мартыненко Т.С.</i> Картографирование как метод изучения социального неравенства.....	267
<i>Надток С.А.</i> Синергетический подход в социальных науках.....	269
<i>Нефедев С.Н.</i> Глобализация и консервативная версия «конца истории».....	271
<i>Панфилова А.О.</i> Визуальные методы в социологическом изучении города	273
<i>Подъячев К.В.</i> Качественные методы и «национальная социология»: к вопросу о теоретико-методологических аспектах изучения особенностей социальных процессов в России	275
<i>Сапрыкина И.Э.</i> Количественные и качественные методы в исследовании имиджа образовательных организаций.....	278
<i>Сушко В.А.</i> Сетевой анализ как метод исследования в социальных науках.....	279
<i>Толвайшиц Л.</i> Применение метода составного нарратива в выработке рекомендаций по брендированию Сербии	282
<i>Тюплина И.А.</i> Качественные методы в социологии города: методология Ф. Знанецкого.....	285
<i>Хатнюк Н.Н.</i> Опыт качественного исследования образа Родины в школьных рисунках.....	288
<i>Щеткина И.А.</i> Культурологические парадигмы исследования качества жизни.....	290
<i>Яровая В.Е.</i> О методах изучения потребительского поведения детей в магазине	293
<i>Ćeranić Goran</i> Social capital concept.....	295
<i>Krivokapić Nataša</i> Media and society.....	298
<i>Samardžić Obrad</i> Socio-cultural aspects of time	300
<i>Živković Predrag</i> Totalitarianism – the living content of globalization.....	302
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	305

РАЗДЕЛ 1. МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

МОДЕЛИРОВАНИЕ В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ*

Бадмацзыренов Т.Б., Родионов В.А.

В теории и практике международных отношений все чаще используются методы прогнозирования, направленные на выявление вероятного развития текущей ситуации и разработку наиболее приемлемых политических решений. Одним из важных элементов прогнозирования является *метод моделирования*, который позволяет конструировать и анализировать упрощенные подобию реальных систем. В основе метода моделирования лежит понятие «модель», понимаемое как упрощенное представление об изучаемом объекте, отражающее его реальное устройство. В нашем случае объектом исследования являются российско-монгольские отношения в их различных проявлениях.

Метод моделирования как таковой выходит за пределы прогнозирования международных отношений и применяется практически во всех отраслях науки. В наиболее общем смысле термин «моделирование» используется для отражения принципов теории познания, как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях. Он основан на использовании моделей, как упрощенного воспроизводства реальных объектов, в изучении их наиболее значимых характеристик. Моделирование опирается на конструирование идеально-типических по сути упрощений, абстрагированных на основе логико-дедуктивного анализа реальных объектов. В исследовании реальности сложность обобщения большого количества данных по множеству параметров представляется одним из наиболее важных факторов широкого применения моделей, особенно в изучении социальных объектов. Использование этого подхода требует строгости при отборе теоретических конструктов, с одной стороны, и эмпирических методов – с другой. Проблема связи теории и эмпирических данных выступает одним из затруднений применения моделирования. Конструирование моделей на основе теоретических гипотез предполагает в рамках традиционной исследовательской модели проверку посредством эмпирических, преимущественно количественных, методов. Вместе с тем, как отмечают американские исследователи К.А. Кларк и Д.М. Примо, проверка теоретических моделей основана на использовании не эмпирических данных как таковых, а, скорее, моделей эмпирических данных, которые конструируются на основе тех же характеристик, что и теоретические [1, с. 3]. В целом это не снижает эффективности применения моделирования, более того, зачастую эмпирические проверки моделей излишни.

В силу многогранности метода, классификацию можно проводить по характеру моделей, по характеру моделируемых объектов, по сферам приложения моделирования. В целом, в теории международных отношений можно выделить ряд наиболее распространённых способов моделирования. В области теоретических исследований и на уровне сравнительно-типологических обобщений часто используются логико-дедуктивные модели, опирающиеся на теоретические допущения об изучаемом объекте. В основе вариативности теоретического моделирования лежит развитие политической науки через смену и конкуренцию парадигм. Представления о предмете, методологические принципы, характеристика проблематики и эмпирический инструментарий исследований политических явлений группируются по «идеологическим предпочтениям, поддержанию структуры власти внутри научной дисциплины и увековечиванию устоявшихся порядков» [2, с. 40].

Кроме теоретико-аналитического моделирования в изучении международных отношений значительное развитие получили эмпирико-ориентированные модели. Для них характерно использование больших массивов эмпирических данных, широкое применение количественных статистических методов математического анализа. Построение таких моделей часто рассматривается в качестве этапа общего анализа, предполагающего формализацию и математическое выражение

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта международного конкурса РФФИ – МинОКН Монголии № 17-27-03001 «Внешние факторы политического процесса в современной Монголии»

основных элементов и взаимосвязей изучаемых объектов [3, с. 149]. Математические модели обладают существенными преимуществами с точки зрения конкретизации и уточнения выводов и повышения сложности анализа и обобщения [4, с. 97].

Формальное математическое моделирование международных отношений опирается на использование данных экономической, военно-политической, технической и иных отраслей статистики. Примечательно, что на развитие этого направления существенное влияние оказал реализм, под воздействием которого сформировались рациональные модели, теория игр, теория торга, модели обеспечения безопасности и др. Следует также заметить, что на развитие методов формального моделирования международных отношений повлияло также их привлечение в сферу прикладных исследований обеспечения внешней политики в период холодной войны.

В настоящее время моделирование активно применяется в области изучения переговорного процесса, политики сдерживания, баланса сил, функционирования международных институтов, кризисов и конфликтов. Выявление взаимосвязей между значимыми факторами и параметрами исследуемого политического процесса лежит в основе таких известных моделей, как динамические модели Дж. Форрестера, а для анализа и прогнозирования процессов гонки вооружений используется известная модель Л. Ричардсона, описываемая системой обычных дифференциальных уравнений [5, с. 57-69].

Во второй половине XX века с развитием электронно-вычислительной техники появляются компьютерные модели международных отношений. Одним из перспективных методов анализа проблем международных отношений, который в последнее время применяется достаточно широко, является так называемый метод анализа иерархий (МАИ), разработанный американским специалистом по теории принятия решений Т. Саати [6, с. 304]. В основе этого метода лежит процедура разделения рассматриваемой проблемы на ряд подпроблем, каждую из которых, в свою очередь, можно последовательно детализировать до необходимого уровня. Это позволяет свести анализ сложной проблемы к анализу составляющих её подпроблем, который представляет собой оценку их важности (степени приоритетности), т.е. «вклада» в решение исходной проблемы [7, с. 31-49].

Одним из базовых способов моделирования международных отношений является метод ивент-анализа, позволяющий упорядочить и структурировать сложные политические процессы в виде событийного ряда. Данная методика разрабатывалась для мониторинга социально-политической ситуации в странах, представлявших интерес для внешней политики США. Существенной составляющей этого метода является выявление и классификация типовых признаков события, на основе чего появляется возможность объективно спрогнозировать развитие событий. Информационно-аналитические модели, построенные на основе применения этого метода, позволяют решать комплексные прикладные задачи, проводить мониторинг и, на более сложном уровне, осуществлять прогнозирование и построение сценариев международной ситуации. Вместе с тем, нельзя не отметить наличие сдерживающих факторов в развитии применения ивент-анализа и количественных моделей международных отношений в целом. Прежде всего, это ограничение, связанное с сегодняшними информационно-аналитическими возможностями и высоким уровнем сложности моделируемых процессов, не позволяющими достичь желаемого уровня точности прогнозирования международных процессов. Кроме того, на применимость такого рода моделей оказывает воздействие и конкуренция теоретических направлений, среди которых нет полного единства по отношению к основам формализации и построения параметров моделей взаимодействий между субъектами международных отношений.

Библиографический список:

1. Clarke K.A., Primo D.M. A Model Discipline: Political Science and the Logic of Representations. New York: Oxford University Press. 2012. P. 3.
2. Чилкот Р.Х. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. / пер. с англ. – М.: Инфра-М, Издательство «Весь Мир». 2001. С. 40.
3. Туронок С.Г. Политический анализ. М.: Дело. 2005. С. 149.

4. Powell R. Enterprise and Security Studies // International Security. 1999. Vol. 24. № 2. P. 97.
5. Richardson L. Arms and Insecurity: A Mathematical Study of the Causes and Origins of War / Pacific Grove, California: Box-wood Press. 1960. P. 57-69.
6. Саати Т.Л. Принятие решений. Метод анализа иерархий. М.: Радио и связь. 1993. 320 с.; Он же. Математические модели конфликтных ситуаций / под ред. И. А. Ушакова. М.: Сов. Радио. 1977. 304 с.
7. Абаев Л.В. Об актуальных подходах к моделированию международных отношений // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 2. С. 31-49.

ГЛОБАЛЬНАЯ УРБАНИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ЕЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Вершинина И.А.

Глобализацию сопровождает растущее социальное неравенство не только между регионами и странами, но и внутри них. Особенно ярко поляризация проявляется в глобальных городах, являющихся мировыми экономическими центрами. На городские мегарегионы, представляющие собой сросшиеся воедино мегаполисы, приходится более двух третей мирового ВВП [1, с. 14]. Американский политолог П. Ханна говорит о растущей связи между городами вследствие развития разного рода сетей: транспортных, энергетических, коммуникационных и т. д. Он утверждает, что современный мир эволюционирует от географии к «коннектографии» [2], то есть все большей связанности, которая становится конкурентным преимуществом.

Современная социология выстраивает новые исследовательские подходы для анализа глобального неравенства и его различных проявлений. Все чаще методология исследований базируется на сетевых подходах, которые многие авторы считают перспективными [3, с. 40; 4, с. 24; 5, с. 191]. Поэтому неудивительно, что именно сети городов с их социальными проблемами оказываются в центре внимания исследований. Мы наблюдаем процесс формирования процесса формирования глобальной урбанистической системы, состоящей из сети стратегических городов. Однако необходимо понимать, что они сосредоточили не только мировое богатство, но и бедность.

Американский социолог, автор теории глобальных городов, С. Сассен говорит о том, что вследствие глобализации возникает новое неравенство и исчезает средний класс [6, р. 361]. Глобализация способствует росту ценности высокопрофессиональных работников, главным образом, в корпоративном секторе, при обесценивании других типов экономической активности.

На первый взгляд, джентрификация и архитектурные инновации меняли визуальный облик глобальных городов в лучшую сторону. Однако основой этого «процветания» стал рост социальной эксклюзии, в результате которой отдельные люди и целые семьи были прямо или косвенно выброшены из своих домов. С. Сассен уже более двух десятилетий пытается привлечь внимание к теневой стороне функционирования глобальных городов: увеличению масштабов бедности и ухудшению качества жизни более молодых поколений [7, р. 101]. По данным Федеральной резервной системы, в США более 14 миллионов семей потеряли свои дома с 2006 года по 2014 год [8].

Главная причина бедности в глобальных городах не безработица, а низкооплачиваемые виды деятельности. С. Сассен считает, что ею выявлена новая экономическая логика, согласно которой в глобальных городах наблюдается усиление социального неравенства: создаются высокооплачиваемые рабочие места и рабочие места с низким уровнем заработной платы. Причем, низкооплачиваемые рабочие места имеют более важное значение, чем можно было бы предположить: они обеспечивают поддержание стратегической инфраструктуры глобальных городов. В частности, они гарантируют бесперебойное функционирование домохозяйств работников высшего звена, позволяя им сосредоточиться на достижении глобальных целей.

Увеличение объема инвестиций в глобальные города способствуют переходу от преимущественно частной собственности к корпоративной. Огромные офисные здания, торговые центры и жилые комплексы вытесняют маленькие улицы, общественные пространства и здания меньшего размера. В глобальных городах в настоящее время все меньше и меньше возможностей для

жителей, чтобы собраться вместе, образовав сообщество. Корпорации приобретают новые права, а граждане их теряют. С. Сассен так же, как и А. Лефевра, Д. Харви и многих других [9, 10, 11, 12], волнует вопрос о том, кому принадлежит право на город. Города не могут стать собственностью тех, у кого больше денег, и кто может купить городское пространство. Повсеместная джентрификация разрушает городские сообщества, поднимая цены на недвижимость.

Эксперты ООН высказывают свою озабоченность относительно того, что о праве на жилище забывают, поскольку финансовые рынки и спекулянты превратили жилье в удобный актив для капиталовложений: «Жилье утратило свою ценность как право человека. Его рассматривают как товар, а не как человеческое жилище. Оно стало для инвесторов средством накопления богатства, а не достойным местом для создания семьи и фактором процветания в обществе» [13]. Глобальный рынок жилья оценивается сегодня в 163 триллиона долларов США, что более чем вдвое превышает объем мировой экономики, однако в мире слишком мало достойного жилья и миллионам людей приходится ютиться в трущобах или импровизированных постройках [13].

Социальное неравенство – одна из наиболее серьезных социальных проблем начала XXI века. Это глобальная социальная проблема, не только отягощающая жизнь членам отдельных обществ в региональном масштабе, но и угрожающая всему мировому сообществу [14, с. 125]. Ряд авторов говорит о необходимости активного участия жителей в решении волнующих их проблем. Удачные примеры реализации подобных проектов уже есть. Непосредственное участие горожан в формировании и утверждении бюджета муниципалитета (партисипативный бюджетный процесс, бюджет участия) является одним из вариантов успешного функционирования вполне реальной утопии, которая успешно используется в бразильском городе Порту Алегри [15, с. 58].

Библиографический список:

1. Новиков А. Богатство вместо роста // Urban Agenda. 2015. № 4.
2. Khanna P. Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016.
3. Полякова Н. Л. Новые теоретические перспективы в социологии начала XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. DOI:10.24290/1029-3736-2015-0-2-29-46.
4. Добринская Д. Е. Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 3. DOI:10.24290/1029-3736-2016-22-3-21-38.
5. Мартыненко Т. С. Глобальная социология Г. Терборна: теория социальных неравенств // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. №1(29).
6. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001.
7. Sassen S. The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // City & Community. Vol. 15. № 2. June 2016.
8. Sassen S. Who owns our cities – and why this urban takeover should concern us all. URL: <https://www.theguardian.com/cities/2015/nov/24/who-owns-our-cities-and-why-this-urban-takeover-should-concern-us-all>, accessed: 11.10.2017.
9. Lefebvre H. Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015.
10. Mitchell D. The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space. New York: Guilford Press, 2003.
11. Harvey D. Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development. London, New York: Verso, 2006.
12. Harvey D. The Right to the City // New Left Review. No. 53. September-October 2008.
13. Эксперт ООН: жилье превратилось в товар. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=27555#.WMv1brgSfIV> (accessed date: 14.10.2017).

13. Осипова Н. Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 2.

4. Добринская Д. Е. «Реальные утопии» в социологической теории Э. О. Райта // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 4.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ МОЛОДЕЖИ

Гончарова С.В., Панченко Е.П.

Мы живем в обществе, где средства массовых коммуникаций оказывают влияние на все сферы жизни общества. В настоящее время социальные сети стали частью повседневной жизни большинства людей. Молодежь наиболее восприимчива к различным преобразованиям в социальной, экономической и технологической сферах. В то же время, феномен влияния средств массовых коммуникаций на процессы жизнедеятельности человека и общества недостаточно изучен. Система экономических интересов молодежи является одним из важнейших факторов, который определяет вектор развития всей социальной системы. Можно предположить, что средства массовых коммуникаций оказывают большое влияние на экономические цели и интересы молодежи. В связи с этим, приобретает особую важность исследовать то, как формируются экономические интересы молодежи, и какое место в этом процессе занимают социальные сети.

В научных публикациях выделяются следующие подходы к изучению социальных коммуникаций. Г.Г. Почепцов считает, что социальные коммуникации «настроены на управление социальными системами, имея для этого как кратковременный (тактический), так и долговременный (стратегический) инструментарий».

Так же социальную коммуникацию рассматривали такие исследователи как В.М. Холод, В.В. Резун, В.А. Ильганаева, А. В. Соколов, Ф.И. Шарков и другие исследователи. Говоря об исследованиях социальных сетей с точки зрения процесса коммуникации, можно выделить таких исследователей как С. Вассермана, Б. Веллмана, Л. Фримана, А. Назарчука и др.

В настоящее время феномен социальных сетей стал реальностью, которую нельзя отрицать и с которой необходимо считаться. «Сетевое мышление» в значительной степени сказывается на повседневной жизни каждого человека: доминирующие функции и процессы все больше и больше становятся организованными по типу сетей. Относительно жесткие и вертикально организованные социальные структуры прошлого замещаются гибкими и горизонтально ориентированными сетями, через которые в основном и осуществляется обмен ресурсами, политический процесс, распространение информации и т.п. [1].

Интернет-технологии, благодаря своим широким возможностям, оказывают значительное социализированное влияние на личность. Коммуникативная активность общества в настоящее время все больше смещается в сторону виртуального взаимодействия посредством вовлечения в сетевую активность широких кругов пользователей, расширения границ влияния экономических институтов для продвижения товаров и услуг.

Экономические и социальные проблемы молодежи сегодня являются ничем иным, как отражением противоречий, явлений, тенденций развития всех сфер современного российского общества. Рассуждая об экономических интересах молодежи, так или иначе проявляющихся в сети интернет, можно сказать, что они находят свое отражение в создании тематических пабликов, сообществ и в отдельных специализированных социальных сетях, а также в характере той информации, которая размещается в данных средствах коммуникации.

Необходимо отметить и то, что широкие возможности использования социальных сетей в образовании и учебной деятельности молодежи, так же, позволяют рассматривать их как пространство формирования таких элементов системы экономических интересов как экономические знания и определённый уровень профессиональной квалификации.

Социальные сети обладают возможностями влияния на становление экономических интересов молодежи, но на данный момент изучение этих процессов только начинается.

В разведывательном социологическом исследовании, которое проводилось в мае 2017 г., приняли участие 100 респондентов. Целью исследования являлось определение места и роли социальных сетей в процессе формирования экономических интересов молодежи. В данном исследовании приняло участие 60 девушек и 40 юношей проживающих на территории г. Владивостока, в возрасте от 18 до 30 лет.

С утверждением, что «каждый день люди проводят в социальных сетях по несколько часов» согласились 61% респондентов, 20% - вообще не выходят из них, 19% - посвящают социальным сетям не более часа в день. Таким образом, можно говорить о влиянии социальных сетей на молодежь, в том числе и на формирование экономических интересов, так как то время, которое молодые люди проводят в сети, не может не отразиться на жизненных установках, их мнении и т.д.

48% респондентов убеждены, что социальные сети не влияют на их точку зрения, 28% – думают, что социальные сети всё-таки влияют на них и, 24% – не задумывались об этом. В то же время 56% ответили, что они не помнят случаи, когда меняли свое мнение под влиянием социальных сетей, 26% – меняли свою точку зрения, 18% – не задумывались о том, меняли ли они свою точку зрения под влиянием социальных сетей.

Самым распространенным ответом вопрос «В чем заключаются ваши жизненные интересы?» явился ответ «материально обеспеченная жизнь». В то время как «статус, положение в обществе» занимает предпоследнюю позицию среди целей в жизни, поэтому можно предположить, что молодежи безразличен статус в обществе, а важным является, насколько материально обеспечена их жизнь. Ответ «иметь собственный бизнес» являлся самым непопулярным, его можно объяснить возрастными особенностями данной группы и отсутствием опыта. Часто «материальный достаток» респонденты приравнивали к «высокому положению в обществе», рамки между этими жизненными целями в представлении молодежи размыты, поэтому можно говорить о том, что экономические интересы молодежи носят больше потребительский характер, гипотеза исследования в целом подтвердилась.

Мы постарались выделить некоторые факторы в социальных сетях, способствующие формированию экономических целей у молодежи. Среди таких можно указать рекламу, различные паблики и тематические сообщества, Social Media Marketing и другие. Небольшое внимание уделяется исследователями, например, Бирюковой Е.А., формированию таких элементов системы экономических интересов как устойчивый интерес к профессии, экономические знания и т.п. Инструментарий социальных сетей делает их эффективным подспорьем в поиске среды для экономической деятельности молодежи, в развитии общения на основе общественно полезных экономических интересов [2].

Также в ходе исследования был выявлен такой способ заработка в социальных сетях, как фриланс, который также можно отнести к механизмам, которые формируют новые экономические интересы молодежи. Фриланс – работа в сети Интернет, которая является удаленной: заказчик и исполнитель заказа находятся друг от друга на расстоянии, а все операции осуществляются и координируются при помощи сети.

Проведённое социологическое исследование позволило сделать вывод о том, что в настоящее время социальные сети становятся пространством, в котором идёт активный процесс формирования социальных, в том числе экономических интересов молодежи.

Каждый индивид является носителем различных экономических интересов. Реализуя личные интересы, индивид может вступить в конфликт с интересами целого общества, так как в экономических отношениях присутствуют элементы сотрудничества и борьбы. Движущей силой социального и экономического развития общества выступает взаимодействие индивидуальных и коллективных экономических интересов. Современное общество является обществом высоких технологий. Социальные сети развиваются, становясь доступнее и удобнее для пользователей, их влияние на повседневную жизнь человека будет только усиливаться. Представляется важным продолжать

исследование влияния социальных сетей на различные стороны жизни молодежи, для того чтобы определять тенденции в настроении и поведении. Такая работа может способствовать эффективному определению направлений деятельности субъектов, реализующих молодежную политику на региональном и федеральном уровнях.

Библиографический список:

1. Тоискин В.С., Красильников В.В. Классификация социальных сетей Интернет как элементов социальных структур. Режим доступа: <http://econf.rae.ru/article/7041> (дата обращения: 16.01.2017).

2. Бирюкова Е.А. Интернет-коммуникация как средство межкультурного общения: жанровые и языковые особенности // Язык. Словесность. Культура. 2014. № 6. С. 75-98.

ОПИСАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ*

Гримов О.А.

Многообразные аспекты конвергентных технологий на уровне теоретических обобщений и анализа прикладных аспектов рассмотрены в [1-3]. В данном случае в качестве предмета анализа нами выделены сетевые технологии, при анализе которых мы будем подразумевать, в первую очередь, когнитивные и информационные технологии, взятые в их социальном преломлении, исходя так же из сетевой морфологии самих НБИКС-технологий.

Сложная сеть распределённой субъектности в рамках развития и применения НБИКС-технологий порождает множественность вариантов определения нормативного в сфере сетевых технологий. Подобные границы допустимости мы называем аффордансом. Аффорданс в данном случае представляет собой совокупность возможностей тех связей, практик, отношений, а также значимого отсутствия других связей и т.д., которые предусмотрены структурной морфологией нетворкинга (выстраивания материально-семиотической сети) на соответствующем уровне.

Определяемые аффордансом нормативы, паттерны распределяются сообразно различным уровням субъектности, что порождает явление гетеронормативности. Гетеронормативность мы понимаем как сложносистемный феномен социального пространства сетевых технологий, определяемый множественной распределённостью различных социально конструируемых и конвенциональных паттернов деятельности, практик и допустимых пороговых значений (что относится не только к социальным объектам, индивидам, но и техническим, биологическим, информационным системам и акторам т.д.). Под допустимыми пороговыми значениями мы понимаем некие точки фазового перехода, достижение которых приводит к катастрофе и разрыву сети. Здесь актуально обращение к социологии риска У. Бека. Бек отмечал, что в условиях незначительного, но множественного (по совокупности различных параметров) отставания от допустимого порогового значения нет формальных оснований рассматривать состояние как критическое; вместе с тем подобное состояние системы обладает значительной рискогенностью [4]. Исходя из этого, можно заключить, что конвенциональность нормативов определения допустимых пороговых значений задаёт некую их условность. Различность подобных норм закладывает особую структуру рисков в социальном пространстве сетевых технологий.

На основе спецификации инновационных характеристик сетевых технологий, к которым мы относим: расширение форм социальной организации, развитие новых форм субъектности, ориентацию на порождение нового знания, использование современных информационно-коммуникативных ресурсов, нами далее предложен эскиз модели социально- сетевого взаимодействия в рамках социального пространства сетевых технологий. Данная модель основана на конвергенции рисков и перспектив развития сетевых технологий, которые, таким образом, рассматриваются как целостная самоорганизующаяся сфера, все акторы которой организованы по сетевому принципу. Модель определяется через совокупность отдельных параметров, в числе которых мы выделяем: маркеры

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ, проект №15-18-10013 «Социо-антропологические измерения конвергентных технологий»

социального действия/взаимодействия, маркеры технологического действия/взаимодействия, основные точки структурной устойчивости социального пространства сетевых технологий.

К ключевым маркерам социального действия можно отнести: режим вовлечённости, интенцию на результат, распределённость субъектности в образуемой сети. Социальное действие в первую очередь относимо к физическому уровню социального пространства, где взаимодействие не предполагает обязательного участия других пользователей. В этом случае принципиально важен режим вовлечённости пользователя в диалог с гаджетом, его ориентацию на результат, его активируемые цели, социальные аспекты контента.

Социальное взаимодействие в чистом виде начинается на уровне собственно социального пространства и предполагает, кроме уже имеющейся техники, также участие других акторов. К маркерам социального взаимодействия следует отнести – диалогичность/полилогичность коммуникации, продукты совместных коммуникативных практик, опосредованный характер коммуникации, социальные возможности и риски.

Маркеры технологического действия – возникающие формы и фреймы взаимодействия с техникой, используемый программный код, вид деятельности, реализуемой в сети.

Маркерами технологического взаимодействия выступают распределённая когнитивная сеть, информационные сети, интерфейсы взаимодействия, программное обеспечение.

Разработанная типология форм соотношения акторов, практик и ресурсов в общей структуре социального пространства сетевых технологий позволяет наметить контуры решения двух важнейших практико-ориентированных задач: 1) специфицировать социогуманитарные риски и перспективы развития сетевых технологий, 2) определить основные методы оптимизации взаимодействия и взаимовлияния основных субъектов социального пространства сетевых технологий и рискогенных факторов.

К наиболее значимым социогуманитарным рискам развития сетевых технологий можно отнести следующие: зависимость человека от технологий и вытеснение его последними, отчуждение, формирование клипового мышления, снижение уровня информационно-коммуникативной культуры, примитивизацию когнитивной активности.

Направления нивелирования рисков лежат в местах сгиба субъектностей - тех точек структурного сопряжения двух и более уровней субъектности и онтологического статуса тех вещей и объектов, которые являются разнородными и образуют сеть, оставаясь при этом по-прежнему равными по своему статусу. К подобным направлениям нивелирования рисков можно отнести:

- минимизацию техногенных и природных рисков;
- формирование системы социогуманитарной экспертизы сетевых технологий;
- закрепление онтологической демаркации категорий виртуального/реального в нормативно-правовых актах;
- активное применение практик самоуправления сетевых сообществ на основе привлечения сетевых технологий WEB 3.0 по формированию, мониторингу, социальной актуализации и применению нового контента.

Типологизация стратегий управления рисками подразумевает типологизацию самих рисков. Так, нами выделяются следующие типы рисков [2]: природные, техногенные, информационные, социокультурные, политико-правовые, идеологические, риски стратегического развития.

Стратегии управления рисками определяются двумя параметрами: технологией и практикой преодоления разрывов сети. Исходя из этого, мы выделяем два вида стратегий: конструктивные и деструктивные. Конструктивные стратегии связаны с выработкой технологий, развивающих новые формы связи между акторами и оптимизирующих динамическое равновесие в сети. Деструктивные стратегии связаны с элиминацией из сети соответствующих элементов, ведущей к её упрощению и ослаблению. Это связано с возрастающей гомогенностью сети и её ригидностью в отношении к вызовам окружающей среды.

Библиографический список:

1. Социо-антропологические измерения конвергентных технологий. Методологические аспекты: Коллективная монография / отв. ред. И.А. Асеева, В.Г. Буданов. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2015. С. 211-231.
2. Социо-антропологические измерения конвергентных технологий. Онтологии и коммуникации: Коллективная монография / отв. ред. И.А. Асеева, В.Г. Буданов. Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2016. С. 179-199.
3. Kamensky E.G., Boev E.I. An innovation civilization in the context of the anthroposphere crisis of the technogenic society //Asian Social Science. 2015. Т. 11. № 4. С. 328-335.
4. Бек У. Общество Риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника и Н.Фёдоровой; Послесл. А.Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

СОВРЕМЕННЫЙ МИР: В ПОИСКАХ МОДЕЛИ «ВЕЧНОГО МИРА»

Гузенина С.В.

Первые десятилетия века нынешнего со всей очевидностью показывают актуальность непрекращающихся попыток поиска универсальной модели сохранения столь хрупкого на сегодняшний день мирного сосуществования, желаемого для всех поколений, стран, народов и культур, отраженной в известной мысли Иммануила Канта о «вечном мире» [1]. Отметим при этом, что духовное наследие XX столетия не может быть предано забвению за гранью календарного времени, в современность перешагнули не только культурная и социальная память, но также и ценностный багаж особого периода, который по праву может быть назван целой эпохой.

XX век принес реальные плоды эпохи Просвещения, которые не могут быть оценены однозначно, поскольку в их числе как мировые войны, революции, тоталитарные режимы, экономические и экологические кризисы, так и практические открытия, технические изобретения, знаменующие выход человека в космос, победа над неизлечимыми ранее болезнями, рождение новых научных теорий. Именно в начале XX века были высказаны первые идеи взаимодействия человека и окружающей его среды: «тектология» А. Богданова, теория «косых волн» А. Кондратьева, идея «лучистого человека» К. Циолковского и «ноосферы» В. Вернадского.

XX век знаменателен формированием и крахом фашизма как одной из крайних идеологий, направленных на уничтожение человека человеком. Однако в начале XXI века мы наблюдаем особую трансформацию в культуре, новый дух. Глобализация предполагает и реально демонстрирует размывание всяческих традиций, а потому «строится ничья культура, у нее нет субъекта, за нее никто не несет ответственности, в этом смысле она может быть какой угодно: бездуховной, низкой, злобной, разрушающей. Если эта культура ничья, то никто не обязан овладевать ею, развивать ее, улучшать ее» [2]. Оформившаяся в последней трети XX века в философии и культуре постмодерна концепция постмодернизма транслирует в своих главных тезисах не неэтику, но особый духовный мир явного имморализма, внеценностного пространства-хаоса и калейдоскопично мерцающих смыслов. В духе сверхчеловека Ф.Ницше, мораль в философии постмодернизма видится неким пережитком, рудиментом, практически архаизмом, который должен быть оставлен на задворках исторического прошлого [3].

Само понятие «мораль» происходит от латинского слова *mores*, означающего применение чего-либо на основе общепринятого - общих ценностей и традиций. Глобальная мораль подразумевает оценку тех или иных действий на мировой арене с точки зрения того, насколько происходящее правильно или неправильно, нравственно или безнравственно. Но до сих пор и в современном мире нет ответа на вопрос: универсальны или обусловлены культурными особенностями моральные нормы? Сегодняшний мир охвачен войнами, в этой связи проблемы морали особенно остро стоят в ситуации вооруженных конфликтов, тем не менее, в настоящее время нет однозначного ответа по вопросам морали в международных отношениях и мировой политике.

В теории международных отношений сосуществуют три основные традиции: скептицизм в отношении морали, космополитизм (наиболее тесно связанный с кантовским тезисом о существовании единой морали) и коммунитаризм, отвергающий однозначные решения. Отметим также амбивалентность концепции гуманитарной интервенции и феномен морального парадокса. Первая фиксирует возможность (при определенных условиях) вмешательства в дела суверенного государства, несмотря на принцип суверенности, определенный международным правом и обозначенный в Уставе ООН; второй постулирует доблесть убийства противника во время войны, невзирая на то, что убийство практически в любом обществе и культуре рассматривается как одно из тяжчайших преступлений. В этой связи, как ответ на неоднозначность военных решений, в современном мире наблюдается рост пацифизма, отрицающего любые насильственные методы; растет роль дипломатии и переговоров в развитии и укреплении международного сотрудничества, идет поиск новейших способов разрешения международных конфликтов.

В XX веке — начале XXI столетия в научном пространстве важнейшее значение приобретает концепт «урбанизация». Явление урбанизации, как отмечает исследователь К.И. Политкина [4], тесно связано с глобальными процессами индустриализации, изменением демографической структуры населения, образа жизни, культуры, духовных ценностей, ускоренного внедрения инноваций. Здесь же обозначается появление в урбанизированном пространстве и промежуточной культуры, а также и целого комплекса проблем, связанных с маргинальными, сложно опосредованными отношениями между горожанами. Контакты в городе, даже если происходят лицом-к-лицу, являются безличными, поверхностными, мимолетными и сегментарными. Скрытность, равнодушие и безразличный вид, проявляемые горожанами во взаимоотношениях друг с другом рассматриваются, с точки зрения социологов, как средства, помогающие оградиться от личных притязаний и ожиданий других. Преимущественно современный город несет на себе и черты таких социальных девиаций как наркомания и алкоголизм, проституция, бездомность, суицидальность. Таким образом, урбанизация отождествляется сегодня не только с радостью избавления от физического труда и сельского образа жизни, но и с серьезными социально-психологическими, экономическими, духовно-нравственными коллизиями.

Сложными очагами современной реальности остаются также проблемы, прямо или косвенно связанные с международным терроризмом, бедностью, миграцией, загрязнением окружающей среды, опасностями пандемий и угрозой ядерной катастрофы. Тем не менее, страны и народы всего мира не теряют надежду на возможность формирования универсального механизма его сохранения, доверяя определить социальную и духовную матрицу будущего молодому поколению. С целью поиска и осуществления будущих политических, экономических, межкультурных и научных проектов нового мира, в октябре этого года в России состоялся XIX Всемирный фестиваль молодёжи и студентов в г. Сочи, собравший делегатов из 188 стран.

На открытии фестиваля были обозначены актуальные социальные вопросы современности, касающиеся: поиска экологического равновесия и избавления от замусоривания планеты; сохранения здоровья и возможности получения медицинской помощи, борьбы с неизлечимыми болезнями; доступа к начальному, среднему и профессиональному образованию; преодоления бедности, голода и бездомности; рисков глобальной виртуализации.

Российская Федерация, как самая большая страна мира, предложила молодым участникам Всемирного фестиваля задуматься о возможной новой социальной модели будущего, включающей в себя нравственно-социальную ответственность каждого. Социальные проекты, представленные делегатами фестиваля, ясно показали реальность т.н. «вечного мира», когда он начинается с каждого, то есть с самого себя. Россия, таким образом, уже сегодня сделала реальный шаг к удержанию планеты на орбите разума и добра, сохранению жизни и хрупкого, многообразного и по-настоящему очень сложного мира, который передается в руки молодого поколения XXI века.

Библиографический список:

1. Кант И. К вечному миру. Электронный ресурс URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_miru.pdf (вход: 23.10.2017).
2. Байдаров Э.У. Влияние глобализации на культуру и ценности человека // CredoNEW Теоретический журнал. 2005. № 4. С. 5.
3. Гузенина С.В., Слетков И.А., Иванишин А.А., Ежов С.Ю. Легко ли быть молодым: к вопросу о значимых факторах молодёжного сознания // В мире научных открытий. 2015. № 7.9. С. 3400-3409.
4. Политкина К.И. Очерки становления урбанистической теории [Текст]: [учебное пособие] / К.И. Политкина; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет», Кафедра инноватики, маркетинга и рекламы. Пятигорск: ПГУ, 2016. 178 с.

БИПОЛЯРНОЕ ПРИРОДОМОДЕЛИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Двойнев В.В., Егоров А.Г.

Тщательное изучение отечественных и зарубежных социально-научных концепций экологического сознания выявляет в большинстве из них достаточно одностороннее восприятие окружающей среды как объекта воздействия человека и общества. В них не учитываются свойства окружающей среды (природы) как субъекта, способного воздействовать на социум и его акторов. С учетом данного аспекта, социально-научное (социологическое) определение феномена «экологическое сознание» представляется возможным сформулировать как восприятие и осознание индивидуальными и коллективными субъектами окружающей природной среды как партнера по социальному взаимодействию, которое складывается из аффективно-оценочного, когнитивного, поведенческого и социально-нормативного компонентов [1].

Аффективно-оценочный компонент экологического сознания предполагает оценочное отношение индивидуальных и коллективных акторов к актуальной экологической проблематике, выражающееся в чувствах и эмоциях. Когнитивный компонент экологического сознания представляет собой естественнонаучные знания социальных акторов о причинах экологических проблем, знания о том, как не наносить вред природной окружающей среде, а также опыт, накопленный в этом вопросе. Социально-нормативный компонент экологического сознания включает в себя коллективные ценности и социальные нормы, относящиеся к защите окружающей среды и осуществлению оптимальной экологической жизнедеятельности, принятые в обществе. Поведенческий компонент экологического сознания выражается в намерениях экологического поведения, открытом экологическом поведении социальных акторов, их готовности к экологической деятельности и ее осуществлению [1].

В опоре на данное определение экологического сознания и характеристику его структурных компонентов в данной статье предпринимается попытка создания четырехкомпонентной биполярной модели экологического сознания. Отечественными и западными социологами накоплен определенный опыт создания моделей экологического сознания [5, с. 59-63; 6, с. 363-377], который также учитывается при разработке настоящей модели. Кроме того, авторы принимают во внимание опыт социологического изучения экологического сознания местного сообщества города Смоленска и региональных практик его модернизации, действующих в Смоленской области [2, с. 142-146; 4, с. 112-136].

Биполярность предлагаемой модели заключается в том, что на одном полюсе находится традиционное антропоцентрическое экосознание, сформировавшееся на протяжении многих столетий, тогда как на другом полюсе в условиях серьезного обострения экологической ситуации возникает требование современного «нового» экосознания, базирующегося на биоцентрическом эгалитаризме [3, с. 128], что также не противоречит приведенному выше определению. Таким образом, природомоделирование экологического сознания осуществляется методом присвоения его компонентам характеристик, присущих каждому из указанных полюсов.

На полюсе традиционного антропоцентрического экосознания его аффективно-оценочный компонент предстает следующим образом: социальные акторы не испытывают серьезной обеспокоенности состоянием окружающей среды и тревоги за перспективы существования будущих поколений при одновременном выражении любви к природе. Когнитивный компонент манифестируется в отсутствии либо низком уровне знаний о природе, о том, что может нанести ей ущерб и о том, как это предотвратить. Социально-нормативный компонент предполагает в качестве высшей ценности человека, возносит его над природой, легитимирует прагматическое отношение к ней. Поведенческий компонент реализуется в практиках бездумного загрязнения и уничтожения естественной окружающей среды и расточительства в отношении природных ресурсов.

На полюсе современного биоцентрического экосознания его компоненты приобретают качественно новые свойства. Аффективно-оценочный компонент выражается в крайней обеспокоенности ухудшением экологической обстановки и осознанием опасности для здоровья последующих поколений, любовь к природе предстает в трезвом понимании необходимости ее защиты и устойчивого развития. Когнитивный компонент проявляется в усвоении правил эффективного и экологичного природопользования, приемов сокращения вредной нагрузки на окружающую среду, современных технологий управления отходами и т.д. Социально-нормативный компонент отражает принятие позиции о том, что существование обществ вне здоровой природной среды практически невозможно; на первый план выходит признание в качестве фундаментальной ценности устойчивой коэволюции системы «общества – природа» и того, что природа является равноправным субъектом взаимодействия внутри данной системы. Поведенческий компонент обнаруживает соблюдение нормативных актов, нацеленных на защиту окружающей среды и сохранение природных ресурсов, реализацию практик безвредного экологического поведения в повседневной жизни, активное участие в природоохранных мероприятиях и т.д.

Эмпирическая проверка биполярной четырехкомпонентной модели экологического сознания предполагает более глубокую операционализацию представленных компонентов с целью установления конкретных эмпирических показателей, позволяющих в ходе социологических исследований (опросов, тестирования, наблюдения) выявить группы социальных акторов, полярно отличающихся друг от друга уровнем и качеством экологического сознания. Кроме того, закономерной и интересной представляется методологическая проблема выявления социальных акторов с экосознанием, потенциально находящемся внутри континуума, ограниченного полюсами традиционного антропоцентризма и биоцентрического эгалитаризма.

Библиографический список:

1. Двойнев В.В. Экологическое сознание городского населения: состояние и перспективы развития // Автореф. дисс. канд. социол. наук. Смоленск, 2009.
2. Двойнев В.В. Экосознание местного сообщества: пути оптимизации // Известия Смоленского государственного университета. 2008. № 2. С. 142-146.
3. Кочергин А.Н., Егоров А.Г. Социальные трансформации: история и современность: учебное пособие. – Смоленск: Издательство СмолГУ, 2016. 386 с.
4. Социокультурные особенности региональных практик модернизации: монография / под ред. А.Г. Егорова. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2016. 160 с.
5. Яо Л. М. Опыт создания модели экологического сознания российского общества // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 59-63.
6. Urban D. Was ist Umweltbewusstsein? Exploration eines mehrdimensionalen Einstellungskonstruktes // Zeitschrift für Soziologie. 1986. Nr. 15(5). S. 363-377.

ДАЕШЬ ОБРАЗОВАНИЕ МОЛОДЕЖИ И ТЕРЯЕШЬ ЕЕ: МЕХАНИЗМЫ СОХРАНЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КАПИТАЛА В СТРАНЕ

Иванова Н.Г.

Потери страны от «утечки мозгов» и оттока ноу-хау уже превысили \$1 трлн. [1] 15% выпускников такого вуза, как физтех (МФТИ), а это 1,5 тысячи человек, уезжают сразу после его окончания, то есть только с одного вуза мы теряем 1,5 млрд долларов в год. Это самый оптимистичный сценарий, другие исследователи называют цифры в 50%. В связи с этими данными, очевидной становится проблема преодоления утечки мозгов в России. Это не только наша проблема. По утверждению Ч. Хэнди, это проблема глобального мира: «Даешь образование молодежи и теряешь ее» [2].

Объектом нашего исследования мы обозначили сам процесс утечки мозгов, т.е. миграцию высококвалифицированных специалистов.

Предметом являются механизмы сохранения образовательного капитала этих специалистов в России.

Задачи:

- разработать механизм сохранения образовательного капитала молодых специалистов в России;

- обозначить сдерживающие факторы борьбы с утечкой мозгов;

- выделить привлекающие факторы борьбы с утечкой мозгов.

Во-первых, следует оговорить, что выделяют сдерживающие факторы борьбы с утечкой мозгов и привлекающие. Заславская Т.И. называет их процессами-ингибиторами.

Главными сдерживающими факторами можно считать следующие:

- ментальные особенности, различия в языке;
- трудности социальной адаптации за границей;
- трудность приспособления к традициям и нравам другой страны;
- незнание обычаев, законов других стран;
- нехватка информации;
- неразвитость транспорта и транспортные расходы;
- расходы, связанные с устройством на новом месте жительства;
- государственные ограничения миграции;
- проблема легального трудоустройства за рубежом;
- обремененность семьей, собственностью, бизнесом;
- страх потерять основную работу;
- отрыв от привычного уклада жизни, друзей и родственников [3].

Характерным для России сдерживающим фактором является наш Военно-промышленный комплекс с его наукой. Оттуда не уезжают по причине секретности.

Главный привлекающий фактор – чувство патриотизма. Уезжать должно стать не модным и не престижным. Для достижения этой цели не надо стесняться использовать СМИ и пропаганду. Но следует быть осторожным, чтобы избежать идеологического кризиса. Очень хорошо данную идею сформулировал в своей инаугурационной речи Дональд Трамп: «Мы не стремимся навязать кому-либо свой образ жизни, но стремимся к тому, чтобы он сиял в качестве примера» [4].

Чтобы на сохранение национального образовательного капитала был направлен еще и корпоративный патриотизм [5] больших национальных компаний, а также, чтобы привлекать молодых и высококвалифицированных специалистов, мы должны создавать и развивать наши корпорации – международные и национальные, а также привлекать МНК для создания мощных филиалов на нашей территории с соответствующей инфраструктурой.

Первые МНК появились в XVI в., в эпоху великих географических открытий и множились с развитием транспорта и связи. Сегодня они являются локомотивом современной экономики.

Российские МНК могли бы стать достойной альтернативой западным компаниям для трудоустройства наших специалистов.

МНК несет в себе важнейшую функцию подготовки персонала различных стран к изнуряющей и эффективной работе (внутренняя функция МНК) [6]. Создавая МНК, мы сможем не просто сохранить львиную долю образовательного капитала в России, но и поднять производительность труда. МНК задают направления и ставят невидимую планку в развитии человечества.

Также своевременным шагом на пути борьбы с утечкой мозгов нам кажется создание инновационных сообществ по типу Сколково и Иннополиса. Там люди имеют сравнительно высокую зарплату и социальный статус, а, главное, им интересно.

Охота идет за головами, за учеными, которые могут придумать что-то свое, что-то новое. Мы должны создавать для своих ученых и специалистов достойные условия труда, ведь им, как и нам, не хочется проводить всю жизнь на Западе.

Библиографический список:

1. Шалманов С. Россия потеряла от «утечки мозгов» \$1 трлн. Режим доступа: <http://www.silicontaiga.ru/home.asp?artId=1449> (дата обращения: 27.05.17).
2. Хэнди Ч. Слон и блоха: Будущее крупных корпораций и мелкого бизнеса. М., 2004. 136 с.
3. <http://www.studfiles.ru/preview/5406607/> (дата обращения: 27.05.17).
4. Read Donald Trump's Full Inauguration Speech URL: <http://time.com/4640707/donald-trump-inauguration-speech-transcript/> (дата обращения: 27.05.17).
5. Барков С.А. Национальный и корпоративный патриотизм как факторы социально-экономического развития // Народонаселение. 2008. № 3. С. 35.
6. Барков С.А. Альтернативные направления глобализации как культуuroобразующего процесса // Предпринимательство. 2008. № 5.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНОЙ МОДЕЛИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ*

Иванова Т.Н., Цветкова И.В.

Дискурс-анализ позволяет изучать взаимосвязи знаковых систем с социальной реальностью. Дискурс – социально обусловленная и культурно закрепленная система рационально организованных правил словоупотребления и взаимоотношения отдельных высказываний в структуре речевой деятельности [1]. Высказывания рассматриваются с позиции того, как в них под влиянием социальной реальности порождаются смыслы. Дискурс обладает относительной самостоятельностью в социальной системе, он может развиваться под влиянием семиотических закономерностей. Коммуникация по поводу высказываний, даже если они не связаны с реальным положением дел, порождает новые высказывания. Дискурс не только характеризует различные виды социальных отношений, но и создает особые виды практик, по воспроизводству коммуникации.

Дискурс-анализ современные исследователи определяют как междисциплинарное методологическое направление интерпретации социальных и политических коммуникативных процессов. Термин «дискурс» обозначает специфический способ общения и понимания мира, который проявляется в высказываниях людей. Дискурс позволяет изучать высказывания в тесной взаимосвязи с социальной практикой [2]. Дискурс-анализ, в таком случае, понимается как анализ паттернов, которые обуславливают высказывания людей в различных сферах социальной жизни [3].

Метод направлен на то, чтобы показать, что язык и социальная структура взаимно влияют друг на друга, хотя это часто остается вне поля зрения [4]. Задача дискурс-анализа состоит в том, чтобы выявить глубинные смыслы социальной коммуникации, обеспечивающие достижение, в конечном счете, объективного социального знания.

В данной работе мы опирались на структурно-функциональную методологию дискурс-анализа. Она дает возможность рассматривать дискурс как социально-семиотическое образование,

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного № 17-46-630560 «Концептуальная инновационная модель социо-эколого-экономической системы Самарского региона»

самоорганизующуюся систему [9]. Дискурс-анализ позволяет проанализировать высказывания в соотношении со структурой коммуникативного действия. Методология интегративного дискурс-анализа включает выделение следующих аспектов: семиотического, деятельностного, материального, политического и социокультурного [10].

Структурно-функциональная модель дискурс-анализа, которая предполагает выделение семиотических, деятельностных, материальных, политических и социокультурных функций дискурса, во многом опирается на концепцию Т.А. Ван-Дейка. Она нашла широкое применение в исследованиях современных российских социологов [5].

Семиотическая функция дискурса позволяет установить взаимосвязи между «знаковыми системами» (знаками, образами, символами) и социальным контекстом. Анализ семиотической функции дискурса состоит в исследовании взаимосвязей знаковых форм с конкретными условиями места и времени. Реализуя эту функцию, дискурс может отображать прошлый опыт, систематизировать и обобщать знания о настоящем. Благодаря этому он репрезентирует информацию, которая позволяет осознавать проблемы, находить рациональные способы их решения. Однако под влиянием системы коммуникации дискурс может преследовать собственные цели. Подчинение требованиям знаковой системы приводит к тому, что дискурс создает и воспроизводит знаки, которые отображают другие знаки. Это влияет на конструирование социальной реальности. В этом случае, дискурс направлен на описание неопределенного будущего, которое слабо связано с настоящим.

Анализ деятельностного аспекта дискурса представляет выявление различных социальных действий, направленных на поддержание существующих коммуникативных систем и на создание новых смыслов. Деятельностная функция дискурса обеспечивает обмен информацией и знаниями между участниками социальных отношений. Примером может служить создание форм отчетности, которые не соответствуют действительности, но считаются необходимыми для задач управления.

Исследование материального аспекта дискурса направлено на описание ресурсной базы социальных взаимодействий. Материальная функция дискурса под влиянием потребностей социальной системы направлена на характеристику условий и ресурсов, необходимых для осуществления деятельности. Однако материальная функция дискурса может быть использована либо для того, чтобы скрыть реальное положение ресурсной базы, либо для оправдания того, почему заявленные цели не были реализованы.

Политические аспекты дискурса формируют и воспроизводят властные отношения в обществе. Выделение политических функций дискурса вытекает из понимания политики как особой сферы социальной жизни. Властные отношения пронизывают все сферы и уровни социального взаимодействия, это находит воплощение в системе высказываний. Двойственность политической функции дискурса проявляется в характере политических стратегий.

Анализ социокультурной функции дискурса включает изучение взаимосвязей знаний, ценностей, социальных установок, которые существуют на различных уровнях социальной системы. Под влиянием потребностей социальной системы социокультурная функция дискурса может оказывать влияние на трансформацию социальных институтов. Изменение ценностей приводит к преобразованию стимулов, социальных норм, потребностей.

Анализ функций, представленных выше, позволяет исследовать структуру дискурса. Это дает возможность сформировать теоретические модели дискурса, а также провести их сравнительный анализ.

В условиях процессов глобализации, становления постиндустриального и информационного общества происходит формирование концепции инновационного развития. Информационные технологии создают новые способы воздействия на массовое сознание. Средства массовой информации, реклама влияют на мотивы, поступки, как социальных групп, организаций, так и отдельных индивидов. Данное влияние подчас оказывается настолько мощным и изощренным, что люди не всегда отдают отчет в том, что повлияло на выбор ими определенного товара или мотивировало модель поведения в определенной ситуации. Глобализация, по мнению И. Валлерстайна,

«...является в действительности гигантской лжеинтерпретацией современной реальности – обманом, навязанным нам властными группами и, даже хуже, обманом, который мы сами себе навязали, зачастую от отчаяния» [11]. Это понятие характеризует не прогрессивные тенденции развития цивилизации, а кризисные явления капиталистической мир-системы. Этот вывод И. Валлерстайн делает на основании методологии экономических циклов, разработанных Н.Д. Кондратьевым.

Анализ семиотической функции дискурса предполагает выявление связей высказываний об инновационном развитии с социальным контекстом. Разработка концепций инноваций в зарубежной науке изначально была связана с изучением тенденций экономического развития. Й. Шумпетер анализировал инновации как необходимое условие и сущность современной экономики. Инновации, по его мнению, выражаются в пяти комбинациях: как изменение с целью внедрения и использования новых потребительских товаров, новых производственных, транспортных средств, рынков и форм организации в промышленности [7]. Инновационное развитие предстает как непрерывный процесс изменений уже существующих или вновь создаваемых продуктов и технологий, которые способны обеспечить высокий уровень конкурентоспособности предприятий.

В концепции Б. Твисса подчеркивается значение инноваций для обновления предыдущей деятельности или процесса, в котором идея приобретает экономический смысл [8]. Инновационное развитие предприятий характеризуется творческой предпринимательской активностью, проявляющейся в процессе создания и внедрения новых продуктов, методов, приемов, технологий, созданных на основе соблюдения потребительских предпочтений с учетом изменения качества потребностей. Таким образом, субъектами инновационной активности являются предприятия, заинтересованные в производстве новых продуктов, внедрении новых технологий.

Семиотическая функция дискурса инновационного развития в работах западных исследователей ориентирована на описание деятельности экономического субъекта, который испытывает влияние макроэкономических факторов.

Дискурс-анализ концепций зарубежных ученых позволяет сделать вывод о существовании целостной интертекстуальной структуры инновационного развития. В ней все элементы гибко связаны между собой. Семиотические функции дискурса служат организации деятельности субъектов экономических отношений по преодолению проблемам пределов роста и влияния факторов глобализации. Деятельностный аспект дискурса инновационного развития ориентирован на осуществление эффективного управления в условиях повышенного риска и возрастающей неопределенности под воздействием макро- и микро-факторов. Анализ структуры дискурса на основе трудов зарубежных ученых позволяет сконструировать сетевую модель инновационного развития. Все функциональные элементы дискурса взаимодействуют друг с другом на основе гибких взаимосвязей, выражающих интересы бизнеса, государства, ученых, производителей и потребителей и т.д. Сетевая структура инновационного развития репрезентирует практические действия, направленные на преодоление кризисных явлений в экономике.

Библиографический список:

- 1.Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
- 2.Йоргенсон М, Филипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод/Пер. с англ. 2-е изд. испр. Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр». 2008.
- 3.Волохонская М.С. Дискурс-анализ как метод исследования доверия в интернет-коммуникации// Материалы научно-практической заочной конференции «Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей». СПб.: Издательство НИИРРР. 2011. С. 197-201.
- 4.Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 2009.
- 5.Гавра Д.П., Ипатова Н.А. Использование концепции дискурсивных практик Т.А. Ван Дейка в исследованиях социальных явлений // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Том XI. № 1. С.127-135.

6. Местников А.А. Инновационный дискурс как фактор модернизации российской экономики // Инновации. 2010. №3(137). С.54-57.
7. Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия / Пер. с нем; пер. с англ. М.: Эксмо, 2008.
8. Твисс Б. Управление научно-техническими нововведениями: Сокр. пер. с англ. / Авт. предисл. и науч. ред. К.Ф. Пузыня. М.: Экономика, 1989.
9. Кожемякин Е.А. Дискурсный подход к изучению культуры // Современный дискурс-анализ. Научный журнал. URL: <http://discourseanalysis.org/ada1/st6.shtml> (дата обращения: 20.10.2017).
10. Gee J.P. An Introduction to Discourse Analysis // Theory and Method. London: Routledge. 1999.
11. Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? // International Sociology. 2000. № 2. P. 210-261.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА

Игбаева Ф.А.

Демографическое воспроизводство населения представляет собой процесс возобновления половозрастных групп, их соотношение и распределение по территории и типам поселений, а также внутривидовые и территориальные перемещения индивидов и социально-демографических групп. На уровне отдельного поселения воспроизводство населения сводится к возобновлению его демографической структуры и ее изменениям в связи с естественной убылью и миграцией.

Демографическая структура города в известной мере предопределяется экономической, но никогда полностью с ней не совпадает в силу действия «возмущающих» факторов: экологических, географических, политических и других. Диспропорции в самой демографической структуре, в ее соотношении с рабочими местами, потребительской и культурной сферами города вызывают к жизни разнообразные последствия [1, с. 29].

Одним из основных путей регулирования естественного воспроизводства населения и трудовых ресурсов в городе является формирование благоприятной половозрастной структуры, поскольку среди факторов прямого воздействия на рождаемость решающее значение имеет оптимальное соотношение населения по полу и возрасту, особенно в молодых дееспособных возрастах. Поэтому размещение и развитие производств с мужской и женской занятостью должно быть сбалансировано, т.е. необходимо создать в городе равновесие в использовании мужского и женского труда.

Кроме того, интенсивность рождаемости в каждый конкретный период в значительной степени зависит от доли женщин в возрасте 20-29 лет, так как на эту группу приходится более 60% всех рождений. Поэтому там, где сложилась более совершенная половозрастная структура населения, особенно в молодых, генеративных возрастах, и где выше удельный вес возрастной группы 20-29 лет в общей численности детородного контингента, при прочих равных условиях естественное воспроизводство населения будет интенсивнее [2, с. 53].

Таким образом, регуляция демографического воспроизводства населения города должна охватывать две группы вопросов: а) регулирование режима воспроизводства; б) регулирование соотношения демографических групп внутри структуры с помощью миграции.

Первая группа проблем включает в себе следующие направления:

- создание необходимых условий для деторождения с помощью стабилизации семейно-брачных отношений, медицинского обслуживания, нормальных жизненных условий;
- оптимизация процесса старения, его естественной убыли за счет экономических и социально-психологических факторов, развития физической культуры, санаторно-курортного лечения, физического и психического самообеспечения населения и здравоохранительных организаций;
- борьба с общественными патологиями (самоубийства, алкоголизм, наркомания, преступность), наносящие огромный вред физическому и нравственному здоровью населения.

Вторая группа вопросов связана с достижением оптимальных соотношений между половозрастными группами в составе населения города. На практике решение этих вопросов возможно с помощью следующих мер:

- планомерное создание новых рабочих мест и реконструкция старых в соответствии с демографическим составом населения города и требованиями рынка;
- прогнозирование потребностей отраслей экономики и социальной политики в кадрах;
- обеспечение востребованности выпускников высшего образования для работы по полученным специальностям;
- создание оптимального набора отраслей, предприятий, сфер приложения труда для специфических групп населения: молодежи, женщин, пенсионеров;
- создание условий для ослабления или усиления миграций конкретных категорий населения в зависимости от состояния и перспектив социально-экономического развития города, сокращение уровня безработицы [3, с. 75].

По мнению экспертов, главный путь преодоления демографического кризиса – это значительное увеличение количества семей с тремя и более детьми. Поэтому для многодетных семей должен быть создан режим наибольшего благоприятствования [4, с. 131].

Вместе с тем город не является замкнутой социально-демографической системой, самовоспроизводящей самоё себя. Выборочные исследования, проведенные в г. Уфе, показали, что среди нынешних взрослых городских жителей примерно каждый второй – горожанин первого поколения, при этом более половины опрошенных (55,6%) составляют выходцы из села и 18,6% – выходцы из малых городов и рабочих поселков. Это говорит о том, что формирование населения крупного города идет за счет пришлого, главным образом сельского населения [5, с. 52].

Какое значение данный факт имеет для воспроизводства населения? Прежде всего, оно состоит в том, что определенная часть семей, изменивших свой статус, сохраняют прежние репродуктивные установки, которые были сформированы во время жизни на селе. Как показывают исследования демографов различных стран, ориентация на определенное число детей в семье закладывается в детском и юношеском возрасте, причем эти установки обладают значительной устойчивостью. Прошлые условия жизни, старые установки в репродуктивной сфере в известной степени воспроизводятся уже в новой социальной среде.

Перемещение сельских жителей в города приводит к изменению образа жизни, восприятию новых стандартов поведения, однако это происходит не сразу. Причем изменение мнений о желаемом количестве детей в семье зависит от длительности проживания супругов в городе, от уровня их образования и квалификации. В крупном городе уровень образования и квалификации выше, чем в малых городах. Однако здесь возникает противоречивая ситуация: уровень образования и квалификации далеко неоднозначно сказываются на уровне рождаемости, но находятся в прямой связи с разводимостью. Значит, какая-то часть горожан, прибывшая из села и пополнившая ряды малоквалифицированных рабочих, отличается интенсивным воспроизводством, другая – более образованная и квалифицированная, имеющая высокие запросы и требования к браку и семье, слабо участвует в воспроизводственном процессе, но очень активно в процессе распада семей [6, с. 379].

Для крупных городов характерным является повышенный уровень разводов и более низкий уровень рождаемости (в пределах 14-15 промилле). Несмотря на то, что в результате интенсивной миграции происходит «омоложение» населения крупных городов и создаются предпосылки для высокого уровня брачности, повышенная разводимость разрушает эти предпосылки. Регулирование процесса воспроизводства населения можно осуществлять главным образом косвенным путем, посредством воздействия на другие социальные процессы. Рассмотрим это на примере миграции населения.

Миграционная подвижность, по всей вероятности, ускоряет социальную подвижность населения. Вместе с тем характер естественного воспроизводства населения может как стимулировать, так и сдерживать интенсивность миграционных перемещений. Например, повышенная доля молодежи и высокий уровень разводимости создают дополнительные предпосылки для миграции. С другой

стороны, масштабы миграции могут отразиться на уровне рождаемости: худшие жилищные условия у переселенцев, общая нестабильность могут вызвать отложенный спрос на детей. Видимо, миграционная подвижность населения временно может привести к изменению сроков появления первого или второго ребенка, но вряд ли предопределяет количество детей в семье. Как уже было отмечено, выходцы из сельской местности в городе изменяют свои репродуктивные установки, правда, не сразу. Что же касается коренных жителей – потомственных горожан, то именно они являются носителями типичных стереотипов городского образа жизни, в том числе негативного отношения к большому количеству детей в семье. Вероятно, именно это обстоятельство и предопределяет различия в численности детей у потомственных горожан и горожан первого поколения [7, с. 142].

Значит, влиять на уровень рождаемости возможно не только при помощи таких материальных факторов, как заработная плата, жилье, но и с помощью косвенных мер, направленных на регулирование миграции населения. Вместе с тем деформация демографической структуры населения города имеет не только негативный демографический, но и социальный смысл. Неравномерное соотношение молодых и пожилых возрастов мужчин и женщин в брачном, фертильном возрасте не только препятствует естественному процессу образования семей, но имеет и далеко идущие социальные последствия.

Для определения мер по оптимизации воспроизводства населения и укрепления семьи необходимо знать не только сегодняшнюю, но и завтрашнюю ситуацию в составе населения, брачности, рождаемости, миграции. В этой связи анализ и прогнозирование демографических процессов являются предпосылкой для разработки всех разделов плана социального развития. Демографический прогноз включает в себя следующие задачи:

- прогнозирование динамики половозрастной структуры населения с последующим выделением крупных демографических групп;
- перспективные расчеты уровней рождаемости и брачности (на основе изменений половозрастной структуры населения);
- прогнозирование тенденций разводимости и заключения повторных браков (на основе выборочных исследований о состоянии и изменении семейно-брачных отношений);
- расчеты объемов и направлений миграции населения (с выделением специфических социальных и демографических групп);
- прогнозирование репродуктивного поведения семей различного типа;
- расчеты перспективной численности населения города на 10-15 и более лет [8, с. 67].

Таким образом, планирование социального развития города призвано задавать такие пропорции в развитии экономики города, его социальной инфраструктуры, которые бы обеспечивали предельно благоприятные условия для воспроизводства человека и его способностей.

Библиографический список:

1. Харчев А.Г. Исследование семьи: на пороге нового этапа // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 27-34.
2. Аитов Н.А., Говако Б.И., Игебаева Ф.А. Город. Население. Трудовые ресурсы. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1982. 144 с.
3. Игебаева Ф.А. Семья в трансформирующемся российском обществе // Социологические исследования. 2014. № 9. С.73-76.
4. Игебаева Ф.А. Влияние образа жизни городской семьи на ее стабильность // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 3. С. 127-141.
5. Тощенко Ж.Т. Социология: учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 640 с.
6. Игебаева Ф.А. Влияние миграционных процессов на репродуктивные установки горожан // Наука, образование, общество: проблемы и перспективы развития. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции: в 10 частях. 2013. С. 52-53.
7. Игебаева Ф.А. Образ жизни городской семьи и факторы ее дестабилизации // Социально-политические науки. 2013. № 1. С.140-142.

ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Калинникова М.В., Шматова С.С.

Здоровьесберегающее поведение понимается нами как практическая реализация сознательного отношения индивида к своему здоровью как к социальной ценности, что в повседневных поведенческих практиках выражается в соблюдении основных принципов здорового образа жизни.

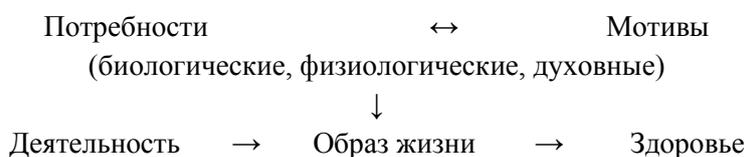
В работе используется методологический подход, предложенный австрийским социологом и философом, основоположником феноменологической социологии Альфредом Шюцем. А. Шюц, создавая социологию повседневности, отмечал, что человек в любой момент своей повседневной жизни находится в биографически детерминированной ситуации, то есть в определяемом им физическом и социокультурном окружении, в котором он занимает определенное место [1]. Поскольку современная жизнь представляет собой череду повседневных, повторяющихся изо дня в день дел, забот, тревог и радостей [2], именно забота о здоровье требует постоянного внимания к специфике повседневного поведения.

При этом здоровьесберегающее поведение следует рассматривать как осмысленное действие, направленное на достижение ясно осознаваемых действующей личностью потребностей. Потребность в здоровье реализуется в деятельности по заботе о здоровье, выбор которой человек осуществляет под влиянием сформировавшихся мотивов. Потребности могут отражаться на разных уровнях: биологическом, физиологическом, духовном [3].

К структурным элементам здоровьесберегающего поведения следует отнести также такие понятия как: «образ жизни», «здоровый образ жизни». От образа жизни, охватывающего весь комплекс жизненных процессов, включая условия труда, жилищные условия, особенности досуга и воспитания, зависит здоровье человека.

Конечной целью здоровьесберегающего поведения является здоровье. Здоровье населения - комплексный социально-гигиенический и экономический показатель, который интегрирует биологические, демографические и социальные процессы, свойственные человеческому обществу, отражает уровень его экономического и культурного развития, состояние медицинской помощи, находясь в то же время под воздействием традиций, исторических, этнографических и природно-климатических условий общества [4].

Следовательно, модель здоровьесберегающего поведения личности включает в себя такие элементы как:

С целью оценки здоровьесберегающего поведения личности как социального фактора в повседневной жизни населения г. Саратова были проведены авторские социологические исследования. В 2013-2014гг. методом анкетирования была опрошена первая группа респондентов, находящихся на лечении туберкулеза в стационарах города Саратова. В 2016-2017 гг. методом формализованного интервью была опрошена вторая группа респондентов - это здоровые молодые люди в количестве 200 человек. Выбор противоположных по состоянию здоровья (больные - здоровые) респондентов был не случаен. На этой основе авторы постарались рассмотреть различные подходы к реализации модели здоровьесберегающего поведения.

В первой группе респондентов было опрошено 850 человек, находящихся на стационарном лечении по поводу активного туберкулеза, из них 65,3% составляли мужчины 34,7% женщины.

Большая часть респондентов находятся в возрасте от 30 до 40 лет (25,1%), 25% в возрасте от 41 до 50 лет, то есть основная масса заболевших – это люди трудоспособного возраста.

У данной группы уже сформированы потребности и мотивы в здоровьесберегающем поведении, так как они больны и их деятельность направлена на оздоровление. Решающим фактором является образ жизни, который больные вели до болезни и должны вести теперь, чтобы вернуть себе здоровье и больше не допускать рецидива болезни. Исследованию предстояло выяснить: насколько у больных людей сформировалась потребность в здоровье?

Результаты опроса показали, что почти 70% респондентов курят. 23% опрошенных курят до 1 пачки сигарет в день, 18,1% до 0,5 пачки в день, 11,5% курят не каждый день, 10,3% курят более пачки в день и 1,7% курят более 2 пачек сигарет в день. Большая часть курильщиков имеет стаж курения более 10 лет, 16% от 6 до 10 лет, и 11,1% курят менее 5 лет. Так как туберкулез поражает преимущественно легкие, курение является самой неблагоприятной вредной привычкой, которая способствует распространению инфекционного процесса.

Таким образом, в большинстве случаев поведение больных не соответствует принципам поддержания здоровья. Однако более половины опрошенных отмечает, что здоровье одна из главных ценностей из жизни. Исследование показало, что большинство опрошенных (55%) считает, что состояние здоровья зависит от образа жизни и от усилий самого человека. На вопрос: «Как вы думаете, что, прежде всего, необходимо в заботе о здоровье?» большинство опрошенных (66%) ответило, что в наибольшей степени необходим нормальный режим питания. Необходимость занятия физкультурой для заботы о здоровье отметили 37,1% респондентов. Однако на вопрос о частоте занятий физкультурой значительная часть опрошенных ответила, что вообще не занимаются, 27% не занимаются, но хотели бы, 27% 1-2 раза в неделю делают зарядку, 7% занимаются физкультурой постоянно. Только 41% респондентов заявили, что необходимо использовать свободное время для восстановления здоровья.

Таким образом, анализ поведения больных людей, показал, что в большинстве своем они не соблюдают основные принципы здорового образа жизни, мотив осознания потребности в здоровье вынужденный и реализуется на биологическом и физиологическом уровнях. Деятельность по заботе о здоровье выражается посредством лечения в медицинских учреждениях и частичном отказе от вредных привычек.

Другой подход к своему здоровью можно видеть в модели здоровьесберегающего поведения здоровой личности. Для проведения данного исследования было проинтервьюировано 200 человек возраста от 18 до 35 лет, студентов вуза. При этом средний возраст опрошенных 21 год, 70 % мужчин, 30% женщин. Большая часть – 67% холосты, 27% женаты (замужем), 17% состоят в незарегистрированном браке.

В основном студенты оценивают свое здоровье как хорошее - 45%, как очень хорошее - 25%, как среднее - 22%, как плохое только - 5 %. Большинство (73%) не имеет хронических заболеваний. Эти данные подтверждают гипотезу о том, что вторая группа респондентов - это здоровые граждане. Студенческая молодежь в большинстве своем соблюдает основные принципы здорового образа жизни. При этом большая часть опрошенных (67%) не курит, остальные 33 % курят около полпачки сигарет в день. Употребляет алкоголь изредка (только по праздникам) 59% респондентов; 3-4 раза в неделю - 23%; вообще не употребляют - 19%. Никто из опрошенных не употребляет наркотики. Как показало проведенное исследование практическая реализация сознательного отношения молодежи к своему здоровью как к социальной ценности достаточно велико. На вопрос «что значит для вас здоровье?» почти половина ответила, что здоровье самое главное в жизни, 32% считает, что здоровье конечно важно, но о нем можно забыть ради заработка или развлечений, 17% ответили, что здоровье важно наряду с учебой, работой.

Для укрепления своего здоровья студенты называют такие мероприятия как соблюдение режима питания, регулярное занятие физкультурой (около половины опрошенных делает зарядку или ходит в спорт-клуб) и отказ от вредных привычек. Что касается режима питания, только менее трети

придерживаются правильного трех-четырёхкратного приема пищи. Часто студенты обходятся без завтрака или обеда. Около 40% режима питания не следуют вообще. В качестве причин, которые мешают полноценной заботе о своем здоровье, называют нехватку времени, отсутствие условий, а также недостаток материальных средств.

Полученная модель здоровьесберегающего поведения здоровой личности показывает, что студенческая молодежь в большинстве своем соблюдает основные принципы здорового образа жизни, мотив осознания потребности в здоровье добровольный и реализуется на духовном уровне. Деятельность по заботе о здоровье выражается посредством занятий в спортклубах и занятий физкультурой, соблюдением нормального режима питания, отсутствием вредных привычек.

Полученные модели здоровьесберегающего поведения различных социальных групп населения показали различные подходы к своему здоровью. Однако мы видим, что среди населения г. Саратова как среди молодых и здоровых лиц, так и среди лиц, уже имеющих заболевания, доминирует потребительское отношение к своему здоровью, большинство не прикладывает достаточно усилий для его поддержания. Следовательно, ценность здоровья как высшая жизненная ценность большей степени декларируется, чем выполняется в повседневных практиках населения. Необходимые усилия зачастую не прилагаются, ввиду отсутствия социальных норм и традиций сохранения здоровья у большинства населения. Можно сделать вывод о необходимости рассмотрения модели здоровьесберегающего поведения как многоуровневной системы, включающей социальные потребности индивидов, социальных групп, общества в целом.

Библиографический список:

1. Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН. 2004. 1056 с.
2. Ерофеева М.А. Осадок смысла: следствия феноменологической трансформации теории действия в теории фреймов // Социология власти. 2014. № 1. С. 31-49.
3. Ковалёва А.А. Самосохранительное поведение в системе факторов, оказывающих влияние на состояние здоровья // Журнал социологии и социальной антропологии . 2008. Том XI. № 2. С .179-191.
4. Шматова С.С. Эволюция представлений о здоровье в классических социологических теориях // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Социология. Политология. 2016. Т.16. Вып.4. С.427-431.

ДИНАМИКА ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ПОДДЕРЖКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ*

Карпова В.М.

По результатам многочисленных исследований взаимосвязи политических ориентаций населения с его половозрастной структурой, проводимых как в России, так и за рубежом, было показано, что эта связь существует, и наиболее политически активными можно считать молодых людей в возрасте 18-25 лет.

Особой группой в этой возрастной когорте являются мужчины, так как в силу психологических особенностей они в большей степени, чем молодые женщины, склонны к активному выражению своих взглядов. В случае неодобрительного отношения к политическому режиму именно молодые мужчины могут стать основой для массовых волнений и беспорядков. Эта закономерность нашла свое подтверждение в работах Hannes Weber, который на основе сравнительного анализа данных о половозрастной структуре населения и изменениях в политическом режиме, в первую очередь случаях смены демократического режима на диктатуру, сделал выводы о влиянии доли молодых мужчин во всем взрослом населении на вероятность краха демократического режима.

Результаты лонгитюдного анализа, проведенного Ханнесом Вебером [1], показали, что полные или частичные демократии («свободные» или «частично свободные» по классификации Freedom House [2]), во взрослом населении которых доля молодых мужчин превышает порог в 19,9%, имеют

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (отделение общественных и гуманитарных наук, РГНФ), проект № 15-03-00435

вероятность в 23,1% стать диктатурой в течение ближайших пяти лет, в то время как в странах, где доля молодых мужчин в населении меньше порогового значения, эта вероятность составляет лишь 4,6%. Данные результаты были получены на основе анализа общемировых тенденций, однако в связи с универсальностью полученных выводов было интересно оценить потенциальные риски для демократии в России с точки зрения половозрастной структуры населения.

Для этого по аналогичной методике была проанализирована структура населения по данным переписи 2010 года, и было проведено сравнение между федеральными округами (таблица 1). Результаты показали, что в целом в России доля молодых мужчин не достигает порогового значения, что может быть, в первую очередь, связано с низкими показателями рождаемости и все большим распространением старения населения. Наиболее близкими к пороговому значению оказались Северо-Кавказский и Дальневосточный федеральные округа. Таким образом, они могут быть первыми в фокусе внимания исследователей и управленцев при оценке устойчивости политической системы.

Таблица 1 – Численность и доля мужчин в возрасте 15-29 лет среди взрослого (15 лет и старше) населения России по данным ВПН 2010 года.

Регион	Число мужчин 15-29 лет (ВПН 2010)	Доля мужчин 15-29 лет среди всего взрослого населения
Российская Федерация	16457838	13.58%
Центральный ФО	4177613	12.49%
Северо-Западный ФО	1569304	13.32%
Южный ФО	1579740	13.41%
Северо-Кавказский ФО	1237752	16.90%
Приволжский ФО	3388112	13.34%
Уральский ФО	1398334	13.81%
Сибирский ФО	2300260	14.33%
Дальневосточный ФО	806723	15.32%

* Источник данных: Итоги Всероссийской Переписи Населения 2010 года. Том 2. Таблица 3. Численность населения по основным возрастным группам по субъектам Российской Федерации

Вторым направлением анализа была оценка тенденций изменений половозрастного состава по результатам официально публикуемых прогнозов и их соотнесение с возможными рисками для стабильности политической ситуации. Изменение доли молодых мужчин было прослежено в целом для России с 1989 года до конца прогноза, предоставленного Федеральной Службы Государственной Статистики, а именно 2035 года (график 1). Как следует из полученных данных, все варианты прогноза приводят к одинаковой в целом динамике доли молодых мужчин: с ее постепенным снижением ниже 10% к середине 2020-х годов и последующим ростом до 11-12% к концу 2030-х. Эти данные в целом следуют из прогнозируемого нарастания старения населения и уменьшения доли молодого населения. Таким образом, с точки зрения изменения демографической структуры населения, политическая система в России не должна испытывать каких-либо сложностей в ближайших десятилетиях.

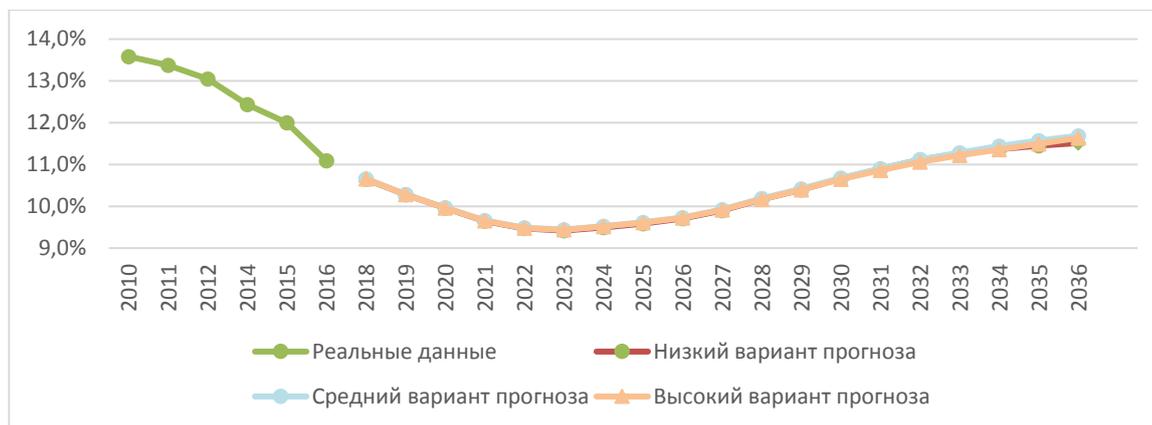

График 1 – Динамика доли мужчин в возрасте 15-29 лет среди всего взрослого (15 лет и старше) населения России, 1989-2035 гг.

Для оценки политических взглядов молодого мужского населения России были проанализированы вопросы об отношении к демократии и проведено сравнение взглядов молодых мужчин со всем остальным взрослым населением. Базой для данного анализа послужила шестая волна Всемирного Исследования Ценностей [4], проводившегося в 2010-2013 годах. Результаты сравнения показали, что в целом в современной России молодые мужчины немногим меньше поддерживают демократию, чем другие группы населения. Однако они более терпимо относятся к военному режиму правления (оценка «очень плохая форма правления» звучит статистически значимо реже, по данным z-тестов, уровень значимости $\alpha = 0,05$), а также для них в целом менее важен демократический строй (среди молодых мужчин оценка степени важности демократии по 10-ти балльной шкале чаще колеблется в промежутке 7-8 баллов, в то время как для остального населения чаще звучит оценка в 9 баллов). Таким образом, хотя доля молодых мужчин в России на данный момент невелика и не достигнет критического порога в ближайшем будущем, общие настроения молодых мужчин в целом повторяют закономерности, описанные в исследовании Ханнеса Вебера, который отмечал большую склонность молодых мужчин к поддержке режима сильного лидера и стремление к политическому экстремизму, поддержке использования насильственных мер в политических целях и готовность самим проявлять насилие в различных политических действиях [1, с. 349].

Еще одним фактором риска роста социальной напряженности именно среди молодого населения является прогнозируемый рост нагрузки на трудоспособное население. Если в наиболее благополучное с этой точки зрения начало 2000-х нагрузка в расчете на 100 человек трудоспособного возраста колебалась в рамках 38,8 (в 2010) до 44,3 (в 2000) и 43,1 (в 2015), то в долгосрочной перспективе, по прогнозам ООН [5], этот показатель может превысить 50 человек к 2020 (50,1) и достигнув своего максимума в 2060 (67,7), с незначительными колебаниями не будет опускаться ниже уровня в 60 человек моложе и старше трудоспособного возраста, приходящихся на 100 человек в трудоспособном. Таким образом, нагрузка на трудоспособное, молодое население в ближайшие годы будет только расти, что может привести не только к уже столь часто звучащим реформам в сфере пенсионного обеспечения и повышению пенсионного возраста, но и к увеличению налоговой нагрузки, что будет непопулярной мерой именно у молодого населения, которое в большей степени думает о сегодняшнем дне, чем о достаточно далеких перспективах пенсии.

Библиографический список:

1. Hannes Weber (2013) Demography and democracy: the impact of youth cohort size on democratic stability in the world, *Democratization*, 20:2, 335-357, DOI: 10.1080/13510347.2011.650916
2. Freedom House. *Freedom in the World 1972–2009*. Washington, DC: Freedom House, 2010

3. Итоги Всероссийской Переписи Населения 2010 года. Том 2. Таблица 3. Численность населения по основным возрастным группам по субъектам Российской Федерации. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

4. Всемирное исследование ценностей. Волна 6. <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2015). World Population Prospects: The 2015 Revision, DVD Edition. <https://esa.un.org/unpd/wpp/>

НОРМАТИВНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ НАД ПРОЯВЛЕНИЯМИ ЭКСТРЕМИЗМА В ИНТЕРНЕТЕ

Ковтун Г.С., Котков Д.А.

Сеть Интернет является удобным полем для экстремистской деятельности, а также даёт возможности распространения среди большого круга пользователей материалов экстремистского содержания. В сети Интернет информация доступна не только в виде статических веб-страниц – идет интенсивный интерактивный обмен ею в чатах, блогах и на форумах, через которые все желающие могут общаться с экстремистами по всему миру [1, с. 58]. Важно отметить, что экстремизм как форма проявления девиантности – это приверженность к крайним взглядам и действиям (в идеологии, политике, культуре, религии и т. д.). Какие из этих взглядов и действий, когда, при каких условиях и с какими последствиями будут рассматриваться как правонарушение или преступление решает общество в лице его законодателей. Социальная опасность экстремистской деятельности состоит не только в совершении конкретного действия, противоречащего законодательству, но и в увеличении числа сторонников идеологии экстремизма [2, с. 622]. В этой связи, тематика социального контроля над распространением информации экстремистского содержания в Интернете представляется очень актуальной.

Целью статьи является обоснование нормативной модели социального контроля над проявлениями экстремизма в Интернете. Предлагаемая нами модель названа нормативной по наименованию подхода к исследованию социального контроля над девиантностью. Она относится к концептуальным моделям и представляет собой систему понятий (концептов), описывающих и объясняющих специфику средств, форм и методов, направленных на распознавание, сдерживание и ограничение различных проявлений крайних взглядов и действий в Интернете.

Своими корнями нормативный подход к пониманию социального контроля уходит в структурный функционализм Т. Парсонса. Американский социолог определяет концептуальные рамки учения о социальном контроле следующим образом: «Теория социального контроля – это обратная сторона теории генезиса тенденций девиантного поведения. Это анализ тех процессов, которые противодействуют девиантному поведению» [3, с. 10]. Именно эти процессы и находятся в центре внимания теоретиков контроля. В основе всех теорий контроля лежит принципиальное утверждение, согласно которому девиантность является следствием отсутствия социального контроля или сдерживания [4, с. 110].

Социальный контроль как совокупность средств и методов, направленных на минимизацию, сдерживание девиантности, бывает формальным и неформальным. К формальному контролю над проявлениями экстремизма в Интернете можно отнести профессиональную деятельность государственных органов, должностных лиц, а также провайдеров, администраторов сайтов, которые могут ограничить доступ к информации экстремистского содержания. На сегодняшний день именно формальный контроль является основным, доминирующим. Однако вопрос о его эффективности является весьма дискуссионным. Так, А.Х. Валеев выделил некоторые особенности, которые оказывают существенное влияние на противодействие распространению экстремистских материалов в Интернете: у Интернета нет собственника, так как он является совокупностью сетей, которые имеют различную географическую принадлежность; Интернет является средством хранения и распространения информации; любая информация, размещенная в сети Интернет, доступна

неограниченному кругу лиц; пользователи сети могут оставаться анонимными как при размещении информации, так и при получении к ней доступа; отсутствие географических границ приводит к тому, что в случае ограничения размещения информации и доступа к ней в одном месте, информация размещается в другом; в сети Интернет размещен огромный объем информации, что делает невозможным ее контроль вручную и затрудняет контроль с помощью технических средств. В связи с этим, возникают проблемы:

1) установления лица (лиц), предоставившего информацию экстремистского содержания для размещения в сети Интернет;

2) установления владельца сайта, разместившего указанные материалы;

3) воздействия на владельца сайта в целях недопущения размещения информации экстремистского содержания, а также удаления такой информации. Данные проблемы еще более усугубляются ввиду того, что информация экстремистского содержания распространяется не только путем размещения ее на сайтах, но и содержится в почтовых отправлениях, комментариях на блогах и сайтах [5, с. 126].

Очевидно, что только законодательной регламентации отношений, возникающих в сети Интернет, и деятельности специальных органов и организаций, а также их агентов, осуществляющих социальный контроль в пределах должностных полномочий и в строго установленном порядке: формального социального контроля, явно недостаточно. Возможно, государству стоит задуматься над развитием неформального социального контроля, связанного с повышением социальной активности пользователей Интернета, мобилизацией общественных групп, движений, индивидуальных активистов, блоггеров на выявление информации экстремистского содержания и оповещением о наличии таких интернет-ресурсов должностных лиц государственных органов, реализующих формальный социальный контроль. Неформальный контроль сможет оказать существенную помощь государственным органам в повышении эффективности формального социального контроля над проявлениями экстремизма в Интернете, содействовать дополнительному выявлению такой информации. Более того, хорошо известно, что только в случае единства формального и неформального социального контроля возможно эффективное противодействие любой форме девиантного поведения, в том числе и проявлениям экстремизма в Интернете.

Другое дело, что на пути развития неформального социального контроля, на наш взгляд, стоит целый ряд препятствий. Во-первых – это трудности, с которыми сталкиваются непрофессионалы при определении информации экстремистского содержания. Во-вторых – отсутствие мотивации к информированию должностных лиц, осуществляющих формальный социальный контроль; нежелание связываться с государственными органами, например, из-за опасения быть обвиненным в «доносительстве»; отсутствие возможности для извлечения собственной выгоды из этого. В-третьих, выявление информации экстремистского содержания в Интернете, - это невидимый фронт деятельности, поэтому общественное движение, начав заниматься такой работой, не сможет стать популярным, а, следовательно, привлечь для своего финансового развития спонсоров в лице рекламодателей. На сегодняшний день в России получает развитие неформальный социальный контроль над проявлениями других форм девиантного поведения, например, курения, употребления наркотиков, нарушений правил парковки и так далее. Деятельность гражданских активистов в этих направлениях востребована посетителями Интернета, опубликованные материалы получают большое число просмотров, хорошо цитируются СМИ. В-четвертых, слабое стимулирование развития неформального контроля со стороны государства, отсутствие правового регулирования: государство не решается просить о помощи общество, активизировать неформальный социальный контроль, делая акцент на усилении формального социального контроля над проявлениями экстремизма в Интернете.

Таким образом, сегодня ни государство, ни общество не готовы к активизации неформального социального контроля над проявлениями экстремизма в Интернете. Предлагаемая нормативная модель социального контроля в данной сфере основана на признании необходимости сочетания формального и неформального контроля. По нашему мнению, только благодаря взаимодействию этих направлений

контроля возможно не только более эффективное противодействие распространению этого опасного явления путем применения негативных санкций (наказания), но и сдерживание пользователей Интернета от совершения необдуманных поступков. В этой связи очень важно не только усиление формального контроля, но и развитие неформального контроля, поощрение его со стороны государства.

Библиографический список:

1. Денисов Ю.Д. Противодействие экстремизму в сети Интернет // Законность. 2009. № 6. С. 57-60.
2. Ковтун Г.С., Котков Д.А. Девиантологическая модель профилактики экстремизма студенческой молодежи в Интернете // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР. Владивосток: ДВФУ, 2016. С. 621-624.
3. Щитов Н.Г. Социальный порядок, социальный контроль и медиализация наказания. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 236 с.
4. Ковтун Г.С. Социология девиантного поведения. В 2 ч. Ч.1. Классические теории девиантности: учеб. пособие. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2010. 142 с.
5. Валеев А.Х. Борьба с проявлением экстремизма в сети Интернет // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2011. № 6. С. 125-127.

БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СУПРУЖЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В РОССИИ

Ковтун Г.С., Нестерова А.А.

Конфликты пронизывают все сферы человеческой жизнедеятельности. Они отличаются по масштабам, причинам, последствиям (функциональным и дисфункциональным). Часто конфликты внедряются в частную жизнь человека, нарушая взаимодействие между членами семьи. Супружеские конфликты как одна из разновидностей семейных конфликтов сопровождают семью на протяжении всей истории ее существования как социального института, являются частью повседневной жизни каждой отдельной семьи. Полноценное выполнение семьей функций, возложенных на нее обществом, может осуществляться только в том случае, если в ней правильно осуществляется регулирование конфликтов, прежде всего, супружеских. При обострении или учащении супружеских конфликтов возрастает вероятность развода и распада семьи. Исследование различных аспектов супружеского конфликта, представляет безусловный интерес и является необходимым, а исследование путей преодоления конфликтных ситуаций позволяет взглянуть на конфликт, как естественное явление, которое супруги могут регулировать сами.

Необходимым условием любого научного исследования, в том числе и исследования супружеских конфликтов, является систематизация знаний, достигнутых в данной области. В связи с этим особую значимость приобретает проведение библиометрического анализа – «количественной оценки различных элементов документального информационного потока, представляющих собой «объективированные результаты» научной деятельности: статей, монографий, диссертаций, посвященных различным феноменам» [3, с. 133], в нашем случае – супружеским конфликтам. Библиометрический анализ дает возможность не только систематизировать знания и упорядочить информацию среди общего массива знаний о супружеских конфликтах, но и позволяет получить информацию о тенденциях развития исследований в данной области.

Из всех «объективированных результатов» научной деятельности в качестве объекта исследования нами были выбраны диссертации (уникальный научный неопубликованный документ) и их отпечатанные на правах рукописи авторефераты. Библиометрический анализ диссертаций и/или их авторефератов привлекает все большее внимание представителей различных наук [1, 2, 3]. Однако публикаций, специально посвященных библиометрическому анализу диссертационных исследований супружеских конфликтов, представленных на соискание ученой степени кандидата или доктора наук, защищенных в России и утвержденных ВАК, нет.

Цель данной статьи – выявление структуры и динамики диссертационных исследований супружеских конфликтов в России путем использования методов библиометрического анализа.

Для отбора диссертаций использовалась поисковая система электронного каталога Российской государственной библиотеки (РГБ): «Электронный каталог диссертаций, все диссертации, защищенные в России и утвержденные ВАК» [4]. Поиск и отбор диссертаций проводился по ключевому понятию (словосочетанию) «супружеский конфликт». По данному запросу поисковой системой было найдено 16 диссертаций. После исключения из полученного массива данных диссертации, защищенной в г. Минск (Беларусь), осталось 15 диссертаций. Все они были написаны российскими исследователями, защищены в России и утверждены ВАК. Словосочетание «супружеский конфликт» присутствовало либо в формулировке темы диссертации (1 вид диссертаций), либо в названии ее раздела (2 вид диссертаций). Именно эти диссертации, условно разделенные на два вида и стали объектом дальнейшего библиометрического анализа. Классификация проводилась по трем основаниям: отрасль науки, по которой соискатель претендовал на получение ученой степени, место защиты и год защиты.

Классификация данных на основании отрасли науки, по которой соискатель претендовал на получение ученой степени, позволила выявить отраслевую структуру диссертационных исследований супружеских конфликтов в России. Все диссертационные исследования были представлены по пяти отраслям: психологические науки, исторические науки, педагогические науки, медицинские науки, социологические науки. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Отраслевая структура диссертационных исследований супружеских конфликтов в России (2000-2016 гг.)

Отрасль науки	Диссертации, полностью посвященные исследованию супружеских конфликтов, (%)	Диссертации, в которых исследование супружеского конфликта - фрагмент текста, (%)	Всего по отрасли, (%):
Психологические науки	3 (75)	8 (72,7)	11 (73,3)
Исторические науки	-	1 (9,09)	1 (6,66)
Педагогические науки	1 (25)	-	1 (6,66)
Медицинские науки	-	1 (9,09)	1 (6,66)
Социологические науки	-	1 (9,09)	1 (6,66)
Всего	4 (100)	11 (100)	15 (100)

Диссертации по психологическим наукам были защищены по четырем специальностям: 19.00.01 - общая психология, психология личности, 19.00.07 - педагогическая психология, 19.00.13 - психология развития, акмеология, 19.00.05 - социальная психология, социология и психология личности. Педагогические науки была представлены специальностью 13.00.01 - общая педагогика, история педагогики и образования. Медицинские науки – специальностью 19.00.04 - медицинская психология. Социологические науки – специальностью 22.00.04 - социальная структура, социальные институты и процессы. Исторические науки – специальностью 07.00.07 - этнография, этнология и антропология.

Таким образом, диссертационные исследования супружеских конфликтов в России в указанный период осуществлялись в рамках 5 отраслей и связанных с ними 8 специальностей. Большая часть исследований (73,3%) приходится на психологические науки. Остальные 4 отрасли: медицинские, исторические, социологические и педагогические науки были представлены одной диссертационной работой каждая (по 6,66% на каждую).

В результате классификации данных на основании места защиты диссертации была выявлена географическая структура диссертационных исследований супружеских конфликтов в России. Лидерские позиции занимают Москва (3/20%) и Санкт-Петербург (3/20%), где было защищено по 3 диссертации. Далее идут Нижний Новгород (2/13,3%) и Сочи (2/13,3%), на которые пришлось по 2 защиты диссертаций. По одной защите диссертаций прошло в городах: Улан-Удэ (1/6,66%), Ростов-на-Дону (1/6,66%), Чебоксарах (1/6,66%), Ярославле (1/6,66%) и Тамбове (1/6,66%).

Таким образом, в географическую структуру защит диссертационных исследований супружеских конфликтов, помимо Москвы и Санкт-Петербурга, входит еще 7 российских городов. Первая защита состоялась в 2000 году в г. Ростов-на-Дону.

В целом, временная структура диссертационных исследований супружеских конфликтов, основанная на годе защиты, представлена в таблице 2.

Из таблицы 2 видно, что после защиты диссертации, предметом исследования которой впервые в России стал супружеский конфликт (2000), далее данная тема носит «прерывистый» характер. Однако после 2013 года, диссертационные исследования, связанные с супружескими конфликтами, не встречаются.

Таблица 2 – Временная структура диссертационных исследований супружеских конфликтов в России (2000-2016 гг.)

Год защиты	Диссертации, полностью посвященные исследованию супружеских конфликтов	Диссертации, в которых исследование супружеских конфликтов — фрагмент текста	Всего за год:
2000	1 (канд. пед. наук)	1 (канд. псих. наук)	1/1 (2)
2001	-	-	0/0 (0)
2002	-	-	0/0 (0)
2003	-	1 (канд. ист. наук)	0/1 (1)
2004	-	2 (канд. псих. наук), 1 (док. мед. наук)	0/3 (3)
2005	-	1 (канд. псих. наук)	0/1 (1)
2006	-	-	0/0 (0)
2007	-	1 (канд. псих. наук), 1 (канд. соц. наук)	0/2 (2)
2008	-	2 (канд. псих. наук)	0/2 (2)
2009	1 (канд. псих. наук)	-	1/0 (1)
2010	-	1 (канд. псих. наук)	0/1 (1)
2011	-	-	0/0 (0)
2012	1 (канд. псих. наук)	-	1/0 (1)
2013	1 (канд. псих. наук)	-	1/0 (1)
2014	-	-	0/0 (0)
2015	-	-	0/0 (0)
2016	-	-	0/0 (0)

Всего диссертаций:	4	11	4/11 (15)
--------------------	---	----	-----------

Можно предположить, что данный спад происходит из-за ужесточения требований к написанию и защите диссертаций. Также данный спад связан не столько с утратой научного интереса к проблематике, а с тем, что появляются новые области знаний и в скором времени исследователи смогут рассматривать конфликты с конфликтологической точки зрения.

Таким образом, предпринятый в статье библиометрический анализ диссертационных исследований супружеских конфликтов в России, позволяет сделать ряд выводов. За период с 2000 по 2016 гг. в России было защищено 14 диссертаций, представленных на соискание ученой степени кандидата и 1 - доктора наук, посвященных исследованию данного феномена.

Отраслевая структура диссертационных исследований представлена 5 отраслями и 8 связанными с ними специальностями, среди которых доминируют психологические (73,3% от общего числа защит). Медицинские, исторические, социологические и педагогические науки представлены одной диссертацией каждая.

Географическая структура защит диссертационных исследований супружеского конфликта включает в себя, помимо Москвы и Санкт-Петербурга, еще 7 российских городов. Лидерами по числу защит являются Москва и Санкт-Петербург (по 20 % от общего числа защит).

Общая динамика защит диссертационных исследований супружеского конфликта в России носит «прерывистый» характер с тенденцией к снижению. Анализ факторов, влияющих на эту динамику, выходит далеко за рамки данной статьи и нуждается в специальном исследовании. Осмелимся лишь высказать предположение: возможно будущее за исследованиями в области конфликтологии.

Библиографический список:

1. Петров К.В. Библиометрический анализ потока книг и диссертаций о философском наследии Гегеля // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2013. Т. 197. С. 108-111.
2. Пронькина А.В. Феномен массовой культуры в диссертационных исследованиях (2000-2015 гг.): библиометрический анализ // Общество: философия, история, культура. 2016. № 4. С. 127-129.
3. Ковтун Г.С. Диссертационные исследования экологического туризма в России: библиометрический анализ // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 11-1 (53). С. 133-136.
4. Электронный каталог диссертаций, все диссертации, защищенные в России и утвержденные ВАК [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dslib.net/catalogue.html> (дата обращения: 09.10.17).

К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ: ИНДИКАТОРЫ И ПОКАЗАТЕЛИ

Костина Е.Ю.

Социальное благополучие – это многофакторный конструкт, который представляет взаимосвязь социальных, психологических, культурных, физиологических, экономических и духовных факторов, которые позволяют человеку успешно физически, психически, социально и экономически функционировать в обществе [3, с. 63]. Социальное благополучие человека, с одной стороны, это сумма субъективной оценки человеком себя и собственной жизни, эффективное и позитивное функционирование личности, а с другой, отлаженная система социальной политики, гарантирующая человеку социальную защищенность - объективный фактор (реальность). И только единство всех данных измерений позволяет людям считать себя благополучными и полноценно

развивающимися. Ведь доля психологического фактора в формировании субъективного ощущения благополучия достаточно высока.

Социальное благополучие характеризуют объективные общественные явления, детерминированные повседневными условиями жизнедеятельности людей, в которых они удовлетворяют свои потребности, реализуют жизненные планы и социальные ожидания. Структура социального благополучия представлена, во-первых, социальным благополучием человека, и, во-вторых, социальным благополучием общества. Социальное благополучие общества измеряется такими комплексными объективными, в основном, экономико-статистическими характеристиками, как:

- уровень жизни, который обусловлен показателями среднедушевого дохода и прожиточного минимума и др. Именно от уровня жизни человека в целом зависит степень удовлетворенности его потребностей, что, как следствие, приводит к ощущению социального благополучия. Уровень жизни населения принято определять через количество и качество потребляемых людьми социальных благ, которые позволяют человеку удовлетворять свои потребности всех уровней.

- качество жизни, которое включает в себя параметры состояния здоровья и санитарного благополучия населения, наличия жилья, состояния жилищно-коммунальных услуг, общественного транспорта, уровня преступности, возможности получения обязательной медицинской помощи и обеспечения социальной защищенности (занятость населения, продолжительность отпуска и т.д.), обеспеченности образовательными учреждениями (в том числе высшими учебными заведениями), доступности культурно-массовых мероприятий, музеев, библиотек, театров, кинозалов, художественных выставок и др.

В основе базовых показателей качества и уровня жизни, обеспечивающих социальное благополучие, лежат такие показатели как доступ к образовательным услугам, медицинской помощи, спортивным и культурным сооружениям, общий прожиточный уровень, правовая защищенность, наличие безопасной экологической обстановки. При оценке качества жизни, как составляющего социального благополучия населения, необходимо учитывать: доступность образования, состояние и доступность медицинского обслуживания, профессиональную занятость и обеспеченность работой (уровень безработицы), преступность и правовую защищенность граждан, качество жилищно-коммунальных услуг, работу общественного транспорта и др.

По результатам проводимых мониторингов государство и общество может прибегать к социальным регуляторам социального благополучия: социально-экономическим, правовым, социально-политическим и социокультурным. По мнению И.В. Мерзляковой, социальные регуляторы – это совокупность мероприятий по упорядочению процессов, направленных на формирование и поддержание благоприятных социальных условий, в которых возможно эффективное производство и распределение социальных благ для наиболее полной реализации потребностей и интересов социальных субъектов на разных уровнях жизнедеятельности[4, С.179]. Это делает необходимым изучение разрабатываемых и предпринимаемых на различных уровнях власти мер по управлению социальными процессами и обеспечению защищенной и безопасной среды для проживания в конкретном регионе.

Индикатор выражает такие характеристики изучаемого социального объекта, которые опосредуют связь между объектом и субъектом познания (или управления) и доступны прямому наблюдению и замеру. Иначе говоря, социологический индикатор раскрывает отдельные качественные и количественные свойства и состояния социальных объектов и процессов[5, с.44]. Статистические методы позволяют количественно выражать массовые явления и взаимосвязи между ними, используя корреляционный, регрессионный, кластерный, факторный и другие виды статистического анализа. Математические методы позволяют не только проводить анализ изучаемых явлений и процессов, но и позволяют построить теоретическую модель, которая позволяет отображать существующие связи, а также спрогнозировать динамику их изменения.

К основным объективным индикаторам социального благополучия населения можно отнести социально-экономические (уровень бедности, уровень доходов на душу населения, уровень

безработицы) и социально-демографические индикаторы (общий коэффициент смертности, рождаемости, коэффициенты смертности от внешних причин (самоубийств/убийства), продолжительность жизни). Для наиболее полного понимания состояния благополучия населения необходимо анализировать выделенные индикаторы в динамике. Индикаторами, отражающими уровень благополучия/неблагополучия населения, является степень распространенности в обществе различных типов девиаций, в частности, убийств и самоубийств. Э. Дюркгейм писал: «...аномия порождает состояние отчаяния и раздражительной усталости, которая может, смотря по обстоятельствам, обратиться против самого субъекта или против других; в первом случае мы имеем самоубийство, во втором — убийство» [2].

Отдельным уровнем показателя является субъективное социальное благополучие, которое позволяет измерить, как люди сами оценивают свое положение и защищенность в обществе. В настоящее время в отечественной науке получило распространение определение субъективного благополучия, предложенное Р.М. Шамионовым, как интегрального социально-психологического образования, определяющегося через систему представлений личности о себе, своей жизни, отношениях, состоянии и т. д. [7, с. 105]. Таким образом, можно трактовать субъективное благополучие как совокупную оценку, позволяющую охарактеризовать свою жизненную ситуацию на данный момент времени. Эта обобщенная оценка включает в себя сумму частных удовлетворенностей в различных сферах жизнедеятельности, и его индикаторы также можно измерить, через самооценку людьми своего положения в различных сферах.

Во-первых, это материальное благополучие (уровень дохода, жилищные условия). Стоит отметить, что данный показатель можно оценивать с двух позиций: объективной – реальная величина доходов; и субъективной – оценка этих благ, сравнивая величину дохода с представлением о том, какой, по мнению человека, должна быть эта величина (опросник субъективного экономического благополучия В.А. Хашенко). Во-вторых, это физическое благополучие (состояние здоровья, самочувствие, личная безопасность). Далее, следует обратить внимание на такую составляющую, как социальное благополучие в узком смысле (межличностные отношения, участие в жизни социума, удовлетворённость своим социальным статусом и социальными ролями). Также важными показателями социального благополучия выступают эмоциональное благополучие (позитивное функционирование личности, личностный рост, социальное уважение и статус, психическое здоровье, стресс, верования и убеждения) и профессиональное благополучие (профессиональные компетенции, производительность труда). При этом стоит отметить, что профессиональное благополучие подразумевает не столько наличие трудовой занятости, сколько возможность реализовать себя в профессии. Профессионально благополучные люди видят в работе любимое дело, которое позволяет им реализовать свои сильные стороны и достигать поставленной цели [1, с. 9763].

Стоит отметить, что именно социальная среда и условия жизни населения являются определяющими в регулировании благополучия населения и во многом определяют готовность людей осесть, пустить корни, а, следовательно, приводит к увеличению рождаемости и снижению миграционного оттока населения. Региональная дифференцированность модели социального благополучия населения позволяет наиболее точно определять объективные и субъективные показатели и индикаторы, что в свою очередь позволяет улучшать меры в области социальной политики и определять уровень ее эффективности, как на региональном, так и федеральном уровне.

Библиографический список:

1. Винокурова А.В., Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Социальное благополучие семей Приморского края: мнение, суждения, оценки // V Всероссийский социологический конгресс-2016 «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» Екатеринбург, 19-21 октября 2016г., Изд-во РОС, 2016. С. 9759-9766.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. с сокр.; под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.

3. Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Социальное благополучие жителей дальневосточного региона России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 2. С. 61-71.
4. Мерзлякова И.В. Социальные регуляторы благополучия человека и общества // Гуманитарный вектор. 2010. № 10. С. 179-187.
5. Плотников В.С. Угрозы социальной безопасности и социальные индикаторы их измерения // Сибирский международный. 2004. № 7. С. 44-45.
6. Филипова А.Г., Ракитина Н.Э. Дети и город: проблема воспроизводства социального неравенства // Социология города. 2016. № 2. С. 58-71.
7. Шамионов Р.М. Субъективное благополучие и ценностно-смысловые образования личности в профессиональной сфере // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2006. Вып. № 1-2. Т. 6. С. 104-109.

СОЦИАЛЬНЫЕ КООПЕРАТИВЫ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Котов И.С.

Кооперативное движение, зародившееся в Западной Европе свыше двух столетий назад, традиционно представлено четырьмя основными типами организаций в зависимости от сферы хозяйственной деятельности – потребительскими, производственными, сельскохозяйственными и кредитными кооперативами. Тем не менее, исторический опыт и современная практика свидетельствуют о том, что спектр приложения усилий кооператоров значительно шире.

17 июля 2001 г. Парламент Франции специальным законом определил правовой статус социального кооператива. Последний рассматривается как «партнерство людей»; должен оказывать определенные социальные услуги на территории своей регистрации; его капитал формируется из имущественных паев его членов (включают работников и пользователей услуг кооператива, а также других физических и юридических лиц); управление осуществляется по принципу «один пайщик – один голос» либо коллегией избранных представителей; строгие ограничения при распределении прибылей между пайщиками (социальные кооперативы считаются неприбыльными (по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь – некоммерческими) организациями)).

В течение первого пятилетия после принятия закона о социальных кооперативах было зарегистрировано свыше 50 таких организаций. Виды их деятельности можно разделить на две группы: личные и общественные услуги (социальное обслуживание, здравоохранение, спорт, культура, образование, обеспечение жильем); окружающая среда и связанные с ней области (охрана природы, переработка вторичного сырья, природное и культурное наследие). Перечень услуг социальных кооперативов Франции достаточно обширен: аренда (прокат) автомобилей, музыка, живопись, образование, трудоустройство, салоны красоты, социальное обслуживание инвалидов и престарелых, ритуальные услуги, IT-технологии, организация занятий физкультурой и спортом, отдых, проектно-конструкторские работы и др. [1, с. 90-92].

Очевидно, что указанные вопросы решают не только социальные кооперативы. Их цели, выражающие, прежде всего, общественные, а не личные интересы, привлекают таких партнеров, которые не сумели реализовать свои проекты вне кооперативной формы организации деятельности. К примеру. Центр поддержки ремесел по обработке камня и Агентство по развитию экономических инициатив использовали организационные возможности социальных кооперативов для спасения уникального вида деятельности, которому грозит исчезновение из-за иностранной конкуренции и сокращения возможностей обучения мастеров [2, с. 93]. Данный проект, безусловно представляющий социально-культурную значимость, не вызвал интереса ни у частного бизнеса, ни у государственных структур. В таких случаях на помощь приходит кооперативный сектор.

Следует отметить, что современная Франция не является пионером в развитии социальной кооперации. В конце 1920-х гг. в США (Элк Сити, штат Оклахома) появляется первый в мире кооператив в области здравоохранения. Главной причиной стала чрезвычайно высокая стоимость

медицинских услуг, недостаточное развитие системы страховой медицины, почти полное отсутствие соответствующих государственных программ. Несмотря на сопротивление местных врачей, которых вполне устраивали доходы от частной практики, доктор Майкл Шаид смог к 1936 г. привлечь в свой кооператив свыше 2,5 тыс. человек, построить лечебный корпус на 75 коек с лабораторией и всем необходимым клиническим оборудованием. К середине прошлого столетия в США насчитывалось 30 медицинских кооперативов [3, с. 237-252]. Однако к настоящему времени таковых почти не осталось, поскольку после Второй мировой войны в США был создан общедоступный институт медицинских страховок.

С 1970-х гг. в США получили распространение кооперативы по совместному проживанию и обслуживанию пожилых людей (*senior co-op housing*) и кооперативы по уходу за детьми (*baby-sitting co-ops*). Первые представляют собой, в нашем понимании, кооперативные дома престарелых. Одиноким пожилым людям, не имеющим возможность оплачивать свое пребывание в элитных учреждениях, на взносы со своих пенсий и иных доходов арендуют помещения, нанимают обслуживающий, в том числе и медицинский, персонал и получают возможность достойно провести остаток жизни. При этом, в отличие от государственных заведений, обитатели кооперативных домов для пожилых имеют реальную возможность управлять деятельностью учреждения в соответствии со своими потребностями и пожеланиями [4, с. 77-80]. Кооперативы по уходу за детьми (кооперативные детские садики) создаются молодыми семьями, для которых накладно содержать своих детей в частных детских садах (в США, в отличие от бывшего СССР, нет такой развитой, доступной и эффективной государственной системы дошкольного воспитания). В этих кооперативах в качестве персонала (воспитателей, поваров, техничек) работают как специально нанятые люди, так и сами пайщики.

Таким образом, социальная кооперация, независимо от конкретных видов деятельности, в условиях либеральной рыночной экономики не имеет своей ключевой целью получение прибыли, не является дополнительным источником денежных доходов для пайщиков. Она призвана улучшить условия их жизни, решать те социально значимые проблемы, которые не входят в компетенцию государства (не предусматривают бюджетного финансирования), а также не представляют интереса для предпринимателей по причине низкой (а зачастую и вовсе нулевой) прибыльности. Это подтверждает идею видного канадского теоретика кооперации А.Ф. Лейдлоу, высказанную им в докладе на конгрессе Международного кооперативного альянса в 1980 г. «Кооперативы в 2000 г.»: ни один из трех секторов экономики (государственный, частный и кооперативный) не смог сам по себе решить всех экономических проблем и обеспечить совершенный экономический строй [5, с. 57]. Использование прошлого и нынешнего опыта деятельности социальных кооперативов в условиях трансформационных процессов в России и Беларуси может стать существенным фактором формирования устойчивых и эффективных социально-экономических систем.

Библиографический список:

1. Margado A. The Social Cooperative: a Cooperative Form Still in Making // *Revue Internationale De L'Economie Sociale. French Cooperatives, Europe and Globalization*. Octobre 2006.
2. Idid.
3. Parker F. *The First 125 Years. A History of Distributive and Service Cooperation in the United States 1829-1954.* – Superior, Wisc.: Cooperative Publishing Association, 1956.
4. Nadeau E.G., Thompson D.G. *Cooperation Works! How People Are Using Cooperative Action to Rebuild Communities and Revitalize the Economy.* Rochester, Vinn.: Loan Oak Press, 1996.
5. Сахарова Д.Б. *История и теория кооперативного движения.* Минск: Новое знание, 2009.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Кузина И.Г., Прокофьева А.С.

Семья всегда являлась неотделимой частью общества и полностью зависела от него. В то же время институт семьи имеет прямое воздействие государство и другие социальные институты, процессы и отношения в общественной системе. Появление новых форм общественных отношений и новой системы управления в связи с затянувшимся мировым экономическим кризисом, который затронул и Россию, болезненно сказались на институте семьи и ее субъектах. Иной облик приобрели внутрисемейные отношения, уклад и образ жизни российской семьи. Наряду с устоявшимися функциями (рождение и воспитание детей, бытовой, экономической и т.д.) сегодня семье необходимо также выполнять функцию психологического «укрытия», обеспечивать устойчивость своих членов в изменяющихся условиях. Без успешной адаптации семьи невозможно благополучное развитие самого общества.

Первоочередной задачей на сегодняшний день на территории Российской Федерации, в целях решения проблемы преодоления кризиса семьи, становится выработка программ и механизмов ее позитивного развития.

Создание условий для семейного благополучия выступает основным вектором развития российской социальной политики до 2025 г. Так, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года, обозначено возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития страны, существенная роль в формировании которого принадлежит семье [1]. Государственная семейная политика в современном российском обществе является частью социальной политики, которая представляет собой единую совокупность целей, принципов, направлений, задач и приоритетных мер экономического, политического, правового, медико-социального, информационно-просветительского и организационно-управленческого характера.

Все составляющие государственной семейной политики ориентированы на развитие института семьи как фундаментальной основы общества, на оказание разных видов воздействий на семью, а также на процессы семейных изменений или поведение членов семьи.

Главные направления политики государства, ориентированные на семью, определены в указе Президента РФ «Об основных направлениях государственной семейной политики» 1996 г., согласно которому основными субъектами государственной политики выступают органы законодательной и исполнительной власти, от федерального до местного, работодатели, общественные организации, политические партии, профессиональные союзы, религиозные конфессии, благотворительные фонды, международные организации, юридические и физические лица [2].

В формирование системы государственной семейной политики включены три уровня законодательной и исполнительной власти – федеральный, региональный и местный (муниципальный). На каждом из этих уровней реализуются общенациональные, региональные и местные целевые программы и проекты, а также обнаруживаются особенности социального и культурного характера в семейных отношениях, которые являются отправной точкой для эффективной деятельности управленческих структур и целевых программ поддержки семьи.

Кроме того, в официальных отечественных документах, устанавливающих ориентиры развития семейной политики государства, в качестве образца регулируемой модели семьи ее ведущими составными элементами становятся здоровье, благополучие и традиционность. Если термин «здоровье» в той или иной степени известен, то понятия «благополучие» и «традиционность» не столь легко определить. Модель «благополучной семьи» в документах федерального уровня представлена как: во-первых, созданная на основе легитимного брака мужчины и женщины, во-вторых — полная, в-третьих — многодетная [3, с. 37]. Обозначенные формальные характеристики семьи в документах субъектов РФ имеют множество существенных дополнений, например: обладание гуманистическими ценностями; равноправные отношения между супругами; родительская идентичность и

компетентность; экономическая самодостаточность; стабильный социальный статус всех ее членов и т.д. При всей основательности отмеченных характеристик, причины для их выделения однозначно не обусловлены, что ведет к постоянному увеличению их количества в региональных документах различного уровня, и как следствие — к произвольности ориентиров семейной политики как таковых. Большая часть существующих региональных программ имеют локальный и утилитарный характер, в силу того, что в них не присутствует мировоззренческий, научный и теоретический базис. В основном, данные программы ориентированы на социальные потребности отдельного человека. В них почти не учитывается духовный и культурный потенциал региона. Кроме того, на уровне регионов вопросы семейной проблематики не включены, как правило, в сферу деятельности всех заинтересованных органов власти, характерные составляющие их деятельности недостаточно учитываются при формировании устройства государственной власти и системы управления, при определении перечня их функций.

В масштабе всего российского общества, на фоне роста региональных различий по основным параметрам благосостояния семьи, следует отметить рассогласованность динамики реформ в семейной сфере, как по федеральному, так и по территориальному охвату, недостаточность проработки программ семейной политики, критериев оценки положения семей в отдельно взятом регионе, механизмов реализации намеченных мер, слабую координацию действий, неэффективное использование ресурсно-финансового потенциала.

Рассмотренная модель современной государственной семейной политики позволяет выстроить систему необходимых мероприятий по поддержке и оказанию помощи семье, которая, во-первых, будет иметь отношение абсолютно ко всем категориям семей в пределах государства, во-вторых, будет направлена на личную активность нуждающихся семей, т.е. на придание семейной политике профилактического и социализирующего характера, а не только роли «защитника».

Таким образом, совокупность отличительных проблем семьи, определяющих ее как социальный институт и связанных с исполнением ее основных функций, выделяется в качестве предмета государственной семейной политики. Становится очевидным тот факт, что отечественная семейная политика в большинстве своих направлений повторяет составляющие государственной системы социальной защиты и стремится регулировать различные стороны брачно-семейных отношений. Из числа главных задач государственной семейной политики стремительно реализуется в основном материальная (финансовая и жилищная) поддержка нуждающихся семей. Поиск путей выстраивания адекватной современным реалиям системы работы с семьей на государственном и региональном уровне остается приоритетной задачей, не вызывающей сомнений. Результатом построения новой системы станет доработка и реализация государственной семейной политики, отвечающей на все современные вызовы, которые диктуют российской семье изменения в мировом сообществе.

Библиографический список:

1. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 10.02.2017) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») [Электронный ресурс] // Компьютерная справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 29.10.2017)

2. Указ Президента РФ от 14.05.1996 № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики» [Электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента России. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9338> (дата обращения: 26.10.2017)

3. Селиванова, О.А., Пластинина, Е.Г. Модель современной российской семьи как ориентир государственной семейной политики // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 9. Педагогика. Психология. С. 37.

МАТЕМАТИКА КАПИТАЛИЗМА: МИР-СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ*

Купряшкин И.В.

Как течет социальное время и куда движется наш мир кризисов и подъемов? Очевидно, что социальная история не терпит применения физической темпоральности. В анализе современного общества сторонники мир-системного анализа исходят из двух принципов. Во-первых, капитализм есть система, а ни одна система не вечна. Срок жизни есть у всех систем. Во-вторых, раз капитализм система – значит, в ней действует ряд правил. Все системы проходят период зарождения, нормального функционирования и структурного кризиса. Наиболее известна мир-системщикам пятисотлетняя история капитализма начиная с XVI века [1, с.449]. Что такое капитализм? С точки зрения мир-системного подхода капитализм не сводится к наемному труду, процессам производства/обмена/получения прибыли, классовой борьбе или свободному рынку. Ключевая характеристика – бесконечное накопление капитала ради накопления еще большего капитала. Система нацелена на постоянное воспроизводство этого процесса. Цель хоть иррациональна, но работала около 500 лет, до сегодняшнего структурного кризиса, когда возможности системы оказались почти исчерпаны [4].

Одним из ключевых для системы механизмов являются большие циклы экономической конъюнктуры Н.Д. Кондратьева. К сожалению, разгром экономической школы в 1929 г. надолго остановил в России рецепцию идей получившего признание за рубежом ученого. Исследование закономерностей и показателей динамики мирового капиталистического хозяйства Н.Д. Кондратьевым кратко можно свести к следующему [5, с.374-376]:

- изучил данные по экономике Англии, Франции, Германии, США (с конца XVIII века и с начала или середины XIX века);

- с помощью методов математической статистики исследовал полученные данные. Исключил случайные и мелкие колебания, сгладил отклонения;

- пришел к выводу, что существуют циклы экономической динамики протяженностью 48 - 55 лет. Эти периоды были названы большими экономическими циклами;

- каждый цикл состоит из повышательной и понижательной волн. Повышательная волна характеризуется вовлечением новых стран в мировую экономику, подъемом техники и технологий, денежного обращения; На повышательные волны приходятся большие войны и революции; Понижательная волна сопровождается депрессией сельского хозяйства; Во время повышательной волны среднесрочные экономические циклы состоят из интенсивных подъемов и кратких депрессий, во время понижательной волны разворачиваются противоположные тенденции;

- обнаруженные волны не могут быть случайными, их объяснение следует искать в особенностях капиталистической системы.

Таблица 1 – Большие циклы экономической конъюнктуры Н.Д. Кондратьева (жирным отмечены волны, описанные классиком, курсивом – дальнейшая приблизительная периодизация до наших дней)

Цикл	Волны	Хронология
1	Повышательная Понижательная	С 1786-1793 до 1810-1817гг. С 1810-1817 до 1844-1851 гг.
2	Повышательная Понижательная	С 1844-1851 до 1870-1875 гг. С 1870-1875 до 1890-1896 гг.
3	Повышательная Понижательная	С 1890-1896 до 1914-1920 гг. С 1914-1920 до 1939-1945 гг.
4	Повышательная Понижательная	С 1939-1945 до 1967-1973 гг. С 1967-1973 до 1982-1986 гг.
5	Повышательная Понижательная	С 1982-1986 до 1998-2002 гг. С 1998-2002 до 2014-2020 гг.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-36-00172 мол_а «Диалектический и синергетический методы в исследовании фундаментальных трансформаций современного общества»

Чтобы накапливать капитал, производитель пользуется квазимонополией. В среде с реальной конкуренцией высокой прибыли быть не может. Ограничение свободного рынка квазимонополией способно обеспечить прибыль. Для этого продукт должен быть инновационным и государство должно защищать его от конкурентов. В этом случае можно говорить о «ведущих продуктах». Они и определяют главную долю в экономике мировой системы. Когда такая квазимонополия устанавливается, то за ней идет экспансивный рост в мировой экономике и этот период воспринимается как процветание. Неравенство в рамках системы конечно сохраняется, но свою пропорциональную долю пирога получает большинство ее участников. Однако квазимонополия не длится вечно, и норма прибыли со временем снижается [2, с.110]. (Самое время вспомнить о Марксе, но это отвлекло бы нас от тезиса.) Постепенно доступ к инновациям получают отстающие. Производители порой сами, в целях удешевления труда, переносят мощности в другие части мировой системы. Таким образом, сверхприбыльные некогда отрасли просачиваются на периферию. Местное население, кстати, часто встречает эти изменения как национальное «развитие». Другой часто используемый вариант – это бегство капитала из сферы производства в финансовый сектор. Таким образом, экспансия и сокращение регулярно сменяют друг друга в истории капитализма. Ситуация возможна благодаря тому, что капитализм не находится в каком-то одном государстве, а является мир-системой, которая умело использует имеющиеся и создает новые (не только политические) барьеры внутри себя. В мировой системе предприниматели занимаются бесконечным накоплением капитала. Важно отметить, что циклы никогда не возвращаются в исходную точку. В повышательной фазе наращивается реальная стоимость, географический охват и глубина проникновения товарно-денежных отношений. В понижательной фазе цикла отмечается частичная регрессия системы, некий возврат к равновесию, достигнутому предыдущим развитием, на новом технологическом уровне. Описанные экономические циклы и вынесенные за скобки данного текста циклы гегемонии [3, с. XXII] означают постоянное приближение мир-системы к ее асимптотам и отдаление от них. Тезис сторонников мир-системного анализа прост. Капитализм исчерпал (или почти исчерпал) ресурсы для возвращения к равновесию и росту. Периодическая реконструкция мир-системы больше невозможна. С последней трети XX века начинается структурный кризис мир-системы и разворачивается (пока что хаотичная) историческая борьба за альтернативную наследующую систему. В истории, которая не стоит на чьей-либо стороне, случаются «закономерные парадоксы». В этом неравновесном состоянии, считает И. Валлерстайн, сами капиталисты могут посчитать дальнейшее существование капитализма неприбыльным для себя [4].

В заключение отметим, что предложенная в таблице экстраполяция представлена скорее для примера, в качестве визуализации воображаемого. Главное в циклах Н.Д. Кондратьева именно фазы, а не хронология. Необходим тщательный анализ состояния мир-системы (наподобие того, которым прославился Т. Пикетти), а не гадание по календарю.

Библиографический список:

1. Абу-Луход Джанет. Переструктурируя мир-систему, предшествующую Новому времени // *Время мира. Альманах. Вып.2: Структуры истории* / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 449-461.
2. Валлерстайн И. *Миросистемный анализ: введение*. Пер. с англ. / вступ. ст. и прил. Г.М. Дерлугьяна. Изд. 2-е, испр. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
3. Валлерстайн И. *Мир-система Модерна. Том II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600-1750 гг.* / пер. с англ., литер. редак., комм. Н. Проценко. М.: Русский фонд содействия образования и науке, 2015. 528 с.
4. Валлерстайн И. *Структурный кризис, или почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным* // *Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И.Валлерстайна, Р. Коллинза, М., Манна, Г. Дерлугьяна, К.Калхуна.* [Текст] / пер. с англ. под. ред. Г. Дерлугьяна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 23-60.

5. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теории предвидения: избранные труды. М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. 640 с.

ПРИМЕНЕНИЕ ИНДЕКСОВ В ИССЛЕДОВАНИИ УРОВНЯ ДЕТСКОЙ НЕЗАВИСИМОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Купряшкина Е.А.

Тема детей в городе – важное направление социологических исследований. Она связана с вопросами изучения детских общественных пространств, рисков и ресурсов городских улиц, проблем неравного доступа к городским ресурсам [2, 3, 4]. Сегодня тематика мобильностей в городском пространстве представлена исследованиями, касающимися транспортного движения, использованием ГИС-технологий, доступности городских учреждений, путешествий, переездов и т.д.

Термин «детские мобильности» впервые возник в области географии детства. И представляет собой комбинацию ключевых идей «мобильного поворота» в социальных науках, который произошёл в 1990-х годах [6, с. 214]. Эта парадигма мобильностей представляет совершенно новый теоретический подход к пониманию мобильности как «центра сосредоточия силы, создания идентичности и микро-географий повседневной жизни» [7, с. 554]. Под детской независимой мобильностью мы будем понимать самостоятельные перемещения детей в городском пространстве без присмотра взрослых с возможностью самостоятельно выбирать траектории своего передвижения.

В литературе, относящейся к исследованиям детской мобильности, данный термин используется в отношении физических перемещений детей, включая все виды активностей – прогулки, катание на велосипеде, использование общественного транспорта и т.д.

Изучая детские независимые мобильности в городской среде, мы используем метод анкетирования. Анкета состоит из 23 вопросов, объединенных в 6 смысловых блоков – путь в школу и из школы (способ перемещения, наличие компаньонов, время в пути), прогулки (регулярность, сопровождающие в прогулке, тревожащие факторы городской среды), выходные дни (вид деятельности, наличие компаньонов), дополнительные занятия (частота посещения, наличие сопровождающих, способ перемещения, время в пути), средства активных передвижений (наличие велосипедов, роликов и т.д., регулярность катаний, возможность кататься без взрослых) и личная информация.

Для описания сложных, многоплановых состояний и структур социологи объединяют несколько элементов (например, блоков анкеты) в единый показатель, называемый индексом. Индекс – это «обобщенный (производный) показатель, сформированный из исходных посредством математических операций» [1, с. 58-86].

Использование несколько показателей (вопросов анкеты, данных наблюдения и т. п.) для построения суммарного индекса или шкалы, позволяет получать более точные, т. е. менее подверженные смещению, оценки интересующей исследователя переменной. Индексы и шкалы позволяют перейти от многообразия конкретных, наблюдаемых переменных-индикаторов, отражающих лишь отдельные аспекты теоретического понятия, к более абстрактным переменным теоретической модели. Основные шаги по формированию индекса приведены в публикации М. Р. Хуснутдиновой «Как работать с индексами?» [5].

Перед нами стоит задача оценки уровня независимой детской мобильности. Выборочная совокупность пилотажного исследования представлена 320 респондентами, в возрасте 9-15 лет, проживающими в городах различного типа (классификация по критерию численности населения) Приморского края.

Для начала несколько упростим ситуацию и представим, что исходно имеем дело со шкалой с тремя градациями уровня детской независимой мобильности: высокий уровень, средний уровень, низкий уровень.

Для каждого уровня мы определяем модели измерения:

- активные способы передвижения;

- наличие сопровождающих;
- деятельность в свободное время;
- ощущение безопасности/ факторы риска в городской среде.

Далее каждой модели измерения мы подбираем индикаторы (подходящие вопросы анкеты), представленные в таблице 1.

Таблица 1 – Составление индикаторов

Модель измерения	Индикаторы (вопросы)	Варианты ответа
Активные способы передвижения	Как ты обычно добираться до школы?	иду пешком на общественном транспорте на машине
	Как ты обычно добираться до дома из школы?	иду пешком на общественном транспорте на машине
	Если бы у тебя была возможность выбирать, каким способом добираться в школу и из школы, что бы ты выбрал?	идти пешком велосипед школьный автобус общественный транспорт машина
	Как ты обычно добираться до места дополнительных занятий?	иду пешком на общественном транспорте на машине
	Какие средства передвижения есть у тебя?	велосипед ролики гироскутер самокат ничего нет
Наличие сопровождающих	С кем ты добираться обычно до школы?	один с родителями с братьями, сестрами с другими взрослыми со сверстниками
	С кем ты обычно возвращаешься домой из школы?	один с родителями с братьями, сестрами с другими взрослыми со сверстниками
	С кем чаще всего ты гуляешь?	один с друзьями с родителями
	Чем ты обычно занимаешься в выходные дни?	провожу время сам или с друзьями провожу время с родителями или другими взрослыми
Деятельность в свободное время	Как часто ты гуляешь?	каждый день 2-3 раза в неделю больше 3 раз в неделю только по выходным не гуляю
	Чем ты занят после основных школьных занятий?	репетиторы спортивная секция художественная студия музыкальная студия танцевальная студия театральная студия нет дополнительных занятий

	Как часто ты посещаешь дополнительные занятия?	раз в неделю 2-3 раза в неделю 3 и больше раз в неделю каждый день
	Сколько раз в неделю ты обычно катаешься (в подходящий сезон)? (на велосипеде, роликах и т.д.)	раз в неделю или меньше 2-3 раза в неделю больше 3 раз в неделю каждый день не катаюсь
	Чем ты обычно занимаешься в выходные дни (суббота и воскресенье)?	хожу в гости к друзьям навещаю родственников провожу время на природе хожу по магазинам хожу в библиотеку хожу в кино провожу время в кафе гуляю занимаюсь спортом играю в компьютер хожу на концерт или в театр сажу дома
Ощущение безопасности / факторы риска	Насколько безопасно ты себя чувствуешь в своём районе и окрестностях, когда ты один?	мне нельзя быть одному очень безопасно достаточно безопасно не очень безопасно совсем не безопасно
	Когда ты на улице один или с друзьями, что тебя беспокоит?	транспортное движение вероятность потеряться бездомные животные люди без опр. места жительства незнакомцы я не бываю на улице один не знаю, что делать, если кто-то заговорит со мной ничего не беспокоит

Затем каждому индикатору причисляем баллы («процедура взвешивания») в зависимости от того, как он характеризует уровень мобильности (таблица 2). Так, например, при высоком уровне детской независимой мобильности преобладают активные способы передвижения - ходьба, езда на велосипеде, самостоятельное использование общественного транспорта; путешествия, совершаемые ребенком в отсутствии взрослых сопровождающих – в одиночку или в компании сверстников; активные виды деятельности в свободные дни – прогулки не реже трех раз в неделю, посещение дополнительных занятий не чаще трех раз в неделю, возможность использовать средства активной мобильности – велосипеды, ролики и т.д.; а также ощущение безопасности ребенка в городской среде, что также свидетельствует о высоком уровне мобильности. При среднем уровне отмечается снижение количества активных самостоятельных перемещений – например, часть маршрутов ребенок совершает самостоятельно, часть - в сопровождении взрослых; прогулки только по выходным или 1-2 раза в неделю и т.д. При низком уровне детской независимой мобильности мы наблюдаем обратную тенденцию - преобладают перемещения в сопровождении взрослых и с использованием личного транспорта, редкие прогулки или их отсутствие, чрезмерная занятость в секциях, отсутствие средств активной мобильности и т.д.

Таблица 2 – Пример причисления баллов индикаторам

Всего вопросов	Варианты ответа	Баллы
Как ты обычно добираться до школы?	иду пешком	2
	на общественном транспорте	1,5
	на машине	0,5
С кем ты добираться обычно до школы?	один	2
	с родителями	0,5
	с братьями, сестрами	1
	с другими взрослыми	0,5
Как часто ты гуляешь?	со сверстниками	2
	каждый день	2
	2-3 раза в неделю	1
	больше 3 раз в неделю	1,5
	только по выходным	0,5
	не гуляю	0

В итоге высокий уровень независимой детской мобильности характеризуется распределением баллов от 20 до 32, средний уровень – от 10 до 19, низкий уровень – 0 до 9 баллов.

В дальнейшем будет осуществлено программирование алгоритма формирования индекса с помощью сервиса Syntax в SPSS, определением долей детей в выборочной совокупности с высоким, средним и низким уровнями независимой мобильности.

Таким образом, применение индексов позволяет сжать, систематизировать информацию, упростить интерпретацию полученного массива данных, в некоторых случаях осуществить переход от количественных к качественным данным и наоборот. Однако обоснование индикаторов для структурирования индексов может носить сложный для исследователя характер.

Библиографический список:

1. Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии. Москва: Стратегия. 1998. 224 с.
2. Филипова А.Г. Общественные пространства и дети: Владивосток vs Хабаровск // Вестник Института социологии. 2016. № 16. С. 28-41.
3. Филипова А.Г., Ракитина Н.Э. Улица: риски и ресурсы влияния на пространство повседневности детства // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 2. С. 151-154.
4. Филипова А.Г. Дети и город: проблема воспроизводства социального неравенства // Социология города. 2016. № 2. С. 58-71.
5. Хуснутдинова М.Р. Как работать с индексами? // Многомерные статистические модели и их применение в социологических исследованиях детства: материалы всеросс. молодежной научной школы-конф. 2017. С. 253 – 256.
6. Sheller M., Urry J. The new mobilities paradigm // Environment and Planning. 2006. P. 207-226.
7. Cresswell T. Mobilities I: catching up // Progress in Human Geography. 2011. P. 550-558.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

Лежебоков А.А.

Изучение проблематики социокультурного пространства региона в настоящее время можно считать типичным направлением исследований в рамках развития региональной социологической мысли. Связано данное явление с рядом факторов, среди которых наиболее весомыми является потенциальная доступность выборочной совокупности и наличие определенного социального заказа на проведение региональных исследований. В целом логично, что некие актуальные проблемы

---

* Тезисы подготовлены в рамках реализации проекта РГНФ № 17-03-002-59/а «Перспективы социокультурного развития Ставропольского края»

развития региона изучаются социологами, представляющими кафедры, институты и университеты, расположенные на территории субъекта административного деления страны.

Для исследования динамики социокультурного развития территории наиболее подходящей методологической стратегией, с нашей точки зрения, будет являться социокультурный подход. Это, впрочем, не отрицает наличие большого эвристического потенциала у других парадигмальных исследовательских программ; например, огромные возможности имеет структурно-функциональный, системный, субъектно-деятельностный подходы. Социокультурный подход позволяет изучить регион как отдельную территориальную общность – сообщество, образованное совокупностью взаимодействия социальных субъектов. Следовательно, уникальные для региона характеристики, позволяющие своим носителям - индивидам, социальным группам как в структуре регионального пространства, так и за его пределами, действовать эффективно, являются основным направлением исследований. Для обоснования наличия таких характеристик и, что самое главное, поиска закономерностей влияния их на предмет исследования, традиционно проводится процедура сравнения определенных параметров региона с соответствующими показателями соседних территорий или же со средними показателями по стране в целом.

Очевидно, позитивный смысл приобретает и применение рейтинговых оценок, позволяющих расположить регионы по степени настоятельности действия тех или иных параметров социокультурного развития. Базовой предпосылкой может являться предположение относительно того, что регионы, находящиеся в нижней части рейтинга, не в полной мере используют потенциал социальных субъектов. Причины отказа от полноценной реализации способностей социальных субъектов рассматриваются, чаще всего, как проявления дисфункции социальных институтов. Однако, на наш взгляд, более интересным, и возможно – более плодотворным, будет объяснение этого явления сквозь призму институционализации социальных практик, не укладывающихся в требования современного гражданского общества. Кроме того, такая объяснительная попытка позволит изучить мотивирующие на инновационное развитие усилия регионов, находящихся на верхних позициях рейтингов.

Таким образом, мы подходим к выводу относительно того, что особенности социокультурного пространства региона определяются инновационной активностью социальных субъектов, проявляющуюся в реализации значимых социальных практик, востребованных в настоящее время и имеющих перспективу в будущем. Данная постановка вопроса имеет и более широкий смысл, заключающийся в рефлексии относительно дифференциации регионов, например, по экономическим параметрам, и следующую непосредственно за этим проблему регионов-доноров и регионов-реципиентов. Изучение данной проблематики, как правило, выходит за рамки региональных исследований, однако является достаточно актуальной в научном и мировоззренческом аспектах, поскольку позволяет определить функциональность и дисфункциональность региона по отношению к обществу в целом [2].

В целом же социокультурное пространство региона представляет собой непростой для исследования объект. Сложность заключается в том, что само социальное пространство, как отмечал П. Бурдьё, представляет собой «поле социальных отношений или сил, геометрическое изображение структур, принципиально отличающееся от всех непосредственных взаимодействий агентов, действующих на его фоне. Оно зависит от распределённых в нём социальных структур» [1], а культурное пространство может быть определено как способ, механизм преобразования реальности социальным субъектом. Однако было бы несправедливым отделять пространство социальное от культурного, и в данном случае мы в целом придерживаемся позиции, изложенной еще П. Сорокиным относительно многомерности социокультурного пространства [3].

Таким образом, исследование социокультурного пространства региона является актуальной задачей и еще более она актуализируется в контексте описания социокультурного пространства страны. Действительно, пестрота и своеобразие регионов России представляется привлекательным

объектом изучения, первым этапом которого будет являться изучение особенностей социокультурного развития каждого региона с последующим объединением в единую картину.

Для социологии в данном случае открывается редкая возможность объединения усилий различных региональных социологических центров и научных коллективов для создания на единой методологической и инструментальной основе картины современного состояния российского общества.

Библиографический список:

1. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация - 2010). М., МФРАН, 2010. С.12.
2. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2005. С. 572.
3. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

ОБРАЗОВАНИЕ – ВАЖНЕЙШИЙ РЕСУРС ДЛЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Лопатова А.П.

Образование – величайшая ценность цивилизованного общества, позволяющее человечеству не только выжить в современных непростых условиях жизни, но и значительно улучшить качество жизни, как отдельного человека, так и общества в целом. Экономика все более и более смещается в сторону услуг, а также в направлении работы со знаниями. Это требует развития новых технологий и организационных структур, а также новых типов работников. Принципиальным образом расширяется диапазон и содержание требований к профессиональным качествам работников и к уровню их образования. Высокая квалификация, профессиональная гибкость и адаптационная способность работников становятся также основой их социальной защищенности. Такие работники в настоящее время наиболее конкурентоспособны и мобильны не только на рынке труда Республики Беларусь, но и сопредельных государств, и особенно на рынке труда России.

Образование предоставляет индивиду ресурсы, необходимые для построения эффективной, в разных аспектах, профессиональной и жизненной карьеры для становления его как специалиста и гражданина. Роль образования как ресурса для общества трудно переоценить. В современных условиях значительное количество высококвалифицированных профессионалов – обязательное условие успеха страны, поддержания ее конкурентоспособности в глобальном соревновании инновационных экономик. Мировая статистика показывает примеры того, как благополучию в стране соответствует высокий уровень образования населения. Можно обсуждать, что является причиной и что – следствием, но наличие соответствий очевидно. Интересы личности, общества и государства – не одно и то же, но в отношении образования мы наблюдаем замечательное совпадение, которое может являться импульсом к направленной активности власти, институтов гражданского общества, сферы образования и граждан.

Функцией образованности населения является не только экономический, но и в целом социальный прогресс. Воспроизводство культурных и социальных ценностей, социализация членов общества, осуществляемые сферой образования, обеспечивают совершенствование всех сторон жизни. Уровень образования населения – и в количественном, и в качественном выражении – предстает, таким образом, не в утилитарном плане, не как лишь средство для расцвета экономики, а как обязательное условие благоденствия страны в самом широком смысле этого слова.

Сегодня существует острая потребность в специалистах, способных глубоко разбираться не только в изучаемом ими предмете, но и грамотно, а главное, результативно вести его. Эти специалисты должны в полном объеме обладать экономическими и гуманитарными знаниями. Они, в частности, должны уметь глубоко анализировать отечественный и зарубежный рынки, обладать методологически подкрепленными знаниями методов успешного продвижения наукоемких продуктов и высоких технологий на этих рынках. Они должны хорошо ориентироваться в сфере управления коллективом, организации высокотехнологичных производств.

В связи с этим огромное значение приобретают сохранение и повышение мотивации к образованию, предоставление широкого доступа к качественному образованию высокого уровня, развитие дополнительного образования, продвижение к образованию в течение всей жизни. Профессиональная ориентация должна быть своего рода просвещением, учитывающим прогноз изменений на рынке труда, чтобы оказывать корректное влияние на формирование планов молодежи на будущее. Непростой задачей оказывается создание стимулов (в первую очередь), финансовой, материальной, законодательной базы (во вторую и последующие) для того, чтобы и учебные заведения ориентировались на кадровые нужды реального сектора экономики, а так же чтобы и структура выпускаемых специалистов соответствовала потребностям экономики.

Профессионально-квалификационный уровень работников большинства белорусских предприятий и организаций соответствует индустриальному этапу развития экономики, но существенно уступает требованиям, предъявляемым на международных рынках труда. Преобладает узкая специализация работников под конкретное рабочее место и жесткое разделение труда как между работниками, непосредственно занятыми производством продукции и услуг, так и инженерно-техническим персоналом, руководителями всех уровней. Сложившаяся профессионально-квалификационная структура рынка рабочей силы недостаточно восприимчива к изменившимся отношениям в сфере производства. Доминирующим является старый индустриальный тип занятости. Самую многочисленную группу работников Республики Беларусь составляют рабочие. Их удельный вес в 2016 году составил 55% (по сравнению с 2010 годом численность рабочих уменьшилась на 4,2 процентных пункта). А удельный вес служащих в 2016 году по сравнению с 2010 годом соответственно увеличился на эту величину. Среди рабочих преобладают мужчины (68,7%), среди служащих – женщины (56%) [1, с. 95].

Более половины занятых (52,3%) в экономике Республики Беларусь имеют высшее и профессионально-техническое образование (табл. 1).

Таблица 1 – Динамика численности работников Республики Беларусь по уровню образования (на конец года; в процентах к итогу) [1, с. 95]

Годы	Всего работников	в том числе имеют образование:				
		высшее	профессио-нально-техническое	среднее специальное	общее среднее	общее базовое
2010	100	25,4	20,6	22,6	28,5	2,9
2012	100	27,4	20,6	22,5	27,0	2,5
2014	100	29,4	20,4	22,5	25,4	2,3
2016	100	32,0	20,3	22,5	23,1	2,1

В большинстве своем работники Беларуси имеют высшее образование (в 2016 году их численность составила 32%). Следует отметить, что численность данной категории работников постепенно возрастает (их удельный вес увеличился с 25,4% в 2010 году до 32% в 2016 году).

Положительной тенденцией является сокращение удельного веса работников с общим средним и общим базовым образованием (за 6 лет их численность снизилась на 5,4% и 0,8% соответственно). Это свидетельствует, что в целом образовательный уровень занятого в экономике населения имеет тенденцию роста.

Анализ распределения численности работников Республики Беларусь по уровню образования и отраслям экономики в 2016 году свидетельствует о том, что в отраслях материального производства преобладают работники с профессионально-техническим и общим средним образованием [1, с. 96]. Лидирующую позицию с преобладанием работников с общим средним образованием занимают такие отрасли как сельское, лесное и рыбное хозяйство (38,1%), водоснабжение; сбор, обработка и удаление отходов, деятельность по ликвидации загрязнений (31,4%), транспортная деятельность, складирование, почтовая и курьерская деятельность (29,7%). Наименьший удельный вес работников с общим средним образованием сосредоточен в финансовой и страховой деятельности (5,1%),

информации и связи (11,0%), торговле (20,5%), строительстве (25,2%) и обрабатывающей промышленности (25,2%). Наибольшее количество работников с высшим образованием занято в финансовой и страховой деятельности (73,2%), информации и связи (69,5%), горнодобывающей промышленности (29,8%), торговле (27,7%). Наименьшее – в сельском, лесном и рыбном хозяйстве (11,3%). Отток кадров с высшим образованием из сельскохозяйственного производства вполне оправдан, так как не только условия труда и быта, но и уровень оплаты труда в данном секторе национальной экономики оставляет желать лучшего. В такой ситуации у работников пропадает интерес к труду и возникает стремление найти другую сферу приложения труда. Работники с профессионально-техническим образованием преобладают в строительстве (32,8%), общественном питании (28,6%), обрабатывающей промышленности (27,4%).

В отраслях нематериального производства преобладают работники с высшим образованием [1, с. 96]. Наибольшее их количество занято в профессиональной, научной и технической деятельности (72,1%), государственном управлении (71,6%), образовании (55,1%). Наименьшее – в здравоохранении и социальных услугах (23,3%). Вторую позицию занимают работники со средним специальным образованием (44,7% данной категории работников трудится в сфере здравоохранения и социальных услуг; 30,2% – в культуре и искусстве). Работники, имеющие общее среднее образование, в основном сосредоточены в сфере административных и вспомогательных услуг (37,6%).

Среди работников с высшим образованием преобладают женщины. В 2016 году их удельный вес составил 36,2% от общей численности работников занятых в экономике Республики Беларусь. Следует отметить, что численность женщин, имеющих высшее образование, постоянно возрастает (за последние 6 лет их количество увеличилось на 7,3%). Доля мужчин с высшим образованием также постепенно растет. В 2016 году их численность составила 26,8% от общей численности работников (в 2010 году – 21,5%). Наибольшее количество мужчин, занятых в экономике в 2016 году, имеют общее среднее образование (27,3%). Среди женщин общее среднее образование имеет 19,7% работников. Среднее специальное образование имеют 18% мужчин и 26,1% женщин, профессионально-техническое – соответственно 25,1% и 16,5% [1, с. 95].

Таким образом, образование представляет собой мощный фактор культуры, обеспечивающий целостную многомерную самореализацию человека и необходимое условие экономического развития общества. Современное целевое развитие системы образования способствует интенсивному поиску рациональных путей самореализации при сохранении и развитии физического и духовного здоровья студентов и учащихся. Другими словами, инновационные аспекты преподавания неразрывно связаны с новейшими информационными, социальными и психологическими технологиями, которые могут предупредить возникновение нежелательных последствий от нововведений. На современном этапе развития образования необходима не просто передача профессиональных знаний, а воспитание профессионализма. Профессионал должен уметь безотказно, надежно, оперативно решать типичные профессиональные задачи. Он способен проявлять творчество, прогнозировать, находить оптимальные и эффективные решения в нестандартных ситуациях. Он умеет общаться с участниками профессиональной деятельности на должном интеллектуально-культурном уровне. Профессиональная квалификация, востребованность, личный успех, материальное благополучие и другие прагматические составляющие целей обучения профессии на любом образовательном этапе напрямую зависят от способности образовательного учреждения решать задачу более высокого уровня – развития самостоятельности и творческих способностей личности. Без ее решения ни сегодня, ни тем более в будущем невозможно достичь главной цели непрерывного профессионального образования – формирования потребности в постоянном самодвижении личности к вершинам профессии, ее способности адаптироваться к неожиданным жизненным ситуациям.

Образование – сфера специфическая. Результат, продукт – не винтик для хозяйственной деятельности, которому надо определить место на рынке труда. Люди пользуются услугами образования, даже покупают их, но это услуги особого рода. Не следует забывать, что пользуясь образовательными услугами, люди оказывают великую услугу государству, стране, обществу. Они тратят часть своей

жизни, зачастую значительную, свою энергию – самые драгоценные свои ресурсы, – чтобы увеличить, своими усилиями, за свой счет, самый важный ресурс нации – человеческий потенциал.

Библиографический список:

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь. Статистический сборник 2017. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2017. 506 с.

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ЭКСПЕРТНЫХ СИСТЕМ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Макаров С.Н.

В современном мире, когда международные интеграционные процессы затрагивают актуальные для стран вопросы, важным является механизм принятия паритетных решений, которые могли бы способствовать выстраиванию партнерских отношений, учитывающих интересы всех субъектов взаимодействий. В данном случае проблемное поле определяется достаточно большим набором факторов, природа которых разнообразна. В контексте интеграционных процессов, субъектами которых являются Россия и страны АТР, мы сталкиваемся с большим качественным разнообразием таких факторов. Это во многом обусловлено культурными и социально-экономическими особенностями стран, входящих в данный регион.

Важнейшими представителями АТР, кроме России, являются такие государства, как Австралия, США, Канада, Япония, Китай, Гонконг, Сингапур, Мексика, Чили [1]. Этот далеко не полный список уже говорит о большом разнообразии исследуемых факторов: не только географическая расположенность, но и системы ценностей, взглядов, общественно-политического устройства и экономики. Условно можно разделить государства АТР на четыре группы:

- страны с выраженным западным укладом (П.: США, Австралия, Канада);
- страны с выраженным восточноазиатским укладом (П.: Япония, Китай, Гонконг, Сингапур);
- страны с латиноамериканским укладом (П.: Мексика, Чили);
- Россия.

В первую группу входят страны, социально-экономические модели развития которые концентрируются вокруг традиционной стилистики «старой Европы», что связано с историческими особенностями самого факта появления и развития данных государств.

Вторая группа – это страны, которые в настоящее время сочетают в себе отдельные компоненты западных (в основном, управленческих) моделей, дополненные национальным менталитетом, зачастую выстраивающимся вокруг традиционных для этих государств религиозно-философских систем ценностей.

Третья группа стран повторяет по своей структуре модели второй, но имеет при этом качественные отличия в наполнении элементов этой модели, что также связано с исторически сложившимися национальными традициями.

Россия в этой классификации занимает, на наш взгляд, особое место. Это связано и с особенностями географического положения, и с накопленным историческим опытом, и со спецификой социальной атмосферы страны, на территории которой представлены все религиозные и социально-философские направления. Именно Россия имеет опыт консолидации вокруг себя стран и людей, причем формат этой консолидации реализуется на основе партнерства, учета интересов, вне зависимости от социально-экономической значимости того или иного государства.

Очевидно, что страны, входящие в структуру АТР, обладают существенными различиями, при этом в них сосредоточен огромный потенциал. Ресурсы этих государств достаточно самобытны, а их гармоничное сочетание дает возможность получения результатов, необходимых для успешного индивидуального развития. Именно поэтому уделяется повышенное внимание поиску оптимальных механизмов, способных обеспечить эффективное международное сотрудничество.

Для выработки этих механизмов используются разнообразные форматы взаимодействия, где в режиме диалога обсуждаются насущные проблемы и осуществляется поиск решений. Традиционные

форматы обсуждения дают возможность консолидировать позиции, учесть интересы субъектов такого диалога. Однако не всегда есть возможность решать проблемы быстро. Это связано с тем, что сам процесс принятия подобного рода решений отстает от ситуации, когда эти решения остаются актуальными, так как сама ситуация в современном мире меняется быстро.

Одним из способов, который может способствовать ускорению принятия решений, является формат экспертных систем. При этом подобные экспертные системы выступают не классическим вариантом реализации уже имеющегося опыта [2], а некоторой специфической областью знаний, адекватной решаемым проблемам. Речь идет о социально-управленческих экспертных системах [3]. Социально-управленческие экспертные системы – это способ получения знаний об оптимальных каналах управленческих взаимодействий.

Социально-управленческие экспертные системы, выполненные на автоматизированных платформах [4], дают возможность быстрого принятия решений по актуальным на данный момент вопросам. Причем добавляется возможность участия в процессе принятия решений специально отобранных экспертов из разных регионов и стран.

Отметим, что ключевым моментом является не только набор экспертов (что решается на основе консолидированно принятых требований). Ведущая роль отводится самому формату представления информации, которая бы описывала проблему в пригодном для экспертов виде. Апробированным решением данной задачи может выступать отображение социологической информации на основе фреймов. Фрейм – это своеобразный образ, который операционализирует стереотип понятия или ситуации [5, с.15]. Фрейм позволяет построить лаконичную модель проблемы, структурируя ее на содержательные элементы. Важно отметить, что транскрипция самой проблемы однозначна в своей интерпретации и одновременно содержит вариативную часть для выбора экспертами того или иного сценария решения.

Следовательно, обеспечение стран АТР инструментом для быстрого решения возникающих проблем (автоматизированными социально-управленческими экспертными системами) может способствовать международной интеграции и выработке оптимальных решений за короткий промежуток времени. Решения в этом случае соответствуют духу паритета и способствуют партнерским отношениям между всеми участниками интеграционных процессов.

Библиографический список:

1. Азиатско-Тихоокеанский регион. Официальный сайт организации объединенных наций [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sections/where-we-work/asia-and-pacific/>
2. Частиков А. Разработка экспертных систем. Среда CLIPS. 2003. 393 с.
3. Макаров С. Экспертные системы в государственном управлении. Монография. 2014. 248 с. ISBN 978-5-91412-208-2
4. Макаров С., Жебрунов Г. Система поддержки принятия управленческих решений СППУР, авторское свидетельство на программу для ЭВМ № 2012660535 от 22 ноября 2012 г., выдано Федеральной службой по интеллектуальной собственности (РОСПАТЕНТ)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: УРОВНЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Обрывалина О.А.

В контексте наблюдаемого в настоящий момент усиления политических, экономических, информационных, социальных и культурных контактов между разными странами можно вполне говорить и о глобализации образования. Ее проявлениями становятся новые организационные формы взаимодействия субъектов образовательного пространства, образовательная мобильность, диффузия образовательных практик, смыслов и ценностей и др. Как следствие, межкультурное взаимодействие приобретает многоуровневую структуру, что представляет несомненный интерес для социологов, культурологов и педагогов. Указав на некоторые общие особенности современной межкультурной

интеграции в сфере образования, мы далее обратимся к анализу структуры межкультурного взаимодействия нескольких новых образовательных проектов.

В актуальной практике международная интеграция проявляется в различных организационных формах на локальном, региональном и глобальном уровне.

На локальном уровне мы наблюдаем налаживание и расширение отношений между образовательными организациями (для ориентированных на развитие школ и университетов это становится обычной практикой). Чаще всего организационно это выражается во взаимном посещении, проведении совместных мероприятий (занятий, конференций, праздников и т.д.), обмене учащимися и педагогическими кадрами. При этом партнерами могут выступать не только организации близкие территориально.

На региональном уровне наиболее заметно создание ассоциации и консорциумов, призванных не только поддерживать обмен опытом и образовательную мобильность между организациями, но и максимально учитывать и использовать в их развитии региональную специфику образовательного и, шире, социального пространства. Так, сейчас Россия оказывается участником как минимум трех интеграционных региональных проектов: европейское образовательное пространство [1; 2], евразийское образовательное пространство [3] и образовательное пространство АТР [4].

Взаимодействие же на глобальном уровне обеспечивается международными организациями (например, ЮНЕСКО, Международная ассоциация университетов), проектами и регулярными встречами на форумах (The Education World Forum), саммитах (World Innovation Summit for Education), конгрессах (The World Congress on Education), конференциях (The UNESCO World Conference on Education for Sustainable Development) и т. д. При этом интересно, что активно развивающиеся национальные образовательные системы и отдельные образовательные учреждения не только включаются в процесс межкультурного диалога и обмена опытом по вопросам обучения и воспитания. Но на глобальном уровне фактически участвуют в выработке универсальных, вненациональных приоритетов, форм, методов и методик обучения, а также элементов его содержания.

Заметим также, что на всех уровнях все чаще участниками и даже организаторами дискуссий становятся не педагоги и администраторы образовательных учреждений, а представители бизнеса, консультанты, основатели образовательных стартапов, продюсеры образовательных проектов и т. д. Именно они, новые акторы, формируют повестку резонансных дискуссий, определяя актуальные проблемы образования и пути их решения.

Названные глобальные тенденции ярко проявляются в реализации новых крупных образовательных проектов. Речь идет, в частности, о негосударственных школах «новой формации», созданных благодаря организационным усилиям и финансовым вложениям частных инвесторов (представителей крупного бизнеса) и нацеленных на поиск модели школьного образования будущего. Эти школы относятся к упомянутым выше новым акторам образовательного пространства и могут быть объектами социальных и педагогических исследований. Среди недавно открывшихся школ г. Москвы следует особо отметить «Летово» (<https://letovo.ru/>) (полный набор учащихся еще не совершен, однако команда уже несколько лет работает над концепцией и образовательной моделью школы), «Хорошколу» (<https://horoshkola.ru/>), «Новую школу» (<https://n.school/>). Все три школы внимательно изучают имеющийся международный опыт и применяют его в своей практике, в результате чего в рамках каждой из них межкультурное взаимодействие проявляется на разных уровнях: уровне ценностей, приоритетов и задач образования; уровне содержания образовательных программ и внеучебной деятельности; уровне методик преподавания и оценки результатов, а также иной работы с учащимися; уровне критериев отбора и особенностей работы с педагогами; уровне школьной инфраструктуры (включая дизайн-проект здания и отделку интерьера); уровне коммуникации с внешней средой (партнерами, экспертами и проч.).

Степень организованности этого многоуровневого взаимодействия, его интенсивность и глубина в школах отличается, однако необходимость межкультурного диалога не вызывает сомнений. Исследуя тенденции развития современных обществ, влияние технологий на формирование личности,

трансформацию сфер образования и труда, изменение общемировых требований к квалификации выпускников школ и вузов, оценивая имеющийся опыт отечественного образования и его актуальное состояние «Летово», «Хорошкола» и «Новая школа» определяют (не одинаково) миссию школы и ее КРІ, обязательную и вариативную составляющую образовательных программ (например, устанавливают обязательное число иностранных языков, вводят в дополнительные занятия работу в мастерских (художественных, столярных, fab lab), вводят тьюторскую службу, разрабатывают свои или адаптируют имеющиеся методики отбора учащихся (например, может быть добавлены тесты на IQ и эмоциональный интеллект) и учителей (замеряется, в частности мотивация), методики и инструменты обучения и оценки его результатов. Интересно, что межкультурное взаимодействие реализуется и на уровне организации среды. Здесь ориентиром во многом выступает опыт финского школьного образования и основными партнерами по разработке архитектурных решений школьных пространств, их отделке и наполнению мебелью и оборудованием выступают финские компании. Школы поддерживают тесные контакты с образовательными проектами других стран, приезжают с визитами, исследуют опыт и делятся им друг с другом. Открытость, постоянная коммуникация и готовность к изменениям для поиска лучших решений – неотъемлемые элементы философии и практики этих новых негосударственных школ.

Оценить эффекты подобного многоуровневого межкультурного взаимодействия пока нельзя. Однако их пример уже демонстрирует потенциальную глубину образовательной глобализации. В государственном секторе российского школьного образования подобная интеграция выражена еще слабо и в подобном масштабе, скорее всего, проявится не скоро. Более того, сам процесс трансформации государственной системы школьного образования будет более сложным и долгим и потребует серьезной аналитической базы для принятия взвешенных управленческих решений. В связи с этим опыт частных экспериментальных образовательных площадок может быть очень полезен для реформирования всего российского образования и исследования возможностей межкультурной интеграции в сфере образования.

Библиографический список:

1. Гусякова Е.В., Демчук А.Л., Телешева И.Г. Вхождение системы высшего образования Российской Федерации в европейское пространство высшего образования: проблемы и задачи // Высшее образование в России. 2014. № 10. С. 5-10.
2. Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л., Камынина Н.Р., Котлобовский И.Б. Российское высшее образование в Болонском процессе (по материалам национального доклада РФ) // Высшее образование в России. 2015. № 8-9. С. 46-53.
3. Манахов С.В., Зуев В.М. Основные направления формирования единого образовательного пространства в рамках Евразийского Экономического Союза. Вестник НГУЭУ. 2016. № 2. С. 40-48.
4. Гурулева Т.Л. Единое образовательное пространство в АТР // Высшее образование в России. 2014. № 12. С. 134-140.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СЕМЬИ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ОПРОСА ЭКСПЕРТОВ)

Осмачко Н.В., Чистик К.В.

В современных условиях состояние российской семьи как основного социального института, осуществляющего функцию социализации личности, оценивается как кризисное. Об этом свидетельствуют статистические данные, результаты социологических исследований. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2016 году число разводов в нашей стране составило 608336 [1]. Все больше семей оказывается на грани перехода из семей «группы риска» в категорию дисфункциональных, увеличивается количество неблагополучных семейных союзов. В связи с этим возрастает актуальность внедрения новых социальных технологий, позволяющих эффективно оказывать не только помощь, но и развивать собственные ресурсы семьи, родительскую компетентность, предвосхищать возникновение социальных и психологических проблем в семье путем

активизации ее потенциальных возможностей. Таким образом, в настоящее время перед субъектами социальной работы стоит задача внедрения и развития технологии социального сопровождения, в рамках которой семья, взаимодействуя со специалистами, включается в процесс решения собственных проблем.

Понятие «сопровождение» близко таким понятиям, как «содействие», «совместное передвижение», «помощь одного человека другому в преодолении трудностей». Сопровождать – значит проходить с кем-либо часть его пути в качестве спутника или провожатого. Специалисты, осуществляющие сопровождение, стараются найти скрытые ресурсы для развития человека или семьи, используют их собственные возможности и способствуют формированию необходимых условий для восстановления социальных связей.

В федеральном законе «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» социальное сопровождение определяется как «предоставление медицинской, социальной, психологической, педагогической, юридической и социальной помощи, не относящейся к социальным услугам» [2].

В настоящее время социальное сопровождение интенсивно внедряется в деятельность социально-реабилитационных центров. В Приморском крае, в КГБУ СО «СРЦН для несовершеннолетних «Парус надежды» эту технологию осваивают специалисты отделения помощи семье и детям «Семь – Я». На базе СРЦН создан Ресурсный центр по социальному сопровождению семьи, цель которого заключается в осуществлении помощи специалистам, работающим с семьей, а также создании единого банка нуждающихся в помощи семей [3, 4]. В центре уже имеется ценный опыт сопровождения семей с детьми – инвалидами. В отдельных районах Приморского края, в частности, Хасанском, уже не первый год функционирует служба социального сопровождения семьи отделения помощи семье и детям «Семья – я».

Как следствие, возникает потребность в мониторинге процесса внедрения социального сопровождения. В рамках предпринятого исследования мы обращаемся к экспертному мнению – представлениям, суждениям и оценкам специалистов по социальной работе. Ведь от их усилий и заинтересованности, профессионализма зависит эффективность социального сопровождения семьи. В группу экспертов вошли руководитель, специалист Ресурсного центра и четыре работника отделения «Семья – я» СРЦН.

Полученная информация позволила оценить, как реализуется на практике «идеальная» модель социального сопровождения, представленная в правовых документах, каким образом работники моделируют данную инновационную технологию.

Большинство экспертов указали, что раньше социальное сопровождение осуществлялось в рамках федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (от 24.06.1999 года № 120-ФЗ). При этом помощь оказывалась в первую очередь несовершеннолетнему, а уже затем – семье или законным представителям ребенка. К тому же семья могла получить социальные услуги только в рамках социального учреждения.

В настоящее время социальное сопровождение подразумевает оказание помощи различным категориям семей посредством четкой и организованной деятельности субъектов других сфер – медицинской, правовой, образовательной и т.д.

По мнению большинства экспертов, основным субъектом, продвигающим новый вид государственной помощи, является Ресурсный центр по социальному сопровождению семьи. Точное представление о других функциях и деятельности центра продемонстрировали только двое экспертов – работник этого центра и руководитель. Были упомянуты и раскрыты следующие функции:

- координирующая, подразумевающая создание координационных советов, организацию межведомственного взаимодействия;
- обобщения опыта социального сопровождения;
- научно-методического обеспечения специалистов по социальному сопровождению. Это, во-первых, формирование и развитие компетенций специалистов территориальных служб сопровождения

– отделений нестационарной помощи, имеющих ресурсы специалистов и «ресурс» служб, чтобы курировать семьи. Во-вторых, методическая поддержка сотрудников других ведомств (например, медицинские сестры, социальные педагоги, педагоги и др.), вовлеченных в процесс социального сопровождения семьи.

Специалисты отметили, что территориальные службы и Ресурсный центр, пройдя первый, тестовый этап, в настоящее время осуществляют свои функции в полном объеме. Процесс формирования технологии социального сопровождения завершен; более того, обобщается опыт работы.

Опрос экспертов показал неоднозначность трактовки социального сопровождения, недостаточно четкое понимание его специфики по сравнению с социальным и постреабилитационным патронажем.

Эксперт, имеющий статус руководителя, отметил, что социальное сопровождение – это «все те виды помощи, которые семья может получить вне социальных услуг, то есть помощь, которая касается различных сфер жизнедеятельности (здравоохранение, медицина, образование)». Роль социального сопровождения в Приморском крае он определил как «наиболее системную, адресную помощь семье, оказываемую на основе тесного межведомственного взаимодействия». По мнению данного эксперта, сопровождение обеспечивает профилактическую работу на ранней стадии семейного неблагополучия, еще до того момента, когда семья окажется в социально-опасном положении (СОП); именно технология социального сопровождения способствует активизации ресурсов семьи.

В свою очередь, социальный патронаж руководитель определил, как постоянный контроль и надзор за дисфункциональными семьями, находящимися в СОП, состоящими на учете в социальном учреждении. Такое определение социального патронажа привели и специалисты по работе с семьей. Постреабилитационный патронаж осуществляется с профилактическими целями и означает контроль над семьей, которая ранее состояла на учете в социальной службе.

Эксперты предложили и другие определения интересующих нас понятий:

- социальное сопровождение организуется в отношении семей, находящихся в трудной жизненной ситуации;
- социальное сопровождение возможно только в случае обращения семьи за помощью в отделение «Семь – Я»;
- социальный патронаж осуществляется над семьями, которые выявляют территориальные отделения социальной защиты.

Следующая задача опроса экспертов – выявление противоречий в реализации социального сопровождения в регионе.

В первую очередь, была названа проблема недостаточной информированности в этой области как населения, так и работников других ведомств. Один из экспертов отметил, что в нашем регионе «есть проблема создания единого информационного поля для различных учреждений, сопровождающих семью». Специалисты обратили внимание на необходимость привлечения СМИ для продвижения социального сопровождения как технологии решения проблем семьи на начальной стадии возникновения трудностей.

Следующая проблема, по мнению специалистов отделения «Семья – я», заключается в значительном увеличении нагрузки. Теперь кураторы осуществляют не только социальный патронаж семей, находящихся в СОП (в рамках закона № 120), но и одновременно – социальное сопровождение других категорий семей.

В качестве третьей проблемы специалисты отметили пассивное отношение семей к преодолению возникших противоречий.

В результате интервьюирования экспертов разного должностного статуса было выявлено, с одной стороны, общее понимание сути технологии социального сопровождения и проблем ее реализации в Приморском крае. С другой стороны, зафиксировано существенное расхождение представлений о характеристиках социального сопровождения, приведенных представителем

управленческого звена и работниками социально-реабилитационного центра. В целом все эксперты сошлись во мнении, что сопровождение семьи делает процедуру оказания социальной помощи более эффективной, контролируемой и позволяет максимально задействовать всех необходимых субъектов. Использование данной технологии направлено на выявление скрытых потенциалов семьи, получение такого результата, который не исчезнет после того, как завершится работа с семьей.

Библиографический список:

1. Браки и разводы в Российской Федерации. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/prez_love0707.pdf

2. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=166044&fld=134&dst=1000000001.0&rnd=0.5281997784866475#0>

3. Об утверждении регламента межведомственного взаимодействия органов государственной власти Приморского края, организаций при предоставлении социальных услуг и (или) социального сопровождения на территории Приморского края: Приказ Департамента труда и социального развития ПК от 4 декабря 2014 года № 761 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/423980761>

4. Положение о Ресурсном центре по социальному сопровождению семьи. Официальный сайт КГБУ СО «СРЦН для несовершеннолетних «Парус надежды»» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.parus-nad.ru/resursnyj-centr/>

МЕТОДЫ И МОДЕЛИ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Романцева Е.Е.

В структуре управленческой деятельности любого руководителя выделяют несколько наиболее важных элементов и функций, таких как целеполагание, прогнозирование, планирование, организация, мотивирование, контроль и т. д. Каждая из них по-своему важна для успешной деятельности руководителя, однако многими специалистами в области менеджмента полагается, что наиболее существенный элемент среди данных функций в работе руководителя – это именно функция принятия управленческого решения.

В своей ежедневной работе любой менеджер множество раз сталкивается с необходимостью принимать решения. Умение принимать управленческие решения и делать это достаточно быстро, четко и эффективно – одна из ключевых компетенций современного менеджера. При этом не стоит забывать о том, что каждый раз, вставая перед выбором той или иной альтернативы, менеджер испытывает стресс, поэтому формирование навыков эффективного принятия управленческих решений обуславливает актуальность рассмотрения данного вопроса.

Целью работы является анализ процесса, особенностей, методов и моделей принятия управленческих решений.

Для решения задачи формирования умения принимать решения в ходе исследования предлагаем рассмотреть структуру данного умения, определить критерии и уровни его сформированности, раскрыть условия и средства, влияющие на эффективное формирование умения принимать решения, рассмотреть модель процесса формирования данного умения.

Умение принимать управленческие решения подразумевает совершение следующих действий:

- анализ проблемной ситуации;
- выявление сдерживающих факторов и определение критериев оценки;
- формулировка альтернативных вариантов решений;
- оценка данных вариантов;

- выбор одного из вариантов;
- воплощение/реализация данного варианта решения;
- контроль и коррекция решения.

Важность принятия оптимальных управленческих решений связана еще и с тем, что большую часть своих функций руководитель делегирует ряду своих подчиненных, но он не может делегировать функцию принятия решений, так как в этом случае можно сразу потерять бразды правления и контроль над ситуацией, что автоматически лишает менеджера позиции руководителя. В своей работе руководитель каждый день вынужден иметь дело с большим объемом информации и принимать огромное количество решений, которые касаются самых различных сфер деятельности предприятия.

Иногда ошибка в этом процессе может быть легко исправлена, но иногда она может оказаться фатальной для всего бизнеса или системы управления государством и страны в целом. Однако, хотя все понимают, что эффективную работу руководителя невозможно представить без умения эффективно и быстро принимать качественные решения, это умение у предпринимателей и руководителей, как правило, отсутствует, и они вынуждены обучаться данному умению самостоятельно путем многочисленных проб и ошибок.

Современная обстановка в мире может быть охарактеризована как нестабильная. Сейчас можно наблюдать обострение в принятии решений в сфере геополитических вопросов, а также в экономической, социальной и политической сферах жизни общества. Современные условия характеризуются высокой степенью турбулентности, что требует концентрации усилий и учета многих факторов при принятии управленческих решений. Экономике на современном этапе развития присуща неопределенность, а также неполнота информации, особенно той, которая касается будущего состояния экономической системы. При этом важно осознавать, что по причине существования внутрисистемных связей воздействие разных факторов неопределенности может накладываться друг на друга и в результате существенно усиливаться. Учет таких факторов является наиболее важным при принятии стратегических решений.

В принятии управленческих решений могут иметь место несколько видов неопределенности. Эффективность поиска оптимальных решений значительно зависит от методов описания и анализа существующей в задаче неопределенности, насколько адекватно данные методы могут отобразить реальную ситуацию. Но по причине методических и концептуальных трудностей в данное время не найден единый методологический подход к решению задач, которые содержат элементы неопределенности.

Существует множество моделей принятия решений. Мы предлагаем в рамках данной работы рассмотреть специальные модели принятия управленческих решений ввиду их нестандартного подхода, который на сегодняшний день набирает все большую актуальность в менеджменте.

Теория игр. Успехи любой организации на рынке зависят от множества переменных, одной из важнейших которых является конкурентоспособность. Очевидно, что умение спрогнозировать действие конкурента есть огромное преимущество для любой организации. Теории игр представляют собой совокупность методов моделирования оценок степени влияния принятых решений на конкурентов. Изначально теории игр были разработаны военными для учета в стратегиях возможных действий противника. В менеджменте игровая модель используется для прогнозирования реакций конкурентов на внезапное изменение цен, новую кампанию по поддержке сбыта, предложение новых дополнительных вариантов обслуживания, модификацию и освоение новых видов продукции. Увы, реальные рыночные условия зачастую очень сложны и настолько быстро изменяются, что невозможно сделать точный прогноз, как конкурент отреагирует на изменения тактики компании.

Модели теорий очередей, так называемые модели оптимальных способов обслуживания, применяются с целью определения оптимального количества каналов при обслуживании по отношению к потребности в них. Примером ситуации, когда модель теории очередей максимально полезна и применима, является звонок в авиакомпанию для бронирования мест

и получения необходимых данных, ожидание автотранспорта под разгрузку в очередях на склады, ожидания клиентами банков свободных кассиров, рестораны быстрого обслуживания и т.д. Если, например, клиенту приходится чересчур долго ожидать кассиров, он может решить перенести свой счет в другие банки.

Таким образом, принципиальная проблема состоит в уравнивании затрат на дополнительный канал обслуживания (большее количество людей для разгрузок автотранспорта, большее количество кассиров, большее количество клерков, занимающихся предварительной продажей билетов на самолет) и потерь в тех случаях, когда уровень обслуживания ниже оптимального (автомобили не могут лишней раз остановиться из-за задержки разгрузки, клиент уходит в другие банки или воспользуется услугами другой авиакомпании).

Модели управления запасами применяются для определений времени размещения заявки на ресурс и его количество, а также объем готовой продукции на складе. Предприятия должны поддерживать определенный уровень запасов, чтобы избежать задержки на производствах и при сбыте. Для сухих очисток, к примеру, требуются поставки нужного количества определенного вида химикатов, для аптек — лекарства, для производственных компаний — сырья и деталей, а также установленные заделы запасов готовых видов продукции и незавершенных производств.

Целью данных моделей является минимизация отрицательного ряда последствий при накоплении запасов, что может выражаться в определенном размере издержек. Среди этих издержек выделяют три основные разновидности: на хранение, на размещение заказов и на потери из-за недостаточного уровня запасов. Последнее связано, как и вытекает из названия, с исчерпанием запаса.

Модели линейного программирования используются для определений оптимальных способов распределения дефицитного ресурса в случае конкурирующей потребности. Линейные виды программирования обычно используются специалистами штабного подразделения для разрешений производственного вида трудностей.

Использование имитационного моделирования. Всеми описанными выше моделями подразумевается применение имитаций в широких смыслах, поскольку все они – заменители реальности.

Специалистами по производству и финансового отдела может быть разработана модель, которая позволяет имитировать ожидаемые уровни прироста производительностей и прибыли при применении новых технологий или изменении составов рабочих сил. Маркетинговые специалисты могут создавать модель для имитаций ожидаемого объема сбыта в связи с изменениями рекламы продукции или цены. Имитацию применяют в ситуации, когда слишком сложно использовать математический метод линейного программирования.

Таким образом, можно сделать вывод, что для принятия решения разработано множество методов и моделей, главное – менеджер должен понимать свою ответственность за принятие решения и использовать наиболее оптимальную модель в каждом отдельном случае.

Библиографический список:

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. 8-е издание / Пер. с англ. под ред. С.К. Мордовина. СПб.: Питер, 2011.
2. Грибанова Е.Б., Мицель А.А. Вопросы имитационного моделирования экономических объектов: Лабораторные практикумы. Томск: Изд-во НТЛ, 2011. 183 с.
3. Долгов А.П., Уваров С.А., Григорьев М.Н. Логистика. М.: Гардарики, 2012. 463 с.
4. Кибанова С.К. Основы принятия управленческих решений. М.: ИНФРА-М, 2012.
5. Мюллер П., Мушик Э. Методы принятия управленческих решений / Пер. с нем. М.: Мир, 2012. 293 с.
6. Питер Ф. Друкер Задачи менеджмента в XXI веке. М: Вильямс, 2013. С. 45
7. Рыжикова И.Ю. Теории очередей и управление запасами предприятия. СПб.: Питер, 2011. 394 с.

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРУППОВОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ДЕПРИВАЦИИ

Свищёва А.Н.

На первоначальном этапе своего становления (1940-1960-е гг.) явление относительной депривации определялось в рамках теории референтных групп [21, 30, 27, 1]. Под относительной депривацией в общем виде понимались чувства несправедливости, возникающие в результате неблагоприятного сравнения индивидом своего положения/своей социальной группы с положением других индивидов, групп.

Важным достижением данного периода явилось выделение двух уровней относительной депривации: индивидуальный (недовольство индивида своей уникальной ситуацией в сравнении с другими индивидами) и групповой (недовольство индивида положением группы, с которой он себя идентифицирует, по сравнению с положением других групп в более широкой системе отношений). При этом групповая относительная депривация, согласно теоретикам данного подхода [27, 26, 6], могла как основываться на индивидуальной, так и быть чисто групповой (например, недовольство коренных рабочих, что иммигранты занимают их рабочие места, вне зависимости от персонального опыта потери работы в связи с данным фактором).

Однако такие важные проблемы, как условия обобщения опыта индивидуальной относительной депривации на групповой уровень или просто условия восприятия последней, не могли быть раскрыты в рамках данного теоретического направления (хотя и подчёркивалась важность исследования нормативной функции референтных групп: их влияние на установки, поведение, идентичность индивида). В связи с этим важно обратить внимание на исследования, посвященные особенностям распространения влияния в сети, в том числе в форме распространения группового недовольства и протестного участия. Среди известных представителей, которые явно связывали понятия «референтная группа» и «относительная депривация» с проблемами анализа социальных сетей, можно выделить Р. Берта, Дж. Дэвиса, Д. Гартрела [3, 7, 10].

Анализ социальных сетей как отдельное направление начал активно развиваться с 1970-х гг., у истоков развития которого, в том числе лежали теории групповых динамик, повлиявшие на последующее изучение социальной сплоченности. Среди первых были исследования условий межперсонального баланса Ф. Хейдера, Т. Ньюкомба [17, 18, 24]. Так, в триаде существует баланс, если все отношения между акторами положительные или одно положительное и два отрицательные. Если баланс отсутствует, то, вероятнее всего, он будет достигнут. В связи с этим изучалась тенденция близких друг к другу индивидов усваивать схожие установки к третьей стороне (мнению, событию, другому индивиду).

Данные закономерности были формализованы при помощи графов в работах Д. Картврайта и Ф. Харари [4] (сеть, представленная графически как состоящая из вершин и линий соединяющих их: сплошная линия (положительные отношения) и прерывистая (отрицательные)), что позволило изучать групповые отношения и динамику с точки зрения каждого актора.

Теория баланса в свою очередь повлияла на развитие теории транзитивности, которая включала в себя первую как частный случай. Согласно данной теории, межперсональные выборы близких друг к другу индивидов стремятся к транзитивности в том смысле, что если А выбирает Б, а Б выбирает С, то А, вероятно, выберет С.

Исследования Дж. Дэвиса, П. Холланда, С. Лейнхардта [8, 9, 19] в свою очередь позволили сузить рассматриваемые характеристики отношений, что открыло путь к типологизации триад, позволяющей даже на средних и больших группах при помощи специализированных программ (например, программа TRIADS или Pajek [2, 30]) осуществлять проверку гипотез о балансе, транзитивности и кластеризации (распадение группы на подгруппы, в каждой из которой все отношения позитивные, а между ними - отсутствуют либо отрицательные). Например, из 16 типов триад только 6 отражает свойства транзитивности, если в реальной группе такие триады встречаются чаще ожидаемого, значит, гипотеза транзитивности подтвердилась.

Данные достижения использовались и в рамках социологии общественных движений, например К.-Д. Опп [25] использовал теорию баланса Ф. Хейдера при исследовании проблем формирования коллективной идентичности неудовлетворенных. Однако одним из ограничений данных теорий явилось то, что закономерности, наблюдаемые на малых группах, могут не наблюдаться на макроуровне, т. е. состояние дисбаланса может успешно сохраняться длительное время вследствие институциональных, экономических и политических ограничений. Также в рамках данного подхода не изучались особенности сети в целом и её характеристики, обуславливающие распространение влияния, а только специфика отношений в группе.

Частично данные ограничения могли быть преодолены в рамках второго подхода, получившего свое развитие с конца 1980-х гг. Данный подход основывался на теории критической массы М. Грановеттера. Согласно данной теории, в системе критической массы участие некоторой доли населения может вызвать снежный ком активности. М. Грановеттер [13, 14] предложил концепцию «порога», согласно которой индивид присоединяется к действию (или принимает установку, идею), если пропорция индивидов из его окружения, уже участвующих в действии, превышает его собственный порог (готовность индивида предпринять действие после присоединения к нему определенной доли его окружения может ранжироваться от более 100% (никогда) до 0% (всегда)).

Отталкиваясь от данной теории, исследователи изучали влияние таких сетевых характеристик, как размер сети [23, 11], наличие лидеров [22, 23, 11], особенность сочетания сильных и слабых связей, в том числе в интернете [5, 28, 15, 14]. Наиболее влиятельной стала концепция «силы слабых связей» [12], которая заключается в том, что в отличие от сильных связей, которые образуют скорее замкнутые клики благодаря транзитивности, слабые связи соединяют разные группы, идентичности, являясь источником новой информации, инноваций и обеспечивая связанность сети в целом.

Сочетая вышеперечисленные характеристики, такие исследователи, как Д. Уоттс, Д. Сэнтола и М. Мэйси, Х. Ху и др., Д. Сигэл [31, 32, 5, 20, 28], перешли к рассмотрению типов сетей: маленький мир (современные города), деревни (или клики), лидер мнений, иерархия. Данные исследователи изучали влияние параметров соответствующих типов сетей среди населения с разным уровнем мотивации на уровень протестного участия и на скорость его распространения. Для проверки старых и постановки новых гипотез данные исследователи преимущественно использовали динамическое моделирование в специализированных программах (например, Agent-Based Model of Collective Action [см. применение: 13, 28, 20]).

Библиографический список:

1. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / Под ред. З. В. Кагановой. М., 2006. С. 360-561.
2. Batagelj V., Mrvar A. Pajek – a program for large network analysis // Connections. 1998. Vol. 21. № 2. P. 47-57.
3. Burt R. Toward structural theory of actions: network models of social structure, perception and action. N.Y., 1982.
4. Cartwright D., Harary F. Structural balance: a generalization of Heider's theory // Psychological Review. 1956. Vol. 63. № 5. P. 277-292.
5. Centola D., Macy M. Complex contagions and the weakness of long ties // American Journal of Sociology. 2007. Vol. 113. № 3. P. 702-734.
6. Crosby F. Relative deprivation in organizational settings // Research in Organizational Behavior / Ed. by B. Staw, L. Cummings. Greenwich, 1984. P. 51-93.
7. Davis J. Structural balance, mechanical solidarity, and interpersonal relations // American Journal of Sociology. 1963. Vol. 68. № 4. P. 444-462.
8. Davis J. The Davis/Holland/Leinhardt studies: an overview // Perspectives on social network research / Ed. by P. Holland, S. Leinhardt. N.Y., 1979. P. 51-62.
9. Davis J., Leinhardt S. The structure of positive interpersonal relations in small groups // Sociological theories in progress. Vol. 2. / Ed. by J. Berger. Boston, 1972. P. 218-251.

10. Gartrell D. The embeddedness of social comparison // *Relative deprivation: specification, development, and integration* / Ed. by I. Walker, H. Smith. Cambridge, 2002.
11. Gould R. Collective action and network structure // *American Sociological Review*. 1993. Vol. 58. № 2. P. 182-196.
12. Granovetter M. The strength of weak ties // *The American Journal of Sociology*. 1973. Vol. 78. № 6. P. 1360-1380.
13. Granovetter M. Threshold models of collective behavior // *American Journal of Sociology*. 1978. Vol. 83. № 6. P. 1420-1443.
14. Granovetter M., Soong R. Threshold models of interpersonal effects in consumer demand // *Journal of Economic Behavior Organization*. Vol. 7. № 1. P. 83-99.
15. Hampton K. Grieving for a lost network: collective action in a wired suburb // *The Information Society*. 2003. Vol. 19. № 5. P. 1-13.
16. Haythornthwaite C. Strong, weak and latent ties and the impact of new media // *The Information Society*. 2002. Vol. 18. № 5. P. 385-401.
17. Heider F. Attitudes and cognitive organization // *Journal of Psychology*. 1946. Vol. 21. № 1. P. 107-112.
18. Heider F. *The Psychology of Interpersonal Relations*. N.Y., 1958.
19. Holland P., Leinhardt S. A method for detecting structure in sociometric data // *American Journal of Sociology*. 1970. Vol. 70. № 3. P. 492-513.
20. Hu H., Cui W. et al. ICTs, social connectivity, and collective action: a cultural-political perspective // *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2014. Vol. 17. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/17/2/7.html>
21. Hyman H. *The Psychology of Status* // *Archives of Psychology*. 1942. №. 269. P. 1 – 95.
- Kim H., Bearman P. Who counts in collective action? The structure and dynamics of movement participation // *American Sociological Review*. 1997. Vol. 62. № 1. P. 70-93.
22. Marwell G., Oliver P. et al. Social networks and collective action: a theory of the critical mass. III // *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. № 3. P. 502-534.
23. Newcomb T. An approach to the study of communicative acts // *Psychological Review*. 1953. Vol. 60. № 6. P. 393-404.
24. Opp K.-D. *Theories of political protest and social movements: a multidisciplinary introduction, critique, and synthesis*. London/N.Y., 2009. P. 275-304.
25. *Relative deprivation: specification, development, and integration* / Ed. by I. Walker, H. Smith. Cambridge, 2002.
- Runciman W. *Relative deprivation and social justice: a study of attitudes to social inequality in twentieth century England*. London, 1972.
26. Siegel D. Social networks and collective action // *American Journal of Political Science*. 2009. Vol. 53. № 1. P. 122-138.
27. Stouffer S., Suchman E. et al. *The American Soldier: adjustment during army life*. Princeton, 1949.
28. Walker M., Wasserman S. *TRIADS: a computer program for triadic analyses*. Urbana, 1987.
29. Watts D., Dodds P. Networks, influence, and public opinion formation // *Journal of Consumer Research*. 2007. Vol. 34. № 4. P. 441-458.
30. Watts D. *Small worlds: the dynamics of networks between order and randomness*. Princeton, 1999.

**ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЙ МЕТОД
КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В САРАТОВСКОМ РЕГИОНЕ**

Семенова Ю.А.

Возможности повышения эффективности региональных программ поддержки малого предпринимательства прежде всего определяются их местом в системе государственного управления,

социально-экономическими процессами на региональном уровне. Как сам малый бизнес не может развиваться обособленно, так и программы его поддержки должны быть интегрированы в систему управления региональным народнохозяйственным комплексом. В первую очередь это предполагает взаимное согласование программ и иных мер, ориентированных на поддержку малого бизнеса, с общей стратегией развития региона на среднесрочную перспективу. В настоящее время нет четко установленных требований Федерального законодательства относительно системы программ как основного метода управления социально-экономическим развитием субъектов Федерации в среднесрочной перспективе.

Одним из важнейших направлений развития реального сектора экономики является формирование стабильного сегмента малого и среднего бизнеса. В 2016 году на федеральном уровне приняты стратегические документы, направленные на развитие и поддержку малого и среднего предпринимательства: Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 года № 1083-р); целевая модель по направлению «Поддержка малого и среднего предпринимательства» (одобрена по итогам заседания Государственного совета Российской Федерации 12 ноября 2016 года); приоритетный проект по основному направлению стратегического развития России «Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (одобрен президиумом Совета при Президенте России по стратегическому развитию и приоритетным проектам 21 ноября 2016 года).

Положения федеральных документов отражены в Стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года (утв. постановлением Правительства Саратовской области от 30 июня 2016 года № 321-П) [1]. Основные стратегические задачи по развитию малого и среднего предпринимательства: оказание финансовой, имущественной, информационно-консультационной поддержки; расширение доступа к льготному кредитованию; создание новых и развитие действующих организаций инфраструктуры; стимулирование спроса на продукцию МПС путем внедрения Стандарта развития конкуренции; реализация мероприятий, направленных на увеличение доли закупок у субъектов МСП; либерализация налогового законодательства; пропаганда легального предпринимательства и формирование положительного имиджа предпринимателя. Государственная поддержка предпринимательства осуществляется в рамках подпрограммы «Развитие малого и среднего предпринимательства в Саратовской области» государственной программы Саратовской области «Развитие экономического потенциала и повышение инвестиционной привлекательности региона до 2020 года». С 2017 года по программе Минэкономразвития России приоритетом является реализация мероприятий по созданию и развитию организаций инфраструктуры для бизнеса. Акцент от прямой финансовой поддержки бизнеса смещён в пользу развития рыночных инструментов (микрозаймов, гарантий и поручительств). В 2016 году количество вновь созданных рабочих мест субъектами малого и среднего предпринимательства, получившими государственную поддержку по мероприятию «Имущественный взнос в некоммерческую организацию «Фонд микрокредитования субъектов малого и среднего предпринимательства в Саратовской области» составило – 36 единиц; исполнение расходных обязательств за счет субсидии, в 2016 году – 100%; количество субъектов малого и среднего предпринимательства, получивших государственную поддержку по мероприятию «Фонд микрокредитования субъектов малого и среднего предпринимательства в Саратовской области», в 2016 году – 86 единиц; отношение объема выданных микрозаймов субъектам малого и среднего предпринимательства к совокупному размеру средств микрофинансовой организации, сформированному за счет субсидии, в некоммерческую организацию «Фонд микрокредитования субъектов малого и среднего предпринимательства в Саратовской области», в 2016 году – 76%; количество вновь созданных рабочих мест (получивших государственную поддержку по мероприятию «Взнос в уставный капитал АО «Гарантийный фонд для субъектов малого предпринимательства Саратовской области»), в 2016 году – 32 единицы; исполнение расходных обязательств за счет субсидии, предоставленной в уставный капитал АО «Гарантийный фонд для субъектов малого

предпринимательства Саратовской области», в 2016 году – 100%; количество субъектов малого и среднего предпринимательства, получивших государственную поддержку по мероприятию «Взнос в уставный капитал АО «Гарантийный фонд для субъектов малого предпринимательства Саратовской области», в 2016 году – 17 единиц; отношение объема выданных кредитов субъектам малого и среднего предпринимательства под гарантии (поручительства) гарантийной организации к совокупному размеру средств гарантийного фонда, сформированного за счет субсидий, «Взнос в уставный капитал АО «Гарантийный фонд для субъектов малого предпринимательства Саратовской области», в 2016 году – 300%. В настоящее время на территории Саратовской области утверждены: перечень недвижимого федерального имущества (за исключением земельных участков), свободного от прав третьих лиц (за исключением имущественных прав субъектов малого и среднего предпринимательства), для предоставления во владение и (или) в пользование на долгосрочной основе субъектам малого и среднего предпринимательства, в который включен 41 объект, находящийся на территории Саратовской области (утвержден распоряжением Росимущества от 12 ноября 2015 года №818-р); перечень областного имущества, свободного от прав третьих лиц (за исключением имущественных прав субъектов малого и среднего предпринимательства), в который включено 62 объекта (утвержден приказом комитета по управлению имуществом Саратовской области № 84-к от 11.04.2016 года); перечни муниципального имущества: в 4 городских округах (включено 36 объектов), в 36 муниципальных районах области (включено 123 объекта), в 3 муниципальных образованиях (включено 5 объектов).

В целях оказания маркетинговой и информационной поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства Корпорацией в г. Саратове запущен Бизнес-навигатор МСП, который позволяет предпринимателям сформировать актуальную базу исходных данных для принятия решений при создании, ведении или расширении своего бизнеса, быстро находить поставщиков и заказчиков по сформированным требованиям к товарам, работам, услугам, определять рыночные ниши и рассчитывать бизнес-план, проверять контрагентов, выбирать оптимальные финансово-кредитные продукты, вести продвижение своей компании, узнавать о мерах поддержки, получать аналитику по выбранному профилю бизнеса. Бизнес-навигатор расположен по адресу: www.smbn.ru.

В 2017 году будет проведена опытная эксплуатация Бизнес-навигатора МСП в городах Энгельс и Балаково. В рамках правовой поддержки создана база правовых решений для субъектов МСП. На сегодняшний день доступны 6 типовых проблемных ситуаций кейсов[2]: «Создание юридического лица, «не выходя из дома»; «Оказание имущественной поддержки субъектам МСП»; «Выбор системы налогообложения малыми и средними предприятиями»; «Поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства через инструменты прямого финансирования»; «Приобретение субъектами малого и среднего предпринимательства арендуемого недвижимого имущества»; «Защита прав малых и средних предприятий при проведении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля за соблюдением требований законодательства Российской Федерации».

Проведение мероприятий по поддержке молодежного предпринимательства реализуется при содействии министерства экономического развития области, общественных организаций и объединений предпринимателей области - «Опора России» и «Торгово-промышленная палата Саратовской области», ГУП СО «Бизнес-инкубатор Саратовской области», Саратовского Государственного социально-экономического университета (филиала) РЭУ им. Г.В. Плеханова, НОУ «Школа бизнеса Диполь», а также региональной сети центров молодежного инновационного творчества. В последние годы большая роль отводится адресной поддержке субъектов.

С нашей точки зрения, в региональных программах по развитию и поддержке малого предпринимательства должна получить свое развитие концепция «государственно-общественной поддержки». Названная поддержка может быть определена как система совместных согласованных действий федеральных, региональных, муниципальных и общественных организаций в рамках единой региональной политики развития малого предпринимательства, основанной на взаимодействии, взаимном контроле, передаче функций и отдельных видов экономических ресурсов, с целью

повышения эффективности осуществляемых мер поддержки малого бизнеса, придания этим мерам адресности, открытости, результативности и пр. При таком подходе государственно-общественная поддержка малого предпринимательства должна включать следующие составляющие. Во-первых, участие специализированных региональных и муниципальных структур в развитии и поддержке общественных предпринимательских структур в городе. Во-вторых, привлечение представителей общественных предпринимательских структур к разработке основных нормативно-правовых и программных документов по развитию и государственной, а также муниципальной поддержке малого предпринимательства, в том числе в рамках процедуры обязательной экспертизы и согласования. В-третьих, передачу общественным предпринимательским структурам (в случае их реальной готовности) отдельных государственных и муниципальных функций по регулированию и контролю ряда направлений деятельности соответствующих групп субъектов малого предпринимательства. В-четвертых, создание на началах частного и публичного партнерства институтов, решающих наиболее важные проблемы деятельности малых предприятий (например, разрешение хозяйственных споров; защита интересов собственников и наемных работников в среде малого предпринимательства; выдача поручительств, выбор оптимальной меры административного контроля и защита от его недобросовестно действующих субъектов). В-пятых, придание системного характера процессу научно-аналитического обеспечения развития малого предпринимательства в регионе. В-шестых, распространение практики государственно-частного партнерства в решении задач развития и поддержки малого предпринимательства на муниципальный уровень. Кроме того, в ходе конкретизации направлений развития малого предпринимательства в регионе, а также внесения предложений по совершенствованию практики его государственной поддержки должны быть проанализированы и учтены предложения общественных объединений предпринимателей, обращенные как к региональным и муниципальным, так и к федеральным органам власти.

Библиографический список:

1. Постановление Правительства Саратовской области от 30 июня 2016 года № 321-П «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года» (с изменениями и дополнениями) // Справочно-правовая система «ГАРАНТ»
2. Корпорация МСП. Режим доступа: www.corpmsp.ru/malomu_i_srednemu_biznesu/cases/ (дата обращения 02.10.17).

МОДЕЛИРОВАНИЕ БРАЧНОГО РЫНКА В РОССИИ

Синельников А.Б.

Для изучения брачности демографы используют ряд показателей: средний и медианный возраст вступления в первый брак, доля никогда не состоявших в браке среди населения 45-49 лет и старше, процент повторных браков и др. Эти индикаторы анализируются отдельно для мужчин и для женщин, словно речь идет о двух разных демографических процессах, а не о двух сторонах процесса образования супружеских пар на «брачном рынке».

Автор этой статьи, используя идеи израильского демографа Г.В. Мюзама [1], предложил метод расчета брачных потенциалов. Дополнительный брачный потенциал – максимальное число браков, которые могут быть заключены при данной численности и возрастном составе мужчин и женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, учитывая фактическую частоту любых теоретически возможных вариантов комбинации (сочетания) их возрастов [2]. Общий брачный потенциал – это общее число супружеских пар как уже существующих, так и имеющих возможность возникнуть. Таким образом, была создана система показателей потенциальной брачности [3], включающая как сами потенциалы, так и степень их реализации, т. е. соотношение между фактическим и теоретически максимально возможным значением показателя.

В 2011 г. в РФ вступили в законный брак 1316011 пар, в том числе женихов в возрасте до 24 лет включительно – 381545, невест того же возраста – 586127, пар, в которых оба новобрачных принадлежат к этой возрастной группе – 312281 [4, с. 600]. Из общего числа женихов моложе 25 лет

82 % вступили в брак с ровесницами ($312281:381545 = 0,82$). Однако только 53 % невест моложе 25 лет вышли замуж за ровесников ($312281:586127 = 0,53$). По данным переписи на 14 октября 2010 г., в России проживали 7,2 миллионов мужчин и только 6 миллионов женщин от 18 до 24 лет, не состоящих на момент переписи в законном браке [5, с. 294-295]. Женщины выходят замуж в более молодом возрасте, чем женятся мужчины. Поэтому среди 18-24-летних замужних женщин больше, чем женатых мужчин, а незамужних, напротив меньше, чем неженатых. Так как 82% мужчин 18-24 лет женятся на ровесницах, то на российском «брачном рынке» их «брачный спрос» на невест 18-24 лет = 7,2 млн × 0,82 = 5,9 млн. Но лишь 53% женщин 18-24 лет выходят за ровесников. «Брачное предложение» невест 18-24 лет для женихов 18-24 лет = 6,0 млн × 0,53 = 3,2 млн. Комбинационный брачный потенциал для любого сочетания (комбинации) возрастов – это наименьшая из двух величин – «условного спроса» и «предложения» (в данном случае этот минимум равен 3,2 млн). Мужчинам 18-24 лет не хватает невест-ровесниц, многие из которых считают своих сверстников недостаточно «взрослыми» для брака, а также невест от 25 до 34 лет, большая часть которых предпочитают либо ровесников, либо мужчин на несколько лет старше. В 2010-2011 гг. конъюнктура на российском «брачном рынке» была выгоднее всего для мужчин 25-29 лет. Их «спрос» на невест любого возраста был меньше встречного «предложения». Но спрос мужчин 30-34 лет на невест моложе 30 лет, мужчин 35-44 лет – на невест моложе 35 лет, мужчин 45–49 лет – на женщин моложе 40 лет, мужчин от 50-59 лет – на женщин моложе 45 лет, мужчин 60 лет и старше – на женщин моложе 50 лет обеспечен лишь частично. Многие женщины считают мужчин старше себя на 5-10 и более лет слишком старыми, и соглашаются на браки с ними, только если эти мужчины богаты, знамениты или занимают высокие посты. В то же время женихов-ровесников (или немного старше себя) женщинам не хватает, из-за того, что многие из этих мужчин предпочитают гораздо более молодых невест. Поэтому дополнительный брачный потенциал, т. е. сумма комбинационных потенциалов для всех сочетаний возрастов, составляет лишь 17,6 млн, т. е. 77% от общего числа неженатых мужчин (22,9 млн) и 51% от общего числа незамужних женщин старше 18 лет (34,2 млн). У мужчин до 25 и старше 30 лет, и у женщин всех возрастов возможности вступления в брак ограничены.

Таблица 1 – Дополнительные брачные потенциалы в % к числу лиц данного пола и возраста в Российской Федерации, по данным переписи 2010 г.*

	Всего 18 лет и более	18-24 года	25-29 лет	30-34 года	35-39 лет	40-44 года	45-49 лет	50-59 лет	60 лет и более
Мужчины	77%	53%	100%	85%	78%	80%	81%	88%	90%
Женщины	51%	91%	99%	83%	72%	63%	53%	44%	11%

*Расчеты по данным Росстата [4, с. 600; 5, с. 294-295; 6; 7].

Дополнительный брачный потенциал в расчете на 1000 населения – это потенциал брачности, т. е. теоретически максимально возможное значение общего коэффициента брачности. Сравнение этого максимума с фактической величиной коэффициента показывает, что реализация потенциала брачности в 1993-1994 гг. составляла только 9,0%, в 2010-2011 гг. – лишь 7,2%, в 2015-2016 гг. – еще меньше – 6,4%. Люди все реже используют возможность вступления в брак, которую они имеют при существующей ситуации на «брачном рынке».

Таблица 2 – Соотношение фактического и максимально возможного уровня брачности*

Годы	Общий коэффициент брачности на 1000 населения	Потенциал брачности на 1000 населения	Реализация потенциала брачности, в %
1993-1994	7,4	82	9,0%

2010-2011	8,9	123	7,2%
2015-2016	7,3	114	6,4%

*Расчеты по данным Росстата. [4, с. 600; 5, с. 294-295; 6, с. 5; 7; 8; 9, с. 8-9; 10].

Метод брачных потенциалов применим не только к показателям, характеризующим вступление в брак, но и к показателям, характеризующим состояние в браке, т. е. степень охвата населения супружескими отношениями, в том числе и тогда, когда брак не зарегистрирован (рис. 1).

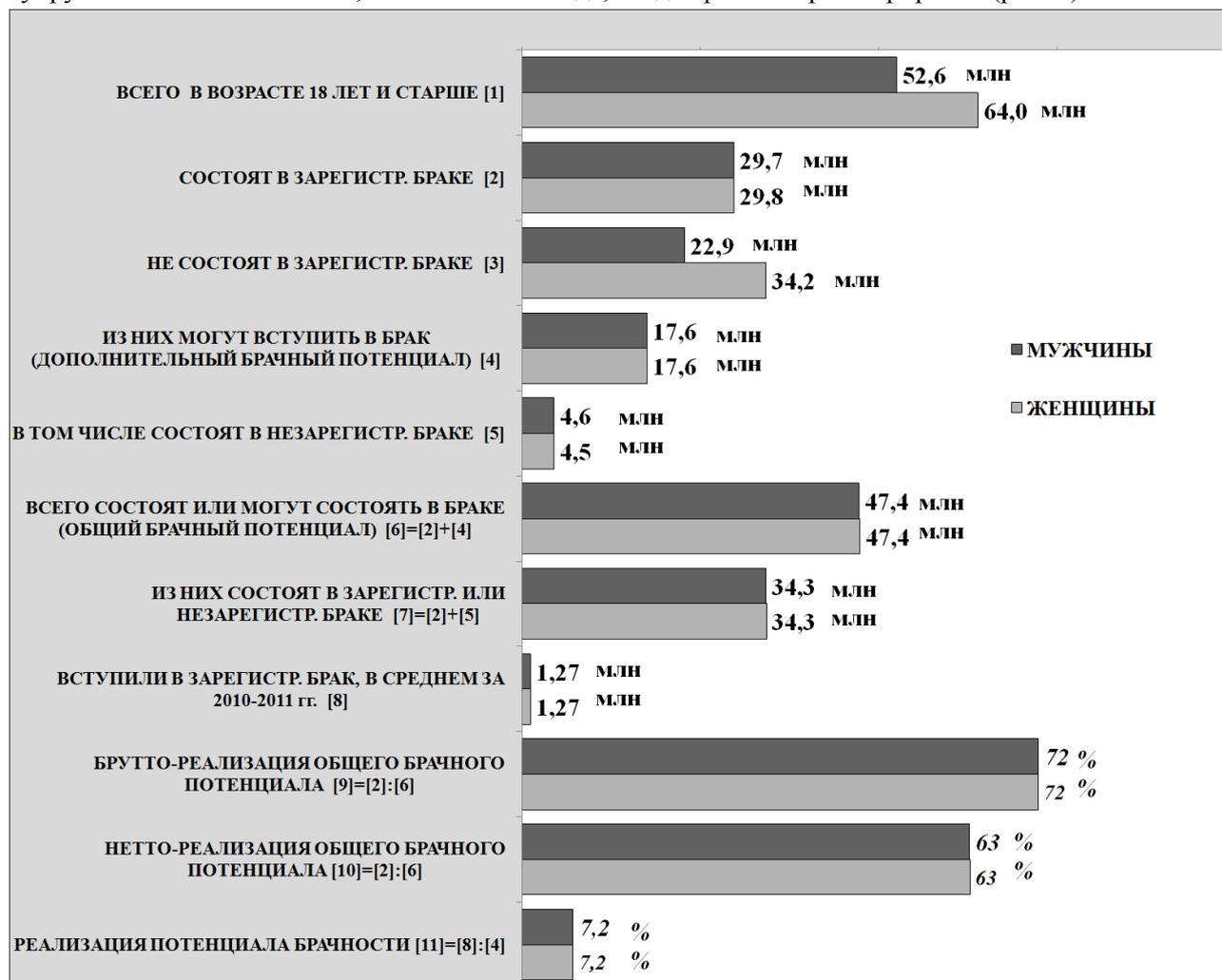

Рисунок 1 – Система показателей потенциальной брачности, характеризующих состояние в браке и вступление в брак (РФ, 2010-2011 гг.)*

*Расчеты по данным Росстата. [4, с. 600; 5, с. 294- 295; 7].

Общий брачный потенциал – это суммарная численность мужчин (или женщин), либо уже состоящих в зарегистрированном браке либо имеющих возможность вступить в брак.

Нетто-реализация общего брачного потенциала – это его часть, которая приходится на людей, состоящих в законном браке. В 1994 г. нетто-реализация составляла 74%, в 2010 г. – 63%, в 2015 г. – 65%.

При расчете брутто-реализации общего брачного потенциала учитываются все, кто относит себя при прохождении переписи к состоящим как в законном, так и в т. н. «гражданском» браке. Однако брутто-реализация также уменьшилась с 79% в 1994 г. до 72% в 2010 г. и немного увеличилась – до 74% в 2015 г. Но возврата к показателям состояния в браке на уровне 1994 г. не произошло, а показатели вступления в брак снижались в течение всего периода, за который их можно рассчитать.

Как среди неженатых мужчин, так и среди незамужних женщин увеличивается доля лиц с завышенными притязаниями к будущим супругам. Они согласны на брак лишь с такими партнерами, которых практически невозможно встретить либо они не отвечают взаимностью или уже имеют семью. Из-за этого растет число людей, не состоявших в браке. Снижение уровня брачности негативно отражается и на динамике рождаемости.

Метод брачных потенциалов может применяться для составления демографических прогнозов с учетом влияния ожидаемых изменений в составе населения по полу, возрасту и состоянию в браке, а также различий в уровне брачной и внебрачной рождаемости. Это дает возможность прогнозировать не только ожидаемую численность и половозрастную структуру населения, но также число и состав семей и домохозяйств, что позволяет более точно определить перспективный спрос на жилье и прочие товары длительного пользования. Прогностические модели, включающие брачность, предлагались и ранее [11, 12], но прогнозы, основанные на показателях брачности мужчин, отличаются от прогнозов, основанных на показателях для женщин. Расчет средних цифр из двух вариантов [12] неправомерен. Число браков между женихами x лет и невестами y лет зависит от того, что при данном сочетании возрастов больше – «спрос» или «предложение». Результаты таких расчетов могут использоваться также и для оценки эффективности демографической политики и разработке предложений по ее совершенствованию.

Библиографический список:

1. Muhsam, H.V. (1974). The marriage squeeze. *Demography*, 11(2), pp. 291-299.
2. Синельников А.Б. Статистика брачности и «служба знакомств» // Стабильность семьи как социальная проблема. М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1978. С. 146-166.
- 3 Синельников А.Б. Брачная ситуация в РСФСР // Тенденции развития современной семьи. М.: Институт социологии РАН, 1992. С. 9-28.
4. 2012 United Nations Demographic Yearbook. Sixty-third issue. New York, United Nations, 2013.
5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. В 11 томах. Т. 2. М.: Статистика России, 2012. С. 294-295.
6. Естественное движение населения Российской Федерации за 2016 год (Стат. бюллетень). М.: Федеральная служба государственной статистики. 2017. Официальный сайт Фгс. службы гос. статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096846_203
7. Демографический ежегодник России. 2012. М.: Росстат, 2012. (Таблица 3.5)
8. Демографический ежегодник России. 1994. М.: Госкомстат России, 1995. (Таблицы 3.1 и 3.6)
9. Состояние в браке и рождаемость в России (по данным микропереписи населения 1994 г.). М.: Госкомстат России, 1995.
10. Таблицы с итогами микропереписи населения 2015 года. Таблицы 1.1 и 1.2 Официальный сайт Фгс. службы гос. статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 04.11.2017).
11. Волков А.Г., Сороко Е.Л. Имитационная модель демографического развития семьи // Демографические процессы и их закономерности. Под ред. А.Г. Волкова. М.: Мысль. 1986. С. 76-88.
12. Christiansen, S.G. & Keilman, N. (2013). Probabilistic Household Forecasts Based on Register Data - The Case of Denmark and Finland. *Demographic Research*. Volume 28, Article 43, pp. 1263-1302. Published 21 June 2013. <http://www.Demographic-Research.Org/Volumes/Vol28/43/> DOI: 10.4054/Demres.2013.28.43. (Date of access: 05.11.2017).

НОВЫЕ ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ КАРЬЕРНЫХ ТРАЕКТОРИЙ

Темнова Л.В., Лизунова О.А.

В настоящее время одну из основных социокультурных задач можно определить как нахождение культурных и социально-институциональных форм общественного утверждения пробно-продуктивного типа жизни. Принято считать, что главное условие развития личности – свободное время. Но современная реальность такова, что многие люди, даже обладая значительным свободным временем, не демонстрируют образцы творческого развития и самореализации [1, с. 164]. Однако сегодня мы являемся свидетелями формирования новой тенденции использования свободного от труда времени, когда хобби «становится ремеслом», на которое люди готовы тратить неограниченное количество времени. Формулировка «высокооплачиваемое хобби» все более входит в наш обиход. Примером тому может служить история С. Бека – человека, который, не имея профильного образования, становится востребованным специалистом в области ручной росписи одежды и зонтиков [2]; певица, занявшаяся производством семейных и поздравительных фильмов [3]; предприниматель Т. Сазмар, начавший выпекать хлеб; Р. Стерновски, развивший свое увлечение радиотехникой до дела жизни и др. [4]. В этой парадигме человек сам устанавливает ритм работы, тем самым фокус смещается не на выбор профессии, а на выбор определенного образа жизни на основе своего увлечения, хобби, на основе базовых и непрофильных сформировавшихся навыков.

Таким образом, можно утверждать, что наряду с большим спектром современных тенденций построения профессиональных траекторий (выбор не профессии, а образа жизни; переход от государственного образования к самообразованию и семейному образованию; стратегия интеграции в своей профессиональной сфере всех возможных треков развития; практики «пустой головы»; практики тайм-менеджмента и др.), стратегия «хобби как ремесло и основной вид заработка» получает все большее распространение.

Рассмотрим, каким образом возможна реализация названной стратегии в условиях современного российского профессионально-образовательного поля.

Именно на идее «хобби как ремесло» строит свою деятельность экспериментальная площадка «Образ жизни» (obrazobraz.ru) — креативная среда для тех, кто хочет меняться и менять общество. На ее базе реализуются интенсивные программы, нон-стоп общение с интересными людьми, нестандартные лагеря в городе и за его пределами, а в перспективе - собственная площадка для проживания, обучения и работы над своими идеями, воплощениями их в жизнь.

Активно развивается система семейного образования (например, Семейная школа Макарун (macarunschool.ru), где одновременно с ребенком дополнительное образование получают и их родители. Идея работы как хобби и хобби как работы, развития мастерства, ремесленничества, и главное, гармоничная, счастливая жизнь будущих поколений – это принципы деятельности в рамках таких современных активно-развивающихся проектов как Smart-course, Кудаквест («[kudacentre](http://kudacentre.ru)»), программа эффективного трудоустройства и профориентации Антирабство (antirabstvo.ru) и др. К числу инновационных площадок можно также отнести Школу креативного мышления ИКРА (ikraikra.ru), основной задачей которой является развитие творческого и стратегического мышления, а также помощь выпускникам их программы находить себя в любимой профессии; Национальный ресурсный центр наставничества (mentori.ru); ресурс в области профориентации и дополнительного образования для старшеклассников InTalent (intalent.pro) помогает определиться с выбором профессии, узнать о самых перспективных профессиональных направлениях, выбрать вуз, познакомиться с базой работодателей.

Чем эти центры отличаются от привычных центров профориентации, так это тем, что они не дают ответов, кем идти работать и куда, они дают инструменты, позволяющие человеку взаимодействовать с самим собой и миром, осуществлять выбор, быть успешным, развиваться, ставить интересные цели, слышать себя, а также развивают критическое мышление, формируют практики внимательности (например, Международный тренинговый центр ВиЭль [5]).

Таким образом, анализируемая практика формирования карьерных траекторий «хобби как ремесло и основной вид заработка», несомненно, имеет универсальный характер в силу того, что в ее основе лежат так называемые навыки XXI века и ее целевым продуктом скорее является не некое профессиональное содержание, а скорее инструментальная основа для целого ряда профессиональных областей. Перечень международных компетенций, необходимых специалистам-практикам для обеспечения качественных образовательных и профессиональных услуг, был принят Генеральной Ассамблеей IAEVG в 2003 г. [6] Ключевыми из них определены: управление концентрацией и вниманием; эмпатия и эмоциональный интеллект; сотрудничество; мышление: критическое, проблемно-ориентированное, системное, кооперативно-творческое; творческие способности; работа в междисциплинарных средах плюс знание возникающего «всеобщего языка понятий» (в т.ч. системной инженерии и экономики); понимание глобальных проблем, навыки управления своим здоровьем, понимание принципов работы общества, умение заботиться об окружающей среде, финансовая грамотность и пр.; навыки в сфере ИКТ и медиа, включая программирование и информационную гигиену; гибкость и адаптивность; способность учиться в течение жизни; ответственность в работе (в т.ч. этика взаимодействия с другими).

Как мы знаем, процесс подготовки кадров для инновационной экономики и информационного общества предполагает, прежде всего, ориентацию на проектный и задачный подходы, которые сегодня вытесняют традиционные методы обучения. Некоторые эксперты считают, что понятие «профессия» вскоре исчезнет. Это произойдет потому, что востребованным будет не стандартный для каждого вида профессиональной деятельности набор навыков, а способность каждый раз, под конкретную задачу, пересобирать эти навыки в новую актуальную для настоящего этапа профессионализации конструкцию. Потому разработка новых подходов к формированию карьерных траекторий специалистов является актуальной исследовательской задачей.

Библиографический список:

1. Пряжников Н.С. Проблемы психологической готовности субъекта к полноценной самореализации в условиях свободного времени // Личность как субъект организации времени своей жизни: сб. научн. статей. Краснодар: Изд-во Кубанского государственного университета, 2008. С. 164-166.
2. Ярмарка Мастеров. Журнал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.livemaster.ru/topic/2006477-moya-istoriya-o-tom-kak-hobbi-stalo-delom-vsej-zhizni?>
3. Woman on TOP Интернет-журнал об успешных женщинах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.womanontop.ru/2016/03/olesya-kashitsyina-verte-v-sebya-lyubite-svoe-delo/>
4. Рантье. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rante.net/kogda-xobbi-stanovitsya-delom-vsej-zhizni/>
5. Международный тренинговый центр ВиЭль Тренинги по психологии и саморазвитию. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vlcenter.ru/praktika-vnimatelnosti/>
6. Jenschke, B. History of IAEVG 1951 - 2011. Chronicle, Policies and Achievements of the Global Guidance Community. Bielefeld 2012. DOI: 10.3278/5001001

МЕТОДЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВЫХ КЛАСТЕРОВ НА МАКРО- И МИКРО- УРОВНЯХ*

Титова Н.Ю., Первухин М.А., Батулин Г.Г.

Передовой путь развития экономики предполагает поиск и внедрение интеграционных форм взаимодействия промышленных организаций и предпринимательских структур, из которых наиболее эффективным является кластерный подход. На этапе формирования данных интеграционных

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ №16-36-00104 мол_а «Разработка и апробация методов идентификации кластеров на макро- и микроуровнях с применением теорий графов и заинтересованных сторон»

объединений наиболее острыми являются проблемы идентификации отраслей региона, обладающих наибольшим кластерным потенциалом, а также самоорганизация бизнес-единиц и выработка механизмов, способствующих их объединению в кластер, что подчеркивает необходимость глубокого изучения данных процессов. Целью данного исследования является разработка методов, позволяющих идентифицировать территориально-отраслевые кластеры на макро- и микроуровнях.

Для идентификации территориально-отраслевых кластеров на макроуровне авторами предлагается следующая методика. На первом этапе для идентификации потенциальных кластеров проводится оценка индекса локализации, позволяющего сравнить значения характеристики для регионального и национального уровня. Индекс локализации рассчитывается по следующей формуле:

$$LQ = \frac{l^i/l}{L^i/L}, \quad (1)$$

где l^i – численность занятых (объем инвестиций в основной капитал, валовая добавленная стоимость) в отрасли i в регионе; l – численность занятых (объем инвестиций в основной капитал, валовая добавленная стоимость) в регионе; L^i – численность занятых (объем инвестиций в основной капитал, валовая добавленная стоимость) в отрасли i в стране; L – численность занятых (объем инвестиций в основной капитал, валовая добавленная стоимость) в стране.

Если значение индекса локализации превышает единицу как минимум в течение четырех временных периодов, то удельный вес данной отрасли в отраслевой структуре региона превышает аналогичный показатель в стране, и поэтому отрасль может обладать кластерными признаками

На втором этапе, для выбранных отраслей региона, применяется метод анализа структурных сдвигов [1, 2]. Целью данного анализа является выявление взаимосвязи экономического роста отраслей региона с национальными тенденциями и определение региональных преимуществ. Анализ позволяет определить, обусловлен ли рост/спад отрасли региона за счет национальных трендов. Для этого производится оценка вклада национального, отраслевого и регионального факторов в изменение значения параметра (таблица 1).

Таблица 1 – Составные элементы факторного анализа

Наименование факторов	Формула расчета	Обозначения
1. NS (National Share) - фактор, отражающий влияние национальных тенденций роста.	$NS = l_{t-1}^i * \left(\frac{L_t}{L_{t-1}} - 1 \right)$	l_{t-1}^i – численность занятых (объем инвестиций в основной капитал, валовая добавленная стоимость) в отрасли i в регионе за период $t - 1$,
2. IM (Industry Mix) – фактор, отражающий влияние отраслевых тенденций роста.	$IM = l_{t-1}^i * \left(\frac{L_t^i}{L_{t-1}^i} - \frac{L_t}{L_{t-1}} \right)$	L_t, L_{t-1} – численность занятых (объем инвестиций в основной капитал, валовая добавленная стоимость) в стране за периоды t и $t - 1$,
3. RS (Regional Shift) – фактор, отражающий влияние региональных тенденций роста.	$RS = l_{t-1}^i * \left(\frac{l_t^i}{l_{t-1}^i} - \frac{L_t^i}{L_{t-1}^i} \right)$	l_t^i, l_{t-1}^i – численность занятых (объем инвестиций в основной капитал, валовая добавленная стоимость) в отрасли i в регионе за периоды t и $t - 1$

Для видов экономической деятельности регионов ДВФО, отобранных на первом этапе, были рассчитаны факторы NS, IM, RS. В таблице 3 приведены значения регионального фактора RS для республики Саха (Якутия).

В отличие от существующих, авторский подход предполагает идентификацию территориально-отраслевых кластеров не только по анализу локализации среднегодовой численности занятых в регионе, но и по объёму валовой добавленной стоимости, инвестициям в основной капитал и производительности труда. Расчет показателей за несколько лет позволяет выявить динамику процессов кластеризации отрасли региона, а применение метода анализа структурных сдвигов дает возможность определить тип идентифицируемого кластера.

Инновационная стадия развития экономики подразумевает, что хозяйствующие субъекты стремятся повысить свою конкурентоспособность за счет разработки новых технологий производства продукции. При этом особую важность приобретают вопросы исследования теоретико-практических аспектов внедрения новых методов производства, а также задействованных в данных технологических процессах ресурсов для снижения затрат при выпуске продукции. Это становится возможным благодаря разработке экономико-математических моделей, имитирующих данные процессы. При этом чем больше влияющих на процесс производства факторов учтено в конкретной модели, тем больше шансов обеспечить верификацию прогноза и принять правильное управленческое решение на предприятии.

Для идентификации кластеров на микроуровне в настоящем исследовании рассматривается имитационная агентская модель процесса формирования кластеров. Авторами предложена модификация модели, представленная в работе Боуш Г.Д., позволяющая представить данный процесс в динамике с участием ключевых заинтересованных сторон – потребителей и производителей продукции кластера [3]. В разработанной модели участниками процессов кластерообразования выступают два типа агентов: агент-производитель, агент-потребитель и принято допущение, что все агенты-производители выпускают, а агенты-потребители приобретают один и тот же товар или субституты.

Итак, рассмотрим модель, содержащую n агентов-производителей и m агентов-потребителей. Число агентов в течение модельного времени остается неизменным. Состояние в каждый момент времени t агента-производителя будем описывать двумя векторами: вектором характеристик агента-производителя и вектором характеристик товара, выпускаемого агентом-производителем. Составляющие данных векторов приведены в таблице 2.

Таблица 2 – Составляющие векторов характеристик стейкхолдеров модели.

Составляющие вектора характеристик агента-производителя	Составляющие вектора характеристик товара, выпускаемого агентом-производителем	Составляющие вектора запросов агента-потребителя
<ul style="list-style-type: none"> -показатель инновационной компетентности; -показатель качества организации; -показатель инновационной восприимчивости; -финансовое обеспечение на начало шага модельного времени. 	<ul style="list-style-type: none"> -цена выпускаемой продукции (в условных денежных единицах); -показатель качества выпускаемой продукции; -показатель технологичности выпускаемой продукции; -стоимость изготовления единицы продукции (в условных денежных единицах). 	<ul style="list-style-type: none"> -ожидаемая агентом-потребителем цена за единицу продукции (в условных денежных единицах); -ожидаемая агентом-потребителем технологичность продукции; -ожидаемое агентом-потребителем качество продукции.

В начальный момент времени агенты-производители имеют разные уровни финансовых средств, выраженные в условных денежных единицах. Производимая ими продукция имеет разную цену продажи на рынке. Стоимости изготовления единицы продукции у разных производителей также отличаются. Предлагается использовать показатели «качество», «технологичность» и «цена продажи единицы продукции» для характеристики производимой продукции. При этом необходимо учитывать, что показатели «качество» и «технологичность» (оцениваются экспертами в баллах от 1 до 100) варьируются для разных агентов-производителей, и зависят от показателей инновационной компетентности, качества организации и инновационной восприимчивости агентов-производителей (оцениваются экспертами в баллах от 1 до 100).

Агенты-потребители в каждый момент времени t также характеризуются собственными значениями показателей «финансовые средства, планируемые для приобретения продукции», и запросами к покупаемой продукции, такими как «цена за единицу продукции», «технологичность» и

«качество». Еще одним показателем агента-потребителя является пороговое значение расстояния между вектором запросов покупателя к приобретаемой продукции и векторами, задающими предлагаемую производителями продукцию на рынке. Кроме того, для каждого агента-потребителя определена величина финансовых средств, которые он планирует потратить на приобретение продукции.

Полный цикл в рассматриваемой модели равен четырем шагам модельного времени. В первые три шага предприятия производят, а потребители приобретают продукцию. Как и в модели [23], агент-потребитель приобретает продукцию у агента-производителя при условии, что расстояние приобретения между вектором характеристик товара, выпускаемого агентом-производителем, и вектором запросов агента-потребителя меньше порогового значения приобретения продукции. Расстояние между данными векторами вычисляется следующим образом:

$$d = \begin{cases} \sqrt{\mathcal{R}}, & \text{если } \mathcal{R} > 0 \\ 0, & \text{если } \mathcal{R} \leq 0 \end{cases} \quad (2),$$

где:

$$\mathcal{R} = \begin{cases} (p_1^{\text{потр.}} - p_3^{\text{произ.}})^2, & \text{если } (p_1^{\text{потр.}} - p_3^{\text{произ.}}) \geq 0 \\ 0, & \text{если } (p_1^{\text{потр.}} - p_3^{\text{произ.}}) < 0 \end{cases} + \\ + \begin{cases} (p_2^{\text{потр.}} - p_2^{\text{произ.}})^2, & \text{если } (p_2^{\text{потр.}} - p_2^{\text{произ.}}) \geq 0 \\ 0, & \text{если } (p_2^{\text{потр.}} - p_2^{\text{произ.}}) < 0 \end{cases} + \\ \begin{cases} -(c_{\text{потр.}} - p_1^{\text{произ.}})^2, & \text{если } c_{\text{потр.}} \geq p_1^{\text{произ.}} \\ (c_{\text{потр.}} - p_1^{\text{произ.}})^2, & \text{если } c_{\text{потр.}} < p_1^{\text{произ.}} \end{cases} \quad (3),$$

где:

$p_1^{\text{произ.}}$ – цена выпускаемой продукции (выражена в условных денежных единицах от 1 до 100);

$p_2^{\text{произ.}}$ – показатель качества выпускаемой продукции (выражен в баллах от 1 до 100);

$p_3^{\text{произ.}}$ – показатель технологичности выпускаемой продукции (выражен в баллах от 1 до 100);

$c_{\text{потр.}}$ – ожидаемая агентом-потребителем цена за единицу продукции (выражена в условных денежных единицах от 1 до 100);

$p_1^{\text{потр.}}$ – ожидаемая агентом-потребителем технологичность продукции (выражена в баллах от 1 до 100);

$p_2^{\text{потр.}}$ – ожидаемое агентом-потребителем качество продукции (выраженное в баллах от 1 до 100).

Таким образом, разработанная модель позволяет представить один из ключевых процессов формирования кластера, направленного на установление оптимального соотношения цены продукции, которое готов приобрести покупатель. С этого этапа начинается дальнейшее взаимодействие участников кластера. Регулирование параметров в модели дает возможность имитировать производственную цепочку кластера. Предметом дальнейших изысканий авторов является апробация данной модели в условиях, приближенных к реальности.

Библиографический список:

1. Isard W., Schooler E.W. Industrial Complex Analysis, Agglomeration Economies and Regional Development // Journal of Regional Science. 1959. Vol.1. Issue 2. Pp. 19-33.
2. Roeske Roeske H., Adams D., and Wiseman R. A New Approach to the Identification of Industrial Complexes Using Input-Output Data // Journal of Regional Science. 1974. Vol. 14. Issue 1. Pp. 15-29.
3. Боуш Г.Д., Куликова О.М., Шелков И.К., Агентное моделирование процессов кластерообразования в региональных экономических системах // Экономика региона. 2016. Т. 12. С. 64-77.

ОБЩЕСТВО КАК ГИБРИДНАЯ СИСТЕМА

Томилов В.А.

Развитие в наши дни научно-технического прогресса создает проблемы в управлении, включая производство, связанные с тем, что объекты в реальности проявляют различные свойства, которые плохо описываются или вообще не описываются целиком в терминах классических дифференциальных систем. Для решения возникших проблем в сфере управления уже с середины шестидесятых годов XX века стал развиваться новый подход, ориентированный на такие системы, в которых можно пренебречь стохастичностью: они проявляют комбинированное непрерывно-дискретное поведение; новый подход к изучению получил название гибридные системы [1, с. 89].

Также предметом внимания являются и гибридные системы в электроэнергетике, ключевой элемент – сетевой преобразователь, когда электроприемники питаются источниками с различными электрическими параметрами [2]. Аналогично в том случае, когда общество рассматривается как гибридная (от лат. *hibrida* помесь) система: ее функционирование и развитие производно от гармонизации (гр. *harmonia* соразмерность) таких параметров, как способности индивидов, различных в связи с тем, что одни из них формируются (фенотип), другие – даны каждому от «природы» (генотип). Здесь актуальна сама ситуация с составом участников как процесс их организации и самоорганизации в процессе взаимодействия. Лишь взаимодействие индивидов со способностями, которые сформированы (фенотип) и неизменны (генотип), превращает общество в гибридную систему с эндогенной структурой (внутренняя причина): процесс трансформации скорости действий участников группы в общий темп (от лат. *tempus* время) деятельности подобен функции у « сетевого преобразователя», то есть повышает/снижает производительность. Общество предстает в форме темпомира с синергетической природой, общая характеристика которого – цель статьи.

В предисловии к книге П. Штомпки «Социология социальных изменений» В.А Ядов отмечает: выражая взаимосвязь социальных структур и деятельности социальных субъектов, автор использует термин «интерфейс». В компьютерной грамоте «интерфейс» – это состояние совместимости некоторых систем или программ [3, с. 7]. При этом совместимость характеризуется динамическим, а не статическим состоянием. Динамика предполагает изменения, но в большинстве теорий об изменениях в обществе рисуется статическая картина: она статична в том смысле, что не учитывает такой совершенно специфический параметр, как «скорость, с которой протекают... взаимоотношения» между людьми, потому не ставится и цель «измерить продолжительность отношений» [4, с. 37]. Скорость имеет отношение к трудовым действиям, характеризуя их производительность: неслучайно профессиональный отбор ориентирован на способности (генотип) от «природы»: они не изменяются при жизни людей, поэтому профессиональный отбор как элемента организации труда предшествует обучению работника. Но в наши дни профессиональный отбор ограничен сферами, опасными для здоровья человека и состояния общества (атомная промышленность, аэрофлот, железная дорога – труд операторов). Иными словами, не связан с массовыми профессиями.

К организации труда имеет отношение экономическая теория. Вместе с тем, истинную экономическую теорию можно получить, если обратиться к чувствам, побуждающим человека действовать – чувствам удовольствия и страдания: они, изменяясь по интенсивности и продолжительности, позволяют рассматривать труд как страдание; человек работает, пока удовольствие от результатов труда превышает страдание от процесса исполнения. Последнее значимо в контексте различия людей как по способностям, а оно связано с совместной работой, так и в отношении производимого ими предмета [5, с. 70-73]. На уровень различия по способностям указывают результаты исследований профессионального отбора: если он произведен удачно, то производительность труда повышается на 20-40%, не считая высокое качество работы и низкий уровень утомляемости [6, с. 62]. А в контексте профессионального отбора труд организуется в форме, характерной для эрготемпоральных работников (гр. *ergon* работа + лат. *tempus* время), то есть

исполняющих действия с неодинаковой скоростью – это « $p(t \pm c) = \uparrow 20-40\%$ », где «р» – работник, «т» – труд, « $\pm c$ » – удачный/неудачный отбор, а « $\uparrow 20-40\%$ » есть колебание производительности в зависимости от результата профессионального отбора. На латентном (скрытом) уровне в хозяйственной жизни представлены и единичные, и коллективные (группа) типы эрготемпоральных работников, то есть « $A(t+c) = \uparrow 20-40\%$ », « $B(t-c) = \downarrow 20-40\%$ » с производительностью выше/ниже по отношению друг к другу на 20-40% (« $\uparrow 20-40\%$ »/« $\downarrow 20-40\%$ »): здесь страдание «блокирует» повышение производительности труда на 20-40% работнику типа « $B(t-c)$ », но допускает снижение скорости действий работнику типа « $A(t+c)$ ». Иными словами, существует на латентном (скрытом) уровне эрготемпоральная структура в обществе как гибридной системе, внешнее проявление которой – социально-экономическое неравенство субъектов хозяйственной жизни.

Взаимодействие (« $\leftrightarrow$ ») единичных работников в ходе совместной (группа) деятельности ведет к становлению эрготемпоральных работников с однородным (гомогенным), а также с неоднородным (гетерогенным) составом участников, – « $C(A \leftrightarrow A) = \uparrow 20-40\%$ », « $C(B \leftrightarrow B) = \downarrow 20-40\%$ », « $C(A \leftrightarrow B)$ », то есть с неодинаковым уровнем производительности труда. Но дело не только в этом. При совместной (группа) деятельности работников их действия, трансформируясь в операцию, в связи с этим утрачивают цель (мотив) и оказываются в зависимости от условий организации труда, что нередко передается даже и автомату [7, с. 102-107, 109]. Трансформация действий в операции вызывает становление общего темпа, но также придает этому процессу нравственный смысл (мотив), прежде всего, для участников группы с неоднородным (гомогенным) составом – « $C(A \leftrightarrow B)$ »: взаимодействие формирует производительность, опосредованную страданием в силу различия работников (генотип), а функцией страдания становится в этом случае регулирование (рост/спад) темпа совместной (группа) деятельности.

Во взаимодействии участников неоднородной (гетерогенной) группы типа « $C(A \leftrightarrow B)$ » скорость (дискретность) «переходит» в темп (целостность) за счет понижения на 20-40%. Страдание неравных работников вызовет становление темпа в форме « $C(A \leftrightarrow B) = B \leftarrow A(\downarrow 20-40\%)$ », когда операции гармонизируются структурой-преобразователем в общий темп работы, основа процесса – это самовоспроизводящаяся активность, но малопродуктивный работника. Так как скорость действия (операции) – величина физическая, то применим закон: «...прочность цепи определяется наиболее слабым звеном, скорость эскадры – наиболее тихим кораблем...» [8, с. 353]. В связи с этим изменение состава (« B/A ») участников становится условием роста производительности в форме « $C(A \leftrightarrow B/A) = A \leftrightarrow A(\uparrow 20-40\%)$ » не только на предприятии (фирме), но и во всех сферах жизни общества, вызывая постановку задачи определения ресурса для осуществления профессионального отбора в «широком» смысле слова, или на уровне общества. Ресурс заключен в самовоспроизводстве темпа хозяйственной жизни общества, точнее – вектора его устойчивого (долговременного) развития. В гибридной системе действует не только закон «слабого» звена (А.А. Богданов), но и динамические процессы (Н.Д. Кондратьев) – необратимые (эволюционные) и волнообразные (обратимые), а к ним относится, например, изменение товарных цен, процента на капитал [9, с. 58-59], но также и удачные/неудачные результаты профессионального отбора. Придавая «удачному» профессиональному отбору на уровне общества – через институт образования – устойчивый (долговременный) характер, можно создавать синергетические (самоорганизация) условия, влияя на становление вектора его развития. Иными словами, гибридная система имеет эндогенную (внутреннюю) цель, но оно в динамическом самовоспроизводстве ее целостности, а не в равновесии тех элементов и сетевых связей, которые входят в состав системы.

Термин «самовоспроизводство» соотносят с аутопойетической системой как сетью дискретных элементов, которые в ходе взаимодействия «...порождают не только свои структуры, но и сами элементы, из которых они состоят» [10, с. 68]. С одной стороны, на связь дискретных элементов в «сеть» непосредственно влияет закон «слабого звена» (А.А. Богданов), выбраковывающий их неудачные комбинации (эволюция); с другой стороны, дискретные элементы – это сами по себе эрготемпоральные работники, в ходе взаимодействия которых возникает и темп (производительность)

совместной (группа) деятельности, и его колебание в форме автодинамической флуктуации уровней производительности, которые определяют функционирование и развитие общества как гибридной системы.

Функционирование общества в целом обеспечивает производительность на уровне малопродуктивного работника « $C(A \leftrightarrow B) = B \leftarrow A (\downarrow 20-40\%)$ », а его развитие – высокопродуктивного « $C(A \leftrightarrow B/A) = A \leftrightarrow A (\uparrow 20-40\%)$ ». Здесь, по словам Пьера Бурдьё [11, с. 60], производительность труда «...конвертируется в деньги и институционализируется в форме прав собственности...» работника в контексте способностей от «природы» (генотип), или работника типа « $A(t+c)$ ». Он получает сверхдоход (+20-40%), или ренту, но не от способностей (генотип), а от социально-экономических условий, или способа, организации труда. То есть у работника типа « $B(p-c)$ » ренты (-20-40%) нет; и в этом отличие от работника типа « $A(t+c)$ », или имеющего ренту (+20-40%). Не факт, что он ее получает, так как в сознании людей доминирует представление не о самоорганизации труда в контексте синергетических зависимостей, а об его организации центральной фигурой предпринимателя, претендующего на предпринимательскую ренту. Но при изменении состава эрготемпоральных участников совместной деятельности происходит рост/спад производительности, включая и колебание ее уровней: « $C(A \leftrightarrow B/A) = A \leftrightarrow A (\uparrow 20-40\%)$ », « $C(A \leftrightarrow A/B) = A \leftrightarrow B (\downarrow 20-40\%)$ ». Причина состоит в «переходе» скорости (дискретность) в темп (целостность), а процесс протекает в автодинамическом режиме: результат, хотя и «...конвертируется в деньги», тем не менее он не институционализируется «...в форме прав собственности»: рост производительности ($\uparrow 20-40\%$) есть выравнивание (« $\uparrow/\downarrow$ ») различий в скорости действий до темпа (целое) деятельности, то есть структура-преобразователь, «переводя» скорость в темп, «производит» ренту, но у нее нет субъекта, как нет и права его собственности. Иными словами, рента «производится» как ресурс в форме социально-экономической - сверхдохода. Общество как гибридная система всегда имеет ресурс собственного воспроизводства и не попадает в зависимость от инвестиций внешнего характера.

Итак, функционирование общества осуществляется через взаимодействие индивидов, а его развитие в том случае, когда производится ресурс развития, то есть эндогенная (внутренняя причина) инвестиционная рента (сверхдоход). Она связана с эрготемпоральными работниками, повышающими темп деятельности, создавая условия для производства социально-экономической ренты в обществе как гибридной системе.

Библиографический список:

1. Игнатъев В.В. Адаптивные гибридные интеллектуальные системы управления [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://izv-tn.tti.sfedu.ru/wp-content/uploads/2010/12/14.pdf>.
2. Садиков Д.Г., Титов В.Г. Анализ гармонического состава тока и напряжения, потребляемого преобразователями частот [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chuvsu.ru/images/stories/nauka/ vestnik/vypusk /2015_1.pdf
3. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
4. Тоффлер А. Футурошок. СПб.: Лань, 1997. 464 с.
5. Джевонс У.С. Краткое сообщение об общей математической теории политической экономии // Теория потребительского поведения и спроса. СПб.: Экономическая школа, 1990. С. 70-77.
6. Цит. по: Мялкин А.В. Способности и потребности личности: диалектика формирования. М.: Мысль, 1983. 260 с.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 304 с.
8. Богданов А.А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М., 1990. 479 с.
9. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. 526 с.
10. Луман Н. Общество как социальная система [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://socioline.ru/files/5/84/>

11. Бурдые П. Формы капитала [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf.

СРЕДНИЙ БАЛЛ ЕГЭ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: ОТ КОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА К ПОСТРОЕНИЮ ИМИТАЦИОННОЙ МОДЕЛИ*

Филипова А.Г., Высоцкая А.В.

Конституцией Российской Федерации, а также Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ право на образование подкреплено системой государственных гарантий. Однако современная ситуация в регионах с образованием, как общим, так и профессиональным, складывается неоднозначная. Неравенство социально-экономических ресурсов регионов вызывает неравенство образовательных возможностей детей и молодежи, снижение влияния образования на социальную мобильность [1-2].

Единый государственный экзамен стал инструментом оценки качества российского общего образования с 2009 г. после вступления в силу поправок в законы «Об образовании» и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (от 9 февраля 2007 г. № 17-ФЗ). С этого момента наряду с другими проблемами современного образования (коммерциализация образования, доступность качественного образования, социальная селекция образовательной системы и пр.) ученые заняты исследованием феномена ЕГЭ. Педагоги, психологи, социологи пытаются установить связь между баллами ЕГЭ и качеством образовательной подготовки в российских школах, выявить региональные особенности и обосновать региональные отличия результатов ЕГЭ.

Задачей настоящего исследования стало описание региональных систем общего образования детей в терминах системной динамики и последующее имитационное моделирование. Системная динамика как инструмент имитационного моделирования позволяет учесть внешние и внутренние воздействия на образовательную систему в целом, оценить силу этих влияний, проследить динамику показателей образовательного процесса. Для построения имитационной модели будет использован программный продукт AnyLogic (© The AnyLogic Company).

Описание региональных образовательных систем осуществляется посредством введения базовых понятий имитационного моделирования: накопители, потоки, параметры. Накопители характеризуют целевые показатели, их значения являются решающими для устойчивости модели, ее положительной динамики. На накопители влияют потоки: потоки прямой направленности - увеличивают значение накопителей, обратной направленности - уменьшают. Параметры представляют собой переменные, влияющие на изменение темпа потоков или непосредственно воздействующие на накопители. Они могут быть зависимыми переменными или константами. В качестве накопителя, пока единственного для моделирования региональных систем общего образования, выбрано среднее от средних баллов ЕГЭ в регионах по математике и русскому языку. Выбор экзаменов по русскому языку и математике связан с их обязательным характером, в отличие от возможности выбора экзаменов по другим предметам.

Для характеристики потоков и параметров выделены три уровня анализа: «Демография», «Общее образование», «Экономика и инфраструктура региона». Изучение статистических данных, касающихся социально-экономических характеристик субъектов РФ, а также региональных систем общего образования, позволило сформировать набор из 17 управляющих факторов, воздействующих на результативность ЕГЭ (целевой фактор).

Количественное наполнение этих 17-ти управляющих факторов, а также обозначенного в качестве «накопителя» целевого фактора (средний балл ЕГЭ) осуществлялось посредством обращения к источникам статистической информации. Периодом наблюдения был выбран 2013/14 учебный год. Статистические данные для изучения были взяты из сборников «Регионы России» [3], единой

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 16-36-60041

межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), а также информационно-аналитических отчетов региональных центров обработки информации (РЦОИ).

Использование инструментов корреляционного и регрессионного анализа позволило включить в итоговую модель три переменные: x_2 – удельный вес городского населения в общей численности населения; x_9 – удельный вес вечерних организаций в общем количестве общеобразовательных организаций; x_{11} – удельный вес благоустроенных общеобразовательных организаций в общем количестве общеобразовательных организаций.

В результате была построена следующая регрессионная модель:

$$Y_1 = 37,12 + 0,17x_2 - 0,78x_9 + 0,075x_{11}$$

Результаты расчетов, произведенных с помощью пакета анализа MS Excel, показали, что $R^2 = 0,4432$, т.е. 44,32% общей вариации результативного признака объясняется вариацией обозначенных факторных признаков.

Так как модель изначально строилась с использованием нормализованных данных, полученные коэффициенты позволяют не только охарактеризовать среднее изменение результата в зависимости от изменения соответствующего фактора на единицу при закреплённом значении других факторов, но и провести сравнительную оценку силы влияния изменения каждого фактора на изменение результативного признака.

Наибольшее влияние на изменение результативного признака оказывает фактор x_9 (удельный вес вечерних организаций в общем количестве общеобразовательных организаций). Отрицательный знак коэффициента говорит об обратном влиянии фактора: дополнительное увеличение значения x_9 на 1 условную единицу при фиксированных значениях остальных параметров влечет за собой уменьшение y_1 в среднем на 0,78 условных единицы.

Для перехода к имитационному моделированию опишем присутствующие в регрессионном уравнении управляющие и целевой факторы в терминах системной динамики, т.е. перекодируем их в «накопители» и «параметры». Полученные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Элементы модели «Средний балл ЕГЭ в регионах»

Фактор	Элемент модели	Единица измерения
Средний балл ЕГЭ в регионе	Накопитель	Балл
Удельный вес городского населения в общей численности населения	Параметр, константа	%
Удельный вес вечерних организаций в общем количестве общеобразовательных организаций	Параметр, регулируемое значение	%
Удельный вес благоустроенных общеобразовательных организаций в общем количестве общеобразовательных организаций	Параметр, регулируемое значение	%

В модели выделены следующие основные уровни (блоки) информационно-логической структуры, которые согласно принятым в системной динамике обозначениям представлены на рисунке 1: «Городское население» (гор_нас), «Благоустроенные школы» (благоустр_шк), «Вечерние школы» (вечерн_шк), «ЕГЭ». Показатели B_1 , B_2 и B_3 – коэффициенты регрессии соответствующих факторных признаков – взяты из построенного уравнения регрессии, где $B_1 = 0,170152$; $B_2 = -0,7813$; $B_3 = 0,075187$. Также в модель введена динамическая переменная «А», отражающая свободный коэффициент 37,12 в уравнении линейной регрессии, т.е. влияние на успешность сдачи ЕГЭ всех неучтенных в модели факторов.

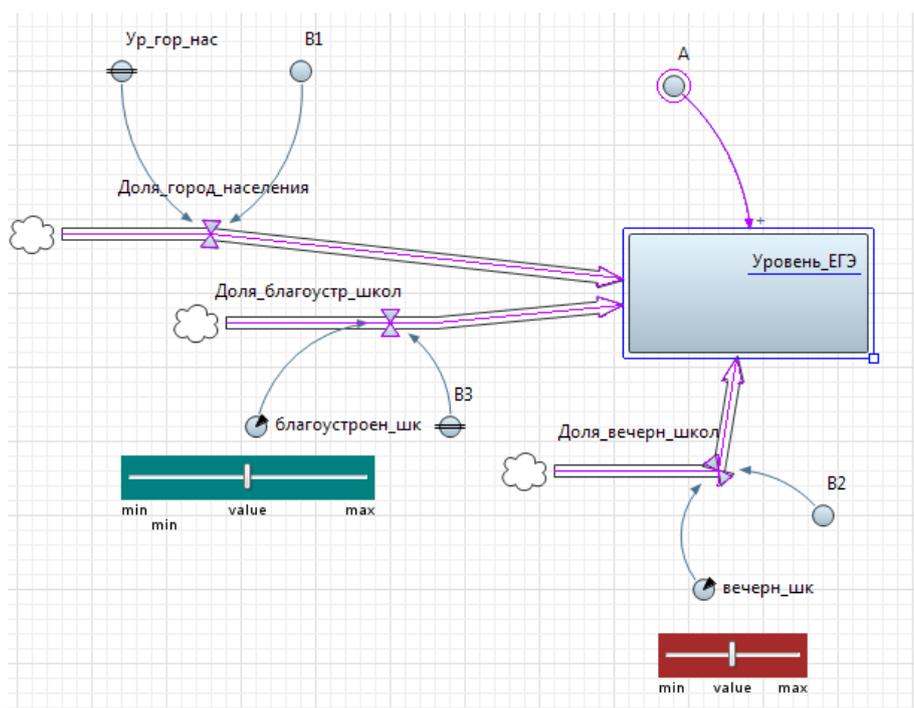

Рисунок 1 – Фрагмент модели системной динамики «Уровень ЕГЭ в российских регионах»

Для измерения темпа прироста уровня ЕГЭ в регионе введен дополнительный элемент управления – «бегунок», прикрепленный к двум изменяемым параметрам – уровням «Благоустроенные школы» и «Вечерние школы». Знаки коэффициентов при данных переменных указывают на их направленность: в первом случае – это поток прямого направления, усиливающий целевой индикатор (средний балл ЕГЭ), во втором случае – поток обратного направления, уменьшающий средний балл ЕГЭ.

Таким образом, на основе данных корреляционного и регрессионного анализа была построена имитационная модель, описывающая воздействие динамических переменных с регулируемыми и нерегулируемыми значениями (уровень городского населения, уровень благоустроенных школ и уровень вечерних школ) на заданный в качестве накопителя средний балл ЕГЭ в регионах. Построенная модель является первым шагом на пути к имитационному моделированию системы общего образования в российских регионах. В дальнейшем перечень накопителей будет дополнен другими показателями (количество школьников - победителей региональных олимпиад, количество медалистов и др.), а потоки и параметры будут дополнены факторами экономико-инфраструктурной группы. Построенная регрессионная модель позволила уловить немногим более 44% факторов, влияющих на средний балл ЕГЭ. Поэтому важной задачей остается выявление других региональных факторов, влияющих на успешность сдачи ЕГЭ.

Библиографический список:

1. Филипова А.Г., Высоцкая А.В. Образовательный потенциал детства в российских регионах // Научный журнал Дискурс. 2017. № 8 (10). С. 134-140.
2. Филипова А.Г., Еськова А.В., Инзарцев А.В. Социальный потенциал региона: Опыт использования кластерного анализа // Регионоведение. Regionology. 2017. № 3. С. 438-456.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. Стат. сб. / Росстат. М., 2016. 1326 с.

ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ИНДЕКС СРАВНИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ РИСКА СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Хадисов М-Р.Б.

Одной из ключевых проблем в исследовании является сравнительная оценка социально-экономического состояния субъектов СКФО на основе интегрального индекса сравнительной оценке риска снижения уровня экономической безопасности региона (PCYЭБР). Данная проблема находится в постоянном изучении и поиске решений для целей государственного регулирования, но как и при становлении любого элемента в стадии его развития они носят случайный характер и растворяются в ряде оценок эффективности и результативности тех или иных решений законодательной власти и правительства [1].

Интегральный индекс PCYЭБР выступает, с одной стороны, результирующим индикатором социально-экономического развития региона и, с другой, критерием оценки экономической безопасности региона при сравнительном анализе.

Методика проведения сравнительной оценки уровня PCYЭБР основана на использовании 29 основных макроэкономических показателей официальной государственной статистики с 2003 по 2015 гг. Наиболее значимые показатели для интерпретации интегрального индекса риска снижения экономической безопасности объединяются по шести блокам:

- «Социально-экономическое развитие»;
- «Материальное благополучие и уровень потребления»;
- «Демографическая ситуация»;
- «Обеспеченность объектами социальной инфраструктуры»;
- «Стабильность социальной ситуации»;
- «Здоровье населения».

В каждом блоке разное количество локальных показателей в зависимости от того, насколько они могут быть использованы для сопоставлений.

Для расчета различных индексов необходимо ввести следующие параметры:

- k – номер блока показателей ($k=I, \dots, VI$);
- i – номер локального показателя в каждом блоке (в I-ом $i=1,3$, во II-ом $i=1,6$);
- n_k – количество локальных показателей в k -ом блоке (в I-ом – $n_1=3$, во II-ом $n_2=6, \dots$);
- r – номер субъекта Федерального округа ($r=1, \dots, 7$);
- $x_{i,PF}$ – среднее значение i -го локального показателя по РФ;
- $x_{i,FO}$ – среднее значение i -го локального показателя в ФО;
- $x_{i,r}$ – значение i -го локального показателя в r -ом субъекте ФО;
- $SI_{i,r}^k$ – субиндекс i -го локального показателя k -го блока в r -ом субъекте ФО.

По каждому i -му локальному показателю рассчитывается субиндекс:

$$SI_{i,r}^k = \frac{|x_{i,r}|}{\sqrt{x_{i,fo} \cdot x_{i,pf}}} \quad (k= I, \dots, VI; r = 1, \dots, 7) \quad (1)$$

Большее значение субиндекс $SI_{i,r}^k$ характеризует лучшее значение локального показателя. Для локального показателя, значения которых желательно иметь меньшими (например, показатель младенческой смертности), субиндекс вычисляется по формуле:

$$SI_{i,r}^k = \frac{\sqrt{x_{i,fo} \cdot x_{i,pf}}}{|x_{i,r}|} \quad (k= I, \dots, VI; r = 1, \dots, 7) \quad (2)$$

Полученные субиндексы агрегируются в частные индексы по каждому из шести сформированных блоков с помощью средней геометрической величины:

$$J_r^k = \sqrt[n_k]{\prod_{i=1}^{n_k} (SI_{i,r}^k)} \quad (3)$$

На основе частных индексов определен интегральный индекс РСУЭБР для каждого субъекта, рассчитываемый как средняя геометрическая из частных индексов:

$$I_r = \sqrt[6]{\prod_{k=1}^6 (J_r^k)} \quad (4)$$

Расчеты индексов осуществлялись в программе MS Excel.

Проведем ранжирование полученных результатов по интегральному индексу РСУЭБР (табл.

1).

Таблица 1 – Ранжирование федеральных округов по интегральному индексу РСУЭБР за 2015 год

№	Федеральные округа России	ИИ РСУЭБР	Ранг
1.	Уральский федеральный округ	1,020949	1
2.	Дальневосточный федеральный округ	0,988767	2
3.	Приволжский федеральный округ	0,947979	3
4.	Северо-Западный федеральный округ	0,938823	4
5.	Южный федеральный округ	0,932406	5
6.	Сибирский федеральный округ	0,914732	6
7.	Центральный федеральный округ	0,910181	7
8.	Северо-Кавказский федеральный округ	0,831523	8
Средний показатель РСУЭБР по РФ		1	

На фоне среднероссийского и среднемакрорегионального значения сделаем сравнительный анализ субъектов Северо-Кавказского федерального округа по интегральному индексу РСУЭБР.

В целом СКФО характеризуется почти полуторакратной дифференциацией субъектов по интегральному индексу РСУЭБР ($\frac{\max \text{ИИ РСУЭБР}}{\min \text{ИИ РСУЭБР}}=1,5$).

Все регионы Северо-Кавказских республик (за исключением Ставропольского края) оказываются ниже среднего уровня по России с РСУЭБР, а средний уровень по СКФО превышает четыре субъекта (Ставропольский край, РСО-Алания, Республика Дагестан, КБР), что указывает на депрессивное экономическое положение других субъектов [2].

Проследим динамику индекса по Чеченской Республики, СКФО и России за одиннадцать лет (рис. 1).

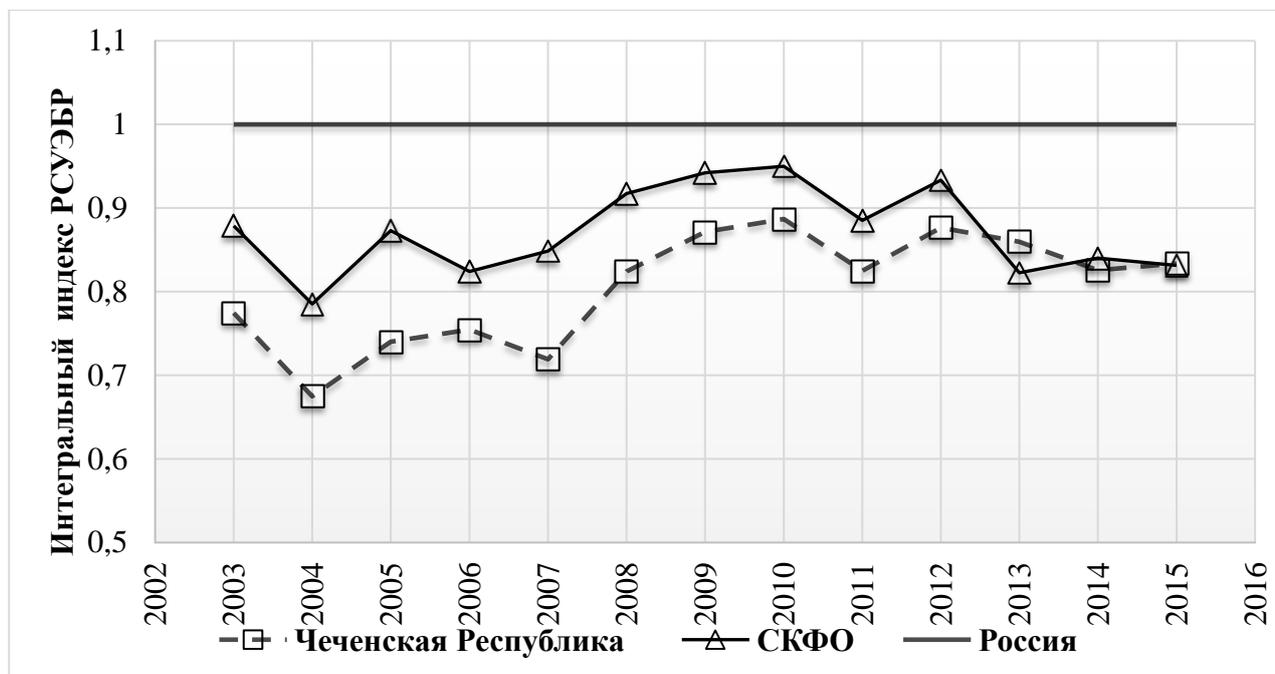

Рисунок 1 – Средний показатель интегрального индекса РСУЭБР по Чеченской Республике, СКФО и России с 2003 по 2015гг.

Полученные результаты обладают следующими характеристиками.

В регионах с относительно высоким интегральным индексом РСУЭБР (Ставропольский край), наблюдается меньше различий по их частным индексам, а главное для этих субъектов – высокий уровень социально-экономического развития, что и определяет в большинстве случаев доминирование по некоторым другим частным индексам, определяющий интегральный индекс экономической безопасности.

Наблюдаемые наиболее высокие показатели интегральных индексов экономической безопасности для отдельных регионов означает наличие реального потенциала в использовании имеющихся экономических, социальных, административных ресурсов, создает основание для повышения их конкурентоспособности, формирования драйверов регионального развития.

В регионах с интегральным индексом РСУЭБР ниже среднего по СКФО, в которых продолжает оставаться целый комплекс неразрешенных социально-экономических проблем – Карачаево-Черкесская Республика, РСО-Алания, Республика Ингушетия. Слабая экономика ведет к избытку рабочей силы, теневой занятости, низким доходам.

Явным аутсайдером в третьей группе по интегральному индексу РСУЭБР – Ингушетия. В качестве ресурса, однако, необходимо учитывать высокие показатели по демографии и здоровью населения.

Библиографический список:

1. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность России: общий курс / под ред. В.К. Сенчагова. 2-е изд. М.: Дело, 2005. 896 с.
2. Хадисов М.-Р.Б., Даурбеков С.С. Индекс качества жизни населения – индикатор экономической безопасности региона // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2015. №77. URL: http://www.uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent&view=item&s&Id=3485

ГЛОБАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: РОЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Холоденко Ю.А.

В настоящее время мировое сообщество вступило в эпоху глубоких социальных трансформаций. Основным фактором развития становится научное знание. Знание меняет все: характер социальных связей, методы социального управления, содержание и характер труда, который становится более творческим, ответственным и креативным. Современное общество переживает сдвиги основ социальной реальности, воздействующие на все сферы общественной жизни, кардинальным образом изменяющим ее основы и принципы. Не все страны в равной степени адаптируются к изменяющимся общественным условиям. Как правило, характер социальных изменений является однонаправленным, но их формы проявления и динамика различны и определяются уровнем социально-экономического развития, особенностями культуры и национального менталитета, а также степенью готовности политических элит, бизнеса и общества к восприятию происходящих перемен.

Социальные трансформации носят многомерный характер. Общество – сложная динамично развивающаяся система, поэтому причины протекающих в нем социальных процессов могут быть самыми разнообразными, как объективного (явления природы, например, многолетняя засуха), так и субъективного (деятельность человека) характера. В современном мире важнейшим фактором социальных изменений выступает глобализация. Как подчеркивает А. Н. Чумаков: «глобализация – это многоаспектный, естественноисторический процесс становления в масштабах планеты целостных структур и связей, которые имманентно присущи мировому сообществу людей, охватывают все основные сферы и проявляются тем сильнее, чем дальше человек продвигается по пути научно-технического прогресса» [1]. Глобализация, будучи сложным и противоречивым процессом, обострила множество старых проблем, породила новые противоречия, обусловленные научно-техническим развитием и формированием глобальных сетей. Она обострила проблему социального неравенства, усложнив его конфигурацию. Граница между богатством и бедностью все более активно перемещается с межгосударственного на национальный уровень, так как качество жизни значительных социальных групп все в большей степени определяется степенью вовлеченности в глобальные социально-экономические процессы.

Глобализация не только сближает национальные экономики. Она обостряет конкуренцию между ними на всех уровнях. Она разрушает сложившийся в большинстве стран социальный порядок, социально-трудовые отношения, условия занятости. Наблюдается определенная «деиндустриализация» ведущих экономик мира. Крупнейшие мировые производители, как правило, переводят массовые производства в регионы с более низкими издержками. Но это негативно влияет на рынок труда в странах базирования ТНК. Уровень и средняя продолжительность безработицы в странах ЕС достигли высокого уровня. В зоне евро в начале 2016 г. она превысила 10%, а в Испании и Греции – 20 и 24% соответственно [2]. Для социальной поддержки безработных нужны значительные средства. Их просто нет в бюджетах многих стран.

Возможности для проведения активной политики занятости с целью преодоления безработицы также ограничены. Эффективно решить эту проблему можно только запустив механизмы экономического роста. Однако подобное развитие событий в обозримой перспективе, на наш взгляд, не представляется реальным. Так, в 2005-2013 годах реальный ВВП по ППС увеличился в Германии на 11%, в Бельгии – на 8%. Франции и Финляндии – на 5%, Дании – 1%. В Италии он сократился на 3% [3]. Кроме того, маловероятно, что транснациональный бизнес вдруг вспомнит о своей социальной ответственности и начнет возвращать производства из-за рубежа в “родные пенаты”, чтобы помочь национальным правительствам решить накопившиеся социальные проблемы. В рамках сложившейся рыночной парадигмы, когда каждый хозяйствующий субъект стремится к максимальной выгоде, а значит, к наращиванию конкурентных преимуществ, которые дают крупному бизнесу интернационализация и глобализация производства и капитала, подобное поведение алогично.

Другая причина, обостряющая проблему занятости и безработицы в современном обществе – ужесточение условий конкурентной среды. Формируются рынки глобальной конкуренции. Для поддержания глобальной конкурентоспособности производители вынуждены постоянно внедрять инновации: продуктовые, технологические, маркетинговые, управленческие. Смена модельного ряда в отраслях, производящих товары длительного пользования, сократилась до 2 – 4 лет, а на отдельных рынках, например, смартфонов, до одного года. Это ведет к внедрению техники и технологий, требующих специальных знаний и профессиональной подготовки. Инновации нередко выступают движущей силой не только позитивных, но и негативных социальных изменений. Структура экономики, а значит, и структура спроса на рабочую силу меняется стремительно. Рынок труда к этим изменениям адаптироваться не успевает. Усиливается дисбаланс между спросом и предложением трудовых услуг. Глобализация интенсифицирует процессы диффузии инноваций, а, значит, способствует разрушению сложившихся условий занятости в странах, вовлеченных в эти процессы. В рамках сложившейся социально–экономической парадигмы решить проблему занятости невозможно. Она будет только углубляться. Глобализация обостряет проблему занятости и безработицы, разрушая основы занятости и сокращая ресурсную базу социального государства. Происходит трансформация социальных функций государства [4].

Углубляется социальное неравенство. При этом важнейшим критерием неравенства в современном глобальном мире постепенно становится уровень образования и знания. Более того, даже высокий уровень образования не гарантирует его обладателю достатка и качества жизни. В первую очередь это относится к представителям таких массовых профессий как учителя, врачи, преподаватели вузов и колледжей, младший административный персонал коммерческих организаций. Лишь включенность в процессы глобализации, в механизмы создания и внедрения инноваций способны обеспечить обладателю престижной профессии и качественного образования подобные гарантии. Глобализация придает проблеме неравенства новое качество. Формируется глобальное неравенство [5]. В современном мире граница неравенства не просто разделяет «золотой миллиард» и остальные страны. Она проходит внутри каждого государства и общества, углубляя пропасть между богатством и бедностью, между теми, кто сумел использовать возможности постиндустриальной открытой экономики, включенной в процессы экономической глобализации и остальной частью населения, чей труд не является творческим, креативным и высокооплачиваемым. «Brexit», избирательные кампании последних лет в США, ФРГ, Франции, других государствах подтверждают данное положение. Итоги голосования свидетельствуют о нарастающем недовольстве сложившимся социально – экономическим порядком, при котором значительные социальные слои не видят для себя перспектив. Современное общество становится все более конфликтным. Актуализируется запрос на социальную справедливость.

Глобализация вызывает изменения в социально – экономической системе, которые несут угрозу стабильности многих государств, в том числе Российской Федерации. Можно ли противостоять угрозе? Можно, хотя выбор у властей не слишком обширен. Во–первых, это глубокие структурные преобразования в отраслях, способных стать локомотивом роста российской экономики. Во – вторых, стране нужна детально проработанная, подкрепленная ресурсами политика импортозамещения, направленная на более эффективное включение национальной экономики в глобальное разделение труда.

Наконец, для преодоления негативных последствий социальной трансформации жизненно необходимой становится модернизация социальной политики в направлении преодоления глубокого социального неравенства и формирования более справедливого общества. Мы неоднократно отмечали, что следует усилить адресный характер социальной поддержки, что помощь от государства должны получать те, кто реально в ней нуждается. Пособия на детей следует превратить в адресный социальный трансферт, цель которого – способствовать преодолению бедности и неравенства [6].

В условиях глобальных социальных изменений возрастает значение социологического знания. Социология должна помочь найти ответы на новые социальные вызовы, выявить ценностные

предпочтения современной личности, выработать инструментарий для решения социальных проблем современного открытого общества, вызванных глобальными трансформационными процессами.

Библиографический список:

1. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М. 2014. 365 с.
2. Безработица в еврозоне на минимуме с 2011 года. Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru>
3. Коровяковская Н.Д., Холоденко Ю.А. Социальная политика российского государства: глобальные вызовы. // Труд и социальные отношения. 2016. № 3. С. 53.
4. Васильев В.П. Влияние глобальных процессов на эволюцию социальных функций государства. // Вестник Московского государственного университета. Серия «Социология и политология». 2015. № 1. С. 29-42.
5. Осипова Н.Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика. // Вестник Московского государственного университета. Серия «Социология и политология». 2014. № 2. С. 22-46.
6. Холоденко Ю.А. Модернизация социальной политики современного российского государства // Вестник Московского государственного университета. Серия «Социология и политология». 2014. № 4. С. 99-108.

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ СЕМЬИ В ЧЕРНОГОРИИ

Шарович Р., Самарджич О.

Ускорение как доминантный культурный код, лежащий в основе современного образа жизни, влияет на все сферы общественной жизни, особенно на семейную жизнь. Семья, как основное биопсихосоциальное объединение родителей и их детей, является объединением, которому необходимо свое особенное «продолжительное» и «неспешное» время, как составляющий элемент семейных отношений и фундамент семейной жизни, тем более, что семья на протяжении веков была исключительным местом укрепления и передачи социальных ценностей, проходящих сквозь время, а также главным местом, в котором человек получает чувство безопасности, поддержки, верности, любви, а также возвращает чувство собственного достоинства. Семейная жизнь – медленная жизнь и поэтому ее «естественный ритм» не совпадает с быстрым темпом современной жизни. Согласно Т.Х. Эриксену, современная семейная жизнь проходит под давлением тирании момента, «логика момента влияет на все сферы семейной жизни и находится в непосредственном конфликте с логикой семьи. На самом деле, семейная жизнь не требует большого количества какой-то особенной работы, какого-то большого капитала, но требует много времени» [3, с. 172-175]. Эта идея становится еще более важной, если учесть, что от количества и качества семейного времени во многом зависит качество и гармоничность взаимоотношений в семье, а также качество семейных отношений, которые устанавливаются между семьей и ее окружением, а также обществом в целом.

Для более детального рассмотрения темы семейной жизни и семейного времени необходимы эмпирические данные и показатели, а также результаты социологических исследований, объем которых в Черногории совсем мал. В сотрудничестве с Академией Наук Черногории, Институт Социологии провел исследование семейной жизни и семейного времени, результаты которого были частично использованы в этой статье.

Результаты нашего исследования показывают, что, по большей части, респонденты имеют достаточно времени для семейной жизни. Большинство респондентов заявили, что имеют «совсем достаточно» времени на семью (54,7%). Значительное число респондентов отметили, что имеют «не совсем достаточно» времени (33,8%). И только небольшое число респондентов отметили, что имеют «очень мало» времени на семью (11,0%).

Анализируя этот вопрос относительно гендерной структуры, можно видеть, что существует статистически значимая разница в показателях женщин и мужчин ($\chi^2 - 12,438$, $p=0,006$). Женщины считают, что имеют больше времени на семью, чем мужчины (59,1% женщин считают, что имеют «совсем достаточно» времени на семью, 33,8% считают, что имеют «не совсем достаточно» времени и

только 6,8% считают, что у них нет времени на семью). Такое отношение отчасти обусловлено более высоким процентом мужчин в сфере занятости, большей традиционной привязанности жены-матери к семье, и, таким образом, к временным обязательствам за пределами профессиональной деятельности.

Еще одним важным результатом этого исследования является информация о том, что около половины опрошенных мужчин (49,1%) заявили, что у них «не совсем достаточно» (33,8%) или «очень мало» (15,1%) времени на семью. Хотя эта информация не дает серьезных причин для беспокойства, она все-таки свидетельствует о «неполноценности» семейного времени в связи с частым отсутствием одного члена семьи. Тем не менее приведенные данные не только говорят об относительно большом отсутствии мужчин в семейной жизни и их большей занятости во «внеfamilial» жизни, но также о том, что женщина в черноморском обществе является не только «столпом семьи», но и «хозяйкой» семейного времени.

Тем не менее большое значение имеют результаты исследования, которые убедительно показывают баланс сил в жизни семьи при принятии важных решений, касающихся семьи как объединения, которое основывается на общности интересов, соглашений и принятия решений в отношении текущих вопросов. Так, на вопрос: «Кто в семье имеет решающее слово при принятии решения о рождении и количестве детей, кто принимает большинство решений по финансовым вопросам, и кто чаще принимает решения о свободном времени и общественной жизни детей?» - были получены ответы, которые показывают, что в 60, 0% случаев это является совместным решением, без статистически значимых различий между участием мужа и жены в принятии любого из вышеуказанных решений. Это означает, что семейное общение, как интересубъективное время и содержание семейных отношений, несмотря на относительно большое отсутствие мужчин в семейной жизни, стремится поддерживать согласованность, как основополагающий аспект семейных отношений.

Исходя из результатов исследований и анализа влияния процесса интенсификации на семейную жизнь и семейное время, можно сказать, что, согласно ответам наших респондентов, эти процессы меньше «поражают» внутрисемейную арену межличностных отношений и намного больше влияют на контакты семьи с ее близкими родственниками и окружающим обществом. В частности, исследование показало, что интенсификация общественной жизни и работы отрицательно влияет на частоту контактов и связь семьи с ее широким кругом родственников. Ответы на вопрос: «В какой мере ваша семья поддерживает контакты с широким кругом родственников?» показывают, что традиционные добродетели семейного общения и взаимоотношений переживают небольшой кризис, о чем свидетельствуют результаты исследований, согласно которым 64,8% респондентов заявили, что они «недостаточно часто» (54,6%) или «очень редко» (10,2%) поддерживают контакты с широким кругом родственников.

Приведенные данные показывают, что в связи с ускорением динамики социальных требований и обязательств, с одной стороны, и семейных обязанностей, с другой стороны, семья в значительной мере расплывается не только в структурно-функциональном, но и в темпоральном плане или, точнее говоря, члены семьи темпорально отдаляются друг от друга, в том смысле, что ее члены, находясь на «перекрестке» рабочей и семейной социальных арен все реже могут выделить время, необходимое для частых контактов и поддержания отношений с широким кругом родственников или друзей.

Таким образом, темпоральная интенсификация общественной жизни отрицательно влияет не только на поддержание семейных контактов с близким кругом родственников и социальным окружением, но и на качество времени, которое проводят вместе родители и дети, поскольку ускоренный темп общественной жизни и работы, с одной стороны, и нынешнее «смутное время», с другой стороны, не дают достаточного количества времени на качественное проведение свободного времени, наполненного совместным выездом родителей и детей на экскурсии или совместным посещением культурно-развлекательных и спортивных мероприятий и т.д. Из-за редкого совместного посещения различных мероприятий в свободное время в значительной мере сократились и возможности для более близкого взаимодействия между родителями и детьми в культурной и общественной жизни с точки зрения нахождения общих интересов и установления более тесных связей родителей и детей в этой области, которая является ключом как к качеству семейных отношений, так и к передаче положительных ценностей и влияния на молодое поколение, потому что современная

общественная жизнь не только передает тенденцию ускорения социальных отношений, в которую быстро включается молодое поколение, но и повышенные риски для социализации молодых людей, при которых они теряют понимание правильных ценностей и «объективный взгляд» на свои социальные контакты и деятельность. На этом уровне исследование показывает, что родители не обладают реальным контролем того, как их дети проводят время вне семьи. Так большинство учеников/студентов (52,7%) сказали, что их прогулки в город ничем не ограничиваются, и в большинстве случаев (45,0%) им не нужно спрашивать на это разрешения или получать его от родителей. И хотя отсутствие ограничений на прогулки в город для студентов понять легко, 62,9% школьников также заявили, что прогулки в город для них не ограничены, и им не нужно получать на них разрешение. Эти данные представляют важный вывод исследования, который говорит, что большое число студентов обладают огромной свободой по своему желанию, без давления со стороны родительских ограничений, проводить свое свободно время так, как им этого хочется. Таким образом, результаты исследования показывают, что родители не могут найти в своем свободном времени «достаточно времени» для частых совместных выходов с детьми и организации культурно-развлекательного наполнения таких совместных выходов, и, чтобы компенсировать недостаток подобных совместных мероприятий, они предоставляют детям возможность заполнять свое свободное время по собственному желанию. Так, 84,5% молодых людей говорит, что семья предоставляет им хорошие условия для полноценного использования свободного времени, которое они в основном проводят вне семьи. Причины этого «разрыва» в структуре интересубъективного семейного времени между родителями и детьми, по большей части, обусловлены различным ритмом свободного времени родителей и детей. В частности, исследование показало, что родители большую часть своего свободного времени проводят в укрытии своего дома, где они находят необходимые им покой и отдых от ежедневного давления общественно-семейных обязательств, в то время как молодежь в свое свободное время пытается активизировать свои контакты и социальную жизнь. Таким образом, в то время как родители в свободное время «замедляют свой ритм», молодежь наоборот пытается наполнить свое свободное время общением со своими друзьями. Растущая разница в проведении свободного времени, согласно выводам исследования, негативно влияет на важность роли семьи в процессе моделирования жизни молодыми людьми. Так, на вопрос: «Какое влияние оказывает семья на моделирование твоей жизни?» были получены ответы, согласно которым для 67,6% молодых людей семья оказывает «частичное» (48,2%) или «совсем незначительное» (19,4%) влияние на моделирование их жизни. Вышеприведенное свидетельствует о том, что сильная временная корреляция между родителями и детьми отрицательно влияет на традиционные черты, на основании которых моделируется и строится жизнь молодого поколения, и принимает форму индивидуализированной ориентации.

Приведенные выше результаты исследований убедительно свидетельствуют о драгоценной важности семейного времени как для общей биопсихосоциальной жизни респондентов, так и для более эффективного взаимодействия и гармонии семейных отношений. Тем не менее они же показывают, что ускоренная социальная динамика постепенно влияет на семейную жизнь, что приводит к необходимости нахождения баланса между быстрым темпом общественной жизни и медленным течением времени, необходимым для семейной жизни, поскольку время, как говорил Софокл, является «божественным сокровищем», но только если каждая социальная арена имеет «свое время».

Библиографический список:

1. Glajk Džejms, (2003), Brže (ubrzavanje svega na svetu), Beograd, Plato.
2. Gidens Entoni, (2005), Odbegli svet, Beograd, Stubovi kulture.
3. Eriksen Tomas Hilan, (2003), Tiranija trenutka, Beograd, Biblioteka XX vek.
4. From Erih, (1963), Zdravo društvo, Beograd, Rad.
5. Onore Karl, (2005), Pohvala sporosti, Beograd, Algoritam izdavaštvo.
6. Sorokin Pitirim, (2002), Društvena i kulturna dinamika, JP Službeni list, CID, Beograd, Podgorica.
7. Zavod za statistiku Crne Gore (Monstat) [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://www.monstat.org/cg/>

РАЗДЕЛ 2. РОССИЯ И АТР: ПРАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ ИНДИВИДА В КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ)

Абагеро Д.Д.

Изучение городского пространства как формы материализации социальных отношений является актуальным направлением специальной отрасли социологического знания - социологии города, а также урбанистики как одной из главных дисциплин в теоретическом и эмпирическом исследовании городов. Теоретические изыскания и эмпирические исследования в области урбанистики как междисциплинарной теории развития городов свидетельствуют о прогрессивно возрастающем интересе теоретиков, администраторов и живущего в городах населения к проблемам городов. Идеи социологии города, антропологии и психологии городской среды активно вплетаются в ткань городского управления.

Социологическое осмысление городов в XIX и первой половине XX веков развивалось в ключе парадигмы «большого завода», согласно которой становление городов рассматривалось в контексте процессов индустриализации и урбанизации. Большое внимание уделялось изучению роли городов как экономических и рыночных центров. Во второй половине XX века популярность набирает индивидуализированное направление в городских исследованиях, исходным пунктом которого является рассмотрение роли человека в городских процессах и изучение того, как социальные потребности индивида материализуются в городском пространстве. В рамках данного исследования большое внимание уделено рассмотрению различных социальных механизмов и технологий инклюзии индивида в коммуникативное пространство города. Главной детерминантой, определяющей вовлеченность индивида в городское пространство, были признаны современные информационно-коммуникационные технологии, повсеместное использование которых приводит к появлению новых социально-городских практик и способствует повышению мобильности жителей современных городов.

Цель данного исследования – выявить и охарактеризовать социальные механизмы включения индивида в коммуникативное пространство города с учетом особенностей территориального, градостроительного, информационно-коммуникационного аспектов организации пространства в городе.

Для реализации данной цели были проведен комплексный историко-социологический анализ социологических теорий городского пространства. Результатом анализа теоретических концепций стало выделение конкретных социальных механизмов включения индивида в коммуникативное пространство города, в частности:

1. Революции и манифестации – протестные и репрезентативные формы борьбы за пространство и права (А. Лефевр).
2. Физическое занятие пространства и использование права на город (А. Лефевр, Д. Харви, Д. Митчелл).
3. Создание комфортных пешеходных зон и городское планирование «для людей» (Я. Гейл, Дж. Джекобс, П. Геддес).
4. Неформальная коммуникация в третьих местах (Р. Ольденбург).

В рамках проведенного исследования были рассмотрены конкретные социальные механизмы инклюзии индивида в коммуникативное пространство города на примере Москвы. Среди таких механизмов было выделено следующее.

Внедрение информационных технологий в сферу услуг – современные информационно-коммуникационные технологии являются одной из главных детерминант преобразования коммуникативного пространства города. Возникновение новых поколений мобильных медиа, в буквальном смысле сопровождающих нас в повседневной жизни, лишь усилило наступление на

традиционные границы общественного и частного пространств [1, с. 436]. Появление технологий таких как система электронной очереди, технология «одно окно», кассы самообслуживания, порталы дистанционного оказания услуг, онлайн-сопровождение в фитнес-индустрии, дистанционное образование приводит к тому, что использование данных услуг становится все более комфортным и оперативным для жителей города, что способствует вовлеченности в городское пространство. Однако стоит также учитывать, что распространение информационных технологий фиксирует и тенденцию сокращения межличностного взаимодействия индивидов.

Трансформация трудовой сферы – развитие IT, распространение беспроводных технологий Wi-Fi способствуют становлению коворкинг пространств, становятся их основой, инфраструктурой. Коворкинг можно рассматривать как одну из форм профессиональных отношений, в рамках складывающихся социальных отношений. Коворкинг как новая форма организации рабочего процесса способствует вовлечению работников в коммуникативное пространство в города в противовес традиционному формату рутинизированного трудового процесса, в рамках которого предполагается постоянное нахождение в одном офисе.

Усовершенствование транспортной системы – одним из главных факторов, влияющих на вовлеченность людей в городское пространство, является удобство, скорость и комфорт при перемещении в городе. Мобильность человека в городском пространстве непосредственным образом связана с транспортной системой, которая претерпела ряд значительных изменений в конце 2016 года в Москве. Осенью 2016 года в Москве произошел ряд серьезных нововведений в транспортной системе, среди которых стоит обратить особое внимание на открытие Московского Центрального кольца (МЦК) и запуск новой сети общественного транспорта «Магистраль» [3]. Главный лозунг, который значился на баннерах вблизи станций, звучал следующими образом «Город стал ближе». На многочисленных вывесках также значились графические изображения, отражающие основной замысел запуска МЦК: доступность и удобность в активном пользовании городского пространства и поддержания социальных связей.

Краудсорсинговые проекты занимают важнейшее место среди технологий включения индивида в коммуникативное пространство города. В Москве наиболее масштабные проекты были организованы под руководством Правительства Москвы. Были разработаны и реализованы проекты, в рамках которых по инициативе городских властей происходило привлечение человеческих интеллектуальных ресурсов для решения городских проблем и активизации социального участия в жизни города. К таким проектам можно отнести Крауд-сорсинг проекты Правительства Москвы [2] и веб-платформу Активный гражданин [4]. Кроме этого, был введен проект, предполагающий инициативную подачу гражданами запроса о решении насущных городских проблем – портал мэра Москвы Собянина «Москва наш город». Инициативу по привлечению горожан к актуальным проблемам города также проявляют различные средства массовой информации. Например, телеканалом «Пятница» было запущено специализированное приложение, в рамках которого жителям города представляется возможность оценить качество предоставляемых в городе услуг. Пользователи приложения выставляют оценки общественным заведениям (преимущественно отелям и местам общественного питания) по результатам их посещения. Лозунг проекта, обозначенный на официальном сайте, звучит следующим образом: «Загрузи приложение «Ревизона» и улучшай городское пространство» [5].

Благодаря участию в краудсорсинговых проектах люди не только знакомятся с основными проблемами города, но и принимают инициативное участие в их решении. Участие в обсуждении в рамках таких проектов способствует расширению социальных связей и знакомств, а ответы на опросы, в случае с «Активным гражданином», могут принести ряд льгот и бонусов в пользовании услугами в городе.

Стоит отметить, что рассмотренные социальные технологии вовлечения жителей города в коммуникативное пространство формируются как способ удовлетворения социальных потребностей. Данную взаимосвязь можно визуализировать в табличной форме (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Социальные технологии вовлечения в городское пространство как способ удовлетворения социальных потребностей и городских проблем (на примере Москвы)

Социальная потребность / актуальная проблема	Технология, применяемая для решения
Потребность в повышении удобства пользования общественным транспортом и мобильности в городе.	Крауд-сорсинг проект правительства Москвы «Наши маршруты». Появление новой сети наземного транспорта «Магистраль» и открытие Московского Центрального Кольца. Оперативные опросы на портале «Активный гражданин»
Обустроенность улиц города, пробки	Крауд-сорсинг проект правительства Москвы «Наш город» Оперативные опросы на портале «Активный гражданин»
Усовершенствование центров оказания государственных услуг	Крауд-сорсинг проекты правительства Москвы «Мой офис госуслуг» и «Моя поликлиника». Введение информационных технологий и организация работы по принципу одного окна. Оперативные опросы на портале «Активный гражданин»
Потребность в возникновение мобильных форм труда, безотносительных к географической привязанности	Коворкинг/анти-кафе как новая форма организации трудового процесса.

Подводя итог, стоит отметить, что в настоящее время, как это показано на примере Москвы, городская политика властей все в большей степени направлена на обеспечение максимального учета потребностей жителей и увеличение вовлеченности в коммуникативное пространство города. К интенциональным механизмам вовлечения в городское пространство были отнесены информационно-коммуникационные технологии, коворкинг, трансформация транспортной сети и краудсорсинговые проекты. К неинтенциональным факторам вовлеченности в городское пространство также была отнесена территориальная и социокультурная идентичность. Выбранная для анализа тема аккумулирует в себе большое количество направлений, которые могут быть подвергнуты исследованию, что обуславливает перспективу потенциального дальнейшего изучения данной темы.

Библиографический список:

1. Маккуайр С. Медийный город. Медиа, архитектура и городское пространство. М.: Strelka Press, 2014. 527 с.
2. Краудсорсинг-проекты Правительства Москвы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://crowd.mos.ru>
3. Официальный сайт мэра Москвы. «Новая маршрутная сеть Магистраль». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mos.ru/city/projects/magistral/>
4. Портал «Активный гражданин». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ag.mos.ru/results>
5. Портал «Ревизона». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://revizona.ru>

ИМПЕРАТИВЫ РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЗМА: НОВЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Абрамов А.П.

«Патриотизм» становится объектом научного изучения, в котором в последние годы чувствуется острая потребность. Российские исследователи в своих работах показывают, что патриотизм – многосоставное понятие и явление, ядром которого выступают:

- любовь к Родине;
- готовность к самопожертвованию во имя общественных интересов;
- идентификация со своим народом, страной и своей историей [1; 2; 3; 4].

Результаты социологических исследований раскрывают всю неоднозначность предпринимаемых интенций по формированию патриотизма среди российских граждан.

Так, по последним опросам Аналитического центра «Фонд общественное мнение» (05.03.2017 г., 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, n = 1500 – интервью по месту жительства) 78% россиян считают себя патриотами, чаще других – люди с высшим образованием и обеспеченные. Не считают себя патриотами 17% россиян, чаще – люди со средним образованием и ниже, и неимущие. Вслух называть себя патриотом некрасиво, считают 34% наших сограждан, а 58% не видят в этом ничего предосудительного. На вопрос, обязательно ли каждому гражданину быть патриотом, утвердительно отвечают 30% россиян, а 68% убеждены, что это личное дело каждого, быть ему патриотом или нет [5].

По мнению большинства опрошенных, патриотом может быть человек, который критикует власти своей страны (около 60%), который не знает текста гимна своей страны (62%), не знает историю своей страны (61%). Вместе с тем, патриотом может быть человек, который старается избежать службы в армии (29%).

Около половины респондентов признают (46%), что быть патриотом может человек, который уезжает жить и работать за границу. В суждениях опрошенных лишь около трети (30%) отмечают, что каждый гражданин страны должен быть патриотом. 68% придерживались мнения, что быть или не быть патриотом – личное дело каждого гражданина. 2% респондентов с ответом затруднились.

Немногим более половины, 51% констатировали, что патриотизм в России чем-то принципиально отличается от патриотизма в других крупных странах. 29% отметили, что таких отличий нет, остальные уклонились от однозначного ответа. Вопрос «Чем именно наш российский патриотизм отличается от других стран» задавался 51% респондентов, которые отметили особенные черты российского патриотизма. По 1% соответственно отметили, что «Мы терпеливы»; «Мы миролюбивы, помогаем другим странам»; «Мы гордимся своей страной»; «У нас нет патриотизма»; «Мы верующие, духовные». Затруднились ответить – 12% и вопрос не задавался 49% респондентов.

Еще ранее, в феврале 2014 года эксперты Института современной России при содействии социологов «Левада-Центра» провели опрос, направленный на выяснение того, как россияне понимают патриотизм. Опрос показал, что большинство россиян считают, что в основе патриотизма лежит любовь к своей стране. Именно так 68% россиян ответили на вопрос «Что, по вашему мнению, значит быть патриотом?». По мнению 27% опрошенных, «быть патриотом» означает работу (действие) во благо страны, 22% респондентов отметили, что патриот должен стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее.

Как показал опрос, россияне большей частью гордятся природными богатствами России (38,5%), ее историей (37,8%), спортивными достижениями (28,9%), культурой (28,5%), размерами страны (28%). Гораздо меньшее количество наших сограждан испытывает чувство гордости за достижения страны в социальной и экономической сфере: лишь 2% опрошенных отметили, что гордятся системой здравоохранения, 5,2% – системой образования, 5,4% – экономическими успехами. И еще один тревожный показатель, – только 7,9% россиян гордятся своими согражданами [6].

В 2014 году ВЦИОМ представил данные своего опроса о том, какие чувства россияне испытывают к нашей стране, кого считают патриотами, а кого нет. Отвечая на вопрос о том, кто не

является патриотом, большинство респондентов – 84% – выразили мнение о том, что, прежде всего, это человек, не чувствующий любви к России. Две трети опрошенных – 68% – полагают, что патриотом не может быть тот, кто хочет переехать в другую страну. Еще 66% россиян считают главным проявлением непатриотических чувств уклонение от службы в армии. 66% уверены, что истинный патриот никогда не будет давать или брать взятки, 63% – что он не будет уклоняться от уплаты налогов.

Для 65% опрошенных главным признаком, отличающим истинного патриота, является знание государственной символики России. 53% респондентов считают, что патриотом не может быть человек, имеющий счета за границей, 52% – что им не может быть человек, работающий в некоммерческой организации, которая финансируется из-за рубежа.

Мнения респондентов о том, как охарактеризовать человека, имеющего двойное гражданство, также разделились: 48% думают, что его можно назвать патриотом, а 43% с этим в корне не согласны. По мнению 62% опрошенных, желание вступить в брак с иностранцем не означает, что человек не питает патриотических чувств к своей стране; не согласны с этим 30% респондентов. 65% опрошенных также не видят препятствий для того, чтобы назвать патриотом человека, работающего в иностранной фирме, с чем не согласны 29% участников опроса [7].

Рассмотренные результаты эмпирических исследований патриотизма позволяют сделать ряд общих выводов относительно природы этого понятия и его восприятия нашими согражданами. Они в целом подтверждают адекватность приведенных выше определений патриотизма, в частности, чувства любви к Родине как его основы, и демонстрируют, что восприятие патриотизма гражданами в целом строится в русле существующих определений, хотя в различных ситуациях на первый план выходят те или иные его аспекты. Кроме того, они дают основания для некоторых уточнений:

- весомая существенность поведенческого компонента патриотизма;
- достаточно высокая «локальная привязка» патриотизма в виде соответствующего отношения не только к своей Родине, но и к своей семье, своим детям, своей профессии и т.д.;
- персонификация патриотизма, ассоциируемая с конкретными личностями и иллюстрируемая конкретными примерами;
- распространенность «критического патриотизма»;
- сохранение общего ядра (любовь к Родине) и большое количество трактовок патриотизма, который принимает различные формы;
- большой разброс мнений в отношении частных проявлений патриотизма (непатриотизма), таких как двойное гражданство, работа в иностранной фирме, готовность выехать за рубеж и т.п.;
- рост патриотизма в результате включения Крыма в состав России;
- одним из главных ресурсов возрождения патриотизма в российском обществе является система образования, поскольку образовательная сфера относится к числу ведущих, определяющих институтов воспитания в обществе и государстве [8, с. 77-81];
- основными препятствиями по воспитанию патриотизма являются: отсутствие общенациональной идеи и декларативный характер патриотического воспитания; антипатриотичность СМИ, отсутствие эффективных мотиваций к патриотическому поведению [8, с. 163].

Общероссийский патриотизм – это фундаментальная основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, предполагающая реализацию жизненно важных национальных интересов всех народов Российской Федерации, их обеспечение возможностями экономики, социальной сферы, политической и военной организации государства, духовно-нравственного и интеллектуального потенциала многонационального российского общества [9, с. 10].

Рефлексируя о воспитании патриотизма, необходимо отметить фрагментарность управленческих интенций и отсутствие системы мер со стороны государства, которые предполагают ежедневную, если хотите, ежечасную работу по созданию патриотического пространства. Каждый новый рабочий день на производстве, начало занятий в школе или вузе нужно начинать с поднятия государственного флага и исполнения государственного гимна. Тогда у нашего спортсмена, поднимающегося на пьедестал почета, не будет затруднений в исполнении своего гимна. Несомненно,

это и комплекс мер, направленный на повсеместную популяризацию на телевидении, в литературе, кинематографе, в Интернете наших сегодняшних героев, своим ежедневным трудом на разных поприщах прославляющих Россию. 2015 год был объявлен годом литературы. Где та книга, которую должен прочитать каждый? 2016 год – год кино, а где фильм, который рекомендуется для просмотра всем? Вопросы остаются открытыми. Без примеров, как образцов для подражания, невозможно воспитать патриота. Только тогда, когда прекратится имитация улучшения жизни всех возрастных когорт и роста социально-экономических показателей, когда будут минимизированы стратификационные различия в обществе, прежде всего по уровню доходов, когда мы прекратим друг другу врать, мы сможем получить исходную базовую матрицу российского патриотизма.

Библиографический список:

1. Абрамов А.П. Отечественный и зарубежный опыт формирования личности в условиях военного образования: монография. Курск: Курск. гос. техн. ун-т, 2010. 186 с.
2. Абрамов А.П., Осадчая Г.И. Социокультурный подход к проблеме модернизации среднего специализированного военного образования: диалектика традиционного и современного // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 2 (16). С. 184-190.
3. Зверев В.О., Морозов А.А. Патриотизм как нравственная ценность в политике России и социальных концепциях религиозных объединений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1. С. 67-70.
4. Журавлёв А.Л., Юревич А.В. Проблемы российского патриотизма // Наука. Культура. Общество. 2016. № 1. С. 56-69.
5. Патриотизм: динамика мнений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fom.ru/TSennosti/13261> (дата обращения: 16.10.2017).
6. Подмена понятий: патриотизм в России: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/27052014/podmena-ponyatii-patriotizm-v-gossii> (дата обращения: 10.10.2017).
7. Что значит «быть патриотом»? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114857> (дата обращения: 30.09.2017).
8. Патриотизм современной российской молодежи: концептуальные основания и технологии воспит.: коллективная монография / И.В. Бочарников и др.; под ред. И.В. Бочарникова. М.: Альфа-М, 2013. 144 с.
9. Патриотизм как фактор развития российской государственности / Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Ассамблея народов России, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, Московский дом национальностей; [под общ. ред. И.В. Бочарникова]. М.: Московский дом национальностей, 2015. 368 с.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ СТРАН АТР (НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Аристова И.Л., Соколова А.М.

Период обучения в ВУЗе является важной составляющей процесса профессионализации, будущий специалист получает необходимые знания, умения, навыки, оценивает свое Я – реальное и Я – идеальное в будущей профессиональной деятельности, стремится стать настоящим профессионалом. Но как показывает практика на стадии профессионального образования, многие учащиеся и студенты разочаровываются в выбранной профессии. Снижается интерес к учебе, к отдельным предметам, появляются сомнения в правильности своего выбора. В процессе формирования образа профессии индивид начинает представлять, кем и как он будет работать, возникает некий иерархический процесс, последовательность операций, план реализации профессионального образа.

Цель работы – изучить ценностные ориентации иностранных студентов на разных этапах профессионального самоопределения.

«Ценности – это обобщенные представления о благах и приемлемых способах их получения, на базе которых человек осуществляет сознательный выбор целей и средств деятельности» [2]. Ценности личности выступают в качестве основы для формирования жизненной стратегии, во многом определяют линию профессионального развития. Следовательно, в роли ценностных ориентаций выступает отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров. Они формируются на социальном опыте, который проявляется впоследствии в идеалах, целях, убеждениях, интересах и других элементах, реализующихся в поведении личности. Ценностные ориентации – достаточно сложный комплекс, в котором можно выделить три основных компонента: когнитивный, поведенческий и эмотивный. Когнитивный есть составная часть знания, поведенческий – подразумевает под собой реализацию ценностных ориентаций в поведении личности, эмотивный – эмоциональная составляющая, вытекающая из оценки.

По мнению Виктора Франкла, ценности являются «проводниками» смысла. Он выдвинул «триаду ценностей», в которую включил: ценности творчества, ценности отношения, ценности переживания. Под первыми он понимал ценности, реализуемые по средством труда. Ценности отношения определяются обстоятельствами, которые человек не в силах изменить. И наконец, ценности переживания представляют собой внутреннее восприятие мира человеком [4].

Милтон Рокич делит ценности на «терминальные» и «инструментальные». Терминальные ценности определяют для человека смысл его жизни, указывая при этом на то, что для него наиболее значимо и важно. Инструментальные ценности – убеждения человека о том, что определенный образ действий и свойство личности являются предпочтительными в любой ситуации.

В рамках работы было проведено анкетирование и тестирование с октября 2016 года по март 2017 года, в котором приняло участие 30 студентов первого и третьего курсов разных направлений подготовки Восточного Института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. Основными методами, для получения необходимой информации, выступили: наблюдение, анализ литературных источников, беседа, методика М. Рокича «Ценностные ориентации» (на английском языке).

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы.

Таблица 1 – Средние ранги ценностей цели и ценностей средства

№	Терминальные (ценности цели)	1 курс	3 курс
11	Активная деятельная жизнь	3	1
22	Жизненная мудрость	11	3
33	Здоровье	5	2
44	Интересная работа	12	11
55	Красота природы и искусства	16	15
66	Любовь	2	10
77	Материально обеспеченная жизнь	14	13
88	Наличие хороших и верных друзей	4	6,5
99	Общественное признание	15	16
110	Познание	6	8
111	Продуктивная жизнь	9	6,5
112	Развитие	1	5
113	Развлечения	17	17
114	Свобода	13	12
115	Счастливая семейная жизнь	7	4
116	Счастье других	18	18
117	Творчество	10	14

118	Уверенность в себе	8	9
№	Инструментальные (ценности средства)	1 курс	3 курс
11	Аккуратность	12	5
22	Воспитанность	5,5	2
33	Высокие запросы	18	18
14	Жизнерадостность	2	4
55	Исполнительность	17	16
66	Независимость	11	11
77	Непримиримость к недостаткам в себе и других	16	17
88	Образованность	3	3
99	Ответственность	7	8
110	Рационализм	14	1
111	Самоконтроль	9	13
112	Смелость в отстаиваниях своего мнения, взглядов	15	10
113	Твердая воля	10	14
114	Терпимость	1	15
115	Широта взглядов	5,5	9
116	Честность	8	7
117	Эффективность в делах	13	6
118	Чуткость	4	12

К ярко выраженным ценностям у иностранных студентов стран АТР можно отнести «любовь» среди терминальных ценностей, стоящую на втором месте у 1 курса и смещённую на 10 позицию у иностранных студентов стран АТР 3 курса. В то время как «жизненная мудрость» с 11 ранга поднимается на 3 позицию. Среди инструментальных ценностей «терпимость» занимающая первое место в ранжировании у иностранных студентов первого курса оказывается уже на 15 месте у третьего курса. «Чуткость» стоящая на четвертом месте среди иностранных студентов 1 курса падает на 12 место у третьего курса. А вот «рационализм» наоборот, с 14 позиции среди первого курса поднимается на первое место у студентов 3 курса. Так же можно заметить интересную тенденцию сохранения ранговой позиции ценностей, вне зависимости от курса. К таким ценностям относятся:

1) По терминальным ценностям: Развлечения (17 ранг), Счастье других (18 ранг).

Они рассматриваются как «приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей»; и «благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом». Это может свидетельствовать о несильной значимости данных ценностей цели среди иностранных студентов.

2) По инструментальным ценностям: Образованность (3 ранг), Независимость (11 ранг), Высокие запросы (18 ранг).

Это в свою очередь говорит о том, что «образованность» как ценность средства играет большую роль не зависимо от стадии профессионального самоопределения. «Независимость» располагается примерно в середине данных ценностей, а вот «высокие запросы» располагаются на последнем месте в ранжировании обеих групп испытуемых.

Благодаря методу ранговой корреляции Спирмена было установлено, что различия в уровне иерархии ценностных ориентаций иностранных студентов 1 и 3 курсов достоверно отличаются от нуля. На основе чего можно предположить, что иерархия ценностных ориентаций человека меняется в процессе прохождения обучения в ВУЗе и на остальных этапах профессионального самоопределения. Исходя из описания результатов проделанной работы, можно сделать вывод о том, что такие ценности как «чуткость», «терпимость» и «любовь» имеют достаточно высокую степень значимости для

иностранных студентов 1 курса. В то время как «жизненная мудрость» и «рационализм» обретают намного более выраженную значимость на более поздних этапах профессионального самоопределения.

Библиографический список:

1. Ленглэ А. Экзистенциально-аналитическая теория личности. М: Генезис, 2009. С. 159.
2. Немов Р.С. Психология. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. С. 640.
3. Столяренко Л.Д. Основы психологии. Ростов н/Д: Феникс, 2006. С. 704.
4. Франкл В. Человек в поисках смысла. М: Прогресс, 1990. С. 368.

СЕЛЬСКО-ГОРОДСКАЯ МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ*

Бадарев Д.Д.

Модернизационные процессы в современном обществе характеризуются особенностями, вызванными усилением глобализации и интенсификации цивилизационной динамики различных стран, в том числе и стран, переступивших грани социализма-капитализма в конце XX столетия. Монголия как страна, имевшая прямое отношение к этой системе и связанная братскими узами с СССР, была подвержена всем реформаторским процессам. По Конституции 1992 г. монголы получили гарантированное «право на свободу передвижения внутри страны, на выбор постоянного или временного места жительства, на выезд и проживание за границей, на возвращение на Родину». С появлением более широких возможностей для активного передвижения, смены места жительства возникают потребности жизнеустройства в более комфортных условиях, т.е. в городах и крупных населенных пунктах с более доступными социокультурными, образовательными и медицинскими услугами. Усугубляющиеся процессы социального неравенства привели к поляризации и дифференциации монгольского общества. Во всех этих процессах активными участниками стали монгольские кочевники-скотоводы.

Традиционная культура кочевников как основа национальной культуры монгольских народов наследуется многими поколениями, начиная с самых древнейших времен. Уникальная культура сезонного передвижения вслед за пастбищными животными стала основой особого образа жизни монгольских скотоводов со своеобразным кочевым менталитетом и восприятием мира. Кочевничество в процессе эволюционного развития сформировало устойчивую номадическую культуру со специфическими особенностями, способную функционировать и сохранять свои свойства и признаки в условиях модернизации современного монгольского общества.

Современные процессы миграции населения становятся актуальной проблемой для такой скотоводческой страны как Монголия, подразумевая под собой обострение социальных проблем общества, таких как безработица, бедность, мобильность трудовых ресурсов, усиление нагрузки на инфраструктуру городских территорий, а также решение вопросов цивилизационного характера, связанных с изменением образа жизни и быта исконных кочевников монгольских степей. В современной Монголии доминирует частично модернизированный, традиционный пастбищно-кочевой тип скотоводства. По подсчетам В.В. Грайворонского, в начале 2010-х годов численность кочевников и полукочевников составляла 450-490 тыс. чел., или около половины сельского населения, или почти 15% всего населения страны [3, с. 133].

При существующей экономической политике основными тремя сегментами-лидерами валового внутреннего продукта Монголии являются горнорудная промышленность – 20,5%, оптово-розничная торговля – 16,3% и сельское и лесное хозяйство, рыболовство, охотный промысел – 12% [6, с. 70].

В 2016 году в отраслях экономической деятельности Монголии в качестве занятых трудились 1147,8 тыс. чел. из 1275,6 тыс. чел. экономически активного населения. В «сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве, охотном промысле» было занято 30,4% населения [6, с. 66-67]. Традиционно

---

* Работа выполнена в рамках гранта РГНФ №15-31-01327 «Кочевничество и миграции: модернизационные изменения поведения номадов Монголии»

популярным и объективным показателем обеспеченности арата является поголовье скота. По данным социологических исследований середины 2000-х гг., араты-скотоводы в зависимости от имеющегося поголовья скота делятся на слой зажиточных (12% - имеющие свыше 201 головы скота), средний (19% - 101-200 голов скота), бедный (54% - до 100 голов скота) и крайне бедный (31% - до 50 голов скота) слои [4, с. 52].

В кочевом животноводстве задействовано 311,4 тыс. чел., а число их семей составляет 160,6 тыс. [6, с. 547]. Впервые, по данным за 2016 г., поголовье монгольского скота достигло 61,5 млн голов, из них лошадей – 3,6 млн, КРС – 4,1 млн, верблюдов – 0,4 млн, овец – 27,8 млн, коз – 25,6 млн голов [6, с. 537]. При существующей тенденции последних 20 лет предположительно будет продолжаться увеличение монгольского скота. Условиями дальнейшего увеличения поголовья могут выступить: увеличение спроса на монгольское мясо и шерсть на мировом рынке, инвестирование в современные технологии ведения животноводства (усиление ветеринарного контроля, селекционирование, оптимизация и рационализация при использовании пастбищных и сенокосных угодий), продолжение принятого Парламентом и Правительством курса на реализацию специальных программ для скотоводов. При этом традиционно существенным фактором сохранения поголовья скота выступают природно-климатические условия, от которых всецело зависит состояние пастбищного скотоводства страны.

Миграция внутри страны и за её пределами является одним из основных каналов приспособления кочевников-монголов к современным процессам глобализации и модернизации. Однако нерегулируемые миграционные потоки населения приводят в основном к различным последствиям как позитивного, так и негативного характера.

Нерегулируемая массовая сельско-городская миграция негативно влияет на основы традиционного кочевого хозяйства и влечет за собой целый ряд демографических, экономических, социальных, экологических последствий для принимающей территории. Уменьшение численности молодежи в сельской местности и миграция семей в города ведет к дисбалансу производительных сил в агропромышленном секторе, поскольку 74% мигрантов в возрасте 15-64 года, а 26% - 0-14 лет [2, с. 9]; дестабилизируется устойчивое развитие сельской местности; замедляется развитие сельскохозяйственного производства и снижается объем сельского рынка, уменьшается и без того низкая плотность сельского населения, происходит «опустынивание» обширных территорий, скотоводы оставляют ранее обжитые кочевья.

По данным статистики, в 1990 г. прибыло в Улан-Батор 5157 человек, убыло – 2102, а в 2012 г. - 57300 и 19500 соответственно. По демографическим прогнозам, к 2020 г. население Улан-Батора составит 1 555,7 тыс. человек, а к 2040 г. – 2 387,1 тыс. По неофициальным данным, если учитывать количество незарегистрированных жителей, то в столице проживают 64,2% населения страны, кроме того, 79,5% прибывших из сельской местности мигрантов живут в юрточных микрорайонах [4, с. 46]. Интенсивные внутренние миграционные потоки в урбанизированные районы страны влекут за собой обострение социальных проблем общества, имеющих глубокие социально-экономические корни. Специфической особенностью, характеризующей современное положение кочевников-мигрантов, является немалое количество скотоводов, относящихся к городскому населению в пределах административно-территориальных границ столицы страны - г. Улан-Батора. Вторичный анализ результатов выборочного социологического исследования по проблемам социальной дифференциации скотоводов г.Улан-Батора демонстрирует сложившуюся ситуацию как ответ на модернизационные изменения в современном монгольском обществе [7, с. 107].

Так, по данным 2014 года в 9 микрорайонах столицы проживают 2798 семей скотоводов, которые содержат в общей сложности 385,4 тыс. голов скота, из которых лошадей – 33900 голов, КРС – 76600, овец – 158900 годов, коз – 115900 голов, верблюдов – 154 голов [5, с. 373]. Данное явление объясняется активными миграционными процессами из сельской местности, начиная с 1990-х гг. в центральные районы страны. Пиковые показатели были отмечены в 1990-м г., когда количество семей

скотоводов в г.Улан-Баторе составило более 3 тыс. В последующие годы наблюдается динамика постепенного уменьшения количества скотоводов в столице.

Живущие в пригороде скотоводы и члены их семей имеют возможности трудоустройства и подработки в столице. Скотоводы становятся активными участниками городской жизни и получают возможности пользования всеми благами цивилизации и социальной инфраструктуры. «Оборотная сторона медали» в этом процессе заключается в ряде негативных моментов. Так, несмотря на условия близости к благам цивилизации и столичному рынку, скотоводы ограничены в своих возможностях, поскольку они в пригороде столицы в большей степени заняты именно скотоводством. Всеобщую озабоченность вызывает нехватка пастбищных угодий в пригороде Улан-Батора, как основы ведения скотоводства и всей жизнедеятельности скотовода. Имеются и другие проблемы, связанные с ветеринарным контролем и поставкой на продуктовый рынок качественных мясомолочных продуктов. Кража скота также относится к насущным проблемам скотоводов. Соответственно, в условиях жесточайшей рыночной конкуренции, возникающей между ними самими и приезжими из других сельских аймаков, доходы не всегда соответствуют тем усилиям и затратам, которые несут скотоводы в круглогодичном процессе по содержанию приемлемого для уровня жизни семьи количества скота.

Таким образом, процессы миграции и урбанизации в современном монгольском обществе демонстрируют высокую территориальную мобильность населения. Основные причины и факторы миграционных потоков обусловлены традиционными формами кочевого образа жизни и современными экономическими и демографическими процессами, ускоряемыми глобализацией.

Библиографический список:

1. Амартувшин Л. Улаанбаатар хотын хун амын шилжилт ходолгооний хандлагын шинжилгээ (Изучение миграционных тенденций населения в г.Улан-Батор) // Актуальные вопросы городской миграции: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Улан-Батор, 04 июня 2014 г.). Улаанбаатар, 2015. С.46-51. (на монг.яз).

2. Галиймаа Н. 1990-2010 онууд дахь хун амын дотоод миграци: Улаанбаатар хотын жишээн дээр // Даяаршлын уеын соёл ба миграци. УБ., 2011. х.5-9. (Галиймаа Н. Внутренняя миграция населения в 1990-2010 гг.: на примере г. Улан-Батор // Монголия на перекрестке внешних миграций. – Улан-Батор, 2010. С.5-9.)

3. Грайворонский В.В. Монголия в начале XXI века (политика, экономика, общество). М.: ИВ РАН, 2017. 352 с.

4. Дорждагва Т. Некоторые вопросы социальной стратификации современного монгольского общества // Социально-стратификационная дифференциация российского общества: матер. междунар. науч. конф. В 2 т. Т. 1. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006. С. 50-56.

5. Статистический ежегодник Монголии. Улан-Батор, 2015. 455 с. (на монг. и англ. яз.).

6. Статистический ежегодник Монголии. Улан-Батор, 2017. 652 с. (на монг. и англ. яз.).

7. Цэцэнбилэг Ц., Мөнхбат Н. Улаанбаатар хотын малчдын нийгмийн ялгарал (Социальная дифференциация скотоводов г. Улан-Батор) // Философии, эрхийнсудлал. Улаанбаатар, 2015. XXX боть. С.106-114 (на монг. яз).

О ПЕРСПЕКТИВАХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Бобылева Н.Ю., Проказина Н.В.

Актуальность исследования перспектив российско-китайских отношений напрямую связана со сложившимся положением России на мировой арене. Географическая близость России и Китая, а также крепкие политические связи между Москвой и Пекином создают благоприятный фон для эффективного сотрудничества, гарантируют ему самые широкие перспективы. Российско-китайские отношения могут служить примером того, как в современных условиях глобализации существует возможность развивать отношения добрососедства, дружбы и сотрудничества. Убедиться в этом помогают опросы общественного мнения.

По результатам социологического опроса «Россия-Китай-США: отношения в стратегическом треугольнике», проведенного ВЦИОМ от 7 февраля 2017 года, Китай для граждан России остается добрым партнером (50%), дружественным государством (27%). Доли опрошенных, которые видят в КНР экономического или политического соперника (10%) и врага (5%), – незначительны. Прогноз перспектив российско-китайских отношений весьма позитивен: 37% россиян считают, что Китай в ближайшем будущем будет союзником России, 38% – близким компаньоном. Лишь 14% респондентов считают, что Китай станет для России врагом [1].

Взаимоотношения России и Китая всегда отмечались наличием богатой, но при этом чрезвычайно сложной истории, периоды которой варьировались от тесного сближения стран в экономическом плане до разногласий, которые приводили к разрыву всяческих контактов. Современный Китай – «...это быстро и динамично развивающаяся страна, стимулирующая развитие внутренних политических институтов» [2, с.132]., «...активно наращивающая свой мировой экспортный потенциал в рамках глобализирующейся мировой экономики» [3, с.17]., «...развивающая духовную составляющую хозяйственной культуры внутри страны» [4, с.143]. и «...активно транслирующая свои ценности извне» [5, с.182].

В условиях кардинальных изменений в мировой политической конъюнктуре Россия ищет пути для диверсификации внешнеполитических связей, а также выходы на новые, в частности, азиатские рынки.

Ключевыми факторами, определяющими данную тенденцию, являются, во-первых, обострение противоречий в отношениях со странами западной Европы и США, во-вторых, связанный с этим санкционный режим и потеря европейского рынка.

Говоря о современном положении дел, безусловно, конфликт на Украине подтолкнул Россию к сближению с Китаем, что, однако, не означает отсутствия разногласий. Цели обеих стран заключаются в «расширенном сотрудничестве» в странах Средней Азии.

Проблемы на мировой политической арене, негативное отношение стран Запада и, как итог, введение санкций против Российской Федерации, намеренное ограничение участия страны в торговом, инвестиционном и технологическом сотрудничестве – всё это имеет единственную цель: оказать влияние на внешнеэкономическую и политическую деятельность страны.

В условиях тотального санкционного давления, руководство страны видит выход в том числе в переориентации внешнеэкономической деятельности на Российско-китайское сотрудничество. Вследствие указанных процессов российское правительство считает первоочередным интенсификацию и укрепление партнерства с Китайской Народной Республикой.

Взаимодействие России и Китая приобретает особую значимость в виду того, что существует ряд объективных угроз и вызовов безопасности, а также последствия экономического кризиса, которые возможно преодолеть, только предпринимая совместные усилия с партнером, который также заинтересован в стабильности и развитии.

Итак, о перспективах китайско-российских отношениях правильнее всего говорить в позитивном сценарии. При сохраняющейся динамике в ближайшие минимум 5-7 лет Китай будет поддерживать Россию во всех международных делах.

Самое важное и ожидаемое событие, которое продлит срок тесных партнерских отношений – это прорыв в экономическом сотрудничестве, увеличении товарооборота. Именно это сейчас должно стать первостепенной задачей для Москвы.

Делая выводы о перспективах российско-китайских отношений, стоит отметить, что важную роль играет наличие договоров по организациям БРИКС и ШОС.

Особенно стоит уделить внимание развитию последней организации, в которой страны осуществляют большее количество инвестиционных программ и партнерских взаимоотношений не только экономического или торгового характера, но и военного, социального и культурного.

Основными перспективными направлениями сотрудничества между РФ и КНР являются следующие.

Усиление торгово-экономических связей между государствами. На данном этапе полным ходом идет сотрудничество в сфере обмена ресурсами.

Так же Россия и КНР активно участвуют в формировании и продвижении концепции «Экономического пояса шелкового пути» (ЭПШП). Эта концепция создание своего рода транспортно-логистического коридора из Азии в Европу.

Особое научно-техническое сотрудничество.

Глубокое сотрудничество в сфере энергоносителей, разработке новых газовых и нефтяных месторождений и прокладке новых газовых и нефтяных труб на территории РФ и КНР.

Усиление интеграции на Восточно-Евразийском пространстве в рамках ШОС (Шанхайская Организация Сотрудничества).

Выработка комплекса совместных мер по противодействию угрозам на всем евразийском пространстве, таким как: терроризм (в том числе и ядерный), сепаратизм, наркоторговля, бандитизм, экстремизм [6].

Таким образом, можно отметить то, что российско-китайское сотрудничество будет продолжено. Путём взаимовыгодного сотрудничества между странами удалось достичь немало успехов в области прикладной науки, авиационном и космическом строении и ряде других важнейших для РФ и КНР направлений. Перспективы этого сотрудничества во многом будут определяться состоянием военно-политического баланса в Азии, и взаимоотношением России с США и странами НАТО.

Важно, чтобы российско-китайское международное партнёрство только укрепляло свой дружеский добрососедский характер, ощущалось российским и китайским народами как потребность, воспринималось и ценилось ими как один из решающих факторов обеспечения мирных условий для жизни и созидательного развития, понималось как проявление мощи России и Китая, их авторитета в мире и конструктивного влияния на ход международных событий.

Итак, подведем итог и ответим на вопрос, поставленный в названии данной работы. Русско-китайские отношения – сложное, комплексное явление, и поэтому желание интенсифицировать коммуникацию с Китаем, должно реализовываться, во-первых, на четком определении как своих национальных интересов, так и интересов партнера, обращая внимание на острые вопросы, неизменно возникающие из-за культурных различий; во-вторых, вместе с параллельным созданием механизма «ответной реакции» и сопротивления.

Подразумевается применение так называемой «мягкой силы» во внешней политике, осуществляемой через экономическую экспансию, а также централизация и «консервация» внутренних политических, социальных и культурных структур, борьба с негативными тенденциями глобализации и приоритет национальных традиций [7, с.28].

Российское правительство заявляет о политической и экономической переориентации на Восток, однако, подразумевая тем самым в основном партнёрство с КНР как с ведущей страной в данном регионе. Таким образом, целесообразно диверсифицировать географию политического партнерства нашей страны, поскольку это необходимо для обеспечения политической и экономической безопасности РФ.

В этой связи перспективными направлениями геополитического партнерства можно назвать российско-иранские, российско-турецкие, российско-японские отношения, а также партнерство со странами АСЕАН. При этом достаточно часто развитие партнерства по данным направлениям осложняются внешнеполитическими разногласиями, которые продиктованы национальными интересами государств.

Однако развитие русско-китайских отношений является приоритетной задачей правительства России, и, исходя из этого, наиболее актуальным видится необходимость межкультурного и гуманитарного сближения, а также готовность экономики к взаимодействию с партнером на более высоком уровне [8, с.287].

Таким образом, пути и перспективы углубления российско-китайского взаимодействия в XXI столетии – веке высоких технологий – должно выйти на новую фазу развития, выражающуюся в объединении двух стран для исправления дисбаланса в международной обстановке.

Библиографический список:

1. Россия-Китай-США: отношения в стратегическом треугольнике [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 07.02.2017. Пресс-выпуск № 3302. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116055> (дата обращения: 25.10.2017).
2. Баринкова А.В., Кремнёв Е.В. Партийная система КНР в типологическом аспекте: однопартийность или неконкурентная многопартийность? // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2015. № 3. С. 129-142.
3. Макеева С.Б. Особенности социологического осмысления процесса глобализации современного мирового сообщества // *Сборник статей по итогам научно-исследовательской работы института социально-политических систем Читинского государственного университета за 2009-2010 гг.* Чита, 2010. С. 15-23.
4. Кобжицкая О.Г. Духовные основы хозяйственной культуры // *Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Иркутский государственный университет*. Иркутск, 2009. 210 с.
5. Veresova E., Kuznetsova O. «Soft Power» Concepts in Traditional Chinese Doctrine // *Наука сегодня: вызовы и решения: материалы международной научно-практической конференции*. Научный центр «Диспут», 2016. С. 185-186.
6. Основные итоги инвестиционного сотрудничества России и Китая. Портал внешнеэкономической информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.Yed.gOY.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_rus_projects/ (дата обращения: 25.10.2017).
7. Дергачев В.А. Особенности китайской геополитики // *Вестник аналитики*. 2016. № 2 . С.28.
8. Проказина Н. В. Сотрудничество России и стран Азии в представлениях россиян // [Запад-восток: цивилизационный выбор России](#): материалы международной научно-практической конференции / под редакцией П.А. Меркулова. 2015. С. 285-289.

ПРИОРИТЕТЫ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ)

Гончарова С.В., Алейникова Е.Е.

Молодежь представляет собой социально активную и перспективную часть населения, которая вскоре возьмёт на себя всю ответственность за дальнейшее развитие нашего государства. Вкладывая в развитие молодёжи, государство в дальнейшем ожидает экономические, политические и социальные эффекты.

Деятельность органов государственной власти, реализующих молодежную политику, должна способствовать удовлетворению социальных потребностей молодежи в различных сферах жизнедеятельности. Недостаточная эффективность решения важных вопросов молодежной политики, противоречия между целевыми ориентирами в молодежных программах и реальными потребностями молодежи могут вызвать у молодежи апатию, аполитичность.

Требованием времени является выделение молодежной политики в качестве одного из приоритетов государственной политики. Содержание современной молодежной политики во многом определяется переходной ситуацией в экономической и социальной жизни страны. Поэтому социологические исследования способствуют пониманию обществом и государством проблем молодого поколения.

Реализация государственной молодежной политики осуществляется на основе принципов участия, социальной компенсации, гарантий, приоритета, Именно ФЗ «О государственной молодежной политике», как комплексный акт общероссийского уровня, должен декларировать единство целей и

принципов государственной молодежной политики в Российской Федерации для всех уровней государственной власти и управления.

Развитию законодательства РФ о государственной молодежной политике явно мешает то, что до сих пор нет специального федерального закона, закрепляющего общие принципы государственной молодежной политики в Российской Федерации. В России есть ряд федеральных законов и подзаконных актов, касающихся молодежи и ее объединений, законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ в сфере государственной молодежной политики, они содержат немало норм, которые дают возможность очертить контуры правового статуса государственной молодежной политики и определить основные положения, на которых строится ее реализация в нашей стране. Правительство РФ своим распоряжением определило приоритеты государственной молодежной политики на период до 2025 года. Документ разработан Минобрнауки России с учетом положений Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года [1] в части реализации задач в сфере гражданского, патриотического и духовно-нравственного воспитания детей и молодежи [2].

В настоящее время в субъектах Российской Федерации сформирован значительный нормативный правовой массив, регулирующий государственную молодежную политику. В нормативных правовых актах ряда субъектов РФ удалось четко зафиксировать наличие государственной молодежной политики, ее концептуальные основы.

Сегодня в мире сложились два основных дискурса государственной молодежной политики: «молодежь как проблема» и «молодежь как ресурс развития». Российская молодежная политика сейчас находится в стадии своего формирования. Анализ литературы показывает, что государственная молодежная политика - самостоятельное направление деятельности органов государственной власти, в том числе в субъектах Российской Федерации, предусматривающее формирование необходимых социальных условий инновационного развития регионов, реализуемое на основе активного взаимодействия с институтами гражданского общества. Сегодня как никогда раньше у молодежи должно появиться ощущение своей собственной причастности к становлению гражданского общества, прежде всего за счет того, что молодежная политика проводится не только для молодежи, но и с участием самой молодежи.

Специальными государственными органами в сфере молодежной политики на основе выявленных тенденций и проблем молодежной среды определяются приоритетные направления, формируются цели и задачи молодежной политики государства. По итогам разрабатываются и принимаются государственные программы и проекты. Затем принятые государством программы и проекты реализуются на территории страны, региона, города.

Однозначного мнения о состоянии молодежной политики в Российской Федерации на сегодняшний день нет. С одной стороны, в России проводится относительно большое количество мероприятий, направленных на молодежь, с другой стороны, отсутствие должной системы нормативно-правового регулирования данного процесса не даёт возможности дать однозначно положительную оценку реализации государственной молодежной политики. Нормативно-правовая база достаточно обширная, однако многие нормативно-правовые акты включают в себя только отдельные, частные аспекты регулирования молодежной политики. Единства и системности в законодательстве о государственной молодежной политике, на наш взгляд, не наблюдается.

В Приморском крае определены приоритетные направления и разработаны различные программы для поддержки различных категорий и развития творчества молодежи и также ориентированные на молодые семьи.

В процессе исследования представлений студентов ДВФУ о молодежной политике в современной России было отмечено, что 50 % молодежи интересуется политикой и это уже хороший показатель. Интернет является основным источником информации (92%), а так же рассказы родственников и знакомых о программах для молодежи 44%. Наиболее важными направлениями молодежной политики, по мнению студенческой молодежи, являются: «Обеспечение гарантий в сфере

труда и занятости молодежи» 71,4%, «Государственная поддержка молодой семьи» 44,9%, «Гарантированное предоставление социальных услуг» 31,6%. Это подтверждает гипотезу о том, что низкая вовлеченность молодежи в активную общественную деятельность и мероприятия молодежной политики определяются приоритетной ориентацией большинства молодых людей на достижение ценностей личного благополучия.

В настоящее время значительная часть молодежи отличается пассивностью, она не вовлечена в общественную деятельность и мероприятия молодежной политики, учебную деятельность. Сегодня, когда общественная деятельность, членство в политической организации перестало быть индикатором социальной активности молодого человека, стало добровольным, такие формы участия в политической деятельности в молодежной среде практически сведены к минимуму. В приоритете у молодежи достижение ценностей личного благополучия (87,5%). Потенциал молодежи практически не используется. Отказ молодежи участвовать в общественных инициативах не является принципиальной позицией, просто юноши и девушки не знают, как использовать свое желание действовать.

Можно сделать вывод, что российская молодежная политика сейчас находится в стадии своего формирования. Анализ литературы показывает, что государственная молодежная политика – самостоятельное направление деятельности органов государственной власти, в том числе в субъектах Российской Федерации, предусматривающее формирование необходимых социальных условий инновационного развития регионов, реализуемое на основе активного взаимодействия с институтами гражданского общества.

Одним из приоритетных направлений деятельности как федеральных, так и региональных органов государственной власти является грамотная и продуманная государственная молодежная политика. Молодежная политика – одна из главных тем, обсуждаемых сегодня в научном сообществе. Молодежь является важным социально-экономическим и политическим ресурсом. Важно осознавать, что молодежная политика не является изолированным направлением, она тесно взаимосвязана со всей остальной экономической и политической ситуацией в России. Важно так же учитывать региональные особенности реализации политических задач. Сейчас важно построить грамотную политику, основанную на постоянном мониторинге ситуации с молодежью. Исследования должны проводиться по различным направлениям деятельности молодежи: жизненные планы и ценностные ориентации, позиция молодежи на рынке труда и образования, брачное и репродуктивное поведение, здоровый образ жизни, анализ культурных идентичностей, национально-этнические и религиозные установки, общественная активность, а также политические взгляды молодых людей. Результаты исследований могут стать информационным ресурсом для выработки управленческих решений.

Библиографический список:

1. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012г. № 1666 // Информационно-правовой портал «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70284810>
2. Основы государственной молодежной политики РФ до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. Информационно-правовой портал «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/news/587972/>

КРИТИКА ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ИЗМЕНЕНИЯ БАЛАНСА СИЛ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ. ТЕОРИЯ БАЛАНСА СИЛ ПРОТИВ ЛИБЕРАЛЬНОГО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА*

Грановская О.Л.

С ростом Китая в региональном порядке в Восточной Азии, в котором так долго доминировали США и Япония, происходят сдвиги в балансе сил. Все более агрессивными становятся территориальные претензии Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Взаимоотношения Китая и Японии становятся все более антагонистическими, напряженность между

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-27-10001

этими странами нарастает. В результате Япония вместе с Южной Кореей и Вьетнамом для поддержания баланса в контексте китайской угрозы ищет стратегического партнера для укрепления своей безопасности (до вступления Трампа в должность таким партнером виделись США) и стремится заключить договоры о сотрудничестве в области безопасности с Индией. Используемой моделью объяснения этих сдвигов в балансе сил в Восточной Азии будет интерпретация эмпирических данных с точки зрения двух конкурирующих теорий международных отношений: реализма и либерального институционализма.

С чисто реалистической точки зрения международная политика Китая в Восточной Азии станет еще более агрессивной. Следовательно, необходимым представляется формирование противоборствующего союза против его растущей власти. Между тем, либеральный институционализм утверждает, что международный порядок – довольно гибкая конструкция и международные институты и основные игроки смогут аккумулировать растущую мощь Китая. С точки зрения данного подхода, Китай будет отдавать предпочтение кооперации, а не конфликту, поскольку это менее дорогостоящий способ поддержания своего развития.

Действительно, рост новых крупных держав, таких как Китай и Индия, вызвал множество теоретических дискуссий между представителями трех основных подходов в международных отношениях реализма, либерального институционализма и теории взаимозависимости.

Все эти подходы соревнуются за доминирование в качестве наиболее адекватных моделей для принятия решений политиками-практиками в контексте современных вызовов. Классический и структуралистский реализм утверждают, что наиболее подходящим ответом на новые вызовы будут максимизация безопасности через баланс сил. «Наступательный реализм» утверждает, что государства должны максимизировать относительную власть посредством сдерживающих и превентивных войн. Основным страхом данных теорий – Китай сможет трансформировать свою экономическую мощь в мощь военную. Сверхдержавы всегда боятся друг друга и всегда соревнуются за доминирование. Цель каждого государства - максимизировать свою долю власти в мировом балансе сил, а это предполагает получение власти за счет других государств; их конечная цель - быть гегемоном – единственной сверхдержавой мировой системы. Логично, таким образом, предположить, что США не хотят себе равного соперника. Заявка Китая на роль регионального и мирового гегемона совершенно, таким образом, не соответствует ожиданиям других акторов, в первую очередь США, и должна настораживать Россию.

Между тем, либеральный институционализм утверждает, что несмотря на анархический характер международных отношений между суверенными государствами, в соответствии со всеобъемлющим принципом неопределенности, международные учреждения и нормы играют важную роль в смягчении милитаристских тенденций, предоставляя платформу для обмена мнениями и создания определенного уровня прозрачности в отношении намерений и возможностей государств. Одновременно теория взаимозависимости, делающая акцент в своих исследованиях на важности экономических и институциональных взаимосвязей между основными державами в эпоху глобализации, утверждает, что возможно построение беспроектной политики посредством управления конфликтами и разногласиями между основными игроками региона. Несмотря на нескончаемые споры представителей разных теоретических подходов науки о международных отношениях, касающиеся вопросов идеологии и эпистемологии, политикам практикам необходимы модели для принятия решений в сложной ситуации «текущей современности».

Поэтому для оценки современного международного сценария в сложном и постоянно меняющемся восточноазиатском регионе предлагается применить объяснительную модель, сочетающую в себе оба конкурирующих теоретических подхода: реализм и либерализм. В качестве примера конкретных рекомендаций реалистов политикам-практикам можно указать на высказываемую ими необходимость укрепления отношений между такими странами как Вьетнам, Бирма, Тайвань, Япония, Южная Корея, АСЕАН и Индия как противовеса китайскому росту [1, р. 643].

С другой стороны, многие либеральные институционалисты исходят из предпосылки «демократического мира», утверждая, что демократические и индустриальные революции, произошедшие в конце 18-19 вв., высвободили силы, трансформирующие характер международных отношений. Их оптимистичный либеральный сценарий, рисующий Азию без братоубийственных войн, которые преследовали большую часть Европы на аналогичном переходном этапе, опирается на идеи демократизации [2, р. 50], взаимозависимости и доминирования торгового государства над военно-политическим [3, р. 86].

Так, согласно либеральным институционалистам, независимые силы Тайваня будут использовать потребность Китая в международном экономическом сотрудничестве для резкого поворота в сторону политики независимости под зонтиком США. Кроме того, с точки зрения данного подхода, учитывая рост Азии и возможное сопротивление Запада, Индия должна создать союз с Китаем и другими крупными Азиатскими странами для обеспечения мира в регионе и отказа данных государств от участия во взаимных конфликтах.

Таким образом, учитывая полярность основных теоретических предпосылок, не может быть единственным способа управления взаимоотношениями крупных держав. Напротив, вовлеченность и баланс сил должны быть одновременно необходимыми инструментами политики государств, пытающихся сформировать свою международную политику в контексте сдвига баланса сил в Восточной Азии.

Библиографический список:

1. Goldstein A. Power Transitions, Institutions, and China's Rise in East Asia: Theoretical Expectations and Evidence // The Journal of Strategic Studies, Vol. 30, No. 4 and 5 (August-October 2007), pp. 639-682.
2. Huntington S.P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century, Norman and London, University of Oklahoma Press, 1991.
3. Rosecrance R. The Rise of the Trading State: Commerce and Conquest in the Modern World, New York, Basic Books, 1986.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Деханова Н.Г.

Очевидной тенденцией последних десятилетий при переходе к постиндустриальному обществу становится всё больший вклад в социально-экономический рост нематериального капитала: человеческого, культурного, социального. Социальный капитал, в свою очередь, может обладать большим или меньшим масштабом воздействия: от макроуровня – влияния на функционирование институтов гражданского общества, ценностей, норм, до микроуровня – социального капитала небольших общностей (семьи, землячества, организации), который позволяет домохозяйствам адаптироваться в условиях кризиса, мобилизовать ресурсы. Таким образом, социальный капитал, с одной стороны, можно рассматривать как групповой нематериальный ресурс (П.Бурдьё) и общественное благо нематериального характера, в основе которого лежит доверие (Ф.Фукуяма).

С другой стороны, как показывают работы и классиков в данной области, и ряд исследований отечественных авторов, не всё так однозначно. Социальный капитал может иметь как положительные последствия, так и отрицательные для общества в целом. Например, в современной России в условиях кризиса ряд домохозяйств показали крайне низкий уровень имеющихся ресурсов материального и нематериального характера. Речь идёт о тесно связанных между собой экономическом, властном, социальном, квалификационном и культурном капиталах, которые в совокупности могут создать для индивида определённый запас прочности и позволять адаптироваться в условиях изменяющейся внешней среды. Так, авторы цикла исследований, проведённых в 2014-2016гг. Институтом социологии РАН, поделив население страны на высокоресурсное, среднересурсное, низкоресурсное и безресурсное, приходят к выводу о том, что подавляющее число россиян имеют показатели

ресурсообеспеченности ниже середины использованной шкалы, а у 42% они находятся в нижней её четверти [1, с.44].

В выделенных исследователями группах различаются не только уровень, но и образ жизни, включая отношения в семье, с друзьями, здоровье, социально-психологическое состояние и т.д. Разница в этом отношении столь велика, что позволяет утверждать: группы, отличающиеся ресурсообеспеченностью, живут как бы в параллельных мирах. Так, например, оценивают своё здоровье как хорошее 52% высокоресурсных респондентов и только 23% низкоресурсных, свою жизнь в целом как хорошую - 53 и 6%, отношения в семье как хорошие - 41 и 77%, свой статус в обществе как хороший - 8 и 53% соответственно. Более того, 83% безресурсных респондентов ответили, что за последние три года в их жизни отсутствуют любые значимые достижения, связанные с социумом (улучшение материального положения, повышение по работе, повышение уровня образования или квалификации, открытие собственного дела, дорогостоящие приобретения). Из числа высокоресурсных опрошенных таковых было лишь 18% [1, с.46].

В итоге мы приходим к достаточно неоднозначным выводам относительно влияния разных видов ресурсов на адаптацию к кризису. Так, например, вполне ожидаем вывод относительно того, что все группы россиян, независимо от наличия у них экономического ресурса и его характера, в массе своей чувствуют себя проигравшими от кризиса; для большинства имеющих его (ресурс) этот проигрыш в большинстве случаев не означает существенного ухудшения материального положения, в отличие от тех, кто таким ресурсом не обладает.

Понятен вывод и о конвертации властного ресурса в социальный капитал. Однако неожиданным является тот факт, что в наибольшей степени пострадали от кризиса наиболее квалифицированные работники (квалификационный ресурс тесно связан с понятием человеческого капитала). По данным исследований, показатели дохода растут вместе с показателями квалификационного уровня, однако для наиболее квалифицированных россиян это правило не действует, наоборот, индивидуальные показатели доходов снизились в этой группе в большей степени, чем в остальных группах, ранжированных по уровню квалификации. Поэтому неудивительно, что доля высококвалифицированных россиян за последние 8 лет не выросла и составляет всего 18% – в современном российском обществе для большинства населения нет экономического смысла повышать свою квалификацию сверх определённого предела. Таким образом, логичен вывод о том, что экономический кризис заметно усилил неконкурентные начала в экономике, так как наиболее значимым для успешной адаптации оказался социальный капитал, а роль высококачественного человеческого капитала (особенно в плане квалификационной его составляющей, и, в меньшей степени, культурного капитала) оказалась невелика.

Данную тенденцию можно интерпретировать как изменение направления развития России от конкурентоспособной рыночной экономики, в основе которой лежит человеческий капитал и сильная мотивация, к повышению квалификации и наращиванию знаний, так как в современном обществе статус человека гораздо в большей степени определяется его социальным ресурсом (капиталом). Под социальным ресурсом понимается включённость в различные социальные отношения (дружеские, родственные, земляческие и т.д.), обеспечивающие доступ к ресурсам других участников сетей или более эффективное их использование с их помощью собственных. По сути, речь идёт о наличии у индивидов возможностей получить бесплатно или дешевле необходимые услуги более высокого качества, а также обеспечение дополнительных возможностей, в принципе недостижимых без наличия соответствующих социальных контактов. Таким образом, при развитых человеческом и культурном капиталах (что характерно для России) отдача от них значительно ниже, чем в других странах с близкими показателями. Препятствия создают особенности социального капитала в стране, которые не дают полноценно использовать культурные и человеческие ресурсы для создания процветающего общества [2, с. 38].

О тенденциях общего усиления неэкономических факторов, которые влияют на социальную структуру общества, в котором стратификация социальных групп и их отношения будут

регулироваться иерархическим доступом к разнообразным ресурсам при возрастающей роли государства и снижающейся – рынка, пишут и другие исследователи [3, с.139-148].

Ещё одной специфической чертой современной России является относительно высокое значение социального капитала на уровне малых групп, «ближнего круга» (семьи, родственников, землячества) и низкий уровень доверия в отношении органов власти и политических партий.

Обозначенные тенденции в целом не могут не препятствовать модернизации нашего общества. Таким образом, в условиях низкой ресурсообеспеченности большинства домохозяйств в современной России, снижении роли квалификационного фактора в структуре человеческого капитала, рентным характером профессиональной занятости, роль государства представляется ведущей.

Библиографический список:

1. Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль адаптации к новым условиям // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 43-53.

2. Беляева Л.А. Нематериальный капитал: к методологии исследования // Социологические исследования. 2014. № 10. С.36-44.

3. Мартъянов В.С. Социальная стратификация современных обществ: от экономических классов к рентным группам? // Социологические исследования. 2016. № 10. С.139-148.

ВОСПРИЯТИЕ МОЛОДЕЖЬЮ ОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Задонская И.А.

Молодежь и политика – тема достаточно неоднозначная для современной науки. Вовлечение молодежи в политическую жизнь страны является сложной задачей, и в то же время очень важной. Ведь именно молодому поколению через 10-15 лет предстоит выбирать путь развития своего государства.

Навязывание чего-либо со стороны взрослых чаще всего вызывает у молодого человека негативную ответную реакцию, которая может проявляться в форме протеста и отторжения. Процесс приобщения молодежи к политике, вовлечения ее в политику может происходить разными путями: через воспитательный и образовательный процессы в учебном учреждении, через участие в молодежных организациях, через информационное поле СМИ и т. д. Но можно проанализировать роль политики в жизни молодого поколения посредством лидерства, точнее – через политическое лидерство. Причем, не с точки зрения формирования лидерских качеств у самих молодых людей, а влияния имиджа политического лидера на политические представления молодежи. В этом смысле особый интерес представляет студенческая молодежь как специфическая социально-демографическая группа.

В рамках данной темы в феврале 2017 года было проведено авторское социологическое исследование, в котором приняли участие студенты ТГУ имени Г.Р. Державина в количестве 218 человек. Тип выборки – случайная, механическая. Инструментарий – стандартизированная анкета. Опрос проводился письменно. Полученные результаты были обработаны при помощи специальной программы для обработки социологических данных SPSS 21.0 for Windows.

Для начала следует дать характеристику структуре выборочной совокупности респондентов. Так, всего в исследовании приняло участие 68% девушек и 32% юношей, из них 35% были в возрасте старше 25 лет; 38% имели градацию от 21 года до 25 лет; и 27% составили возрастную категорию от 17 до 20 лет.

В начале опроса респондентам предлагалось несколько мнений о феномене лидерства:

- настоящий лидер должен сам делать дело даже в мелочах;
- настоящий лидер должен уметь управлять;
- настоящий лидер – это «вождь в окружении».

Ответы распределились следующим образом: 56% опрошенных ответили, что настоящий лидер – это «вождь» в окружении, это связано с тем, что люди хотят идти за одним человеком и возлагают

на него всю ответственность, 25% уверены, что настоящий лидер должен сам делать дело даже в мелочах, и 19% ответили, что настоящий лидер должен уметь управлять.

Можно сказать, что в современном обществе лидерство воспринимается всеми достаточно естественно. Лидерство, по всем своим намерениям и целям, есть признак номер один любых организаций. Лидеры необходимы в нашей жизни и человек, который наделен лидерскими качествами, будет всегда в центре внимания окружающих, так как они (качества) даны не всем. В политической жизни лидер играет самую важную роль, без лидера политика невозможна, должен быть сильный неординарный и харизматичный человек, яркая личность, способная повести за собой других, взять ответственность за них и т.д.

Одним из общих вопросов был вопрос относительно темперамента лидера. Так, 59% опрошенных считают, что лидеру более всего подходит такой тип темперамента как сангвиник. Примерно равное количество голосов было отдано в пользу темперамента меланхолика (13%) и флегматика (11%) и, наконец, 17% опрошенных считают, что более всего лидеру подходит тип темперамента холерика.

Далее респондентам был предложен вопрос: Какие качества наиболее значимы для лидера? И были получены следующие ответы: 22% опрошенных выбрали организаторские способности, 18% респондентов уверены, что таковым качеством является способность ладить с другими людьми, для 14% опрошенных главным является интеллект, 16% отметили умение склонить подчиненных к выполнению определенных действий. Примерно одинаковое количество респондентов выбрали инициативность (10%), трудолюбие (11%) и честность 9%.

Интересным для исследования представляется вопрос-ассоциация: «С каким животным у вас ассоциируется лидер-политик?» Все ответы отражены в табл. 1.

Таблица 1 – Ассоциация лидера-политика с животным

Ассоциация	Количество респондентов, %
лев	24
тигр	16
волк	6
кот	4
акула	4
рысь	4
лиса	2
пантера	2
орёл	2
удава	2
крыса	2
конь	2
бык	2
ягуар	2
чижик	2
собака	2
слон	2
обезьяна	2
медведь	2
леопард	2
ленивец	2
горный баран	2
гиена	2

гепард	2
верблюды	2
Затруднилось ответить	4

Из таблицы видно, что у большинства респондентов лидер ассоциируется с тигром (16%) и львом (24%), остальные ответы набрали не такое значительное количество голосов респондентов, как два вышеуказанных.

Интересны были ответы на вопрос об образе политического лидера. Автору хотелось выяснить, на что именно обращают в первую очередь респонденты, когда видят на экране телевизоров, в Интернете или СМИ политического лидера. Так, выяснилось, что более всего обращается внимание даже не на внешние данные, а, напротив, на то, что на слуху – на репутацию лидера в общественных кругах. Этот параметр выделили 35% опрошенных. 23% респондентов отметили в образе нечто важное, привлекающее внимание к персоне (какую-то деталь в одежде, причёске, аксессуарах и т. д.). Встречают лидера по одежке 13% опрошенных, они обращают внимание именно на одежду политика. Некоторое актерство привлекает внимание 9% респондентов. Красоту отметили 6% опрошенных, внешний вид в целом 4%, грамотность речи как важную часть образа политического лидера выделили также 4% респондентов. Остальные затруднились ответить на данный вопрос.

По отношению к Путину россияне в большинстве своем испытывают исключительно положительные эмоции. Прежде всего, президент вызывает у наших сограждан уважение – об этом сказали 44% участников опроса. Около трети респондентов надеются на него (33%) и доверяют (30%). 12% россиян питают симпатию к Владимиру Путину, каждый десятый восхищается им (10%). Отрицательные чувства он вызывает лишь у немногих: разочарование (3%), недоверие (3%), скепсис (2%), осуждение и антипатию (по 1%), ненависть (менее 1%). Равнодушны к президенту 5% опрошенных. За время своего президентства Путин оправдал ожидания большинства россиян: об этом заявили две трети опрошенных (68%). Только 14% респондентов сказали, что их надежды не сбылись (с 27% в 2014 г.). Еще 13% признались, что надежд, связанных с нахождением Владимира Путина у власти, не имели*.

Также один из вопросов анкеты предлагал респондентам из выбранного списка привести пример политического лидера, причем лидеры были перечислены не только современные, но и принадлежащие к разным историческим эпохам. Так, большое количество голосов набрали два лидера: В.В. Путин (29%) и Петр I (21%). По мнению опрошенных, именно эти два лидера представляют наиболее полный портрет политического лидера. Остальные ответы распределились следующим образом: В.И. Ленин (12%), И.В. Сталин (10%), Екатерина II (9%), Иван Грозный (8%), М.С. Горбачев (6%), Г. Распутин (5%).

Респонденты отметили три кандидатуры политических лидеров, которые являются нашими современниками и оказывают наиболее сильное влияние на политической арене. Среди современников пальма первенства была отдана В.В. Путину (почти половина опрошенных), почти треть выделили С.В. Лаврова, и далее следует Д.А. Медведев.

Таким образом, в представлении молодежи образ политического лидера отождествляется с «человеком власти», имеющим положительную репутацию в обществе и отличные организаторские качества, способным взять на себя ответственность за свои поступки и оказывающим сильное влияние на политической арене.

* Официальный сайт ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2792. [Электр. Ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115179>

О ПРОЦЕССЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, В ПРИМОРСКОМ КРАЕ: МНЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ

Заяц О.В.

Согласно требованиям ряда нормативно-правовых документов, в Приморском крае реализуется план реструктуризации и реформирования организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [1]. В нем предусмотрены мероприятия по правовому, методическому, организационному и кадровому обеспечению этого процесса, способствующие изменению условий и качества жизни детей.

В настоящее время в регионе функционируют 42 организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из них 3 находятся в ведении Департамента здравоохранения, 12 – Департамента труда и социального развития и 27 – Департамента образования и науки Приморского края [2].

По официальным данным, темп роста (снижения) численности детей, оставшихся без попечения родителей, в Приморском крае (на конец отчетного года, в процентах к предыдущему году) на конец 2016 г. составил 95,3%, данный показатель на 2013 г. - 96,3%. Доля детей данной категории, находящихся на воспитании в семьях, в 2016 г. составила 69,3% [3], следовательно, 31,7% проживала в государственных учреждениях (в 2015 г. – 66,9% и 33,1% соответственно). Полагаем, что снижению численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и увеличению количества детей, устроенных на воспитание в семьи, способствует деятельность приведенных выше организаций в свете требований российского законодательства.

Однако, несмотря на проводимую работу, Приморский край, как отметила вице-премьер О. Голодец, находится среди пяти субъектов РФ с самым большим количеством детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся в банках данных регионов. В крае неустroенными на семейные формы воспитания остаются 2617 детей [4].

Данная ситуация обусловила проведение исследования с целью определения оценки процесса реформирования организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Приморском крае. Объектом исследования выступил процесс реформирования названных организаций для детей, оставшихся без попечения родителей, в Приморском крае, а предметом - мнение экспертов о данном процессе.

В контексте вступления в силу изменений в нормативно-правовой базе и проводимого реформирования нами был осуществлен экспертный опрос. В качестве критериев отбора экспертов использовались сфера деятельности и компетентность в проблеме нашего исследования. Численность и представительность группы экспертов оценивалась не столько статистическими, сколько качественными показателями. В опросе приняли участие 6 экспертов, директора организаций здравоохранения, социальной защиты и образования, предназначенных для временного или постоянного пребывания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Индивидуальные интервью проводились в апреле 2017 г. по структурированному плану, который содержал 7 групп вопросов. Ответы экспертов с их согласия записывались на диктофон.

В результате анализа полученной информации, автору представляется возможным прийти к следующим выводам. Все эксперты обладают соответствующим их должности образованием и опытом работы, что может свидетельствовать об эффективной реализации управленческой деятельности в учреждениях и понимании значимости проводимого процесса реформирования.

Ответы экспертов о правовом обеспечении реструктуризации характеризуют соответствие нормативных документов учреждений регламентирующим нормативно-правовым актам федерального и регионального уровней. В свете новых требований в учреждениях была проведена работа по разработке и корректировке внутренней документации.

В направлении методического обеспечения общее мнение, высказанное экспертами, таково: в работе учреждений применяются эффективные модели работы, распространяющиеся не только в

пределах субъекта РФ, но и в целом на территории всей страны. Так, в рамках данного направления на территории Приморского края на постоянной основе проводятся конференции, совещания, семинары, способствующие совершенствованию и распространению опыта практической деятельности учреждений. Помимо мероприятий местного и регионального уровней учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, Приморского края вовлечены в методическую работу в рамках страны в целом. В частности наиболее успешной эксперты признают деятельность КГБУСО «Социально-реабилитационный центр «Парус надежды»», как методического центра для подобных организаций.

Оценивая организационное обеспечение, эксперты были единодушны во мнении о соответствии существующей в настоящее время сети учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей, потребностям региона. По мере реализации политики деинституализации сиротства число учреждений для детей данного типа сокращается, а число семей, принявших на воспитание сирот в то же время увеличивается. Однако эксперты проявили некоторую осторожность относительно прогнозируемых результатов в части возможности качественного сопровождения замещающих семей, так как, по их мнению, при росте их количества остается ограниченной численность специалистов, работающих с замещающими семьями.

Представляемые экспертами учреждения в основном соответствуют установленным требованиям законодательства. Однако есть ряд препятствий, с которыми они сталкиваются в процессе реформирования. Среди основных эксперты назвали недостаточные финансирование и проработанность организационного обеспечения, ограничение временных рамок процесса реформирования. Эксперты логично отметили необходимость увеличения финансирования учреждений на время проведения соответствующих мероприятий по реформированию.

Тем не менее, несмотря на ограниченность финансирования, в учреждениях, представленных экспертами, созданы необходимые материальные условия для проживания, воспитания и реабилитации детей, оставшихся без попечения родителей, обеспечена информационная открытость, осуществляется работа по контролю соблюдения прав детей, находящихся в учреждениях. Также немаловажное значение в организации деятельности учреждений данного типа, по мнению экспертов, представляет организация взаимодействия и сотрудничества с НКО и отдельными гражданами, осуществляемое как на постоянной основе, так и единоразово.

При этом эксперты отметили, что реформированию в Приморском крае в большей степени подвержены образовательные учреждения для детей, оставшихся без попечения родителей, и социально-реабилитационные центры. Специфика деятельности этих учреждений создает необходимость их преобразования с целью соответствия нормативно-правовой базе, а также повышения эффективности деятельности в направлении содействия семейному устройству детей. При оценке такого критерия как кадровое обеспечение общее мнение экспертов состояло в следующем: учреждения, представляемые экспертами, укомплектованы квалифицированными кадрами, а работники отвечают требованиям к образованию и стажу работы, предъявляемым к соответствующим занимаемым должностям. Повышению квалификации способствуют мероприятия, проводимые на постоянной основе как на базе учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей, так и учебных заведений региона.

В учреждениях, представляемых экспертами, функционирует система психолого-педагогической и консультативной помощи, способствующая уменьшению психологической нагрузки, минимизации профессиональной деформации и эмоционального выгорания. Координацию деятельности осуществляют методический центр служб психолого-педагогического и социального сопровождения замещающих семей, созданный на базе «Детского дома № 4 г. Владивостока», и социально-реабилитационный центр «Парус надежды», оказывающий методическую помощь специалистам системы социальной защиты населения Приморского края, работающим с семьей и детьми.

Мотивация сотрудников как составляющая кадрового обеспечения учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, заключается в применении различных мер стимулирования. Так, в учреждениях данного типа используются материальные и нематериальные меры поощрения. Наиболее часто используемыми являются стимулирующие выплаты за качество и интенсивность труда работников.

По реализации работы в рамках мониторинга за деятельностью учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей, эксперты отвечали, что все подобные учреждения Приморского края подвержены мониторингу соответствия установленным требованиям. Мониторинг осуществляют Прокуратура Приморского края, Роспотребнадзор, Росздравнадзор, пожарная инспекция, санэпидстанция, органы исполнительной власти (внутриведомственные проверки). Однако от ответа на вопрос «Какова частота проверок?» эксперты уклонились.

В направлении содействия семейному устройству в учреждениях для детей, оставшихся без попечения родителей, в первую очередь системы образования созданы и функционируют службы содействия семейному устройству детей данной категории.

Таким образом, подтвердились выдвинутые нами предположения, что в целом процесс реформирования системы учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей, в Приморском крае сдерживают недостаточное финансирование и слабая разработанность организационного обеспечения, а также разная степень реформационного процесса в отдельных учреждениях.

Библиографический список:

1. О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей: Постановление Правительства РФ от 24.05.2014 г. № 481. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/499097436>

2. Доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Приморском крае в 2015 году. Интерактивный портал Департамента труда и социального развития Приморского края [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zanprim.regiontrud.ru/content/o%20положении%20детей%20в%20приморском%20крае>

3. Темп роста (снижения) численности детей, оставшихся без попечения родителей, в Приморском крае (на конец отчётного года, в процентах к предыдущему году); Доля детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся на воспитании в семьях, в общей численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#

4. Приморье оказалось среди лидеров по количеству детей-сирот [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dv.land/news/9831>

ВЫЯВЛЕНИЕ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУПРУГОВ: МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Заяц О.В., Матко Д.А.

На основе изучения мнения супружеских пар, мы предприняли попытку установить не только различия и сходство выбора стратегий и тактик представителями разных национальностей, но и взаимосвязь между выбором разных форм конфликтного поведения с учетом культурных ценностей и влияния степени удовлетворенности браком на выбор стратегий и тактик. Мы исходили из предположения, что именно такой подход к изучению форм конфликтного поведения супружеских пар разной национальности с учетом фактора культуры и удовлетворенности своими брачными отношениями отразит данный феномен с позиции межкультурного аспекта.

Для проведения эмпирического исследования были использованы тесты Е.Ю. Алешиной, Л.Я. Гозмана, Е.М. Дубовской «Тест на удовлетворенность браком» [1, с. 46-47], К. Томаса «Стиль поведения в конфликте» [2, с. 69-77] и Ш. Шварца «Ценностный опросник» [3]. Разведывательное

исследование построено на выборочной совокупности, состоящей из 14 супружеских пар, 28 человек, проживающих в городах Находка (Приморский край) и Усть-Уда (Иркутская область). В качестве респондентов выступили супружеские пары разной культурной принадлежности, русские и буряты. Результаты, полученные в ходе опроса по тесту Е.Ю. Алешиной, Л.Я. Гозмана, Е.М. Дубовской, позволяют нам отметить некоторые особенности в ответах респондентов. Так, на вопрос о наличии серьезных и длительных конфликтов практически все опрашиваемые супружеские пары ответили отрицательно. Следовательно, можно считать, что в большинстве как русских, так и бурятских семей отсутствуют серьезные конфликты.

У респондентов русской национальности выявлен средний показатель удовлетворенности браком - 36 баллов. При рассмотрении уровня удовлетворенности с позиции гендерной принадлежности, авторами было установлено, что среди мужчин данный показатель 38, а женщин - 35. Полагаем, что полученные данные отражают тот факт, что в брачных отношениях мужчины чувствуют себя более счастливыми, нежели их супруги.

Существенных отличий у супружеских пар разной культурной принадлежности по показателю «средний уровень удовлетворенности браком» не выявлено. При сравнении данного показателя по гендерному признаку обнаружено различие в показателях у мужчин на 4 пункта, а женщин - 3. Это связано с наличием проблемных сфер в супружеской жизни бурятских семей, такой, например, как распределение денежных средств.

Полученные результаты частично подтверждают наши предположения относительно того, что среди русских и бурятских супружеских пар не наблюдается серьезных конфликтов, и удовлетворенность браком имеет примерно одинаковые показатели. При этом были выявлены различия в уровне удовлетворенности именно с позиции гендера у русских и бурятских супружеских пар.

Согласно полученным данным по опроснику К. Томаса, представители русской национальности, как мужчины, так и женщины, отдают предпочтение компромиссной стратегии. При реализации данной стратегии оба пола для достижения поставленной цели допускают использование таких тактик конструктивного характера, как мягкая, опосредованная тактика действий, тактика рационального убеждения и фактов.

Нами выявлено, что в отличие от русских пар, бурятские пары в большинстве случаев самой распространенной стратегией называют, кроме компромисса, приспособление, а 35% респондентов выбирают стратегию соперничества.

Сравнение ответов о выборе стратегий конфликтного поведения бурятских пар с позиции гендера свидетельствует о том, что женщины прибегают к компромиссу и соперничеству, а мужчины приемлют компромисс и избегание. При реализации часто встречаемых стратегий супружеские пары бурятской национальности прибегают к тактикам убеждения, действия, дружелюбия, сделок, давления и манипуляций.

Результаты сравнительного анализа позволяют авторам отметить, что две разные культурные группы отдают предпочтение в основном одним и тем же формам конфликтного взаимодействия. Такое совпадение можно объяснить тем, что представители опрашиваемых бурят, хотя и живут диаспорами, но они проживают на территории России. Существует различие в выборе стратегий русскими и бурятскими женщинами. Среди 57% бурятских представительниц встречается выбор стратегии соперничества. Такое явление можно объяснить наличием низкого уровня удовлетворенности брачными отношениями среди бурятских женщин по сравнению с показателями русских женщин.

Проведенный анализ ответов респондентов позволил авторам выявить высокий уровень удовлетворенности браком для обеих культурных групп, что, собственно, обуславливает выбор стратегий предпочтительно конструктивного характера. Следовательно, наше предположение о взаимосвязи этих факторов получило свое подтверждение. В рамках гендера степень удовлетворенности браком оказалась выше у мужчин обеих культур, по сравнению с женщинами.

Однако среди женщин разных национальностей выявлена средняя степень удовлетворенности брачными отношениями, что ниже мужской, а выбор стратегий был практически таким же. Такие показатели отражают стремление женщин к сохранению позитивной атмосферы в семье, при этом как мы удостоверились на примере ответов бурятских женщин, выбор стратегий может быть взаимоисключающим. Возможно, выбор сопернической стратегии именно среди бурятских женщин обусловлен более высоким уровнем образования. При избрании стратегий конфликтного взаимодействия представителями русских и бурятских пар, тактика избирается из ее контекста. Все это в свою очередь подтверждает отчасти наши предположения о том, что с позиции гендера русские и бурятские женщины и мужчины выбирают разные стратегии конфликтного поведения, но при этом среди пар стратегии между разными национальными группами одинаковы.

Анализ результатов ответов респондентов по анкете Шварца показал в целом значимость таких ценностей, как конформность, доброта, безопасность, гедонизм, власть и традиции. У представителей супружеских пар русской национальности такие ценности, как конформность, доброта и безопасность являются ключевыми. Это определяет тот факт, что респонденты этой группы, как отмечалось выше, избирают конструктивные формы стратегий поведения.

В целом у русских мужчин наблюдается баланс всех ценностей, как с позиции нормативных идеалов, так и личностных. Однако на индивидуальном уровне у мужчин появляется такая приоритетная ценность, как гедонизм. Это подтверждает ранее выявленный нами факт, что у мужчин повышенное чувство удовлетворенности брачными отношениями и им важно получать удовольствие от жизни и семейных отношений. Результаты ответов опрашиваемых женщин свидетельствуют, что у женщин, как и у мужчин, преобладают ценности на уровне нормативных идеалов. Однако на индивидуальном уровне на первый план у женщин вышли две ценности - доброта и безопасность. Такие приоритеты ценностного характера объясняют выбор компромиссной стратегии поведения в конфликте. При этом незначительно низкий уровень удовлетворенности брачными отношениями никак не влияет на ценностные ориентиры женщин, поскольку, как отмечалось выше, им важно сохранить спокойную атмосферу и позитивные отношения в семье.

Супружеские пары бурятской национальности указали, что на уровне нормативных идеалов преобладают такие ценности, как безопасность, традиции, доброта. На индивидуальном уровне ключевыми ценностями являются безопасность, традиции, конформность, доброта. Такой результат объясняет, почему в супружеских конфликтах партнеры выбирают мягкие формы стратегий конфликтного поведения.

Мнения мужчин и женщин бурятской культурной принадлежности относительно ценностей различны. Опрашиваемые женщины избрали на нормативном уровне доброту, безопасность, традиции, конформность. На индивидуальном уровне ценности были выбраны в такой последовательности: традиции, безопасность, конформность и власть. В совокупности эти ценности характеризуют выбор позитивных стратегий конфликтного поведения среди женщин данной культурной группы.

Респонденты мужского пола считают важными ценностями на уровне нормативных идеалов такие, как доброту, безопасность, конформность, гедонизм. На уровне индивидуальных приоритетов главными явились безопасность, власть, конформность, доброта. Как отмечалось выше, мужчины буряты избирают такие стратегии поведения, как компромисс и избегание. Такой выбор обусловлен тем, что для них важно выстраивать конструктивный диалог при сохранении добрых отношений в конфликтном взаимодействии.

Рассмотрев ценности разных культурных групп, мы можем показать различия и сходство среди них. Сходство общего выбора состоит в том, что к важным ценностям респонденты отнесли безопасность и доброту. В отличие от русских, которые важной ценностью считают доброту, представители бурятской национальности назвали традиции. Такой выбор обусловлен важностью культурных устоев, которые играют большую роль в семейном и жизненном укладе бурятской культуры. Отметим единство выбора двух ценностей как доброта и безопасность, которые в обоих случаях влияют на избрание именно позитивных форм стратегий в конфликтном взаимодействии.

Стоит обратить внимание на различия и сходство на уровне культурных ориентаций с позиции гендера. Среди женщин русской и бурятской культурной принадлежности сходными ценностями явились доброта и безопасность. В отличие от русских мужчин, которые считают, что все ценности играют важную роль в процессе конфликтного взаимодействия, мужчины бурятской культурной принадлежности отдают приоритет безопасности. Такие различия можно объяснить тем, что представители бурятской национальности проживают на территории России и, возможно, испытывают давление со стороны культуры, норм, традиций русского населения, поэтому им важно чувствовать отсутствие угрозы. Следовательно, ценностные ориентиры русских и бурятских супружеских пар имеют незначительное различие, обе культурные группы пар ориентируются на свои ценности в выборе стратегий и тактик конфликтного взаимодействия.

Таким образом, выбор стратегий и тактик конфликтного поведения в семьях русской и бурятской национальности практически идентичен, мужчины и женщины делают свой выбор на одинаковых формах конфликтного взаимодействия, в большинстве случаев установлена взаимосвязь удовлетворенности браком и выбором стратегий и тактик конфликтного взаимодействия.

Библиографический список:

1. Карелина А.А. Психологические тесты. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. 312 с.
2. Андреева Т.В. Психология современной семьи. СПб.: Речь, 2006. 436 с.
3. Шварц Ш. Ценностный опросник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psychok.net/testy/322-test-tsennosti-shvartsa-tsennostnyj-oprosnik-tso-shvartsa-metodika-shvartsa>

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ БЕЛАРУСИ НА РЫНКЕ ТРУДА РОССИИ

Злотников А.Г.

В современных условиях важной закономерностью демографического развития является возрастание роли миграционных процессов. Они влияют не только на убытие/прибытие населения, но и на репродуктивное поведение, а также разнообразные (возрастные, гендерные, образовательные, этнические, конфессиональные, региональные и многие другие) структурные изменения. Существенной особенностью миграционных процессов является и их влияние на систему ценностей как населения стран, принимающих мигрантов, так и самих мигрантов. Они отражают тенденции, происходящие в социальных, политических, экономических и демографических процессах стран доноров и государств реципиентов. Миграционные процессы неоднозначны по своим разнообразным последствиям, причем, эти последствия не всегда осознаваемы при близком рассмотрении. Многие их последствия проявляются опосредованно, т.е. сказываются на разнообразных аспектах социальной действительности. Так, высокий уровень белорусской трудовой миграции «способствует» тому, что Беларусь на постсоветском пространстве считается страной с одним из самых низких (менее 1,0%) уровней безработицы.

Существенными факторами современных миграционных процессов Республики Беларусь являются рост и высокий уровень отрицательного сальдо миграции, а также преобладание в миграционных процессах трудовой миграции. Основной объем межгосударственного белорусского миграционного обмена приходится на страны, с которым граничит Республика Беларусь, и прежде всего, – с Россией.

Наибольшие масштабы белорусской миграции приходятся на российский вектор. Отметим, что в отношении характера белорусско-российской миграции имеются разночтения. Согласно расчетам белорусской статистики величина международной миграции Беларуси характеризуется положительным сальдо. К примеру, по этим данным за 2010-2015 гг. положительное сальдо белорусско-российской миграции составило 24755 чел. Данные российской статистики о величине безвозвратной белорусско-российской миграции дают совсем иную тенденцию, они не совпадают – и не совпадают на значительную величину. Российские данные за период 2010-2015 гг. выявляют, что Россия в миграционном обмене с Беларусью имеет положительное сальдо в 35152 чел.

В этой противоречивой информации, на наш взгляд, верными являются показатели Белстата о численности прибывших из Российской Федерации в Республику Беларусь, а в отношении численности прибывших из Беларуси в Российскую Федерацию – показатели Росстата, ибо и те и другие базируются на данных органов внутренних дел своих стран, фиксирующих реальное их прибытие. Данные о выбытии в ту или иную страну – это скорее своеобразная декларация о намерениях населения, которая по ряду объективных и субъективных причин не всегда реализуются. По белорусским данным на постоянное место жительства из России в Беларусь в 2010-2015 гг. прибыло 53612 чел., а по данным российских миграционных служб на постоянное место жительства в Россию из Беларуси прибыло 83007 чел. Это характеризует миграционное белорусско-российское сальдо в почти 30 тыс. чел. для Беларуси [1, с. 95-96], как отрицательное, а для России на такую величину – положительное.

Но наибольшие масштабы белорусско-российской миграции приходится на белорусскую трудовую миграцию. Ее величина в различные периоды колебалась от миллиона (в 2007-2008 гг.) до 600 тыс. чел. (в 2013-2016 гг.) белорусских граждан, занятых на российском рынке труда. По данным миграционных служб Российской Федерации на рынке труда России за 8-милетний (2009-2016 гг.) период поставлено на учет почти 1 млн. 700 тыс. белорусов. Причем, за последние годы численность зарегистрированных белорусских граждан на российском рынке труда растет. Если за 6 лет (2009-2014 гг.) в среднем поставлено на учет немногим более 170 тыс., то ныне – в 2 раза больше: в 2015 г. – 307,6 тыс. чел. и в 2016 г. – 345,8 тыс. (см. табл. 1).

Таблица 1 – Сведения о численности граждан Республики Беларусь, поставленных на учет в России по месту пребывания за период с 3 февраля 2009 г. по 31 декабря 2016 г., чел.

Федеральный округ	Всего за период 2009-2016 гг.	в том числе за:		Снято с учета 2016 г.
		2015 г.	2016 г.	
Всего по России	1688277	307510	345801	211223
в том числе:				
Центральный федеральный округ	851266	156239	178846	79794
Северо-Западный федеральный округ	429625	86374	89685	68795
Южный федеральный округ	117240	18108	32608	27983
Северо-Кавказский федеральный округ	8830	1564	1635	1145
Приволжский федеральный округ	100400	16997	18588	14498
Уральский федеральный округ	110785	15402	14840	11256
Сибирский федеральный округ	36688	5575	6357	5417
Дальневосточный федеральный округ	29986	3974	3242	2335
Республика Крым	11091	3277	7614	4711

В 2016 г. по сравнению с 2015 г. прирост численности белорусов, поставленных на учет по месту пребывания в России, составил 12,5%. Из общей численности белорусского трудового потенциала, зарегистрированного до 2015 г. в России, в 2016 г. было снято с миграционного учета 211,2 тыс. чел. Таким образом, на текущий период в России осталось около 600-550 тыс. только зарегистрированных белорусских трудовых мигрантов. Этот рост отражает проблемы с обеспечением

занятости белорусского трудового потенциала на национальном рынке труда. Кроме того, рост численности белорусских трудовых мигрантов, официально зарегистрированных на рынке труда России, отражает внутренние белорусские проблемы, вызванные временно приостановленным Декретом Президента Республики Беларусь № 3 «О предупреждении социального иждивенчества», получившем в обиходе название «декрета о тунеядстве». Официальная регистрация белорусских трудовых мигрантов на рынке труда России позволяет им снять проблемы с налоговыми службами Республики Беларусь, требующих от тех, кто не был занят (или не мог трудоустроиться) 183 дня в году, оплатить особый налог в размере 360 белорусских рубля, что по курсу соответствует почти 11 тыс. российских рублей.

Основной поток граждан Беларуси в трудовой миграции с Россией ориентирован на Центральный федеральный округ (прирост по сравнению с 2015 г. составил 14,5%) и Северо-Западный федеральный округ (3,8% прироста). Из них – прежде всего это Москва и Московская область, доля которых в общей белорусской трудовой миграции округа составляет 73,8%, а также Санкт-Петербург и Ленинградская область (73,6%). Всего в этих двух федеральных округах граждане Беларуси в общей численности, поставленных на учет в России в 2009-2016 гг., составляют более 1280 тыс. чел. (75,9% общего трудового миграционного потенциала Республики Беларусь в Российской Федерации; в 2015 г. он составлял 75,4%).

Среди областей Российской Федерации, наряду с Москвой и Московской областью, Санкт-Петербургом и Ленинградской областью, также значительна величина белорусской трудовой миграции в тех областях, с которыми непосредственно граничит Беларусь. В Центральном федеральном округе – это Брянская и Смоленская области – их удельный вес среди белорусских трудовых мигрантов округа составляет 12,7%. В Северо-Западном федеральном округе – это Калининградская и Псковская области, а также Республика Карелия – 16,1%. В абсолютных величинах в 2016 году среди них больше всего приняли: Смоленская область – 14345 чел., Брянская область – 8411 чел., Псковская область – 7281 чел., Республика Карелия – 4058 чел. и Калининградская область – 3080 чел. Таким образом, белорусско-российская трудовая миграция локализована: она осуществляется преимущественно в приграничных регионах (фронтьерская миграция).

Эта ориентация белорусских трудовых мигрантов на близлежащие (т.е. приграничные) регионы России препятствует (создавая конкуренцию) иммиграции из среднеазиатских регионов. Но при этом следует отметить, что в 2016 г. по сравнению с 2015 г. существенно увеличилась трудовая миграция в Южный федеральный округ (в 1,8 раза), а также в Республику Крым (в 2,3 раза). Хотя и отток белорусских трудовых мигрантов в 2016 г. из этих двух округов оказался большим, чем их приток: соответственно на 54,5% и 43,8%. И только в двух регионах Российской Федерации сократился поток трудовых мигрантов из Беларуси: это Уральский и, особенно, Дальневосточный федеральные округа, где сокращение зарегистрированных трудовых мигрантов из Беларуси составило соответственно 3,6% и 18,4%.

Важным аспектом проблемы анализа масштабов, структуры и сфер приложения труда различных видов белорусско-российской миграции населения является демографическая структура мигрантов. Из России в Беларусь на постоянное место жительства переезжают этнические (или родившиеся ранее на территории Беларуси) белорусы старших возрастов, а в Россию из Беларуси – население в активном трудовом и репродуктивном возрасте. Это негативно сказывается на демографических процессах в Беларуси: резко растет удельный вес нетрудоспособного населения и сокращается репродуктивная база демографического потенциала Беларуси, а также усиливается нагрузка на социальные фонды.

Реальная направленность иммиграционных ориентаций белорусского населения свидетельствует, что за последние четверть века в постсоветском социуме сформировалось молодое поколение с новым менталитетом, которое в миграционной компоненте меньше ориентируется на постсоветское пространство. Российский рынок труда пополняет среднее поколение – 1975-1990-х годов рождения. Молодое же поколение, воспитанное в новых социально-экономических и

политических реалиях, ориентируется на западный вектор миграции. Из России в Беларусь возвращается старшее поколение – 1950-1960-х годов рождения. Миграция молодого и зрелого поколения из Беларуси, с одной стороны, и возврат старшего поколения, с другой стороны, усугубляют депопуляционные процессы и обостряют проблемы социального обеспечения в Беларуси.

В России белорусские трудовые мигранты не являются в классическом виде трудовыми мигрантами, как мигранты из других стран бывшего СССР. Белорусов в России можно назвать экспатами – теми, кто живет за пределами Беларуси, не меняя гражданства, но ощущающих себя в какой-то степени и равными с гражданами России. Такая характеристика белорусских экспатов существенно отличается от западного понимания этой социальной общности, которые в западной трактовке рассматриваются только в качестве особой социальной общности – иностранных специалистов, чаще управленцев высшей категории, временно работающих в той или иной стране. Белорусские экспаты в России такими иностранцами в общественном мнении не считаются. Многие из белорусских экспатов стараются иметь два паспорта – гражданина Беларуси и гражданина России. Тем более что по менталитету и социокультурным ценностям белорусский этнос совпадает с западнорусским этносом. Ситуация с белорусскими экспатами может негативно отразиться на демографических процессах в Беларуси. Это выдвигает перед Беларусью на первый план заботу о сохранении своего демографического и трудового потенциалов и ставит проблему миграции белорусского социального капитала в центр демографической политики Беларуси. К сожалению, в государственной программе обеспечения демографической безопасности Беларуси на период 2016-2020 гг. решение проблем миграции обойдено вниманием. Высокий уровень трудовой эмиграции белорусских рабочих массовых профессий и особенно строительных профессий обостряет социальные проблемы внутри страны, прежде всего для системы социального обеспечения, сокращая поступления взносов в фонд социального страхования.

Библиографический список:

1. Злотников А.Г. Сальдо миграции Беларуси: положительное или отрицательное? //Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1.

ОБЪЕДИНЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Зырянов В.В.

Вряд ли какой-либо отдельно взятый процесс, проходящий в российском высшем образовании (ВО), может быть правильно понят и оценен вне контекста состояния общества, его сфер, направлений их изменений, интересов участников этих процессов. Современное российское ВО представляет собою институт, с одной стороны сохраняющий признаки советской образовательной системы, с другой, постепенно приобретающий черты принадлежности к глобальному образовательному пространству. Кроме того, в ВО отражается влияние внутренних и внешних экономических, политических, демографических и социальных изменений, а также целевые установки и соответствующие действия государства, образовательных организаций, работодателей, домохозяйств, студентов, преподавателей и их ментальности. Текущая ситуация в ВО — это результат столкновения, сочетания, конкуренции, продавливания и различных других действий всех участников на пространстве ВО.

Наша задача – определить болевые точки объединения университетов как одного из наиболее заметных процессов, происходящих в российской высшей школе.

В 1990-е годы рыночные преобразования общества в полной мере затронули и ВО, рычагами изменений стала возможность создания негосударственных вузов и приёма студентов на основе полного возмещения затрат на обучение, а также отсутствие государственного распределения выпускников, снижение государственных расходов на образование с 3,6% в 1991 г. до 3% ВВП в 2000 г. [1, с. 124]. Расчёт на то, что все проблемы будут решены «сигналами рынка», привёл к тому, что 1) высшее образование стало массовым: в конце 1980-х гг. примерно 16% всех занятых имели высшее образование, к началу 2000-х уже 26%, а сегодня примерно 37% всех занятых имеют оконченное или

неоконченное высшее образование [2]. О том же говорят и данные из таблицы. 2) Серьёзно изменилась профессиональная структура выпускников – значительно уменьшилась их доля по инженерным и естественно-научным специальностям и существенно выросла по социально-гуманитарным и экономическим [1, с 130].

Таблица [1, 3, 4.]

	Численность ООВО (ед.)		Численность студентов (тыс. чел)		Студентов на 10 тыс. населения РФ
	всего	в т.ч. частные	всего	в т.ч. частные	
1990/91	514	-	2824,5	-	190
2000/01	965	358	4741,4	470,6	324
2005/06	1068	413	7064,6	1079,3	491
2011/12	1080	446	6490,0	1036,1	454
2014/15	950	402	5209,0	803,5	363
2015/16	896	366	4766,5	705,1	326
2016/17	817	315	4379,0	504,8	299

С начала 2000-х гг. государство начинает активнее влиять на направления и содержание процессов, происходящих в ВО России. Главной целью было объявлено обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров для модернизируемой российской экономики. Однако пространство ВО, с одной стороны, еще сохраняющее признаки советской системы (отраслевая специализация вузов, сложившаяся еще в 1930-х годах), а с другой – уже успевшее накопить рыночные проблемы, к этому было признано неготовым.

В этой связи первым шагом реформ становится программа интеграции в мировое образовательное пространство через Болонский процесс (предоставление академических свобод, компетентный подход в построении образовательных программ, поощрение программ мобильности и т.д.).

Параллельно государство начинает проводить структурную перестройку ВО. По замыслу идеологов реформ, в стране должны появиться «локомотивы» ВО - ведущие университеты, демонстрирующие мировые образцы качества образования. В этом контексте последовательно создаются федеральные, а затем и опорные университеты, вводится статус НИУ, проводится мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования (ООВО), инициируется укрупнение ряда ООВО. Практически сразу перед обновлёнными (по статусу и размеру) университетами, поставлены масштабные практические задачи: выйти на ведущие роли в мировом пространстве ВО (программа 5-100), начать экспортную экспансию образовательных услуг (проект «Экспорт образования»), подготовить кадры для ОПК (программа «Новые кадры для организаций ОПК»), возродить инженерную подготовку (Проект «Развитие инженерного образования»), обеспечить кадрами работодателей регионального уровня (программа «Кадры для регионов»). В то же время государство декларирует стремление оптимизировать бюджетные расходы на образование (введение подушевого финансирования, снижение КЦП, закрытие неэффективных ООВО, объединение ООВО) и высвободить контингент молодежи для обучения рабочим специальностям. Так, О. Голодец в июле 2016 года заявила: «У нас есть просчитанный баланс, он составляет примерно 65% на 35%. При этом, 65% - это люди, которым не требуется высшего образования. Поэтому в ближайшем будущем пропорция в экономике будет меняться в сторону увеличения доли людей без высшего образования» [5].

Таким образом, как следует из документа «Система высшего образования в Российской Федерации: логика изменений»: «...по итогам структурных преобразований, к 2020 году будет сформирована образовательная сеть, имеющая следующую структуру: 30–40 лидирующих университетов мирового класса; 100–150 опорных региональных университетов; 70–80 отраслевых

вузов; 300 вузов широкой подготовки, включая негосударственный сектор; 250–300 филиалов, решающих задачи подготовки кадров в интересах промышленности и социальной сферы» [4, с. 40]. Это означает, что к 2020 году в РФ останется от 500 до 570 ООВО, а в ближайшие два года мы будем свидетелями новых слияний и укрупнений, которые затронут не менее, чем 230 ныне самостоятельных ООВО.

Таким образом, как мы уже отмечали ранее [6, с. 352-353], в России идёт процесс конструирования новой иерархии в ВО, из массового оно превращается в элитарное. Конечно, при снижении числа выпускников школ за последние 10 лет более, чем в 2 раза, с 1466,0 тыс. чел. в 2005 г. до 647,8 тыс. чел. в 2015 г. [3], наличии значительного числа ООВО, ведущих образовательный процесс неудовлетворительно, размеры системы ВО должны уменьшиться. Вопрос в том, за счёт чего и кого, насколько, каким образом? Ответ на первый вопрос вполне ясен – за счёт сокращения числа ООВО и филиалов по результатам мониторинга эффективности. Другой вопрос, о механизме сокращения числа ООВО, приводит нас к процедурам их объединения.

Инициатива объединений идёт от государства, и его интересы мы выше обозначили. Очевидно, что без внешнего толчка университеты, к таким решительным шагам, приходили бы гораздо реже, поэтому стоит остановиться на рисках, с которыми сопряжена столь масштабная структурная и качественная перестройка отечественного ВО.

Факторы	Риски
Темпы объединения и время, через которое государство будет требовать отдачи от вложений в реорганизацию.	Всё происходит слишком быстро для столь инерционной системы как образование. «Анализ динамики положения вузов в рейтинге RAEX (Эксперт РА) позволяет сделать однозначный вывод: при присоединении к сильным вузам менее успешных образовательных организаций конкурентоспособность первых снижается. Иными словами, процессы укрупнения за счет слияний наносят урон сильным вузам» [7].
Размеры финансовых ресурсов, выделяемых на реализацию структурной политики в ВО.	Их явную недостаточность ярко демонстрирует вывод министра образования РФ Васильевой О.Ю о ходе выполнения проекта 5-100: «За пять лет объем государственной поддержки вузам составил 50 млрд. 200 млн. рублей. Оставшиеся три года проекта увеличат этот объем на 29 млрд. 200 млн... Надо оставить эффективные вузы, не более шести... Оставшиеся деньги вкладывать в развитие этих вузов, чтобы к 2020-му году они вошли в ту самую пятерку, о которой нас просил президент» [8].
Выбранный для реформы период	Вряд ли кризис, в котором в последние годы находилась Россия, способствовал успеху процессов структурной перестройки ОВ путём объединений.
Недостаточная гибкость процедур объединения	К примеру, можно бы было предоставить возможность получения статуса опорного сильным университетам, которые в будущем смогли бы органично присоединить к себе другие вузы. Но, условие о присоединении вузов исключает такую возможность [9]. Не говоря уже о том, чтобы воспользоваться богатым зарубежным опытом [10].
Дефицит управленческих кадров, способных и готовых эффективно провести объединение и руководить столь сложными, крупными и	«...Болезненный вопрос – дефицит управленцев, способных руководить мегамашинами производства знаний и интеллекта. Требования к лидеру и управленческой команде за последние 50 лет выросли в геометрической прогрессии... Несмотря на высокие компенсационные пакеты ректорских позиций, поиск людей,

неустоявшимися организациями.	способных выполнять такую работу, занимает у ведущих мировых университетов годы» [11].
Недоучёт интересов других участников, образовательного процесса – студентов, ППС, администрации вузов, работодателей, родителей.	<p>«...Объединения ...вызывали и вызывают наибольшее сопротивление у студентов и сотрудников университетов. Этот факт иллюстрирует, например, отмененное в 2012 г. объединение Тамбовского ГГУ и Тамбовского ГУ имени Г.Р. Державина» [12. с. 116].</p> <p>«...Показательная история — объединение трёх вузов в Самаре: к СГАУ решено присоединить СамГУ и СамГГУ, ... общественности это было преподнесено как добровольное решение самих вузов, ... на деле всё обстояло ровно наоборот. На учёном совете преподаватели проголосовали почти единодушно против объединения. Буквально в конце июня студенты Сам ГУ неоднократно выходили на улицы с плакатами против объединения...» [13].</p> <p>«...Механическое уменьшение числа учебных заведений представляется ... неверным путем исправления ситуации. Лучше позаботиться об их дифференциации. Если они есть, если есть спрос, тем более люди готовы платить за учебу — значит, они выполняют свое назначение, удовлетворяют потребности тех, кто в них приходит» [14].</p>

Происходящее сегодня в высшем образовании России можно охарактеризовать как неоднозначность целей и неопределённость результатов, что требует заинтересованного внимания и участия всех его субъектов.

Библиографический список:

1. Болдов О.Н., Иванов В.Н., Суворов А.В., Широкова Т.К. Динамика и структура сферы образования в России в 90-е годы // Проблемы прогнозирования. 2002. № 4. С. 122-133.
2. Гимпельсон В., Капелюшников Р. Вызов «сверхобразованности» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/09/19/734350-vizov-sverhobrazovannosti?utm_source=facebook&utm_campaign=share&utm_medium=social&utm_content=734350-vizov-sverhobrazovannosti
3. Индикаторы образования: 2017: статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, И.Ю. Забатурина и др. М.: НИУ ВШЭ, 2017.
4. Система высшего образования в Российской Федерации: логика изменений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://edu.interfax.ru/articles/807/>
5. Голодец не нашла необходимости в высшем образовании у двух третей работников в РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/business/518708>
6. Зырянов В.В. Укрупнение образовательных организаций высшего образования в России: мотивы и риски / Управление социальными изменениями в нестабильных условиях: материалы конференции / под общ. ред. В.П. Васильева. М.: МАКС Пресс, 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.socio.msu.ru/documents/prog_social-change_2016.pdf
7. Рейтинг вузов России: ключевые цифры и факты [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://raexpert.ru/rankings/vuz/vuz_2017/#1
8. Чего добились вузы 5-100 и чего им ждать дальше [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sib-science.info/ru/heis/chego-dobilis-vuzy-5-100-i-04102017>
9. Тимошенко В. Сеть опорных университетов: костяк или костыль для образования? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/article/701532/>

10. Воронин А.В., Шегельман И.Р. Зарубежный опыт интеграции университетов // Инженерный вестник Дона. 2013. № 2.
11. Ливанов Д., Волков Д. Зачем России сотня сильных региональных университетов // Ведомости № 3795 от 22.03.2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/03/23/zachem-rossii-sotnya-silnih-regionalnih-universitetov>
12. Романенко К.Р., Лисюткин М.А. Университетские объединения в России: четыре волны образовательной политики // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Том 21. № 3.
13. Объединение вузов. Студенты и преподаватели против, но Минобр их не слышит? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.aif.ru/society/education/obedinenie_vuzov_studentsy_i_prepodavateli_protiv_no_minobr_ih_ne_slyshit
14. Зорин Л. Высшая школа как стандарт и фикция // Русский репортёр № 35 (363) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://expert.ru/russian_reporter/2014/35/vysshaya-shkola-kak-standart-i-fiktsiya/?926

ДИНАМИКА ПОСТУПЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ СТРАН АТР В ВУЗЫ РОССИИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Калита В.В., Соколова М.М.

Межкультурная коммуникация в сфере межкультурных отношений связана не только с развитием диалога, пропаганды своей собственной культуры за рубежом, но и непосредственно с теми острыми на сегодняшний день проблемами, которые возникают в сфере культуры и международного гуманитарного общения. В данном случае межкультурная коммуникация выступает главным условием экономического, политического и гуманитарного сотрудничества. Без учета основных особенностей процесса коммуникации почти невозможно выстроить контакты в современном виде на разных уровнях. Если посмотреть с другой стороны, то многое зависит еще и от самих особенностей межкультурных отношений: глубина, направленность и содержание межкультурного диалога.

Количество иностранных студентов в России постоянно растет. В 2015/16 учебном году общее количество иностранных граждан, проходящих обучение в российских вузах, составило более 270 тыс. человек, а в предыдущем их было 220 тыс. Иностранцы составляют 6% от общего числа обучающихся [4].

Иностранцы отдают предпочтение государственным вузам, в них в настоящее время обучаются 95% всех зарубежных студентов. Среди вузов традиционно лидируют Российский институт дружбы народов (РУДН) (5,2 тыс. человек в 2015/16 году), Санкт-Петербургский государственный университет (4,6 тыс.) и Московский государственный университетим. М.В. Ломоносова (3,3 тыс.). Данные представлены в Таблице 1[4].

Таблица 1 – Российские вузы-лидеры (топ-50) по численности обучающихся по очной форме обучения иностранных студентов в 2008-2015/2016 академических годах [4]

Наименование вуза	Годы							
	2008/2009	2009/2010	2010/2011	2011/2012	2012/2013	2013/2014	2014/2015	2015/2016
1.Российский университет дружбы народов	5 353	5 342	8 221	7 752	6 539	8 763	8300	5139
2. Санкт-Петербургский государственный университет	3 751	3 626	3431	3435	3 713	4 600	4600	*

3. МГУ им. М.В. Ломоносова	5 776	4 187	3 512	3 454	3 395	3 286	*	1637
7. Первый московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова	2 335	2 123	2 216	2 234	2 202	1 981	*	1870
16. Дальневосточный федеральный университет	327	544	985	1 054	1 033	1 317	*	2505
19. Томский государственный университет систем и радиоэлектроники	585	553	723	895	1088	1282	*	1442
50. Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»	644	715	764	683	672	683	*	*

Условные обозначения: * Официальных данных не найдено

На основании статистических показателей Центра социологических исследований Министерства образования и науки Российской Федерации, на данный момент представители стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) занимают большой процент (45%) от всех студентов стран мира, зачисленных в высшие учреждения за рубежом [1]. Странам АТР довольно проблематично создать общую систему высшего образования, так как присутствуют существенные различия в традициях, культуре, нормах и обычаях. Именно поэтому в настоящее время проблемы академической мобильности представителей стран АТР заключаются в отсутствии материально-финансового обеспечения, в неразработанности специальных методов и механизмов работы для осуществления студенческого обмена, нехватке специалистов в данной области.

В последние 5 лет ведущим центром международного сотрудничества в АТР является Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ). В настоящее время ДВФУ – единственный российский ВУЗ, представленный в Ассоциации Университетов Тихоокеанского региона (АПРУ). На базе ДВФУ ведется поэтапное формирование Международного ресурсного центра по вопросам интернационализации высшего образования и науки.

В 2016-2017 учебном году в университет поступило 3200 иностранных студента из 52 стран, что составляет 13% от общего контингента обучающихся, а общее число студентов в ВУЗе достигло уже 19 910 человек. Еще около 900 слушателей зачислено на подготовительный факультет и языковые курсы в Центр русского языка и культуры [5].

По данным официального сайта «Проекта 5-100» ДВФУ находится на 6 месте по набору студентов в 2016 году. В рейтинге университетов в лидерах по набору иностранных студентов и по сей день остается Российский университет дружбы народов. В 2015/2016 академическом году вуз принял 5139 студентов из других стран мира[3].

Что касается ВУЗов Дальнего Востока, то здесь ДВФУ так же не уступает свою лидерскую позицию по набору иностранных студентов. На втором месте находится Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС) – 600 иностранных студентов (на 2015/2016 учебный год). Далее по набору на 2015/2016 академический год расположены Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), Хабаровский государственный университет экономики и права (ХГУЭП) и Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет (ДАЛЬРЫБВТУЗ) – свыше 200 иностранных студентов. По данным официальных сайтов университетов самое последнее место в сводном рейтинге занимает Тихоокеанский государственный медицинский университет (ТГМУ) – 5 иностранных студентов (по

данным на 2015/2016 учебного года). Данные по университетам-лидерам Дальнего Востока по набору иностранных студентов представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Данные о численности студентов иностранных студентов в ВУЗах Дальнего Востока на 2015/2016 академический год (сайты вузов)

ВУЗ	Общее количество учащихся	Количество иностранных студентов	%
Дальневосточный федеральный университет (ДФУ)	19 910	3000	13
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС)	15 238	600	3,9
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС)	22864	220	
Хабаровский государственный университет экономики и права (ХГУЭП)	6341	Свыше 200	
Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет (ДАЛРЫБВТУЗ)	6608	Свыше 200	
Тихоокеанский государственный медицинский университет (ТГМУ)	3500	5	0,14

Можно предположить, что такой низкий процент иностранных студентов в вузах Дальнего Востока связан с низкой конкурентоспособностью принимаемого вуза на рынке мировых образовательных услуг, обусловленной недостаточным качеством подготовки специалистов, высокой стоимостью обучения, слабой научно-исследовательской и материально-технической базой, с переживанием трудностей новых контактов и другим. Это является общей социально-психологической проблемой иностранных студентов практически в любой стране мира. Утрата и нехватка привычных социальных связей приводит к снижению результатов успеваемости, нервным расстройствам и депрессии.

При получении образования студентам за рубежом предоставляется не только возможность изучения иностранного языка в естественной среде, но и культуры «принимающей» страны, что в дальнейшем способствует развитию межкультурной адаптации. Основное содержание, возникающих трудностей у иностранных студентов, находящихся в социуме «чужой» страны, заключается в процессе принятия иной культуры, её традиций и ценностей. А также в способности отличить её от собственной, выявить намерения людей, и при этом суметь сохранить этническое своеобразие и личной индивидуальности. Подобные сложности вытекают и из особенностей образа жизни, религиозного многообразия, культурных ценностей. Обычно возникающие трудности вызваны культурными различиями партнеров, которые не могут быть нивелированы сразу в процессе коммуникации. Исследователями подобный вид возникающих трудностей общения определяют термином «межкультурные барьеры». Принято различать следующие виды барьеров: 1) Барьеры стереотипов и предрассудков (национальное и этническое сознание представителей разных культур); 2) Невербальные барьеры (передача символов, их понимание и значение партнерами при коммуникации); 3) Языковые барьеры (стили устной и письменной коммуникации, а также в используемых языковых конструкциях собеседников).

Таким образом, следует, что в преодолении процесса дезадаптации иностранного студента в принимаемом вузе, необходимо не только сформулировать главные условия преодоления

межкультурных коммуникативных барьеров, но важно и нацелить внимание сотрудников, педагогов и психологов на разработку более эффективной не только педагогической методики, которая сможет помочь иностранному студенту адаптироваться к учебному процессу, но и создать необходимый благоприятный психологический климат в учебной группе, внеучебной деятельности принимаемого вуза. И как следствие, индивид станет способным эффективнее добиваться целей межкультурного взаимодействия, полнее удовлетворять свои культурные потребности и предвосхищать перспективы общения с представителями других культур.

Библиографический список:

1. Соколова М.М. Академическая мобильность студентов стран АТР: проблемы и перспективы развития // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием, Владивосток, 11-13 ноября 2015 г. / [отв. Ред. И.Г. Кузина]. Владивосток: Дальневост. Федерал. Ун-т, 2015. С. 278-279.

2. Соколова М.М. Межкультурная коммуникация сквозь призму адаптационных процессов студентов стран АТР к обучению в российских вузах // Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик: материалы V междунар. конф. / Р.К. Боженкова (науч. ред.) [и др.]. Курск, 2016. С. 75-83.

3. Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров // <http://Stop100.ru/student/> [дата обращения: 20.03.2016 г.]

4. Федеральное государственное автономное научное учреждение «Центр социологических исследований» («Социоцентр») <http://Stop100.ru/about/sociocenter/> [дата обращения: 18.03.2016]

5. Официальный сайт Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) // https://www.dvfu.ru/news/fefu-news/students_from_five_continents_have_chosen_to_study_the_far_eastern_federal_university/ [дата обращения: 04.03.2016 г.]

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Килимова Л.В.

Формирование гражданского общества неразрывно связано с проявлением гражданской инициативы. Его отсутствие проявляется в недостаточно развитых механизмах взаимодействия государства и общества. Гражданская активность личности как значимый элемент правового государства неотъемлема от гражданского общества. С точки зрения М.А. Гусаровой, гражданская активность есть не что иное, как форма социальной активности, которая выражается в равнодушном отношении к общественным проблемам, желании и способности отстаивать собственную гражданскую позицию, отстаивать личные и групповые интересы и права, осознание личной ответственности за благополучие государства [1]. Всплеск активности населения отмечался еще в конце прошлого века, однако на современном этапе развиваются новые механизмы осуществления гражданской активности.

Гражданская активность проявляется в форме, с одной стороны, гражданского участия, позволяющего реализовать универсальные права и свободы, достичь индивидуальные и общественные цели, а с другой, гражданского действия, способствующего решению проблем по реализации универсальных прав и свобод. По мнению С.В. Патрушева [2], гражданское участие позволяет реализовывать умения, знания, поведенческие навыки и способности. Гражданское действие дает возможность преодолеть разрыв между формальными и реальными правами в повседневной жизни, устранить препятствия гражданского участия, снять ограничения на осуществление своих прав. Если гражданское участие направлено на воспроизводство существующих норм гражданского общества и его ценностно-нормативной основы, то гражданское действие – на его трансформацию.

Гражданское участие может быть как индивидуальное, выражающее цели личности, так и общественное, ориентированное на цели социальных групп. Гражданское действие направлено на реализацию общих интересов и ориентировано на общие цели. Следовательно, гражданское участие

не является достаточной активностью личности для осуществления преобразовательных процессов общества, требующих большего участия личности в достижении не только своих прав и свобод, но и борьбы за общее благо.

Л.М. Семенюк, И.В. Мерсиянова, С.В. Патрушев и другие исследователи выделяют ряд необходимых условий для перехода от участия к действию. Основной причиной отсутствия полноценной социальной активности личности в контексте гражданского общества в РФ является конформистское отношение населения. С одной стороны, это устойчивое состояние общества, однако с другой – пассивность «российского народа» обуславливает прерывистое развитие гражданского общества.

Принято условно выделять две категории гражданских инициатив: профессиональные и непрофессиональные активисты. Профессиональные активисты мотивированы общественно-политической карьерой, материально обеспечены для занятий общественной деятельностью и способны формулировать и распространять новые институциональные правила. Вторая же группа гражданской инициативы, состоящая из непрофессиональных активистов, преимущественно направлена на решение реальных социальных и иных проблем. Профессиональные активисты чаще используют общественную деятельность для реализации своих политических или профессиональных амбиций, а не для решения общественных проблем, декларируемых в качестве основных целей своей деятельности [3].

Механизмы проявления гражданской активности разнообразны. Одним из современных механизмов является Интернет, позволяющий проявить инициативу посредством сайтов, социальных сетей, краудфандинговых и краудсорсинговых площадок и т.д.

Для увеличения активности граждан необходимо сформировать определенный «политико-культурный климат», климат личностно-гражданской ответственности, побуждающий индивида к инициативе и гражданской солидарности, т.к. в основе создания гражданского общества в современной России лежит гражданская политическая культура, основанная на принципах демократизма. В основе социальной активности личности в контексте гражданского общества лежат принципы добровольности и свободы участия.

Среди социокультурных особенностей проявления социальной активности личности в контексте гражданского общества следует отметить наличие гражданской культуры. Залогом обеспечения граждан доступом к политическому участию, формирования социальной активности личности выступают некоммерческие организации, политические партии, общественные движения, общественные фонды, профессиональные союзы, являющиеся организационной базой для институциональных форм социальной активности граждан в политической сфере. Они обеспечивают жизнеспособность как социальных, так и гражданских институтов, формируют у граждан осознание общности групповых интересов, своей идентичности с другими индивидами.

Гражданскую активность как разновидность социальной активности личности рассматривают подобно «зеркалу» социально-экономических, общественно-политических и духовно-культурных ценностей общества, стимулирующего гражданское общество.

Основным субъектом гражданского общества, формирующегося в регионе, является активная личность, деятельность которой проявляется в сфере политико-публичных и социальных отношений, реализованных в системе гражданских институтов. В основе принципа гражданского общества лежит осведомленность рядовых граждан в нуждах собственных и их ассоциаций, а так же особенностях региона, обуславливающих демократические преобразования в нем.

Для изучения специфики проявления социальной активности личности в контексте гражданского общества в Курской области было проведено аналитическое социологическое исследование методом стандартизированного интервью [4, 5].

Наиболее распространёнными формами социальной активности жителей Курского региона являются участие в мероприятиях по благоустройству места жительства 50,7% (причём масштаб мероприятий различен: от уборки двора до мероприятий по благоустройству городского уровня), а

также участие в собраниях жильцов 46,7%. В меньшей степени граждане высказывают своё мнение на собраниях, в госучреждениях и иных инстанциях и обращаются в государственные органы (соответственно, 13,6% и 13%).

Среди социальных практик гражданского общества значительную роль играет благотворительная деятельность. Вовлеченность жителей региона в процесс оказания помощи рассматривается в виде денежных пожертвований различным благотворительным обществам и фондам. Подобная благотворительность чаще носит организованный и официальный характер. Однако около половины респондентов (49,4%) отметили свое участие в подобных практиках, осуществляя денежные пожертвования в различные благотворительные организации и фонды за последний год.

Возможность реализовывать собственные идеи не являлась привлекательным стимулом для населения в 2014 году, однако в 2016 г. о нем заявляет на 10% больше респондентов, по сравнению с 2009 годом. Существенно возрос процент желающих иметь возможность с помощью участия в общественной жизни решать собственные проблемы (2009 г. – 11,7%; 2012 г. – 8,5%; 2014 г. – 19,1%), однако за последние два года данный мотив стал менее интересен для респондентов (2016 г. – 13,0%). Возможно, происходящие процессы, как во внутренней политике, так и во внешней, увеличивают количество общественно значимых проблем, требующих совместного решения. Следовательно, социально активное население вовлекается в их решение, перенося собственные проблемы на второй план.

Каждый четвертый респондент проявлял инициативу для осуществления коллективных действий, решая чужую проблему (26%), и приблизительно столько же активизировали коллективную деятельность для реализации своего замысла (27%). Рассматриваемая категория населения, готовая выступить инициатором коллективных действий, по различным причинам может характеризоваться как социально активная, и составляет почти четверть населения региона, а при возможности решения своих проблем ее процент возрастает до 38%. Данный факт рассматривается нами как позитивная характеристика в анализе современного состояния социальной активности населения и перспективная для развития гражданского общества.

В настоящий момент в Курской области гражданское общество находится в стадии формирования, с существующими позитивными тенденциями среди населения, готового проявлять социальную активность в уже знакомых гражданских практиках с целью оказания помощи окружающим. Однако у населения слабо проявляются умения и навыки в формировании более тесных социальных связей с окружением, выходящим за пределы близкого, возникают сложности в проявлении солидарности.

Библиографический список:

1. Гусарова М.А., Торопова А.А. Проблемы формирования гражданской активности будущих юристов в условиях становления гражданского общества и правового государства в России // Общество: политика, экономика, право. 2012. № 2. С. 135.
2. Патрушев С.В. Гражданская активность: институциональный подход. Перспективы исследования // Полис. Политические исследования. 2009. № 6. С. 25.
3. Гельман В.Я. В чем виновата культура? [Электронный ресурс] // Republic: офиц. сайт. URL: http://Republic.ru/russia/v_chem_vinovata_kultura-442402.xhtml (дата обращения: 11.03.2017).
4. Состояние гражданского общества в Курской области / Л.В. Килимова, О.О. Нишнианидзе, О.А. Ветрова, И.Б. Гайдукова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. № 1. С. 80-88.
5. Гражданское общество в региональном измерении: монография [Текст] / Л.В. Килимова, О.О. Нишнианидзе, О.А. Ветрова, М.Д. Черкашин. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2016. 119 с.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ НЕРАВЕСТВО КИТАЙСКИХ РЕГИОНОВ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ВЫРАВНИВАНИЯ*

Кондратенко Г.В.

В социально-экономическом развитии Китая проявился новый тренд - «демографическое неравенство», когда сочетание низкой рождаемости и миграции населения приводит к разнице в показателях старения между провинциями. Главными причинами этого явления эксперты называют и разную степень выполняемости политики «одна семья — один ребёнок» и исключённость национальных меньшинств из этой политики [1]. В результате все регионы КНР можно ранжировать по 4 категориям рождаемости:

1) регионы с очень низкой рождаемостью (показатель менее 1). Это три мегаполиса: Пекин, Шанхай и Тяньцзинь, а также три провинции Северо-Востока, с проживающими национальными меньшинствами с маленьким коэффициентом рождаемости — общая численность населения составляет примерно 170 млн человек;

2) регионы, где уровень рождаемости составляет от 1 до 1,29. К ним относятся провинции на густонаселенной береговой линии Китая, а также огромные территории провинции Сычуань в западном Китае. Они в подавляющем большинстве относятся к районам, заселённым ханьцами, кроме того, здесь было несколько исключений при проведении политики одного ребёнка – население 600 млн человек.

3) провинции с коэффициентом рождаемости между 1,3 и 1,49. Многие из этих провинций, такие, как Хэнань, Хунань и Аньхой, находятся на материке вдали от побережья. Они также являются густонаселенными в основном ханьцами, но имеют меньше городских жителей: более половины населения Хунань и Аньхой живут в сёлах и деревнях — население 460 млн человек;

4) регионы с показателем выше 1,5, население которых относительно равномерно распределено между городами и сельской местностью, также заселены национальными меньшинствами, например, провинция Гуанси - общая численность составляет 116 млн человек [2].

Провинции Северо-Востока КНР (Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян) имеют самый низкий уровень рождаемости (0,71) и самый высокий уровень полового дисбаланса. Такая ситуация была характерна для Северо-Востока Китая и в начале 1980-х гг., когда уровень рождаемости снизился до 15,14 ‰, а суммарный коэффициент впервые в истории демографического развития региона упал ниже уровня замещения (2,16), составив всего 1,91 [3, с. 72] (таблица 1). Такой же низкий уровень рождаемости был характерен для Пекина, Шанхая и Тяньцзиня, в настоящее время уровень воспроизводства населения трёх провинций СВК совпадает с показателями Пекина.

Таблица 1 – Динамика коэффициентов рождаемости и естественного прироста населения Северо-Восточного Китая (СВК) в 1980–2010 гг., ‰

Регион	Годы							
Коэффициент рождаемости								
	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015
КНР	18,21	21,04	21,06	17,12	14,03	12,4	11,9	9,5
СВК	15,14	12,95	17,35	12,01	9,88	7,85	8,02	6,01
Ляонин	14,1	11,9	14,5	9,9	10,7	7,8	8,8	6,17
Цзилинь	17,85	11,98	19,46	12,9	9,55	7,89	7,91	5,85
Хэйлунцзян	13,49	15,04	18,11	13,23	9,43	7,87	7,35	6,00

* Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-07-00039 «Северо-Восточный Китай и Дальний Восток России: факторы влияния на модернизационное развитие трансграничных территорий в 50-60-е гг. XX в. и начале XXI в. (Сравнительный анализ)»

Коэффициент естественного прироста								
КНР	11,87	14,26	14,39	10,55	7,58	5,89	4,79	3,2
СВК	9,66	7,8	11,16	6,77	4,02	2,41	0,75	-0,7
Ляонин	8,7	6,6	8,8	4,4	4,0	2,0	2,1	-0,42
Цзилинь	11,65	6,59	12,93	6,81	4,85	2,57	2,03	0,34
Хэйлунцзян	8,63	10,28	11,76	7,9	3,93	2,67	2,32	-0,60

Источники: [4, с. 47-48]; [5].

Неблагоприятная демографическая ситуация на Северо-Востоке связана с двумя факторами – более жёстким выполнением политики «одна семья — один ребёнок» и наличием слишком большого государственного сектора со специфической системой занятости, дополняемого слабым развитием сектора услуг, генерирующим рабочие места. То есть жёсткая структура занятости и возможность миграции (возраст мигрантов колеблется от 15 до 35 лет) в развивающиеся быстрыми темпами приморские провинции страны разбалансировали демографическое равновесие в регионе и создали проблемы для реализации полноценной (охватывающей все группы населения) социальной политики. Следствием этого стало и быстрое старение населения Северо-Восточного Китая. Провинция Ляонин является самой быстро стареющей в стране — в 2010 г. средний возраст жителей достиг 39,2 лет, в то время, как порог в 37 лет в среднем по Китаю был достигнут в 2016 г. [1]. Быстрое старение населения и нарушение половозрастного баланса в сочетании с неравномерным распространением системы социального обеспечения, прежде всего системы пенсионного страхования, ведут к росту социальной напряжённости. В провинции Ляонин на одного пенсионера приходится 1,8 работающих, Цзилинь – 1,5, Хэйлунцзян – всего 1,3 (в целом по Китаю – 2,9). Чуть более высокие показатели провинции Ляонин объясняются тем, что этот регион является реципиентом мигрантов из двух других провинций. В регионе работает программа возрождения Северо-Восточного Китая, и правительство принимает меры по развитию региона, но проблема демографического неравенства не входит в поле общекитайского политического и экономического дискурса.

Главным содержанием социальной политики Китая в последние 5 лет стала борьба с бедностью, объявленная стратегическим этапом по достижению общества средней зажиточности (сяокан). Одной из целей кампании по борьбе с бедностью, которая началась в 2012 г., было сдерживание миграционного движения в стране. Несмотря на меры по реформированию системы прописки и ослабление административных санкций в отношении мигрантов, количество мигрантов увеличивается с каждым годом (с 243 млн в 2010 до 274 млн в 2016 г.). Возможно, главной ошибкой правительства стало решение переложить заботу о мигрантах на регионы. Провинциальные власти самостоятельно решали, будут ли они включать мигрантов в систему социального обеспечения и какова степень этой «включённости». Существует положительный опыт провинции Гуандун — привлечение мигрантов с помощью льгот (включение мигрантов в систему социального страхования, приём детей мигрантов в местные государственные школы и т.д.) помогает замедлить процесс старения в провинции — на одного пенсионера приходится 8,1 работающих.

Одним из методов борьбы с застойной бедностью может стать массовое переселение людей из беднейших в более развитые районы. Три северо-восточные провинции включены в эти планы, например, только в провинции Цзилинь бедными признаны 8 уездов. В 2017 году уже разработано 12 тыс. проектов переселения, которые затрагивают 3,4 млн человек [6]. Если программа будет расширяться (сейчас по официальным данным в Китае бедными считаются 43,35 млн чел.) и примет транспроvincialный характер, то это приведёт к увеличению демографического неравенства в стране.

В докладе Си Цзиньпина на XIX съезде КПК из 10 положений о социальном развитии [7] 3 могут повлиять на выравнивание демографических показателей по стране: 1) «стимулирование

занятости рабочих-мигрантов в сельской местности» – речь идёт о легальной работе, которая подразумевает и участие в системе социального страхования; 2) «формирование системы единого планирования пенсионного страхования» – создание единого реестра позволит взять под контроль население, не охваченное пенсионной системой, что приведёт к расширению платёжной базы пенсионного обеспечения в стране; 3) «создание системы услуг по уходу за детьми, матерями и пожилыми людьми» – это сигнал обществу, что государство готово заботиться о повышении рождаемости и частично освободить людей от заботы о стариках в надежде на беби-бум (которого пока не случилось, и, который является залогом успешного решения проблемы демографического неравенства).

Очевидно, что сокращение масштабов нищеты и неравенства (экономического, социального и демографического) является важной политической задачей для Китая на ближайшие десятилетия. Урбанизация, которая отчасти является критерием успешности проводимых реформ, более пригодна для сокращения бедности, а не для решения проблемы демографического неравенства. Соответствующие меры (такие, как реформа образования, совершенствование системы здравоохранения и пенсионного обеспечения, включение мигрантов в систему социального страхования) работают в отношении сельских районов. Решение этой проблемы в межрегиональном измерении потребует выработки мер, затрагивающих комплекс накопившихся проблем — от реформы системы распределения до отказа от слабых и устаревших институтов плановой экономики.

Библиографический список:

1. China's demographic divisions are getting deeper. No province has many babies, but some shortfalls are much worse than other // Официальный сайт журнала The Economist. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.economist.com/news/china/21729573-no-province-has-many-babies-some-shortfalls-are-much-worse-others-chinas-demographic.

2. Струкова П. Детей в Китае всё меньше, а проблем всё больше. Интернет издание Магазета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazeta.com/2017/10/china-demographic-division/>

3. Ван Шэнцзинь. 东北亚区域人口与发展(Развитие населения регионов Северо-Восточной Азии). Цзилинь: Цзилинь дасюэ чубаньшэ, 2001. 402 с.

4. Веремейчик А.С. Демографическое развитие Северо-Восточного Китая (1949-2010 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 4. С. 46-53.

5. Данные о коэффициенте рождаемости и коэффициенте естественного прироста населения в 3 провинциях Северо-Восточного Китая за 2015 г. Официальный сайт Национального бюро статистики Китая [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://data.stats.gov.cn/english/mapdata.htm?cn=E0103&zb=A0301>

6. Китай переселяет большее количество число людей в рамках борьбы с бедностью. Агентство Синьхуа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russian.news.cn/2017-08/01/c_136491628.htm

7. 习近平十九大报告全文 (Полный текст доклада Си Цзиньпина на XIX съезде КПК). Информационное агентство Цайсин [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://china.caixin.com/2017-10-18/101158185.html>

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ И СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Корначева П.В.

Одним из проявлений процесса глобализации является бурный рост транспортных компаний, сосредоточивших в своих руках значительный экономический, технологический, финансовый, интеллектуальный и социальный потенциал современного человека.

Сегодня железнодорожный транспорт играет важную роль в формировании транспортной системы России. В 2016 году пассажирооборот транспорта в России составил 456,4 млрд. пасс-км, а грузооборот – 5 180,3 млрд. т-км. Железнодорожный транспорт является одним из лидеров по размеру вклада в экономику России, его доля в 2016 году составила 1,43% ВВП [1].

Компания ОАО «РЖД» учреждена постановлением Правительства РФ от 18 сентября 2003 года № 585. Создание компании стало итогом первого этапа реформирования железнодорожной отрасли в соответствии с постановлением Правительства РФ от 18 мая 2001 года № 384. Учредителем и единственным акционером ОАО «РЖД» является Российская Федерация. От имени Российской Федерации полномочия акционера осуществляет Правительство Российской Федерации. Имущество компании сформировано путем внесения в уставный капитал ОАО «РЖД» по балансовой стоимости активов 987 организаций федерального железнодорожного транспорта, принадлежащих государству [2, с. 5].

Какова же социальная ответственность ОАО «РЖД» перед всеми людьми и организациями, с которыми компания сотрудничает в процессе деятельности, и перед обществом в целом? Исходя из этого, необходимо рассмотреть внутреннюю и внешнюю стороны социальной ответственности компании.

С внутренней стороны социальной ответственности, ОАО «РЖД» обеспечивает социальную стабильность в трудовых коллективах на основе проведения сбалансированной и эффективной кадровой и социальной политики: создание привлекательных рабочих мест со стабильной социально значимой заработной платой, высокое внимание уделяется охране и безопасности труда, дополнительному медицинскому и социальному страхованию сотрудников, развитию человеческих ресурсов через обучение и программы подготовки и повышения квалификации.

С внешней стороны социальной ответственности, компания ответственно выполняет требования налогового и трудового законодательства; активно осуществляет в экологической деятельности, согласно установленными государственными и международными стандартами; выстраивает добросовестные отношения со всеми заинтересованными сторонами; обеспечивает взаимодействие с федеральными органами исполнительной власти по вопросам тарифной политики, реализации важнейших инфраструктурных проектов, организации пригородных пассажирских перевозок для устойчивого развития регионов; стремится выпускать качественную продукцию и услуги, согласно установленным государственным и международным стандартам системы менеджмента качества [3]; с учетом основополагающих стратегических документов развития транспорта в России и задач, поставленных Правительством Российской Федерации на предстоящий период 2016-2020 годов разработана комплексная программа инновационного развития холдинга «РЖД» [4]; укрепляет позиций холдинга «РЖД» на зарубежных рынках логистики и строительства железнодорожной инфраструктуры на основе развития сотрудничества с зарубежными партнерами и специализированными международными организациями.

Социальная и кадровая политика является одной из основных направлений развития холдинга «РЖД», неотъемлемым элементом которого является социальная и общественная политика компании, проводимая вне трудового коллектива.

Основной акцент в рамках социальной стабильности сделан на привлечение, развитие, удержание и мотивацию работников. В компании существует система адаптации и концепция проведения Единого дня адаптации молодого работника.

Система образования ОАО «РЖД» включает в себя учебно-воспитательную работу с разнообразием видов образовательной и оздоровительной деятельности.

С целью подготовки, переподготовки и повышения квалификации рабочих и руководителей в компании сформирована система непрерывного образования, основанная на компетентностном подходе.

Для качественного отбора абитуриентов и повышения уровня их общеобразовательной подготовки проводится профориентационная и довузовская подготовка школьников старших классов, желающих заключить с ОАО «РЖД» договоры о целевом обучении. В системе отраслевого образования АНО ДПО «Корпоративный университет РЖД» проводит в формате внутренней «бизнес-школы» обучение и развитие своей целевой аудитории – руководителей 1-го и 2-го уровней управления

ОАО «РЖД», входящих в кадровый резерв, направленное на развитие их корпоративных управленческих компетенций.

Компания ОАО «РЖД» является учредителем 243 негосударственных образовательных учреждений (5 общеобразовательных школ с дошкольными интернатами, 30 школ-интернатов, 5 образовательных учреждений для детей дошкольного и младшего школьного возраста – начальных школ-детских садов и 202 детских сада) [2, с. 143].

В вышеперечисленных направлениях социальной ответственности компании значительна роль профсоюза, так как многие процессы социальных обязательств затрагивают интересы работников.

Российский профессиональный союз железнодорожников и транспортных строителей (РОСПРОФЖЕЛ) включает в себя 4606 первичных, 124 объединенных первичных, 63 территориальных и 16 дорожных территориальных организаций, объединяющих 1 млн. 834 тыс. 714 работников железнодорожного транспорта, транспортного строительства, метрополитенов, ведомственной охраны, межотраслевого промышленного железнодорожного транспорта, учреждений образования, здравоохранения, культуры, спорта, студентов и учащихся железнодорожных вузов, средних специальных учебных заведений [5]. Первые Отраслевые тарифные соглашения по железнодорожному транспорту и транспортному строительству были подписаны 25 лет назад. Данные документы послужили началом формирования в отрасли системы социального партнерства. В настоящее время заключены и действуют отраслевые соглашения, подписанные РОСПРОФЖЕЛ: по организациям железнодорожного транспорта, по транспортному строительству, по межотраслевому промышленному железнодорожному транспорту, по учреждениям образования, подведомственным Федеральному агентству железнодорожного транспорта. На их основе сегодня заключено 628 коллективных договоров. Из них на полигоне магистрали действует 71 коллективный договор [6].

Сегодня социальное партнерство в компании направлено на создание экономических и правовых условий для обеспечения эффективного и безопасного производства, уверенности работников в своей профессии и завтрашнем дне, социальной стабильности.

Коллективный договор ОАО «РЖД» на 2017-2019 годы является единым для ОАО «РЖД», включая филиалы, структурные подразделения и представительства.

В 2016 году расходы на выполнение Коллективного договора ОАО «РЖД» составили более 100 млрд. рублей, индивидуальный социальный пакет работника составил более 61 тыс. рублей, неработающего пенсионера более 12 тыс. рублей. Была обеспечена социальная стабильность в трудовых коллективах [2, с. 132].

Компания ОАО «РЖД» вкладывает значительные финансовые ресурсы в развитие устойчивой социальной стабильности работников, государства и общества в целом. В рамках изучения международного менеджмента и ведения бизнеса, учитывая опыт зарубежных железнодорожных компаний, можно сделать вывод, что компания ОАО «РЖД» обладает высокой социальной ответственностью. Ведь за счет сохранения социально-значимых объектов, на которые приходится основная статья расходов (железнодорожные общеобразовательные школы, интернаты, начальные школы, детские сады, поликлиники и больницы, санатории, железнодорожные техникумы, университеты транспорта) повышается социально-экономический уровень функционально-важных транспортных регионов Российской Федерации (Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток, региона Байкало-Амурской магистрали).

Библиографический список:

1. Данные пассажирооборота и грузооборота в России за 2016 год. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/3e4fc4004e3423529616fe18bf0023dd

2. Открытое акционерное общество Российские железные дороги Отчет о деятельности в области устойчивого развития – 2016 год. 2016. С. 5, 132, 143.

3. Управление качеством ОАО «РЖД». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rzd.ru/static/public/ru?STRUCTURE_ID=1448
4. Комплексная программа инновационного развития ОАО «РЖД» до 2020 года. Российская общедофедеральная газета железнодорожников «Гудок». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gudok.ru/news/?ID=1332475>
5. Официальный сайт ОАО «РЖД». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://social.rzd.ru/static/public/ru?STRUCTURE_ID=5163
6. Российская общедофедеральная газета железнодорожников «Гудок». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gudok.ru/zdr/180/?ID=1373908>

СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Кочетков В.В.

Международные отношения – это, в конечном счете, отношения между людьми. Поэтому международные отношения являются отношениями социологическими по своей природе и подчиняются законам социологии. Сама постановка вопроса о праве социологии международных отношений на существование не имеет смысла, поскольку отрицать изучение мирополитических реалий с позиций социологии невозможно. Социология изучает общество, которое может быть международным точно так же, как и национальным. Особенности международного общества и составляют специфику социологии международных отношений [11].

Социология международных отношений имеет более чем полувековую историю. Как о самостоятельной науке, о ней впервые заговорил французский социолог Р. Арон. Он считал, что главной особенностью международных отношений является то, что они совершаются «под сенью войны» [12]. Р. Арон противопоставляет упорядоченную внутреннюю политику государств хаотичным международным отношениям и утверждает, что различия сохранятся до тех пор, пока существуют государства. Много сделали для развития социологии международных отношений французские социологи Г. Бутуль, М. Мерль, Б. Бади, М.-К. Смутс, А. Турен [13].

В России социология международных отношений в настоящее время получила статус академической дисциплины. Предыстория отечественной школы берет свое начало еще в XVIII в. Возникновению русской школы исследования международных отношений предшествовали работы Н.И. Кареева [4], Л.И. Мечникова [8], Я.А. Новикова [9], К.М. Тахтарева [10], Н.Н. Головина [2]. Сам термин «социология международных отношений» был впервые введен в научный оборот в 1922 г. русским исследователем В.Ю. Ключниковым [5]. В своей работе он привлекает внимание к социальным закономерностям в мировой политике и показывает, что знание этих закономерностей позволит людям сделать историю рациональной.

Предмет социологии международных отношений – международный аспект жизни общества [6]. Народы постоянно взаимодействуют друг с другом. Проследить все контакты невозможно, поэтому социология международных отношений исследует наиболее важные и часто встречающиеся из них. Социологические исследования направлены на выявление таких закономерностей, которые можно использовать для рациональной организации международной жизни. Подобные закономерности проявляются только в течение длительного времени, поэтому для их обнаружения необходимы знание истории и системный подход.

Имеет международный аспект и классическая социология. В частности, она изучает международную мобильность (международные миграции), международные институты (правительственные и неправительственные организации, общественные объединения, транснациональные корпорации), а также международную стратификацию. Например, в международных отношениях принято стратифицировать страны на ядро, периферию и полупериферию [1]; богатый Север - бедный Юг [7]; страны Первого, Второго и Третьего мира [3].

В настоящее время, когда основными акторами мировой политики являются государства, международные отношения являются по преимуществу политическими. Поэтому с международными

отношениями тесно связана политическая социология, изучающая социальные механизмы власти и влияния на разных этапах формирования, функционирования и развития политической системы. Политическая социология подпитывается, с одной стороны, политологией, с другой – социологией. Она опирается на научные аппараты как социологии, так и политологии. Политическая социология исследует политические процессы со стороны гражданского общества, то есть изучает социальные и культурные закономерности.

В последнее время в социологию международных отношений стали активно проникать постпозитивистские теории. Это теории второго уровня, которые в качестве объекта исследования имеют не саму реальность, а теории первого уровня: классические позитивистские теории, такие, как политический реализм, либеральный идеализм и марксизм. Повышенное внимание постпозитивисты уделяют субъективной стороне реальности (в частности, соотношению сознательных и бессознательных компонентов в интерпретации международных отношений). Если классические теории международных отношений исходят из того, что объективные факты и субъективные ценности имеют диаметрально противоположную природу и поэтому должны изучаться различными методами, то постпозитивистские теории основаны на убеждении, что факты и ценности участников международных отношений одинаково являются социальными конструктами. Если классические теории свои основные усилия направляют на поиски причинно-следственных связей и закономерностей международных отношений, то с точки зрения постпозитивизма, причинно-следственные отношения в международных отношениях таковы, какими их мыслят, а, следовательно, конструируют люди. По мнению постпозитивистов то, что считается причиной в международных отношениях, ею и является. Все постпозитивистские теории делятся на радикальные и нерадикальные. К радикальным теориям относятся критическая теория международных отношений, постмодернизм и феминизм; а к нерадикальным теориям – историческая социология и нормативизм.

С социологией международных отношений тесно связана геополитика – наука, изучающая отношение общества к пространству. Предметом геополитики являются общества, цивилизации, ценности, установки, идентичности, культуры, религии и конфессии. Она изучает менталитет, демографию, уровень урбанизации, структуру социальных отношений, этнический состав, тип обществ. Ключевые понятия геополитики – «талласократия» (морская власть) и «теллуократия» (сухопутная власть) – явления в первую очередь культурные и цивилизационные, и только во вторую – политические и стратегические. Все общественные институты испытывают влияние пространства. Поэтому геополитика представляет собой метод социологического анализа международных отношений.

Подводя итоги, необходимо отметить, что долгое время – с 1648 г. в рамках Вестфальской мирополитической системы – главными акторами международных отношений являлись государства. Тот факт, что государство является политическим объединением людей, делал международные отношения политическими. Однако сегодня положение дел меняется. Наряду с государствами, все более активными на международной арене становятся новые транснациональные акторы: международные организации, ТНК, международные террористические группировки, общественные объединения и отдельные индивиды. Происходит своего рода «гибридизация» мировой политики, международные отношения все более социологизируются. В международных отношениях грядут глобальные изменения, последствий которых мы не знаем. В этой связи для изучения трендов мирового развития актуальность социологии международных отношений возрастает.

Библиографический список:

1. Валерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.
2. Головин Н.Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны. М., 1938.
3. Иноземцев Н.Н. (глав.ред.) Международные отношения после Второй Мировой Войны (в 3-х томах). М.: Госполитиздат, 1962–1965.
4. Кареев Н.И. Сущность исторического процесса. (в 8 тт.). СПб., 1911.

5. Ключников Ю.В. На великом историческом перепутье. 5 глав по социологии международных отношений. М., 2001.
6. Кутейников А.Е. Международные межправительственные организации: теоретико-социологический анализ. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012.
7. Лебедева М.М. Мировая политика. М.: Аспект-Пресс, 2007.
8. Мечников Л.И. Цивилизации и великие исторические реки. Географическая теория современных обществ. М., 1898.
9. Новиков Я.А. Международная политика. М., 1896.
10. Тахтарев К.М. Сравнительная история человеческого общества и общественных форм (в 2 т.). М., 1925.
11. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Социология международных отношений: анализ российских и западных теорий. М.: Аспект Пресс, 2007.
12. Aron R. Paix et guerre entre les nations. Paris, 1962.
13. Touraine A. Un nouveau paradigme. Pour comprendre le monde d'aujourd'hui. 2005.

ПРЕСТИЖ ПРОФЕССИЙ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Краснов А.Ю.

Социологическая наука давно обратила внимание на то, что в современном обществе профессии индивидов имеют разный престиж, а сами люди, имеющие ту или иную профессию, обладают неравным социальным статусом, пользуются различным уважением и обладают неодинаковыми материальными и символическими ресурсами. С развитием отраслей социологического знания проблема престижа различных профессий в обществе заняла одно из главных мест в социологии профессии. В настоящее время существует мнение, что основной особенностью, связанной с изучением престижа профессии человека, является то, что независимо от испытуемой группы, применяемой методики, объема выборки, а также времени и места проведения исследования, ранжирование престижности профессий во всех обществах остается приблизительно одинаковым.

Другой точкой зрения является утверждение, что рейтинг профессий хотя и сохраняется устойчивым в разных обществах, но в зависимости от различных социальных факторов все же имеет определенную динамику, что продолжает акцентировать внимание социологов на данной проблеме. Для российского опыта важным моментом является то, что основная масса исследований по выявлению престижа профессий проводилась в XX веке в западных странах. Это связано, прежде всего, с более ранним переходом этих стран к капиталистической экономике. В постсоветской и современной России подобные исследования практически полностью отсутствуют, в виду длительного ограничения свободных рыночных отношений, а также господства социалистической идеологии, долгое время запрещавшей широко и свободно освещать трудовое и социальное неравенство в советском обществе.

Изменения в социальных институтах современной России, а также появление и распространение в последние годы различных ценностей, технологий и образцов культуры, оказывает влияние на отношение людей к их трудовой деятельности, а также на выбор ими своей профессии.

Несложно заметить, что профессиональный статус личности по-прежнему является одним из основных достигаемых статусов в статусном наборе современного индивида, оказывая непосредственное воздействие на жизненные стратегии, установки, поведение, стиль и образ жизни человека, его отношение к труду, обществу и государству.

Однако в современном обществе можно наблюдать несколько взаимодополняющих тенденций в профессионально-трудовой сфере, которые непосредственно связаны с изучением престижа и статуса любых профессий: 1) снижение количества профессий, связанных напрямую с каким-либо производством; 2) динамичный рост творческих профессий и специальностей, использующих новые

информационно-коммуникационные технологии и работающих с информацией; 3) все более узкую специализацию и дифференциацию в традиционной профессии.

Актуальность изучения престижа профессий в современной социологии профессии в России заключается в том, что это позволяет выстраивать различные иерархические шкалы в соответствии с теми или иными критериями. Полученные шкалы могут использоваться в качестве интервальной независимой переменной в регрессионных и статистических моделях для дальнейших эмпирических исследований закономерностей.

Кроме того, изучение престижа профессии как компонента социального статуса индивида представляет также существенный интерес как самостоятельный предмет изучения в теории социологии профессии, в виду появления в последние десятилетия большого количества новых специальностей и ухода в прошлое ряда старых.

Наконец, сравнительный анализ престижа той или иной профессии не только дает возможность определить параметры стратификации в современном обществе, но и позволяет провести первичную образовательную и профессиональную ориентацию для молодых поколений.

АКТИВИЗАЦИЯ СУБЪЕКТНОГО СТАТУСА МОЛОДЕЖИ: МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ

Крокинская О.К.

Весной 2017 года в России состоялось новое открытие молодежи как социального субъекта. «Новое» – потому что в разных странах, в том числе, в России, такие открытия уже случались раньше (народники и народовольцы 70-х годов XIX века – главным образом, студенты, гимназисты и слушатели духовных семинарий) и позже, в Европе и Америке на протяжении второй половины XX века. «Открытие» – потому что кратковременные волнения так или иначе затухали, растворялись в рутинных социальных процессах, и снова выходили наружу, как правило, внезапно и с неожиданной повесткой дня. Вот и в наши дни, еще недавно пассивные, патерналистские, карьерные устремления молодых людей вдруг резко активизировались и изменили вектор.

Пользуются высоким спросом культурные программы, переполнены аудитории популярных лекториев, растет посещение интернет-ресурсов просветительского характера, и, наконец, молодежь неожиданно вышла на протестные акции, составив значительную долю их участников. Это новое состояние должно быть исследовано, причем предметом исследования должны стать не только (и не столько) мотивы протестной активности, сколько более общие, мировоззренческие (концептуальные) представления – как база, которая порождает то или иное поведение молодежных страт общества.

В мае-июне 2017 года в Российском государственном педагогическом университете им. А.И.Герцена в Санкт-Петербурге такое исследование было осуществлено. В опросе, проходившем в формате on-line, приняли участие студенты одиннадцати факультетов университета всех курсов, а также магистранты и аспиранты (в силу характера вуза выборка смещена в сторону девушек – 81% респондентов). Общее количество принятых к обработке анкет составило 488 единиц, абсолютное большинство из которых оказались зафиксированы в Google-форме за два дня, что само по себе говорит о высоком интересе студентов к текущей общественной ситуации и об их готовности ее обсуждать.

Для анализа были отобраны следующие основные индикаторы состояния общественной концептосферы, предположительно значимые для данного сегмента молодежной популяции:

Элементы мировоззренческих установок (идентификация социальных смыслов государства, ориентация в истории страны, характер необходимого исторического знания, интерпретация статуса великой державы)

Оценка текущей социальной ситуации (актуальные проблемы, доверие институтам, вектор движения)

Социально-гражданская самоидентификация молодежи (гражданственность как настроение, возможность влияния на реалии своей жизни, оценка общественной пользы гражданской активности)

Ниже представлены некоторые результаты исследования и его общие выводы.

Идентификация социальных смыслов концепта «государство». Массовое сознание страны вообще и мировоззрение ее молодых поколений плохо владеет основными категориями описания современного общества. В частности, в них слабо проработано понятие государства. Оно все еще понимается архаически и патерналистски – как некая сила, обеспечивающая все проявления жизни в стране. Это затрудняет понимание многих существенных основ жизни общества – таких, как закон, право, собственность, власть, права человека, – что создает предпосылки для закрепления установок с преобладанием конструкции «человек для государства» в ущерб пониманию государства как института, создаваемого обществом для решения проблем общества. В упомянутом выше проекте идентификация социальных смыслов государства замерялась с помощью метода ассоциаций. Частотное распределение ответов выявило два основных значения в понимании опрошенными социальных смыслов государства. Это обыденное понимание «государство как страна» и социально более компетентное понимание «государство как институт общества».

Анализ полученных данных показал, что концептосфера «государства» включает в себя смыслы и того, и другого понимания. При этом традиционное представление акцентирует позицию «народ», отдавая должное истории и культуре, а в области представлений «государство-институт» высокие места занимают концепты «закон» и «право», артикулировано также и собственно понятие института. Доля традиционных, обыденных представлений о государстве превышает долю институциональных, что говорит о еще недостаточном развитии зрелых представлений этой области социальных смыслов. Вместе с тем обращает на себя внимание очень малая степень персоналистских отождествлений государства: 12% ответов персонифицируют президента в концептуализации «государство-страна» и 16% ответов пост-президента в концептуализации «государство-институт». Опрошенные также не мыслят сегодняшний парламент как значимую государственную структуру.

Статус великой державы. Участники исследования имеют развитые представления о том, какой должна быть страна, имеющая статус великой державы. В этих представлениях на передний план выходят признаки развития экономики (81% ответов), культуры (73%), науки (62%), демократии (60%), благополучия народа (33%). Интересный эффект получен в результате смысловой дифференциации известного стереотипа о стране, которую одновременно «боятся и уважают». Выяснилось, что уважение многократно важнее, чем опасения, которые может вызвать великая держава. Концепт «уважение» собирает 63% ответов, концепт «боятся» – 4%.

Доверие группам и институтам. Одним из международно-признанных и постоянно измеряемых индикаторов социальных настроений является доверие в обществе. Для целевой группы данного исследования и – необходимо повторить – в ситуативных условиях протестной активизации высокий уровень доверия адресован только ближайшему окружению – семье (81% ответов) и друзьям (62% ответов), остальные позиции находятся в зоне среднего и низкого уровня доверия. По следующим позициям шкалы для определенной доли опрошенных фиксируется также отсутствие доверия вообще – телевидению (52%), церкви (48%, скорее всего из-за напряженного городского конфликта вокруг Исаакиевского собора), премьер-министру (39%), армии (34%), а также органам федеральной и местной власти (33%). С учетом измерителей «средний» и «низкий» общая структура показателя «доверие» выглядит следующим образом (рис.1)

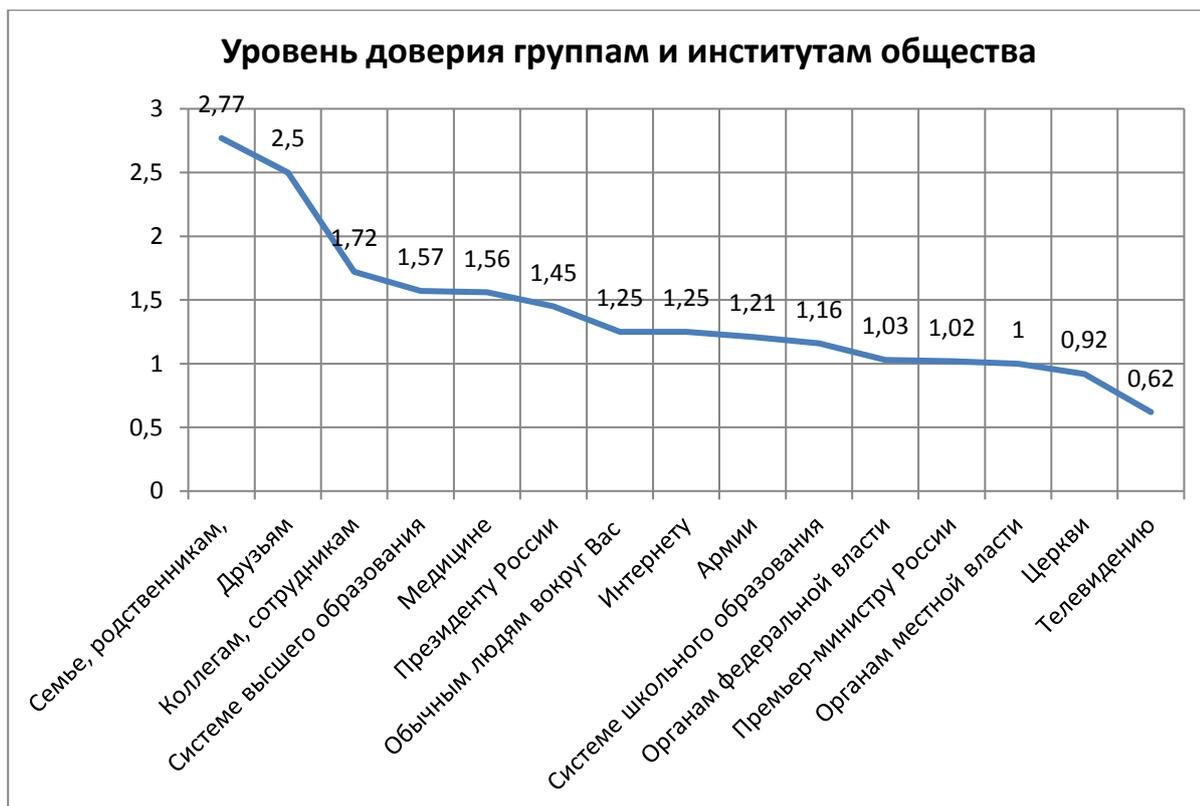

Рисунок 1 – Структура доверия группам и институтам общества. Рассчитано по критерию Лайкерта («среднее взвешенное») на шкале от 0 до +3

Социально-гражданская самоидентификация молодежи. Выявленное при опросе видение молодыми людьми общественных проблем, а именно: несовпадение идеальных представлений с реальностью, трудности доступа к решению личных и социальных проблем, высокий уровень недоверия чуть ли не всей окружающей действительности, кроме семьи и друзей, ощущение неподвижности среды и неясность будущего [1] – не могут не сказаться на позиции молодых людей по отношению к создавшейся ситуации в стране. Вероятно, именно эти обстоятельства способствуют пробуждению у них гражданского чувства и общественной активности, которые они считают в той или иной степени полезными для общества. Так, опрошенные готовы поддержать волонтерское движение, участие в выборах, участие в обсуждении проблем страны на разнообразных открытых дискуссионных площадках, работу общественных объединений и движений (НПО, НКО), а также участие в согласованных собраниях, митингах, шествиях и т.д.

Эти виды общественных практик назвали полезными от 70% опрошенных (о волонтерском движении) до 45-55% ответов о других выше названных видах активности. Беспольными их считают 20-25% респондентов. Одобрение более радикальной активности (участие в несогласованных мероприятиях, а также в акциях протеста против негативных явлений в жизни страны) свойственно меньшему числу респондентов. Их назвали полезными порядка 25-40% опрошенных. Обсуждение проблем страны в социальных сетях и вовсе не считается чем-то очень серьезным. Сомнения в их пользе выразили 30% опрошенных, назвали бесполезными 50%.

Общие выводы по проекту:

Понятие государства постепенно приобретает у студентов социально компетентный характер. Основными проблемами страны опрошенные считают коррупцию и бедность. При этом степень своего влияния на решение проблем государства, доступ к их решению они оценивают как низкие.

При сохранности высокого уровня доверия самому близкому окружению остальные позиции (школа, высшее образование, медицина, органы и персоны власти) находятся в области сниженных показателей.

На этом фоне для студентов плохо определяется вектор движения страны и характер будущего, в своих оценках они склонны констатировать застой, неясность перспектив и опасения, вытекающие из этой неясности. Все это, видимо, и стимулирует рост общественной активности студентов.

Наиболее полезными ее видами они считают волонтерское движение, участие в выборах, участие в обсуждении проблем страны на разнообразных дискуссионных площадках, поддержку общественных объединений и движений (НПО, НКО), а также участие в согласованных собраниях, митингах, шествиях и т.д. (45-55% ответов).

Из протестных лозунгов студенты склонны поддерживать требования в защиту образования, науки и культуры (порядка 60%), а также экологические и экономические требования. Политические лозунги собирают 20% сторонников.

Молодежь не поддерживает изоляции России от международного сообщества и высокоразвитых стран. В ее самоидентификации преобладают российские, глобальные и европейские культурные образцы.

Развитие страны, с их точки зрения, определенно зависит от участия в международных взаимодействиях.

Библиографический список:

1. Подробнее см.: Крокинская О.К. Некоторые мировоззренческие установки современных студентов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.academia.edu/33444067/>.pdf

СОЦИАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ С ДЕТЬМИ

Кузина И.Г., Панкова Н.В.

В сфере организации социальной помощи семье в Приморском крае в настоящее время осуществляется переход от категориального принципа оказания услуг к предоставлению услуг на основе оценки индивидуальной нуждаемости, что обеспечивает адресное, целенаправленное получение услуг семьями, которые нуждаются в конкретном соответствующем социальном содействии. Основные направления развития системы социального обслуживания и социального сопровождения в Приморском крае определены Федеральным законом от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», Государственной программой «Социальная поддержка населения Приморского края на 2013-2020 годы», региональной Моделью социальной помощи семьям с детьми.

В рамках реализации ФЗ № 442 в регионах развитие получили межведомственные и междисциплинарные подходы, обеспечивающие сотрудничество с социально ориентированными общественными и некоммерческими организациями, привлечение добровольцев к решению социальных проблем [2].

Практика оказания социальной помощи семьям с детьми показывает, что детское неблагополучие часто связано с кризисом в семье, нарушением ее структуры и функций, ослаблением воспитательных возможностей семьи, снижением уровня ответственности родителей по выполнению своих родительских обязанностей.

В связи с этим, актуальной задачей является формирование нового подхода к решению вопроса профилактики семейного неблагополучия, при котором в фокусе внимания оказывается не только работа с неблагополучными семьями, но и поддержка института семьи в целом, выявление семейного неблагополучия на более ранних этапах, укрепление ресурсов семьи, повышение родительской ответственности.

Решение проблем семьи требует системной работы, своевременной помощи разным целевым группам семей, вовлечения семей в получение всех видов помощи, предоставления междисциплинарной помощи от специалистов всех ведомств, что будет способствовать улучшению положения социально уязвимых категорий семей, решению проблем, требующих совместных межведомственных действий.

По инициативе Департамента труда и социального развития, при софинансировании Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в Приморском крае с 2016 года реализуется Комплекс мер по социальному сопровождению семьи. Порядок межведомственного взаимодействия утверждён трёхсторонним приказом от 02-03.08.2016 №481/46-сп/768-о Департаментов труда и социального развития, образования и науки и здравоохранения Приморского края, в рамках заключённого Соглашения между Администрацией Приморского края и Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации [3].

Система мероприятий по социальному сопровождению семьи в Приморском крае направлена на обеспечение эффективного межведомственного и внутриведомственного взаимодействия, профилактику и преодоление кризисных ситуаций в семье, помощь в создании условий для успешной адаптации и социализации детей, развитие внутренних ресурсов семьи, предоставление семье возможности участвовать в решении своих проблем.

Под социальным сопровождением понимают:

- новый вид государственной помощи семье;
- механизм, направленный на содействие семье в решении ее проблем;
- процесс, направленный на поддержание активной жизнедеятельности семьи;
- содействие семье в предоставлении медицинской, психологической, педагогической, юридической, социальной помощи, не относящейся к социальным услугам;
- деятельность, направленную на предоставление семьям, при возникновении нужды, различных видов помощи [1].

Целевыми группами здесь являются разные категории семей: замещающие семьи; семьи, воспитывающие детей-инвалидов; семьи, воспитывающие детей с ограниченными возможностями здоровья в возрасте до 3 лет; многодетные семьи; матери с новорожденными детьми, имеющие намерение отказаться от ребенка; семьи с одним родителем, воспитывающие несовершеннолетних детей; семьи, в которых несовершеннолетний ребенок находится в конфликте с законом; семьи беженцев и вынужденных переселенцев, приезжающие в Приморский край.

На базе 10 учреждений социального обслуживания семьи и детей созданы Территориальные службы социального сопровождения семьи, деятельность которых направлена на выявление семей, нуждающихся в социальном сопровождении, повышение уровня доступности и повышение качества разных видов помощи семьям с детьми.

В работе по социальному сопровождению семьи принимают участие специалисты разных ведомств, общественных организаций. На территории Приморского края начали работу Координационные советы по социальному сопровождению. Это межведомственные команды специалистов, задачей которых является определение степени нужды семьи в такой форме государственной помощи как социальное сопровождение и утверждение индивидуальной программы социального сопровождения семьи (с назначением ответственного куратора от ведомства).

Специалисты Служб сопровождения анализируют реабилитационный потенциал семьи и определяют, какие виды помощи нужны семье. Дальнейшая работа с семьей проходит при участии куратора случая, который координирует процесс социального сопровождения и осуществляет взаимодействие с другими ведомствами по оказанию помощи семье.

На базе КГБУСО «СРЦН «Парус надежды», с целью аккумулирования лучшего опыта, создан Ресурсный центр по социальному сопровождению семьи. Деятельность специалистов центра направлена на оказание информационно-методической поддержки Территориальным службам, ведение единого банка семей, нуждающихся в социальном сопровождении; развитие информационных ресурсов, позволяющих аккумулировать данные о семьях, находящихся на социальном сопровождении.

В рамках деятельности Ресурсного центра совместно с Департаментом труда и социального развития Приморского края подготовлены и внедрены в социальную практику информационно-методические материалы по социальному сопровождению, организованы межведомственные круглые

столы, заключены соглашения с партнерами по межведомственному взаимодействию: учреждениями системы здравоохранения, образования, УМВД, общественными организациями.

С целью оказания помощи специалистам и родителям открыт дополнительный информационный ресурс по социальному сопровождению семей с детьми на сайтах учреждений социального обслуживания семьи и детей Приморского края.

Для руководителей и специалистов территориальных Служб социального сопровождения семьи регулярно проводятся обучающие мероприятия, по запросу специалистов организуются консультации. С целью повышения профессиональной компетентности в 2016 году более 60 специалистов Приморского края прошли обучение на стажировочных площадках Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

В социальную практику работы с семьями внедрены современные социальные технологии, организованы консультационные пункты для семей разных целевых групп, выездные службы для замещающих родителей «Родительская приемная», социальные гостиные «Будущие мамы» для девочек-подростков, клубы по поддержке материнства и детства.

Для повышения эффективности социального сопровождения семей с детьми раннего возраста на базе двух учреждений социального обслуживания, КГБУСО «СРЦН «Парус надежды» и КГАУСО «Арсеньевский СРЦН «Ласточка», созданы службы ранней помощи. Это междисциплинарная технология, направленная на выявление причин, факторов риска и степени нарушений в развитии ребенка от 0-3 лет, решение трудностей в социализации через организацию взаимодействия «специалист - родители-ребенок», оптимизацию функционирования и успешной жизнедеятельности «особого» ребенка.

Экстренная помощь семье (ребенку) в ситуации кризиса, выявление семей, потенциально нуждающихся в социальном сопровождении, осуществляется специалистами службы Социальный патруль. Так, в 2016 г. осуществлено около 80 плановых выездов специалистов в семьи, находящиеся в социально-опасном положении и 17 экстренных выездов по сигналу о жестоком обращении с ребенком.

Свое развитие получили выездные формы помощи семье, которые обеспечивают доступность социальных услуг и других видов помощи жителям отдельных районов Приморского края. На базе всех учреждений социального обслуживания семьи и детей Приморского края успешно работают межведомственные мобильные бригады «Друг, помощник, консультант», которые оказывают консультативную помощь родителям, семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Социальное сопровождение наиболее эффективно в работе с семьями, готовыми к сотрудничеству со специалистами Служб, имеющими ресурс для решения трудной жизненной ситуации. Важной составляющей помощи семье является разделение ответственности за решение ситуации в семье с родителями, формирование осознанного родительства, активное участие семьи в решении ее проблем. В связи с этим, распространение в Приморском крае получили родительские клубы, группы взаимопомощи, Школы эффективного родительства, направленные на повышение активности родителей, укрепление ресурсов семьи.

Вовлечение семей в позитивную совместную деятельность снижает риск семейного и детского неблагополучия, что способствует распространению в социальной практике саллютогенного подхода, направленного на объединение ресурсов семьи, восстановление социальных связей.

Социальное сопровождение является перспективным направлением работы по оказанию помощи семьям с детьми. Раннее выявление семейного неблагополучия позволяет своевременно оказать семье все необходимые виды помощи (медицинскую, правовую, психолого-педагогическую, помощь в трудоустройстве и др.). Выход семьи из трудной жизненной ситуации становится возможным благодаря скоординированной работе специалистов разных ведомств, активному участию самой семьи, представителей общественных организаций. Партнерское взаимодействие куратора с семьей через проведение углубленной оценки причин трудностей, диагностику социальной ситуации

семьи позволяет повысить эффективность помощи, активизировать родительскую ответственность за детей, сохранить семью для ребенка.

Библиографический список:

1. Савченко В.В., Маяцкая Н.К. Проблемы формирования готовности специалистов социальной сферы к социальному сопровождению семей с детьми [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 2. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26367>;

2. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/

3. Об утверждении регламента межведомственного взаимодействия органов государственной власти Приморского края, организаций при предоставлении социальных услуг и (или) социального сопровождения на территории Приморского края: приказ Департамента труда и социального развития Приморского края от 4 декабря 2014 г. № 761 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/423980761>

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ПРИГРАНИЧНОГО ГОРОДА О ТЕРРОРИЗМЕ И ЭКСТРЕМИЗМЕ

Леонов А.К., Василенко Е.П.

Экстремизм и терроризм на сегодняшний день приобрели характер глобальных социальных проблем, которые требуют совместных межгосударственных усилий. В то же время случаи вербовки россиян в ряды террористических организаций требуют решений на локальном уровне. Такая вербовка – не одномоментный акт, а длительная целенаправленная идеологическая обработка личности. Поэтому необходимы ответные меры, в том числе аналогичного мировоззренческого характера, базирующиеся на научном подходе. В связи с этим становятся актуальными социологические исследования представлений молодежи о терроризме и экстремизме, оценок этих явлений и соответствующих поведенческих установок.

Можно выделить три подхода к пониманию терроризма: 1) научный, акцентирует внимание на объективных условиях, пробуждающих терроризм к жизни; 2) практический, определяет терроризм как стремление со стороны экстремистов и фанатиков разрушить сложившийся нормативный порядок и оказать влияние на легитимную власть; 3) критический, вводит понятие государственного терроризма со стороны США [1, с. 52-53]. Под экстремизмом понимают идеологию, которая позволяет и пропагандирует крайние, зачастую насильственные меры отстаивания своих взглядов, непримиримость и агрессию в отношении инакомыслящих. ПАСЕ обозначило экстремизм как форму политической деятельности, которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии [2, с. 21]. Таким образом, феномены терроризма и экстремизма взаимосвязаны, имеют социально-политические основания, выделенные представителями Франкфуртской социологической школы, которые акцентировали внимание на связи интолерантности и авторитарности. Под толерантностью понимают стремление и способность к установлению и поддержанию общности с людьми, которые отличаются в некотором отношении от преобладающего типа или не придерживаются общепринятых мнений [3, с. 22].

Приведем основные результаты социологического исследования представлений студентов Амурского государственного университета (АмГУ) о терроризме и экстремизме, проведенного в марте 2017 года. Предметная сторона проблемы: молодежь является наиболее уязвимой социальной группой для воздействия со стороны идеологии экстремизма и терроризма. Гносеологическая сторона проблемы: отсутствие актуальной социологической информации затрудняет эффективное правовое и патриотическое воспитание студентов вуза, снижает результативность противодействия распространению терроризма и идеологии экстремизма в молодежной среде. Объектом исследования выступили студенты очного отделения бакалавриата АмГУ. Предметом исследования стали представления студентов АмГУ о терроризме и экстремизме. Цель исследования: выявление

представлений студентов АмГУ о терроризме и экстремизме, а также их оценок данных явлений. Всего опрошено методом группового анкетирования 267 респондентов (18 академических групп); реализована стратифицированная выборка по курсам и факультетам с последующим перевзвешиванием данных.

Представления студентов о терроризме. Терроризм в сознании большинства студентов связывается с отрицательными феноменами (проявление жестокости, насилие, нарушение закона). Также, можно наблюдать ассоциативную связку «терроризм – религиозный фанатизм» (57%), что в некоторой степени возможно «подогревает» экстремистские настроения в сфере отношения к религиозным группам. Вместе с тем, такие определения, как «революционное движение» (20%), «борьба за свободу» (6%), «стремление сделать мир лучше» (2%) либо не носит явно негативной коннотации, либо связана с позитивным содержанием (таблица 1):

Таблица 1

Отметьте все характеристики, которые, на Ваш взгляд, подходят к определению терроризма	
проявление жестокости	80%
насилие	76%
нарушение закона	66%
религиозный фанатизм	57%
устрашение	50%
приверженность к крайним взглядам	32%
нетерпимость	25%
борьба за власть	24%
борьба этнических групп	24%
революционное движение	20%
борьба за свободу	6%
стремление сделать мир лучше	2%

74% опрошенных считают идеологию терроризма реальной угрозой российскому государству и обществу, что определяет в целом негативное эмоциональное отношение к данному явлению. По отношению к террористам преобладают отрицательные чувства (злость – 55%, желание противостоять – 39%), а также деструктивные (страх – 37%). Студенты чаще всего приписывают террористам следующие мотивы: религиозные принципы (50%), стремление ощутить власть над людьми (48%), идеологический мотив (47%). Также почти половина респондентов считает, что стремление совершать террористические акты связано с психическим заболеванием. Имеют место и условно «положительные» мотивы (месть за неблагополучие своего народа – 24%, стремление переделать мир – 20%), но это не значит, что студенты готовы оправдать действия террористов. Почти все опрошенные считают террористов преступниками, что согласуется с субъективным определением студентов: «терроризм – это нарушение закона». Четверть опрошенных не чувствует себя в безопасности (чаще девушки), что связано с их критическими оценками действий государства для решения проблемы терроризма.

Представления студентов об экстремизме. Чаще всего экстремизм студенты связывают с ростом уровня преступности среди молодежи (41%), также известны респондентам (но в существенно меньшей степени) и такие проявления, как разжигание межнациональной, межрелигиозной, социальной розни путем пропаганды, совершении незаконных действий, хулиганства и прочего (21%), распространение националистических, шовинистических, расистских и фашистских взглядов (15%), появление групп, обществ, пропагандирующих экстремизм (15%). По мнению респондентов, в целом для России проблема экстремизма весьма актуальна (актуальна – 85%, неактуальна – 10%) (вероятно, это связывается в сознании респондентов с многонациональностью нашей страны и напряженными социальными отношениями в отдельных регионах-республиках), для амурского же региона актуальна в гораздо меньшей степени (актуальна – 37%, неактуальна – 54%), а для Благовещенска – и вовсе неактуальна (таблица 2):

Таблица 2

Насколько актуальной, по Вашему мнению, является проблема экстремизма...			
	...для России в целом	...для Амурской области	...для Благовещенска
Актуальна	48%	5%	3%
Скорее актуальна	37%	32%	21%
Скорее неактуальна	10%	43%	41%
Неактуальна	0%	11%	20%
Затрудняюсь ответить	4%	10%	15%
ИТОГО	100%	100%	100%

Вероятно, такая оценка актуальности проблемы экстремизма в регионе и городе связана, во-первых, с отсутствием жесткого межэтнического и межрелигиозного противостояния, во-вторых, с постоянным соседством с иноэтнической общностью – китайцами (формируется толерантность на фоне постоянных межэтнических взаимовыгодных контактов), и, в-третьих, с уверенностью студентов в том, что данная проблема больше свойственна крупным городам и российским регионам Кавказа.

Наиболее часто в качестве причин экстремизма в России респонденты называли: нагнетание национальных, религиозных, политических противоречий в СМИ (31%), высокую степень неравенства в российском обществе (30%), низкую правовую культуру населения и недостаточную терпимость людей (29%), целенаправленное «разжигание» экстремистскими организациями националистической агрессии (28%). Необходимо обратить внимание на такие факторы, как неэффективность правоохранительных органов, миграционной политики, школьного воспитания, правового просвещения, решения проблем занятости, культурно-досугового обеспечения, а также низкий престиж политической власти: суммарно данные причины дают более 100%. Это значит, что многие студенты связывают нерешенность проблемы экстремизма в России с неэффективностью той или иной сферы деятельности государственных органов или же системной государственной неэффективностью в решении данной проблемы. Большинство (63%) респондентов возлагает решение данной проблемы на обобщенного Другого (общество), но не на самого себя. С одной стороны, это говорит о понимании студентами общественной значимости проблемы экстремизма, а, с другой, о нежелании брать на себя личную ответственность за решение. На правоохранительные органы надеется только треть студентов, а на региональные и местные власти – вдвое меньше. Это еще раз говорит о недоверии со стороны студенческой молодежи ни правоохранительным органам, ни государству в целом.

Подавляющее большинство студентов осуждают действия экстремистских организаций. С проявлениями экстремизма в повседневной жизни сталкивалось 13% опрошенных (юноши немного чаще девушек); с национальной, религиозной и иной дискриминацией лично сталкивались 27% студентов (также юноши несколько чаще девушек) (отметим, что в выборку попали только русскоязычные студенты, в выборке нет иностранных студентов). Десятой части респондентов доводилось лично участвовать в бытовых конфликтах на национальной почве (чаще юношам). Таким образом, терроризм в сознании большинства студентов связывается с отрицательными феноменами и реальной угрозой российскому государству и обществу, что определяет в целом негативное эмоциональное отношение к данному явлению. Студенты связывают экстремизм чаще всего с ростом уровня преступности среди молодежи и осуждают действия экстремистских организаций. Оценка актуальности проблемы экстремизма неоднозначна.

Библиографический список:

1. Ожиганов Э.Н. Профиль терроризма: природа, цели и мотивация // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 52-57.
2. Баева Л.В. Экстремизм: природа и формы проявления // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2008. № 3. С. 21-25.
3. Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 220 с.

РОССИЙСКИЕ СТУДЕНТЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Липатова М.Е.

С середины прошлого века начинается динамичное развитие социально-экономической, научной, культурной, политической и ряда других сфер общества, когда мы говорим о нарастании глобальных процессов в экономике, политике, культуре, природопользовании, социальной сфере, образовании и др. Глобализация, как всеобъемлющее явление и закономерный процесс, влияет на социальное и личностное бытие индивида в современном обществе. Трансформируются социальные институты, становящиеся одним из звеньев в общемировой сети, взаимосвязанные с социальными институтами других стран, народов, культур. Происходит становление общества, где наибольшая роль отводится человеку, владеющему информацией и знаниями, выступающему в качестве основного производственного ресурса. В этой связи всё большее внимание уделяется формированию навыков и развитию компетенций, связанных с умением работать с этими стратегическими ресурсами. Одним из инструментов, обеспечивающих адаптацию индивида к современным условиям, является образование.

Согласно докладу ЮНЕСКО «К обществам знания» [2], человек в современном мире живёт и действует в условиях, являющихся результатом третьей промышленной революции. Возникновение новейших технологий привело к появлению новой динамики. Изменения затрагивают различные сферы человеческой жизнедеятельности, осуществляются эволюционные трансформации и усиление взаимозависимости в профессиональной подготовке отдельных индивидов и целых групп, научно-технических достижений и форм культурного самовыражения. Особая роль в становлении нового типа общества, общества знаний, отводится так же образованию, а технические средства и доступ в Интернет выполняют вспомогательную роль.

Сегодня образование является одним из важнейших факторов общественного развития и особо выделяет функцию подготовки человека к деятельности в высокотехнологичной и информационно-насыщенной среде, стимулирует развитие творческих и коммуникативных навыков, а также формирует установку на обучение в течение всей жизни, на непрерывность образовательного процесса. Происходящие процессы интернационализации и интеграции в образовательной сфере делают её более открытой для международного сотрудничества. В этой связи серьёзные изменения касаются системы высшего образования, которое должно отвечать требованиям, предъявляемым современным обществом.

Россия всегда поддерживала международные связи и отношения с зарубежными партнёрами в сфере науки и образования, однако после распада Советского Союза и, в особенности, с активным включением в глобализационные процессы, характер этого взаимодействия перешёл на качественно новый уровень. Включение в формирование единого образовательного пространства, в значительной мере, связано с ориентацией на интеграционные процессы с европейской образовательной средой. С 2003 года наша страна присоединяется к Болонскому процессу и начинает процесс вхождения в единое общеевропейское образовательное пространство. Сегодня осуществляется приведение образовательных стандартов и образовательных программ к единым нормам, позволяющим различным национальным системам высшего образования поддерживать высокий уровень академической и студенческой мобильности. Наряду с этим, особое внимание уделяется координации стратегий развития образовательной и научно-исследовательской деятельности, развитию совместных образовательных программ, повышению качества образовательных программ и исследований в целом.

Неустойчивость и неопределённость социальной среды сегодня предъявляет свои требования к молодёжи, которая должна уметь справляться с непрерывным потоком социальных изменений, с быстро изменяющимися ситуациями, событиями и возникающими проблемами, успешно адаптироваться и действовать в условиях ускорения общественной жизни. В последние годы студенты стараются всё чаще выехать из страны с целью получения или продолжения своего образования в иностранном вузе. Такая поездка, отличительной чертой которой являются «добровольность,

краткосрочность, чёткий временной промежуток пребывания в стране, принадлежность к определённой возрастной группе, прибытие – с целью получения образования за рубежом» получила название «учебная миграция» [4, с. 220].

Согласно информации, представленной в бюллетене ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) «Краткий обзор образования 2017: Российская Федерация» [5], Россия занимает второе место среди стран ОЭСР и стран-партнёров по количеству человек, получивших диплом о высшем профессиональном образовании. Несмотря на то, что в РФ происходит переход на двухуровневую систему образования (бакалавриат – магистратура), значительное количество выпускников высшей школы завершают обучение по программам подготовки специалиста или эквивалентных им. В 2015 году доля студентов обучающихся по программам бакалавриата составила 49%. При этом, доля иностранных учащихся в России составила 3%, тогда как доля русских студентов, обучающихся за границей, составила менее 1%. Из всех стран, входящих в ОЭСР и стран-партнёров, только Бразилия и Соединённые Штаты имеют более низкий процент граждан, выезжающих за границу для учёбы.

Таблица 1 – Количество граждан России, обучающихся за границей [3]

Страна	2016	2012	2016 (%)	2012 (%)
Всего	56 328	50 642	100	100
Германия	9 953	9 480	17,7	18,7
Чехия	5 305	3 455	9,4	6,8
США	5 203	4 688	9,2	9,3
Великобритания	3 933	3 604	7	7,1
Франция	3 599	3 643	6,4	7,2
Финляндия	2 799	2 206	5	4,4
Италия	2 178	1 737	3,9	3,4

Получение высшего образования, которое рассматривается современной молодёжью как важнейший фактор достижения поставленных целей, материального благополучия, занимает важное место в жизненных планах молодых людей. Среди наиболее эффективных способов достижения успеха в жизни, наряду с работоспособностью (56,1%), наличием обширных связей (16,8%), готовностью действовать любыми способами (27,6%), респонденты отметили необходимость повышать уровень своего образования (35,5%) [1]. По результатам исследования ОЭСР среди населения России 25-64 лет, доля граждан, имеющих высшее образование, составляет 56%. По этому показателю наша страна занимает одну из высших позиций среди стран ОЭСР и стран-партнёров, что на 19% превышает среднее значение по исследуемым странам. При этом, как отмечают исследователи, лица с высшим образованием пользуются преимуществом на рынке труда. Уровень занятости среди получивших высшее образование в Российской Федерации в 2016 году составил 82%. Это на 2% ниже среднего показателя по странам-участницам ОЭСР. Среди лиц со вторым высшим образованием занятость составила 72% (на 3% ниже среднего показателя).

Современные глобальные процессы требуют разработки новых стратегических ориентиров развития образования. Сфера образования является одним из важнейших инструментов формирования человеческого капитала, обеспечивающего конкурентное преимущество страны, а также эффективным средством повышения качества жизни индивида. Возможность для молодых людей получить знания и опыт за рубежом стимулирует их к выезду за границу, однако ставит перед государством ряд задач. Одной из таких задач является предотвращение «утечки мозгов». Важно не только предоставлять возможность свободного перемещения для молодёжи, но и вернуть молодых специалистов обратно в страну, предоставить им возможности для самореализации.

Библиографический список:

1. Авторское исследование «Жизненные стратегии молодёжи» (2014-2015 гг.) (N=764).
2. Всемирный доклад ЮНЕСКО «К обществам знания». Париж, 2005.
3. Основные тенденции развития образования в современном мире. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.unipage.net/ru/student_statistics (дата обращения: 02.11.2017 г.).
4. Трофимов Е.А., Трофимова Т.И. Особенности учебной миграции в условиях глобализации / Тенденции и проблемы в экономике России: теоретические и практические аспекты [Электронный ресурс]: материалы всерос. науч.-практ. конф., 23 марта 2017 г. / под ред. С.А. Кургановского. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. 277 с. DOI: 10.17150/konf.2017.03.23.
5. OECD (2017), «Russian Federation», in Education at a Glance 2017: OECD Indicators, OECD Publishing, Paris. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/eag-2017-81-en>. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/education/education-at-a-glance-2017/russian-federation_eag-2017-81-en#page6 (дата обращения: 02.11.2017 г.).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНАХ СИБИРИ И ПРИМОРСКОМ КРАЕ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)*

Литвинова Т.Н.

Проблема политической активности молодежи является одной из самых сложных и актуальных в переходных обществах. В условиях трансформации политической системы и перехода общества к демократическим принципам управления особо остро встает вопрос о вовлечении в эти процессы молодого населения.

Цель настоящего доклада провести сравнительный анализ политической активности молодежи в регионах Сибири и Дальнего Востока на материалах социологических опросов, проведенных в Алтайском крае, Республике Алтай, Республики Бурятия и Приморском крае.

Политическое участие всегда рассматривалось западными исследователями как один из качественных критериев изучения исторически существовавших и современных политических систем, характеризующий не только механизм взаимодействия политических институтов, различных социально-экономических акторов, но и национально-культурные традиции, политическую культуру страны. Молодые люди, как и большинство граждан, могут участвовать в политике с различной интенсивностью, и степень их вовлеченности в какой-либо вид политической деятельности также различна.

Проведенные в России за последние годы исследования политической активности молодежи показывают, что пока она не высока. Институт социологии РАН проводит многолетнее исследование современной российской молодежи. Согласно данным проведенного исследования 2010 г., доля молодых людей, непосредственно участвующих в политической деятельности, варьируется в пределах 1% - 2%. Доля молодежи, активно интересующаяся политикой, остается на уровне 14%. Лишь 12,1% молодежи, участвовавшей в выборах, высказали мнение, что ныне российская избирательная система позволяет достаточно точно выразить волю народа. По мнению 51,5% – позволяет частично, 26,5% – не позволяет выразить [2, с. 135].

Согласно исследованиям, проведенным в 2011-2012 гг., по данным В.В. Петухова, на вопрос: «Участвуете ли Вы в политической жизни?», положительно отвечали лишь 2-3% опрошенных. Помимо традиционных форма участия (активных), часть молодежи включена в новые он-лайновые формы самоорганизации в различных социальных сетях (5%). Активно обсуждающих общественно-политическую жизнь с друзьями, родственниками и коллегами несколько больше – 19%. Но большинство молодежи России (75%), по их признанию, не испытывают интереса к политике [4, с. 248-249].

---

* Работа выполнена по гранту РГНФ – Министерство образования, науки, культуры и спорта Монголии (МОНКСМ) №15-23-03003 а (м) «Политическое участие и активность молодежи России и Монголии (сравнительный анализ)»

Таким образом, политическую активность молодежи России можно охарактеризовать как «созерцательную». Такой род активности не приведет к революционным изменениям, однако и не вселяет надежду на динамичные социальные изменения, и на то, что именно молодежь их возглавит. Такая низкая политическая активность наблюдается и в регионах России, в частности в Сибири и на Дальнем Востоке. Приведем данные некоторых социологических исследований.

Как показал опрос, проведенный Центром политического анализа и технологий Алтайского государственного университета в сентябре 2013 г., лишь 17,6% молодежи Алтайского края постоянно интересуются политической ситуацией в регионе, часто – 18,4%, редко – 48,4%. Аналогична ситуация и в Республике Алтай, где уровень заинтересованных политической жизнью оказался ещё ниже – 13,7%, часто интересуются политикой 14,7%, редко – более 50% опрошенных.

Исследователей также интересовали проблемы, которые в наибольшей степени вызывают озабоченность современной молодежи регионов Сибири. Как в Республике Алтай, так и Алтайском крае приоритетные проблемы молодежи одинаковы: 1) рост цен (62% в Алтайском края и 44,1% в Республике Алтай), 2) материальное обеспечение (43,2 и 36,2%) и, 3) развитие образования и культуры (34,8 и 29,4%). Вместе с тем различается доля молодых людей, назвавших в качестве серьезной проблемы безработицу. Почти в два раза чаще молодежь Алтайского края волнует проблема безработицы: 32,8% против 16,7% в Республике Алтай [5, с. 147].

Основным видом политической активности для молодежи являются выборы – в них участвуют 47,6% молодых людей Алтайского края и 36,2% молодежи Республика Алтай. Значительная доля молодежи как Алтайского края (42,8%), так и Республики Алтай (38,2%) вообще не участвует в каких-либо политических мероприятиях. Невысок уровень доверия среди молодежи двух регионов и к политическим партиям. В Алтайском крае им доверяет 4,5%, а в Республике Алтай 2% [5, с. 148]. В основе этих позиций лежит низкая оценка деятельности и недоверие органам власти и политическим институтам.

Не слишком отличаются от приведенных данных результаты исследования политической активности молодежи Республики Бурятия. В целях анализа электоральной активности и политических предпочтений социологической службой «Эйдос» был проведен опрос общественного мнения в Бурятии. Объектом опроса выступал молодежный электорат в возрасте от 18 до 30 лет. Опрос проводился с 17 по 30 октября 2011 года. Общее количество опрошенных составило 650 человек [1, с. 208]. Опрос показал, что около 30% респондентов постоянно реализует свое избирательное право. Среди них выше доля молодых женщин, чем мужчин. Распределение по виду занятости показывает, что электоральная активность среди работающих намного выше, чем у безработных: ответ «постоянно участвую в выборах» дали 65% работающих и лишь 44% безработных [1, с. 209]. То есть показатели электорального участия среди молодежи Республики Бурятия довольно низкие.

Для выявления уровня доверия электората политическим партиям исследователи включили в анкету вопрос: «Какие из нижеперечисленных партий в большей степени отражают интересы таких людей, как Вы?». Распределение ответов на данный вопрос показало, что, по мнению молодежи, ее интересы в первую очередь отражает политическая партия «Единая Россия» (63%), во вторую – «Справедливая Россия» (24%), затем – «ЛДПР» и «КПРФ» по 14%. Таким образом, политические предпочтения молодежи республики в целом совпадают с мнением российского электората, что и демонстрируют последние избирательные кампании.

Данные опроса показали заметные гендерные различия среди приверженцев «Единой России», «ЛДПР» и протестного электората. Среди протестного электората и сторонников «ЛДПР» выше доля мужчин, а среди сторонников «Единой России» преобладают женщины. При рассмотрении ответов в зависимости от вида занятости можно отметить более высокий процент сторонников «ЛДПР» среди безработных и протестного электората. В антирейтинге партий заметное лидерство у «ЛДПР» (38%) и «Яблока» (31%). Наименьший процент отрицательных оценок у партии «Справедливая Россия» [1, с. 210].

Таким образом, среди учащейся молодежи Республики Бурятия, также как в России в целом, преобладает «созерцательная» политическая активность, которая сосредотачивается только на участии в выборах в качестве избирателей.

В конце 2014 года проводились опросы студенческой молодежи вузов Приморского края, в которых приняли участие 544 человека. Опросы выявили крайне слабую социально-политическую активность. Ожидаемыми стали результаты ответов на вопрос анкеты: «Состоите ли вы членом какой-либо молодежной организации или движения (укажите, какой именно)?». Около 80% студентов ответили, что не состоят ни в каких общественных организациях и движениях, 7% указали членство в волонтерском корпусе, 4% – участие в движении студенческих отрядов, состоят в молодежных центрах – 2% и являются членами политических партий 1%. Большинство студентов вообще не понимали, о чем их спрашивают [3, с. 140-141].

Вызвал затруднение у студентов открытый вопрос анкеты: «Какая политическая партия наиболее отвечает вашим политическим взглядам?» Так, 29% студентов не указали никакой политической партии. Среди партий очевидным лидером по популярности среди молодежи является «Единая Россия» – 48%, ЛДПР привлекает внимание 12, КПРФ – 4 и «Справедливая Россия» – 3% респондентов. При этом студенты мало знали о программах современных политических партий и в большей степени ориентировались на публичные выступления их лидеров [3, с. 141].

Наиболее значимыми проблемами молодежи студенты Приморского края считают трудоустройство выпускников и жилищный вопрос. Важнейшей проблемой студенты считают неблагоприятную ситуацию с образованием в стране, которая представлена тремя родственными проблемами: отсутствием условий для самореализации, коммерциализацией образования, низким уровнем образования [3, с. 142]. В целом результаты социологических исследований в регионах Сибири и в Приморском крае показали низкую заинтересованность молодежи в политической жизни при сходстве общих проблем социального характера: проблемы материального благополучия и трудоустройства.

Социальные и политические устремления очень важны для молодежи, они способствуют их развитию в самостоятельных граждан, выступают одним из важных внутренних факторов социального развития. Эти стремления обычно зависят от фактической социальной среды, в которой растет человек, а также субъективных факторов и социального поведения.

Нежелание реализовывать своё активное избирательное право можно объяснить низким уровнем доверия к политическим деятелям и партиям, низким уровнем осведомленности, что объединяет результаты всех проведенных социологических исследований в регионах Сибири и в Приморье.

Библиографический список:

1. Будаева Ц.Б., Будаева Д.Ц. Электоральная активность и политические предпочтения молодежи Республики Бурятия // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 6. С. 208-211.
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. Второе издание, дополненное и исправленное. М.: Институт социологии РАН, 2010. 592 с.
3. Мартышенко Н.С. Повышение уровня политической активности как важнейший элемент молодежной политики региона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 2. С. 139-150.
4. Россия и Китай: молодежь XXI века / отв. ред. М.К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. М.: Новый хронограф, 2014. 424 с.
5. Шашкова Я.Ю., Дерендяева А.Д. Российская молодежь в институциональных трансформациях: детерминанты неучастия // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 145-149.

ИНФРАСТРУКТУРА ОБЪЕКТОВ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА: АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

Макарчук В.А.

Развитие физической культуры и спорта определено в качестве одного из важных ориентиров национальной политики. За последнее десятилетие в нашей стране произошло принятие ряда нормативно-правовых актов, что стимулировало усиление внимания властей федерального, регионального и муниципального уровней к проблеме формирования у населения установки на здоровый образ жизни, в т. ч. посредством занятия физической культурой и спортом. В 2013 году происходит возрождение нормативов ГТО («Готов к труду и обороне»). 24 марта 2014 года Президент России подписал указ, которым постановил до 15 июня 2014 года утвердить Положение о Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне (ГТО)» [1].

Естественно, серьёзные занятия спортом и физической культурой требуют организации соответствующей инфраструктуры. Строительство спортивных объектов осуществляется в рамках Федеральной целевой программы (ФЦП) «Развитие физической культуры и спорта в РФ» на 2006 – 2015 гг., действие которой было продлено на 2016 – 2020 гг., и аналогичных программ субъектов РФ. Ряд отечественных исследователей отмечает региональные диспропорции в создании объектов социальной инфраструктуры, в т. ч. объектов культурно-досугового и спортивного назначения, объясняя данный факт социально-экономическими и социально-культурными особенностями субъектов РФ [2, 3, 4, 5].

Наибольшее количество объектов спорта вводится в Центральном, Приволжском и Сибирском федеральных округах. По данным ФЦП, на конец 2014 года обеспеченность спортивными сооружениями в РФ составляла: бассейнами – 9,7 %; плоскостными сооружениями – 29,7 %; спортивными залами – 60,4 %. Наименее обеспеченными спортивными сооружениями оказались Северо-Кавказский и Крымский федеральные округа.

Объем финансирования ФЦП на 2016 - 2020 годы составил 94,33 млрд рублей, в том числе:

- за счет средств федерального бюджета - 73,98 млрд рублей;
- за счет средств консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации - 15,85 млрд рублей;
- за счет средств внебюджетных источников - 4,5 млрд рублей [6].

Дальний Восток отнесен федеральной целевой программой к числу регионов, нуждающихся в дополнительном финансировании объектов для занятий населения физической культурой и спортом. Однако Дальний Восток фигурирует всего в двух пунктах реализации программы. В первом случае среди прочих федеральных округов в ДФО предусматривается строительство инфраструктуры федеральных спортивно-тренировочных центров для подготовки спортсменов сборных команд Российской Федерации по видам спорта, включенным в программы Олимпийских и Паралимпийских игр, в условиях различных природно-климатических зон. Второй случай касается строительства и реконструкции более 400 объектов на общую сумму более 94 миллиардов рублей, в том числе: 255 малобюджетных (до 100 млн руб.) объектов спорта; 30 центров спортивной подготовки в субъектах РФ; 17 федеральных центров спортивной подготовки; 30 физкультурно-оздоровительных комплексов в Дальневосточном, Северо-Кавказском и Крымском федеральных округах.

Проанализируем динамику и состояние объектов спортивной инфраструктуры Дальневосточного федерального округа на примере Приморского края. В таблице 1 представлены данные о количестве спортивных объектов за период с 2005 по 2015 гг. [7].

Таблица 1 – Динамика спортивных объектов в Приморском крае

Объекты	Годы		
	2005	2010	2015
Стадионы с трибунами на 1500 мест и более			
Абсолютные значения	28	31	29
Относительные значения	72,706	63,113	66,666
Плоскостные спортивные сооружения (площадки и поля)			
Абсолютные значения	1529	1849	1953
Относительные значения	1,331	1,058	0,989
Спортивные залы			
Абсолютные значения	959	1121	1088
Относительные значения	2,123	1,745	1,777
Плавательные бассейны			
Абсолютные значения	32	44	51
Относительные значения	63,617	44,466	37,908

Для получения объективной картины абсолютные показатели количества сооружений были переведены в относительные. Для этого количество объектов было разделено на численность населения региона. Численность населения Приморского края на 2005 год составила 2 035 774 человека, в 2010 году – 1 956 497 человек, в 2015 году – 1 933 308 человек.

В целом просматривается повышение количества спортивных объектов на территории Приморского края за период 2005-2015 гг., также из-за сокращения численности населения в крае идет снижение количества человек, приходящихся на один спортивный объект. Можно отметить большую загруженность стадионов и бассейнов в сравнении с загруженностью спортивных залов, площадок и полей.

На следующем этапе исследования нами будет проанализирована финансовая и территориальная доступность объектов инфраструктуры спорта и физической культуры по районам Приморского края. Для этого наряду с инструментом анализа статистических данных будут привлечены материалы экспертных интервью.

Библиографический список:

1. Нормативные акты. Указ президента РФ В.В. Путина о ГТО 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gto-normy.ru/ukaz-prezidenta-rf-putina-o-gto/>
2. Филипова А.Г., Еськова А.В., Инзарцев А.В. Социальный потенциал региона: Опыт использования кластерного анализа // Регионология. 2017. № 3. С. 438-456.
3. Филипова А.Г. Социальная инфраструктура региона и проблема развития социального потенциала детства // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Практики заботы в современном обществе». Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2017. С. 260-267.
4. Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Экономическое благополучие в оценках жителей Дальневосточного региона России (на материалах Приморского края) // Вестник института социологии. 2016. № 1 (16). С. 12-26.

5. Смирнова Е.С., Иващенко Я.С. Механизмы социокультурной динамики культуры детства коренных малочисленных народов Дальнего Востока России // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2014. № 2(7). С. 26-29.

6. ФЦП «Развитие физической культуры и спорта в РФ» на 2016 – 2020 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.minsport.gov.ru/activities/federal-programs/2/26361/>

7. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p/Main.htm

МОЛОДЕЖЬ И ПРОТЕСТ: ОПЫТ АНАЛИЗА ПРОТЕСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРИМОРСКИХ СТУДЕНТОВ

Марин Е.Б.

Предметом нашего краткого очерка является молодежь как значимый актор в социально-политическом пространстве Приморского края. Ниже приведены некоторые выводы, сделанные нами на основе анализа политических практик и тенденций политического сознания приморских студентов.

В 2014 г. нами было проведено пилотажное исследование политического участия студенческой молодежи Владивостока. Предметом этого исследования являлось политическое участие студентов и курсантов одного из вузов города - Морского государственного университета им. Г. И. Невельского. В ходе эмпирического исследования было опрошено 100 респондентов: 40 курсантов 4 курса судоводительского факультета и 60 студентов 1-5 курсов очной формы обучения.

Проведенное исследование позволило, прежде всего, апробировать новый инструментарий для изучения политического участия, отработать свой дизайн исследования.

Классификации видов политического участия были предложены Л. Милбрайтом а также М. Каазе и А. Маршем. Л. Милбрайт выделил две основные разновидности политического участия: конвенциональное (то есть законное, соответствующее принятым нормам) и неконвенциональное (отступающее от признанных норм нарушающее закон). Он выделил далее четыре основных вида конвенционального политического участия [1, с. 27-34]. Эти и другие типологии учитывались при разработке анкет для измерения политического участия молодежи.

Опыт протестов в России затрагивается в работах многих авторов, прежде всего, таких как Ю. А. Красин, Д. Волков, М. М. Назаров [2; 3; 4; 5]. Теоретические и методологические подходы к анализу социального протеста анализирует в своей работе Е. Н. Соломатина [6, с. 103-107].

На основе теоретических взглядов отечественных авторов нами были разработаны две анкеты для анализа политического участия молодежи. При их конструировании некоторые формулировки вопросов были позаимствованы нами из анкет ВЦИОМ, созданных для измерения политической активности россиян.

Проведенный пилотажный опрос позволил выявить ряд устойчивых и значимых черт политического участия. Так, у студенческой молодежи города был выявлен высокий уровень готовности к протесту.

Еще одним значимым аспектом явления, выявленным в ходе пилотажного исследования, являлась готовность участвовать в выборах и опыт такого участия у значительной части молодежи. Не менее важным оказалось устойчивое нежелание участвовать в политике у другой части опрошенной молодежи. Причины абсентеизма заслуживают дальнейшего изучения.

Опрос отразил и низкие показатели участия студентов в деятельности партий и движений. Социальная активность молодых людей оказалась в малой степени связана с этими конвенциональными формами участия.

По результатам пилотажного исследования политического участия студентов на основе двух первых анкет была создана обобщенная анкета «политическое участие и потенциал протеста». Она была использована в мае-июне 2017 г. для проведения основного этапа исследования. Ниже мы представим некоторые результаты данного опроса. Полностью его результаты будут опубликованы позднее.

В ходе исследования был опрошен 251 студент вузов Приморья: Дальневосточного федерального университета, Морского государственного университета им. Г.И. Невельского и филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находке.

В анкету мы включили три блока вопросов: отношение к политике государства, отношение к социальному протесту и опыт политического участия в разных формах (а также мотивация участия и абсентеизма).

Удовлетворенность политикой государства. Прежде всего, обращает на себя внимание большой процент недовольных политикой государства: так или иначе не удовлетворены политикой государства 53,5% опрошенных. И только меньшая часть опрошенных студентов (29,8 %) удовлетворена государственной политикой.

В связи с таким высоким уровнем неудовлетворенности политикой государства, не вызывает удивления и то, что 12,9% молодежи готовы принять участие в акциях протеста в ближайшем будущем. Еще 16,1 % молодых людей поддерживают акции протеста, но сами участвовать в них пока не готовы.

Факторы протеста. Одним из наиболее значимых вопросов, ответы на который мы пытались найти в ходе нашего исследования, является вопрос о факторах и детерминантах протестного поведения. Исходя из предположения, что протестная активность является ответом молодежи на те или иные проблемы общества, значимые в данный момент, мы составили перечень актуальных для российского общества проблем и предложили нашим респондентам оценить свою готовность участвовать в акциях протеста в связи с каждой из данных проблем (см. табл. 1.).

Табл. 1. Ниже перечислены актуальные проблемы общества. Оцените свою готовность участвовать в акциях протеста в связи с каждой из данных проблем, от 1 балла (не готов участвовать), до 7 баллов (безусловно, готов участвовать).							
	1	2	3	4	5	6	7
1) проблемы в экономике, кризис, низкий уровень жизни населения	14,5 %	7%	15,%	16,1 %	14,1 %	13,3 %	17,7 %
2) проблемы в социальной сфере (невыплата зарплат, стипендий и пр.)	9,4 %	7,8 %	9,8 %	22,8 %	15,3 %	14,9 %	18,9 %
3) проблемы в сфере безопасности (теракты, преступность и т.д.)	18,1 %	8,2 %	16,1 %	17,34%	14,1 %	8,2%	16,1 %
4) проблемы в правовой сфере (ущемление прав, коррупция)	16,1 %	7,8 %	9,4%	15,7%	18,1 %	11,8 %	20,8 %
5) проблемы в силовых ведомствах (дедовщина, произвол полиции и пр.)	25,2 %	13,7%	14,1 %	16,9 %	13,3 %	5,9 %	9,4 %
6) проблемы в политической среде (кризис власти, просчеты политиков)	25,9 %	7,4 %	18,5 %	17,7 %	11%	7,4 %	10,6 %
7) проблемы в национальной и религиозной сфере (защита своей нации и пр.)	31,8 %	9,4%	11,8%	18,1%	10,2 %	6,7 %	10,2 %

Как видно по результатам, представленным в таблице, в наибольшей степени беспокоят молодежь проблемы в социальной, а также в правовой сфере. Соответственно, эти сферы наиболее чувствительны для молодых людей, а также являются важными факторами протестных настроений. Обострение социальной обстановки (например, невыплата зарплат, стипендий и пр.), может вызывать увеличение протестных настроений и волну протестной активности молодых людей. Такое же значение могут иметь проблемы в правовой сфере (нарушение прав человека, коррупция). Для удобства восприятия мы просуммировали высокие показатели (6 и 7 баллов), по каждому из семи факторов протестного поведения. Результаты представлены в диаграмме 1.

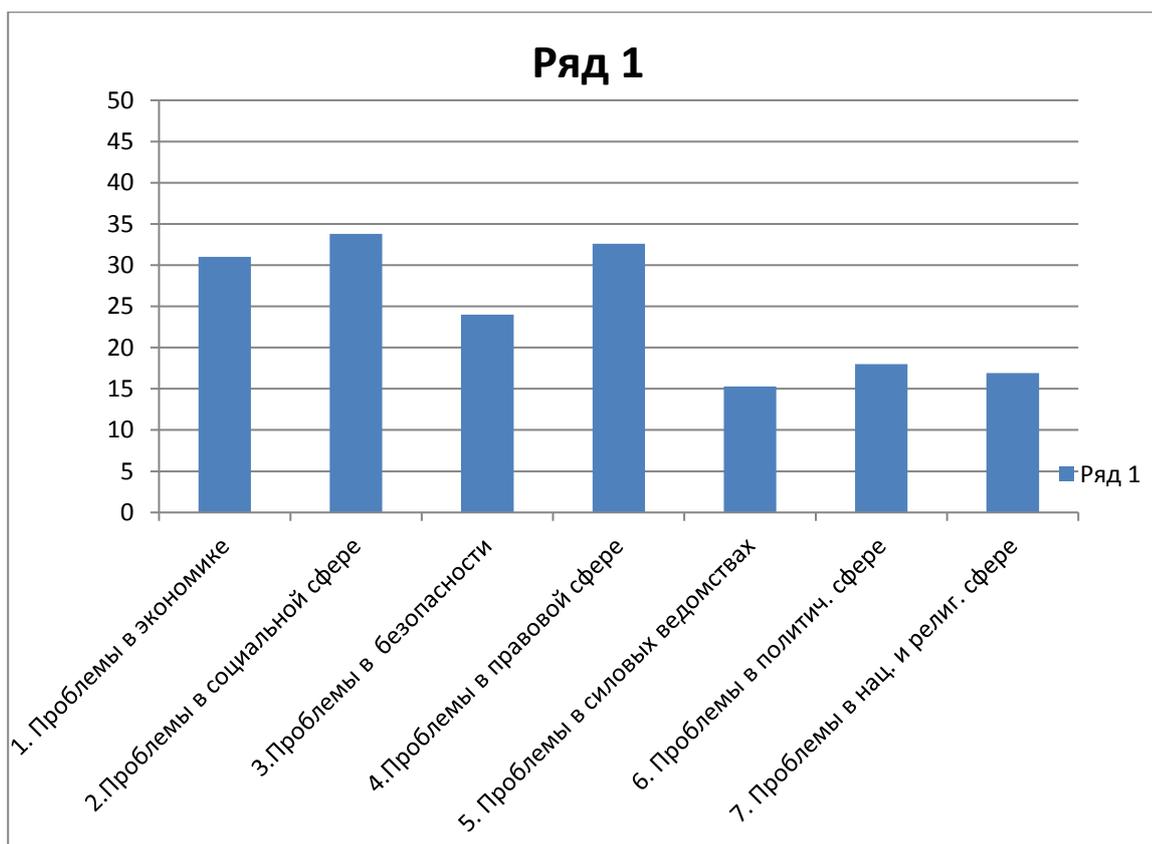

Диаграмма 1 – Сумма значений высоких показателей готовности к протесту (общая сумма значений баллов 6 и 7)

Таким образом, как показал данный опрос, у студенческой молодежи края оказался довольно высокий уровень готовности к протесту. Если произойдут массовые выступления против падения уровня жизни, в защиту своих прав, значительная часть молодежи может поддержать эти выступления. О готовности поддержать такие выступления в ходе данного опроса заявил 31 % респондентов.

Главные проблемы, которые смогут заставить студенческую молодежь принять участие в массовых акциях протеста — проблемы в социальной, а также в правовой и экономической сфере.

Несмотря на то, что, как показали другие данные опроса, заинтересованность в активности в политике в таких конвенциональных формах как участие в партиях, работа в общественных движениях, у молодежи низкая, а отношение к выборам противоречивое, потенциал протеста существенный. Как представляется, это сигнал российскому государству о необходимости пересмотреть свою молодежную политику и сделать все для поддержки российской молодежи в ее желании реализовать свои интересы и потребности в жизни.

Библиографический список:

1. Milbrath L.W. Political Participation // The Handbook of Political Behavior. Vol. 4. / N.Y. – London: Longman Publishing Group, 1981. P. 69-174.
2. Омельченко Д. А., Максимова С. Г., Гончарова Н. П., Ноянзина О.Е. Молодежный взгляд на политические протесты: границы легального и нелегального // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 3-2. С. 145-147.
3. Волков Д. Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 гг.: запрос на модернизацию политических институтов// Вестник общественного мнения. 2012. № 2 (112). С. 73-86.
4. Назаров М.М. Политический протест: опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 47-59.
5. Красин Ю. А. Феномен уличных протестов и колея российского выбора // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3. С. 92-99.
6. Соломатина Е.Н. Социальные протесты в современном мире: социологический анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2014. № 1. С. 103-107.

УНИВЕРСИТЕТ КАК ЦЕНТР ВОСПРОИЗВОДСТВА И НЕПРЕРЫВНОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РЕГИОНА

Мищенко А.С.

Наши исследования и опыт участия в различных научных форумах показывают, что эдукационные институты всё сильнее проникают в жизнедеятельность региональных структур общественного производства. Благодаря этому обновляются его технологические, профессиональные и гуманитарные компоненты. Создаются предпосылки для восстановления утраченных промышленных мощностей и создания новых. Расширяется ресурсная база территориального развития и т.д. Тем самым обеспечивается переход от прошлых технологических укладов к производственному аппарату завтрашнего дня.

В этой деятельности для университетов одной из важнейших выступает задача обновления профессиональных компетенций специалистов. При этом университеты предстают участниками воспроизводства и непрерывного развития не только человека – профессионала, но человека – актора культуры. Решая данную задачу, университет научается максимально полно учитывать мотивацию и нравственные установки конкретных людей, удовлетворять их интересы и потребности. А это позволяет обучающимся эффективно выстраивать свою профессиональную карьеру и жизненные стратегии.

Данные цели достижимы лишь при условии превращения университетов в региональные центры постдипломной подготовки и непрерывного повышения квалификации работников. Основой данного процесса выступает обострившаяся конкуренция за человеческие ресурсы развития общества. В настоящее время специалисты и профессионалы широкой квалификации, шаг за шагом, постепенно превращаются в главный капитал отечественной экономики.

Число подобных задач огромно, но памятуя о необходимости быть кратким, остановимся в данной работе на пяти таких задачах.

На наш взгляд, первая из таких задач связана с созданием механизмов стимулирования инновационного развития нашей экономики, а также условий для превращения непрерывности роста знаний и профессиональных компетенций специалистов в особую ценностно значимую константу общества. Здесь требуется целый комплекс мер, которые позволят расширить финансирование сферы высшего и постдипломного образования. Дело в том, что в современных условиях возникают определённые трудности при оценке экономической отдачи от его ресурсообеспечения и развития, особенно в краткосрочной перспективе. Это происходит потому, что сами экономические результаты развития непрерывного образования носят мультинаправленный, зачастую скрытый на поверхности, трудно измеряемый и неожиданный характер. Эти эффекты мы вычислять пока не умеем. Это, с одной стороны, как мы уже указывали в одной из своих работ, деформирует механизмы финансирования

эдукационной сферы социума, а с другой стороны, мешает осознать, что она отражает определённый важный сегмент производительного труда всего российского общества [1, с. 250].

Вторая важнейшая задача развития университетом непрерывного образования – его интеграция с региональным производством. Деятельность университета может считаться эффективной, если она, наряду с прочими своими задачами, способствует формированию карьерных лифтов между социальными группами и стратами современного гражданского общества. Результативное выполнение университетом данной миссии приводит к увеличению масштабов социальных перемещений, повышению мобильности человеческого капитала того или иного региона, способствует его конкурентоспособности, росту культурного и технического уровня совокупного работника, что в конечном счете изменяет систему интересов и потребностей специалистов как субъектов рыночной экономики. Это, как ничто иное, может придать конкретной территории особую социальную и культурную динамику.

Повышение эффективности эдукационной интеграции университета и производственных структур региона невозможно без понимания того, что оба данных субъекта – это интегрированные между собой подсистемы. Первая подсистема – университет и вторая – производственные структуры в лице кадровой службы отвечают за реальные циклы профессиональной жизни и карьеру специалистов конкретных предприятий. Обе подсистемы воспроизводят, наращивают и обеспечивают реализацию человеческого капитала предприятий, но они имеют различные интересы, используют разные технологии, методы и способы динамизации квалификационного роста работников.

Третья задача совершенствования непрерывного образования в университете непосредственно связана с построением системы воспроизводства и развития человеческого капитала. Как мы полагаем, для решения данной задачи необходимо сформировать механизмы, благодаря которым университет сможет полноценно интегрироваться в структуры производственного аппарата региона. Для этого он, как центр непрерывного образования, должен научиться эффективно продвигать новую научную информацию в производственные сферы, тем самым не только участвовать в повышении эффективности воспроизводства и развития человеческого капитала, но и непрерывно переосмысливать меняющиеся потребности и интересы общественного прогресса.

Четвертой важнейшей задачей развития непрерывного образования является его гуманитаризация – кардинальный поворот к человеческому в специалисте и профессионале. Современная организация непрерывного образования объективно эволюционирует от доминирования излишней технологичности ко всё большему распространению в нём гуманитарных подходов. От воспроизводства рабочей силы, к производству полноценной личности. Усиление гуманитарных доминант в непрерывном профессиональном образовании обычно происходит по разным направлениям. Оно требует новых профессоров и преподавателей, способных выполнить такую сложную образовательную задачу.

Повышение значимости гуманитарных компонентов в непрерывном образовании специалистов означает следующее: их постдипломная подготовка всё больше опирается на осознание ими новых смыслов и ценностных измерений трудовых отношений и результатов реального производственного процесса. Их профессиональная подготовка должна резюмироваться не в их ориентации «на больший вклад и затраты», а в их устремлённости на вполне конкретный осязаемый «экономично достигнутый результат». Только это позволит работникам максимально эффективно и многомерно раскрыть свой трудовой потенциал уже на рабочем месте; превратиться в актора преобразования социально-экономических отношений реального производства, а также – участвовать в развитии его ценностных и культурных констант. В этом смысле гуманитаризация непрерывного образования становится инструментом формирования у специалистов потребности и заинтересованности жить в горизонте личности – профессии – гражданского самостояния, максимально реализовывать свой человеческий капитал.

Пятая задача развития непрерывного образования – это формирование личности в рамках евразийской доминанты [2; 3]. В современных условиях такое его развитие имманентно пронизано

необходимостью усиления в нём не только европейского, но и евразийского компонента. Это обусловлено как общемировыми, внешними, так и внутренними обстоятельствами общественного развития нашей страны. Евразийская доминанта непосредственно связана с включенностью российской высшей школы в жизнь постсоветских республик: широко подготовленные специалисты должны быть способными к деятельности на территории всего евразийского содружества. Все это должно органично вжидаться на соответствующей системе ценностей и профессионально-творческом потенциале специалистов. Университеты должны не только транслировать российские ценности, но и быть открыты для ценностей наших многовековых соседей. Последнее обстоятельство способствует возникновению личности нового столетия. В ней должны отразиться реалии единого евразийского гражданского общества.

Итак, эффективность эдукационной системы в области постдипломной подготовки специалистов должна вжидаться на сложной системе отношений с рыночными структурами региона. Университет может способствовать изменению их ключевых компетенций и квалификаций, обеспечивая тем самым предприятия и фирмы преимущество на конкретном рынке товаров и услуг, в конкретной отрасли и сфере производства; укреплять их деловой и общественный имидж, способствовать развитию их внутрикорпоративных традиций и т.д. Создавать синергетический эффект от соединения своих возможностей и возможностей предприятий на той или иной конкретной территории.

Для этого, как показывает наш исследовательский опыт, университеты должны овладеть диверсифицированными, вариативными и высококомобильными технологиями постдипломной подготовки специалистов. Последние должны помочь сформировать у них новые системы ценностных ориентаций, их человеческий капитал. Иначе говоря, современные университеты должны превратиться в центры, формирующие идеологию перехода современного российского гражданского общества с индустриального на постиндустриальный уровень развития. В основе данных процессов должна находиться деятельность, опирающаяся не только на имеющийся, но и на требующийся в ближней и далёкой перспективе человеческий капитал.

Такое – будущее – качество человеческого капитала необходимо связано с осуществлением трансверсальных по своей культуре и профессиональному потенциалу высококвалифицированных специалистов. В этом, по нашему мнению, должен состоять один из многочисленных рычагов выхода нашего общества и производства из социального и экономического кризиса.

Библиографический список:

1. Мищенко А.С. Социальный статус педагога в современном российском обществе: факторы и меры его повышения: Материалы научного доклада // Современный мир. Современное образование. Проблемы, тенденции развития, подходы: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. В.М. Филиппов. М.: Изд-во СГУ, 2013. С. 247-261.

2. Мищенко А.С. Единое образовательное пространство как одно из условий преодоления социально-культурного неравенства постсоветских территорий: материалы науч. доклада // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров. Электрон. дан. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 160-169.

3. Мищенко А.С. Наднациональные культурные компетенции российских граждан как основа взаимодействия России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы научного доклада // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы Второй всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием, Владивосток, 7-8 декабря 2016 г. / [отв. ред. И.Г. Кузина]. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. С. 662-664.

ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ Г. УССУРИЙСКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Назаров М.С.

Основу статьи составляют результаты сравнительного анализа данных эмпирического исследования (2016 год) молодежи г. Уссурийска (возрастная группа 16 – 21 г.) по сравнению с данными, полученными в 2006 году. В обоих исследованиях использовались одни и те же индикаторы социальной принадлежности и миграционных настроений, что позволило осуществить сравнительный анализ. Установлены различия в городской идентичности молодежи по следующим критериям: «социальная принадлежность» и «миграционные настроения».

В современной научной литературе сложилось устойчивое представление о городской идентичности как компоненте социальной идентичности: «социокультурный конструкт, формируемый в результате идентификации человека с конкретной городской общностью и определяемый усвоением и воспроизводством символического капитала города, социальных норм и стиля жизни, объединяющих жителей данного города». [1, с. 56].

Среди всего многообразия проблематики социальной идентичности, прежде всего, интересно выделить городскую идентичность молодежи, которую можно определить как самоопределение в социально-групповом пространстве большого города.

Актуальность выделенного аспекта социальной идентичности определяется следующим. Современный город представляет собой систему городских порядков, к числу которых будет относиться инвариантный набор социальных связей и отношений жителей городского поселения (в том числе и молодежи), определяющих качественную определенность города, его неповторимость. Сохранение инвариантных порядков города будет зависеть от того, как будут происходить процессы самоопределения молодежи в социально-групповом пространстве городского поселения.

В качестве индикаторов социальной принадлежности использовались суждения, взятые из работы Е.Н. Даниловой [2]. Выбор этих суждений в качестве шкалы для измерения идентичности объяснялся следующим.

Хорошая согласованность суждений: суждения проверялись на надежность при помощи коэффициента Кронбаха (альфа). Этот коэффициент можно интерпретировать как процент дисперсии, который наблюдаемая шкала (в нашем случае это набор суждений) объясняла бы в гипотетической истинной шкале. В результате проведенного анализа было установлено, что значение альфа составило 0,8632, что говорит о хорошей согласованности используемой шкалы.

Формулировки суждений предполагали не только отсылку к социально-демографическим и территориальным характеристикам идентичности (например, «жители города»), но и давали простор для осуществления их качественной интерпретации («те, кто не любит «высовываться»»).

Всем суждениям придавали табличную форму шкалы Лайкерта. Такая форма удобна для заполнения, экономична (особенно если требуется опросить большое число респондентов) и не требует много времени для заполнения. Обработка данных осуществлялась средствами факторного анализа.

Степень применимости факторного анализа к выборкам исследовалась при помощи меры выборочной адекватности Кайзера – Мейера - Олкина. Значение критерия больше 0,5 говорит о приемлемом уровне адекватности данной выборки. В нашем исследовании значение критерия составило 0,596 (2006 год) и 0,840 (2016 год).

Использование критерия сферичности Бартлета позволяет проверить отличие коэффициентов корреляции между переменными от 0. Значение р-уровня меньше 0,05 (в нашем случае 0,000) указывает статистическую значимость отличия коэффициента корреляции от 0 и соответственно, на приемлемость проведения факторного анализа.

Данные, полученные в результате факторного анализа, объясняют 53,01% совокупной (общей) дисперсии в 2006 году и 55,01% в 2016 году соответственно. Корреляционная матрица анализировалась при помощи метода главных компонент. Извлеченные факторы подверглись вращению по методу Varimax.

Анализ данных 2006 г. позволил выделить четыре фактора.

Первый фактор объединяет следующие переменные: «те, кто не любит "высовываться"», «те, кто достиг успеха, материальной независимости», «те, кто уверен, что главное - как повезет», «жители города Уссурийска», «люди того же достатка». Такая комбинация позволяет интерпретировать полученный фактор как «фактор конформно-достижительской пассивности» (в исследовании мы стремились использовать те же названия факторов, что и автор статьи «Идентификационные стратегии: российский выбор»).

Второй фактор объединяет следующие переменные: «люди той же национальности», «россияне». Его можно интерпретировать как фактор символических идентификаций.

Третий фактор включает переменные: «те, кто не утратил веры в будущее», «те, кто сам делает свою судьбу». Его можно интерпретировать как фактор достижительской активности.

Четвертый фактор включает переменные: «друзья, знакомые», «товарищи по учебе (работе)». Его можно интерпретировать как фактор вовлеченности в повседневные связи.

Таким образом, удастся задать две оси. По краям первой расположены факторы: «вовлеченность в повседневные связи» и «символические идентификации». Вторая ось образована фактором достижительской активности и фактором конформно-достижительской пассивности.

В дальнейшем, в базе данных были созданы вычисленные значения факторов в качестве новых переменных, которые использовались для оценки миграционных настроений молодежи г. Уссурийска.

Респонденты, выбравшие вариант ответа «Намерен жить в г. Уссурийске» в вопросе «Что Вы можете сказать о своих планах относительно будущего места проживания» больше ориентируются на фактор конформно-достижительской активности.

Фактор достижительской активности будет более характерен для респондентов, выбравших «Скорее всего, уеду из Уссурийска и буду жить на Дальнем Востоке» и «Если представится возможность, то уеду вообще из России».

Фактор вовлеченности в повседневные связи характеризуют тех, кто выбрал вариант ответа «Скорее всего, с Дальнего Востока перееду в другой регион».

Исследования 2016 годы выявили следующие особенности городской идентичности молодежи г. Уссурийска. Было выявлено три фактора.

Первый фактор образован переменными, которые в 2006 году входили в фактор конформно-достижительской пассивности («жители города Уссурийска», «люди того же достатка») и переменными из фактора символических идентификаций («люди той же национальности», «россияне»).

Второй фактор объединяет переменные двух противоположных факторов: «те, кто не утратил веры в будущее», «те, кто сам делает свою судьбу» (фактор достижительской активности) и «те, кто не любит «высовываться», «те, кто уверен, что главное - как повезет» (фактор конформно-достижительской пассивности).

В фактор вовлеченности в повседневные связи вошла переменная «семья, родственники». В исследовании 2006 года эта переменная не вошла ни в один фактор.

Также были отмечены изменения в миграционных настроениях молодежи г. Уссурийска

Фактор вовлеченности в повседневные связи будет характеризовать респондентов, выбравших варианты ответов «Намерен жить в г. Уссурийске» и «Скорее всего, уеду из Уссурийска и буду жить на Дальнем Востоке».

Первый фактор (объединивший в себя переменные факторов конформно-достижительской пассивности и символических идентификаций) характерен для тех, кто выбрал вариант «Скорее всего, с Дальнего Востока перееду в другой регион».

Второй фактор достижительской активности будет более характерен для респондентов, выбравших «Если представится возможность, то уеду вообще из России».

Также отмечается уменьшение количества желающих жить в г. Уссурийске в исследовании 2016 года (26,7% от общего числа респондентов) по сравнению с 2006 годом (40,3%).

В условиях социальной неопределенности и отсутствия предсказуемости, практика муниципального управления должна учитывать результаты сравнительных исследований для формирования эффективной молодежной политики применительно к локально-территориальным образованиям.

Библиографический список:

1. Дягилева Н. С. Теоретические аспекты городской идентичности // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 54-59.
2. Данилова Е.Н. Идентификационные стратегии: российский выбор // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 120-130.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Немерюк Е.Е.

Россия является самой большой и самой уникальной многонациональной и многоконфессиональной страной, где исторически сложилась традиция мирного и гармоничного взаимодействия разных народов. Массовый характер в российском обществе присущ такому социальному процессу как миграция, который проявляется в устойчивом взаимодействии между людьми, выражающем определенную тенденцию изменения общественного положения или образа жизни больших социальных групп, условий воспроизводства и развития каждого человека как личности. Социально-культурная адаптация представляет собой процесс приспособления человека к условиям жизни, нормам поведения, нормам общения в новой социальной среде.

В августе 2017 года Президент России Владимир Путин подписал указ, наделяющий Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН) полномочиями по выработке государственной национальной политики и социокультурной адаптации мигрантов [1].

В соответствии с данным указом, ФАДН будет заниматься выработкой и реализацией политики в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан, а также нормативно-правовым регулированием и оказанием государственных услуг в сфере национальной политики, социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан.

Владимир Путин поручил определить орган, ответственный за адаптацию мигрантов, в декабре 2016 года. В разработанном ФАДН законопроекте «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в РФ» определены основные понятия, установлены организационные, правовые и экономические основы адаптации мигрантов. В проекте разделены полномочия в этой сфере между ФАДН и МВД, которое должно выполнять функции по контролю, надзору и оказанию госуслуг мигрантам [2].

Саратовская область является одним из регионов Российской Федерации, где исторически проживают представители различных национальностей (135 национальностей), и имеется богатейший опыт построения межкультурных и межнациональных отношений. Саратовская область была и остается регионом со стабильной обстановкой в сфере межнациональных отношений. Именно поэтому Саратовская область для многих иностранцев остается регионом возможного обустройства и осуществления трудовой деятельности. За 2016 год на территорию области въехало 90 тысяч иностранцев, из них в Саратов – 36 500 человек. В основном это мигранты из Азербайджана, Армении, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Украины. У 6224 имеются патенты на работу [3].

В регионе реализуется программа оказания содействия в переселении соотечественников из-за рубежа. Программа существует на протяжении нескольких лет – с июня 2010 г. 52% прибывших – мужчины, 48% - женщины, средний возраст составляет 32 года. Кроме того, 62% опрошенных переселенцев находятся в браке. Министерство труда и миграции оказывает посильную помощь переселенцам, осуществляет единовременные выплаты, размер которых может варьироваться от 1,5 до 8 тысяч рублей (в 2016 г. каждый вновь прибывший получил 7 тысяч рублей).

В Саратовской области продолжают курсы адаптации для иностранных граждан. Регион поддерживает данную инициативу с 2012-го года. Так, за последние годы в административном центре области прошли специальную подготовку сотни трудовых мигрантов и участников программы

переселения соотечественников. Курсы адаптации мигрантов в Саратовской области проводятся при Саратовском государственном университете (СГУ имени Чернышевского). Группы набираются по 15-18 человек. Посетителям курсов преподают: основы законодательства РФ, русский язык, основы психологии и социологии, а также рассказывают о важности толерантности и приводят статистику народностей, проживающих в Саратовской области. В начале мая 2017-го года при СГУ состоялся выпуск 13-ой группы иностранных граждан. Всего курс состоит из 24-х лекций (40 учебных часов). Записаться на курсы могут иностранные граждане, проживающие в области [4].

Совместная работа УФМС по Саратовской области и Саратовского государственного университета по культурной адаптации мигрантов в режиме эксперимента проводится уже второй год. В 2013 году было принято решение подписать договор о сотрудничестве в сфере высшего образования, дополнительного профессионального образования, содействия адаптации иностранных граждан к языку и культуре российского общества, а также решения вопросов трудоустройства студентов и выпускников СГУ.

Основное направление, которое реализует университет в рамках совместного проекта с УФМС, – обучение основам русской культуры и речевого поведения на базе Института филологии и журналистики. Кроме того, мигрантам, оказавшимся в трудной ситуации, оказывается разносторонняя помощь в процессе адаптации к новым общественно-культурным условиям. Занятия проходят на безвозмездной основе.

23 января 2017 года в СГУ состоялось подписание соглашения о сотрудничестве между Управлением Федеральной миграционной службы по Саратовской области и Саратовским государственным университетом. В рамках мероприятия прошла церемония вручения свидетельств об окончании «Адаптационных курсов для мигрантов». СГУ и УФМС связывают давние партнёрские отношения в образовательной и научной сферах. Уже более года стороны реализуют уникальный проект по обучению иностранных граждан основам русской культуры и речевого поведения. В его работе задействованы многие структуры: Правительство Саратовской области, Общественная палата Саратовской области, Саратовская и Вольская Епархия, Духовное управление мусульман Поволжья. Для скорейшей адаптации к российской культуре, языку, общественно-политической ситуации людям, приезжающим из других стран, необходимо дать представление о современной культуре российского общества и языка, именно этому способствует обучение на адаптационных курсах.

Подписание соглашения – это новый этап в развитии партнёрских отношений. Сейчас реализуется совместный проект, инициированный Управлением Федеральной миграционной службы, в котором задействованы преподаватели Института филологии и журналистики СГУ, государственные структуры и представители духовенства. Подобных программ в России нет. Преподаватели университета, передавая свои знания, способствуют социализации иностранных граждан в Саратове и области. В скором времени в дополнение к этому проекту появятся и другие сферы общих интересов.

Основные направления совместной деятельности - это оказание образовательных услуг и социальной помощи мигрантам, обучение иностранных граждан основам российского законодательства, подготовка и переподготовка кадров для управления, прохождение практики студентами СГУ в аппарате управления миграционной службы. Соглашение является свидетельством необходимости и важности совместной работы государственных и общественных институтов в области миграционных проблем, в основе которых лежат культурные, политические и демографические причины.

Таким образом, социальное взаимодействие в системе «мигранты – население принимающего общества» происходит на межличностном и на социально-групповом уровнях. В связи с этим требуется разработка и применение определенных способов и форм пребывания и поведения мигрантов в принимающем обществе, заключающихся в изменении самоидентификации, ценностных ориентаций, ролевого поведения мигранта, а также принятие местным населением роли активного партнера и субъекта, который, несмотря на взаимодействие с мигрантами на основе своих правил, в то же самое время чутко реагирующий на то, чем и как воздействуют на него мигранты. Различные

адаптационные стратегии должны быть дифференцированы и избирательны к различным видам миграции и категориям мигрантов.

Библиографический список:

1. Указ Президента Российской Федерации от 24.08.2017 № 399 «О внесении изменения в Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2015 г. № 168 «О Федеральном агентстве по делам национальностей» // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/basesearch/>

2. ФАДН получила полномочия по адаптации мигрантов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3392029>

3. За год в Саратовскую область приехали 90 тысяч мигрантов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sarinform.ru/news/2017/02/14/170035>

4. Курсы адаптации иностранных граждан в Саратовской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.molbulak.ru/news/novosti-migratsii/kursy-adaptatsii-inostrannykh-grazhdan-v-saratovskoy-oblasti/>

СОЦИАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТРАНСГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ

Ойдонова А.М.

Начало XXI века характеризуется усилением взаимосвязей между странами в различных сферах жизнедеятельности человека (политика, культура, здравоохранение, образование и т. д.), что в свою очередь оказывает влияние на формирование качественно нового глобального пространства. Данная тенденция приводит к видоизменению социальной системы государства и общества для более эффективного ответа «вызовам» современности.

Также необходимо учитывать процессы информатизации, технологизации и цифровизации современного мира и образования, которые откладывают определённый отпечаток на развитии социального образования. Трансформация социальной реальности приводит к смене ценностных основ, в рамках которых оценивается современный мир и его видение. Все это оказывает влияние на протекающие социокультурные процессы, экономическую картину, социальную безопасность регионов и страны в целом, ориентиры развития социального образования и многое другое. Соответственно, социальное образование в современной России находится на стадии модернизации, и прежде всего это относится к трансграничным регионам, где необходимо сохранить «своё лицо».

Понятие «трансграничный» активно начали употреблять с середины XX века. Трансграничные регионы стали объектом исследования историков, философов, географов, политиков и других научных мыслителей. Предпосылкой к осознанию данного феномена как региона основано на определении приграничной области двух и более государств в условиях тесного многостороннего взаимодействия.

Исследование трансграничного региона в первую очередь связано с таким понятием как «граница» - это «... линия, определяющая пределы какого – либо объекта и субъекта...». Для современного социума граница рассматривается в первую очередь как физический рубеж, определение национальной территории. Приставка «транс» означает «через», соответственно, для трансграничных территорий существует только физическая граница, а в социокультурном плане подразумевает постоянный процесс взаимодействия.

В трансграничном регионе социокультурное пространство представляет собой множество микроцентров в виде особенностей стран участниц (язык, культура, нация, ценностные установки, традиции и т. п.). Открытость данного типа региона обусловлена условиями его формирования, становления в историческом контексте. Территориальная близость обуславливает преемственность тех или иных социальных установок, таким образом, динамика развития социальных структур в рамках трансграничности региона характеризуется его соразвитием, одним из механизмов которого выступает социальное образование.

Социальное образование это целенаправленная систематическая, познавательная деятельность по освоению и совершенствованию знаний, умений и навыков, а также совокупность знаний,

полученных в результате обучения. Для современного человека образование выступает необходимым условием подготовки человека к жизни и труду. В образовательный процесс постоянно включаются все большее количество населения многих стран мира. Следовательно, распространение образования влияет на количественное и качественное их развитие.

В этих условиях ведущим транслятором опыта, знания становится социальное образование, как непрерывный процесс, требующий организацию и подготовку людей не только для выполнения профессионально-трудовых, но и общественно-политических, социально-бытовых и художественно-эстетических функций.

В настоящее время социальное образование является перспективным направлением развития социогуманитарного знания, так как это междисциплинарное пространство, направленное на комплексный анализ социальной реальности, синтез социогуманитарного и естественнонаучного знания, использование полипарадигмальных подходов в исследовании социума, стирание междисциплинарных, культурных и многих других различий познания в рамках социогуманитарного знания.

Современными ориентирами развития социального мышления как результата социального образования выступают ценности (равенство, справедливость, свобода и т. д.), которые являются одним из условий реализации творческого потенциала личности и обеспечение полноценного развития общества. В условиях глобализации и трансграничной интеграции в современной науке и, в частности, в социальном образовании встает вопрос об исследовании региональных аспектов, влияющих на него, о социокультурной унификации всех сфер жизнедеятельности человека. Поиск и изменение позиции социального образования в социокультурном пространстве включает в себя исследования уникальности места и индивидуальности всех его основных характеристик (как природной, так и социальной), а также пространственные стереотипы в поведении и мышлении индивида. Для развития социального образования на территории Забайкальского края необходимо учитывать проявления социального, культурно-географического, психологического, духовного позиционирования этнической, классовой, групповой идентичности личности.

Также неуклонно продолжается становление новой системы социального образования, ориентированной на вхождение в мировое образовательное пространство. Для общества XXI века характерно свободное перемещение тех или иных ресурсов (человека, идеи, информации и т. д.) через национальные границы. Проявляется данная тенденция в сфере образования как процесс глобализации и отражается в создании единого образовательного пространства, интеграции национальных образовательных систем и т. п. – это становится естественным процессом, который объективно обуславливается существующей социальной реальностью.

На сегодняшний день Российская Федерация принимает активное участие в различных международных образовательных проектах (обмен опытом между профессорско-преподавательским составом, обмен учащимися, разработка совместных образовательных программ, в частности, на приграничных и трансграничных территориях). Открытость образовательного пространства приводит к социокультурной трансформации общества. С одной стороны, это отражается на её содержании (интернационализация культуры), то есть формирование общих форм за счёт стирания культурных различий. Использование аудиовизуальных средств коммуникации (интернет, телевидение), английского языка также приводит к формированию однородного социокультурного пространства. С другой стороны, это стремление к сохранению национальной и культурной идентичности (культура, язык, этнос, традиции и т. д.). Это в первую очередь обусловлено стратификацией мирового сообщества – неравенство в политическом весе государств, в результате - противостояние между национальными общностями, культурами, цивилизациями.

С учетом всей картины образования, представленной выше, можно отметить, что в общественном сознании сложились определенные представления об ориентирах модернизации российского социального образования с учетом специфики регионов. Для каждого отдельно взятого региона актуальным вопросом развития социального образования в условиях трансграничья

становится проблема социокультурного насыщения и положительного позиционирования региона: создание положительного имиджа, привлечение туристов, инвесторов, предпринимателей на территорию региона с целью его развития, регулирование миграционной политики, обеспечение национальной безопасности, сохранение культурного суверенитета и многое другое.

Для анализа социального образования в рамках его реализации в условиях трансграничного региона необходимо отметить то, что для его развития ключевая роль находится не у формального образования, а у неформального и информального образования. Это связано с тем, что формальное образование, являясь более стандартизированным, не может учитывать всей специфики региона. Также центральное управление социальным образованием заставляет его в какой-то степени стать безликим, создается только макет из наиболее оптимальных характеристик, на которую необходимо наращивать материал, – как раз этому отвечает информальное и неформальное образование.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что развитие социального образования на трансграничных территориях становится двунаправленным: с одной стороны, возникает необходимость сохранения и развития социально-культурного наследия, национальных ценностей и традиций; а, с другой стороны, важным становится умение адаптироваться в постоянно изменяющихся культурных, политических и экономических условиях. В связи с чем цель развития целостной человеческой личности, возвращение человека самому себе, имеющая общечеловеческий смысл и общечеловеческую ценность, становится доминирующей в социальном образовании.

Библиографический список:

1. Жуков В.И. Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований: в 3 т. М.: Изд-во Рос. гос. соц. ун-та, 2007.
2. Жуков В.И. Социальное образование в контексте развития мировой цивилизации // Учёные записки РГСУ. Вестник УМО вузов России по образованию в области социальной работы. 2007. № 4. С. 128-129.
3. Иванов В.Н. Центр и регионы: единство или дезинтеграция. Россия федеративная: проблемы и перспективы. М.: ИСПИ РАН, 2001. С. 26-46.
4. Мнацаканян М.О. Интеграллизм и национальная общность как социальная реальность // Социологические исследования. 2001 № 3. С. 74-76.

КОНФЛИКТНОЕ ПОЛЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ РЫНКА ТРУДА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУР

Орлова Н.А., Хомушку К.Ч.

Рынок труда представляет собой одну из фундаментальных составляющих рынка факторов производства. Успешное и полноценное функционирование экономики любого уровня зависит от совокупного благополучия рынков труда, капитала, земли и эффективного использования такого фактора, как предпринимательские способности.

Сферы экономического воспроизводства, а именно производства, распределения, обмена, потребления товаров и услуг жизнеспособны лишь в том случае, если в данных процессах включен в работу рынок труда. Без применения человеческих способностей, умственных и физических, не обходится ни один социально-экономический процесс.

Центральным в понятии рынка труда является процесс «купли-продажи», товаром выступает сам труд или способности к труду. Главной задачей рынка труда является обеспечение потребности наемных работников в удовлетворении своих нужд путем продажи собственного труда, а работодателям предоставление необходимой для производства рабочей силы.

Рынок труда с исследовательской позиции занимает обширную нишу в социальных науках. Это обусловлено тем, что он включает в себя практически все аспекты человеческих отношений. В данной работе делается акцент на конфликтологический аспект рынка труда.

Рынок труда, как система сложных, многогранных взаимоотношений, не обходится без конфликтов. Субъектами рынка труда являются работодатели, наемные работники, посредники (профсоюзы и объединения предпринимателей), государство.

Разнообразие конфликтных отношений субъектов рынка труда говорит о том, что конфликты – одна из ключевых составляющих рынка труда, а взаимодействие субъектов рынка труда не может обходиться без конфликтной составляющей. Обусловлено это тем, что в ходе взаимодействия возникают некие противоречия в интересах, предполагающие невозможность удовлетворения целей и желаний одной стороны, в связи с тем, что они не допускают реализации целей и желаний другой стороны, потенциально мешая им. Конфликт можно интерпретировать как общение, целью которого является обмен информацией между участниками об их противоположных интересах. В зависимости от модели поведения в конфликте стороны могут по-разному взаимодействовать друг с другом, начиная от избегания, заканчивая сотрудничеством.

Конфликты в трудовой сфере могут возникать во взаимоотношениях носителей разных культур. Причиной данных противоречий могут служить несоответствия и столкновения культурных норм, стандартов, представлений. Однако следует отметить, что конфликты между представителями разных культур могут носить не только культурный, межэтнический характер, но и могут рассматриваться в контексте социальных противостояний. Исследование конфликта с различных сторон позволяет создать наиболее полную картину об изучаемом предмете.

На сегодняшний день в России наблюдается большой приток трудовых мигрантов из бывших советских республик. Мигранты из Узбекистана составляют одну из наиболее крупных по численности групп, прибывающих с целью заработка на территорию нашей страны, что обуславливает необходимость рассмотреть их положение на рынке труда в РФ.

Анализ рынка труда Узбекистана показал, что этот рынок, как и любой другой, имеет свои специфические особенности.

В стране наблюдается ежегодный прирост населения [1]. Высокая рождаемость ставит перед экономикой задачу – обеспечить занятость постоянно пополняемого трудоспособного населения. Специфика рынка труда Узбекистана заключается в том, что нагрузка на национальный рынок труда снижается путем трудовой миграции граждан. Отток рабочей силы восполняется высоким приростом населения [2, с. 135]. С учетом специфики страны, традиционного уклада жизни узбекского народа была выявлена еще одна особенность – на рынке труда наблюдается значительный перевес работников мужского пола [3, с. 52]. Стоит также отметить развитость аграрного сектора как основополагающей части экономики. Узбекистан исторически сформировался как государство, занимающееся сельским хозяйством и торговлей. С течением времени сформировались новые тенденции развития Республики, которые характеризуются направленностью на развитие науки и технологий. Сегодня государственная политика в стране направлена на изменение курса развития страны – переход от аграрной направленности экономики к инновационному развитию [4, с. 8-9].

Авторами было проведено исследование конфликтного взаимодействия российских и узбекских граждан в процессе совместной трудовой деятельности.

В качестве метода исследования было выбрано интервью. Учитывая специфику исследуемой темы, для раскрытия всех ее аспектов, получения наиболее полных и достоверных сведений, исследование было разделено на 2 этапа: 1) интервьюирование работодателей (N=3); 2) интервьюирование работников (N=6).

Анализ результатов проведенного исследования показал, что конфликты между трудовыми мигрантами и российскими гражданами часто возникают по причине конкуренции за рабочие места. Некоторые российские граждане убеждены в том, что мигранты отнимают у них рабочие места.

Как отмечают респонденты-работодатели, для узбекских граждан характерен коллективизм, что предполагает некоторую закрытость. Они создают локальные мини общности в рамках трудового коллектива, тем самым ограждают от других работников. Подобная тенденция усложняет их интеграцию в российское общество и становится причиной конфликтов.

Работодатели отмечают еще одну особенность узбекских граждан – вспыльчивость, а также нежелание подчиняться женщине, занимающей руководящую должность, причиной тому служит гендерная принадлежность. Однако нельзя утверждать, что выделенные черты характерны для всех работников из Узбекистана. Конфликты возникают на фоне горячности некоторых узбекских граждан и их патриархальных взглядов.

К барьерам взаимодействия между российскими и узбекскими гражданами, прежде всего, следует отнести языковой барьер. Незнание языка часто становится причиной недопониманий. К трудностям во взаимодействии также приводят неправильная интерпретация шуток, афоризмов, идиом и т. д., различия в мировоззрениях, воспитании. Данный фактор усложняет трудовую коммуникацию. В организациях, где трудовой коллектив представлен различными национальностями и культурами, общение на своем языке может доставлять другим дискомфорт, вследствие чего возникают конфликты.

В основном конфликты между узбекскими и российскими гражданами возникают по стандартным причинам: психологическая несовместимость, некачественное выполнение трудовых обязанностей, несправедливое распределение фонда заработной платы, разные взгляды на выполнение трудовых задач и т. д. Стоит отметить одну особенность – способ самоактуализации некоторых российских граждан путем выставления в невыгодном свете узбекских коллег.

Некоторые узбекские граждане, оказавшись в России, обретают такие отрицательные качества, как грубость, хамство, утрачивают уважительное отношение к старшим, что увеличивает вероятность возникновения конфликтов. По поводу стереотипов о россиянах, узбекские граждане отметили, что до приезда в Россию были убеждены, что все россияне националисты, но их опасения не подтвердились.

Стоит упомянуть про конфликты, которые свойственны процессу взаимодействия узбекских работников и российских работодателей. Так, нередко происходят ситуации, когда недобросовестные российские работодатели обманывают работников из Узбекистана, платят им не соответствующую трудовым затратам заработную плату, пренебрегают их правами. Причиной такого отношения, не считая моральной составляющей, является то, что узбекские граждане часто идут работать неофициально. В случае официального трудоустройства они застрахованы трудовым договором, при нарушении которого могут подать иск в суд.

Конфликты между российскими и узбекскими гражданами в процессе трудового взаимодействия решаются обычно работодателями административными способами или самими участниками конфликта, а также при вмешательстве третьей нейтральной стороны в лице коллег. По мнению узбекских граждан, на Дальнем Востоке, в частности во Владивостоке, они дискриминации не ощущают, в отличие от Центральной России, где наблюдаются более агрессивные настроения. Однако все же существует некое неприязненное отношение некоторых россиян к узбекским гражданам. Распространен стереотип, согласно которому узбекские граждане глупые, вульгарные и т. д., что увеличивает вероятность возникновения конфликтов.

Таким образом, изучение взаимодействия субъектов рынка труда важно тем, что оно позволяет выявлять, предупреждать, прогнозировать и регулировать деструктивные явления, воздействующие на рынок труда. Конфликты, возникающие на данном рынке, оказывают существенное влияние на его развитие и функционирование. Подробное изучение конфликтных взаимодействий позволяет узнать специфику, определить новые тенденции и выработать меры по решению текущих проблем.

Библиографический список:

1. Демографическая ситуация в Республике Узбекистан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stat.uz/ru/press-sluzhba/novosti-gks/1518-demograficheskaya-situatsiya-v-respublike-uzbekistan1>
2. Исакулов Ш.Н. Отношение населения Узбекистана к трудовой миграции // Труд и социальные отношения. 2012. № 10. С. 132-139.
3. Махмудова Г.М. Демографические тенденции и рынок труда // Уровень жизни населения регионов России. 2012. № 2. С. 51-55.

4. Раджабова Г.У., Кузибаева О.М., Назаров Х.Ё. Развитие национального рынка труда Узбекистана и его эффективное функционирование // Инновационная экономика: Перспективы развития и совершенствования. 2016. № 3. С. 5-9.

ОБРАЗ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Осмачко Н.В., Приходько И.А., Штейникова М.Е.

Историческая память – феномен общественного сознания, сложная и многоплановая категория, которая определяет представления, оценки, чувства, более или менее осмысленное отношение людей к собственному прошлому, обеспечивает возможность идентификации и самоидентификации как отдельной личности, так и общества [1; 2, с. 99].

Как отмечают исследователи, символическая репрезентация прошлого в сознании любого исторического субъекта предстает как открытая, неравновесная система с динамикой взаимодействий, интерпретаций прошлого, часто противоречащих друг другу. Индивиды, группы, общества оперируют историческими фактами, оценками, мнениями о прошлом в соответствии со своими ценностными ориентациями, социальным статусом, проектом будущего, конструируя некую непротиворечивую и позитивную (для себя) целостность [1, с. 650].

Есть события российской истории, позитивно и непротиворечиво оцениваемые нашими согражданами. В их числе победа СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., освоение космоса [2, с. 103]. Образы других значимых исторических событий, в частности, Великой Российской революции, мозаичны и процесс их конструирования не завершен [3, с. 25].

Восприятие данного события у разных поколений может отличаться. Люди, чьи детство, молодость, взрослость пришлось на советский период, могут лучше знать события Октябрьской революции, положительно оценивать ее в контексте своего счастливого детства. Молодые люди, родившиеся и выросшие в эпоху перемен конца XX – начала XXI вв., скорее, имеют неточное представление о Великой революции, негативно оценивают ее. Данная гипотеза и отсутствие информации о представлениях, оценках, отношении населения Приморского края к Октябрьской революции и последующих событиях (в том числе, в нашем регионе), явились предпосылками социологического исследования.

В нем решались две основные задачи:

1) определение эмоционального восприятия жителями Приморского края событий и персоналий, связанных с Великой Российской революцией (на личном, семейном, региональном, государственном и мировом уровнях);

2) выявление представлений о датах, событиях, персоналиях, улицах, памятниках, т. н. коммемораций [4, с. 111], мобилизующих память о революции и гражданской войне на Дальнем Востоке.

Решение исследовательских задач основывалось на поколенческом подходе: понимании того, что поколение представляет собой не только совокупность людей, рожденных в определенный период, но также – общность, которая объединена некоторыми едиными темпорально обусловленными социально-историческими свойствами и характеристиками [5].

Формирование и реализация выборочной совокупности опрошенных осуществлялись по многоступенчатой квотной выборке с вероятностным отбором респондентов. Объем выборочной совокупности составил 338 человек.

Структура выборки включала поколение рожденных в 1947-1967 гг. (возраст 50-70 лет) – 188 человек (55,6%), из них 62 мужчины и 126 женщин; поколение рожденных в 1987-2000 гг. (17-30 лет) – 150 человек (44,4%), из них 79 мужчин и 71 женщина. 69% опрошенных родились в Приморском крае, 9% – в иных краях и областях Дальнего Востока и 22% – в других регионах России.

В исследовании использовался метод анкетирования. В разработке инструментария учитывался методический опыт российских социологов [3; 6]. В результате был сконструирован опросный лист из 32 вопросов.

В первом блоке анкеты респондентам предлагалось назвать самые важные, по их мнению, события XX века для мировой и отечественной истории, оценить последствия Октябрьской революции и Советской эпохи, а также выразить свое мнение о личности В.И. Ленина.

Вопросами второго блока диагностировались знания респондентов о революционных событиях на Дальнем Востоке и их оценки.

Следует отметить, что на этапе сбора информации приходилось проводить интервью, так как многие вопросы вызвали негативную реакцию респондентов, в основном представителей старшего поколения.

Рассмотрим основные результаты исследования.

Точно назвать год, когда произошла Октябрьская революция, смогли 84,6% опрошенных. Остальные респонденты указали год неверно (3,9%) или затруднились ответить на вопрос (11,5%).

К личности В.И. Ленина позитивно относятся 43,3% представителей молодого и 44,6% старшего поколений.

В историческом сознании респондентов Октябрьская революция является важным событием мировой истории, занимая пятое место (9%) после Второй (включая Великую Отечественную) мировой войны (32%), Первой мировой войны (16%), освоения космоса (11%).

Октябрьскую революцию как важное событие в истории России назвали 15% респондентов. Это вторая позиция после Великой Отечественной и Второй мировой войн (29%), на третьем месте – распад СССР (14%).

Отвечая на вопрос о соотношении позитивных и негативных последствий Октябрьской революции для России и собственной семьи, 46% представителей молодого поколения и 37,7% старшего отметили, что доминируют негативные, такие как раскулачивание, репрессии, голод, аресты родственников.

Были респонденты, указавшие положительные последствия Октябрьской революции для России: чаще об этом говорили респонденты в возрасте от 50 до 70 лет (29,7%); реже – от 17 до 30 лет (18,6%).

К положительным последствиям революции респонденты отнесли доступное образование, медицину, а также свободу и равенство народа.

На вопрос о влиянии революции на их семью многие опрошенные затруднились с ответом. Большинство респондентов позитивно оценили последствия Великой Российской революции для Дальнего Востока: 37% отметили, что Октябрьская революция сохранила Дальний Восток в границах России, каждый четвертый выбрал вариант, что «она дала толчок социальному и экономическому развитию региона» (рис. 1).

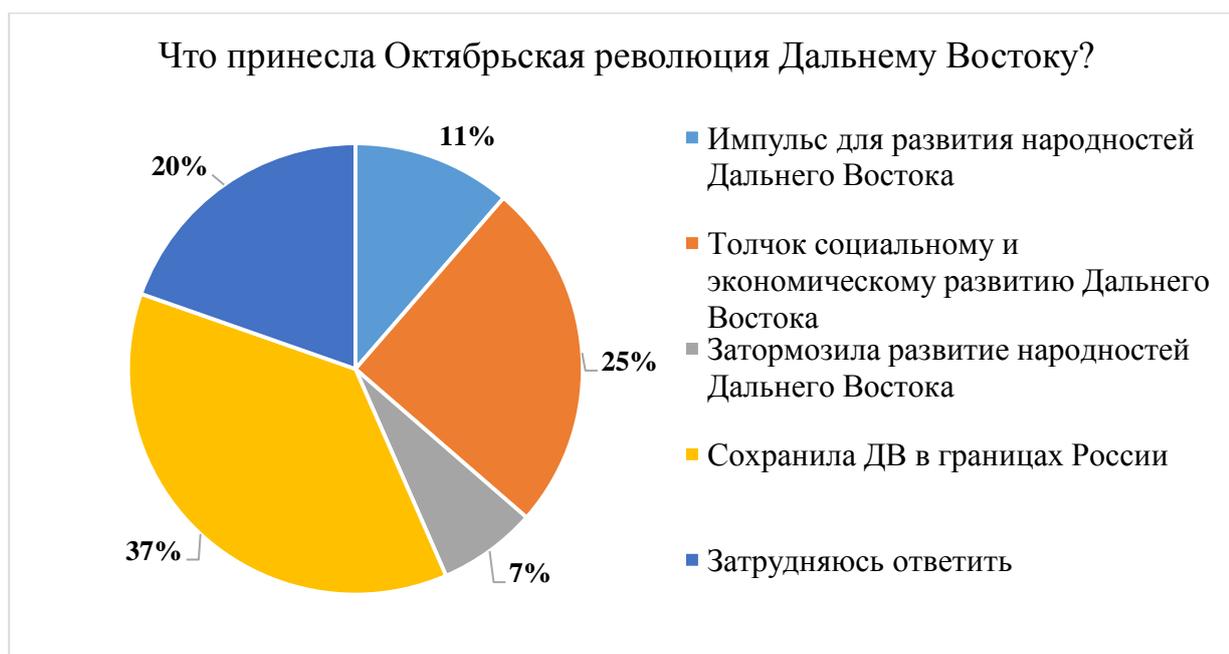

Рисунок 1 – Значение Октябрьской революции для российского Дальнего Востока
(в % к количеству опрошенных)

Только 21 респондент (6,3%) назвал точную дату победы Советской власти в Приморье. 23% участников опроса правильно указали год, когда произошло данное событие. 75,4% опрошенных смогли назвать участников Гражданской войны и военной интервенции на Дальнем Востоке. Из них 23% ответов принадлежали представителям младшего поколения и 77% – респондентам старшего поколения. В ответах фигурировали С.Г. Лазо, А.В. Колчак, К.А. Суханов, В.К. Блюхер, И.П. Уборевич.

76,5% респондентов назвали государства, принимавшие участие в военной интервенции на Дальнем Востоке – Японию, США, Великобританию и Китай. Большую компетентность продемонстрировали респонденты в возрасте от 50 до 70 лет – 65,3% ответивших. Молодые люди чаще затруднялись; ответы содержались в 34,7% анкет.

Также опрашиваемым предлагалось указать улицы, памятники во Владивостоке и других населенных пунктах Приморского края, названные в честь событий и участников революции и гражданской войны. Большинство респондентов младшего (74,8%) и старшего поколений (87,2%) ответили на этот открытый вопрос. Точные названия улиц во Владивостоке и Приморском крае привели немногим более 40% опрошенных (41,7% и 41,6% соответственно). Информация о памятниках во Владивостоке содержалась в 54,7% ответов респондентов в возрасте от 17 до 30 лет и в 75,3% ответов респондентов в возрасте от 50 до 70 лет. Значительно меньше опрошенных назвали памятники, расположенные в Приморском крае: 21,8% молодых людей и 19,2% представителей старшего поколения. Часто упоминались улицы и памятники, связанные с именами К.А. Суханова, С.Г. Лазо, И.П. Уборевича, В.Б. Баневура и В.И. Ленина.

В целом, гипотезы исследования были подтверждены частично. По эмоциональности и поколенческой поляризации ответов на вопросы о Великой Российской революции видно, что спустя сто лет многие жители Приморского края равнодушны к этому явлению. В советский период истории России Октябрьская революция была отправной точкой в конструировании идентичности советского государства. В 90-е годы XX века негативная позиция в отношении революции девальвировала его значимость в сознании большей части россиян. В настоящее время, как показали результаты социологического исследования, в историческом сознании населения нашего региона сложился сложный образ Великой Российской революции. Это актуализирует проблему осуществления продуманной, основанной на научных исторических данных, политики памяти.

Библиографический список:

1. Лыкова В.В. Историческая память как процесс с точки зрения синергетики // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием / отв. ред. И.Г. Кузина. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. С. 649-652.
2. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 98-107.
3. Васильева Е.В. Октябрьская революция: актуальный образ исторического события // Социальная реальность. 2008. № 3. С. 24-32.
4. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. № 2. С. 106-126.
5. Кучкильдина М.А. «Поколение» в социальных исследованиях: анализ исследовательской практики // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 10447-10454.
6. Бавин П. Февральская революция и свержение монархии: взгляд из России XXI века // Социальная реальность. 2007. № 4. С. 24-30.

**ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ
ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЮ
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МФЦ)**

Осмачко Н.В., Толстоброва Ю.Д.

Обеспечение государством социальных стандартов в обслуживании населения возможно при условии оптимизации социально-управленческих институтов оказания услуг. Эксперты отмечают, что «государственные структуры, ранее ориентированные на социальное обеспечение, переходят к интерпретации своих задач как сервисной деятельности по социальному обслуживанию на основе применения современных управленческих подходов и принципов экономики знаний» [1]. Особое место в этой деятельности отводится многофункциональным центрам предоставления государственных и муниципальных услуг (далее – МФЦ), внедряемым с 2007 г. в рамках административной реформы [2]. МФЦ являются инновационной технологией управленческой деятельности, оптимизирующей межведомственные и межуровневые взаимодействия в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг. На практике МФЦ выполняют функции посредника между органами власти, организациями и населением.

Ключевая идея создания МФЦ заключается в том, чтобы сделать услуги максимально доступными людям. Жизнь современного человека зависит от разных организаций, поэтому он часто сталкивается с необходимостью оформления документов. Последнее отнимает у людей много времени, физических, моральных и финансовых затрат. МФЦ делает процесс обслуживания максимально удобным: теперь для получения услуги гражданам достаточно обратиться с запросом, а непосредственное общение с государственными и муниципальными служащими по поводу сбора необходимых документов осуществляет специалист центра без участия заявителя.

Такая деятельность, обозначаемая термином «одного окна», реализуется на основе нормативно-правовых актов и соглашений с организациями. Передача данных между органами власти и организациями происходит в электронной форме благодаря созданной федеральной государственной информационной системе. Это своего рода закрытая сеть, государственный интернет, к которому подключаются разные ресурсы. Система межведомственного взаимодействия позволила оптимизировать как технологическую сторону оказания услуг, так и внутренние процедуры, сформировать новые компетенции сотрудников органов власти и организаций, устранить противоречия, возникающие в процессе обслуживания.

Многофункциональные центры можно рассматривать не только как комплексную инновационную технологию в сфере предоставления услуг, но и как организационную структуру для других нововведений, таких как форма «одного окна», единая система межведомственного электронного взаимодействия, система управления потоками заявителей, так называемая электронная очередь, call-центры, портал Госуслуг, внедрение новых стандартов предоставления услуг и др. Электронная очередь позволяет управлять потоками посетителей, оперативно обслуживать их. Посетителю МФЦ не нужно стоять в огромных очередях и постоянно контролировать свое продвижение в них; теперь ему достаточно взять талон и разместиться в зоне ожидания. Благодаря электронной очереди сотрудники МФЦ заранее знают, за какой услугой к ним обратился заявитель, и могут распределять между собой заявителей для более оперативного обслуживания. В результате можно определить наиболее востребованные услуги и время их предоставления.

Портал Госуслуг и call-центр способствуют повышению информированности граждан, консультируя по интересующим их вопросам, позволяют осуществить предварительную запись на прием в МФЦ, а портал Госуслуг помогает получить услугу дистанционно.

Технология предоставления услуг в соответствии с новыми стандартами включает соблюдение нормативов ожидания в очереди (не должно превышать 15 минут), определяет максимальное количество граждан на одно окно приема и выдачи документов, которое не должно превышать 5 тысячи жителей, переход крупных центров на 12-часовой рабочий день, а также создание административных регламентов.

Административные регламенты – это пошаговые инструкции деятельности органов по отношению к гражданам, определяющие их ответственность, обязательства перед обществом и законом. Они содержат полную информацию о процессе предоставления услуг и доступны для населения в сети интернет, что делает «прозрачной» работу органов власти. Такая регламентация действий способствует повышению качества обслуживания, внедрению процедуры контроля и оценки деятельности органов исполнительной власти.

Благодаря отсутствию непосредственного взаимодействия клиентов со служащими, предоставляющими государственные и муниципальные услуги, системе межведомственного электронного взаимодействия существенно снижается волокита, резко падает спрос на деятельность посредников, включенных в коррупционные схемы и в целом достигается антикоррупционный эффект.

Еще одной инновацией является новая услуга на сайте mfc-25.ru «Загруженность МФЦ». Теперь в режиме реального времени можно увидеть количество заявителей, ожидающих получения услуги, а затем выбрать наиболее свободный МФЦ в своем населенном пункте или удобное время для посещения [3].

На 1 января 2017 г. в России было создано 2684 многофункциональных центров в 85 регионах, по сравнению с 2016 г. их количество выросло на 73 [5].

В Приморском крае функционируют 117 МФЦ вместе со структурными подразделениями, во Владивостокском городском округе – 15 МФЦ с отделениями привлекаемых организаций (Сбербанк, Примсоцбанк, Связь-банк) [6]. В настоящее время в МФЦ региона предоставляется 37 из 42 услуг Департамента труда и социального развития. Это, прежде всего, оформление сертификата на материнский капитал, предоставление субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, организация выплат пособий по беременности и родам, назначение мер социальной поддержки многодетным, малоимущим семьям, выдача удостоверений льготников, присвоение звания «Ветеран труда», прием заявлений на получение «губернаторской тысячи» и др.

С момента появления МФЦ в регионе осуществляется мониторинг их деятельности: проводятся SMS-опросы клиентов, анализ отзывов граждан, представленных на сайте «Ваш контроль». Контрольные функции реализуются также Электронной очередью, сайтом Госуслуг и социальными обследованиями. Результаты мониторинга, социальных обследований [7; 8] демонстрируют высокие показатели удовлетворенности населения, превышающие 90%, установленные законом, достаточную

информированность граждан о деятельности МФЦ. Клиентами положительно оцениваются скорость обслуживания, уровень оснащенности и доступности центров.

Наряду с этим можно выявить ряд противоречий в деятельности МФЦ Приморского края.

Согласно статистическим данным и результатам наблюдения, рост количества предоставляемых услуг обуславливает увеличение обращений граждан, что, как следствие, порождает очереди в центрах. В частности, на одно окно приходится 9619 человек, что существенно превышает норму. Если разделить количество обратившихся в Краевой МФЦ за 2016 год (77285) на число взрослых жителей во Владивостокском городском округе (519942) [6], мы получим 15% взрослого населения ВГО, воспользовавшихся услугами данного МФЦ. Это свидетельствует о превышении нормативов в обслуживании граждан, увеличении нагрузки на специалистов и, как следствие, снижении качества обслуживания.

Факторами, обуславливающими задержки в обслуживании посетителей, являются ограниченное число центров, недостаточное количество окон, а также неудобный для работающих граждан график функционирования МФЦ. Последнее увеличивает потоки клиентов в выходные дни. В настоящее время два МФЦ города Владивостока переведены на 12-часовой рабочий день, и рассматривается возможность перехода Краевого МФЦ на такой же режим работы.

Следующей является кадровая проблема. Если учесть, что сотрудникам центров необходимо освоить большой объем информации по каждой услуге, общее количество которых составляет около 250, ошибки в их работе неизбежны. К тому же пока не сложилась система профессиональной подготовки специалистов для данной сферы. При этом от сотрудников МФЦ требуются различные компетенции. Ведь в процессе оказания услуг они взаимодействуют с заявителями, осуществляют прием, проверку, регистрацию документов, организуют доставку входящих документов в соответствующий орган власти и составляют отчет о результатах оказания услуги, консультируют клиентов и ведут их учет.

Развитие МФЦ предполагает формирование квалификационных требований к кадрам, обучение их методам взаимодействия с работниками органов власти, заявителями и др., и, хотя в краевом МФЦ один раз в неделю в течение нескольких часов осуществляют подготовку специалистов, этого недостаточно.

Как считают эксперты, программа подготовки кадров для МФЦ должна давать не только знания о предоставлении услуг и юридических аспектах, но также научить работников осваивать большие объемы информации, придерживаться позиции клиентоориентированности, развивать умения, важные в профессиях «человек – человек». Последнее означает учет психологических и социальных особенностей конкретных заявителей: сотрудники должны уметь общаться и с пенсионерами, которые не владеют новыми технологиями, и с молодежью [1].

В целом, многофункциональные центры являются перспективной технологией обслуживания населения, включающей различные инновации для оптимизации процесса предоставления услуг. Они, выполняя посредническую функцию, снимают административные барьеры, экономят время граждан, нуждающихся в получении разнообразных государственных услуг, оптимизируют расходы бюджетных средств и др. Однако проблемы в деятельности МФЦ – увеличение числа клиентов и недостаточно быстрое изменение графика работы, рост нагрузки на персонал центров – должны решаться своевременно, чтобы не обесценились позитивные результаты этой инновационной социально-управленческой технологии.

Библиографический список:

1. Дорошенко Н.Н. Многофункциональный центр по предоставлению государственных и муниципальных услуг как социально-управленческий институт и предмет социологического анализа. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2014. 148 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dslib.net/sociologia-upravlenia/mnogofunkcionalnyj-centr-po-predostavleniju-gosudarstvennyh-i-municipalnyh-uslug.html>

2. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ.: принят Государственной Думой 7 июля 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2010/07/30/gosusl-dok.html>

3. Михалдык А. Пять главных изменений в работе МФЦ в 2017 году // Приморская газета. 12 июля 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://primgazeta.ru/news/five-main-changes-in-the-ifc-in-2017>

4. Почти все социальные услуги доступны приморцам через МФЦ / Официальный сайт ОТВ. 11 апреля 2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.otvprim.ru/society/primorskij-kraj_11.04.2016_36558_pochti-vse-sotsialnye-uslugi-dostupny-primortsam-cherez-mfts.html

5. Развитие сети центров предоставления государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна» / Государственные услуги и функции // Портал Административной реформы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ar.gov.ru/ru/mfc_placement/index.html

6. Показатели, характеризующие состояние экономики и социальной сферы ВГО за 2016 г. / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=57010002016

7. Заполева Е.О., Захарченко А.А., Пить В.В., Мудрик Е.С. Развитие системы предоставления государственных и муниципальных услуг населению (на примере Приморского края) // Вестник Российского университета дружбы народов. 2016. № 3. С. 27-28.

8. Коваленко С.В., Меньшиков М.Ю. Качество государственных и муниципальных услуг в Приморском крае: социологические аспекты // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы Всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием [отв. ред. И.Г. Кузина]. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. С. 398.

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Панфилова А.О., Филина В.Н.

Город, являясь территориальной единицей с определённым количеством населяющих его людей, играет очень важную роль в жизни человека. Городская среда, будучи преимущественно искусственной и рукотворной, представляет собой совокупность условий, созданных человеком для удовлетворения его потребностей и комфортного существования и деятельности. Как и прочие общественно-культурные феномены, города даже более других подвержены социальным изменениям, происходящим особенно быстро в современных условиях. Факторы высокой плотности и мобильности населения, исключительно интенсивного характера связей и контактов, повышенной психологической нагрузки говорят о городской среде, как о динамичном и изменчивом социальном образовании.

Одними из наиболее серьезных проблем, характеризующих жизнь в современных городах, бесспорно, являются проблемы социально-экономического плана. Наибольшее свое выражение имеют противоречия так называемого средового характера, то есть имманентно связанные со средой и пространством большого города. К их числу относятся:

- состояние здоровья горожан и проблема роста заболеваний, так или иначе детерминированных городским образом жизни;
- экология большого города, так или иначе имеющая выраженный характер в абсолютном большинстве современных городов и агломераций;
- обеспечение общественной безопасности и коррелирующий с этим высокий уровень преступности, также типичный для представителей городской среды;
- высокий уровень социальной дифференциации, зачастую принимающий полярный характер распределения материальных ресурсов города.

Конечно, перечень социальных проблем, характеризующих городскую среду, не исчерпывается приведенным списком. Но все они оказывают большое влияние на такие важные в общесоциальном и государственном плане показатели, как качество и уровень жизни населения.

Так, ситуация в области здравоохранения вариативна относительно географии города, экономики региона, ряда иных факторов, но данные официальной статистики свидетельствуют о повышении заболеваемости населения по городу и региону, в целом. Можно говорить о росте числа заболеваний, связанных с ухудшением экологической ситуации, а также связанных с нервными перегрузками, стрессами, вредными привычками, нездоровым образом жизни.

Экономические аспекты здравоохранения также весьма проблемные. Так, исследования Академии труда и социальных отношений показали, что в конце 2016 года средний уровень оплаты труда медицинских работников всех категорий на основной должности составлял 21,7 тысячи рублей. 41 % работников здравоохранения вынуждены работать свыше 60 часов в неделю (при нормативных сорока). При этом фактическая часовая ставка медработников с учетом не декларируемых переработок составляет чуть более 140 рублей для врачей, 82 рублей 30 копеек - для среднего медперсонала, 72 рубля - для младшего медперсонала [5]. Тенденции ухода врачей из государственных учреждений в частные структуры, где заработная плата намного выше, соответственно, влечёт за собой нехватку кадров в бюджетных учреждениях города. Зачастую на бесплатный приём к врачу записаться невозможно неделями, а если говорить о специалисте узкой направленности, то срок может увеличиться до нескольких месяцев. Разумеется, это негативно влияет и на общие показатели заболеваемости, и на превышаемые нормативы по ожиданию врачебной помощи, и на отношение людей к этой сфере деятельности в целом.

На данный момент не только нехватка специалистов является ключевой проблемой, важно отметить, что так же сокращается количество лечебных заведений и койко-места в медицинских учреждениях. Учащаются ситуации, когда пациенты, проходя стационарное лечение, лежат не в палатах медицинского учреждения, а в его коридорах. Данные Приморскстата сообщают, что хоть и медленными темпами, но сокращаются: число больничных организаций, амбулаторно-поликлинических организаций, численность врачей всех специальностей и среднего медицинского персонала [6]. И это на фоне неуклонно повышающейся мощности амбулаторно-поликлинических организаций, то есть числа посещений в смену [6].

Группа экологических факторов, характеризующих городскую жизнедеятельность человека, к сожалению, сегодня дает основания говорить о том, что ситуация близка к экологической катастрофе. Особенно остро это выражено в городах с развитым промышленным производством (Челябинск, Кемерово), большим количеством автомобильного транспорта (например, Владивосток). В российских городах дело осложняется и зачастую совершенным пренебрежением к экологической организации городской среды. К примеру, повсеместно распространена практика сброса сточных вод в городские водоемы (реки и ручьи, морские заливы и т. д.), а проектные системы городского водоотведения и канализации и сегодня не всегда предусматривают хотя бы первичной их очистки и фильтрации. Как итог – совершенная непригодность и даже опасность контакта с водными объектами городской инфраструктуры. Так, к примеру, в черте Владивостока фактически не осталось пляжей, пригодных для купания по своим санитарно-эпидемиологическим показателям.

Выброс в атмосферу города большого количества автомобильных газов, веществ, образовавшихся в результате сжигания мусора и твердого топлива, также наносят серьезнейший удар как по экологии самого города, так и влияют на экологическую ситуацию в целом. Ухудшение состояния здоровья людей и животных, рост специфических заболеваний, растущие расходы на социальную поддержку в этой сфере – это далеко не все моменты, показывающие сложность и серьезность этой проблемы.

Общественная безопасность в первую очередь характеризуется криминальной обстановкой в регионе [1, с. 328]. Сегодня в России именно деньги и богатство стали определять положение в обществе, а поскольку они доступны далеко не всем, возникают состояние фрустрации, чувство утраты жизненных перспектив и, как следствие, появление различного рода девиаций [3, с. 109]. Это способствует росту таких явлений, как преступность, наркомания, алкоголизм. В январе - сентябре 2017 года зарегистрировано 1551,6 тыс. преступлений, существенная их часть - 41,1 % преступлений

регистрируется в республиканских, краевых и областных центрах – то есть в городской среде - всего 638,3 тыс. [4].

Реальную угрозу сегодня представляет вождение автомобиля в черте города в нетрезвом виде. Каждый десятый автомобилист в стране в 2016 году оказался пьяным водителем, тысячи людей страдают от правонарушения такого рода. В общей сложности за повторную езду в нетрезвом состоянии было осуждено более 75 тыс. человек, но лишь около трех тысяч получили реальные сроки в колонии [2]. Это особенно актуально в среде города, поскольку «пьяная» езда сопряжена с реальной общественной угрозой жизни и здоровью большого числа людей – городских жителей, попадающих на пути такого водителя. Иными словами, это проблема комфортного и безопасного нахождения людей на улицах города, а также и состояния городского имущества, которое часто портят нетрезвые водители (леера, здания и сооружения, бордюры, зелёные насаждения и др.). К тому же с употреблением алкоголя во многом связан и вандализм, как действия по осквернению или разрушению уличных объектов.

Таким образом, можно утверждать, что среда города интенсифицирует многие социальные процессы, в том числе и деструктивные, способствует распространению девиаций в силу большей обезличенности связей и затрудненности мер контроля. Под ударом оказываются наиболее существенные аспекты жизнедеятельности человека – его здоровье и безопасность. Следовательно, работа по социальному планированию и реализации социальных программ должна быть более тщательной, выверенной и опираться на реальные социальные потребности населения города.

Библиографический список:

1. Кирьянова В.А. Социальные проблемы города // Человек в мире, мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии: материалы XVIII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Пермь: ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2015. С. 327-330.
2. Костогоров Е. «Пьяные водители обрушили статистику» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gazeta.ru/auto/2017/05/19_a_10681493.shtml#page1.
3. Купцов В.А. Характеристика основных причин и условий, способствующих росту преступности в обществе // Вестник российского университета кооперации. 2015. № 3. С. 108-110.
4. Состояние преступности за январь - сентябрь 2017 года. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа из URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/11341800/>
5. Миронов Н. Российское здравоохранение превращается в «здравоохранение» [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. 11 апреля 2017 г. № 27369. Режим доступа из URL: <http://www.mk.ru/politics/2017/04/11/rossiyskoe-zdravookhranenie-prevrashhaetsya-v-zdravozakhronenie.html>
6. Основные показатели здравоохранения. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/resources/44c166804ee43e19a959ad89d810d54e/%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5+%D0%BF%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8+%D0%B7%D0%B4%D1%80%D0%B0%D0%B2.+%D1%81+2000-2016.htm

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЯН О ПЕРСПЕКТИВАХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И СТРАН АЗИИ

Проказина Н.В.

Особенности глобального мира и как следствие невозможность автономного существования государств обуславливают целесообразность осуществления анализа международного сотрудничества не только с экономических и политических, но и, что особенно важно, социокультурных позиций.

Социокультурные основы сотрудничества определяются, прежде всего, доминирующими ценностями, установками и стереотипами, закрепившимися в массовом сознании и представлении граждан.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) достаточно регулярно проводит массовые опросы, позволяющие определить доминирующие ценности и установки, а также господствующие представления о характере международного сотрудничества.

Результаты опроса, проведенного ВЦИОМ в 2015 году [1] и в 2017 [2] году свидетельствуют о том, что сегодня Россия и страны Азии идут на контакты в первую очередь из-за общих интересов в политике (16%) и в экономической сфере (21%). Отношение к Китаю и по результатам опроса 2017 года достаточно оптимистичное.

Основные точки соприкосновения в представлениях россиян – это борьба против США (6%), схожесть политических интересов (5%), противостояние Западу (4%) и т.п. К числу экономических задач относят: развитие экономики (10%), рыночных отношений (6%), вопросов с полезными ископаемыми (4%), территориальную близость (3%) и т.п. Однако около половины граждан затруднились ответить на вопрос о том, что сейчас больше всего сближает Россию и Азию.

В целом большинство опрошенных (70%) уверено в том, что активное сотрудничество России с азиатскими странами в той или иной степени может изменить жизнь в стране. Положительные тенденции россияне связывают с тем, что на основе сотрудничества произойдет усиление торгово-экономических связей (12%), развитие экономики и, как следствие, выход из кризиса (8%), и в целом все изменится в лучшую сторону (4%), увеличится политическое влияние и авторитет России в мире (3%).

Негативной тенденцией для России называют наплыв мигрантов (6%) (таблица 2) [1].

Оценивая геополитическое состояние, респонденты отмечают, что в случае «разворота России на Восток» пострадает Запад (16%), Европа (14%), Россия (11%), Америка (8%). Однако треть опрошенных затруднилась с ответом на этот вопрос, а около 20% убеждены в том, что никто не пострадает.

В целом, россияне уверены в том, сотрудничество со странами азиатско-тихоокеанского региона, прежде всего, выгодно нашей стране (10%). Так, 60% опрошенных называют взаимовыгодным сотрудничество России и Китая.

Таким образом, в целом можно отметить позитивную положительную динамику в отношении сотрудничества со странами Азии. Но, прослеживаются негативные стереотипы и страхи в общественном сознании россиян.

Особое внимание заслуживает индекс страха. Этот индикатор показывает, насколько высокой представляется вероятность наступления той или иной проблемы. Чем выше значение индекса, тем более вероятным кажется возникновение проблемы. Основные страхи связаны с тем, что:

- российский рынок займут дешевые и некачественные товары из стран Азии (индекс страха 21),
- произойдет массовый наплыв в Россию мигрантов из стран Азии (индекс страха 13),

Китай будет использовать Россию для усиления своего влияния в мире (индекс страха 53) [1].

Отрицательный индекс страха характерен для такой установки как «Коренное население на территории Дальнего Востока и Сибири будет вытеснено приезжими из стран Азии: Китая, Кореи и других» (индекс страха - 3) [1].

Несмотря на то, что в обывательской среде и проскальзывает страх азиатской миграции на Дальнем Востоке, этот страх не является доминирующим. Данную ситуацию подтверждает и руководитель школы Востоковедения ВШЭ, профессор А. А. Маслов: «Знаем о Китае мы очень мало, отсюда абсолютно ложные стереотипы. Один из них: «китайцы хотят захватить российский Дальний Восток». Но если мы посмотрим, сколько китайцев переселяется в Россию, то по регионам миграция составляет десятки тысяч, но никак не сотни тысяч и не миллионы. Китайцы и не хотят переселяться, потому что Россия с их точки зрения не комфортна для проживания. А большинство людей, которые сюда переселяются, это не выдающиеся ученые, которые едут в США, а маргиналы или не очень удачливые торговцы. Поэтому говорить о демографической угрозе невозможно» [3].

Таким образом, результаты опросов свидетельствуют о том, что сегодня россияне видят в «восточной» ориентации нашей внешней политики и экономических связей больше выгод, чем опасностей. Это во многом объясняется особенностями исторической памяти россиян, связанной со странами Востока, а с другой стороны, процессами «социального конструирования» друзей и врагов, характерных для современного этапа развития [4].

Библиографический список:

1. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2999. «Разворот на Восток: всерьез? И ...надолго?» // <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115512>.
2. Россия – Китай – США: отношения в стратегическом треугольнике [Электронный ресурс]. // ВЦИОМ. 07.02.2017. Пресс-выпуск № 3302. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116055> (дата обращения: 25.10.2017).
3. Друзья и враги России // <https://www.levada.ru/2017/06/05/druzya-i-vragi-rossii-2/> (дата обращения: 25.10.2017).
4. Проказина Н.В. Социологический подход к изучению исторической памяти о Великой отечественной войне // Казанская наука. 2014. № 7. С. 201-204.

ПРОЕКТ «ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ГЕКТАР» КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИМИДЖЕВОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ И ИНТЕГРАЦИИ В АТР

Самойленко П.Ю.

Проект «Дальневосточного гектара» на сегодняшний день является инфоповодом, который работает как на внутреннюю интеграцию регионов страны, так и на проекты, ориентированные на внешнеэкономическую деятельность.

Можно с уверенностью говорить о том, что сама идея проекта внесла новое прочтение в политику современного российского федерализма и позволила привлечь внимание граждан страны к Дальнему Востоку, который на протяжении последних 25 лет рассматривался как удаленная от федерального центра и депрессивная территория, и во многом именно так воспринимался жителями других регионов. Реализация указанного проекта позволяет решить сразу целый комплекс экономических и социальных проблем, которые стоят сегодня перед федеральным центром и региональными властями. Это, прежде всего, уменьшение оттока населения из регионов Дальневосточного федерального округа, привлечение в регион переселенцев из западных Субъектов Федерации, создание условий для повышения плотности населения и, в перспективе, формирование базиса для реализации проектов в сфере международного экономического сотрудничества и внешнеэкономической деятельности на базе «Дальневосточного гектара». Эксперты считают, что концепция «Дальневосточного гектара» может не просто обеспечить бесплатными земельными участками в пределах Дальнего Востока желающих граждан России, но и способна реально помочь развитию экономики региона. По разным оценкам, порядка 30-40% заявителей изначально планируют хозяйственное освоение земельных участков в рамках коммерциализации, по сути, это различные формы малого бизнеса - пасеки, сбор таежных дикоросов, базы отдыха, сафари-парки и т.д. [5].

Освоение полученных участков должно компактно войти в региональную экономику и приносить пользу всем, как и любое предпринимательство. К примеру, если в рамках «ДВ-гектара» появится «прослойка» предпринимателей фермерского толка, то это поможет насытить рынок и решить проблемы продовольственной безопасности. Снизятся цены и увеличится товарное предложение, выбор продуктов для потребителей. Более того, тут открывается и экспортная перспектива - ведь многие «экспортеры» сегодня покупают российскую сельхозпродукцию, она считается экологически чистой и высококачественной. Но для того, чтобы такое производство на ДВ-гектарах работало, нужны устойчивые каналы сбыта, устойчивый спрос со стороны ритейла [5].

По состоянию на октябрь 2017 года по количеству поданных заявок лидирует Приморский край (более 40,5 тысячи заявок, или 39,4% от общего числа заявителей). Идущая на втором месте

Республика Саха-Якутия (18,7 тысячи заявок), правда, опережает Приморье по количеству коллективных заявок (4224 и 4169 соответственно) [1].

Большинство заявителей – это экономически активные граждане возрастом от 25 до 34 лет. Основной интерес проявляют, конечно, жители Дальнего Востока, откуда поступило около 77% заявлений, отметили в пресс-службе Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке (АРЧК ДВ). Меньше трети – из дальневосточных регионов, в основном из Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодарского края и Свердловской области [4].

Основные формы планируемого использования земли – индивидуальное жилищное строительство – 24,6%, личное подсобное хозяйство – 16,5%, сады, огороды, дачи – 15%, туризм и отдых – 8,5%, иные цели – 15,3%, сельское хозяйство – 16,3%, охота и рыбалка – 3,8%. Анализ данных видов использования показывает, что проект позволяет в определенной степени «закрепить» жителей крупных дальневосточных городов в пределах территории, создав условия для их активной деятельности или отдыха вне агломераций [2].

Анализ медиа и ресурсов сети Интернет по указанной проблеме показывает, что на сегодняшний день тематика «Дальневосточного гектара» упоминается достаточно активно, при этом есть как позитивные, так и негативные тренды освещения данной темы. К числу основных проблем и кризисов, которые получили отражение в сфере медиа, относятся нередкое выделение земли в непригодных для этого местах, отказ в выделении гектара органами власти, немотивированный с точки зрения заявителей, отсутствие транспортной, инженерной и коммунальной инфраструктуры для реализации проектов на таких земельных участках и так далее. Порядка 70% таких негативных публикаций появляются в блогосфере и сетевых информационных ресурсах.

Основную официальную информационную нагрузку несут Минвостокразвития, аппарат полномочного представителя Президента в Дальневосточном федеральном округе и администрации регионов Дальнего Востока, которые комментируют ход реализации проекта в медиа и к которым адресуются обращения граждан по проблемам, связанным с реализацией указанного проекта. [4] Анализ откликов населения в СМИ и сети Интернет показывает, что в целом граждане позитивно относятся к указанному хозяйственному проекту. Идеологическими доминантами позитива в этом смысле стали возможность бесплатного получения земли, надежда на то, что проект будет развиваться и дальше и появятся новые возможности для его участников, например льготное подключение к инженерным сетям и энергоснабжению, строительство дорог за бюджетный счет. Присутствуют и исторические аналогии с инициативами царских времен, когда земля бесплатно выделялась переселенцам. Заявления и поручения президента страны направлены на то, чтобы закрепить уверенность граждан в проекте – это возможность получения «гектара» соотечественниками-переселенцами после получения гражданства и возможность выделения дополнительных земельных участков гражданам, которые уже успешно освоили первый полученный «гектар» [3].

Для того чтобы проект развивался дальше, безусловно, необходимо принятие информационных мер, направленных на повышение доверия граждан к данному проекту. Существенную роль должны иметь грамотные информационные усилия и работа с медиа. К первоочередным шагам, которые следовало бы сделать властям, следует отнести:

- опубликование успешных примеров освоения «Дальневосточного гектара»;
- обсуждение перспективных практик работы с такими проектами, которые могут помочь большинству или, по крайней мере, части заявителей;
- создание «региональной информационной карты» указанного проекта, поскольку очевидно, что в силу геоклиматических и экономических особенностей регионов Дальнего Востока степень и особенности использования «гектара» в 9 Субъектах Федерации ДФО изначально различны;
- привлечение экспертного научного сообщества к обсуждению возможностей и перспектив использования «Дальневосточного гектара»;

- обсуждение наиболее очевидных проблем реализации проекта, возможностей и путей их решения (которые, как показывает контент-анализ информационных ресурсов, в целом характерны для большинства регионов, где реализуется данная инициатива).

Таким образом, на сегодня указанный проект является активной составляющей в общей информационной стратегии «Разворота на Восток» и развития регионов федерального округа – он вызывает активный интерес как в среде простых граждан, так и становится частью повестки международных мероприятий, таких как Восточный экономический форум (ВЭФ), способствует как внутренней интеграции внутри страны, так и развитию взаимодействия со странами Азиатско-тихоокеанского региона. Поэтому немаловажным является создание условий для встраивания проектов, связанных с «Дальневосточным гектаром», в общее экономическое пространство региона, поддержка со стороны властей и бизнеса, от которого это будет зависеть; иными словами, формирование административной, экономической и социальной основы для внедрения широкого спектра хозяйственных инициатив, которые могут воплощаться в рамках «Дальневосточных гектаров».

Библиографический список:

1. Дальневосточный гектар // [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://dv-gektar.ru/>.
2. Дальневосточный гектар – интерактивная карта // [Электронный ресурс]. Режим доступа https://www.gazeta.ru/far_east/dalnevostochnyi_gektar_interaktivnaya_karta.shtml.
3. Дальневосточный гектар – как это сделано, как это устроено // [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://kak-eto-sdelano.livejournal.com/679409.html>.
4. Дальневосточный гектар создает новые истории успеха. «Взгляд» // [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://vz.ru/economy/2017/8/24/884047.html>.
5. Минвостокразвития посчитало резидентов СПВ и получателей ДВ-гектара // [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://deloros.ru/minvostokrazvitiya-poschitalo-rezidentov-spv-i-poluchatelej-dv-gektara.html>.

РОССИЙСКАЯ ЛОГИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ АТР

Свердликова Е.А.

В последние несколько десятилетий весь мир наблюдает за феноменом роста китайской экономики, которая развивается в рамках мечты о великом возрождении китайской нации. Одной из ключевых стратегий, сформулированной в 2013г. Си Цзиньпином в рамках новейшего китайского проекта, является стратегия – «один пояс и один путь». Она объединила проекты «Экономический пояс Великого шёлкового пути» и «Морской шёлковый путь для XXI века». За три прошедших года китайцы сделали много: инфраструктурный коридор из железных и шоссейных дорог, газо и нефтепроводов, оптоволоконных линий и систем передачи электроэнергии, построены новые города, логистические центры, технопарки, исследовательские учреждения, университеты, музеи. Значение России для успеха китайского проекта огромно [1]. Однако, нашей стране пока не удаётся в полной мере использовать новые возможности, предоставляемые этой китайской стратегией. Одной из причин, на наш взгляд, являются проблемы развития российской логистики. В связи с этим, представляется интересным изучение логистических проблем и, в частности, их социологический анализ.

Результаты исследования, о котором пойдёт речь ниже, получены основе анализа текстов российской бизнес-периодики 2010-2016 гг., с использованием качественно-количественного метода анализа документов – контент-анализа. Текстовая совокупность сформирована на основе случайной выборки статей бизнес-периодики (бизнес-журналы, газеты и Интернет-источники). Среди них, журналы: «Эксперт», «Российское предпринимательство», «КоммерсантЪ-Деньги», «РБК»; Интернет-ресурсы: logistik.ru, logscm.ru, ec-logistics.ru; газеты: «Ведомости», «Коммерсантъ». На первом, предпроцедурном этапе исследования была разработана методика проведения контент-анализа. К особенностям данной методики можно отнести, прежде всего, выявление следующей исходной категории: «проблемы и пути развития российской логистики». В процессе операционализации

исходной категории систематизированы основные эмпирические индикаторы. Формализация и квантификация эмпирических индикаторов происходила на основе выявления следующей важной методической составляющей исследования - единицы счёта. Единицей счёта мы определили те суждения, в которых содержится законченная мысль, выраженная в одном или нескольких предложениях. Содержательно, предложения, составляющие основу единицы счёта, должны быть связаны с какой-либо проблемой развития российской логистики и одновременным указанием пути или варианта её решения. Проблемы российской логистики были систематизированы по её функциональным областям. А именно: проблемы логистики снабжения, производства, сбыта, транспорта, упаковки и складирования, проблемы сопутствующих потоков: финансовых, информационных, правовых, сервисных. Подобным образом систематизированы и пути решения указанных проблем, а именно: решение проблем снабжения, производства, сбыта, транспорта, складирования и сопутствующих потоков. Выявление только и исключительно таких единиц счёта, которые содержат в своём объёме одновременно информацию как о проблеме развития российской логистики, так и о путях её решения, представляет собой вторую методическую особенность нашего исследования. Эта особенность была выявлена на основе предварительного анализа содержания текстов бизнес-периодики. Приведем пример подобного суждения: «Сейчас на российском рынке практически по всем секторам военно-промышленного комплекса и гражданских секторов отсутствует поддержание жизненного цикла изделий на всех стадиях. В результате выпускаются очень хорошие изделия, но должный сервис не обеспечивается. Мы хотим обсудить этот вопрос с теми, кто будет эксплуатировать технику, с теми, кто будет её производить, с теми, кто будет осуществлять её сервисное обслуживание. И так вплоть до утилизации. И понять, как увязать всё это в единую цепочку под названием «сопровождение жизненного цикла изделия»[3].

Ещё одной особенностью данного исследования является его опосредованный характер. Исследование проведено на основе анализа документов, отражающих мнения экспертов, журналистов и предпринимателей. Поэтому представленные ниже выводы - это восприятие проблем развития логистики российскими СМИ.

Проанализировано всего 20305 строк о развитии российского бизнеса, о логистике – 6602 строки или 32,5%. Более конкретно, интерес коммуникатора представлен следующим образом: проблемы логистики снабжения – 445 строк (6,1%), проблемы производственной логистики – 424 (5,8%), проблемы сбытовой логистики – 433 (5,9%), проблемы сопутствующих потоков – 527 (7,2%), проблемы транспортной логистики – 1066 (14,6%), проблемы складирования, упаковки 785 (10,8%).

Как видим, в структуре информации о логистике информация о проблемах составляет 3680 строк или 18,1% от общего объёма бизнес-информации и немногим больше половины от объёма информации о логистике (55,7%). Соответственно, информация о вариантах и тенденциях решения указанных проблем была представлена следующим образом: информация о решении проблем снабжения – 306 строк (4,2%), о решении проблем производства – 373 (5,1%), о решении проблем сбыта – 353 (4,8), о решении проблем сопутствующих потоков – 405 (5,5%), о решении проблем транспортной логистики – 944 (13%), о решении проблем складирования и упаковки – 541 (7,4%). Общее число строк о решении проблем логистики – 2922 (44,3%). Таким образом, по оценкам СМИ, наиболее весомой проблемой отечественной логистики является проблема транспорта, наименее – проблемы производственной логистики. Соответственно, и информация о путях решения транспортных проблем, по мнению СМИ, также лидирует. Следует отметить, что и проблемам складирования и упаковки в СМИ также было уделено немало внимания, они занимают вторую позицию как в группе проблем, так и в группе путей решения проблем. При подсчёте оценочных характеристик выяснилось, что большинство упоминаний о выделенных нами проблемах имеет отрицательную оценку. С другой стороны, практически все оценки способов решения проблем были положительными. Абсолютное большинство авторов статей – эксперты. Журналисты и менеджеры занимают, соответственно, вторую и третью позиции (371/137/113). На основании мнения экспертов и специалистов, чьи статьи были изучены в рамках данного исследования, можно заключить, что в современной бизнес-периодике

уделяется достаточное внимание (одна треть от исследуемого массива) проблемам отечественной логистики и возможным путям их решения. Кроме того, необходимо отметить, что другие проблемы, которые не были выделены в рамках данного исследования, практически не попадались. Из этого можно заключить, что выделенные нами шесть групп проблем действительно являются важными и значимыми, как в бизнес-периодике, так и в отражаемой ими реальности.

Библиографический список:

1. Тавровский Ю.В. Китайская мечта. // Завтра. 2017. № 38.
2. Якунина Ю.С., Окольников И.Ю. Тенденции развития современного рынка логистических услуг в России // Вестник Южно-Уральского государственного университета, серия: Экономика и менеджмент. 2014. Том 8. № 1. С. 136-139.
3. Хурсевич С. Пачку бумаги я могу купить без консультаций с Минобороны // Коммерсантъ. 2011. 27 сентября.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ НЕГАТИВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ НЕДОСТАТОЧНОЙ ИНФОРМИРОВАННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ О ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Сыроед Н.С., Бунькина Н.Е.

Приоритетный национальный проект «Здоровье», реализуемый с 2006 года, был утвержден правительством Российской Федерации для повышения качества жизни населения страны. Проект декларировал повышение уровня доступности специализированной, в том числе, высокотехнологичной помощи (ВМП) для жителей России как важнейшую задачу. Согласно ст. 34 (п. 3) Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон № 323-ФЗ) ВМП является частью специализированной медицинской помощи и включает в себя применение новых сложных и (или) уникальных методов лечения, а также ресурсоемких методов лечения с научно доказанной эффективностью [1]. ВМП использует клеточные технологии, роботизированную технику, информационные технологии, методы геномной инженерии и т.д. Высокотехнологичная медицинская помощь, таким образом – это медицинская помощь с применением высоких медицинских технологий для лечения сложных заболеваний.

Несмотря на строительство и ввод в эксплуатацию новых многопрофильных высокотехнологичных центров в разных регионах России, увеличение финансирования на оказание ВМП за счет федерального бюджета, принятие мер для восполнения дефицита медицинских кадров, существуют серьезные проблемы в данной сфере. Ряд проблем имеет сугубо социальный характер. Одна из них — неполные и не всегда соответствующие реальности представления жителей Российских регионов о доступности высокотехнологичной медицинской помощи, ее видах и порядке получения за счет федерального бюджета и Фонда обязательного медицинского страхования (ФОМС). Эта проблема возникает в результате низкого уровня информированности населения о ВМП в целом. Сложившаяся ситуация создает препятствия к достижению главных целей Приоритетного национального проекта «Здоровье» — увеличение продолжительности жизни, снижение смертности и сокращение инвалидизации населения, которые, в свою очередь, являются базовыми составляющими качества жизни населения и представляют большой интерес для социологов. Очевидно то, что требуется выявление и социологическое изучение всех негативных последствий, которые влечет за собой низкий уровень информированности и неполные представления о ВМП жителей России.

Социологические исследования посвящены, главным образом, вопросам мониторинга качества ВМП и ее доступности в различных регионах Российской Федерации. Проблемы информированности населения о высокотехнологичной медицинской помощи, ее возможностях в деле сохранения здоровья и, нередко, жизни больных, практически не представлены в исследованиях российских социологов. В стране ежегодно только высокотехнологичных операций проводится около 700 тысяч и, хотя этого количества недостаточно, уровень доступности ВМП можно оценить как довольно высокий. Но, по

каким каналам распространяется информация о ВМП, какие структуры несут ответственность за просвещение населения в области ВМП, остается неисследованным.

Аналогичные выводы формулируют, например, А.В. Нестерова и И.П. Краснопольская, которые сообщают о том, что в ходе проведенного ими исследования было выявлено, что только один респондент был осведомлен о содержании понятия ВМП. «Можно предположить, что уровень информированности врачей районных поликлиник о ВМП крайне низок, а официальные каналы информирования о ВМП не работают», пишут авторы [2]. Информирование граждан о возможности получения ВМП законодательно отнесено к обязанностям лечащего врача. На практике данная обязанность часто не выполняется.

С целью повышения уровня доступности высокотехнологичной помощи постоянно совершенствуются нормативно-правовые документы, регулирующие ее оказание в РФ [3]. Ее дальнейшее развитие как составной части долгосрочной бюджетной стратегии РФ на период до 2023 г. предполагает увеличение объемов и результативности медицинской деятельности ведущих федеральных высокотехнологичных медицинских центров, строительство и ввод в эксплуатацию сети новых федеральных центров на территории крупных субъектов РФ [4].

Таблица 1 – Показатели повышения уровня доступности ВМП в России

		2013 год	2017 год
Количество медицинских организаций, оказывающих ВМП	медицинских организаций	411 медицинских организаций	984 медицинские организации
Средняя стоимость одной госпитализации при оказании ВМП	стоимость одной госпитализации при оказании ВМП	137 тыс. руб.	149 тыс. руб.
Количество получивших ВМП	человек,	505 тыс. человек	960 тыс. человек

Однако эффективность деятельности правительства в данном направлении могла бы быть выше при условии правильной организации информационной работы в социуме.

Известны ситуации, когда из-за недостаточной информированности о ВМП у населения формируются неадекватные представления о ее недоступности «рядовым» гражданам. Зачастую, при обращении в медицинское учреждение и выявлении заболевания на ранней стадии, когда хирургическое вмешательство не требуется и заболевание можно вылечить консервативным методом, пациент, «на всякий случай», просит врача направить его на операцию, пока есть свободные «квоты» на получение высокотехнологичной медицинской помощи.

Несомненно, главным негативным социальным последствием недостаточной информированности граждан о возможности получения высокотехнологичной медицинской помощи, ее видах и порядке получения является рост уровня инвалидизации и смертности пациентов. По данным Росстата в 2016 году количество родившихся и умерших на 1000 человек населения составляло 12,9. Естественный прирост населения составлял -0,01 [5, 7]. Этот фактор позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на принятие мер по повышению доступности ВМП, главная цель национального проекта «Здоровье» не достигнута.

В 2011 г. в стране были запущены региональные программы модернизации здравоохранения, направленные на создание условий для оказания качественной медицинской помощи всех видов, включая ВМП, на всей территории страны [6]. Эффективность этих программ снижается по разным причинам, в том числе, по причине отсутствия ясности у населения относительно функционирования системы ВМП.

Также важным последствием недостаточной информированности граждан о ВМП является экономическая неэффективность медицинских организаций, оказывающих данный вид помощи,

поскольку отсутствие адекватной информации у населения влечет за собой низкую обращаемость граждан за направлениями на высокотехнологичную помощь.

Изучение данного вопроса показало, что низкая удовлетворенность граждан оказанием медицинской, в том числе специализированной помощью также является причиной низкого уровня информированности в сфере ВМП [7].

Рассмотренные негативные последствия недостаточной информированности населения российских регионов о высокотехнологичной медицинской помощи возводят данную проблему в разряд социальной и обуславливают актуальность социологических исследований с целью ее всестороннего познания и успешного преодоления.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/.

2. Нестерова А.В., Краснопольская И. И. Анализ практики предоставления бесплатной высокотехнологичной медицинской помощи в России // Медицина. 2014. № 2.

3. Белостоцкий А.В. Основные направления обеспечения населения высокотехнологичной медицинской помощью // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2011. № 2.

4. Шалыгина Л.С. Экспертная оценка перспектив развития высокотехнологичной медицинской помощи в субъекте РФ // Вестник Росздравнадзора. 2015. № 2.

5. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

6. Доклад министра здравоохранения В.И. Скворцовой в Государственной Думе на «Правительственном часе» 22 октября 2013 г. Режим доступа: <http://www.rosminzdrav.ru/news/108?page=2>

7. Сыроед Н.С. Бунькина Н.Е. Социологические исследования основных проблемных аспектов оказания высокотехнологичной медицинской помощи в российских регионах // Теория и практика общественного развития. 2017. № 2.

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ДИНАМИКУ КОНФЛИКТОВ В СМЕШАННЫХ БРАКАХ

Сыроед Н.С., Городинец А.С.

В эпоху глобализации значительно возрастают возможности для заключения смешанных браков. В современном мире, несмотря на некоторое снижение значимости семьи в культурах некоторой части европейских народов, семья по-прежнему остается основным социальным институтом, без которого само существование общества оказывается под вопросом. Семейно-брачные отношения динамичны и многолики, и конфликты являются их неотъемлемым элементом. Конфликты в супружеских взаимоотношениях неизменно отличаются высокой эмоциональной окраской. В смешанных браках возникают дополнительные сложности в сфере супружеского взаимопонимания и взаимодействия вследствие того, что социализация супругов происходила в различных социально-культурных условиях, и эти условия зачастую характеризуются значительными, а, порой, радикальными отличиями.

Наиболее распространенными видами смешанного брака являются межэтнические браки и браки представителей различных религиозных конфессий. В.Н. Галяпина предлагает следующее определение межэтнического брака: «межэтнический брак представляет собой особый тип семьи, поскольку супруги в ней являются представителями разных этносов» [1, с. 16]. Несколько иной подход представлен в энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, где под межэтническими браками подразумеваются браки, заключаемые между лицами разных исповеданий - как христианских, так и иноверных. Таким образом, делается упор не на различие этносов, а на религиозный аспект [2].

Супруги в смешанном браке могут принадлежать к родственным и неродственным народам, могут исповедовать общую и разную религию, могут принадлежать к одному и тому же народу и исповедовать разные религии. Успешная адаптация супружеской пары в межкультурном браке зависит от того, насколько они способны преодолевать разногласия, обусловленные спецификой их национальных культур.

Важной составляющей брака выступает реальность социальной коммуникации брачных партнёров, осуществляющих систематическое воздействие друг на друга в рамках брачного союза, обусловленное информационными процессами обмена мыслями, намерениями, идеями, целями и т. д. Коммуникативная деятельность брачных партнёров проявляется в различных, предметных сферах супружеского взаимодействия, а именно, в культурной, профессиональной, бытовой, психологической, религиозной и других.

Коммуникации в смешанных браках реализуются в вышеперечисленных коммуникативных сферах, но с явным отличительным присутствием национального признака, который оказывает существенное влияние на характер коммуникации и наделяет их социокультурным аспектом. Вместе с тем коммуникативная активность включает в себя также правовую и патриотическую сферы, основывающиеся на государственно-гражданской разнице социального происхождения брачных партнёров.

Культурная коммуникация в брачном союзе выступает основой социально-нравственных отношений супругов, поддерживает целостность и устойчивость брака, выступает его моральной опорой и показателем внутренней сплочённости и прочности.

Своеобразием культурной коммуникации в смешанном браке является понятие «национальная культура», которое воплощает социально-культурное наследие и историческую практику отдельной конкретной национальности. Каждый из супругов является представителем своей национальной культуры, к которой он был приобщён с рождения, и в которой проходила его социализация. В смешанном браке особо значимым в процессе коммуникации является взаимопонимание не только как мужчины и женщины в смысле брачных, личностно-половых признаков, но и с позиции признания (не признания) национально-культурного уклада брачного партнёра.

Коммуникации в смешанном браке обуславливают проявление более внимательного и толерантного взаимодействия брачных партнёров друг с другом. Толерантность, как поясняет Т.А. Гурко, это когда нужно принимать человека таким, какой он есть, такого представителя этой культуры с такими проблемами, недостатками, привычками. Похожую точку зрения утвердил ещё в 60-е годы XX века и А.Г. Харчев, подчёркивая, что «сами супружеские отношения в межнациональных браках связаны с большим, чем обычно, различием в психике, традициях, жизненных стандартов» [3, с. 330].

Адекватность толкования информационного сообщения брачного партнёра и объясняющий информационный обмен между супругами, прямо воплощающийся в их действиях в процессе повседневных событий, являются основой смешанных брачных отношений, их социально-психологическим гарантом, что непосредственным образом влияет на устойчивость смешанного брака в целом.

Очень часто за всеми культурными различиями могут стоять проблемы власти, семейного и социального статуса, расслоения, имущественная дифференциация, конфликт и т. д. Знание культурных особенностей брачного партнера еще не гарантирует бесконфликтного взаимодействия в семье. Часто нарушение семейных коммуникаций бывает связано с ошибочным толкованием поведения партнера, что в свою очередь может привести к конфликту.

Традиции и обычаи являются культурным наследием каждого народа. Они составляют основу жизни и становления любого народа. В этих двух понятиях отражаются привычки и устои людей, их самобытность и индивидуальность. Обычаи и традиции сохраняют память об истории предков. Их придерживаются и передают из поколения в поколение. У каждого народа своя уникальная история, которую нельзя игнорировать. Влияние традиций, норм и обычаев на конфликты в смешанных браках

имеют очень важное значение в брачной жизни супругов. С рождения индивид воспитывается в определённой заданной культурной среде, изучает и принимает традиции и нормы данной культуры.

Большой интерес у исследователей вызывают конфликты в смешанных браках, где партнёры являются представителями разных национальностей, а часто и разных культурных традиций, норм или вероисповедания. Ведь культурные традиции часто определяют, например, представление человека о гендере, о роли мужчины и женщины в семье. В семьях, основанных на смешанных браках, как правило, возникает проблема несовпадения ожиданий и реальности из-за различий в представлениях супругов о семейных ролях, о стилях взаимодействия супружеской пары. Например, как утверждает нидерландский социолог Г. Хофстеде, отличия в ролях мужчины и женщины прямо зависят от фемининности или маскулинности исследуемых культур [4, с. 16-17].

Также причиной конфликтных ситуаций между супругами могут стать непростые отношения с родителями, которые часто не дают своего благословения на брак с партнёром другой национальности, любыми путями препятствуют развитию взаимоотношений в смешанном браке. Весомую роль в возникновении и динамике конфликтов в смешанных браках играет именно противостояние привычек, вкусов, интересов и взглядов, а также нравственных позиций, личностных особенностей, гендерных установок, традиций, сформированных в процессе воспитания в разном культурном окружении. Это и противостояние в исполнении семейных ролей, и в общении, и в оценке материальных потребностей, и в процессе защиты собственного «Я». В смешанных браках нередки конфликты, возникающие в результате противоречия потребностей партнёров, вступивших в брак сформированными, целостными личностями. Это обусловлено наличием индивидуальных особенностей и опыта. Безусловно, конфликт наступает в связи с различными ожиданиями супругов, которые с детства были закреплены в культуре семьи конкретной национальности.

Один из ярких представителей межкультурного подхода к проблеме внутрисемейных взаимоотношений Н. Пезешкиан отмечает, что каждый отдельный индивид склонен рассматривать мир сквозь призму личного опыта, точнее той конкретной системы культуры, в которой он рос и формировался как личность. Это приводит к тому, что в семейных отношениях супруги с некоторой осторожностью относятся к незнакомым обычаям, ценностям и способам поведения другого. В связи с этим Н. Пезешкиан доказывает, что «плюралистическое сосуществование во многих семьях и группах, где каждый придерживается разных философских, религиозных, этических взглядов и живёт в соответствии со специфическими производственными отношениями и правилами людского поведения, становится нормой воспитательных отношений внутри отдельной семьи. Это превращает транскультурный подход в основу межличностных отношений» [5, с. 84].

Поэтому очень важна успешная адаптация супругов в смешанных браках. Адаптация зависит от умения сглаживать и преодолевать различные противоречия. В смешанных браках адаптация молодой пары может протекать более проблемно, вызывая большое количество деструктивных конфликтов.

Смешанные браки – реалья нашей жизни. Нередко это столкновение двух культурных систем со своими нормами, запретами, обрядами, традициями. Но и конфликты также являются жизненной реальией, без конфликтов сложно представить развитие общества, конфликт - неотъемлемая часть жизнеустройства мира. Конфликты в смешанных браках подвержены влиянию культурных норм и традиций, характеризующих супружеские отношения. Динамика данных конфликтов зависит от конфликтного потенциала каждой из социализирующих культур супругов и принятого стиля поведения в конфликтной ситуации в каждой из культур.

Однако, несмотря на высокую вероятность конфликтов в смешанных браках, они учат общество толерантности, умению с пониманием относиться к представителям других культур и способствуют сближению различных этносов, национальностей и религий.

Библиографический список:

1. Корнеева С.В. Межнациональные браки с иностранным партнером в современных условиях российского общества: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006.

2. Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz>
3. Харчев, А.Г. Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования: дис. ...д-ра филос. наук. Л., 1963.
4. Hofstede G. Masculinity and Femininity. The Taboo Dimension of National Cultures. Sage Publications, 1998.
5. Пезешкиан Н. Психотерапия повседневной жизни: тренинг разрешения конфликтов. СПб.: Речь, 2001.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ПОДРОСТКОВ, НУЖДАЮЩИХСЯ В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И РЕАБИЛИТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Хайруллина Ю.Р., Соловьев М.М.

Молодежь – это не только будущее нашей страны, но и ее настоящее, именно от ее самочувствия и духовного мира во многом зависит развитие различных сфер общественной жизни: экономической, духовной, политической и пр. В современном российском обществе особое внимание как в научной, так и в социальной работе уделяется той части молодежи, которая нуждается в социально-психологической помощи и реабилитации. При оказании помощи молодежи необходимо на первом этапе провести исследование ее социально-психологического состояния [2], в том числе ценностных ориентаций [7; 9].

С целью разработки и внедрения эффективных социальных технологий, в том числе форм и методов помощи подросткам, нуждающимся в социальных услугах, нами в ноябре-декабре 2015 года проведено социологическое исследование. Опрошено 587 респондентов, являющихся воспитанниками специализированных учреждений для несовершеннолетних (СУН) и клиентами Комплексных центров социального обслуживания населения. Метод опроса – анкетирование. Возраст респондентов составил 11-18 лет. Одной из основных задач исследования стало выявление некоторых аспектов ценностных ориентаций подростков, их самочувствия, наиболее часто осуществляемые ими способы выхода из трудной жизненной ситуации, а также отношение к психоактивным веществам.

Первично была проведена оценка эмоционального самочувствия. Анализ материалов социологического опроса показал, что большинство респондентов чаще всего испытывают положительные чувства (62,6%), нейтральные – 30,1%, и меньше всего испытывают негативные чувства – 4,9% (таблица 1). Это свидетельствует о том, что работу с подростками, нуждающимися в социально-психологической помощи, целесообразно направить в контекст принятия и поддержки их положительного внутреннего строя, самочувствия, ориентировать на методы работы, усиливающие позитивную направленность в мировосприятии.

Таблица 1 – «Какие чувства чаще всего ты испытываешь?»

№	Варианты ответа	Количество ответивших (в %)
1	Положительные	62,6
2	Нейтральные	30,1
3	Негативные	4,9
4	Затрудняюсь ответить	2,4
5	Всего	100

Необходимо уделить внимание списку негативных чувств, испытываемых подростками. Анализируя тему одиночества, следует отметить, что постоянно его испытывают 3,8% респондентов и часто – 4,5%, 44,3% одиноки бывают только иногда, и 47,6% заявили, что они не одиноки. Хотя друзья имеются у 96,3% респондентов, не имеют таковых – 3,7%. 85,9% подростков испытывают ощущение грусти, из них 1,8% – постоянно, 10,9% – часто, 73,2% – иногда. И только 14,1% подросткам никогда

не бывает грустно. Одной из самых разрушающих эмоций является эмоция страха. По ответам подростков выявлено, что часто бывает страшно 2,8% из общего числа респондентов, 51,9% несовершеннолетних иногда испытывают страх, и 45,3% никогда не бывает страшно. Следует отметить, что школьный возраст предполагает позитивный взгляд на жизнь, активность в жизнедеятельности, поиск радостных эмоций. Полученные данные – 3,8% постоянно одиноких, почти 5% детей, постоянно испытывающих грусть и часто – страх, – немалая цифра, вызывающая профессиональную тревогу.

Оказываясь в трудной социально-психологической ситуации, с целью попытки ее решения, по материалам исследования видно, что подростки прибегают как к позитивным, так и к негативным средствам. Отрадно, что большинство респондентов использует позитивные терапевтические средства, многие из которых относятся к духовным, – такие, как чтение книги (12,3% респондентов), прослушивание музыки (68,9%), просмотр фильмов, мультфильмов (26,2%), общение с родителями (14,8%), общение с друзьями (41,8%), пение песен (9,8%), игра на музыкальном инструменте (1,6%).

Но также имеется доля опрошенных, которые, при возникающих проблемах обращаются к деструктивным способам: употреблению алкогольных напитков (0,8 %) и курению (6,6 %). При этом выявлено, что большинство подростков не курят, не употребляет алкогольные напитки и иные наркотические вещества. Таковых 68,8%, 85,9 % и 95,6 % соответственно. Но имеется определенная значительная доля тех, кто курит (18,4%), употребляет алкогольные напитки (6,2%) и употребляет наркотические вещества (1,3%). Ранее курили, потом бросили 12,8% участников опроса. Ранее употребляли алкогольные напитки, но сейчас не употребляют – 6,2% опрошенных. Иные наркотические, токсические вещества употребляли ранее, но сейчас не употребляют – 3,1% респондентов.

Таким образом, выявляется, что в возрастной группе 11-18 лет почти 26% подростков уже имеют самоповреждающие привычки. Это весомый аргумент для усиления профилактической и коррекционной работы в направлении здорового образа жизни, профилактики наркомании. Немалую тревогу вызывает и группа респондентов, которая указала на пассивное отношение к трудной жизненной ситуации, т. к. считает, что трудная жизненная ситуация пройдет сама собой (3,3%) или ничто не может помочь в решении их проблем (0,8%). Это указывает на ощущение опрошенными детьми безысходности, невозможности оказания им помощи со стороны взрослых и друзей.

Анализ структуры ценностных ориентаций показал, что респонденты на первое место ставят семью, на второе – здоровье, на третье – материально обеспеченную жизнь, и далее в структуре ценностей подростка стоят: интересная работа, любовь и наличие хороших, верных друзей, знание, свобода (самостоятельность, независимость суждений), на последнем, девятом месте, располагаются развлечения. Следует отметить, что, хотя семья для подростков – это наивысшая ценность, к родителям в трудной жизненной ситуации обращается всего лишь около 15% опрошенных. Это говорит о том, что у значительного числа респондентов нарушены детско-родительские отношения.

Таким образом, анализ некоторых аспектов ценностных ориентаций подростков, а также их самочувствия, способов выхода из трудной жизненной ситуации и отношения к психоактивным веществам выявил ряд социальных проблем, требующих активного вмешательства специалистов помогающих профессий.

Задача воспитателей, психологов, социальных педагогов и иных работников организаций социального обслуживания – подобрать эффективные и реально помогающие каждому конкретному ребенку технологии и формы помощи и поддержки, усилить процесс формирования духовных ценностей у подростков, находящихся в трудной или социально-опасной жизненной ситуации, так как духовность и нравственность – это фундамент личности, без которой не может благополучно функционировать ни одно государство. Ярко эту мысль выразил в одной из своих поэм замечательный поэт Андрей Вознесенский:

«Мир – не хлам для аукциона.
Я – Андрей,
А не имя рек.
Все прогрессы – реакционны,
Если рушится человек» [1, с.444].

Только при наличии главенствующей роли духовных ценностей, подростки, находящиеся в трудной жизненной ситуации, смогут решить свои социально-психологические проблемы и эффективно включиться в процесс социализации. В этом смысле целесообразно подключать к социальной работе различные традиционные религиозные организации, в частности Русскую Православную Церковь и мусульманские общины. Например, Русская Православная Церковь формирует у личности такие ценности, как толерантность, патриотизм, трезвость, физическая культура и много других позитивных ценностей, в том числе оказывает существенную социально-психологическую помощь [3-9].

Библиографический список:

1. Вознесенский А.А. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. 608 с.
2. Журавлева Т.Б., Гильманов А.З., Соловьев М.М. Социологические исследования: некоторые аспекты изучения религиозности подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации // Методическая и научно-практическая работа специалистов учреждений социальной защиты по оказанию помощи нуждающимся семьям и детям в Республике Татарстан. Сборник методических, научно-практических материалов и тезисов выступлений. Часть II. Казань: Отечество, 2014 г. С. 50-61.
3. Соловьев М.М. Толерантность в православии как фактор стабилизации социальных отношений в многонациональном и многоконфессиональном обществе // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 3. С.235-238.
4. Соловьев М.М. Православие как фактор формирования духовно-нравственных ценностей современной молодежи // Научные труды Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан. Выпуск 10. Казань: Издательство «Артифакт», 2016. С.170-176.
5. Соловьев М.М. Формирование физической культуры у детей и молодежи средствами православной культуры // Молодежный научный форум: сборник тезисов международной, всероссийских и региональных конференций. Оренбург: изд-во ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный институт менеджмента», 2014. С.152-154.
6. Соловьев М.М. Антиалкогольная и антинаркотическая деятельность Русской Православной Церкви как фактор социального оздоровления общества // Методическая и научно-практическая работа специалистов учреждений социальной защиты по оказанию помощи нуждающимся семьям и детям в Республике Татарстан. Сборник методических, научно-практических материалов и тезисов выступлений. Часть I. Казань: Отечество, 2014. С.83-91.
7. Соловьев М.М. Роль религии в жизни воспитанников социальных приютов Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 3. С.155-158.
8. Хайруллина Ю.Р., Соловьев М.М. Патриотическое воспитание молодежи средствами православной церкви // Материалы научно-практической конференции Дыльновские чтения «Российская идентичность: состояние и перспективы». Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2015. С. 235-237.
9. Хайруллина Ю.Р., Соловьев М.М. Ценностные ориентации молодежи в современных условиях: роль религиозных и этнокультурных ценностей // Власть. 2015. № 11. С.156-160.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И МЕСТНЫЕ ВЛАСТИ: ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ С ГРАЖДАНАМИ

Халий И.А.

В первой декаде 2000-х гг. в своих публикациях мы утверждали, что инициатором взаимодействия власти и общества выступают главным образом структуры гражданского общества [5]. Писали мы также и о почти полной закрытости власти, даже для ученых [6]. Эта ситуация, без

сомнения, была взрывоопасной: так или иначе, но общество чувствовало, что чиновники делают, что хотят, а граждане не только не могут на это влиять, но даже и не знают, что происходит.

Не удивительно поэтому, что в 2011 г. произошел взрыв социального протеста [3], «спусковым крючком» которого стали действия так называемых несистемных оппозиционеров. Не удивительно и то, что ни сами лидеры различных оппозиционных сил, ни тем более основная масса протестующих на Болотной площади и впоследствии не сформулировали конкретных требований, ограничившись лозунгами про «воров во власти» и «нечестные выборы».

Эти стихийные со стороны большинства участников протестов действия показали управленцам всех уровней, что не общаться с населением дольше не только невозможно, но и опасно.

Первым начинает общаться с гражданами президент В.В. Путин и дает команду всем уровням и ветвям власти стать более открытыми [4]. Для этой же цели вносятся поправки в закон о политических партиях [7], в закон об открытости органов власти [1]. С этого времени стало возможным ожидать, что ситуация с коммуникацией власть – общество будет меняться.

Именно в связи с этим с 2013 г. в секторе по изучению социокультурного развития регионов России начал выполняться проект «Региональное и местное управление: обратная связь власти и общества»*. В его рамках весной и летом 2013-2014 гг. были проведены полевые исследования в восьми регионах России – трех крупных индустриальных центрах (Нижегородская, Самарская и Свердловская области) и пяти дотационных регионах (Тамбовская, Ивановская, Курская, Псковская и Смоленская области). В каждом регионе в ходе глубинных интервью с представителями региональной и местной властей, политических партий, структур гражданского общества, специалистов образования и здравоохранения, а также местных жителей (от 10 до 15 интервью в каждом регионе и их районах) была составлена база данных, на основе анализа которой и подготовлена данная статья. Основной задачей было выяснить, насколько в коммуникации власть – общество заинтересованы обе стороны, что каждая из них для этого делает, каковы результаты такого взаимодействия. Но поскольку в статье представлены лишь промежуточные результаты исследования, то в ней будут рассмотрены причины, способы и условия, в которых искомые коммуникации осуществляются по инициативе представителей власти.

Взаимодействие власти и общества на региональном уровне

Для начала следует отметить почти полное отсутствие контактов между ветвями самой власти, особенно – между исполнительной и законодательной структурами. Практически нами не выявлено открытого, публичного обсуждения обеими сторонами проблем региона. Для нас остается открытым вопрос, каким же образом представительный орган представляет интересы своих избирателей? Тем более этот вопрос важен, что депутаты всех уровней избраны от политических партий, обладающих собственным электоратом, и обязаны отстаивать его интересы. Все это требует дальнейшего исследования и конкретизации, но в общем выводе об относительно слабой координации действий, мнений и позиций между двумя ветвями власти, по крайней мере, в их публичном выражении, сомневаться не приходится. В связи с этим следует различать коммуникации двух этих структур с населением, а главное – результаты этого процесса.

Среди используемых методов коммуникации с населением обеих ветвей власти основное место занимает сегодня возможность граждан напрямую обращаться к руководителям властных органов на сайтах областных администраций и законодательных собраний. Можно обратиться к губернатору, вице-губернаторам, председателю законодательного собрания. Судьбы обращений далее зависят от качества работы того, к кому апеллируют или сотрудников его аппарата. Наш первый этап исследования показал, что личная ежевечерняя (а, судя по интервью, скорее, еженощная) работа в интернете дает положительные результаты. Респонденты отмечают, что последовательное и регулярное отслеживание обращений граждан по этому каналу и принимаемые в этой связи решения уже нередко ведут к тому, что руководители различных предприятий сами начинают следить за тем, нет ли претензий именно к их подчиненным или к деятельности подведомственного им учреждения в

---

* Грант РФФИ № 13-06-00314А

целом. Они вступают в переписку с обратившимися к «начальству» гражданами, приглашают их на прием к себе и решают проблемы. Но далее опять все зависит от того, проверяют ли последствия подобных контактов персоны, к которым первоначально было адресовано послание.

Руководители структур исполнительной власти (об этом рассказывали респонденты нескольких регионов) осуществляют регулярные организованные выезды на встречи с населением районов области. Эти выезды вызывают, пожалуй, наибольшие сомнения (если оценивать их эффективность). В интервью самых высоких чиновников было озвучено, что такие мероприятия тщательно готовятся районной администрацией, поэтому сразу, по российской традиции, возникает мысль о «потемкинской деревне». Реакция на это населения еще подлежит дальнейшему изучению, но на текущий момент исследования прозвучали только весьма негативные оценки (хотя следует отметить, что люди вообще мало об этом вспоминали, по крайней мере, без нашего конкретного вопроса): слишком редко такие встречи приводят к каким-либо позитивным результатам.

По свидетельству наших респондентов из числа руководящих представителей исполнительной власти регионов, крайне редко (если не сказать – почти никогда) они коммуницируют с лидерами оппозиционных политических партий. Можно сказать даже более того: они относятся к ним весьма пренебрежительно, поскольку не видят никакой пользы от их критики, а конструктивных предложений от них не поступает. Так что политические партии, как «мостик» между системой управления и обществом, здесь практически не работают.

Несколько лучше обстоят дела с взаимодействием с некоторыми структурами гражданского общества. Причем это взаимодействие осуществляется, скорее, отраслевыми структурами исполнительной власти. Так, коммуникации реализуют департаменты культуры (особенно в тех регионах, где этой сфере уделяется серьезное внимание, например, в Тамбовской области) с представителями неправительственных организаций творческой интеллигенции. Департаменты образования чаще вынуждены общаться с организациями родителей школьников, выступающими с различными инициативами или обращающимися с претензиями, а также со студенческими организациями в связи с их протестными акциями.

Следует отметить, что к коммуникации между властью и обществом нередко ведут протестные действия населения (правда, столь же нередко власти на них не реагируют). Это давняя проблема власти: их представителями все еще не приобретен навык ведения диалога с населением на предварительной стадии выполнения того или иного проекта, а потому местные сообщества оказываются вынужденными протестовать против уже начавшихся работ. Вероятно, многих противостояний можно было бы избежать при реализации практики согласования интересов на стадии разработки или даже планирования проектов. Слабое влияние на ситуацию оказывает и вполне инновационный метод коммуникации – общественные слушания. Чаще всего они тщательно готовятся предпринимателями и/или властями, в том числе и таким несправедливым способом как приглашение в основном своих сторонников. Так что и в ходе этих процедур голос местных жителей редко бывает услышан (если не сопровождается массовыми протестами).

Сложнее (для властей) дело обстоит с протестами, основным требованием которых становится устранение каких-либо негативных (с точки зрения населения) явлений, поскольку для разрешения проблем требуются обычно значительные финансовые ресурсы, вероятнее всего незапланированные. Тем не менее, даже в таких случаях вступать в контакт с возмущенными группами граждан необходимо: людям следует давать честную информацию о том, что касается непосредственно их жизни. К сожалению, в ходе протестных действий диалога не происходит. А формы коммуникации с местными сообществами в условиях «мирной жизни» остаются весьма традиционными: публично предоставляются отчеты о выполнении той или иной программы (часто это касается участия в Федеральных целевых программах), при этом обратной связи практически не предусмотрено, раздающиеся возмущенные или иронические возгласы слушателей с мест не вызывают реакции. То есть можно говорить о том, что по форме – это коммуникация, а по сути – обычное и привычное нам всем информирование.

Наиболее традиционным видом коммуникации является прием граждан должностными лицами. Как представляется, судя по нашим интервью, в этом случае достижение необходимого (или требуемого) результата зависит от степени налаженности личного контакта общающихся сторон (конечно, никто из респондентов напрямую этого не констатировал, ограничиваясь лукавыми улыбками и отказом открывать секреты). Не надо понимать это как некие коррупционные связи (хотя и это явно бывает). Во многом продуктивность диалога зависит от способности пришедшего на прием налаживать контакт с собеседником, степени уважения к нему как к личности со стороны чиновника, от уровня его известности на публичной арене или среди региональных управленцев (например, эффективная работа районной администрации, которую знают и отмечают в органах исполнительной власти региона).

Наконец, одним из инновационных каналов коммуникации власти и общества можно считать общественные палаты, которые сегодня есть практически при всех областных правительствах. Все высшие чиновники, которые дали нам интервью, говорили о постоянном взаимодействии с этим общественным органом, определяя их состав как включающий в себя наиболее авторитетных и известных граждан региона. Но если проанализировать состав каждой общественной палаты, то станет очевидным, что в них присутствуют люди, обладающие весьма высоким социальным и профессиональным статусом. В них преобладают такие общественные организации, как коллегия адвокатов, союз предпринимателей и т. п. Все это свидетельствует о том, что реальной связи с обществом, с населением, с сообществами «рядовых» граждан этот канал не предоставляет. Правда, нельзя сказать, что он является абсолютной имитацией коммуникации с обществом: некоторые проблемы все же удается озвучить и обсудить, но большая их часть опять остается за пределами внимания властей.

Представительные органы региональной власти чаще всего и больше всего работают в сфере коммуникаций, как и в прежние времена, в форме обращения граждан непосредственно к депутатам. В этом плане инновацией является то, что эти обращения попадают уже не просто к депутатам, но к тем политическим партиям, которые они представляют. И это связано не только с выбором именно той партии, к которой хотел бы обратиться гражданин, но и с тем, что приемные депутатов нередко совмещены со штаб-квартирами партийных организаций.

Продолжается также и практика встреч с избирателями. Однако здесь есть проблемы, как обнаружилось в ходе исследования. Организация этих встреч, без сомнения, во многом зависит от взаимоотношений депутата с администрацией территории, от которой он избран. Ведь именно в руках местной власти находятся рычаги и ресурсы, необходимые для таких мероприятий. Наибольшие препятствия встречаются на пути оппозиционных партий.

Самым инновационным способом коммуницирования выглядит сегодня деятельность депутатов в ходе избирательных кампаний. Накануне выборов на местном уровне политические партии стремятся мобилизовать ресурсы, которыми обладают региональные депутаты (такие как: их активные действия в виде агитации, их публичная известность, степень политического влияния и т. п.). Например, в исследуемых нами регионах респонденты рассказали, как партийный «десант» во главе с депутатами приезжает и работает на месте, т. е. в районах – их центре и поселениях: активно общается с населением, выявляет активистов, которых можно привлечь в члены партии и которые могут баллотироваться в муниципальные или сельские советы. Больше других в этом преуспела ЛДПР в Ивановской области.

Весьма специфическую акцию, посвященную коммуникации с местными сообществами, организовала ЛДПР. О ней свидетельствовали респонденты нескольких регионов: поезд с депутатами Государственной Думы от ЛДПР проезжает по региону, останавливаясь даже в самых его отдаленных населенных пунктах; собирают сход жителей, которые, предупрежденные заранее, приносят свои обращения в письменном виде и в ходе общения с депутатами их вручают; региональные отделения их собирают, систематизируют и передают в ГД. Это свидетельствует о том, что депутаты

представительных органов пытаются нащупать некие инновационные каналы и способы взаимодействия с гражданами.

Протестные акции и кампании вызывают реакцию всех политических партий (за исключением партии «Справедливая Россия», протестные акции которой сосредоточены главным образом на политической тематике), выливающаяся в непосредственное участие их членов (в том числе и депутатов разных уровней), в попытки стать медиатором между обществом и властью, в стремление возглавить борьбу.

Так или иначе, но депутаты собирают огромное количество обращений граждан, некоторые озвученные в них проблемы они оказываются способными разрешить самостоятельно, в отдельных случаях бывают необходимы юридические консультации, которые предоставляют партийные юристы, но, пожалуй, чаще всего приходится отправлять запрос в органы исполнительной власти. Как действуют депутаты, когда их запрос остается без необходимого решения, остается пока не ясным в виду того, что нами не выявлено возможности совместного обсуждения проблем представителями двух ветвей власти.

Коммуникации власть – местные сообщества

Казалось бы, избежать коммуникации власть – общество на местном уровне, где все друг другу знакомы, живут по-соседству, встречаются каждый день, практически невозможно. Однако все это не оказывается решающими предпосылками устойчивых контактов, а тем более – в диалоговом режиме. В чем же причины?

Нами выявлено три типа коммуникации на местном уровне: 1) формальное выполнение властными органами указаний «сверху»; 2) реальное взаимодействие власти с местными сообществами; 3) почти полное отсутствие контактов. Причины такого деления кроются в природе (происхождении) состава властных структур на местах.

Первый тип взаимодействия реализуется в тех случаях, когда в местном сообществе отсутствуют лидеры общественного мнения, способные и готовые действовать в сфере управления. В таких ситуациях у руля местной власти находятся бывшие чиновники и работники еще советских предприятий и учреждений. В их деятельности отсутствует инициатива, они довольно тщательно выполняют свои функции, коммуникации с внешним для них миром осуществляются дозированно и по «мере необходимости», и носят скорее ритуальный характер. Жизнь течет как бы мимо всех, сама по себе, но отсутствие контакта власть – общество вызывает ощущение социальной напряженности: при возникновении острой проблемы отсутствие каналов связи может привести к социальному взрыву. Формальное отношение к коммуникации власть – общество приводит к слабой информированности местного сообщества о конкретных сферах его жизнедеятельности и непониманию, вследствие этого, действий властей, к настороженному отношению к власти в целом.

Второй тип коммуникаций реализуется пока еще весьма распространенной командой активных сотрудников местного самоуправления, возглавляемой реальным лидером местного сообщества. Они, также как и в предыдущем типе коммуникаций, являются выходцами из советской системы управления, но и тогда, и сейчас обладавшие и обладающие гражданской позицией и принципами, основанными на том, что деятельность органов власти должна быть направлена на служение местному сообществу. В этих случаях наблюдается картина регулярного неформального общения, власть открыта, необходимость изобретать способы коммуникации отсутствует – их подсказывает сама жизнь.

В таких локальностях реально видимы перемены к лучшему. Обустраиваются города и другие населенные пункты: по мнению жителей, бюджет «не разбазаривается», напротив, финансы мобилизуются из всех возможных источников («мы участвуем во всех возможных программах», говорят в интервью чиновники местных органов власти); поддерживается эффективный контакт местной власти с властями региона (по словам одного из заместителей руководителя района, «мне легче пойти навстречу, чем отказать»); налажена коммуникация с местным бизнесом, который не притесняется и не подвергается поборам, но добровольно участвует в жизни местного сообщества;

очевидны постоянные взаимодействия с медицинскими и образовательными учреждениями, также (и обязательно!) с учреждениями культуры (именно в таких локальностях мы наблюдали их относительное благополучие и активную деятельность).

Локальный социум выглядит более благополучным. Местные жители не агрессивны и не апатичны; отсутствует огульно негативная оценка деятельности местной власти; снижен уровень девиантного поведения (директор одной из муниципальных школ свидетельствует: «если у нас возникает неблагополучная (алкоголь) семья, мы сразу бросаем все силы на ликвидацию проблемы»). Особое внимание здесь уделяется детям и молодежи, а также ведется работа с их родителями: это и летние детские городские лагеря, причем возникают и их новые формы; это и организация культурного молодежного досуга (даже ночь музеев проводится с ориентацией на школьников и молодежь, по свидетельству местного музея, в мероприятии этого года участвовало более полутора тысяч человек); это поддержка и развитие детских художественных школ и коллективов (что, по мнению работников департаментов молодежной политики, не просто отвлекает молодежь от «улицы», но некоторых, уже попавших в тяжелейшие ситуации, даже спасает); это и внеучебная работа школ.

Отдельно следует отметить, что и в локальностях с открытым типом коммуникаций, взаимодействия органов управления с политическими партиями не осуществляется, чего мы ожидали в связи с введением нового закона о партиях. Как и на региональном уровне, власть больше контактирует с общественными организациями, которые на местном уровне чаще всего носят не протестный, а «конструктивный» характер, занимаясь разрешением проблем своих членов собственными силами. Нередко также именно по инициативе власти создаются новые общественные организации (например, «Дети войны»), которые направлены на поддержку и помощь конкретным социальным слабобесурсным группам. Присуща этим органам власти и открытость к внешним контактам: в двух органах местного самоуправления на наш вопрос о том, почему они так легко согласились на встречу с нами, они ответили: «мы используем любую возможность заявить о себе, показать, как мы живем и работаем, нам нужно приобретать известность и авторитет».

Наконец, последний тип коммуникаций – почти полное их отсутствие – возникает в тех локальностях, где руководство осуществляется не местными, а сторонними чиновниками (жители говорят: «сместили избранного нами мэра и прислали своего человека, которого ни мы не знаем, ни он нас»). Либо муниципальную власть возглавляет предприниматель, чей бизнес находится на другой территории и который заинтересован в его расширении. В таких случаях позиция населения однозначна: «он делает только то, что ему лично и его друзьям необходимо». В таких городах жизнь как бы замирает: социально-экономического, а тем более – политического развития не обнаруживается. Именно здесь и возникают протестные действия, о которых говорилось в связи с коммуникациями на региональном уровне и в которых принимают участие политические партии в лице их депутатов.

Некоторые выводы

Подчеркнем еще раз отсутствие коммуникаций между ветвями и уровнями власти в публичном пространстве. Это отсутствие транслирует обществу, что власти не взаимодействуют друг с другом, тем более они не готовы к взаимодействию с обществом.

Инновационные способы коммуникации на текущий момент хотя и возникают, но еще очень слабы, а потому нередко превращаются в имитационные действия.

Основными инициаторами инноваций являются структуры гражданского общества, включая политические партии. Власть сегодня все еще весьма консервативна. Наибольшая её открытость проявляется на местном уровне (причем реализуется теми руководителями, которые являются выходцами из советской системы управления).

Значительные тенденции к открытости свойственны также и властям не крупных и слабобесурсных регионов, хотя, конечно, не всем и далеко не в равной степени. Это слабое развитие, а сегодня еще и угроза банкротства регионов, оказывается «мотором», заставляющим власти искать решения проблем совместно с населением, по крайней мере, с его активной частью.

Власти крупных индустриальных центров гораздо более закрыты, поскольку их основной интерес – это масштабные проекты, не имеющие в основном отношения к местным сообществам и большинству жителей региона.

Библиографический список:

1. В закон об открытости органов власти внесены изменения // Официальный сайт партии «Единая Россия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://er.ru/news/2013/6/9/v-zakon-ob-otkrytosti-organov-vlasti-vneseny-izmeneniya/>
2. Волков Д. Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 гг.: запрос на модернизацию политических институтов // *Вестник общественного мнения*. 2012. № 2. С. 73-86.
3. Новая протестная волна. Доклад // Фонд развития гражданского общества. Политические исследования. 06.12.2012 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/view/13>
4. Путин: эффективность госуправления зависит от открытости власти // РИА Новости. 03.11.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/politics/20120717/701681916.html>
5. Социокультурные основания деятельности современных российских неправительственных организаций. Информационно-аналитический бюллетень. № 1. М.: Институт социологии РАН, 2010. 59 с.
6. Халий И.А. Власть и общество: в поисках взаимодействия // *Власть*. 2012. № 9. С. 16-20.
7. Федеральный закон Российской Федерации от 2 апреля 2012 г. N 28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» [Электронный ресурс] // Российская газета. 04.04.2012. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/04/04/partii-dok.html>

РОЛЬ БИЛИНГВИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ КЫРГЫЗСТАНА

Шаршембиева Т.С.

Кыргызстан с приобретением своей независимости достиг немалых высот на своем пути, стал известным в мировой арене как островок демократии; наряду с приобретением статуса независимого государства приобрел и символы самостоятельной республики: гимн, флаг, язык и т.д.

Однако, как правило, все новые вещи прежде, чем занять определенное место, сталкиваются с некоторыми преградами. Одна из этих проблем - проблема языка.

Кыргызстан является многонациональной страной, на основе чего ее народ является гражданами мультилингвистической страны, из которых 72,6% составляют кыргызы, остальную часть - другие этнические группы [1, с. 101].

По этой причине, социально-политическая стабильность страны напрямую зависит от межнациональных отношений и их диалога между собой.

После приобретения независимости Кыргызстана, кыргызский язык был принят как государственный язык. Но в качестве общего универсального языка, в связи с многонациональностью страны, для свободного понимания друг друга, для жизни в мире и согласии, для укрепления внешних связей: экономических, социально-политических, культурных соглашений и их реализации, стал русский язык, являющийся юридически закрепленным официальным языком.

Тем не менее, после принятия закона в целях укрепления статуса кыргызского языка, некоторые организации перестали принимать на работу граждан, не знающих государственного языка, а также выдвинули идею об осуществлении всей документации только на кыргызском языке.

В многонациональной стране не готовые к крутым поворотам жизни представители нетитульных этносов столкнулись с рядом проблем, на почве чего лучшим специалистам Кыргызстана пришлось, поменяв свое местожительство, покинуть республику. В связи с этим, страна не осталась в преимуществе, а наоборот, потеряла много высококвалифицированных кадров.

К сожалению, такие необдуманные шаги приводят ко многим неожиданным последствиям, вплоть до разжигания межнациональной розни, создавая напряженность даже с теми странами, которые считались братьями. И все это негативно отразилось на и без того слабых сторонах страны: на экономической, политической и духовной жизни.

На этой основе проблема языка все еще остается недостаточно решенной и проработанной, что определяет актуальность данной статьи.

Язык – это многофункциональный инструмент, широко использующийся в жизни общества. Согласно мнению И. Домашнева, не будет целостности государства, если не будет языковой связи между населением. Если посмотреть на проблему с прагматической точки зрения, для ведения переговоров и коммуникации должен быть принят определённый язык, но без причинения какого-либо вреда статусу других национальных государственных языков. В то же время, автор не отрицает, что в стране, где преобладают представители других национальностей, люди могут говорить на языке соседа для понимания друг друга, что станет в итоге просто привычкой [2, с. 13].

В соответствии с Конституцией Кыргызстана, каждый гражданин страны имеет право на образование [5, с. 2]. В таких условиях для того, чтобы идти в ногу с современными стандартами, необходимо разработать новые стратегии, проекты в системе образования. Так, возник проект, связанный с преподаванием школьных дисциплин на различных языках.

На основе этого проекта решением Министерства образования и науки Кыргызской Республики было выбрано 39 школ и 5 дошкольных образовательных учреждений. Для них специально была введена технология концентрированного образования с экспериментальным учебным планом. Конечно, под влиянием различных факторов (финансовый, кадровый, физико-инфраструктурный, связанный с менталитетом, с бюрократией) количество таких школ очень ограничено.

Для достижения цели ограничиваться только отбором школ недостаточно, точнее, необходимо обратить внимание на подготовку кадров, которые будут реализовать данный проект. В связи с этим, в осуществлении эксперимента на сегодняшний день участвуют 3 ВУЗа Кыргызстана, где идет подготовка специальных кадров, в соответствии с требованиями эксперимента.

Итак, во главе проекта стоит проблема билингвистического образования. В 60-70 гг. XX века во многих школах Западной и Центральной Европы, Канады и Соединенных Штатов билингвистическое образование являлось приоритетной задачей. Оно включало изучение предметов на родном и еще дополнительно на втором языке [4, с. 158].

Так на основе билингвистического образования, помимо изучения языка, преподаются и другие дисциплины на втором языке. Например, если математика будет преподаваться на кыргызском языке, то физика – на русском.

После окончания школы ожидается, что ученики смогут полностью использовать полученные знания, как минимум будут свободно разговаривать на двух языках, а также овладеют еще одним иностранным языком.

Согласно документам ЮНЕСКО, государства «с целью уменьшения языковых барьеров государства должны предоставить необходимые ресурсы и принять необходимые меры для обучения языкам, разработать активную национальную политику, направленную на ее развитие, и наряду с этим необходимо добавить родные языки в киберпространство» [6].

В этой статье представлены некоторые результаты, касающиеся вопросов языка, на основе социологического исследования «Проблемы общегражданской идентичности Кыргызской Республики», где участвовали 2000 респондентов. Исследование было проведено сотрудниками Кыргызско-Турецкого университета «Манас».

Итак, по мнению 60% респондентов, кыргызский язык должен стать языком для коммуникации между этническими группами, проживающими в Кыргызстане. Система образования (ВУЗы, школьные учреждения) и наука в целом должна вестись исключительно на кыргызском языке – «согласны частично» 25% опрошенных, около 13% сказали, что они «не согласны» с этим мнением.

Но, если посмотреть на эту ситуацию в национальном разрезе, то можно увидеть совсем иную картину. Например, 20,7% русских, 55,5% узбеков и 32,2% представителей других этнических групп высказались, что не поддерживают эту идею.

Конечно, очевидно всем, что если работать и учиться только на кыргызском языке, это создаст некие неудобства для некоторых национальностей, проживающих на территории Кыргызстана.

Идею о том, что в обязательном порядке в дополнение к кыргызскому языку молодежь должна обладать и русским языком, поддерживают 64% опрошенных, «согласны частично» - 26% , число не согласившихся составило 8,6%.

А если посмотреть на ответы в национальном разрезе, то согласны с этим мнением свыше 80% русских и представители других наций, в то время как кыргызы и узбеки согласны примерно на 60%. Из этого следует, что русский язык в республике будет еще активно использоваться.

В современном мире имеется совокупность различных возможностей для развития индивидуума. Одним из них является - полиязычие [4. с. 159]. По этому вопросу каждый седьмой участник опроса из десяти согласился с тем, что молодежь должна обладать к дополнению кыргызскому еще несколькими иностранными языками. Естественно, в основе такого ответа лежат требования современного мира. Например, если мы выбираем мультикультурную концепцию развития, то вузы, которые дают возможность студентам получить образование одновременно на нескольких языках, смогут формировать мультикультурную личность.

Стандарты международного уровня по знанию нескольких иностранных языков требуют продвижения концепции многоязычия и на основе этой системы образования предполагается появление новой многоязычной личности [3, с. 6].

Исходя из этого, респондентам был задан вопрос: «Каков Ваш уровень владения следующими языками?» (см. таблицу 1).

Таблица 1

Ответы	Кыргызский язык (%)	Русский язык (%)	Английский язык (%)	Другие языки (%)
Свободно разговариваю и пишу	82,7	47,8	3,6	2,2
В целом могу изъяснять свои мысли	8,2	35,7	13,2	2,0
Понимаю, но не умею разговаривать	6,7	12,2	24,9	1,8
Не знаю, нет ответа	2,4	4,3	58,3	94,0

Как видно из таблицы 1, в Кыргызстане уровень знания кыргызского и русского языков не на одном и том же уровне.

Если посмотреть на региональном уровне, то заметим что русский язык хорошо развит в регионах (Чуйская, Иссык-Кульская области), где преобладают представители этносов славянского происхождения, и в столице, а в других областях хорошо развит кыргызский язык. В связи с этим, необходимо установить баланс между кыргызским и русским языками, а затем переходить к интенсивному изучению иностранного языка (английского и др.).

Таким образом, в мире есть необходимость перехода на билингвистическую систему образования, т.е. современной системе образования недостаточно одного языка. Кыргызстан в таких условиях не исключение, эта уникальная, многонациональная страна максимально пытается создать поликультурное пространство и, тем самым, позволяет себе объединять восточные, азиатские, западные и европейские тенденции.

При введении билингвистической системы образования ожидается решить ряд следующих вопросов:

- разработать на высоком качестве новые учебные программы и учебно-методические пособия, которые отвечают требованиям билингвистической системы образования;
- подготовить образовательно-методические инструменты для преподавания общеобразовательных дисциплин не на родном языке;
- разработать методические и дидактические пособия для преподавания всех языковых дисциплин, которые будут работать по единому механизму;
- координация теоретических и прикладных исследований, и на основе этого введение билингвистической программы в общую систему образования;

- распространение и популяризация кыргызского языка как государственного языка внутри страны, в то же время создание условий для свободного овладения им представителями других национальностей и доступного общения среди всех граждан страны;

- «услышать» представителей других наций и стремиться вместе решить проблемы, связанные с языком.

Библиографический список:

1. Демографический ежегодник Кыргызской Республики 2009-2013 гг. Бишкек 2014. с. 319
2. Домашнев А.И. Филологические исследования: Памяти академика Георгия Владимировича Степанова. М.: Наука, 1990. С. 4-17.
3. Кондубаева М.Р. Научно-исторические основы формирования культуры речи двуязычного учителя-словесника: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Алматы, 1995. 339 с.
4. Концепция развития полиязычного образования в Республике Казахстан. Караганда: Изд-во КарГУ, 2008.
5. Закон «Об образовании» Кыргызской Республики. 03.2003. № 92. Статья 3 // Эркин Тоо, 3.04.2003.
6. Рекомендация о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/multilingualism_recommendation.shtml

ПРИГРАНИЧНОЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ОДНА ИЗ ФОРМ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Шишкарева Н.В., Ухалова Т.С.

Процесс международной экономической интеграции, как в группах стран, так и в отдельных регионах мира, является неотъемлемым в развитии нашей цивилизации. Глобализация стала основной экономической тенденцией наших дней, она активизирует процессы взаимодействия и увеличение взаимозависимости экономик различных государств. В связи с данной тенденцией происходит формирование новых видов межрегионального сотрудничества, характерными чертами которых являются: взаимопроникновение национальных процессов, формирование и развитие одного хозяйственного комплекса. Без сомнения, приграничное межрегиональное сотрудничество является одним из новых видов мирохозяйственных связей, поскольку в случае интернационального сотрудничества приграничных регионов формируются взаимосвязи между национальными хозяйствами. Другими словами, происходит формирование системы взаимопроникновения и переплетения целей государств, растет взаимозависимость и взаимосвязь государственных экономик [2].

Так, согласно Сведениям Минэкономразвития Российской Федерации, процесс приграничной торговли отмечен на значительных участках государственной границы РФ. Данным видом деятельности занимаются около 1 млн населения страны, а около 50 тыс. юридических лиц осуществляют торговые операции на территории близ границы. В настоящее время органы статистики и таможенные органы никак не отслеживают сведения, согласно которым было бы возможно определить объемы приграничной торговли. Анализируя данные, полученные муниципальными образованияами, территориальными представительствами федеральных органов исполнительной власти, путем социологических исследований, можно определить, что ежегодное товарооборот на приграничных территориях равняется приблизительно 15 млрд долл. США [0].

Анализируя мировой опыт формирования приграничного взаимодействия, можно сказать, что приграничные территории в наибольшей степени подвергаются воздействию интеграционных процессов. Непосредственно в связи с географическим положением они являются основной площадкой для создания механизмов успешного партнерства соседствующих территорий разных государств.

Приграничное межрегиональное сотрудничество формируется в связи с различными причинами, кроме того, участники сотрудничества ставят перед собой не всегда одинаковые цели. Во-первых, приграничное межрегиональное сотрудничество активизируется вследствие усиленных торго-

финансовых взаимоотношений между соседствующими регионами. Во-вторых, совместная работа регионов формируется на базе близости культур и истории. В-третьих, регионы объединяются в результате общественно-политических усилий, которые не во всех случаях принимают во внимание и опираются на различия и особенности экономического и исторического развития приграничных территорий.

Межрегиональное сотрудничество становится одной из наиболее важных форм развития российско-китайских отношений. Россия и Китай являются соседями и крупными державами. Они прилагают совместные усилия для формирования и развития отношений стратегического партнерства. Естественной основой межрегионального сотрудничества является протяженная граница между Россией и Китаем, которая формировалась не одно столетие. Структура экспорта из России в КНР включает в себя преимущественно необработанную древесину, металлы, энергоносители. В структуре экспорта из КНР в Россию преобладает одежда и обувь, фрукты и овощи, а так же машинно-техническая продукция.

Относительно приграничного сотрудничества РФ и КНР можно обнаружить факторы, которые способствуют развитию межрегионального сотрудничества. Во-первых, крепкие политические связи между двумя странами. Во-вторых, энергетическое взаимодополнение. На востоке России регионы обладают большими запасами ресурсов. На территории Сибири и Дальнего Востока находятся месторождения нефти, угля, газа, леса и т. д. Региональное Министерство природных ресурсов занимает особенное место в государственном управлении дальневосточных регионов. Сильные энергоресурсные возможности этого региона является основой для развития его экономики [4]. Со стороны китайского региона все острее наблюдается недостаток энергетических ресурсов. Разрешение вопроса, связанного с нефтяной безопасностью, считается залогом стабильного развития экономики Китая. В связи с повышенным уровнем потребления нефти и зависимостью Китая от импорта черного золота, КНР старается расширить спектр энергетических ресурсов и найти новые каналы для импорта энергоносителей.

В-третьих, это преимущества географического положения. Существование общей границы между государствами является причиной уменьшения транспортных издержек при двусторонней торговле. Кроме того, важную роль играет наличие железных дорог, которые значительно удешевляют стоимость доставки грузов, это в два раза дешевле, чем доставка по воздуху и морю [1]. В настоящий момент происходит формирование единой транспортной и информационной сети, которая включает в себя автомагистрали, железные дороги, аэропорты, теле- и электрокоммуникации, которые существенно упростят доставку товаров северо-восточных провинций Китая и Дальнего Востока.

Также существующий недостаток трудовых ресурсов в России компенсируют миграции человеческого капитала из КНР, что, кроме того, уменьшает перенасыщенность трудовыми ресурсами на северо-востоке Китая. Большинство промышленных комплексов, расположенных на северо-восточных провинциях КНР, выпускают высокотехнологичные продукты, так как эта территория богата природными ресурсами и имеет развитую транспортную и социальную инфраструктуру. В настоящий момент на северо-востоке Китая происходит формирование системы, основанной на тяжелой промышленности [2]. Стремительное развитие данной отрасли позволит этому региону Китая стать самой крупной промышленной площадкой КНР, что будет содействовать развитию экономических связей с Дальним Востоком России.

Несмотря на существование значительного количества положительных факторов, которые способствуют развитию трансграничного сотрудничества России и Китая, также существуют проблемы, замедляющие данный процесс. К основным проблемам относятся:

- слабое развитие инфраструктуры, поддерживающей субъекты малого и среднего бизнеса;
- необработанность транспортной инфраструктуры по отношению к приграничной торговле;
- высокий размер пошлин на продвижение продукта на новый рынок сбыта;
- неразвитость информационной инфраструктуры. Также отличительными характеристиками торговли с Китаем является низкое качество продукции и небольшой спрос на бренды.

Кроме того, предприниматели из Китая не вовремя обращают внимание на перемены в конъюнктуре российского рынка и на уровень потребительского спроса [3].

Данные проблемы мешают формированию партнерства на приграничных территориях. Очевидно, что на решение существующих проблем должны быть направлены усилия как России, так и Китая. Правительства двух стран активно работают над формированием стабильной инвестиционной среды. Благодаря поддержке развития предпринимательства на иностранном рынке происходит привлечение инвестиций, разрабатываются высокие технологии, создаются новые рабочие места и улучшается уровень развития приграничных территорий двух государств.

Помимо этого, для устранения ограничений на внешнюю торговлю и увеличения размера инвестиционных вложений следует повысить степень открытости портов на приграничных территориях, либерализовать международную стандартизацию, транспортную и социальную логистику. Вследствие упрощения ведения торговли на приграничных портах РФ и КНР увеличится поток товаров, услуг, инвестиций и рабочей силы.

В соседствующих регионах на границе России и Китая существует низкий уровень открытости экономики, что тормозит развитие приграничной торговли. Следует увеличить товарную номенклатуру, создать привлекательную среду на приграничных территориях для предпринимательской деятельности и полностью воплотить в жизнь «Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской народной республики (2009-2018 гг.)».

Таким образом, несмотря на существование определенного количества трудностей, в настоящее время происходит развитие предприятий, ориентированных на приграничную торговлю России и Китая.

Библиографический список:

1. Лузянин С.Г. Российско-китайское сотрудничество в Северо-Восточной Азии: к устойчивому развитию и взаимному процветанию. Южно-Сахалинск: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2011. 151 с.
2. Лузянин С. Г. Внешняя политика Китая: от регионального к глобальному // Вестник ДВО РАН. 2012. № 63. С. 31-54.
3. Титаренко М.Л. Китай и Россия в современном мире. СПб.: СПбГУП, 2013. 81 с.
4. Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30364/
5. Портал внешнеэкономической информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ved.gov.ru/>

ЛОКАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА И РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ ГРАЖДАНСКОГО КОНТРОЛЯ

Яковлев И.В.

Проблему локальных сообществ на данный момент, в целом можно назвать одной из проблем, позволяющей двигать вперед целый комплекс наук. Благодаря выбранному в научном дискурсе ориентиру на изучение локальных сообществ в виде групп, проживающих в границах одной территориальной единицы [1, с. 37], становится возможным представлять данные территориальные единицы в социальном измерении единым целым. Подобный подход, при этом, позволяет объединить наработки различных дисциплин – экономики, права, психологии, политологии, ряда естественнонаучных дисциплин и т.д.

Развитие региональных систем гражданского контроля в субъектах РФ находится под влиянием федеральных тенденций (как в случае с формированием института общественных палат в регионах РФ и на местном уровне), а также традиций, принятых в конкретном регионе и социально-экономических и политических вызовов, стоящих перед регионами (на что указывают результаты изучения институтов и практик гражданского контроля в регионах РФ). Учитывая, что городское население страны

составляет около 75 % всего населения России, а 58% населения проживает в городах, насчитывающих более 100 тысяч человек(к данной категории можно отнести практически все столицы регионов РФ) [2], именно данные локальные сообщества представляют наибольший интерес в изучении региональных систем гражданского общества. Ориентир на выбор данной категории городов обусловлен, во-первых, традицией классификации городов советскими и российскими географами и социологами (обычно причисляющими город с населением более 100000 к категории больших городов), а во-вторых, относительно стабильным уровнем населения в данных населенных пунктах (они в меньшей степени подвержены демографическим колебаниям, чем города и городские округа с населением менее 100 000 человек). Исключением из данного правила, разве что, можно считать города Подмосковья, существенно укрупненные за счет объединения двух городов.

Внутренние факторы, способствующие развитию систем гражданского контроля, можно представить как архитектуру сообществ, позволяющих развивать на базе экономических и социальных факторов особые гражданские качества, что в конечном итоге находит свое отражение в активности гражданского общества. К экономическим факторам следует отнести такие показатели как: наличие развернутой системы производственных отношений, с высокой степенью активности экономических акторов; достаточный уровень экономического благополучия в локальном сообществе; возможность выбора альтернативных вариантов заработка индивидуумами. К социальным факторам следует относить такие факторы как: наличие развернутой системы защиты гражданских прав и свобод; наличие альтернативных вариантов для горизонтальной и вертикальной мобильности; высокий уровень интереса к политической жизни общества, за счет формирования развернутой системы органов государственной и муниципальной власти.

Интерес к данной категории городов и изучение их влияния на развитие институтов и практик гражданского контроля в субъектах РФ при этом обусловлены и внешними факторами. Так, в ряде случаев, и что особенно актуально для Подмосковья, развитие городов-спутников обусловлено доступностью жилья и сравнительно низким уровнем стоимости социальных благ, при высоком уровне развития транспортной системы. Подобная ситуация характеризует и взаимосвязь федерального центра и региональных центров, однако в основе данного фактора лежат экономические соображения. Активная молодежь центральных регионов стремится для обучения и развития в Москву и Петербург, при этом, жители столиц активно развивают экономический потенциал региональных центров и больших городов в регионах [3]. Вместе с экономически активным населением Москвы и Петербурга, в Подмосковье и ближайшие региональные центры проникают не только инвестиции и инновации, но и особая культура гражданственности. Несколько иная ситуация за пределами ЦФО и СЗФО, однако активная экономическая экспансия со стороны «столичных гостей» в крупные города страны позволяет активно развивать экономическую жизнь регионов – а, следовательно, и политическую культуру.

Локальные сообщества крупных городов при этом, имеют наиболее важное значение в формировании и поддержании традиций регионов. Так, например, обращая внимание на сформированные в субъектах институты гражданского общества (прежде всего, общественные комитеты при органах государственной власти и НКО) нельзя не заметить, что данные институты формируются именно в границах крупных городов и в первую очередь ориентируются на работу в рамках определенной локальной общности. Практика показывает, что распространяя свой опыт, данные организации обычно стремятся расширяться, как за счет развития своей деятельности в рамках регионов, так и поделиться опытом работы в рамках деятельности на общероссийском уровне.

Акцентируя внимание на расширении деятельности организаций гражданского общества на региональном уровне, рассмотрим пример развития институтов и практик гражданского контроля в Ростовской области. Используя данные по мерам поддержки Правительством Ростовской области и данные измерения активности НКО в регионе, следует пояснить, что наиболее активными в сфере развития гражданской культуры и институтов гражданского контроля являются в первую очередь г. Ростов-на-Дону (где, помимо регистрации самого большого количества НКО в регионе, осуществляется и переподготовка работников некоммерческих организаций), г. Новошахтинск, г.

Волгодонск и г. Таганрог. Именно на основе деятельности некоммерческих организаций и общественных советов при органах государственной и муниципальной власти происходит развитие институтов и практик гражданского контроля в сельской местности [4, с. 429]. Помимо этого, именно на основе деятельности НКО и общественных советов при органах государственной и муниципальной власти происходит развитие законодательства в сфере гражданского контроля [5, с. 1310], [6, с. 217]. Подобная практика при этом свойственна не только Ростовской области и южным регионам России, но и всем регионам РФ.

Подобная тенденция во многом может считаться объективной закономерностью для регионов РФ, что обусловлено следующими факторами. Первое, в рамках законодательства РФ существуют единые принципы для формирования органов государственной власти, так же как и законодательства в сфере регулирования деятельности некоммерческого сектора. Второе – единые политические установки, принципиальные позиции и во многом схожие взгляды на социальные проблемы страны в целом и регионов, в частности, особенно в ряде вопросов, касающихся сферы деятельности некоммерческого сектора. Третье – общие социально-экономические детерминанты развития общества, формирующие социально-экономическую и гражданскую активность граждан.

Следовательно, локальные сообщества крупных городов в субъектах РФ имеют наиболее существенное значение при формировании региональных систем гражданского общества.

Библиографический список:

1. Карлова Е.В., Зюзин П.В. Локальные сообщества жителей в условиях транспортных городских барьеров // Вестник Моск. ун-та. 2014. № 5. С. 36-41.
2. Федеральная служба государственной статистики. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/bul_dr/mun_obr2017.rar
3. Аронов Н. Ни к селу, ни к городу. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2827541>
4. Албегова И.Ф. Институционализация гражданского общества в сельском социуме: методология изучения и опыт реализации // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. № 39. С. 428-432.
5. Исаева Е.А. Общественные палаты в субъектах российской федерации как основная диалоговая площадка власти и общества: особенности формирования // В мире научных открытий. 2014. № 3.3 (51). С. 1308-1317.
6. Фатеева С.В. Лыгина А.А. Основы функционирования некоммерческих организаций в Ростовской области // Научное и образовательное пространство: перспективы развития. 2017. С. 215-219.

TRANSFORMATION OF VALUE SYSTEM AND ITS CORRESPONDENCE WITH RELIGION IN THE POST-SOCIALIST PERIOD

Lučić Miomirka

Since values pervade all social spheres: cultural, political and economic, their interpretation and analysis are very complex. We dealt with the analysis of value system in the post-socialist period in the example of Montenegrin society within this paper. Traditional values such as solidarity, closeness among people, and social cohesion are greatly questioned in Montenegrin society of the post-socialist period. The culture of individualism, alienation, and fear for one's own existence is revived, so the revitalization of religious practice, which tries to restore traditional values, enters the scene. In this regard, we focused in the paper on the analysis of the influence of religious revitalization on the return of traditional values.

The consideration of values requires not only a socio-historical analysis of the epoch where the values are found, but also the analysis of previous epochs that at least partly left a mark on newly-formed values. Despite the influence of socio-historical context of a particular epoch, the actual social reality has the greatest significance for the values because the values only have meaning, significance, and importance if they can be

incorporated within the real social practice and if they opt for a way of acting in the context of that social reality.

According to the dynamics of social development in Montenegro, we can perceive the tendencies aimed at suppressing traditional patterns of behaviour and «violent» imposing «new» modern patterns in social circumstances from the end of the 20th and the beginning of the 21st century. We should add the fact that is of a great importance for our further analysis, and it concerns the social conditions that are not mature enough for including the new «modern patterns» within the social practice of Montenegrin society. Pantic explains the gap between social reality and established goals that are intended to achieve by using Durkheim's term anomie. «Anomicity as a feature is coloured and connected in terms of the value, with ambiguous goals and a high degree of conflict, and it is manifested through three components: cognitive component (the disorder of goals - cognitive disorientation), emotional component (depressive - anxiety syndrome), and motivational component that is manifested as withdrawal, cynicism and passivity» [5, p. 176]. We can say that social reality is not compatible with the norm in such a social climate that we have characterized as anomic. The outcome of this is a moral crisis that marked the post-socialist period in Montenegrin society, which largely obstructs the further process of building a «healthy society», in which focus is a «healthy personality». Thus, social, economic, and political crisis creates conditions that have, as an outcome, something that Fromm defined as an unhealthy society, which at the same time creates distrust, hostility, subordination, and deprivation of a sense of «self» [2]. The man returns to religion with the aim of restoring the meaning of life and basic values common to entire mankind (truth, love, and justice) in social conditions where he has lost security in social institutions, and the fragility of social ties has become the main characteristic of social relations.

Despite social development and promotion of secular and rational values emphasized by Ronald Inglehart and Christian Welzel [4], the end of the 20th and the beginning of the 21st century are marked by numerous social transformations that bring religion into society, such as Montenegrin. Although the religiosity in the socialist period experienced marginalization, the end of the 20th century revitalizes the religiosity and returns the privileged position to it. Such a status of religion in society would also imply an action in accordance with religious postulates, as well as the formation of a value system inherent in religious principles. The return of religion or the intensification of its influence can be explained by the increase in uncertainty about one's own existence, as well as the continuous changes that a man of the modern society should adapt to, on a daily basis, changing himself and his habits. In this regard, Steve Bruce emphasizes that «we should seek the essential problem in reformation which was a shortcut to the raising of individualization and rationality that would significantly change the way of religion in the world» [1, p. 107]. Although that religion moves from the sphere of public to the sphere of private space, our opinion is that the importance of religion i.e. the process of desecularization is increasingly gaining importance, because in pre-industrial societies a man sought salvation from the unknown forces of the cosmos in religion. Thus, in the modern society, he seeks salvation from the inventions he has created independently. The aspiration of a man of the modern society reflects in an effort to preserve his identity, and in order to succeed in that, it is necessary to maintain a correspondence with traditional values that find its support in religious learning, with an emphasis on moral values. This observation is confirmed by Inglehart and Norris «virtually all of the world's major religious cultures provide reassurance that, even though the individual alone can't understand or predict what lies ahead, a higher power will ensure that things work out. Both religion and secular ideologies assure people that the universe follows a plan, which guarantees that if you follow the rules, everything will turn out well, in this world or the next. This belief reduces stress, enabling people to shut out anxiety and focus on coping with their immediate problems. Without such a belief system, extreme stress tends to produce withdrawal reactions» [3. p. 29].

The importance of traditional religious practice in Montenegrin society is confirmed by the study of Vladimir Bakrac [1] on religiosity of the young in Montenegro. The author obtains the exact data: «Respondents with a low degree of belief perform the ceremony of baptism in 91,8%, and 83,7% of the same respondents agree with an assertion that religious holidays should be celebrated, which is an indicator that traditional religious practice is very actual among all respondents» [1, p. 315].

The return to religious practices is aimed at revitalization of social relations that were questioned in the post-socialist Montenegrin society. The manifestation of religious practice through baptism or the slava can be properly interpreted as an endeavour or return to the other man with the aim of reviving the alienated (estranged) social relations. Traditional religious practice endeavours to return the greatest human wealth, and that is the other man with whom he shares and develops the noblest spiritual and human feelings, fears and hopes. Since the closeness among people has been forcibly abolished and replaced by technical and technological discoveries, a man is violently taken away from the other man, and that is why there is an extremely emphasized commitment to maintaining the traditional religious practice that enables gathering of close people and spiritual communication among them.

Inglehart and Norris associate the significance of religious authority as a shelter for what is good and a protection from unpredictability with economic security, thus in economically developed societies where there is a high degree of economic security and the established network of protection against absolute poverty, people are less inclined towards traditional religious norms. The economic security is not evident in Montenegrin society, which can be explained by a very poor economic infrastructure and a significant percentage of unemployment, so we can conclude that the need for security can be primarily found in spiritual, traditional values that are manifestly or latently expressed through religious practices. Explaining the relation to traditional values and their social specificity, it is important to point out that «cultural specificities are not something that disappears or something that is eliminated by industrialization and modernization, but they have a permanent influence on the pace of modernization» [6, p. 36], and the position of value in the society is determined by economic development, as well as by the political stability of social environment. It is exactly the security as an elementary need that a man in destabilized societies finds in religious practice, while in economically and politically stable societies it arises from the developed economy of society. Since the economy in Montenegrin society is not developed, the revitalization of religion represents an important determinant of the post-socialist order in Montenegrin society.

Literature:

1. Bakrač V. Religija i mladi. Religioznost mladih u Crnoj Gori // Podgorica. Narodna knjiga. 2013.
2. From E. Zdravo društvo // Zagreb i Beograd. Naprijed i Nolit. 1989.
3. Inglehart R., Norris P. Sveto i svjetovno-Religija i politika u svijetu // Zagreb. Politička kultura-nakladno istraživački zavod. 2007.
4. Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change and Democracy – The human Development Sequence // New York. Cambridge University Press. 2005.
5. Pantić D. Promene vrednosnih orijentacija mladih u Srbiji // Beograd. Institut društvenih nauka-Centar za politikološka istraživanja i javno mnjenje. 1990.
6. Sekulić D. Ideološko vrijednosna orijentacija kao predznak i posljedica društvenih promjena//Politička misao. 2011. God 48. № 3. Pp. 35-64.

DOMINANCE AND POWER IN TV TALK SHOWS

Vukasojević Sandra

This paper focuses on the analysis of the relationship between the participants in terms of conversational dominance and power in Montenegrin TV talk shows. We intend to investigate whether the hosts in this discourse type are simply moderators or they, due to the institutional role assigned to them, demonstrate a certain degree of power over the course of conversation. Furthermore, the behavior of guests is analyzed as well. The aim is to determine if the guests merely obey all the rules imposed by the institutional setting of TV talk shows [1] or they use particular strategies to exhibit power. All of these issues are examined in the context of interruptions as these have been regarded a prime technique of signaling dominance in conversation [2, 3].

TV talk shows represent a relatively fixed structure which is «slightly more predictable than casual conversation» [1, p. 225]. Casual conversation is based on a set of rules such as: speaker change recurs; turn orders, turn sizes and the number of participants are not fixed, but free and vary [2]. As a result, ordinary

conversational interaction abounds with instances of overlapping talk and interruptions. Contrary to this, TV talk shows are pre-established and limited in terms of the show duration, number of guests, turn order and turn size. Hosts have a major role as they are in charge of managing, facilitating and controlling the conversation flow. They select distinct topics and ask a variety of questions. They allocate turns and choose a current speaker at so-called transition relevance places [4].

Although the institutional features such as formality, planning and restrictions are evident [3], talk shows contain some spontaneous and flexible elements of ordinary conversation. One of the commonest constituents of casual conversation detected in talk shows is interruption. Even though it should be reduced to minimum, the concept of interruption is a regular attribute of this type of discourse. As we assume interruptions to be an exquisite means for expressing power in conversation, in the following part we will deal with their occurrence and functions.

Different interpretations of interruptions have been provided [5, 6, 7]. Yet, in this paper we apply the classification of interruptions into two groups – intrusive and cooperative [8]. The difference between these two types of interruption is established according to their very function or goal [8]. Cooperative interruptions are used by participants to express agreement and interest in what is being said, while intrusive interruptions are more aggressive and competitive. Their function is to express disagreement with a current speaker or simply to take the floor.

Starting from the abovementioned classification of interruptions, the five-hour corpus, composed of five randomly selected and video recorded Montenegrin talk shows, was examined. The shows were hosted by different hosts. In addition, they were distinguished by the number of guests, which ranged from 1 to 4. Having transcribed the corpus, we isolated the instances of interruptions and then classified them into cooperative interruptions, disagreement interruptions, floor-taking interruptions and topic change interruptions [8].

Our next goal was to explain the frequency rate of the interruptions, to determine who produced a greater number of interruptions, the hosts or the guests, and eventually to try to establish the link between the function of interruptions and the institutional role of the participants and their hierarchy in talk shows.

Table 1 – Total number of interruptions from the corpus

Interruptions	Hosts	Guests
Cooperative	182 (55.3%)	75 (22.8)
Floor-taking	21 (6.4%)	6 (1.8%)
Topic change	18 (5.4%)	0 (0%)
Disagreement	3 (1%)	24 (7.3%)
Total:	224 (68.1%)	105 (31.9%)

The total number of interruptions in the analyzed corpus is presented in Table 1. As it can be seen, the most frequent type of interruption is the cooperative one. Regarding the fact that cooperative interruptions do not aim at violating a current speaker's turn, but are used by hosts and guests in order to support the current speaker, to encourage him/her in further discussion, to provide some help, to offer or ask for clarification, these interruptions cannot be considered a means of exhibiting dominance and power. For this reason, cooperative interruptions are also called supportive [5].

Contrary to the first type of interruptions, floor-taking, topic change and disagreement interruptions are used in Montenegrin TV talk shows just for one reason – to take the floor from the current speaker even though he/she hasn't finished his/her turn. These intrusions are quite aggressive, inappropriate and competitive [9]. Data in Table 1 indicate that floor-taking and topic change interruptions are mostly produced by the hosts, while disagreement interruptions are mainly caused by the guests. Apart from this difference, it is important to emphasize other peculiarities of these interruptions.

The hosts made floor-taking interruptions in order to:

- interrupt a current speaker who spent a great deal of time discussing a topic;
- allocate turn to some other speaker;
- announce a commercial break or the end of the show.

In some instances the host produced floor-taking interruptions in order to prevent further fierce discussion between two guests in the show. Consequently, the host allocated the turn to a third speaker. A small number of examples (1.8%) indicate the guests tried to produce floor-taking interruptions. Yet, in all the registered cases, the interruption was unsuccessful and the host didn't allow the guest to take the floor. Instead of using the interruptive technique, the guests frequently attempted to take the floor by politely asking the host (e.g. May I add another important issue? or Do you permit I add something?).

The interruptions with respect to topic shift were produced by the hosts. They would normally tend to change the topic in two cases:

- when a current speaker provided a thorough answer to the host's question and yet kept talking about it;
- when the host realized the show approached the very end and there were more questions to be asked.

No instance of topic shift intrusion made by a guest was registered.

When it comes to disagreement intrusions, they usually involved the situations in which a guest interrupted the turn of another guest in order to express his/her disagreement and to strongly disapprove of what another guest was saying. These situations were solved in three ways. In some cases the current speaker didn't manage to maintain his/her turn, so he/she yielded the turn. Another solution refers to the ability of current speaker to hold the floor despite the attempt of interrupting made by another guest. In case the current speaker and the guest didn't want to give up the turn, the host would interfere and immediately resolve the complicated conversational situation.

In only 1% of the examples the hosts were responsible for causing disagreement interruptions.

On the basis of presented preliminary results, it can be concluded that the hosts occupy the basic and the most powerful position in Montenegrin talk shows. They control the show from the very beginning to the end. They decide who to allocate the turn to, whose turn to complete and how long one's turn will last. Furthermore, the hosts produce much more interruptions than their guests. If, however, the hosts are not the initiators of interruptions, they will carefully observe their guests causing interruptions and interfere when necessary. Thus, it is evident that hosts represent the most dominant and authoritative figure in this semi-institutional setting. In fact, it is the institutional context which provides the hosts with the role «at the top of the hierarchy» [1, p. 230]. The instances of intrusive and aggressive interruptions point to the imbalance of power among the hosts and guests in talk shows. A significantly smaller number of interruptions produced by guests (31.9%) emphasize «the asymmetrical role distribution» which means that even «guests or experts whose expertise in a particular field is invaluable to ongoing discussion have to accommodate their contributions to the institutional role assigned to them». [1, p. 230].

Literature:

1. Ilie C. Semi-institutional discourse: The case of talk shows // *Journal of Pragmatics*. 2001. № 33. P. 209-254.
2. Penz H. *Language and Control in American TV Talk Shows: An analysis of linguistic strategies* // 1996. Tübingen. Narr.
3. Hutchby I. *Media Talk: Conversation analysis and the study of broadcasting* // 2006. New York. Open University Press.
4. Sacks H. et al. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // *Language*. 1974. № 50. P. 696-735.
5. Tannen D. *Gender and Discourse* // New York. Oxford University Press. 1994.
6. Murray S. O. Toward a model of members' methods for recognizing interruptions // *Language in Society*. 1985. № 14. P. 31-40.
7. Hutchby I. *Confrontation Talk: Arguments, Asymmetries and Power on Talk Radio* // Mahwah, New Jersey. Lawrence Erlbaum Associates. 1996.
8. Murata K. Intrusive or cooperative? A cross-cultural study of interruption // *Journal of Pragmatics*. 1994. № 21. P. 385-400.
9. Goldberg J. A. Interrupting the discourse of interruptions: An analysis in terms of relationally neutral, power- and rapport-oriented acts // *Journal of Pragmatics*. 1990. № 14/6. P. 883-903.

РАЗДЕЛ 3. ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ И КАЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДА КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ДЕТСКИХ ВИДЕОБЛОГОВ

Абросимова Е.Е.

Общая информатизация общества сделала Интернет реальностью для большинства современных людей. Интернет активно включился в повседневную жизнь и за сравнительно небольшой срок своего существования оказался задействованным во всех её сферах. Для детей Интернет становится территорией свободного досуга, при этом границы между взрослыми и детскими пространствами размываются [1].

Видеоблогинг как форма размещения информации в Интернет также находится сегодня на пике популярности. В него максимально включены дети и подростки. Именно они являются основными потребителями данного продукта. Видеоблогосфера становится виртуальным социумом, в котором дети общаются, находят единомышленников, получают новые знания, развлекаются, дружат, создают виртуальные сообщества и т.д. Для подростков ведение видеоблогов становится средством самовыражения, интернет позволяет раскрыть невидимые окружающими стороны собственной личности, таланты (чувство юмора, силу и ловкость, кругозор, любовь к животным, hand-made умения). В то же время видеоблогинг несет определенные риски для детей и подростков [2].

В данной работе мы остановимся на таком методе исследования детско-подростковых видеоблогов как контент-анализ. Это метод качественно-количественного анализа содержания документов с целью выявления или измерения различных фактов и тенденций, отраженных в этих документах [3]. Особенность контент - анализа состоит в том, что он направлен на изучение документов в социальном контексте. Традиционно этот метод используется для исследования текстового массива, однако он широко применяется и для анализа других медийных продуктов, таких как страницы социальных сетей [4], реклама [5, 6], видеосюжеты, видеоролики и видеоигры [7, 8]. Выбранный метод является достаточно результативным, так как предполагает извлечение из массива видеороликов как количественных, так и качественных данных, демонстрирующих творческую и коммуникативную активность подростков. Как показал контент-анализ статей востребованного в российском научном сообществе журнала «Социологические исследования», тема детского интернета, тем более детского видеоблогинга, практически не представлена в его публикациях [9]. Для анализа видеоблогов необходимо выделить количественные и качественные характеристики. За единицы количественного анализа (единицами счета) необходимо принимать: продолжительность видеоролика; количество просмотров; количество одобрений (лайков); количество неодобрений (дизлайков); количество комментариев (таблица 1).

Таблица 1 – Матрица количественных оценок при контент-анализе детских видеоблогов

Количественные оценки		0-отсутствует, 1 присутствует.	
Технические характеристики видеоролика	Универсальный видеоблог или нет		
	Продолжительность видеоролика		
	Количество просмотров		
	Количество одобрений (лайков)		
	Количество неодобрений (дизлайков)		
Количество комментариев			
Коммуникации	Общее количество обращений к подписчикам		

Данные показатели позволяют исследовать активность зрителей видеоблогов, косвенно указывая на популярность канала с видеороликами. Продолжительность видеоролика так же играет

значительную роль при просмотре видеоконтента: необоснованно длинное видео может утомить зрителя и в последствие приведет к отсутствию желания просмотра роликов данного автора.

При предварительном жанрово-тематическом анализе видеоблогов, авторами было выделено два типа видеороликов. Первый тип подразумевает то, что видеоблогер рассказывает исключительно о той теме, в которой он компетентен и которая ему интересна. Второй тип авторов стремится охватить различные тематические направленности видеоблогов. Это позволит проанализировать насколько популярность тех или иных видеоблогов зависит от личности самого автора, насколько часто зрители выбирают для просмотра видео любимого видеоблогера, нежели видео интересующей тематики. Для удобства анализа авторами предложено видеоблоги, в которых автор рассматривает различные темы, определять как «универсальные».

Этот параметр является достаточно актуальным именно при анализе детского и подросткового сегмента видеоблогосферы. В этом возрасте дети и подростки уже самостоятельно делают выбор того, что они собираются посмотреть, многие из них уже являются владельцами различных гаджетов, обеспечивающих их повсеместным доступом к сети. Однако, именно в этом периоде возможно большое влияние на формирование личности ребенка посредством подражания своим кумирам. Так же как и любые другие медийные личности, видеоблогеры могут оказывать достаточно серьезное влияние на нравственно-культурные установки подрастающего поколения.

После определения того, является ли изучаемый ролик «универсальным» или нет, необходимо рассмотреть, к какой жанрово-тематической направленности он относится. Это достаточно сложный параметр для анализа, т.к. видеоблогосфера очень динамична и непостоянна. Регулярно появляются новые жанры видео, другие жанры, наоборот, теряют свою популярность.

Определение тематики популярных видеоблогов среди детей и подростков позволит не только сформировать рейтинг интернет предпочтений современных молодых интернет пользователей, но также даст возможность более полно представить то, чем интересуется современная молодежь, какие интересы и познавательные потребности они реализуют посредством выбора видеороликов в сети.

Видео в интернете в определенном смысле заняло нишу телевидения как СМИ. Тесное взаимодействие интернет-пространства и телевидения прослеживается в технологиях создания видеоблогов. Поэтому при использовании контент анализа видеоблогов, исследователь должен опираться на опыт анализа телевизионных программ. Как и при съемке телевизионных шоу, популярные видеоблогеры используют различные мультимедийные (анимационные) эффекты. Это достаточно действенный метод усиления позитивного впечатления от просмотренного видео. Подростковая и детская аудитория достаточно восприимчива к таким эффектам. Можно предположить, что наличие этого параметра определяет более высокую популярность у видеоблогов среди детей.

Здесь уместно упомянуть коммуникативную функцию видеоблогов и ту роль, которую играет элемент самопрезентации видеоблогера в кадре. Самопрезентации может рассматриваться как результат – создание благоприятного впечатления о себе, как средство – формирование определенного Я-образа, соответствующего социальному контексту, конкретной социальной роли (маски), как деятельность – контроль, управление и коррекция собственного поведения в соответствии с ожиданиями других. Видеоблог – это результат деятельности одного или нескольких авторов, который всегда носит определенный отпечаток их личности. При контент - анализе видеоблогов необходимо принимать это во внимание и анализировать непосредственно личность, которую зритель видит на своем экране. Это особенно актуально для детского сегмента видеоблогосферы, где личность автора может играть определяющую роль при просмотре, и сам видеоблогер может стать кумиром для подрастающего поколения. Основные характеристики, которые необходимо учитывать при анализе это - пол, возраст и внешность блогера. Необходимо уделить внимание и такому параметру как наличие партнера в кадре. Все эти качественные параметры анализа детского сегмента видеоблогосферы представлены в таблице 2.

Кроме перечисленных параметров анализа видеоблогов следует обратить внимание не только на то, кто видеоблогер и как он выглядит, но и на то, что он делает в кадре.

Таблица 2 – Матрица качественных оценок при контент-анализе детских видеоблогов

Качественные оценки	
Описание человека в кадре	Пол блогера
	Возраст блогера
	Внешность блогера
	Наличие партнера в кадре
Технические характеристики видеоролика	Наличие мультимедийных эффектов (какие именно?)
	Общее тематическое направление видеоролика
Коммуникации	Активность (что делает?)
	Демонстрация знаний умений и навыков

Данные анализа позволят узнать, какой тип активности интереснее и привлекательнее для юных зрителей, а так же какие навыки и умения демонстрируют современные кумиры молодежи. Таким образом, в итоговую матрицу для контент - анализа детских видеоблогов необходимо внести качественные и количественные единицы анализа, которые позволят исследователю более детально изучить детский сегмент видеоблогосферы, и сами видеоролики в частности. Данный вариант анализа позволит исследователям изучить структуру, специфику и социальные функции видеоблогосферы современных детей и подростков. Однако вариант представленных единиц анализа не является окончательным и может быть изменен или дополнен в соответствии с задачами исследования.

Библиографический список:

1. Филипова А.Г. Культурно-информационное пространство детства: риски и ресурсы социальной защиты // Вестник Пермского университета. Философия, психология, социология. 2013. № 4. С.188-197.
2. Филипова А.Г., Ардалянова А.Ю., Абросимова Е.Е. Videоблогинг и современные подростки: опасности Интернет-пространства // Теория и практика общественного развития. 2017. № 8. С. 9-13.
3. Дмитриев И.В. Контент-анализ: сущность, задачи, процедуры. М., 2005.
4. Черемисова И.В. Контент-анализ страниц активных пользователей социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки. 2016. № 2 (16). С. 74-80.
5. Джафаров К.А. Исследования в рекламе [Электронный ресурс]. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2010. 92 с. Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/44935.html>
6. Захарова А.О., Кудеников Н.С., Солдатикова Е.М. Контент-анализ рекламы как метод качественно-количественных исследований // Актуальные проблемы и достижения в общественных науках. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2015. С. 34-36.
7. Пинчук О.В. Содержательная составляющая комментариев аудитории в контексте видеоблога // Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Министерство образования и науки РФ, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина департамент «Факультет журналистики»; составитель: О.Ф. Автохутдинова. 2017. С. 145-148.
8. Добросклонская Т.Г. Методы анализа видео - вербальных текстов // Медиалингвистика. 2016. № 2 (12). С. 13-25.
9. Филипова А.Г. Детство в фокусе отечественных социологических исследований / А.Г. Филипова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2016. № 1(41). С. 80-87.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: МЕТОДОЛОГИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аверин Ю.П.

Состояние социального порядка является важнейшим фактором, обуславливающим развитие общества. Устойчивое самовоспроизводство социального порядка, в соответствии с изменяющимися условиями внешней среды, представляет собой обеспечение социальной устойчивости общества. В основу методологии проведенного исследования социального порядка в обществе положено понимание его социальной устойчивости по Т. Парсонсу как «социальной системы такого типа, которая отвечает всем существенным функциональным требованиям, связанным с продолжительным существованием за счет собственных ресурсов» [1, с. 461]. С этой точки зрения одно из сущностных свойств общества – его способность к устойчивому самовоспроизводству. Данный процесс в условиях изменяющейся внешней среды достигается благодаря устойчивому развитию самих индивидов и порядка их взаимодействия, т.е. социального порядка.

Для социологического исследования социального порядка целесообразно использовать синергетическую модель описания социальной действительности, которая объясняет существование и развитие общества как целостной социальной системы через анализ происходящих в нем процессов взаимодействия между людьми. В рамках синергетической модели социальный порядок имеет несколько взаимосвязанных измерений, одним из которых является согласованность действий людей в экономической сфере [2, с. 55]. Социальный порядок не есть просто сами действия, положение людей с точки зрения обладания ресурсами, правила и нормы. Социальный порядок есть степень отклонения этих параметров от случайного состояния. Чем больше в ходе совместной деятельности людей отклонение от случайного состояния социального порядка, тем более упорядоченной является общественная система, тем более успешным будет достижение значимого результата или цели. Синергетический подход рассматривает равновесия общественной системы как частный случай, как момент её существования. Равновесие – относительно, неравновесие – абсолютно. В любой общественной системе действуют два противоположных начала – «создающее» и «размывающее» порядок [3]. Направленность взаимодействия людей всегда выходит за рамки, «предписанные» существующими отношениями и правилами. Этот процесс «размывает» установленный порядок и, тем самым, дезинтегрирует, разрушает систему. Однако в ней действует противоположный процесс – «создания» людьми порядка взаимодействий, выражающий самоорганизующееся начало. В зависимости от соотношения данных двух начал в обществе, оно или воспроизводится и развивается, или разрушается.

В проведенном под руководством автора социологическом исследовании анализировалась согласованность действий российских граждан в экономической сфере – по соблюдению налоговых норм. Ставилась задача определить, под воздействием каких факторов «создается» или «разрушается» согласованность этих действий. Среди этих факторов рассматривались качество жизни российских граждан и их социально-демографические параметры. Исследование проводилось в 2012 году и финансировалось социологическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова. Было опрошено 1500 человек в 22 регионах Российской Федерации.

Отношение российских граждан к уплате налога на уровне сознания и их ориентации на налоговые действия.

Понимание уплаты налога как гражданского долга выступает высшим проявлением нормативного порядка на уровне сознания. Такое понимание характерно примерно для 86% россиян. Осознанных налогоплательщиков в России в шесть раз больше по сравнению с не являющимися таковыми. Разрушение нормативного порядка с точки зрения отношения к уплате налогов небольшое. На уровне сознания существует значительное преобладание создающего налоговый порядок отношения к уплате налогов.

Однако разрушение деятельного нормативного порядка с точки зрения отношения к уплате налога более сильное, чем на уровне сознания. Осознание нормы далеко не у всех российских граждан переходит в соответствующие действия. Характер деятельного отношения к налогам проявляется в том случае, если индивид может выбрать или не выбрать уплату налога, когда есть возможность его не платить. В зависимости от характера ориентаций российских граждан на налоговые действия выделены налогоплательщики (созидающая ориентация), не определившиеся (двойственная ориентация) и не налогоплательщики (разрушающая ориентация). Эмпирическими индикаторами данных групп людей является согласие или не согласие со следующими утверждениями: «надо стараться вообще не платить/платить налоги» и «если есть возможность уйти от налогов, лучше я от них уйду/не уйду». Первое утверждение характеризует налоговые действия людей при наличии определенных условий для невыплаты налогов (условные налоговые действия), и, соответственно, условный социальный порядок. Второе утверждение характеризует налоговые действия людей безотносительно к существующим условиям невыплаты налогов (безусловные налоговые действия), и, соответственно, безусловный социальный порядок.

Состояние условного социального порядка в налоговой сфере

В российском обществе людей, ориентированных на уплату налогов (налогоплательщиков), всего в 1,3 раза больше, чем людей, ориентированных на неуплату налогов в случае наличия такой возможности (условных не налогоплательщиков). Следовательно, в современной России наблюдается значительные предпосылки для разрушения социального порядка среди населения в налоговой сфере. Состояние социального порядка в сфере ориентаций российских граждан на налоговые действия носит в значительной мере условный характер и его действительное существование или разрушение во многом зависит от того, насколько имеющиеся условия дают или не дают возможность уйти от уплаты налогов. Таким образом, в современной России состояние социального порядка в налоговой сфере во многом зависит не от осознания россиянами социальной значимости уплаты налогов, а от наличия внешних принуждающих стимулов к их уплате в виде наказаний за неуплату.

Состояние социального порядка в сфере ориентаций россиян на условные налоговые действия зависит от ряда факторов. Во-первых, от пола и возраста. Мужчин, ориентированных на уплату налогов, примерно столько же, сколько и мужчин, ориентированных на неуплату налогов в случае наличия такой возможности. В то же время, женщин, ориентированных на уплату налогов в 1,5 раза больше, чем женщин, ориентированных на неуплату налогов в случае наличия такой возможности. Т.е. социальный порядок в налоговой сфере подвержен разрушению в большей степени среди мужчин, чем среди женщин.

Чем моложе возраст, тем более выражены предпосылки для разрушения социального порядка в налоговой сфере. Среди наиболее активной возрастной группы россиян – молодежи, ориентированных на неуплату налогов в случае наличия такой возможности несколько больше, чем россиян, ориентированных на уплату налогов. Таким образом, среди молодежи социальный порядок в налоговой сфере подвержен разрушению в большей степени, чем среди старших и менее деятельных возрастных групп.

Во-вторых, состояние социального порядка в сфере ориентаций россиян на условные налоговые действия зависит от дохода россиян. Чем выше среднемесячный доход на одного человека в семье, тем сильнее условное разрушение социального порядка в налоговой сфере. Среди наименее материально обеспеченной группы россиян людей, ориентированных на неуплату налогов в случае наличия такой возможности, меньше, чем людей, ориентированных на уплату налогов. Среди наиболее материально обеспеченной группы россиян людей, ориентированных на неуплату налогов в случае наличия такой возможности, столько же, сколько и людей, ориентированных на уплату налогов. Таким образом, среди наиболее материально обеспеченной группы россиян социальный порядок в налоговой сфере подвержен разрушению в большей степени, чем среди наименее материально обеспеченной группы россиян.

В-третьих, состояние социального порядка в сфере ориентаций россиян на условные налоговые действия зависит от такого параметра ощущаемого качества жизни как физическая активность, т.е. объем повседневной физической нагрузки, не ограниченной состоянием здоровья, которую способен выполнять человек. Чем выше показатель физической активности, тем большую физическую нагрузку, по мнению человека, он может выполнять. Чем выше уровень физической активности, которую способен выполнять человек, тем сильнее условное разрушение социального порядка в налоговой сфере. Среди наименее физически активной группы российских граждан людей, ориентированных на неуплату налогов в случае наличия такой возможности, примерно в два раза меньше, чем людей, ориентированных на уплату налогов. Среди наиболее физически активной группы россиян людей, ориентированных на неуплату налогов в случае наличия такой возможности, примерно столько же, сколько и людей, ориентированных на уплату налогов. Таким образом, среди наиболее физически активной группы российских граждан социальный порядок в налоговой сфере подвержен разрушению в большей степени, чем среди наименее физически активной группы.

Состояние безусловного социального порядка в налоговой сфере

Как показывает проведенный анализ, условный социальный порядок в налоговой сфере является не абсолютным, а относительным порядком. Его состояние зависит от того, насколько сильными являются внешние принуждающие стимулы к уплате налогов, и характеризует степень возможного разрушения социального порядка в налоговой сфере при соответствующих условиях. Чтобы судить о степени возможного разрушения социального порядка в данной сфере безотносительно к имеющимся условиям, необходимо определить характер ориентаций людей на налоговые действия независимо от того, присутствуют или отсутствуют возможности для неуплаты налогов, т.е. оценить состояние безусловного социального порядка в налоговой сфере. Исследование показало, что в российском обществе людей, ориентированных на безусловную неуплату налогов (принципиальных не налогоплательщиков) в 5,2 раза меньше, чем людей, ориентированных на уплату налогов (налогоплательщиков). При этом, небольшая часть российских граждан по отношению к принципиальной неуплате налогов имеет двойственные ориентации.

Следовательно, в современной России безусловное разрушение социального порядка среди населения в налоговой сфере сравнительно небольшое, тем не менее, оно характеризует кризис налогового сознания среди заметной части россиян. Размывающие процессы на уровне деятельного нормативного порядка в налоговой сфере приобрели в российском обществе заметный размах, хотя и не являются преобладающими. Этот размах примерно одинаков для всех деятельных возрастных групп российского населения. Полученные результаты выявили тенденции, существующие в состоянии налогового сознания российских граждан. В настоящее время эти тенденции, скорее всего, сохранились, хотя соотношение создающих и разрушающих налоговый порядок действий среди российских граждан претерпело некоторые изменения в связи с экономическим кризисом, начавшимся в 2014 г.

Библиографический список:

1. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем: культура, личность и место социальных систем. В сб.: «Американская социологическая мысль: Тексты» / под ред. В.И.Добренкова. М., 1994.
2. Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995.
3. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ В СИСТЕМАХ ЗАНЯТОСТИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Батуренко С.А.

Значительное место в системах занятости и образования современного общества занимает проблема гендерного неравенства. Современный этап развития общества характеризуется наличием

гендерных диспропорций в возможности доступа к различного рода ресурсам: экономическим, политическим, образовательным. В условиях процессов глобализации данная проблема привлекает еще большее внимание социологов. ООН относит ее к числу глобальных, рекомендуя государствам решать проблему путем изменения существующих моделей гендерного неравенства. В настоящее время заметно противоречие между широкими возможностями получения образования для обоих полов и диспропорциями на рынке труда, меньшей оплатой труда женщин по сравнению с мужчинами, подтверждаемых статистическими данными. Широкие возможности получения образования для женщин создают иллюзию одинаковых возможностей, в результате которой большинство людей не замечают существующего неравенства.

Безусловно, за последние десятилетия в мире в целом достигнуты значительные изменения в области установления принципа гендерного равенства. В этом направлении работает множество специальных организаций, включая правительства, женские движения, профсоюзные организации. Проблемам диспропорций в системе занятости и заработной платы посвящено множество международных конференций и специальных исследований. Вместе с тем, борьба с гендерной дискриминацией и существованием соответствующих стереотипов остается актуальной и в настоящее время. Для социологов особый интерес представляют реальные сложности и препятствия на рынке труда для женщин. Проблема заключается не только в традиционном вопросе совместимости профессиональной деятельности с семейными обязанностями, но также с влиянием процессов глобализации. Глобальная экономика определенным образом перестраивает систему образования и систему занятости в целом. Произошел переход от монопрофессионального общества к полипрофессиональному, с новым разделением труда и новой трудовой этикой. Изменилась сама суть труда, что нашло отражение в языке, на смену категории «труд» пришла категория «занятость».

Увеличение мобильности в современном обществе способствует необходимости выработки более гибкого поведения, снижению степени профессионализма, возрастанию умственных расстройств, разрушению тесных связей между людьми и увеличению психологической изоляции и одиночества индивидов. Учитывая эти изменения, можно отметить наиболее сложное положение женщин по сравнению с мужчинами в условиях нестабильности и неуверенности в будущем, являющихся следствием процессов глобализации. Гендерные диспропорции, как и гендерную дискриминацию, обсуждает огромное количество экспертов: политики, юристы, экономисты, социологи, вместе с тем оставляя ряд вопросов без достаточного внимания и анализа.

Программа развития ООН, а также неправительственная организация Всемирный экономический форум (ВЭФ), начиная с 2006 года, используют Индекс гендерного неравенства (Gender Gap Index), демонстрирующий существование разрыва между мужчинами и женщинами в различных сферах: политической, экономической, образовательной и др. [8]. Принимая во внимание данный индекс, можно проследить динамику развития неравенства с целью поиска возможностей его преодоления. Согласно показаниям индекса на 2012 год, не было ни одной страны, в которой было бы достигнуто гендерное равенство. Россия в общем рейтинге стран занимает 59 место из 135 стран, и по сравнению с 2006 годом ее позиция опустилась на 10 пунктов [9].

В течение длительного времени складывались устойчивые представления о гендерных особенностях различных профессий, закрепившиеся, в том числе, и на глобальном уровне. Произошла «феминизация» некоторых профессий и даже отдельных дисциплин в системе высшего образования. Определенные специальности и в настоящее время остаются исключительно феминизированными, что является существенным препятствием на пути перехода к более гибкой системе труда в глобальном обществе. В массовом сознании действительно укоренилось представление о том, что педагог, филолог, психолог, социолог воспринимаются как женские профессии, поскольку входят в культурные фреймы образованной жены и домохозяйки [11].

В современном глобальном обществе рабочие места, связанные с определенными «мужскими» профессиями, представляют особую привлекательность для женщин, с точки зрения перспектив продвижения и более высокой оплаты труда. Можно говорить о существовании мотивации для поиска

рабочего места в сферах мужской занятости. С другой стороны, обратной тенденции, перехода мужчин в сферу занятости женщин, как менее престижной и менее оплачиваемой, не наблюдается. Для женщин только наличие высшего образования дает шанс на получение более высокого заработка, статуса, престижа. Что касается мужчин, рабочие профессии со средним специальным образованием уже дают шанс на высокую оплату труда и перспективы продвижения. Однако в условиях быстро изменяющейся социальной реальности время, затраченное на обретение высшего образования для женщин, играет против них.

С точки зрения современной феминистской теории, в соответствии с патриархальной концепцией женственности (как представлении о правильной и неправильной женственности) в обществе складываются предпочтения профессиональных ролей. В результате чего под воздействием неформально действующих норм, влияющих на поведение индивида и на выбор профессии, предпочтения женщин складываются также на основании принятых в данном обществе представлений о правильном или неправильном материнстве. Вместе с тем гендерную типизацию в области выбора профессии характеризует низкий престиж и низкое материальное вознаграждение видов деятельности, считающихся женскими. Паула Инглэнд приводит в качестве доказательств не только этот факт, но также подтверждает влияние патриархальных культурных норм, ограничивающих женщинам доступ к мужским профессиям, сферам занятости, как и к власти, доходам, статусу [2]. Разделение знания и труда по полу рассматривается как один из видов игры, в которой женщины в современном обществе все больше рискуют, становясь жертвами иллюзий о том, что они с мужчинами равны.

Проблемы гендерного неравенства и диспропорций в системе занятости и высшего образования коренятся не только в области гендерной типизации профессий, существующей в современном обществе и факторов, влияющих на выбор профессии, но и мотивации, культурных, пространственных и временных особенностей общества. Современный американский социолог Сесилия Риджвей определяет гендер как культурный фрейм, координирующий поведение и организующий социальные отношения людей как мужчин и женщин [7]. Опираясь на данное определение, можно интерпретировать гендерные различия в системах занятости и высшего профессионального образования. Культурный фрейм влияет на образ идеального представителя профессии, образ жены и матери. Вместе с тем современные исследователи гендерных неравенств также указывают на подвижность и вариативность фреймов, проявляющихся в более гибких гендерных рамках. В современном обществе маркировка профессий становится менее заметной, но вместе с тем различия проявляются в сфере межличностного взаимодействия. Современная феминистская теория утверждает, что в целом для наиболее адекватного представления о профессиональных предпочтениях и женской ситуации в системах занятости и высшего образования, необходимо учитывать взаимодействия гендера, классового неравенства, этнической принадлежности, наложившихся на определенные культурные условия.

Библиографический список:

1. Гендерное равенство: поиски решения старых проблем // Сборник статей. М.: МОТ, 2003. 163 с.
2. Инглэнд П. Изолированный индивид: андроцентристский уклон в экономической теории // Жеребкин С. (ред.) Введение в гендерные исследования. Ч.2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; Спб.: Алетейя, 2001. С. 386-404.
3. Киммел М. Гендерное общество /пер. с англ. под ред. О.Оберемко и И. Тартаковской. М.: РОССПЭН, 2006. 464 с.
4. Мукомель В.И. Гендерная дискриминация на рынке труда и принудительный труд // Современные исследования миграции населения: Сборник статей / под ред. Е.В. Донец, О.С. Чуудиновских. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015. С. 132-148.
5. Права женщин и институты гендерного равенства в регионах России // отв. ред. О.А. Воронина и др. М.: МАКС-Пресс, 2010. 419 с.

6. Abbott P., Wallace C., Tyler M. An Introduction of Sociology Feminist perspectives. N.Y. 2006. 425 p.
7. Ridgeway C. Framed before we know it: How gender shapes social relations // Gender and Society. 2009. Vol. 23. P. 145-160.
8. <https://www.weforum.org/> Неправительственная организация Всемирный экономический форум (ВЭФ)
9. <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2012/#section=the-global-gender-gap-index-2012> (дата обращения: 30.01.2017).
10. http://demoscope.ru/weekly/2013/0563/reprod01.php#_FNR_1 «Демоскоп» Институт демографии национального исследовательского института «Высшая школа экономики». 2013. № 563-564.
11. <http://fom.ru/Rabota-i-dom/11030> Фонд общественное мнение (дата обращения: 30.01.2017). «Ткач – сугубо мужская профессия, а ткачиха – сугубо женская» Справедливо ли делить профессии на мужские и женские?

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ ДУХОВНОСТИ

Белоус Е.И.

Психологические исследования феномена духовности всегда связаны с определёнными сложностями ввиду особой специфичности самого предмета исследования. А поэтому вызывает определённые методологические, теоретические и методические затруднения и изучение процессов восприятия, представления и осмысления духовности у представителей различных социальных групп. Эти затруднения связаны с рядом причин. Во-первых, с тем, что духовность является для личности глубоко интимным переживанием, в связи с чем личность не всегда проявляет готовность осознавать и, тем более, обсуждать с кем-то свои столь глубоко личные мысли, чувства, эмоции, ценности, мотивы, то есть не готова доверить столь глубокие и порой очень сильные переживания исследователю. Во-вторых, часто личность затрудняется в идентификации своих эмоций, чувств и состояний, сопутствующих данному переживанию экзистенциального характера. В-третьих, уровень осознания личности, то есть уровень развития её рефлексивных способностей может быть недостаточным для полноценной возможности нахождения адекватного данным переживаниям словаря, терминологического аппарата, категориально-понятийного аппарата. В-четвёртых, личность может бессознательно включать ряд различных психологических защит на пути осознания этой стороны своей жизни ввиду незрелости своей мировоззренческой позиции, неразвитости духовного самосознания личности. И, наконец, в-пятых, иногда личность не ставит духовную основу своего бытия на первое место, полагая эту сторону своего существования не столь уж значимой, чтоб ей уделять особое внимание в контексте достаточно беспокойного стиля и ритма современной жизни. В современной психологии духовность определяется как сущностная черта человека, предопределяющая его бытие и утверждающая человека в его «онтологической истинности». Духовность можно определить как ощущение целостности, гармонии с бытием, окружающим миром, осознание себя единой частью этого бытия. Истинная духовность проявляется в способности к выстраиванию отношений с самим собой (архетипическими структурами своей души), с другими людьми, с миром в целом, с Богом [1].

Безусловно, в изучении феномена духовности нужно применять преимущественно качественные методы исследования ввиду феноменологической и гуманитарной направленности предмета исследования. На первый план в исследовании выступает субъективный мир респондента, а именно: мир его мотивов, ценностей, идей, эмоций, чувств, состояний и переживаний, – что, несомненно, очень индивидуально, а, следовательно, ставит исследователя перед необходимостью понимания особой методологии подобных исследований.

Среди качественных методов исследования в психологии духовности используют следующие: наблюдение, интервью, опрос, анкетирование (анкеты открытого типа), групповая дискуссия, проективные методики, контент-анализ, анализ продуктов деятельности и творчества клиента (личные дневники, рисунки, письма, эссе и др.), ассоциативный метод. Следует подчеркнуть, что все эти методы, как известно, связаны с интерпретацией языка клиента, а, следовательно, они должны учитывать общий контекст, в рамках которого этот язык используется. В этом прослеживаются свои трудности для исследователя, ведь каждая личность уникальна, а психолог должен владеть герменевтическими приёмами толкования текста, переводя текст из одного семантического пространства в другое, более обобщённое и научное, чтобы сделать определённые научные умозаключения.

Важно выделить наиболее характерные особенности, отличающие применение качественных методов исследования в психологии духовности.

Во-первых, в изучении феномена духовности и духовного сознания личности важно учитывать, что исследователь имеет дело с интуитивными, то есть бессознательными проявлениями индивидуальности личности, так как феномен духовности как «социального выражения духа» связан с проявлениями феномена веры как категории интуитивной, довербальной, проявляющей себя как продукта работы бессознательного. Именно поэтому часто респондент не способен вербально идентифицировать свои духовно ориентированные переживания. Бессознательное проявляет себя в языке образов и символов. Именно поэтому часто респонденты готовы мыслить ассоциативно, символично, метафорично по данному предмету исследования. Ассоциации, образы, символы – частое явление при исследовании духовного сознания личности и его влиянии на сознание других людей при взаимодействии. И именно проективные методики в данном случае наиболее уместны в проведении исследований. Одним из условий продуктивной деятельности исследователя в данном случае может быть использование различных техник релаксации с погружением респондента в трансовое состояние. Практика показывает, что очень хорошо работают в этом контексте мотивы экзистенциальной направленности («Мне осталось жить три дня», «Миру осталось жить три дня», «Поход в горы к старцу», «Дорога, уходящая в землю» и др.), представленные в таком психотерапевтическом направлении как символдрама Х. Лёйнера (кататимно-имагинативное переживание образов) [2]. Безусловно, медитативные методы работы, позволяющие личности расслабиться, успокоить своё сознание, переключившись с работы левого полушария в большей степени на правое и начать продуцировать ассоциативные образы, так же показаны для получения психодиагностического материала из бессознательного канала информации.

Во-вторых, исследование данной проблемы ставит исследователя перед готовностью принять экспрессивно-эмоциональный фон насыщенности образов бессознательного респондента. Исследователь должен быть готов к очень сильным экспрессивно-телесным переживаниям респондента, так как опыт духовных переживаний всегда носит оттенок глубоко личных ассоциаций, представлений и эмоционально-чувственных состояний ввиду своей субъективности. Личность опирается на свой конкретный, абсолютно уникальный опыт, связанный с общим контекстом её жизнедеятельности, с определёнными переживаниями экзистенциального характера. Часто такой опыт приводит к осознанию каких-либо сторон своего бытия посредством переживания возвышенных состояний радости и счастья, благоговения и восхищения или состояний страдания и боли, крушения надежд и разочарования. В этих ситуациях важна особая деликатность и проявление эмпатии со стороны психолога-исследователя. Вот почему важно использовать в таких случаях следующие методы: наблюдение, интервью, открытые вопросы и анализ продуктов деятельности и творчества.

В-третьих, исследователю важно осознание того, что каждый человек представляет собой целую вселенную, а, следовательно, опыт духовного постижения у каждого разный, по-своему уникальный. Духовность – категория более широкая, чем религия, хотя и религиозный опыт респондентов может быть разнообразным. Именно поэтому у респондентов отсутствует единый терминологический аппарат для выражения своих переживаний связи со своей глубинной духовной

сутью, например, с Высшим (Бог, Вселенная, Космос, Абсолют, Всемирный разум, Тот, Брахма и др.). Исследователю приходится проводить тщательное изучение контекста тех или иных значений, используемых в лексике респондента с целью приведения их к некоторому единообразию и обобщению. Интервью, открытые вопросы, групповая дискуссия в данном случае являются наиболее подходящими методами исследования.

В-четвёртых, особая роль в данном виде исследования принадлежит личности исследователя. Безусловно, роль исследователя важна всегда с целью создания условий для проявления мотивации респондента на сотрудничество с исследователем, но в данном случае исследователю мало мотивировать респондента на сотрудничество, в данном случае важен тесный духовно-психологический контакт с целью понимания, раскрытия и представления исследователю сокровенных сторон своего бытия. Это предъявляет особые требования к личности исследователя, а именно: зрелое психоэмоциональное и духовное сознание и самосознание, достаточно богатый и разнообразный жизненный опыт, включающий в себя переживания духовно-экзистенциального характера, способность рефлексивной трансформации этого опыта в глубокое понимание законов бытия и проявление уважения, деликатности и терпимости к духовным переживаниям респондента. Всё это поможет наладить доверительный искренний контакт с респондентом, а также достаточно точно и объективно интерпретировать результаты полученных данных научных исследований.

В-пятых, применение качественных методов исследования в практике изучения духовного сознания личности предполагает развитие осознанности и творческого компонента сознания респондента. Как показывает практика, часто личность не задумывается серьёзно о роли духовности в своей жизни до момента осуществления психодиагностических, психоконсультативных или психотерапевтических влияний. Постановка же данной проблемы перед респондентом мотивирует его на осознанную работу в этом направлении, включая и последующий период более глубокого проникновения в суть заявленной проблемы, что порой приводит к серьёзным инсайтам в направлении саморазвития и трансформации собственной системы ценностей.

И, наконец, в-шестых, применение качественных методов исследования в изучении духовности, духовного сознания личности может носить не только диагностический, но и психокоррекционный, психоконсультативный и психотерапевтический характер. Можно констатировать, что в некоторых случаях происходит серьёзный трансформационный процесс духовного сознания личности, приводящий к определённому позитивному для личности результату.

Таким образом, применение качественных методов исследования в психологии духовности требует понимания и принятия определённых особенностей проведения психодиагностических процедур в связи со спецификой самого предмета исследования. Важно отметить, что от исследователя требуется не только профессиональное владение качественными методами исследования, но и глубокое понимание особенностей их применения в столь деликатной и приватной сфере, где личность может переживать сакральный, мистический опыт, иметь сильные, глубокие и яркие переживания связи со своей глубинной сущностью, являющейся центром её души и выводящей к серьёзной трансформации её духовного сознания и всего сознания в целом. В данном виде исследования очень важен процесс взаимодействия «исследователь – респондент» с целью возможности проявить доверие и самораскрытие своего внутреннего мира респондентом. Применение качественных методов исследования в психологии духовности может выполнять наряду с диагностической функцией консультативную, коррекционную и терапевтическую.

Библиографический список:

1. Белоус Е.И. Психология духовности: монография [худож.-иллюстр. М.В. Марина]. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2014. 474 с.: ил.
2. Лейнер Х. Кататимное переживание образов: основная ступень; Введение в психотерапию с использованием техники сновидений наяву; семинар: пер. с нем. М.: Эйдос, 1996. 253 с., схемы.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ЧЕЛОВЕКА К ВЫХОДУ НА ПЕНСИЮ

Бутуева З.А., Дмитриева Е.А.

*«Я хочу работать – но не могу,
Я могу отдыхать – но не хочу»
(народная мудрость)*

Выход на пенсию как социальное явление в России имеет небольшую историю. Система пенсионного обеспечения в нашей стране появилась лишь в прошлом веке, становление этого института пришлось на 1930–1960 годы. До этого времени всё население страны на протяжении всей жизни выполняли тяжелую физическую работу, которая нередко и становилась причиной их смерти в молодом и среднем возрасте. Никто из работающих людей того времени не думал о своей старости, о предпенсионном и пенсионном возрасте. Развитие промышленного производства, механизация, а в дальнейшем и автоматизация труда способствовали облегчению труда и увеличению его производительности и, наряду с успехами в медицине, увеличению продолжительности жизни. Но переход на рыночную экономическую систему принес новые социальные проблемы, такие как безработица и адаптация к жизни на пенсии.

Проблема выхода на пенсию сейчас актуальна как никогда, поскольку до сих пор не существует хорошо продуманных социальных механизмов адекватного приспособления к жизни на пенсии. При этом, множество обстоятельств (демографическая ситуация, экономическая ситуация, отношение государства и молодого поколения к пенсионерам) вынуждают общество активно приспосабливаться к процессу старения населения и разрабатывать механизмы включения пожилых людей в систему социальных взаимодействий.

Одна из важнейших задач людей предпенсионного возраста - эффективная адаптация в новых условиях жизни после выхода на пенсию. Самочувствие человека после выхода на пенсию во многом зависит от того, действительно ли он хотел прекратить трудовую деятельность, или был вынужден это сделать под давлением обстоятельств.

Человек должен осознать себя пенсионером и понять, что находится всего лишь на определённом этапе жизненного пути. Используя свой жизненный опыт и потенциал, он может продолжать деятельность по воплощению своих жизненных планов. Результатом успешной адаптации может быть идентификация себя как пенсионера, постановка и решение новых жизненных задач, как в личной сфере, так и в общественной, адекватная оценка своих возможностей.

В связи с тем, что доля людей пожилого возраста увеличивается, проблемы старости и старения становятся глобальными. Единого и точного определения понятия старости ещё нет. Р.С. Яцемирская это определение трактует следующим образом: «Старость - закономерно наступающий заключительный период возрастного индивидуального развития (онтогенеза)» [6, с. 5]. С точки зрения Е.И. Холостовой, «Старость - это возрастной период, который характеризует заключительную фазу человеческой жизни; понятие не только биопсихологическое, но и социально-историческое, его временные рамки и наполняющее его содержание существенно варьируют в разных человеческих обществах, на разных этапах человеческой истории» [5, с. 104]. С.А. Филатова даёт следующее определение: «Старость - это закономерно наступающий заключительный этап жизнедеятельности человека, являющийся следствием процесса старения», в свою очередь «Старение - это разрушительный процесс, неизбежно развивающийся с возрастом в результате нарастающего повреждающего действия экзогенных факторов и ведущий к недостаточности физиологических функций организма» [4, с. 10].

Проблема старения занимала человека уже в глубокой древности. Первые определения старения и его причин относятся еще к античной эпохе. Великий древнегреческий врач Гиппократ (V-IV в. до н. э.) считал старость результатом утечки природного тепла и высыхания организма. Философ Платон указывал, что на старение особенно влияет образ жизни в среднем возрасте.

Анализ литературы показал, что определение понятия старость относится к числу «вечных проблем». Ведутся дискуссии вокруг того, что считать старостью, ее первыми проявлениями. Трудности в определении связаны, прежде всего, с тем, что старение - процесс длительный, плавный и индивидуальный.

Психологические изменения, которые происходят в процессе старения, ставят в качестве первоочередной задачи исследование их динамики и особенностей социального поведения пожилых. Одним из ведущих механизмов, обеспечивающих целостность личности и предсказуемость ее деятельности, является социальная адаптация.

Социальная адаптация пожилых людей рассматривается как сложный процесс, в результате которого достигается новое качество в жизнедеятельности пожилого человека. Под влиянием процесса социальной адаптации возможна перестройка сознания личности, которая будет способна осуществлять активную деятельность в новых условиях. Можно говорить о большом количестве психологических и физических факторов, влияющих на процесс социальной адаптации пожилых людей. Не существует универсального способа приспособления к старости. Так, для одних людей оптимальным является совместное проживание с младшими членами семьи, для других нужна самостоятельность, независимость.

Чтобы адаптационный процесс прошел успешно, рекомендовано учитывать психологические особенности пожилых людей, иметь знания в области социальной адаптации в целом.

Участвуя в процессе социальной адаптации пожилого человека, важно помнить о том, что рассматриваемый процесс представляет собой систему следующих этапов.

Адаптационный шок. Под ним понимается общее расстройство функций пожилого человека, вследствие какого-либо потрясения социогенного характера, вызванного резким нарушением привычного взаимодействия с внешней средой.

Мобилизация адаптационных ресурсов. Эта стадия связана с активным, сознательным поиском, выбором и освоением на поведенческом уровне новых моделей жизнедеятельности.

Ответ на «вызов среды». Это завершающая стадия процесса социальной адаптации пожилого человека, вышедшего на пенсию. Ее содержание представляет собой реализацию конкретной модели поведения и деятельности, которые выбираются пожилым человеком с учётом собственных адаптивных ресурсов и возможностей, представлений о происходящем [3, с. 171].

В социологических исследованиях, посвященных старшему поколению, до сих пор нет ответа на вопрос, в чем же состоит «полноценная, активная жизнь», если человек не занят в сфере трудовой деятельности. Введение понятия «общественная работа» не вносит ясности, т.к. тоже встает вопрос об ее определении. Думается, недостает таких понятий, как передача жизненного, духовного и профессионального опыта, участие в жизни семьи и поддержание родственных связей, межпоколенные взаимодействия, добровольные услуги обществу, развитие внутренней духовной культуры, постоянное совершенствование путем самообразования и обучения, желание участвовать в общественных организациях и политической деятельности.

Работа над данной темой показала, что старость неизбежна, что это логическое завершение человеческой жизни. Очень важно, чтобы это завершение было окрашено в светлые тона в эмоциональном, психологическом плане. Человек в этом возрасте должен чувствовать гармонию внутри себя и гармонию между собой и окружающим миром.

Для успешной социальной адаптации необходимо знать и учитывать психологические особенности людей пожилого возраста. Это поможет выстроить грамотную работу с пожилыми людьми, найти общий язык с этой категорией, объективно оценить ситуацию, выявить причины социального дискомфорта, а также наметить реальные пути решения проблемы.

Библиографический список:

1. Александрова М.Д. Старение: социально - психологический аспект / Психология старости и старения: Хрестоматия / сост. О.В.Краснова, А.Г. Лидерс. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 416 с.
2. Бексаева Н.А., Елютина М.Э. Особенности перехода к пенсионному статусу // Социально-экономические проблемы гуманизации современного общественного развития: межвуз. науч. сб. СГТУ. Саратов: Аквариус, 2004. С. 84- 87.
3. Супрун Н.Г. Качество жизни пожилых людей как социальная проблема // Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования. 2015. № 46. С. 171-174.
4. Филатова С.А., Безденежная Л.П., Андреева Л.С. Геронтология. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. 510 с.
5. Холостова Е.И. Энциклопедия социальных практик поддержки пожилых людей в Российской Федерации / под ред. Е.И. Холостовой, Г.И. Климантовой. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2015. 552 с.
6. Яцемирская Р.С., Беленькая И.Г. Социальная геронтология. М.: Гуманит.изд.центр ВЛАДОС, 1999. 366 с.

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ: ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ СЕМЕЙНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ*

Винокурова А.В.

Современный этап развития общества сопровождается кардинальными преобразованиями и чаще всего определяется как социальная трансформация, под которой мы понимаем относительно быстрые, глубокие и качественные изменения во всех областях жизнедеятельности, в том числе и в сфере миграции. Россия, как и многие европейские страны, также столкнулась с этой проблемой, будучи привлекательной для мигрантов, в первую очередь, для выходцев из бывших республик СССР.

Несмотря на то, что основными «магнитами» для трудовых мигрантов являются такие мегаполисы, как Москва, Санкт-Петербург и др., города Дальнего Востока также выступают центрами притяжения. Это связано с реализацией крупных инвестиционных проектов в Дальневосточном федеральном округе: освоение нефтегазовых месторождений на Сахалине, нефтепроводная система «Восточная Сибирь – Тихий океан», строительство транспортного узла «Находка – Восточный», «Свободный порт Владивосток» и пр.

Приморский край является наиболее благоприятной территорией с точки зрения климатических, экономических и транспортных условий среди всех субъектов, входящих в ДВФО. Поэтому вполне закономерно, что Приморье – это самый заселенный дальневосточный регион. На 1 января 2017 года численность населения Приморского края составила 1 924 554 чел. Несмотря на относительное благополучие на фоне других субъектов Дальневосточного федерального округа, в Приморье сохраняется негативная демографическая ситуация. За 2016 год число жителей Приморского края уменьшилось в среднем на 5,5 тыс. чел. [4].

В ближайшей перспективе в качестве основного источника демографического развития Приморского края следует рассматривать именно миграционный прирост. Ранее одним из базовых векторов демографического развития Приморья считалась миграция из КНР. Но начиная с 2010 г., по количеству прибывающих мигрантов лидируют граждане Узбекистана [2]. Анализируя специфику поведения трудовых мигрантов из государств Средней Азии, многие исследователи делают акцент на проблемах, связанных с их включенностью в социокультурную среду принимающего сообщества [см. подробнее: 5; 3; 1]. В частности, можно обозначить сложности во взаимодействии с коренным населением, жилищно-бытовую неустроенность, девиантные проявления, трудности некоторой части мигрантов в освоении русского языка, культуры, обычаев российского народа.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-03-50032 а(ф)

Другими словами, для большинства мигрантов из стран Средней Азии, в том числе и из Узбекистана, на первый план выдвигается проблема интеграции в принимающем региональном сообществе. Эффективность и позитивное направление этого процесса зависит и от семейных взаимоотношений. В условиях адаптации на новом месте жительства семья для человека остается сферой удовлетворения потребностей в общении и эмоциональном контакте, признании и самореализации.

Нами было проведено исследование, направленное на выявление основных моделей семейных взаимоотношений и соответствующих им повседневных практик, характерных для узбекских трудовых мигрантов, проживающих в Приморье. Исследование носило разведывательный характер, полевые работы проводились в апреле 2017 года. Основным методом сбора информации – неформализованное интервью. В качестве респондентов выступали члены семей выходцев из Узбекистана в возрасте старше 18 лет, прибывшие в Приморский край не более 1 года назад. В ходе реализации пилотажного этапа было получено 7 интервью, все кейсы мы условно разделили на следующие основные группы.

Первую модель взаимоотношений в семьях узбекских трудовых мигрантов можно обозначить как «разделенную семью». Это означает, что одна часть семьи проживает в данный момент в Приморье, другие же члены этой семьи остались в Узбекистане. «Мы с женой и маленькими детьми – здесь, а старшая дочь – там... дома... в Узбекистане осталась. Чего ее дергать? Она школу в этом году заканчивает, пусть спокойно доучится...» (И1, мужчина, узбек, таксист, 42 года). Как выяснилось, за такой непростой жизненной ситуацией стоит вполне рациональная система. «Здесь детям лучше... В том смысле, что школа, больница... Хотя тяжело было устроить их в школу, но мы смогли...» (И2, женщина, узбечка, официантка, 37 лет). В целом, наши информанты положительно оценивают свои жизненные перспективы, планируют в дальнейшем остаться в Приморье на постоянное место жительства. Хотят, чтобы старшая дочь получала высшее образование уже в России. В данном кейсе налицо наличие нескольких инновационных элементов жизненного уклада: стремление к накоплению социокультурного капитала (поощрение общения детей-школьников с русскими одноклассниками, поиск возможностей для повышения уровня владения русским языком); изменение социального статуса женщины (желание дать дочери образование, занятость матери вне дома) и др.

Следующую модель семейных взаимоотношений мы условно определили как «временный союз». В этом случае речь идет о том, что мужчина-мигрант имеет в Узбекистане законную семью (жену, детей), но в настоящее время совместно проживает с россиянкой, т.е. этот тип семейных отношений можно обозначить как фактическое сожительство. «Да, конечно, он деньги им переводит, звонит детям, вот уезжал в Узбекистан... так... ненадолго, на неделю... Но в основном-то, он здесь со мной, я для него больше жена, чем там...» (И3, женщина, русская, продавец, 31 год). Можно предположить, что жизненный уклад опирается на наличие определенного социального статуса. Для женщины важен статус жены, и для нее не имеет принципиального значения, что брак не зарегистрирован, главное – «быть при мужчине». Для партнера-мигранта также имеется ряд преимуществ: решение жилищного вопроса, нормальная организация быта и пр. «Так легче получить более оплачиваемую работу, меньше расходов, вообще во всем проще...» (И4, мужчина, узбек, строитель, 29 лет). На первом плане – социально-статусная функция семьи.

Еще одна модель семейных взаимоотношений обозначается нами как «циркулирующая семья». Это супружеская пара и их взрослый сын, которые приехали на заработки. «У старших детей уже свои семьи, дети... А младший с нами... Ему на свадьбу и приехали заработать... Много расходов, калым и все такое...» (И5, мужчина, узбек, строитель, 57 лет). «Он у нас младший сын... Родители живут с его семьей вместе... Накопим денег и домой...» (И6, женщина, узбечка, помощница по дому, 52 года). «Да, деньги нужны, вот и приехали... Но в планах вернуться и жить там» (И7, мужчина, узбек, строитель, 23 года). Таким образом, доминируют традиционные элементы жизненного уклада: стремление в соответствии с обычаем организовать свадьбу, неоднократное указание на то, что младший сын и его

семья должны жить вместе с его родителями и т.п. Предполагается возвращение к постоянному месту жительства.

В целом, полученные нами результаты показывают, что в модели взаимоотношений в семьях узбекских трудовых мигрантов разнообразны. С одной стороны, в выявленных нами моделях имеет место сохранение традиционных ценностей (приоритет старших поколений, соблюдение национальных обычаев). Но в то же время наблюдается распространение социальных практик, связанных с новациями жизненного уклада, проявляющихся в изменении брачных и гендерных отношений.

Библиографический список:

1. Барсукова Т.И., Часовская Л.А. Трансформация семейно-брачного поведения трудовых мигрантов // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 7. С. 9-12.
2. В гостях как дома. Интервью руководителя УФМС по Приморскому краю М. Белобородова «Российской газете» (дата публикации: 17.10.2013) // Интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2013/10/17/reg-dfo/migranty.html> (дата посещения: 19.10.2017).
3. Ерохина Е.А. Доминирующее большинство и диаспоры в этническом пространстве сибирского города // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13. № 4. С. 120-126.
4. Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2017 года и в среднем за 2016 год (дата публикации: 10.03.2017) // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата посещения: 01.11.2017).
5. Самойлюк Н.В. Незаконная миграция и региональная безопасность // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 3. С. 43-50.

**ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА РОССИЙСКОГО РЕГИОНА
ТЕХНОЛОГИЯМИ И МЕТОДАМИ СОБЫТИЙНОГО ТУРИЗМА
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)**

Герасимов А.В.

Российская Федерация, огромное многонациональное государство. Родина многих больших и малых народов и национальностей, страна с богатейшей историей, культурой, традициями. Так и в Крыму, обычаи, элементы архитектуры, кухни, быта сплелись между собой в уникальный узор, который привлекает гостей полуострова из года в год.

Наряду с традиционным туризмом, основывающимся на посещении музеев, памятных зданий, библиотек, архивов и других объектов исторического и культурного наследия, в последние полтора десятилетия мощное развитие на территории полуострова получает особый его вид – «событийный туризм»[5].

В связи с широкой конкуренцией на мировом рынке туристических услуг и снижением цен на отдых, повысился уровень доступности поездок осуществляемых россиянами и жителями субъектов федерации. Классический подход, в организации досуга отдыхающих построенный по схеме: просмотр достопримечательностей и отдых на море, перестал давать высокий экономический результат. Современный турист при формировании комплекса пожеланий к потенциальному отдыху уделяет большое внимание наличию в нем культурной программы. Причем, чем такая программа будет интерактивнее, тем лучше. Важна максимальная близость к проводимому действию, так называемый эффект «глубокого погружения» в тематику отдыха.

В такой ситуации востребованным стал именно событийный туризм. В своей статье автор описывает особенности крымских мероприятий, этапы их возникновения, эволюции, вклад фестивалей военно-исторической реконструкции в формирование позитивного образа региона.

Движение исторической реконструкции в Крыму в последние десятилетия достигло в своём развитии высокого уровня. Появились мероприятия с традициями, и многолетним опытом проведения, хорошо известные как соотечественникам, так и любителям истории за рубежом. На сегодняшний день в движении Крымской реконструкции среды уже сформировались подходы к организации мероприятий называемых - living history (Живая история)[2],[7]. Однако данная сфера продолжает развиваться и стараниями участников крымских клубов, и под влиянием основных тенденций в российской реконструкции, и благодаря западным примерам.

Феномен исторической реконструкции находится на стыке нескольких областей научного знания: культурологии, социологии, истории и археологии. Понятие исторической реконструкции имеет два аспекта. Во-первых, данный термин употребляется относительно восстановления конкретного исторического объекта на материалах сохранившихся источников при помощи современных методов науки. Во-вторых, под исторической реконструкцией понимается деятельность, направленная на воссоздание различных исторических процессов и событий. Применительно к этому направлению употребляется также термин «живая история» (англ. living history).

Западная традиция проведения мероприятий living history уже имеет определённую историю. В 1960-х гг. в Великобритании и США стали появляться первые клубы исторической реконструкции. Целью таких организаций была популяризация собственной культуры и традиций. Достаточно распространёнными зарубежными событиями, близкими к исторической реконструкции, являются Ренессансные ярмарки (Renaissance Fair) или парады, посвящённые историческим датам. Ключевым отличием данных мероприятий от реконструкции является то, что материальный компонент (костюмы, доспехи, предметы быта) является скорее реквизитом театрализованного действия.

Принято считать, что отечественная реконструкция появилась около тридцати лет назад. Начало было положено воссозданиями военных сражений, так например, фестиваль «День Бородино» был проведён впервые в 1989 г. Современное отечественное движение исторической реконструкции (или, как чаще его называют, военно-исторической) носит преимущественно субкультурный характер. Реконструкторская субкультура (англ. reenactment) – это относительно молодое явление культуры, включающее разные направления.

Движение исторической реконструкции в Крыму на сегодняшний день имеет свою богатую историю и сформировавшиеся традиции, множество участников, объединённых в клубы. Имеется разделение на воссоздание событий и жизни того или иного исторического периода отечественной культуры - и культур других стран. Наиболее востребованными направлениями в Крыму являются «скифы», «античные греки», «средневековье» европейских стран и Руси, «наполеоника», в которой выделяется «Крымская война» и «Великая Отечественная война 1812 г.».

Отличительной особенностью крымской исторической реконструкции является большая плотность событий данной направленности, учитывая масштабы нашего полуострова. Рассмотрим формы таких мероприятий.

Первым событием исторической реконструкции в Крыму следует считать праздник «День Исторического бульвара», который был организован в Севастополе в 1989 г. [1]. На тот момент он не был оформлен как фестиваль, но носил некоторые его черты. Это знаковое событие, которое со временем переросло в традицию, стало толчком к появлению фестивальных мероприятий данной направленности.

Сегодня такой формат мероприятий как фестиваль является наиболее распространённой формой организации мероприятия «живой истории» в Крыму.

Один из самых первых и наиболее популярный – это «Генуэзский шлем», проходящий ежегодно на территории Судакской крепости с 2001 г. Его особенностью является относительная толерантность организаторов к присутствию на фестивале представителей разных эпох. Фестиваль представляет собой мультиисторическое мероприятие. Среди его участников выделяются те, кто строго придерживается полной реконструкции (англ. full reconstruction), и те, чьи костюмы и элементы

быта не привязаны к конкретной эпохе или историческим событиям, а носят общий исторический характер (англ. stylization)[6].

Ещё одно значимое событие из сферы военно-исторической реконструкции в Крыму, посвящено эпизоду Крымской войны – Альминскому сражению (1854 г.). В течение многих лет «Альминское дело» посещают участники из разных стран, оно пользуется популярностью у зрителей и поддержкой официальных органов власти. Пожалуй, это мероприятие долгое время задавало тон всему реконструкторскому движению в Крыму по уровню исторической достоверности.

Новые инновационные веяния в фестивальную сферу данной направленности внёс масштабный Крымский военно-исторический фестиваль на Федюхиных высотах в Севастополе (с 2014 г.). Это знаковое событие, на котором в новом формате впервые встретились участники клубов, занимающиеся различными эпохами. Данное мероприятие отличает ряд особенностей, не характерных ранее для исторических фестивалей в Крыму. Во-первых, мероприятие получает финансирование со стороны Министерства обороны РФ, содействие представителей государственной администрации г. Севастополя, представителей республиканских музеев, помощь по линии МЧС и МВД в сфере доставки реквизита и безопасного проведения фестиваля. Впервые реконструкторам были выделены отдельные площадки по эпохам, что, конечно же, выделяет данное событие в ряду местных по степени организации и по логистике мероприятия. Третьей особенностью стала программа мультифестиваля, в которой каждый из пяти дней фестиваля был посвящён отдельной эпохе. «Крымский фестиваль военно-исторической реконструкции» стал новой вехой в развитии движения в Крыму[8].

Помимо организации и участия в военно-исторических фестивалях деятельности, крымские реконструкторы участвуют в разного рода праздничных мероприятиях, городского или республиканского уровня, в качестве приглашённых участников.

Есть ещё одна форма реконструкторских событий, которая реализуется в Крыму, но пока не получила должного развития и носит исключительно закрытый характер: непродолжительные по времени мероприятия, в виде похода в костюмах или униформе с соответствующими предметами быта в условиях дикой природы или реконструкция небольшого военного события, которая осуществляется чаще всего в один-два дня.

Таким образом, можно отметить, что движение исторической реконструкции в Крыму отличается некоторыми особенностями: местные любители «живой истории», во-первых, стремятся из года в год повышать уровень исторической достоверности; во-вторых, основной формой событий в данной области являются фестивали; в-третьих, данная субкультура носит закрытый характер, то есть не реконструктор либо является зрителем, либо не допускается на мероприятие вообще. Подобный формат мероприятия, где историческая реконструкция находится в тесном взаимодействии с менеджментом в сфере культуры и туристской сферой, и, с одной стороны, предоставляет человеку возможность прикоснуться к истории, а с другой – позволяет реконструкторам получать прибыль, занимаясь своим любимым делом, видится очень перспективным для крымского региона. Учитывая, что местные любители «живой истории» уже имеют определённую материальную базу, наработанную за последние десятилетия, они могут при желании трансформировать некоторым образом уже существующие мероприятия, превратив зрителя в участника, либо создать новые события в виде туристических маршрутов, что позволило бы достичь сразу нескольких целей: во-первых, познакомить обывателя с особенностями культуры определённой исторической эпохи; во-вторых, улучшить своё финансовое положение; в-третьих, местные исторические клубы и вся реконструкторская субкультура могут получить новый импульс для развития; и, в-четвёртых, что немаловажно, туристская сфера нашего региона пополнится новыми, неизвестными ранее, маршрутами и мероприятиями.

Библиографический список:

1. Арсеньев Е.А. Молодёжные организации современной России // Преподавание истории в школе. 2005. № 7. С. 16-24.

2. Беленок Н. Ю. Современные тенденции развития фестивального туризма // Материалы Международной научно-практической конференции (Симферополь, 12 апреля 2012 г.). Симферополь: АРИАЛ, 2012. С. 14-17.
3. Вилар Ж. О театральной традиции; [пер. с франц.]. М.: Театр, 1958. С. 46-108.
4. Генкин Д.М. Массовые праздники. М.: Просвещение, 2005. 140 с.
5. Гужова И.В. Праздник как феномен культуры в контексте целостного подхода: дис. канд. философ. наук. Томск, 2006. 164 с.
6. Захарова Л.Н., Миглей И.А. Фестивальный туризм в системе художественной культуры // Туризм в социокультурном пространстве Тюменского региона: сборник статей; Тюменский государственный институт искусств и культуры. Тюмень, 2006. С. 63-75.
7. Иконникова С.Н. История культурологических теорий. СПб., 2005. 474 с.
8. Кокорина Е.Г., Якушкова А.С. Неформальные и «дикие» пленэры в Крыму // Культура народов Причерноморья. 2013. № 258. С. 160-162.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АРХЕТИП ЕДИНСТВА ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В КРЫМСКИХ ЛЕГЕНДАХ

Горошко Ю.Н.

Экологическое сознание можно определить как интегральную структуру психики, характеризующую особенности взаимодействия человека с природой или, если быть более точными – со средой своей жизни. Современные исследования сознания предполагают обращение к бессознательным структурам психики. Это актуально и в отношении экологического сознания. Ряд исследователей приходят к выводу, что экологическому сознанию предшествует экологическое бессознательное, а его основными структурными элементами являются архетипы. Н.М. Солодухо выдвигает гипотезу о существовании в структуре коллективного бессознательного особого экологического архетипа [3]. Архетипы представляют некоторые образы или образцы поведения, в которых концентрируется, наработанный тысячелетиями, коллективный опыт человечества (К.-Г. Юнг). Архетипы также выступают «параметрами порядка в рамках культуры», своеобразными индикаторами взаимоотношений человека с окружающей средой [5].

В кризисные моменты архетипы актуализируются, как защитный механизм, призванный восстановить утраченное равновесие. Такая актуализация может происходить как на уровне индивидуума, так и в социуме в целом. В частности, современные тенденции экологизации культуры и формирования экологического сознания можно рассматривать как результат актуализации экологического архетипа единства человека и природы в ответ на экологический кризис.

Экологический архетип формируется еще в традиционных обществах, когда человек не отделял себя от природы, находясь в абсолютной зависимости, но, в то же время, ощущая неразрывное единство с ней. Для первобытного мышления было характерно ценностное отношение к природе, персонификация и идеализация как природы в целом, так и отдельных ее явлений. Анализируя этику традиционных обществ, исследователи отмечают её направленность «не в отношении людей, а в сторону природы» [4]. Ощущение сопричастности, стремление сохранить гармонию с природой порождают чувство ответственности людей за землю, на которой они живут. Эта ответственность предполагает не только бережное отношение к природе, но и гармонию в социальных и межличностных отношениях, поскольку «нарушение равновесия в природе является, прежде всего, результатом нарушения отношений между людьми в обществе» [2].

Экологический архетип единства человека и природы проявляется в следующих основных аспектах: архетип Родины (Малой Родины, Дома), родственная связь с животными, образы идеальных ландшафтов как символы гармонии и совершенства природы [2]. Архетипы находят отражение в народной культуре – легендах, мифах, сказках.

Так, в крымской легенде «Деликли-кая» можно увидеть отражение архетипа Родины и утверждение представления о взаимосвязи гармоничных социальных отношений и благосклонности

природы. Старец Муслидин рассказывает о прежних «золотых» временах, когда духи деревни, которые живут в близ расположенных скалах, любили людей. «Прислушивались люди к их голосу и чттили своих покровителей. И духи приходили к людям. И люди становились добрее» [7, с. 32]. Изначально идея ответственности за родную землю формируется именно в русле мистических представлений об ответственности перед мифическими существами – духами, населяющими данную территорию.

Далее в легенде говорится, что духи, превратившись в нищих, просят помощи у девушек деревни и те отдают им свой обед. Тогда странники открывают, кто они есть на самом деле, и предлагают девушкам загадывать их тайные желания, которые они исполнят. Одна из девушек просит, «чтобы в горе открылся источник», из которого смогут пить усталые путники и деревенские жители. Легенды об источниках являются очень распространенными и встречаются у разных народов, поскольку вода – источник жизни и её ценность формируется на архетипическом уровне. Для Крыма, который всегда испытывал дефицит воды, такие легенды имеют особую актуальность. Именно «рациональное использование водных ресурсов и бережное отношение к водным источникам» становится одной из первых экологических традиций в Крыму [1].

Легенда «Деликли-кая» завершается предупреждением людям, что благосклонность природы зависит от них самих. Муслидин говорит, что когда жили в деревне девушки, как та, которая ничего не пожелав для себя, просила для других – было много воды. Теперь мало стало, потому что хуже люди стали. Когда плохими станут – совсем высохнет источник [7, с. 34].

В легенде «Эчки-Даг – Козья гора» экологический архетип проявляется в ценностном отношении к животным. Молодой охотник Али был «первым стрелком на всю долину и никогда не возвращался домой с пустой сумой». «Только никогда не тронула рука благородного охотника газели, которая кормила дитя. Ибо благородство Али касалось не только человека». Но однажды, капризная возлюбленная Али – вдова Урмие – потребовала, чтобы он принес козу, в то время, когда козы выкармливают потомство, и бить их нельзя. Али не хотел выполнять странную просьбу, но Урмие сыграла на его чувствах, возбудила ревность, и он отправился на охоту. Али нужно было пройти через провал между двумя вершинами Эчки-Дага – Ухо Земли. «Глубокий провал с откосной подземной пещерой, конца которой никто не знает. Говорят, доходит пещерная щель до самого сердца земли; будто хочет земля знать, что на ней делается: лучше ли живут люди, чем прежде, или по-прежнему вздорят, жадничают, убивают и себя и других» [6, с. 10]. У провала увидел Али старика с длинной седой бородой, который спросил, почему он пришел стрелять коз так рано. Сказав, что Али все равно «ничего не убьет», старик исчез в провале.

Можно отметить, что в легенде встречается много традиционных архетипов, выделенных К.-Г. Юнгом: противостоящие друг другу пары архетипов: Герой (Али) – Тень (Урмие); Анимус (Али) – Анима (Урмие); Мудрый Старец (старик с бородой у входа в пещеру).

Когда Али оглянулся на гору, то увидел козу, которая смотрела прямо на него. Прицелился Али и вдруг заметил, что у козы сидит женщина и доит её. А женщина эта – его покойная сестра. «Опустил карабин охотник, протер глаза. Коза стоит на месте, никого подле неё нет» [6, с. 10]. Прицелился вновь – и опять у козы женщина – мать Али. Покачала на него головой мать. Опустил карабин Али, и опять – никого. Прицелился Али в третий раз, уже почти нажал курок, как увидел, что коза кормит ребенка – дочку Урмие, которую любил Али, как свою дочь. С тех пор исчез из деревни Али. Долго искали его, но не нашли. Тогда решили, что упал он в Ухо Земли, и нечего искать больше. Спустя много лет, вернувшийся в деревню старик хаджи, поведал, что видел Али в Стамбуле в монастыре дервишей [6, с. 11].

В легенде прослеживается идея, что если нарушить естественный порядок, гармоничные отношения с природой – человеку это может принести лишь несчастье. В данном случае, гармония с природой раскрывается в ценностном отношении к животным. Для традиционных обществ было характерно сакральное отношение к животному миру как части природы, с которой люди находились в непосредственной связи посредством принципа партиципации (Л. Леви-Брюль). Одна из самых ранних форм религии – тотемизм – предполагает наличие родственной связи группы людей (племени,

рода), проживающей на определенной территории, с каким-либо видом животных или растений. Для древнего человека было характерно стремление к родовой идентификации, которую он осуществляет через выбор тотема [4]. Тотемные животные были непосредственно связаны и с формированием архетипа Родины, поскольку зачастую именно они являлись хранителями / духами места.

Элементы тотемизма проявляются и в рассмотренной легенде. Само название - «Эчки-Даг – Козья гора» - как раз акцентирует внимание на конкретном природном объекте, который находится вблизи поселения Отузы, где разворачиваются события. Видения Али – сестры, матери, приемной дочери, которые появляются возле предназначенной в жертву козы, указывают на родственную связь с животным. Целясь в козу, Али как будто подвергает опасности самых близких родственников, и они предупреждают его не совершать напрасного убийства.

Несмотря на то, что архетипы были сформированы на заре человечества, архетипическое мышление доступно современному человеку и обладает способностью восстановления, особенно в кризисных ситуациях. Этот механизм актуализации архетипов действует как на индивидуальном уровне, так и на коллективном, и может быть успешно использован, в том числе, в системе воспитания. В.В. Флоренская отмечает, что экологические архетипы обладают регулятивно-организующим и катарсическим (очищающим, просветляющим) потенциалом [8]. Последний обусловлен сильными личностными переживаниями, которые испытывает человек в момент актуализации архетипа. Как уже было отмечено, для воспитания молодых людей особое значение имеет сила эмоционального воздействия и нравственно-ценностные аспекты передаваемой информации (знания). Именно поэтому «катарсический, эмоционально-этический потенциал архетипов единства человека и природы представляется важной составляющей экологического воспитания и перспективным подходом к процессу формирования экологического сознания и экологической культуры современного человека» [8, с. 8].

Библиографический список:

1. Баличиева Д.В. Природоохранные традиции в культуре крымских татар [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/36501/79-Balichieva.pdf?sequence=1>
2. Гимазетдинова А.Х. Экологические аспекты общественного сознания и коллективного бессознательного: автореф... дис. канд. филос. наук. Казань, 2005.
3. Гимазетдинова А.Х., Солодухо М.Н. Экологическое сознание и экологический архетип. Казань: Изд-во Казанского гос. технического ун-та, 2008. 135 с.
4. Горелова Т.А., Канунникова М.Л. Особенности экологического мышления первобытного человека Канунникова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ekologicheskogo-myshleniya-pervobytnogo-cheloveka>
5. Капелько О.Н. Архетипы, социальные стереотипы и будущее цивилизации // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 11-6. С. 1282-1288;
6. Маркс Н.А. Легенды Крыма. Вып. I. Симферополь: Таврида, М., 1990. 40 с.
7. Маркс Н.А. Легенды Крыма. Вып. II. Симферополь: Таврида, М., 1990. 48 с.
8. Флоренская В.В. Архетипы единства человека и природы традиционных обществ и формирование экологической культуры: автореф... дис. канд. культурологии. Екатеринбург, 2009.

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА НОВОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Гребельных Т.И.

Уникальность современного этапа развития гражданского общества в России состоит в качественно новом типе коэволюции общества и государства. Характер и динамика социальных преобразований последних двух десятилетий определяют направленность и новые тенденции интеграции гражданского общества, как на уровне развития межсекторного взаимодействия, так и на уровне развития общества как целостной системы и включения населения в социально активную

деятельность. Во взаимодействии гражданского общества с государством четко прослеживаются две институциональные составляющие: первая – по линии государственного и общественного контроля, через механизмы управления, организации и регулирования; вторая – базируется на новых принципах самоорганизации и саморегулирования. При таком понимании современное «...гражданское общество предстает как интегрированное общество с развитыми механизмами взаимодействия и саморегуляции» [1, с. 27], ориентированными на установление стратегических партнерств, новых технологий сотрудничества и новых «форматов» взаимовыгодных соглашений.

Рост гражданской активности населения и усиление влияния общественных структур, появление новых форм социальных солидарностей, реализация технологий общественно-государственного партнерства, с одной стороны, и активизация социальных практик, с другой стороны, – подтверждаются результатами мониторинговых социологических исследований разных лет (2008-2017 гг.), проводимых по заказу Общественной палаты Иркутской области социологической лабораторией региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» под руководством доктора социологических наук, профессора Т. И. Грабельных. Данные проведенного в апреле-мае 2017 года экспертного опроса среди руководителей и представителей органов государственной власти и общественных советов при них указывают на тот факт, что процесс формирования гражданского общества в Иркутской области имеет положительную динамику. Благодаря появлению новых механизмов саморегуляции и расширению сфер совместной деятельности с государством возникли новые структурообразующие гражданского общества, в числе которых общественные советы, наблюдательные комиссии, экспертные группы, «форумные», «позиционные» и «конкурсные» площадки. Как следствие, расширилась сфера социологической деятельности в части легитимации и технологизации полей социологических исследований и повышения инструментального значения социологической экспертизы.

В число приоритетных направлений исследования и экспертизы мы включаем вопрос о производственных силах и социальном капитале в регионе. История Сибири и Дальнего Востока подтверждает, что развитию гражданского общества во многом способствует развитие производственных сил в регионе. Социальный капитал, приобретаемый по мере освоения производственных сил, служит индикатором общественного признания и социального доверия. Успешное развитие российского общества в различных сферах не представляется возможным без социального капитала, который является концентрированным выражением накопленного социального опыта, в том числе через включенность в производственные отношения. По своей сути, социальный капитал как категория служит для обозначения опыта социальных взаимосвязей и социальных взаимодействий, в первую очередь устанавливающихся в системе трудовых отношений и занятости населения. Соответственно, чем более развита социально-производственная инфраструктура в регионе, в которую включена экономически активная часть населения, тем более развиты институты гражданского общества и механизмы общественного участия. Включение в систему производства позволяет активнее накапливать социальный капитал и реализовывать его в системе социальных взаимодействий. Формирование отношения к труду и выстраивание реальных позиций среди других производственных сил позволяет проявлять социальную активность и выступать с гражданскими инициативами. Все это, несомненно, предусматривает решение комплекса важных задач на региональном уровне, среди которых: развитие социально-производственной и социально-трудовой сферы и обеспечение государственных гарантий в области содействия занятости населения; обеспечение экономики трудовыми ресурсами, необходимыми для устойчивого социально-экономического развития региона. Данные экспертного опроса 2017 года подтверждают, что повышение роли социально-производственных, профессионально-отраслевых и территориальных инфраструктур в общественной жизни региона является одним из основных путей повышения роли общественных структур в развитии гражданского общества. Полагаем, что на сегодняшний день это наиболее значимое поле социологических исследований и социологической экспертизы.

Другим по важности полем исследовательской и экспертной деятельности выступает сама сфера гражданской активности. Известно, что российские регионы имеют богатую историю развития общественного сектора, которой предшествует своя предыстория, связанная как с дореволюционным опытом общественных организаций (например, благотворительных), так и с их опытом послереволюционных лет. Несмотря на изменение исторических условий, цели и задачи общественных организаций совпадали с тем курсом, который проводило правительство, – повсеместное развитие науки, просвещения, образования, патриотическое и нравственное воспитание молодежи. Научные общественные организации, как правило, созданные при университетах, сыграли ключевую роль в становлении первых структур гражданского общества. В период строительства советского государства общественная жизнь переходит в политическую плоскость. Отныне главной характеристикой советского человека как гражданина становится его идейная убежденность. Со временем масштаб и сложность деятельности общественных организаций потребовали расширения финансовых и организационных ресурсов. Наиболее активно действующие НКО были вынуждены искать нетрадиционные формы организации своей деятельности, овладевать новыми информационными, образовательными и организационными технологиями.

В Докладе Общественной палаты Российской Федерации «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2016 год» при характеристике основных трендов гражданской активности справедливо подчеркивается, что «...события последних двух лет придали новую динамику гражданской активности. Наблюдающаяся тенденция к снижению числа вновь зарегистрированных НКО компенсируется ростом неформальной активности» [2, с. 6]. При этом сегодня четко различается институционализированная и неинституционализированная гражданская активность, когда основными субъектами последней выступают гражданские активисты, неформальные сообщества и объединения. Именно масштабы неинституционализированной гражданской активности благодаря социальным сетям, по мнению многих экспертов, «...практически сопоставимы с деятельностью формальных институций» [2, с. 6-7]. Задача государства в этой связи видится в предоставлении гражданскому обществу площадок для самореализации и участия в дискуссиях по всем волнующим их вопросам. Необходимо предусмотреть новые механизмы координации «низовой» гражданской активности для исключения возможностей проявления деструктивных факторов. На этапе новой динамики гражданской активности потенциал взаимодействия (в виде объединений, консолидации, кооперации) населения российского региона с государственными и общественными структурами видится достаточно большим. Это также подтверждается результатами экспертного опроса руководителей исполнительных органов власти Иркутской области и руководителей общественных советов, проведенного в апреле 2017 года, которые видят в качестве одного из основных путей повышения роли общественных структур в развитии гражданского общества региона вовлечение населения и лидеров общественных организаций в новые общественные структуры, а это в свою очередь повышает требования к деятельности институтов общественного контроля.

О повышении научного и социального значения социологического исследования и социологической экспертизы на новом этапе развития гражданского общества в России свидетельствует переосмысление функций и направлений деятельности экспертного сообщества региона. Опыт общественных палат и общественных советов федерального и регионального уровней показывает, что повышение эффективности решаемых проблем в разных сферах региона требует активного участия экспертного сообщества, задачи и направления деятельности которого значительно расширились с внедрением инструментов общественной экспертизы. По результатам проведенных опросов в Иркутской области было выявлено, что спектр функций экспертного сообщества существенно расширился. В этой связи повышается роль науки и высшей школы. Как нами уже отмечалось ранее, «...одна из основных целей российского университета в новых условиях видится в экспертном и технологическом обеспечении общественно-государственных механизмов, способствующих повышению эффективности деятельности региональной власти» [3, с. 221]. Мы полагаем, что успешность внедрения экспертно-технологической модели развития университета на его

новом этапе напрямую зависит как от качества академической среды внутри университета, так и от качества его взаимодействия с ведущими субъектами регионального развития. Отвечая на современные вызовы, университет как социальный институт активно участвует в интеграционных процессах, одним из которых выступает интеграция экспертного сообщества региона.

Таким образом, передовые социальные практики, отражающие современный опыт формирования гражданского общества в российском регионе, свидетельствуют об уникальности культуры выстраивания внутренних и внешних взаимосвязей государственных и общественных структур и организаций и населения, направленных на совместное решение общих проблем своей территории и поддерживающих единство гражданского общества. Привлечение внимания к проблемам развития производственных сил в регионе, новым сферам гражданской активности и изменению характера и форм деятельности экспертного сообщества региона, представляется чрезвычайно актуальным на сегодняшний день. По результатам проведенных исследований (в том числе, включенного наблюдения), нами сделан вывод о том, что инструменты социологического исследования и социологической экспертизы способствуют более широкому внедрению 12-ти основных принципов проведения социальных экспертиз и самого экспертного знания в структуру государственного и социального управления – нормативности, непротиворечивости, системности, объективности, независимости, открытости, дифференциации, своевременности, доступности, достоверности, саморегулирования и технологизации. Также установлено, что в свете решения новых задач развития гражданского общества в России важен выход и на более высокий уровень исследовательской и экспертной культуры.

Библиографический список:

1. Лесниковская Е.В., Грабельных Т.И. Интегративные взаимодействия в формировании гражданского общества в России: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 139 с.
2. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2016 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2016. 258 с.
3. Грабельных Т.И., Лесниковская Е.В. Роль университета в развитии системы региональных взаимодействий: от универсальной научно-образовательной к экспертно-технологической модели // Вестник университета. 2017. № 3. С. 220-222.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Грибова К.Л.

Проблема определения понятия социального пространства всегда находилась в центре внимания социологической науки и представляла значительный интерес для научного теоретико-методологического поиска. Вопрос о том, чем характеризуется окружение социальных субъектов (личностей, социальных групп, общностей и т.д.), составляет сегодня предметное поле множества современных исследований в области как естественных, так и гуманитарных наук.

В социологической традиции существуют различные точки зрения относительно того, что представляет собой социальное пространство, какова его сущность и специфика, исходя из теоретико-методологической перспективы мыслителя. Так, по мнению представителя структурного функционализма Т. Парсонса, общество как социетальная система организовано посредством реляционных атрибутов, которые определяют «в каком специфическом отношении некий объект находится к «его» и, таким образом, к другим объектам. Парсонс выделяет три таких реляционных атрибута: биологическую позицию (половой аспект воспроизводства), пространственное, или территориальное размещение, а также темпоральное размещение (локализация во времени)» [5, с. 56].

На характере структурных отношений сосредотачивался и П. Сорокин, рассматривая социальное пространство в широком смысле как «народонаселение Земли» [4, с. 299], многомерную ось координат, в которой индивиды занимают различное положение, исходя из связей и отношений с другими индивидами.

Категория социального пространства становится центральной в теории П. Бурдьё, который трактовал данное понятие как совокупность социальных полей - относительно замкнутых и автономных систем социальных отношений, структурирующихся относительно позициями, которые занимают в нём индивиды. «Позиция данного агента в социальном пространстве может определяться по его позициям в различных полях, т. е. в распределении власти, активированной в каждом отдельном поле. Это, главным образом, экономический капитал в его разных видах, культурный капитал и социальный капитал, а также символический капитал, обычно называемый престижем, репутацией, именем и т.п.» [2, с. 16].

Примером микро-перспективы, ориентированной на рассмотрение социального пространства (наряду с Г. Зиммелем, И. Гоффманом, П. Бергером и т.д.) как пространства взаимодействия индивидов, является подход французского социолога А. Лефевра, который выделяет три составляющие социального пространства: «пространственная практика; репрезентации пространства и пространства репрезентации» [3, с. 52].

Современные исследователи предпринимают попытки систематизации и обобщения существующего многообразия определений исследуемого понятия. В частности, А.Ф. Филиппов выделяет три подхода в социологической традиции к пониманию социального пространства:

- «пространство взаимодействия социальных акторов. Принимается во внимание значение близости/удаленности акторов друг от друга для самого процесса взаимодействия;
- социальное пространство как порядок социальных позиций, метафорическое пространство, структурируемое статусами социальных акторов;
- пространство как нечто обозримое, место расположения тел» [6, с. 330].

Однако, на наш взгляд, подлинное раскрытие сущности понятия становится возможным в том случае, когда фокус анализа приходится не только на его внутренне содержание, но и на внешний контекст, в рамках которого данное понятие может иметь место. Результаты анализа внутренних свойств социального пространства будут зависеть от конкретной перспективы, влияющей на характер взаимосвязанности элементов, составляющих данное пространство.

Одной из таких важнейших перспектив является процесс глобализации, который предъявляет новые требования к исследователю, обуславливает возникновение новых вопросов, решение которых имеет высокую значимость как в теоретическом, так и практическом смыслах.

Попытка интерпретации социального пространства в контексте глобализации американским политологом, экспертом в области исследования глобализации, урбанизации, мировой городской коммуникации и геополитики была предпринята П. Кханной. В одной из своих работ «Коннектография: карта будущего глобальной цивилизации (2016)» [1] исследователь переосмысливает сущность современного социального пространства в терминах взаимоотношений между глобальными городами, их связями, сетями взаимодействия и кооперации.

Исходный посыл Кханны заключается в предложении переосмыслить традиционное выражение «География-это неизбежность», согласно которому географическое расположение определяет архитектуру социального пространства, а также пути развития городов и стран, их социально-политические, экономические, коммуникационные пределы и ограничения. В теоретико-методологическом смысле исследователь продолжает идеи социологов и теоретиков глобализма конца XX в. Среди них М. Кастельс, М. Манн, Дж. Урри, У. Бек, Э. Гидденс, З. Бауман и другие авторы.

Можно выделить три диаметральных направления, которые, по мнению Кханны, характеризуют современное социальное пространство:

- связанность (connectivity) - это новая парадигма глобальной организации. Человеческое общество переживает фундаментальные трансформации, в связи с которыми политические границы становятся менее значимы, нежели функционирование глобальной инфраструктуры. В связи с этим наиболее реалистичная и достоверная карта мира должна включать в себя не только государства, но и мегаполисы, дороги, железные дороги, трубопроводы, сети Интернета и другие элементы формирующейся глобальной сетевой цивилизации (global network civilization);

- децентрализация (devolution) является наиболее мощной политической силой нашей эпохи: провинции и города приобретают большую финансовую и дипломатическую самостоятельность. Однако параллельно с децентрализацией наблюдается тенденция к агрегации (aggregation). Чем меньше политические субъекты, тем больше они должны объединяться, образуя общее пространство ресурсов для выживания;

- изменяется характер геополитической конкуренции. Если ранее конфликты между мировыми субъектами касались преимущественно территории, то в современном мире конфликт смещается в сторону борьбы за включение в глобальную сетевую цивилизацию. Конкурирующие стороны играют, по мнению Парага Кханна, в, так называемое, «перетягивание каната» (Tug-of-war) в системе глобальных поставок, энергетических рынков, промышленного производства, финансовых потоков, технологий, знаний и таланта.

Данные тенденции, а также сценарии развития взаимоотношений между городами подробно рассматриваются П. Кханной в работе на примере его собственных исследований и наблюдений. Некоторые из его идей и выводов визуализированы посредством географических карт, что помогает создать наиболее полную картину распределения современных мега-городов, ресурсов, инфраструктуры, потоков мобильности и других элементов.

Глобальное социальное пространство, представляющее собой сетевую цивилизацию, требует нового подхода к картированию: исследователь предлагает создать карту, где будут отмечены степень влияния и взаимосвязи между субъектами. В качестве субъектов будут выступать пять объединений (Five Cs): страны (Countries), города (Cities), содружества государств (Commonwealths), сообщества (Communities) и отдельные фирмы (Companies).

Одним из самых крупных заблуждений П. Кханна называет мнение, согласно которому страны представляют собой однородные и гомогенные пространства. Некоторые страны настолько культурно и политически диффузные, что только географическая и политическая принадлежность входящих в них субъектов удерживает страну в состоянии единства. Таким странам, как Индонезия, например, требуются дополнительные усилия для поддержания единства, в качестве которых выступают потоки взаимосвязи.

Как уже было отмечено, в качестве подобных дополнительных и необходимых факторов выступают объекты инфраструктуры. Так население Бразилии, Индонезии, Нигерии и Индии составляет примерно два миллиарда человек. Но каждая отдельно взятая страна имеет гораздо меньшее влияние, чем, если бы мы рассматривали совокупное влияние всех стран, так как многие их части практически не связаны между собой.

Особую роль П. Кханна на современных картах мира отводит городам. «В мире, где связанность имеет большее значение, чем размер территории, города заслуживают более тонкого обращения на наших картах, чем просто их отображение как однородных черных точек» [1, р. 52]. Города в XXI веке имеют наиболее развитую инфраструктуру: технологии, концентрирующиеся в городах, наиболее заметным из космоса, растущие коридоры мегаполисов.

Таким образом, коннектография – это теоретико-методологическая призма, которая в достаточной мере применима к исследованию современного социального пространства XXI века.

Используя аналитический потенциал, а также богатый опыт собственных наблюдений, П. Кханна обосновал и проиллюстрировал на примерах свою ключевую идею: «связь - основа современного глобального общества» и определил дальнейшие перспективы исследования проблематики социального пространства.

Библиографический список:

1. Khanna P. Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. Random House, April 19, 2016. P.13.
2. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц.: отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии: СПб; Алетейя, 2007. С.16.
3. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. М.: Streike Press, 2015. С. 52

4. Сорокин П. Социальная и культурная мобильность // Человек, цивилизация, общество / под ред. А.Ю. Соколова. М.: Политиздат, 1992. С. 297-307.
5. Филиппов А.Ф. Элементарная социология пространства // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 45-69.; цит. по: Parsons T. The Social System. New Ed. London: Routledge, 1991. P. 89-90.
6. Чернявская О.С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 5. С. 329-335. Цит. по: Филиппов А.Ф. Элементарная социология пространства // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 45-69.

PAST DEPENDENCE И НЕФОРМАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ПРИГОРОДОВ*

Григоричев К.В.

Формирование и быстрый рост пригородов в современной России стали новым и чрезвычайно значимым явлением. В последнее десятилетие во всех сибирских регионах динамика численности населения муниципальных образований, прилегающих к региональным центрам, свидетельствует о росте пригородов. Вместе с тем, в современной России юридически и статистически пригородов нет: пригороды не выделяются ни в системе административно-территориального устройства (АДТ), ни в статистических описаниях, ни где-либо еще. Феномен, фиксируемый для большинства региональных центров России, фактически остается в неформальном поле. Почти не присутствует пригород и в медиа: уже вполне привычное для горожан и муниципальных администраций явление остается неназванным, следуя древнекитайской максиме «неназванное не существует».

Важнейшая причина, определяющая развитие субурбанизации в России в неформальной сфере, на мой взгляд, кроется в характере предшествующего социопространственного развития.

В основе организации российского пространства (как географического, так и социального) лежит устоявшаяся оппозиционная дихотомия «город-село». [1] Заложенная в такой оппозиции поляризация пространства закреплена в широком спектре институтов – от системы статистических наблюдений как способа описания реальности до организации системы власти. В российской системе АДТ промежуточного пространства между городом и селом, фактически, нет, что приводит к определению села как «всего, что не город» [2]. С учетом специфики российской урбанизации, ее незавершенности («слободизации городов» по В.Глазычеву [3]) такая оппозиционная дихотомия оказывается невероятно далека от реалий, и представляет собой буквальную иллюстрацию «управления через упрощение» [4].

Описание пространства как жестко разграниченной пары «город-село» в течение десятилетий закреплялось в системе управления. До сегодняшнего дня внутренняя структура и система функций местных администраций, численность их сотрудников в значительной степени определяется принадлежностью к тому или иному типу и уровню местного самоуправления. В результате администрация густо заселенного пригородного муниципалитета первого уровня оказывается в том же статусе, что и администрация удаленного сельского поселения. Близко, если не аналогично, выстраивается и система силовых структур, социального обеспечения - все то, что может быть обозначено как социальная инфраструктура.

Существующая система статистических наблюдений полностью также опирается на опыт десятилетий. Подавляющая часть статистических наблюдений ведется по критерию «место регистрации», а не «фактическое нахождение». Этот принцип, логичный и функциональный для советской системы планового хозяйства (включая и размещение населения), приводит не столько описанию реального положения дел, сколько, напротив, к размыванию картины. Население, фактически проживающее в пригородной зоне, но сохраняющее регистрацию в региональном центре, учитывается как городское – в пригороде его, формально, нет. Малый бизнес и индивидуальные предприниматели, зарегистрированные в городе, но фактически ведущие деятельность в пригороде, в статистические паспорта соответствующих муниципалитетов не попадают. С учетом «специфики»

---

* Исследование проведено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 16-06-00072

формирования муниципальной статистики [5], существующая система статистических описаний увидеть пригород не позволяет.

Итак, вся система описания и организации пространства определяет ситуацию, в которой новое явление (субурбанизм) развивается в неформализованном поле. Российская субурбанизация развивается без участия и/или даже при противодействии власти, в отличие от, например, североамериканской [6]. Показательно, что до их пор нет ни устоявшего определения пригорода, ни (само)названия его жителей, что отражает отсутствие и на бытовом уровне, и в академических текстах представления об субурбанизме как образе жизни, уже более полувека обсуждаемом зарубежными социологами, урбанистами, антропологами [7; 8]. Действительно, найти адекватный русский эквивалент англоязычным «suburbanites», «suburban-settlers» довольно сложно. Широко распространенное «дачники» имеет совершенно иные коннотации и смысловые нагрузки. Появившееся, но мало распространенное «коттеджники» также описывает лишь одну группу и скорее ее социальный статус, связанный, скорее, с практиками элитного потребления, нежели с образом жизни.

Бурный рост пригородов, как показывают полевые наблюдения в Иркутске и исследования в других регионах [9; 10], происходит неравномерно. Образно говоря, кольца пригородов вокруг крупного города не получается. Зона пригородного расселения распределена неравномерно, и далеко не всегда выполняет функцию переходного пространства между городом и селом, своего рода интерфейса их взаимодействия [11]. Чрезвычайно разнятся и способы формирования пригородов: от стихийной перестройки сел и застройки бывших сельхоз земель до строительства огромных микрорайонов, закрытых коттеджных поселков и даже нескольких четырех-пятиэтажных блок-секций «в чистом поле».

Очевидное предположение о привязке роста пригородов к транспортной схеме, вы полной мере не подтверждается. Динамика пригородного расселения по основным транспортным магистралям в Иркутске существенно отличается. Более того, благоприятные для застройки ландшафты в непосредственной транспортной доступности (например, на юго-восточной окраине города, обслуживаемой городским общественным транспортом) остаются незастроенными. Степень распространения здесь нерегулярной (частной) застройки также чрезвычайно невысока, по сравнению, например, северо-западным направлением, где пригородные массивы удалены от города на 15-25 км и более, а общественный транспорт представлен междугородними автобусами и маршрутками.

Причина такого характера формирования пригородной зоны, на мой взгляд, в значительной мере определяется сложившимся характером землепользования. В тех локальностях пригорода, где преобладает частное землевладение, развитие пригородной застройки идет опережающими темпами. Там же, где преобладает собственность на землю (или право землепользования) юридических лиц, это процесс протекает значительно медленнее. Эта закономерность обращает к причинам, определившим формирование современной собственности на землю и, как следствие, характер ее оборота.

Основным источником частной собственности на землю за пределами городов стали бывшие земельные массивы колхозов. Их ликвидация, завершившаяся в целом к 1995-1997 гг., проходила через распределение колхозного имущества между членами хозяйств и их семьями. Не останавливаясь на специфике распределения движимого имущества (техники, материалов и т.д.), важно отметить, что земля в виде так называемых «паев» досталась если не всем, то абсолютному большинству бывших работников колхозов. Значительная часть таких наделов в пригородной зоне до середины «нулевых» оставалась невостребованной: либо сдавалась в аренду немногочисленным фермерам, либо забрасывалась.

Движение горожан в пригород привело к быстрому исчерпанию свободных участков в так называемых «землях поселений», предназначенных для индивидуального жилищного строительства (ИЖС). Это привело к стремительному росту интереса к «колхозным паям» и вовлечению их в оборот. На этих землях начали формироваться поселки, которые сейчас насчитывают уже по несколько сотен жителей. Поскольку в законодательстве жестко зафиксирована невозможность использования этих

земель по ИЖС, сформировалась классическая ситуация экстралегальности. Появившиеся поселения в полной мере не являются вариантом сквоттерства: земля приобретается абсолютно легально, сделки проводятся в полном соответствии с законом и оформляются в государственных органах. Однако земля используется не по назначению, что порождает многочисленные неформальные практики перевода тех и иных участков в «земли поселений». Как следствие, обширные земельные массивы, застроенные жилыми усадьбами, формально остаются сельскохозяйственными полями, несмотря на живущих там годами людей.

Вокруг массивов жилой застройки формируется широкий спектр практик неформальной экономики: от услуг по строительству и ремонту до розничной торговли и обслуживания. Прекрасным индикатором высокой экономической активности, противоречащим данным муниципальной статистики, является наружная коммерческая реклама. Полевое исследование 2016 года, основной целью которого было определение внешних границ пригородной зоны по распространенности коммерческой рекламы, показало, что именно в зоне индивидуальной застройки плотность коммерческой рекламы особенно высока. Примечательно, что здесь преобладает реклама, где в качестве контактов указываются мобильные телефоны, отсутствует отсылка к правовой форме предприятия и его названию, а фигурирует только обозначение предлагаемой услуги.

Характер землевладения, сформированный вследствие распада колхозов, в значительной мере определяет и развитие в пригородной зоне неформальной экономической деятельности трансграничных мигрантов. Так, распространение феномена «китайских» теплиц было бы невозможно без наличия свободных земельных участков в собственности частных лиц. Это стало основным условием формирования системы многоуровневой субаренды земельных участков, используемых мигрантами из КНР для тепличного овощеводства. Пространственная привязка «китайских» теплиц к бывшим колхозным земельным массивам совершенно очевидна как по материалам интервью, так и по снимкам ГуглКарт.

Зависимость характера развития пригородов от предшествующего развития (в частности, колхозного прошлого) хорошо видна и в системе организации пригородного земледелия, которую можно обозначить как «распределенное фермерство». Часть земельных паев с момента ликвидации колхозов используется для сельхозпроизводства, однако расширение их масштабов невозможно в силу отсутствия свободных средств для инвестиций, рабочих рук, оборудования. На этой основе возникает система скупки продуктов для продажи на городских рынках с постоянными неформальными контрактами между продавцом и производителями. В результате в пригородной зоне действуют довольно крупные производители сельскохозяйственной продукции, которых номинально не существует.

Распределение бывшего колхозного имущества, прежде всего техники, в значительной мере предопределило актуализацию элементов экономики дарообмена, в классическом прочтении М. Мосса. [12] Неравномерное распределение техники и сельхозинвентаря, слабая монетизация сельской экономики и жесткий аграрный цикл обуславливают взаимодействие не на основах кооперации (объединения ресурсов для ведения совместного хозяйства), а на основе дарообмена. То или иное действие (вспашка, боронование и т.д.) выступает здесь не монетизированной услугой, а своего рода даром, который не может быть оплачен, а только возвращен.

Особым вариантом отношений, обуславливающим характер современной российской субурбанизации, остается феномен дач. Характер землепользования, организации самоуправления, способы использования инфраструктуры для пригородных поселков на основе СНТ определяют специфический облик пригородов и локальных сообществ, формирующихся в них. Принимая во внимание многообразие вариантов организации таких товариществ, формирования их населения можно предполагать, что «советский» феномен дач в значительной мере определяет современный характер российской субурбанизации.

Подводя итог, мне представляется возможным говорить о том, что неформальный характер субурбанизации в российской провинции, в значительной мере, определяется всем характером

предшествующего социопространственного развития. Само пространство пригорода до настоящего времени слабо рефлексруется властью, бизнесом, обществом, медиа. Важнейший феномен фиксируется лишь в качестве маргинальности и/или девиации «нормального» развития, как в социальном, так и во временном измерении. Как следствие, развитие пригорода и пригородных сообществ происходит преимущественно на основе неформальных экстралегальных практик.

Библиографический список:

1. Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни / под ред. Е.Богдановой, О.Бредниковой. СПб.: Алетейя, 2013. 232 с.
2. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: ЛЕНАНД, 2013.
3. Глазычев В.Л. Слободизация страны Гардарики // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т.1. М., 1995. С.64-88
4. Скотт Дж. Благими намерениями государства. М.: Университетская книга, 2005.
5. Моляренко О.А. Формальные и неформальные отношения в информационном обеспечении местного самоуправления (социологический анализ). Автореферат диссертации... канд. социол. наук. Хабаровск, 2016.
6. Jackson K.T. Crabgrass Frontier: The Suburbanization of the United States. New York: Oxford University Press, 1985
7. Fava S.F. Suburbanism as a Way of Life. American Sociological Review. 1956. Vol. 21, No. 1. P. 34-37
8. Walks A. Suburbanism as a Way of Life, Slight Return // Urban Studies, 2013, Vol. 50 (8), Pp. 1471-1488.
9. Бреславский А.С. Не запланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014.
10. Казакова А.Ю. Пригородный образ жизни в современной российской провинции. Социальная база, проблемы и перспективы развития [Электронный ресурс] : монография /. — Электрон. дан. и прогр. (8 Мб). — Саратов: Вузовское образование, 2017.
11. Lichter D., Ziliak J. The Rural-Urban Interface: New Patterns of Spatial Interdependence and Inequality in America// The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2017. Vol. 672. Issue 1. Pp.6-25
12. Мосс М. Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность. М.: Восточная литература, 1996. С.82-222.

**КАТЕГОРИИ ПАТЕРНОВ КОММУНИКАЦИИ:
«ИНФОРМАЦИЯ», «ГРАНИЦА» И «ДИССИПАЦИЯ»
В ИССЛЕДОВАНИИ МЕДИА-РЕАЛЬНОСТИ.
ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ
СОЦИОСИНЕРГЕТИКИ**

Григорьева Л.Ю.

Для современных социогуманитарных исследований обоснование методологии означает разрешение вопросов релевантности объекта, предмета исследования с методами исследования, в том числе интеллектуальных процедур и интересубъективных установок, поддерживаемых научными сообществами, влияющих на видение изучаемого явления.

Современные массмедиа, благодаря информационно-коммуникационным технологиям, конструируют новую реальность или, по-другому, медиареальность. Актуально исследование В.М. Лейбина: «Удвоение реальности приводит к неразрешимому парадоксу. С одной стороны, перед человеком открываются уникальные возможности, связанные с расширением сферы его игровой деятельности (курсив наш – Л. Г.), что само по себе является движением вперед по эволюционной лестнице развития. С другой стороны, стремление к получению наибольшего удовольствия от игровой деятельности в широком ее понимании (познавательном, материальном, духовном) приводит к

экзистенциальному напряжению и психическому расщеплению, обусловленному проблемой выбора между двумя реальностями. Так, неразрешимость парадокса удвоения реальности приводит человека к еще большему столкновению с самим собой» [1].

Специфическую сферу деятельности массмедиа представляет реклама. Философское осмысление влияния рекламы как института социокультурной динамики предпринимается Ю.А. Запесоцким. Он полагает что, «особую роль в этих процессах (социокультурной динамики – Л.Г.) играют массмедиа, которые открыто отрабатывают приемы насилия над личностью с целью принуждения ее к пограничному в духовно-нравственном плане поведению (курсив наш – Л. Г.)» [2]. Изменение ценностных установок и поведенческих паттернов в контексте социально-психологических девиаций в медианасыщенном пространстве рассматривает в диссертационном исследовании М.А. Греков [3]. Реальность массмедиа и реальность постмодерна становится объектом философской рефлексии в диссертационном исследовании Н.А. Терещенко: «Имен у этой транс-индивидуальной реальности в современных философских и социологических текстах много: интерсубъективное, коллектив, масса (или массы), солидарность, сообщество и т.д.» [4, с. 5], «осознание нововременной формы социальности осуществляется в форме языковых практик (курсив наш – Л. Г.) и конструируется в феномене статуса» [4, с.32], – считает философ.

Внимание к контексту и к «посредникам» определяет отличие классической и неклассической парадигм. Данная трансформация исследовательских парадигм связана в первую очередь с критическим отношением к основам рационального мышления, с пониманием ограниченности рациональности в развитии научного знания, с постановкой вопросов терминологической точности. «Ссылки на ценностно-целевые структуры познания, на особенности средств и операций деятельности, согласно классическим нормам, не должны фигурировать в процедурах описания и объяснения. <...> Эпистемологическими основаниями классической науки выступали представления о познании, как наблюдении и экспериментировании с объектами, которые раскрывают тайны своего бытия познающему разуму. Причем сам разум наделялся статусом суверенности» [5, с. 10], – формулирует специфику установок исследователя в классической методологии В.С. Степин.

В современных эпистемологических процедурах неклассического подхода понятие истины не используется, в них рассматривается «каким образом убеждения институализированы в том или ином сообществе, культуре или контексте» [6, с. 6]. В исследованиях «человекообразных» объектов поиск истины оказывается связанным с определением стратегии (исследования – Л. Г.), <...> что непосредственно затрагивает гуманистические ценности» [5, с. 17]. А познание истины сталкивается с неустранимой дуальностью. Особенностью неклассической познавательной установки становится принципиальное изменение отношения исследователя к постановке цели и к процедуре выдвижения гипотез. Принципиальное изменение в когнитивных установках исследователя неклассического типа рациональности происходит как постановка вопросов проблематики «настоящее – будущее». А.А. Гусейнов отмечает произошедшую трансформацию исследовательских установок и аргументирует её с позиции необходимости моральной ответственности исследователя и его научных проектов: «Истина говорит о том, что существует. Цель говорит о том, что ещё будет» [7, с. 107].

Из достаточно большого разнообразия социологических теорий, определяющих методологию исследовательских программ, П. Штомпка сосредотачивает внимание на модели «двойного морфогенеза» [8, с. 276]. Универсальность модели «двойного морфогенеза» заключается в двух обоюдно-связанных принципах [8, с. 275]. Первый принцип можно сформулировать таким образом - «структуры способны к самоизменению; они преобразуются в процессах собственного оперирования». Второй принцип – «агенты (деятели) способны к самоизменению; они преобразуются в ходе собственных действий».

Требования поли-дисциплинарного исследования обнаруживают актуальную методологическую проблему гуманитарных исследований, проблему интерсубъективности, которая может апеллировать как к целерациональности познания в случае следования классическим установкам исследования, либо полагаться на постановку эпистемологической релевантности

используемых категорий и понятий в оригинальных смысловых контекстах. В русле социальной эпистемологии формируются различные процедуры дискурс-анализа [6, с. 77-93].

Специфика методологической точности между неклассической и постнеклассической парадигмы состоит в адекватном выборе модели, теоретического представления объекта. Неклассическая рациональность полагает, что объекты исследования – сложные саморегулирующиеся системы, имеющие особый блок управления между собственными подсистемами благодаря прямым и обратным связям. Основной регулирующий принцип таких систем – гомеостаз (динамическое равновесие). Социальные же объекты могут рассматриваться в парадигме неклассической рациональности как «устойчиво воспроизводящиеся организованности» [5, с. 11]. Более того, «сложные системные объекты (вещи) предстают как процессуальные системы, самовоспроизводящиеся в результате взаимодействия с (внешней – Л. Г.) средой» [5, с. 11]. В представлении исследуемого объекта с позиции неклассической рациональности включаются следующие нормативные принципы: 1) релятивизм (экспликация операциональной основы вводимых понятий, выяснение связей между новой и предшествовавшей ей теории); 2) множественность теоретических описаний одной реальности («укореняется норма, допускающая альтернативные теоретические описания») [5, с. 11].

Более сложный тип саморегулирующих организаций представляют саморазвивающиеся системы. Наиболее строгое описание принципов сложных саморазвивающихся систем сформулировано К. Майнцером в книге «Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез» [9, с. 9-11; 366-367]. Для таких систем характерно «развитие, в процессе которого происходит переход от одного вида саморегуляции к другому» [5, с. 13]. Подобный переход, или иначе, - эволюционное развитие [10], - возможен в системе не только с отрицательными обратными связями, но становятся необходимы положительные обратные связи. Отрицательная обратная связь в системной регуляции означает, что, «если в системе есть такая связь, то в ответ на внешнее воздействие система, как целое, реагирует так, чтобы скомпенсировать его, уменьшить влияние, сохранить состояние равновесия (гомеостаз). Однако развитие предполагает иную динамику – отклонение от равновесия усиливается системой и порождает ещё большее отклонение. Последнее, воздействуя на систему, вновь усиливается. Это положительная обратная связь» [11, с. 8].

В случае исследования социальных и коммуникационных объектов, - возникновение диссипативных структур – понимается как процесс возникновения некоторых объектов, ранее не существовавших, в ситуации перехода от «хаоса к порядку» (И.Р. Пригожин). Данные процессы, в теоретическом объяснении, сопровождаются преобразованием информационных процессов. Категория «диссипативная система» позволяет объяснять логику перехода системы одного структурного уровня на уровень большей структурной сложности за счет происходящих в нестабильных неравновесных состояниях систем процессов самоорганизации в направлении повышения стабильности [10, с. 64-81]. Условность границ подобных систем и, следовательно, внешние воздействия, определяет только относительную временную стабильность.

Библиографический список:

1. Лейбин В.М. Роль информационно-коммуникационных технологий в изменении отношений между воображаемым, символическим и реальным. [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2011. № 6. Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=331&Itemid=44.
2. Запесоцкий Ю. А. Современная реклама как институт социально-культурной динамики [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2013. Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=718&Itemid=52
3. Греков М.А. Феномен эскапизма в медианасыщенном обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Омск, 2008.
4. Терещенко Н.А. Социальная философия в ситуации «смерти социального (к вопросу о панфилософском статусе социально-философской теории): автореф. дис. ... докт. филос. наук: 09.00.11. Казань, 2012.

5. Степин В.С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Рациональность и ее границы / отв. ред.: А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2012. 233 с.
6. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И.Т. Касавина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 6.
7. Гусейнов А.А. Мораль как предел рациональности // Рациональность и ее границы / отв. ред. А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2012. 233 с.
8. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996.
9. Майнцер К. Сложносистемное мышление: материя, разум, человечество. Новый синтез / под ред. и с предисл. Г.Г. Малинецкого. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009.
10. Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. М.: Наука. Физматлит, 1998. 192 с.
11. Малинецкий Г.Г. Синергетика. Кризис или развитие? // Майнцер К. Сложносистемное мышление: материя, разум, человечество. Новый синтез / под ред. и с предисл. Г.Г. Малинецкого. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009. 464 с.

ТРАДИЦИИ И ОБЫЧАИ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ РОМАНОВЫХ: КОНТЕНТ-АНАЛИЗ СЕМЕЙНЫХ ДНЕВНИКОВ

Грудина Т.Н.

Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства.

Император Александр III — сыну Николаю

Заключение брачного союза, создание семьи, поддержание благоприятного климата в семейных отношениях значительно влияет на будущие поколения. Как справедливо отметил Патриарх Кирилл в одном из своих выступлений, семья – «это не только мы и наши дети, это и будущие поколения, которые нас не увидят, но непременно о нас узнают»[5].

«Семья есть первый, естественный и в то же время священный союз, в который человек вступает в силу необходимости. Он призван строить этот союз на любви, на вере и на свободе, научиться в нем первым совестным движениям сердца и подняться от него к дальнейшим формам человеческого духовного единения – родине и государству»[3]. Семья, созданная на принципах любви, уважения, терпения, взаимопонимания, общности интересов выступает основой крепкого государства и его стабильного развития.

Одним из наиболее ярких примеров такой семьи является династия Романовых, в частности последняя семья династии Романовых – супруги Николай II и Александра Федоровна и их дети: Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и Алексей. Царская семья послужили для многих граждан Российской Империи примером построения семенных отношений и идеалом общественного служения. Весьма поучителен и назидателен образ жизни царской семьи и для современного общества.

Преимственность традиций является характерной чертой семьи. «Семья - механизм передачи традиций, родители вкладываются в детей, финансируют их образование, передают семейные традиции, фотографии, правила поведения и хорошего тона, навыки любимой профессии: так возникают династии учителей, военных, спортсменов, строителей, священников»[2].

Воспитательная функция является одной из главных в семье, и традиции того, каким образом необходимо воспитывать ребенка, также передаются из поколения в поколение. Эта характерная черта присуща и династии Романовых. В вопросе воспитания, безусловно, главным является пример родителей в глазах ребенка. Мировоззрение, которое складывается из различных действий, поступках, манер поведения, родительских взаимоотношений образуют у детей некий тип родителя, которые воздействуют на нравственные, религиозные чувства, характер ребенка. Именно такие удивительные личности, как государь Николай II и государыня Александра воспитали таких замечательных детей.

Безусловно, многие принципы воспитания детей государь Николай перенял от своего отца, императора Александра III. По словам О. Платонова, «воспитание и образование Николая II проходило под личным руководством его отца на традиционной религиозной основе в спартанских условиях. Учебные занятия будущего царя велись по тщательно разработанной программе в течение тринадцати лет. Чтобы будущий царь на практике познакомился с войсковым бытом и порядком строевой службы, отец направляет его на военные сборы. Параллельно отец вводит его в курс дела управления страной, приглашая участвовать в занятиях Государственного совета и Комитета министров. Блестящее образование соединялось у него с глубокой религиозностью и знанием духовной литературы, что было не часто для государственных деятелей того времени. Отец сумел внушить ему беззаветную любовь к России, чувство ответственности за ее судьбу. С детства ему стала близка мысль, что его главное предназначение — следовать русским основам, традициям и идеалам»[4]. Трудолюбие, ответственность, милосердие, желание помогать и послужить ближнему от чистого сердца - вот те качества, которые в процессе социализации унаследовали и царские дети. Александра Феодоровна также была образцом трудолюбия, благородства, любви, терпения и смирения для своих детей. Несмотря на свой статус и положение в обществе, царица помогала в качестве обычной хирургической сестры в военное время. К этому непростому и ответственному делу она привлекала и своих дочерей. Данный пример демонстрирует, каким образом осуществляется передача традиций и преемственность норм поведения, манер общения, осуществляется усвоение ценностей новым поколением в семье, где старшие являются образцом для подражания.

Традиция благотворительности была неотъемлемой частью жизни семьи Николая II. В 23 года наследник престола был назначен Александром III главой комитета по оказанию помощи голодающим. Благодаря упорству, ответственности и полной отдаче своей работе появились бесплатные столовые, приюты для детей, а Русская Православная Церковь объявила сбор денег в пользу голодающих.

Александрю Феодоровну называли настоящей подвижницей благотворительности. Родив пятерых детей, императрица всегда пыталась помочь простым женщинам. Она создала «Общество охраны материнства и грудных детей», ясли и детские сады, первую в России школу нянь и гувернанток, также она опекала родильные приюты.

Воспоминания близкой подруги императрицы Анны Танеевой помогут более ясно определить вклад Александры Феодоровны в развитие царской России. «Воспитанной в Англии и Германии императрице, не нравилась пустая атмосфера петербургского света, и она все надеялась привить вкус к труду. С этой целью она основала Общество рукоделия, члены которого — дамы и барышни обязаны были сработать не менее трех вещей в год для бедных... Описывая жизнь в Крыму, я должна сказать, какое горячее участие принимала государыня в судьбе туберкулезных, приехавших лечиться в Крым, Санатории в Крыму были старого типа. Осмотрев их все в Ялте, государыня решила сейчас же построить на свои личные средства в их имениях санатории со всеми усовершенствованиями, что и было сделано... Она сама работала, рисовала и вышивала для базара и, несмотря на свое некрепкое здоровье, весь день стояла у киоска, окруженная огромной толпой народа... Государыня основала в Петербурге школу народного искусства, куда приезжали девушки со всей России обучаться кустарному делу... Я видела русскую императрицу в операционной госпиталя... Она делала свою работу с тихим смирением и неутомимостью человека, которому Бог предназначил это служение. Татьяна была почти такой же верной, как и ее мать, и жаловалась только, что из-за молодости ее освобождают от самой трудной работы. Императрицу ни от чего не освобождали, и она сама этого не желала»[2].

Во время Первой мировой войны Александра Феодоровна и ее дочери прошли курсы сестер милосердия и затем трудились в госпитале Царского села. Всякую трудную и грязную работу княжны выполняли охотно и тщательно.

Стоит отметить, что соблюдение традиций помогает выполнять семье одну из главных функций — социализацию индивида, то есть формирование личности[1]. На первоначальном этапе

социализации, проходящем в семье среди родных, у ребенка формируются основные модели поведения. В ходе общения со своими родителями, прародителями, братьями и сестрами, наблюдая за взаимодействиями, происходящими между старшими, дети набирают значительный багаж опыта, необходимый и значимый для будущей взрослой жизни. В царской семье данный процесс проходил довольно успешно у детей с малых лет, и дальнейшее использование полученного опыта обрело весомое социальное значение для всего государства. Великие княжны по примеру своей матери участвовали в делах милосердия, они работали в комитетах помощи семьям военнослужащих и беженцам. Великая княжна Татьяна, особенно проявляла интерес к активному социальному служению тем, кто находится в тяжелом положении, активно трудилась во благо народа, продолжая традицию ее родителей. Так, Татьяна Николаевна была отменной хозяйкой, следила за порядком в доме, помогала матери в воспитании младших детей.

Семейная культура является важным фактором в формировании культуры самого человека [1,4]. В способах общения, традициях и обычаях, взаимоотношениях между индивидами, организации досуга кроются основные составляющие культуры семьи. Так, проведение совместного досуга является важным элементом в жизненном цикле семьи. Как известно, в период дореволюционной России главным праздником был не Новый год, а Рождество. Рождественский праздник особенно отмечался в царской семье. Все начиналось с посещения всей семьей всенощной службы, потом праздничная елка и подарки. По традиции дом украшали еловыми ветками, а елку наряжали, затем этот обычай перешел в аристократический круг и к гражданам.

Несмотря на то, что царские дети всегда при деле и активно трудились, для отдыха всегда находилось достаточно времени, причем часто он проходил в кругу всей царской семьи (родителей и детей, родственников). Царица Александра Федоровна, вопреки своей тяжелой болезни, часто проводила время с детьми: они вместе играли на свежем воздухе, читали. Царь Николай также любил проводить время с детьми, его привил им любовь к отдыху на свежем воздухе и физическим упражнениям. «Во время дневных прогулок государь, любивший много ходить, обыкновенно обходил парк с одной из дочерей, но ему случалось также присоединяться к нам, и с его помощью мы однажды построили огромную снеговую башню, которая приняла вид внушительной крепости и занимала нас в продолжение нескольких недель» [2, с. 85]. Проведение домашних театральных постановок проходило часто вместо выездов в свет. Такие мероприятия проходили всегда душевно и поднимали настроение, особенно в тяжелый период заключения. Рассматривая традиции и обычаи царской семьи, мы видим, что взаимодействия между членами семьи проходимо регулярно и укрепляло не только семью, но и объединяло людей, которые ее окружали. Благодаря внутрисемейному взаимодействию, происходил взаимный обмен интересами, чувствами, эмоциями и идеями. Так как в современном обществе преобладает идея индивидуализма, то наличие семейных коммуникаций сводится к минимуму. Это приводит к возникновению частых семейных конфликтов, кризисов и разводов.

Таким образом, мы видим, что семейные обычаи, традиции в царской семье передавались из поколения в поколение на протяжении многих веков. Даже в тяжелое, трагичное время для России царская семья показала пример истинной семьи и идеал жертвенной любви, образец семенной преданности и верности [2,4, 5].

Библиографический список:

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ. 1996. С. 124-150.
2. Верная Богу, Царю и Отечеству: Анна Александровна Танеева (Вырубова) – монахиня Мария / автор-сост. Ю. Ю. Рассулин. СПб.: Изд-во Царское Дело, 2005. 768 с.
3. Ильин И. Путь духовного обновления. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://legitimist.ru/lib/philosophy/i_ilin_put_duhovnogo_obnovleniya.pdf
4. Кравцова М. Воспитание детей на примере царственных мучеников. М.: Благо, 2002. 288с.
5. Патриарх Кирилл объяснил необходимость традиционной семьи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/585703>

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА МОДЫ В СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ефимова В.Л.

Самое общее определение социологии культуры, которое еще в 1930-х гг. сформулировал К.Манхейм, гласит, что это «наука, рассматривающая основополагающий феномен культуры с социологического понятийного уровня» [1, с. 290]. Современные исследователи в трактовке этой области научного знания делают акцент на том, что «социология культуры представляет собой не просто отрасль социологии, а особое понимание общественной жизни, отличающееся от того, что ранее утвердилось в рамках социологического мейнстрима» [2, с. 37]. При этом отмечается возрастающий интерес к анализу микроуровня социальной реальности и ее культурного измерения. Происходит «изменение точки зрения на то, какой материал следует отбирать для изучения и как его анализировать» [2, с. 533]. Внимание исследователей сосредоточено на «возможности преодоления жесткого детерминизма классической парадигмы и полного релятивизма радикальной постмодернистской познавательной позиции» [2, с. 534]. Наряду с этим происходит актуализация интереса к визуальным исследованиям, которую принято связывать с так называемым визуальным поворотом социально-гуманитарных наук. Визуальные исследования или *visual studies* понимаются как исследовательское направление, в котором в качестве объекта научного анализа используются визуальные материалы. Сегодня это одно из самых дискуссионных, востребованных и развивающихся научных направлений. Приверженцы *visual studies* за последние десятилетия сделали значительный шаг в расширении исследовательского поля – «предметом визуальных исследований стали все объекты, имеющие определенное значение в ту или иную культурную эпоху» [3, с.145]. Одним из значимых социокультурных феноменов современности является мода, которая, в связи с тенденциями к медиализации и визуализации культуры, содержит в себе большой потенциал для визуальных исследований.

Мода как социокультурный феномен представляет собой обобщенное и многогранное отображение ценностей той или иной эпохи, квинтэссенцию ее идеалов. Анализируя процессы, происходящие в сфере моды, можно понять направление трансформации современного общества и прогнозировать социокультурные тенденции будущего. Современная мода характеризуется рядом особенностей. Прежде всего, необходимо отметить ее всеобъемлющую влияние. Как пишут А. Линч и М. Штраусе, «мода нового тысячелетия ведёт себя дерзко, она не спрашивает разрешения. В областях, на которые распространилось влияние моды, игнорируются табу и традиции, легко престапаются границы священных зон. Наша жизнь, интеллект, религия, креативность, сексуальность, открытые для постоянного обсуждения и изображения, - это всё мода» [4, с.7]. Также это необычайная динамичность, непредсказуемость и спонтанность проявления модных тенденций. Визуальная репрезентация моды происходит посредством знаков и визуальных кодов, которые формируют определенные стереотипы и модели поведения. Для развития визуальных исследований моды важно понимать природу модных знаков и структуру визуальных кодов.

Визуальные практики моды основаны на визуальных кодах, благодаря которым человек «верифицирует и репрезентирует свою идентичность, создает свой имидж» [5, с. 225]. Выступая инструментом идентификации, мода оперирует различными визуальными средствами. «Визуальные практики моды можно разделить на практики презентации, практики социальной визуализации и практики рецепции – модный образ создается и представляется как таковой, диктуя норму, в рамках социальных практик этот модный образ задает определенный контекст, в котором он будет представлен публике, – образ становится публичным, наконец, этот образ воспринимается потребителем и воспроизводится им как часть его собственной идентичности» [5, с.226]. Использование знаков в той или иной визуальной практике моды делает ее объектом исследования в рамках семиотического подхода к анализу визуального и визуальности. «Семиотический анализ имеет, главным образом, формальный характер и устанавливает процедуры, с помощью которых реализуются значения образа, однако его результаты могут стать хорошим подспорьем для анализа с

точки зрения структуралистского подхода. Цель его — глубже взглянуть на тот или иной образ, расшифровать, какие общественные и культурные значения он несет в себе» [6, с. 22]. Модные тенденции «являются предвестниками намечающихся изменений культурных отношений и систем. Поэтому мы можем представить себе, в каком направлении движется данная культура, читая будущее по манекенщицам на подиуме и обычным людям на улицах. Одна из ключевых задач аналитика моды — идентификация периодически повторяющихся образцов костюма, которые возникают, исчезают и снова возвращаются на подиумы. При этом каждое новое появление несет в себе несколько иное значение. Изучив слой за слоем историю этих изменений, можно научиться опережать их и предугадывать, как именно они будут использоваться в будущем» [4, с. 48].

Визуальные исследования феномена моды основаны на анализе массива визуальных данных, то есть «визуально замечаемых, внешне наблюдаемых аспектов общественной жизни» [7, с. 29]. Визуальность сама по себе выступает «базовым модусом современной социальности, культуры, общим принципом структуры их форм», а визуальные образы способны предоставить значительное количество качественной информации для изучения социума [8, с. 203].

В качестве основных способов использования визуальных материалов выделяют следующие:

1. Использование в этнографических исследованиях фотографий как дополнительного средства документальной фиксации социальных и культурных процессов.

2. Анализ уже существующих (главным образом коммерческих) изображений (например, рекламы).

3. Видеозапись естественно протекающего социального взаимодействия [9, с. 135].

Большие возможности и перспективы для визуальных исследований феномена моды открываются благодаря развитию и широкой доступности интернета как коммуникативного пространства. Интернет сегодня формирует особую культуру, в которой не только проявляются определенные ценности, но и клиповое мышление современной молодежи, стимулирующее воспринимать мир через короткие, яркие образы. Интернет можно рассматривать как «один из самых демократических инструментов продвижения модных стандартов, демонстрации модных образов, реализации символического капитала» [10, с. 250].

Таким образом, благодаря визуальному повороту социально-гуманитарных наук, происходит актуализация интереса к visual studies. Исследование визуальных практик моды на микроуровне будет способствовать пониманию ценностей и прогнозированию социокультурных тенденций развития общества. Большая часть проявлений моды как социокультурного феномена основана на визуальных практиках, изучение которых позволит расшифровать те общественные и культурные значения, которые она несет. Возможности и перспективы визуальных исследований феномена моды в социологии культуры связаны с коммуникативным потенциалом Интернета и социальных сетей.

Библиографический список:

1. Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени. М.: Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010. 744 с.

2. Орлова Э.А. Социология культуры: учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект; Киров: Константа, 2012. 575 с.

3. Конева А.В. Модный дискурс городов и уличная мода // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 2. № 3. С. 145-155.

4. Линч А., Митчелл Д. Изменения в моде: причины и следствия; науч. ред. А.В. Лебсак-Клейманс. Минск: Гревцов Паблишер, 2009. 280 с.

5. Конева А.В. Визуальные практики моды // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 3. Том I (Гуманитарные науки). С. 223-227.

6. Вдовина Т.В. Визуальные исследования: основные методологические подходы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2012. № 1. С.16-26.

7. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник / пер. с польск. Н.В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н.Е. Покровский. М.: Логос, 2007. 168 с.

8. Ушкин С.Г. Визуальная социология: интеракционистский, семиотический и постструктуралистский подходы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1 (29). С. 203-213.

9. Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006. 256 с.

10. Демшина А.Ю. Мода в контексте визуальной культуры. СПб.: Астерион, 2009. 170 с.

ИНТЕРВЬЮ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА В ТРУДОВОЙ СФЕРЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Кабайкина О.В.

Одним из методов сбора информации в качественной социологии является интервью. Существует множество его определений, мы будем оперировать одним из них: интервью (от англ. interview — встреча, беседа) — метод сбора данных социологического исследования, заключающийся в том, что специально обученный интервьюер, как правило, в непосредственном контакте с респондентом устно задает вопросы, предусмотренные программой исследования [1, с. 159].

Выделяют множество видов интервью в зависимости от критерия, положенного в основе той или иной типологии, приведем в пример некоторые из них. По степени формализации: стандартизированное (формализованное) интервью, здесь заранее определены формулировки вопросов и последовательность, в которой они задаются; нестандартизированное (свободное) интервью, в котором формируют только общий план в зависимости от исследования, задавая вопросы по ситуации; полустандартизированное или фокусированное интервью, при проведении которого руководствуются перечнем как строго необходимых, так и возможных вопросов. По стадии исследования: предварительное, которое используется на стадии пилотажного исследования; основное интервью, оно используется на стадии сбора основных сведений; контрольное интервью, используется для проверки спорных результатов и для пополнения банка данных. По количеству участников: индивидуальное интервью — интервью, в котором участвует только корреспондент (исследователь) и респондент (испытуемый); групповое интервью — интервью, в котором участвует более двух человек; массовое интервью — интервью, в котором участвуют от сотни до тысяч респондентов [2].

Каковы же преимущества интервью перед письменным анкетированием? При интервьюировании мы учитываем уровень культуры, образования, степень компетентности респондента; исследователь следит за реакцией интервьюируемого, его отношением к проблеме и поставленным вопросам; в случае необходимости социолог имеет возможность менять формулировки, ставить дополнительные, уточняющие вопросы. При проведении анкетирования общение опосредовано анкетой: анкетер пассивен, содержание и смысл вопросов интерпретируются самим респондентом в соответствии с теми представлениями и убеждениями, которые сложились у него по существу обсуждаемой проблемы. Респондент самостоятельно формулирует свой ответ и фиксирует его в анкете.

Однако очень важно выстроить диалог с интервьюируемым, обеспечить доверительные отношения, чтобы респондент высказывал свое истинное мнение и давал комментарии проблеме, которая лежит в основе исследования. Также большое значение представляет формулировка вопросов, которая должна быть понятна респонденту и способствовать тому, чтобы были получены развернутые ответы. Отмечают, что открытые вопросы хороши на стадии проб, определения области исследования и в функции контрольных. Предполагается, что ответ в свободной форме позволяет выявить доминанту мнений, оценок, настроений: люди отмечают те стороны явлений или говорят о том, что волнует их больше всего, о том, что доминирует в их сознании. Но самое главное состоит в том, что, реагируя на вопрос без подсказки вариантов ответа, люди лучше проявляют особенности своего повседневного, обыденного сознания, свой образ мыслей [3, с. 142].

Метод интервью послужил способом изучения гендерного неравенства в сфере трудовых отношений российского общества.

Гендерное неравенство – это характеристика социального устройства, согласно которой различные социальные группы (в данном случае - мужчины и женщины) обладают устойчивыми различиями и вытекающими из них неравными возможностями в обществе [4].

В российском обществе данное неравенство ярко проявляется на рынке труда, когда мужчины и женщины испытывают трудности при трудоустройстве и продвижении по службе.

Гендерное неравенство активно изучается российскими социологами Силласте Г. Г., Шведовой Н. А., Голенковой З. Т. и др., также на эту тематику публикуются данные исследований института социологии РАН, ВЦИОМ, ФОМ, журнала «Гендерные исследования», «Женщина в современном обществе».

Мы проводим собственное исследование и опрашиваем менеджеров по подбору персонала, которые осведомлены о текущей ситуации на рынке труда, и пользуемся методом интервью. Мы основывались на данные исследований социологов, которые опрашивали руководителей компаний и менеджеров по HR по такой же проблематике, но проводили свои исследования в более ранние года, тем самым мы можем проследить, произошли ли изменения в сфере трудовых отношений, касающиеся мужчин и женщин [5, 6].

При использовании метода интервью разрабатывается такой инструмент исследования, как гайд интервью. Гайд (или «путеводитель интервью») - это круг, блоки возможных вопросов.

Гайд интервью служит тем ориентиром, который необходим для достижения целей и задач беседы интервьюера и респондента. Он позволяет далеко не уходить от темы разговора и направлять опрашиваемого в то русло, которое необходимо для исследователя.

В рамках нашего исследования мы составляли гайд в зависимости от целей и задач исследования и разбили вопросы на три блока: собственный профессиональный путь менеджера по персоналу, самостоятельный подбор кандидатов и проблемы, которые могли быть связаны с ним, и блок вопросов, которые были посвящены трудоустройству в российском обществе.

В ходе пилотажного исследования многие вопросы были подвержены корректировке, так как неоднозначно воспринимались респондентами и затем, когда проводился основной массив интервью делался акцент на разные стороны трудовой жизни интервьюируемого, в зависимости от того работает ли он преимущественно в инхаус или в кадровом агентстве, какой его трудовой стаж и особенности позиций, на которые он подбирал кандидатов.

Благодаря интервью мы более разностороннее и глубоко обсуждали проблемы, которые касаются трудоустройства в нашей стране, респонденты отмечали, что в зависимости от сферы деятельности преобладают мужчины или женщины на той или иной позиции, интервьюируемые затрагивали и косвенные проблемы, а именно связанные с образованием и недобросовестностью компаний, которые ведут подбор персонала наравне с «белыми» компаниями, что невозможно бы было учесть в обычной анкете, если бы мы ее сделали основным нашим инструментом.

Во всех интервью, которые мы уже смогли получить, их около двадцати на данный момент, респонденты говорят о наличии экономического кризиса и существовании многих проблем при трудоустройстве на работу. Действительно, наблюдается дискриминация женщин по горизонтали и вертикали, а именно их мало в IT-сфере, логистике, на заводах, складах, где используется больше физический труд, также среди топ-менеджеров, руководителей больше преобладают мужчины. Интересно то, что дискриминации подвержены и мужчины, их неохотно видят в сфере услуг, продажах, на уровне линейного персонала, где все позиции заняты уже женщинами.

Это только первоначальные результаты, которые мы получили от наших респондентов, они подтверждаются исследованиями других социологов, которые оперируют статистическими данными, но именно благодаря интервью, как нам кажется, мы можем постичь более скрытые причины и проявления гендерного неравенства в трудовой сфере и на основе рекомендаций экспертов, а именно HR – менеджеров, найти пути выхода из сложившейся ситуации.

Библиографический список:

1. Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском чешском языках / редактор-координатор академик РАН Г.В. Осипов. М.: Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА М), 2000. 488 с.
2. Интервью. Психологос. Энциклопедия практической психологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.psychologos.ru/articles/view/intervyu>
3. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М.: Наука, 1972. 328 с.
4. Гендерное неравенство. Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.owl.ru/gender/033.htm>
5. Масалков И.К., Семина М.В. Стратегия кейс-стади: методология исследования и преподавания. М.: Академический проект; Альма Матер, 2011. 443 с.
6. Наемный работник в современной России / отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. 368 с.

МЕТОДОЛОГИЯ СБОРА И АНАЛИЗА ДАННЫХ ДЛЯ ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ СИСТЕМЫ ТРАНСАКТИВНОЙ ПАМЯТИ В КОМАНДЕ

Кадилов Н.Т.

Для многих организаций реальность заключается в том, что рабочие задачи за последние годы усложнились достаточно, чтобы использование команд на всех уровнях организационной иерархии стало необходимостью [3, с. 32]. В такой ситуации успехи организации зависят от способности команд взаимодействовать между собой и эффективно решать сложные задачи.

На эффективность команд влияет множество факторов. Одним из таких факторов является состояние системы трансактивной памяти (англ. transactive memory system, сокр. СТП). Чаще всего СТП определяется как «распределённая система, которую люди, связанные какими-либо взаимоотношениями, используют для обработки, хранения и обращения к информации из различных экспертных областей знаний» [9, с. 54].

В обзорной статье о влиянии состояния СТП на различные показатели эффективности команды мы показали, что развитая СТП способствует проявлению предпринимательской ориентации и креативности, положительно влияет на качество принимаемых решений, процессы управления знаниями, помогает поддерживать инновационность и организационную амбидекстрию, а также выступает как информационный фильтр, тем самым снижая информационные перегрузки [9, 10].

В данной статье приводится перевод самого распространенного метода оценки состояния системы трансактивной памяти – метода Lewis'a [5].

Он основан на двух важных работах. В них были описаны поведенческие индикаторы состояния СТП: специализация, доверие и скоординированность [6, 8].

Специализация характеризует строгость распределения ответственности за определённые области знаний и группы навыков в команде, а также прозрачность и доступность информации об этом распределении. Уровень доверия характеризует степень уверенности в информации, полученной от коллеги. Высокий уровень подразумевает, что информация не перепроверяется, поскольку участники команды не сомневаются в компетентности друг друга. Уровень скоординированности (координации) соответствует воспринимаемой участниками команды оценке того, что движение знаний и информации происходит в нужном направлении и с нужной скоростью, без задержек, ложных адресатов и тому подобных проблем.

Для оценки каждого из этих поведенческих индикаторов Lewis [5] предложил использовать по 5 утверждений, которые респонденты должны оценить по шкале Лайкерта от 1 до 5. Как следствие, анкета Lewis'a представляет собой опросный лист из 15 утверждений.

В публикации, где описан метод, Lewis [5] приводит результаты трех исследований (одно экспериментальное лабораторное и два полевых), в которых были подтверждены конвергентная,

дискриминантная и содержательная валидности метода. Во всех исследованиях были получены схожие результаты.

В таблице 1 мы приводим перевод опросного листа Lewis'a [5], подготовленный в соответствии с процедурой адаптации методов для кросс-культурных исследований [1].

В концептуальных моделях в исследованиях команд СТП чаще всего фигурирует как смешанный медиатор (англ. blended mediator), представляющий собой одновременно и процесс, и состояние [7].

Для анализа СТП и его влияния на эффективность командной работы исследователи чаще всего строят концептуальную модель в соответствии с фреймворком Inputs-Mediators-Outcomes [7].

Таблица 1 – Метода Lewis'a для оценки состояния системы трансактивной памяти [5, 10]

Индикатор	Утверждение (перевод)	Утверждение (оригинал)
Специализация	Каждый в моей команде обладает специальными знаниями об отдельных сторонах проекта, над которым мы работаем.	Each team member has specialized knowledge of some aspect of our project.
	У меня есть уникальные знания об отдельной области проекта, которых нет у других участников моей команды.	I have knowledge about an aspect of the project that no other team member has.
	Каждый участник команды отвечает за решение задач, связанных с компетентностью в конкретной области.	Different team members are responsible for expertise in different areas.
	Специализированные знания некоторых участников моей команды необходимы для успешного завершения работы над каждым проектом.	The specialized knowledge of several different team members was needed to complete the project deliverables.
	Я знаю какими компетенциями обладает каждый из участников моей команды.	I know which team members have expertise in specific areas.
Доверие	Я с лёгкостью принимаю решения или процедуры, которые предлагают другие участники моей команды	I was comfortable accepting procedural suggestions from other team members.
	Я считаю знания других участников о проекте заслуживающими доверия.	I trusted that other members' knowledge about the project was credible.
	Я с уверенностью полагаюсь на информацию, которую предлагают участники моей команды.	I was confident relying on the information that other team members brought to the discussion.
	Мне хочется дважды проверить информацию, которую предоставляют участники моей команды. (P)	When other members gave information, I wanted to double-check it for myself. (reversed)

	Я не слишком уверен в компетентности участников моей команды. (P)	I did not have much faith in other members' "expertise." (reversed)
Координация	Совместная работа моей команды хорошо скоординирована.	Our team worked together in a well-coordinated fashion.
	В моей команде редко возникают недопонимания, относительно того, что требуется сделать.	Our team had very few misunderstandings about what to do.
	Моей команде часто приходилось начинать работу сначала. (P)	Our team needed to backtrack and start over a lot. (reversed)
	Мы выполняем задачи плавно и эффективно.	We accomplished the task smoothly and efficiently.
	В команде возникает много недопониманий относительно того, как выполнять (решать) задачи. (P)	There was much confusion about how we would accomplish the task. (reversed)

В таких моделях СТП чаще всего выступает в роли смешанного медиатора (англ. blended mediator), то есть одновременно характеризует и командные процессы, и состояние команды [7]. Несмотря на распространенность этого подхода, состояния СТП можно рассматривать и как входной параметр (англ. input), и как результат (англ. outcome). Перевод метода был протестирован в ходе работы над магистерской диссертацией. Концептуальная модель изображена на рисунке 1.

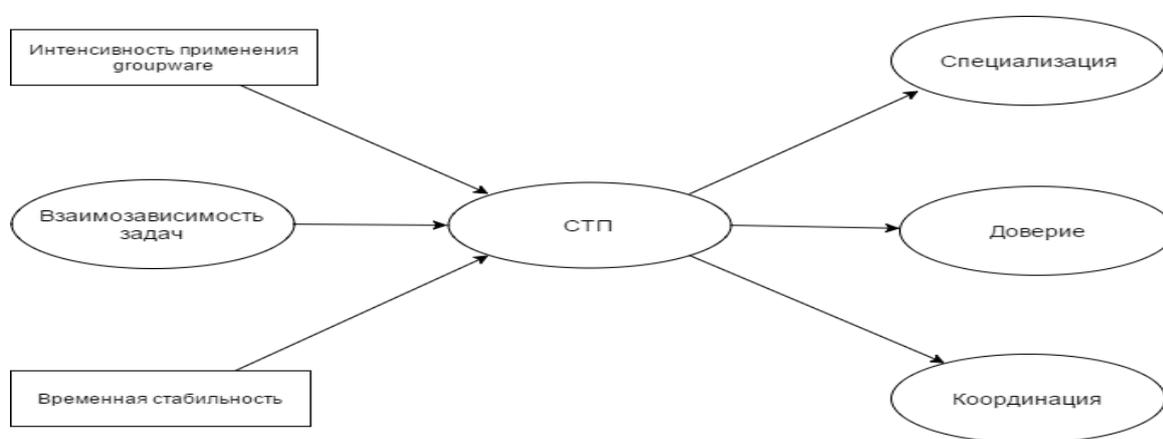

Рисунок 1 – Концептуальная модель для валидации перевода метода Lewis'a

Размер выборки – 242 наблюдения – находится в диапазоне между «достаточным» и «хорошим» в соответствии с рекомендациями Comrey & Lee [2].

Для всех поведенческих индикаторов был получен близкий к хорошему (>0.8) уровень коэффициента альфа Кронбаха. Его значение ниже оригинала в среднем на 0.6. Это обусловлено тем, что в оригинальной работе Lewis'a анализ проводился на больших выборках.

Проверка модели проводилась с помощью группы методов под названием «моделирование структурными уравнениями» (англ. structural equation modeling, SEM). Основным методом проверки модели являлся конфирматорный (подтверждающий) факторный анализ.

Таблица 2 – Коэффициент альфа Кронбаха для перевода и оригинала метода Lewis'a

Поведенческий индикатор	Альфа Кронбаха (перевод)	Альфа Кронбаха (оригинал)
Специализация	0.77	0.84, 0.86, 0.72
Доверие	0.78	0.81, 0.88, 0.91
Координация	0.78	0.83, 0.91, 0.8
Система трансактивной памяти	0.777	0.83, 0.88, 0.81

Для проведения конфирматорного факторного анализа и тестов качества составленной модели можно использовать язык программирования для статистической обработки данных R и программный пакет lavaan.

Расчёт регрессионной статистики в нашем исследовании проводился методом максимального правдоподобия (англ. maximum likelihood). В качестве базы для анализа использовалась ковариационная матрица.

Для оценки качества модели использовался ряд показателей в соответствии с рекомендациями Hooper, Coughlan & Mullen [4]. Были получены следующие значения значение CFI (0.927>0.9, нормально), GFI (0.93>0.9, нормально), AGFI (0.894>0.8, нормально), srms (0.068<0.09, нормально), rmsea (0.067<0.09, приемлемо) и соотношение Chi-square/df (2.093<3, хорошо).

Библиографический список:

1. Brislin R.W. Back-translation for cross-cultural research // Journal of cross-cultural psychology. 1970. Т. 1. №. 3. С. 185-216.
2. Comrey, A.L., Lee H.B. (1992). Interpretation and application of factor analytic results. A first course in factor analysis, 2.
3. DeChurch L.A., Mesmer-Magnus J.R. The cognitive underpinnings of effective teamwork: a meta-analysis. 2010.
4. Hooper D., Coughlan J., Mullen M. Structural equation modelling: Guidelines for determining model fit //Articles. 2008. С. 2.
5. Lewis K. Measuring transactive memory systems in the field: Scale development and validation // Journal of applied psychology. 2003. Т. 88. №. 4. С. 587-603.
6. Liang D.W., Moreland R., Argote L. Group versus individual training and group performance: The mediating role of transactive memory // Personality and Social Psychology Bulletin. 1995. Т. 21. №. 4. С. 384-393.
7. Mathieu J. et al. Team effectiveness 1997-2007: A review of recent advancements and a glimpse into the future // Journal of management. 2008. Т. 34. №. 3. С. 410-476.
8. Moreland R.L., Myaskovsky L. Exploring the performance benefits of group training: Transactive memory or improved communication? // Organizational behavior and human decision processes. 2000. Т. 82. №. 1. С. 117-133.
9. Ren Y., Argote L. Transactive memory systems 1985-2010: An integrative framework of key dimensions, antecedents, and consequences // Academy of Management Annals. 2011. Т. 5. №. 1. С. 189-229.
10. Кадиров Н.Т., Меркушова Н.И. Как система трансактивной памяти влияет на процесс коллективной работы и на его результаты? // Организационная психология. 2017. Т. 7. №. 1.

МОДНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ «ТЕХНО» КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР*

Каменский Е.Г.

Говоря о социальных последствиях технологической конвергенции, можно утверждать, что техно-среды объективно стали сегодня параметром порядка социальной системы. При этом в условиях технологической глобализации, ее многоаспектного понимания и интерпретации, вариативности социальной репрезентации, базовой характеристикой ситуации выступает «нестабильность». Констатируемая повсеместно, нестабильность также является неким инвариантом описания современного состояния структуры социокультурной среды.

В таком контексте активно происходят процессы трансформации системно-структурных, матричных пространств, содержащих ценностно-нормативные и, следовательно, смысловые координаты широчайшего спектра социальных отношений на всех уровнях и во всех типах связей. Последние, в свою очередь, воспроизводят и изменяют социальный конструкт, и обеспечивают эволюционность или революционность процесса изменений социальной структуры через трансляцию и изменение социокодов. Здесь изменяются сами институциональные и стратификационные типы, представляющие собой базовую макро-структуру общества.

Указанный проблемный фон традиционно характерен для структурно-функциональной теории, централизующей задачу описания социальной востребованности и актуализации функционала институционального или субъектного конструкта общества, его трансформации в контексте исторического процесса. Однако, существующие на данный момент в общепризнанном научном пространстве социогуманитарного знания теоретико-концептуальные и методологические модели структурно-функциональной парадигмы во многом архаико-ориентированы. Они не учитывают особенности детерминированной технологиями динамики современного социального пространства, то есть условий «нестабильности». Из спектра актуальных деятельных сил социально-эволюционного процесса исключаются техногенные и гибридные феномены как субъекты активного участия и волеизъявления, нивелируются хаотичные, бифуркационные модели и нелинейная логика развития субъекто-средовых кибер-физических систем и их контекстуальность. Сегодня же возникла острая потребность соотнесения указанных феноменов с традиционными основаниями социокультурной жизни.

Речь идет, например, о моде: и как индустрии, и как виде социальной связи, и как формы экзистенциального переживания. Поясним свою мысль. Например, бодрийеровская трактовка «знака без обозначаемого» позволяет понять, что обладание «знаками» в культуре техногенного постмодерна дает возможность всем быть иллюзорно сопричастными научно-техническому прогрессу (НТП). Сегодня «технология» и «инновация» есть знаки, ярлыки, оторванные от «вещи». Если престиж и классовая функция умирают в традиционном понимании моды, то сопричастность массовой моде на инновации уравнивает всех в социальной структуре и, вероятно, будет являться основным критерием «ранжирования» людей. Тут уже можно разделить людей на пользователей, продвинутых пользователей, операторов и всех других, чей социальный век близится к закату [см: 1-4]. Старые, к тому же не референтные «цифровой» жизни, паттерны социальности уходят в прошлое. Кибер-социальность будет требовать другого входного билета. Здесь «пользователи» и «операторы» как массовый тип социального субъекта будут базовой стратой общества, а классовая структура если не умрет, то будет существенно трансформирована массовым модным «techno» [5].

Из этого можно заключить, что современные компании сознательно ориентированы на стимулирование актуальных социальных hi-tech-трендов потребления. С учетом востребованности определенных видов досуга, их тотальной массовости, не развитие самого бренда, а иллюстрация его принадлежности к современным ценностям, делает его модным.

---

* Статья подготовлена в рамках реализации финансируемого РНФ проекта №15-18-10013 «Социо-антропологические измерения конвергентных технологий»

В этом случае отчетливо видно, как то, что условно можно назвать как «техно-мода», служит мощнейшим фактором развития потребительской гонки и стратификационных трансформаций. Подчеркивается не эксклюзивность товара, не творческая составляющая, а символическое значение. Например, «спортивность», «инновационность» и аналогичные. Также и цена не является больше критерием выбора, важнее ее символическая принадлежность к актуальному социальному тренду. Цена не определяет более того самого социального ранга.

Например, для уточнения такого вывода в проведенном в 2017 году социологическом исследовании моды и моделей «модного» потребления при кафедре философии и социологии ЮЗГУ мы выяснили, насколько цена отражает актуальность товара.

Было выявлено, что самым важным критерием качества товара как объекта потребления/желания, выступает его популярность. Так считают более половины опрошенных – 54%. В 43% случаях технологическая сложность, инновационный характер товара также имеет большое значение в потребительской оценке продукта. Мы считаем эту черту крайне актуальной для современной моды. Третьим по значимости является оригинальность исполнения товара – 32%. Этот критерий также отражает атрибут «инновационности», в свою очередь, подчеркивая технологичность объекта потребления.

Такие характеристики, как высокая или низкая цена, больше не являются определяющими для восприятия товара качественным, желанным (9% и 11% соответственно). Равно и эксклюзивность не выступает таким критерием в массовом масштабе. Это актуально сегодня лишь для 11% потребителей.

Очевидно, что если не спрашивать напрямую о «модности» товара, потребители отмечают высокую значимость массовости и инновационности как главных характеристик его качества. Массовость и современность, соответствие тренду технологичности, будут гораздо важнее и цены, и эксклюзивности. Главное для объекта потребления обладать символической ценностью, соответствовать социальному тренду.

Для уточнения нашего мнения о том, что больше отражает модность вещи, был задан уточняющий вопрос о характеристиках модного товара. На первых позициях для опрошенных стоят такие признаки модного товара, как:

- креативность;
- здоровый образ жизни;
- высокие технологии.

Такое ранговое распределение подтверждает полученные ранее выводы. Важно, что все приведенные характеристики имеют близкое значение. Но если «здоровый образ жизни» и «высокие технологии» являются знаковыми для 76% и 71% граждан соответственно, то «креативность» важна уже для 89% опрошенных. Как было отмечено выше, респонденты чаще отмечают варианты ответа, которые предлагают общие характеристики объекта оценки. В этом случае «креативность» и выступает обобщающим символом современности. Здесь не требуется задумываться над тем, как именно она выражается. Размытые смыслы воспринимаются легче, потому что могут распространяться на любой товар. Именно это эксплуатирует реклама, искусственно, произвольно привязывая такую черту к любому товару. Задача маркетинга - не показать, какие именно инновации реализованы в товаре, а подчеркнуть, что вещь обладает статусом «инновационной», отражает креативный подход к жизни [6]. Но сегодня креативность это уже - «технологичность».

Инновационность, технологичность, то есть собственно «techno» и являются сегодня потребляемым трендом. Здесь и можно предложить концепт «techno-fashion» (техно-моду) не как просто моду на технические новинки, а как массовый, даже тотальный мировоззренческий и поведенческо-стилевой феномен.

На фоне таких выводов можно предположить, что, например, социальный прагматизм постепенно будет замещен ценностями игровой кибер-культуры. Утилитарность как ценность объектов вообще больше не осознается. Брендность «техно» позволяет интегрировать субъекта в контексты моды-игры кибер-физического общества. Виртуальные, а теперь уже и дополненные,

реальности оперируют в основном именно такими фантомоподобными, но для нового типа «клипового» сознания, вполне реальными знаковыми структурами. «Обозначающее без обозначаемого» приобретает уже совсем иные формы. Оно теперь появляется собственно без обозначаемого. Последнее как нечто «опредмеченное» более не нужно, чтобы создавать знаки киберреальности. Так «знаки» побеждают и замещают «символы». Новые технологии имеют посыл к Будущему общества: все имеет право быть, потому что все станет возможным. Какова бы не была критика трансгуманистических проектов, именно они видятся наиболее вероятным сценарием будущего. В таком обществе традиционные основания просто не будут работать [7]. То, что теряет ценность, вся архаика предыдущих форм, устаревание которой немислимо ускоряется технологиями, уже не может нормировать социальность. Здесь, в столкновениях множества контекстов новой техногенной социальности, кто может утверждать, что стратификация общества в будущем не будет иметь сетевой, а не иерархической, формы.

Библиографический список:

1. Аршинов В.И., Асеева И.А., Буданов В.Г., Гребенщикова Е.Г., Гримов О.А., Каменский Е.Г., Москалев И.Е., Пирожкова С.В., Сущин М.А., Чеклецов В.В. Социо-антропологические измерения конвергентных технологий. Круглый стол // Философские науки. 2015. № 11. С.135-147.
2. Аршинов В.И., Асеева И.А., Буданов В.Г., Гребенщикова Е.Г., Гримов О.А., Каменский Е.Г., Майнцер К., Москалев И.Е., Пирожкова С.В., Сущин М.А., Чеклецов В.В. Социогуманитарные риски развития NBICS-технологий. Круглый стол // Философские науки. 2016. № 10. С.148-157.
3. Социо-антропологические измерения конвергентных технологий. Методологические аспекты. Коллективная монография: Аршинов В.И., Асеева И.А., Буданов В.Г., Гребенщикова Е.Г., Гримов О.А., Каменский Е.Г., Москалев И.Е., Пирожкова С.В., Сущин М.А., Чеклецов В.В. / отв. ред. И.А. Асеева, В.Г. Буданов. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2015. 239 с.
4. Социо-антропологические измерения конвергентных технологий. Онтологии и коммуникации. Коллективная монография: Аршинов В.И., Асеева И.А., Буданов В.Г., Гребенщикова Е.Г., Гримов О.А., Каменский Е.Г., Майнцер К., Москалев И.Е., Пирожкова С.В., Сущин М.А., Чеклецов В.В. / отв. ред. И.А. Асеева, В.Г. Буданов. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2016. 257с.
5. Кравчук П.Ф., Боев Е.И, Каменский Е.Г. Интеграционные характеристики инновационного потенциала личности // Известия Курского государственного технического университета. 2010. № 2 (31). С.116-121.
6. Каменский Е.Г. Образ социального субъекта в техногенной реальности сложного социума // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 3. С.184-194.
7. Kamensky E., Boev E. An Innovation Civilization in the Context of the Anthroposphere Crisis of the Technogenic Society // Asian Social Science. 2015. Vol. 11. № 4. pp.328-335. DOI: 10.5539/ass.v11n4p328

РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ КИБЕРСОЦИАЛИЗАЦИИ

Комарова А.Н.

Интернет сегодня – это неотъемлемая часть жизни каждого человека; как и любая информационная технология, он имеет не только техническую, но и социокультурную сторону. Благодаря социокультурному аспекту, информационные технологии относят к разновидности социальных технологий, которые, с одной стороны, оказывают влияние на глобальное развитие, с другой стороны, выступают средством управления общим сознанием [7, с. 163]. Информационная среда является одним из важнейших атрибутов и факторов развития не только личности, но и общества в целом. Она представляет собой совокупность информационных условий существования субъекта информационного пространства, условия для его жизнедеятельности [8]. Информатизация современного образа жизни происходит в глобальном масштабе, кроме того современная наука

выделяет не только процесс социализации личности, но и процесс киберсоциализации, который происходит исключительно в рамках информационного пространства.

«Киберсоциализация человека – социализация личности в киберпространстве – процесс изменений структуры самосознания личности, происходящий под влиянием и в результате использования им современных информационных и компьютерных технологий в контексте жизнедеятельности. Киберсоциализация человека, как правило, происходит в киберпространстве виртуальной социализирующей Интернет-среды, то есть, вследствие использования её ресурсов и в процессе коммуникации с виртуальными агентами социализации, встречающимися человеку во всемирной глобальной сети Интернет (в первую очередь, в социальных сетях - в процессе переписки по электронной почте, на форумах, в чатах и блогах, телеконференциях и онлайн-играх и т.д.)» [5].

Таким образом, можно говорить о том, что киберсоциализация человека это новая актуальная область социальных наук, которая нуждается в более подробном изучении и научном объяснении с точки зрения социологии, так как она непосредственно влияет на формирование личности в обществе.

Особое место для изучения киберсоциальных процессов принадлежит изучению категории молодежи, так как именно в этот период жизни наблюдается наиболее сильная подверженность киберсоциальным процессам и погруженность в киберсоциальное пространство.

На данный момент в социологии уже существует ряд исследований киберсоциализации молодежи. К наиболее значимым из них можно отнести исследования Плешакова В.А., который отмечает, что киберсоциализация человека является как относительно инновационным феноменом, так и фактической реальностью нашего мира, кроме того, она есть важная часть социализации современной молодежи, а также киберсоциализация является двигателем научно-технического, экономического и социального прогресса человеческого общества. Говоря об интернет-социализации, Плешаков В.А. делает акцент на том, что самостоятельная и обособленная интернет-среда стала новым уровнем социального сетевого взаимодействия современных людей практически всех возрастов, а особенно молодежи, в процессе их киберсоциализации [2].

В исследованиях Богатыревой А.А. говорится о том, что социальные сети оказывают значительное влияние на процесс социализации современной молодёжи, создавая свое социальное пространство в информационной среде, так называемое киберпространство, которое определяет киберсоциализацию современной молодежи. Этот процесс является многосторонним, с одной стороны, социальные сети дают возможность для взаимодействия людей на расстоянии, но в то же время, широкое распространение социальных сетей в жизни молодежи приводит к замене приоритетов социальных институтов и создает свое виртуальное пространство, в котором действуют собственные нормы и законы [3].

По мнению Угольниковой Н.В., альтернативная реальность киберпространства – это реальность, «в которой возможно абстрагироваться от проблем окружающего мира, пытаться исправить любую ошибку путем неоднократных попыток, экспериментировать, самостоятельно принимать решения, вне зависимости от результата, к которому они могут привести, не нести ответственность за негативные последствия, порождает ощущение свободы и безнаказанности. Новизна, яркость, большие возможности сети Интернет привлекают современных подростков и юношей, тем самым оказывая значительное влияние на их социализацию» [1, 6].

Таким образом, создается уверенное впечатление, что разумный контроль в этой ситуации возможен, но в большей степени необходим. Тем не менее, старший школьник, имея более гибкие познавательные процессы и более высокий уровень обучаемости, нежели взрослый, как правило, оказывается наиболее осведомленным и компетентным в области технического прогресса, компьютерных, электронных, цифровых и интернет-технологий, и, в то же время, более погруженным и зависимым от него.

В трудах Бизюковой М.С. подчеркивается, что киберсоциализация посредством Интернета происходит с уже отчасти социализированным индивидом. Данный процесс сильно отличается от первичной социализации и состоит в том, что для человека его ближайшим окружением становится

сетевое сообщество и виртуальная социальная группа, к которой он себя причислил, в то время как реальное общество, да и сам человек в его же представлениях, оказываются «другими», с учетом освоенной им ранее объективной реальности. Именно сетевые сообщества и социальные группы предоставляют уникальную возможность свободного проецирования самого себя в виде социокультурного субъекта действия, члена какого-либо виртуального сообщества [4].

Таким образом, возникает новый виртуальный мир, «сформированный новыми технологиями, новыми социальными структурами и новой культурой. Современное общество вступило на новый этап своего развития, важнейшим условием в котором служит коммуникация, и приобрело черты виртуальности». Кроме того, выделяются три связанных явления, которые оказывают наиболее сильное влияние на формирование современного общества: виртуальная реальность, которая поддерживается достижениями в информационной сфере; Интернет и социализация в условиях социальных сетей, которая носит название киберсоциализация.

Подводя итог, можно сказать о том, что социологическое направление - одно из основных в изучении процессов киберсоциализации человека. Опираясь на уже существующие исследования, возможно выделить как положительные, так и отрицательные стороны данного процесса, но, тем не менее, существующие данные не являются исчерпывающими в данном вопросе и требуют значительной доработки и более глубоко изучения каждого из аспектов киберсоциализации и их влияния на социализацию личности и образ жизни современного человека в целом.

Библиографический список:

1. Мудрик А. В. Социализация человека. М., 2007. С. 257.
2. Плешаков В.А. Виртуальная социализация как современный аспект квазисоциализации личности // Проблемы педагогического образования. Сборник научных статей. Вып. 21. / под ред. В. А. Слестёнина, Е.А. Левановой. М.: МПГУ — МОСПИ, 2005.
3. Богатырева А.А. Проблемы киберсоциализации современной молодежи // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22440> (дата обращения: 01.11.2017).
4. Бизюкова М.С. Киберсоциализация – процесс развития личности в условиях информационного общества. Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/files/file/04_2014_17_11_23_1398517883.pdf
- Плешаков В.А. Киберсоциализация как инновационный социально-педагогический феномен. – Режим доступа: http://sirdionis.ucoz.ru/load/prezentacija_po_teme_kibersocializacija/1-1-0-1
5. Угольков Н.В. Киберсоциализация старших школьников как социально-педагогический феномен // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. Режим доступа - <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7026> (дата обращения: 01.11.2017).
6. Килимова Л.В. Роль информационных технологий в системе социокультурных практик студентов // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. №4-3 (43). С. 162-167.
7. Килимова Л.В. Влияние информационной среды на систему ценностей личности в модернизирующемся обществе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2012. № 1. С.85-90.

КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ

Костина Е.Ю., Семенов С.А.

Актуальность изучения социального здоровья связана с проблемой здоровья. В настоящее время здоровье изучается как медицинскими, так и гуманитарными, социальными науками. Немаловажной задачей стоит выбор методов исследования той или иной проблемы. Социология располагает огромным запасом методов исследования.

Качественное (глубинное) социологическое исследование предполагает подробное, глубокое изучение какого-либо социального процесса или явления. Данные исследования больше направлены

на изучение объекта в целом, на его внутренние свойства, в то время как количественные – на его динамику.

В качественном исследовании ученый выступает как непосредственный участник того или иного явления и вносит в него свой вклад. В центре внимания исследователя – внутренний мир человека, его субъективные факты. Формирование гипотез происходит в ходе самого исследования. Качественные исследования в первую очередь применимы в конкретных индивидуализированных ситуациях, требующих социологического анализа [3, с. 91]. Таким примером может служить изучение особенностей той или иной группы больных. В тоже время благодаря данным методам возможно выделение каких-то типичных случаев. Например, проведя серию глубинных интервью можно создать образ типичного больного.

В социологии здоровья, социологии медицины качественные исследования используются не часто. По данным российских исследователей Н.Н. Седовой, Б.А. Навроцкого и других [5], наблюдается небольшой рост качественных исследований в диссертациях российских социологов. Чаще всего исследователи пользуются методами неструктурированного интервью, кейс-стади, фокус-групп, биографическим методом [1, 4, 5]. Фокус-группа применяется для исследования проблем взаимоотношений между врачом и пациентом, внутри медицинского сообщества. Кейс-стади направлен на проверку результатов эмпирических исследований. Исследователи его используют тогда, когда надо получить содержательную часть изучаемого явления. Нарративный подход российскими социологами почти не используется (только 1 диссертационное исследование проведено), при этом достаточно популярен на Западе.

Недостаточное использование качественных методов, по-видимому, связано с рядом проблем как профессионального характера, так и этического. С одной стороны, социологи не имеют медицинского образования и могут по-своему трактовать болезненные состояния человека. С другой стороны, встает вопрос этики. Какую информацию о пациенте можно сообщать социологу? Каково соотношение врачебной тайны и исследовательского интереса? В количественных исследованиях социологи имеют дело с обезличенными данными, в то же время качественное исследование немислимо без обращения к конкретному человеку, его жизненному опыту.

В целом качественные методы в социологических исследованиях здоровья очень редко используются. Об этом свидетельствует небольшое количество публикаций, диссертационных исследований. В тоже время нельзя не отметить потенциал качественных методов, т. к. без изучения содержательной части явления невозможно изучение его количественных показателей.

Библиографический список:

1. Круглые столы // Биоэтика. 2014. № 1. С. 43-54.
2. Захарова М.А., Фомичева М.Л. Современные методы медико-социологических исследований в крупном промышленном городе // Социология города. 2014. № 3. С. 5-16.
3. Медик В.А., Осипов А.М. Общественное здоровье и здравоохранение: медико-социологический анализ. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2012. 358 с.
4. Прикладная биоэтика // Биоэтика. 2014. № 1. С. 35-42.
5. Седова Н.Н., Навроцкий Б.А., Волчанский М.Е., Ковалева М.Д., Фомина Т.К., Чижова В.М., Шипунов Д.А. Теория и практика применения качественных методов социологии в медицине // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2015. Т. 10. № 3 (39). С. 327-331.
6. Седова Н.Н. Проблематика, методология и практический смысл инициативных исследований в отечественной социологии медицины // Социология медицины: наука и практика: сб. науч. тр. М., 2012. С. 7–11.

ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ УТОЧНЕНИЯ ОСНОВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Кривошеев В.В.

Социология как самостоятельное научное знание возникла в ответ на возникновение нового индустриального общества. По крайней мере, с началом становления такого социума. С этим утверждением согласны, по сути, все исследователи социальных процессов и явлений вне зависимости от методологических установок, которыми они руководствуются [1].

Становление и все большее утверждение нового общества, общества постиндустриального [2] или информационного (информационального) [3] также не вызывает сомнений. Но одновременно раздается и все больше критики ограниченности лишь фиксации столь масштабных социальных перемен, которая не сопровождается соответствующей саморефлексии социологии. Так, некоторые авторы считают, что, несмотря на все разговоры о глубоких и далеко идущих глобальных социальных переменных, казалось, будто науку социологию все это не затронуло. В общем, социологи использовали и совершенствовали довольно привычные методы, говорили главным образом об эзотерических теоретических заботах, упуская из виду факт, что социология более не была авангардной дисциплиной, привлекавшей к себе легионы критически мыслящих студентов и ученых в 1960–1970-е гг. целиком став частью академической машины [4, с. 29].

В конечном счете, главное, на наш взгляд, заключается не в каких-то направлениях критики современных социологических концепций или методологических подходов. Представляется, что вольно или невольно во всех замечаниях относительно несовершенства современного социального познания имплицитно содержится указание на необходимость кардинальной смены самой парадигмы социологии. Речь идет о насущной потребности перестроения социологии в соответствии с электронной культурой.

Часто все, что, так или иначе, связано с электронной культурой, принято рассматривать в ряду иных элементов, подсистем, из которых состоит современное общество. Если мыслить в таком ключе, то можно прийти к заключению о своего рода параллельном существовании письменной культуры и культуры электронной (иногда ее называют экранной [5]), присущей современному социуму. Например, Джон де-Хаан и Франк Хьюсман полагают, что термин электронная культура означает не только распространение новой информационной технологии и её применение для различных целей, но также изменение ряда [выделено нами - В.К.] социальных отношений, ценностей, норм, стереотипов поведения. При этом технологические знания составляют существенную часть культуры, её новые стереотипы, ритуалы, нормы [6]. Получается, что разные формы культуры лишь своеобразно дополняют друг друга.

Несовершенство такого взгляда на сущностные черты современного состояния общества для нас более чем очевидна. Электронная культура, по нашему мнению, является сущностной чертой современного социума, она пронизывает все содержание социальной жизни, кардинально видоизменяя ее.

Своеобразным новым этапом развития теперь уже доминанты современного общества – электронной культуры – стало формирование цифрового его пространства. Отмечается, например, что современный технологический уклад сформировал тренд опережающего развития информационно-коммуникационных технологий в цифровом формате. Одновременно проявляется опережающий спрос на инновационные продукты, ключевые свойства которых обеспечиваются цифровыми информационными технологиями. Именно такие свойства определяют потребительскую ценность и дают преимущества таким инновационным продуктам [7].

Указанные обстоятельства диктуют потребность не только в обновлении теоретических основ социологического знания, но и его эмпирической базы. Речь идет о необходимости становления новой стадии развития социологии, а именно, цифровой социологии. Конечно, сейчас все больше можно слышать о работе с Big Data [8]. На VI социологической грушинской конференции четыре секции

были посвящены интернету, исследованиям с помощью мобильных устройств и, разумеется, работе с Big Data [9].

И все же, по нашему мнению, если говорить об эмпирической социологии, то вызовы цифрового общества все еще в значительной мере остаются без ответа. И прежде всего потому, что прорыва в части репрезентативности конкретных исследований пока не происходит. В силу этого, в порядке обсуждения и в ожидании критики, все же смеем предложить возвращение на этом, новом этапе развития социологического знания к «соломенным» опросам. Когда-то они давали возможность определить некие самые общие тенденции развития социальных процессов, зафиксировать самые важные явления общественной жизни [10]. В цифровом обществе пока не удалось в полной мере решить проблему представительности исследований; такие цифровые «соломенные» опросы могли бы послужить более полному представлению о современной, очень подвижной социальной реальности.

Библиографический список:

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., Издательская группа «Прогресс», Политика, 1993. 608 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., Academia, 2004. 788 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. [Электронный ресурс]. Режим доступа. http://polbu.ru/kastels_informepoch/ch00_all.html
4. Берроуз Р., Севидж М. После кризиса? Big data и методологические вызовы эмпирической социологии // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 28-35.
5. Шигапова И.И. Экранная культура: творцы и потребители. [Электронный ресурс]. Режим доступа. <http://human.snauka.ru/2014/05/6680>
6. Наан J. de, Нуysmans F. 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа. <http://www.scp.nl/english/publications/summaries/9037700926.html>
7. Минаков В.Ф. Цифровое общество и проблемы прикладной информатики. [Электронный ресурс]. Режим доступа. <http://nauka-rastudent.ru/37/3946/>
8. Волков В., Скугаревский Д., Титаев К. Проблемы и перспективы исследований на основе Big Data (на примере социологии права) // Социологические исследования. 2016. № 1. С.48-58.
9. Материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными», 16-17 марта 2016 г. / отв. ред. А.В. Кулешова. М.: АО «ВЦИОМ», 2016. 710 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа. https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2016/vi_grusha_tezisy3.pdf
10. Докторов Б. От соломенных опросов к постгэллаповским опросным методам. М.: Радуга, 2013. 72 с.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ МОЛОДЕЖИ

Крошкина М.С.

Для понимания перспектив развития общества крайне важно исследовать и изучать жизненные стратегии студенческой молодежи. Ведь именно они определяют направление развития социума.

Россия сегодня переживает процесс изменения в общественно-политической и социально-экономической жизни. Помимо этого, налицо процессы, связанные с модернизацией образования. Это, безусловно, обуславливает необходимость общества в гражданах профессионально компетентных, конкурентоспособных, обладающих лидерскими качествами, готовых принимать решения в ситуации выбора и нести ответственность за судьбу страны.

Кадровые ресурсы общества – молодые люди, обучающиеся в ВУЗах. Сегодняшние студенты – это завтрашние экономисты, политики, социологи и другие специалисты, которые займут лидирующие позиции в той или иной сфере деятельности. Их решения будут основой для определения развития всего общества.

В связи с этим, сегодняшние студенты должны не только формировать у себя необходимые профессиональные и социальные компетенции, но и стремиться наиболее полно развивать себя, в частности, демонстрировать лидерские качества. Это позволит им отстаивать свою позицию в том или ином вопросе в своей профессиональной сфере.

Изучению жизненных стратегий посвящено большое количество научных работ; на сегодняшний день, существует несколько основных концепций, которые совершенно по-разному рассматривают их природу.

Первая концепция – концепция жизненных планов личности. Данная концепция ориентируется на доминирование общественных интересов по отношению к индивидуальным. Важной категорией, в рамках представленной концепции, является категория времени. В данном случае, жизненный план рассматривается как прогнозирование жизни человека в заданных рамках.

Вторая концепция – диспозиционная. Данная концепция делает упор на факторы генно-средового взаимодействия в рамках рассмотрения жизненных стратегий личности. Концепция распадается на два направления: «жесткое» и «мягкое».

«Жесткое» направление пытается установить соответствие между определенными биологическими структурами человека и его личностными свойствами.

«Мягкое» направление, в свою очередь, тоже придерживается позиции зависимости личностных особенности от биологических свойств организма. Однако, в отличие от «жесткого» направления, не пытается ответить на вопрос, от каких именно свойств и в какой степени зависят личностные особенности [1].

Главным отличием двух концепций является различный взгляд на природу жизненной стратегии личности. Концепция жизненных планов личности ориентирована во внешнюю среду, диспозиционная же концепция личности пытается найти первоисточник жизненных стратегий человека во внутренних составляющих его личности.

И, третья концепция – институциональная; она, прежде всего, рассматривает институциональные структуры, процессы и механизмы.

В рамках данной концепции часто используется метод институционального анализа. Данный вид анализа включает в себя:

- формирование типологий жизненных стратегий;
- рассмотрение процесса институализации жизненных стратегий (в особенности, механизмов их выбора);
- объяснение системных связей между индивидом и социумом;
- объяснение системных связей внутри самой личности.

С точки зрения данной концепции предметом изучения выступают эмпирически наблюдаемые, повторяющиеся во времени, типичные, закономерные формы поведения личности.

В этом смысле жизненная стратегия - это система ориентирования личности, имеющая социальную природу и направленная на долговременную перспективу [2].

Таким образом, в рамках данной концепции, жизненные стратегии определяются как изменяющаяся и самоопределяющаяся система социокультурных представлений личности о собственной жизни, которая направляет действия человека в течение длительного промежутка времени.

Данная концепция обладает рядом достоинств. Например, её использование для теоретического конструирования социологического исследования жизненных стратегий личности позволит выявить результирующую оценку разброса видов жизненных стратегий среди студенческой молодежи, а также определить процент студенческой молодежи с профессиональной жизненной стратегией.

Однако концепция имеет и свои сложности для теоретического конструирования социологического исследования. Так, данная концепция включает в себя много теоретических подходов, которые предлагают разную типологию жизненных стратегий и разную интерпретацию жизненных стратегий молодежи.

Таким образом, каждый из рассмотренных подходов имеет свои достоинства и недостатки. Однако для проведения социологического исследования, направленного на выявление жизненных стратегий современной молодежи, целесообразно использовать институциональный. На взгляд автора, именно он дает самое широкое понимание жизненных стратегий и включает в себя большое количество социологических теорий.

Библиографический список:

1. Резник Т.Е., Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности. М.: Институт человека РАН, 2002.
2. Митрюшин С.А. Жизненные цели студенческой молодежи как регулятор социального поведения / Дис. канд. соц. наук. Москва, 2008

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Лапинов В.А.

В современном мире успешно и стабильно развиваются лишь сильные социальные государства, которые обладают действенной и конкурентоспособной экономикой, обеспечивающей достойный уровень жизни народа, высоким уровнем социального капитала. Главное направление развития современной России – это дать гражданам возможность раскрыть себя. Свобода для развития в экономике, социальной сфере, в гражданских инициативах – это лучший ответ как на внешние ограничения, так и на наши внутренние проблемы. И чем более активнее российские граждане обустроят свою жизнь, чем более они самостоятельны в социально-экономической и социально-политической сферах жизни, тем выше социальный капитал российского общества.

В отечественной социологической науке понятие «общество» рассматривается как исторически развивающаяся совокупность отношений между людьми, складывающаяся на основе постоянного изменения форм и условий их деятельности в процессе взаимодействия с органической и неорганической природой [4, с. 294].

Современное российское общество представляет собой определившееся в процессе исторического развития отечественное многонациональное сообщество со своей относительно устойчивой системой социальных связей и отношений как между большими, так и между малыми группами людей, поддерживаемое силой закона, социальных институтов, культуры, обычаев, традиций и т.п., основывающееся на определенном способе производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ. А капитал – это богатство, употребляемое для производства большего богатства.

Само понятие «социальный капитал» сформулировал французский социолог П. Бурдьё. В своей работе «Социальное пространство и генезис «классов»» данный исследователь выделяет четыре основных группы капиталов: экономический, культурный, символический и социальный [6].

Социальный капитал можно рассматривать как средства, связанные с принадлежностью индивида к конкретной социальной группе. Данная форма капитала представляет отношения, которые складываются между индивидами, принадлежащими к конкретным социальным группам, что позволяет им иметь доступ к ресурсам других людей, дает властные возможности и жизненные шансы в самых разных социальных полях. Социальный капитал можно представить, как некое социальное пространство, состоящее из ряда полей, наиболее важными из которых являются поля экономическое, политическое, культурное. Социальный капитал состоит из двух элементов: а) социальные отношения, позволяющие индивидам иметь доступ к ресурсам, являющимся собственностью других индивидов; б) количество и качество этих ресурсов.

При разработке теоретической концепции социального капитала современного российского общества, автор опирается на ранее проведенные исследования в области управления социальным потенциалом организации [2] и исходит из следующего сущностного определения.

Социальный капитал развития современной России – это способность российской социальной общности в начале XXI в. к совершенствованию взаимодействия на основе образования, профессиональной компетентности и мобильности, социально-политических ориентаций, национально-культурной

идентичности с целью международной независимости и самостоятельности страны, достижения свободы труда, творчества, собственности, а также единства всех национальных культур.

Формирование социального капитала происходит внутри социальных структур под воздействием факторов разного уровня (от межличностного доверия до институциональной среды и особенностей государственного управления). Социальный капитал способен конвертироваться в другие формы. В качестве ресурса он оказывается доступным не всем членам общества в зависимости от степени замкнутости социальной структуры, в которой и был сформирован. Основным отличием социального капитала является то, что он «реализуется» в социальном взаимодействии между субъектами.

В связи с ограничением объема материала остановимся на развитии отечественного образования и профессиональной мобильности.

Образование в России, как социальный институт выполняет функции подготовки и включения индивида в различные сферы жизнедеятельности общества, приобщение его к многонациональной отечественной и зарубежной культуре. Как показали социологические исследования [7], четверть всей российской молодёжи выполняет работу, не требующую никакого образования (при массовом стремлении к высшему). Само образование, полученное в учебном заведении, соответствует выполняемой работе у двух третей молодых людей, а знания и опыт используются менее чем у половины. Масштабные исследования положения работников на рынке труда подтверждают, что «многие обладатели профессионального образования не находят для себя работы, требующей уже имеющегося у них образования» [5, с. 561]. Не получив достойного применения на родине, молодые квалифицированные специалисты стремятся работать за границей.

Охват общим образованием у нас заметно вырос. Но результаты международных сопоставимых исследований говорят о сравнительно низком уровне результатов школьного обучения. Охват третичным образованием, в особенности высшим, также вырос, притом стремительно. Страна становится одним из мировых лидеров по важному показателю – доле высокообразованных работников. Однако и здесь рост показателя не обеспечен качеством образования. Российские университеты занимают отнюдь не первые места в мировых рейтингах, и даже попадание в первую сотню лучших становится для них проблемой. Произошла резкая дифференциация вузов и факультетов: одни дают знания и квалификацию, другие – не обеспеченные компетенциями свидетельства, за которыми – лишь выплаченные за них суммы. Что касается выравнивания шансов на получение качественного образования, то ситуация не улучшилась.

Приходится заключить, что при хороших формальных показателях молодёжь не накапливает такой социальный капитал, который бы соответствовал этим показателям и отвечал бы требованиям времени. Соответственно, страна, по существу, всё более отстаёт в плане накопления социального капитала от лидеров, к которым хотела бы принадлежать. В России очень образованная рабочая сила, но при этом низкая производительность труда и невысокий уровень ВВП на душу населения.

Надежды на изменение положения к лучшему может давать усиливающееся внимание общества к этим проблемам. Государство предпринимает шаги по реформированию системы образования; они оцениваются неоднозначно, и всё же можно рассчитывать, что со временем ситуация выправится. Перспектива же рынка труда остаётся неясной, а использование социального капитала зависит именно от него. В целом отечественные проблемы образования носят социетальный характер. Они не могут быть решены только совершенствованием института образования, а требуют комплексного подхода.

Профессиональная мобильность подразумевает смену индивидом одной профессии на другую. В начале XXI в. в России исчезло немало профессий и специальностей, устаревших и утративших свою актуальность с точки зрения технического, экономического и социального прогресса, и появилось огромное количество новых, многие из которых пользуются высоким спросом на рынке труда, что существенно меняет условия профессионального выбора молодёжи.

Одной из характерных тенденций в условиях глобализации стало усиление процессов движения рабочей силы и рабочих мест, спонтанный рост всех видов экономической мобильности. Так, согласно данным RLMS-HSE, в конце XX – начале XXI вв. сменили свою профессию около 42% занятого населения [3, с. 78], а в последнее десятилетие ежегодно заявляли о смене профессии от 7% до 9% опрошенных [1]. Высокая профессиональная мобильность во многом связана со сменой поколений. Большинство молодых людей легче своих родителей воспринимают перемены и отличаются более высокой готовностью адаптироваться к меняющимся социально-экономическим условиям, в том числе в профессиональной сфере. Многих молодых людей подталкивает к смене профессии кризисная ситуация, заставляющая переоценивать свои профессиональные и зарплатные ожидания.

Чаще всего смена профессии сопровождается переменой рабочего места. На долю таких изменений, в наибольшей мере затрагивающих работников, занимающихся трудом низкой квалификации и выполняющих второстепенные, исполнительские функции, приходится почти половина всех перемен в сфере занятости. При полной смене работы, как правило, происходит смена сектора занятости или сферы трудовой деятельности, в результате чего работник не может применить прежнюю квалификацию на новом рабочем месте. Еще реже работники меняют профессию без изменения места работы. Такие изменения чаще затрагивают специалистов высокой квалификации и лиц, занимающих руководящие и другие ответственные должности.

В современном российском обществе наблюдается колоссальная переориентация массового сознания, обусловленная изменением социально-профессиональной структуры. Межпоколенная мобильность носит преимущественно вынужденный характер и во многом обусловлена глубокими структурными сдвигами в российской экономике. Наряду со значительными масштабами и разнообразием межпоколенной социально-профессиональной мобильности всё более заметным становится нарастание ограничений, особенно в сельской местности, свободы профессионального выбора и выбора сферы занятости. Уменьшилось семейное, в том числе родительское влияние на выбор молодыми людьми профессии, деформировались процессы воспроизводства профессиональных династий во многих важных сферах занятости.

Осуществленное нами исследование социального капитала развития современной России, позволяет сделать следующий вывод. В условиях глобализации и с применением санкций против России управление социальным капиталом из второстепенной функции превратилось в сложную, многофакторную и многоаспектную государственную деятельность на уровне индивида, социальной организации, института и общества. Для решения данной проблемы необходимо перейти на гуманистическую парадигму социального управления, предусматривающую, что индивид обладает собственными движущими силами, самосознанием, волей и мотивацией. Чем выше социальный потенциал, тем лучше развивается страна.

Библиографический список:

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодёжь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010.
2. Лапшов В.А. Управление социальным потенциалом современной организации: Монография. М.: СГА, 2006.
3. Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991-2000 гг.). М.: ТЕИС, 2002.
4. Осипов Г.В. Общество // Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев; уч. секр. О.Е. Чернощек. М.: Норма: Инфра-М, 2014.
5. Российский работник: образование, профессия, квалификация / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
6. Bourdieu P. The Forms of Capital // J. Richardson (ed). Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. N.Y.: Greenwood, 1986.
7. Konstantinovskiy D. Social Inequality and Access to Higher Education in Russia // European Journal of Education. 2012. Vol. 47. N. 1. Pp. 9-24.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА МЕДИЦИНЫ И РАЗВИТИЕ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ

Лядова А.В.

За последние годы под влиянием глобализации и информационных технологий, в ходе перехода к рыночным отношениям, формирования новой социально-экономической политики отечественная система здравоохранения претерпела существенные изменения: произошла либерализация сектора здравоохранения, появились новые виды и формы медицинского страхования, расширился спектр предоставляемых медицинских услуг. Однако, несмотря на определенную положительную динамику в развитии отечественной системы здравоохранения, наблюдаются тенденции, влияние которых на состояние, прежде всего, общественного здоровья, представляется дискуссионным [1, 2].

Прежде всего, произошла трансформация взаимоотношений в системе «врач-пациент», что стало следствием, с одной стороны, развития высокотехнологичной медицины и изменения основ медицинской практики, перехода к доказательной медицине, а с другой, коммерциализации медицинской сферы и формирования рынка медицинских услуг. Внедрение рыночных механизмов в систему здравоохранения вызвало изменение социальных ролей его основных акторов - врача и пациента, следствием чего стала трансформация самой модели в системе их взаимоотношений [3]. Следствием развития указанных тенденций в сфере охраны здоровья стало формирование новых социальных практик, выходящих за рамки существующих национальных систем здравоохранения. Одним из таких феноменов является медицинский туризм. Хотя среди исследователей нет единого мнения в отношении определения данного термина, тем не менее анализ существующих подходов дает основание считать, что медицинский туризм в современном понимании означает временные выезды (путешествия) людей в другие страны с целью получения медицинских услуг и решения существующих проблем со здоровьем [4].

Следует отметить, в настоящее время медицинский туризм – это не просто спорадическое, локальное явление, встречающееся в ряде стран. Медицинский туризм уже представляет собой развитую индустрию, со своей структурой, механизмами функционирования [5]. По прогнозам экспертов, учитывая общую тенденцию увеличения продолжительности образа жизни, а также сокращение расходов государств на гарантированное (бюджетное) медицинское обслуживание, поток «медицинских» туристов в ближайшем будущем вырастет на 15-25 % [6]. В связи с этим представляется необходимым изучение данного социального явления.

В рамках структуралистского конструктивизма П. Бурдьё можно выделить два направления исследования: с одной стороны, развитие медицинского туризма представляет объективную тенденцию, результат тех трансформаций, которые произошли в медицине под влиянием глобализации и развития информационных технологий, с другой, встает вопрос о последствиях, которые возникают в результате его воздействия на функционирование действующей системы здравоохранения [7]. В целом можно выделить как положительные, так и негативные факторы.

В первом случае эксперты отмечают тот положительный эффект, который оказывает медицинский туризм на экономику тех стран, которые являются экспортёрами медицинских услуг: повышение занятости населения, создание международных медицинских центров, что способствует обмену технологиями и опытом в области лечения различных заболеваний [8]. Для так называемых «мобильных» пациентов или, по меткому выражению Глена Коэна, пациентов с паспортом, экономические преимущества выражаются, прежде всего, через значительное снижение затрат на лечение [5]. Так, согласно данным Всемирной организации здравоохранения, операция по шунтированию сердца в Индии, Таиланде, Малайзии, Польше стоит приблизительно в 10 раз дешевле, чем в США [8].

Но, как отмечалось выше, наряду с положительным влиянием, эксперты указывают на определенные риски в развитии медицинского туризма [9, 10, 11]. В целом их можно разделить на три группы: относящиеся к медицинским факторам, социальным и правовым.

На наш взгляд, указанные риски связаны с особенностью развития рассматриваемого феномена: использование Интернет-пространства для формирования информационного поля. Если учитывать, что число медицинских туристов возрастает с каждым годом, актуальным становится вопрос о его качестве и достоверности. Контент-анализ сайтов медицинских туроператоров свидетельствует, что среди имеющихся данных, как правило, отсутствуют те, которые связаны с послеоперационными осложнениями или проблемами реабилитационного периода. Однако, по данным экспертов, они существуют [9, 10]. Также к медицинским рискам следует отнести и распространение новых инфекционных заболеваний, которые могут также вызывать осложнения в процессе лечения и стать дополнительной статьей расхода для национальной системы здравоохранения и социального обеспечения [11]. В связи с этим возникает вопрос ответственности и этики.

Таким образом, становится очевидным, что в современных условиях развития общества медицинский туризм можно рассматривать как социальную практику, конструктивное развитие которой зависит от ее дальнейшей институционализации.

Библиографический список:

1. Кочкина Н.Н., Красильникова М.Д., Шишкин С.В. Доступность и качество медицинской помощи в оценках населения. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 56 С.
2. Российское здравоохранение в новых экономических условиях: вызовы и перспективы [Электронный ресурс]: доклад Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по проблемам развития системы здравоохранения / С.В. Шишкин, И.М. Шейман, А.А. Абдин, С.Г. Боярский, С.В. Сажина. М., 2017. 84 с.
3. Лядова А.В., Лядова М.В. Особенности формирования взаимоотношений в системе врач-пациент в современных условиях // Социология медицины. 2016. Т.15. № 2. С.116-121.
4. Horowitz MD, Rosensweig JA, Jones CA. Medical Tourism: Globalization of the Healthcare Marketplace. *Medscape General Medicine*. 2007; 9(4):33.
5. Cohen Glenn I. Medical Tourism, Medical Migration, and Global Justice: Implications for Biosecurity in a Globalized World // *Medical Law Review*. 2017. V.25. Issue 2. May 1. 1 May 2017. С. 200-222.
6. Bookman M., Bookman K. *Medical tourism in developing countries*. Palgrave Macmillan. 2007. 245 p.
7. Бурдые П. Практический смысл. Пер. с франц. / под общ.ред. и послес. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
8. Anchana NaRanong, Viroj NaRanong. The effects of medical tourism: Thailand's experience // *Bulletin of the World Health Organization*. 2011. № 89. P.336-344. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.who.int/bulletin/volumes/89/5/09-072249/en>.
9. Freire N.A. The Emergent Medical Tourism: Advantages and Disadvantages of the Medical Treatments Abroad // *International Business Research*. 2012. Vol.5. № 2. P.41-50.
10. Segouin C., Hodges B., Brechat P. Editorial Globalization in health care: is international standardization of quality a step toward outsourcing? // *International Journal for Quality in Health Care*. 2005. Vol.17. № 4. P.277-279.
11. Vijaya R. Medical Tourism: Revenue Generation or International Transfer of Healthcare Problems? // *Journal of Economic Issues*. 2010. № 44. P.53-70.

ХАРАКТЕР ЗНАНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Манцева Е.Р.

Современное общество, именуемое в социологической науке информационным, невозможно представить без СМИ, ведущим элементом которых является сеть Интернет, за долгие годы ставшая не только полезным источником различной информации, но и средством связи, общения людей между собой, вне зависимости от их местонахождения, благодаря таким программам, как Skype, Periskope,

MySpace.com и т.д. Безусловно, кроме немалого количества положительных аспектов, через сеть Интернет нередко передается информация, которая несет в себе угрозу не только конкретным людям, но и обществу в целом. Так же Интернет представляет собой инструмент манипуляции сознанием населения различных стран и средство распространения ложных сведений.

Но, кроме того, сеть Интернет – это современный источник знаний и инструмент их распространения. Еще в конце 90-х годов XX столетия известнейший французский мыслитель П. Леви отмечал, что новым источником коллективного разума по праву является киберпространство, развивающееся и набирающее популярность с удивительной скоростью [1]. И с ним невозможно не согласиться, ведь в Интернете происходит взаимодействие людей с абсолютно разными интересами, жизненными позициями, так как в нем отсутствуют какие-либо преграды для их общения. В связи с этим возникает вопрос — как именно знания передаются от одних пользователей Интернета другим, и каков их характер?

Прежде всего, стоит выделить такие компоненты Всемирной паутины, как социальные сети, развлекательные и деловые приложения, которые пользователи скачивают к себе на различные устройства, такие как мобильные телефоны, планшеты, компьютеры и т.д. Интересно то, что данные технологии выполняют множество функций одновременно (звонки, сообщения, выход в Интернет, редактирование файлов и документов, фотоаппарат, видеокамера и т.д.). Получается, что у каждого человека есть своего рода универсальный носитель информации, которая ему необходима. Но самым важным является то, что современный человек не просто пассивный носитель информации, а активный ее создатель. «Произошли и радикальные технические изменения: интернет превратился в то, что многие называют Web 2.0. Не вдаваясь в анализ данного термина, мы подчеркнем главную особенность Web 2.0: пользователи перестают быть пассивными потребителями, а становятся активными производителями информации. В Web 2.0 появляются новые формы создания и передачи информации – виртуальные сетевые сообщества» [2].

Таким образом, сеть Интернет по праву является современным источником знаний. Откуда же эти знания появляются в данной сети и посредством чего транслируются?

Прежде всего, стоит отметить, что зарождение знаний в сети Интернет базируется на совместной работе ее пользователей. Начинать анализ данного процесса лучше всего с Википедии, как одной из самых популярной энциклопедии современности. Если ранее она рассматривалась пользователями Интернета скорее как альтернативный ресурс получения необходимых знаний, то в настоящее время Википедия нередко выступает в качестве одного из основных источников информации. Интересно, что вся информация из Википедии не пишется на заказ, то есть она не имеет коммерческой основы. Таким образом, энциклопедия всеми силами пытается обеспечить нейтральность в освещении различных проблем, которые интересуют общество. Очень часто те или иные сведения Википедии могут составляться сразу несколькими авторами, что позволяет воспринимать ее как продукт коллективной деятельности, отражающий знания сразу нескольких членов общества, а то и вовсе социальных групп.

Другим важным источником знаний и инструментом их передачи являются различные блоги, которые представляют собой дневники пользователей Интернета, а так же форумы, где в режиме онлайн люди обсуждают те или иные волнующие их проблемы, или же просто обмениваются мнениями касательно различных событий и т.д. Обычно под блогем понимается «...персональный веб-сайт, который содержит, главным образом, заметки и новости. Он регулярно обновляется, ведется в форме личного дневника, доступного для комментариев другими пользователями интернета, большинство материалов разделено по рубрикам, обычно создается и поддерживается одним человеком» [3, с. 92]. Форум же представляет собой некую платформу, разделенную по рубрикам или темам, где в режиме настоящего времени люди общаются друг с другом в чатах, пишут комментарии к разным сообщениям, отвечают на вопросы друг друга. При этом в процессе написания и публикаций своих текстов в блогах или форумах пользователи ссылаются на иные источники информации, подкрепляя свою точку зрения. Делают они это посредством гиперссылок на иные сайты, к примеру, уже упомянутую ранее

Википедию или дневники своих знакомых, друзей. Таким образом, все это образует некую «блогосферу», о которой писали многие ученые современности, в частности Д. Гилмор, утверждая о появлении новейшего пути журналистики в контексте отношений гражданин-гражданин, так как теперь члены общества пишут различные материалы друг для друга [4].

Не менее интересным для своего изучения источником знаний в Сети представляются рубрики «Вопрос-ответ», наиболее известная из которых существует в рамках русскоязычного портала mail.ru. По своему содержанию данная рубрика полностью соответствует стандартам форума, но не представляет собой пространство для беседы, а выступает в более точном по своим целям формате. Пользователи Интернета задают свои вопросы, и другие пользователи пишут на них ответы с опорой на свое мнение, либо с отсылкой к авторитетным источникам, научным сведениям и т.д. При этом автор вопроса в дальнейшем выбирает наиболее понравившиеся ему ответы и присуждает за них баллы пользователем Сети, благодаря чему те выстраиваются в некий рейтинг «экспертов» в различных областях знаний. Данное явление представляется довольно специфическим предметом для анализа знаний, но оно наглядно показывает всю «человечность» знаний во Всемирной паутине, а так же их общественную направленность.

Безусловно, не стоит забывать и о социальных сетях, таких как ВКонтакте, Facebook, Twitter и т.д., где изо дня в день происходит не только обмен различной информацией пользователей, но и существуют стандарты данного обмена. «Социальные сети являются сегодня одними из самых посещаемых ресурсов в мировом Интернете» [2, с. 238]. Любая социальная сеть имеет четкие параметры для заполнения и редактирования информации, которую выкладывают пользователи на всеобщее обозрение и дальнейшее обсуждение. В связи с этим возникает некоторая стандартизация информации и знаний, транслируемых в социальных сетях (строгие ограничения на количество символов в сообщениях, лимит на скачивание тех или иных файлов, правила вступления и поведения в различных сетевых сообществах и т.д.)

Но, несмотря на это, пользователи свободно выражают свои мысли в своей манере, стиле, тем самым так же зарождавая определенные тренды взглядов на ряд проблем и общественных явлений, которые впоследствии трансформируются в коллективные знания и представления.

Конечно, помимо вышеупомянутых источников хранения, создания и передач знаний во Всемирной паутине существует еще очень много иных способов трансляции знаний общества, но даже этого вполне достаточно для того, чтобы сделать несколько выводов относительно характера знаний в сети Интернет.

Итак, каков же характер знаний, создаваемых и передаваемых на просторах «всемирной паутины»?

Знания носят «человеческий» характер и обладают общественной направленностью. Они создаются всем обществом, обсуждаются его членами, редактируются и передаются через различные каналы, такие как социальные сети, блоги, форумы и т.д.

Знания в сети Интернет не имеют точного научного характера, следовательно, экспертами в различных областях являются те пользователи, к которым общество оказало больше доверия по причинам полезности и доказуемости их знаний на практике и т.д. Так как знания создаются самими людьми, которые в свою очередь так же берут информацию из своего личного опыта, то они не подвергаются критическому анализу со стороны научного сообщества, а значит, не несут в себе характер объективности и точности. Безусловно, в сети существует достаточное количество научных знаний, но, тем не менее, все они, так или иначе, подвергаются обсуждению со стороны общества в целом, а не только ученых, специалистов в той или иной области, количество которых явно меньше, чем всех пользователей Интернета вместе взятых.

Знания выступают инструментом достижения различных целей, решения задач членов общества, которые они перед собой ставят, а так же представляют собой инструмент самообразования, расширения кругозора и коммуникации. Благодаря Сети, общество может образовывать себя всесторонне, узнавая новую информацию и усваивая новые знания без каких-либо ограничений (чего

стоят образовательные платформы на базе ведущих университетов мира!). Так же, благодаря стандартам, присущим коммуникации в сети Интернет, человек не чувствует себя одиноким и всегда может найти единомышленников или просто ответы на свои вопросы.

И, наконец, знания в сети Интернет, благодаря своей «человечности» и направленности своих создателей на общество в целом, являются инструментом стирания границ между людьми по всему миру, образуя единое информационное и коммуникативное пространство, что в условиях глобализации является однозначным преимуществом.

Библиографический список:

1. Levy P. L'intelligence collective. Pour une anthropologie du cyberspace. Paris: La Decouverte, 1994, 252 p.
2. Золотухин С.А. Роль социальных сетей в информатизации образования // Политематический журнал научных публикаций «Дискуссия». Выпуск: №№5-6 (35-36), май-июнь 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=120> (Дата обращения: 29.10.2017)
3. Давыдов А.А. Социологические исследования. 2008. № 11. С. 92-101.
4. Gillmor D. We the Media: Grassroots Journalism by the People, for the People. O'Reilly, 2004, 299 p.
5. Дужникова А.С. Социальные сети: современные тенденции и типа пользования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 5 (99).

КАРТОГРАФИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Мартыненко Т.С.

Проблема социального неравенства является на сегодняшний день одной из наиболее острых и широко обсуждаемых [1, 2]. Представители различных социальных наук, таких как социология и экономика, предлагают разные способы изучения социального неравенства в современных обществах. Наиболее распространенным методом исследования неравного распределения ресурсов (как материальных, так и нематериальных) выступает анализ экономических показателей и представление данных в виде таблиц, отчетов и графиков. Тем не менее, в последние годы все активнее начинает использоваться метод социального картографирования, объединяющий в себе традиционные подходы к рассмотрению социального неравенства вместе с их графическим отражением на карте.

Социальное картографирование – это междисциплинарный метод изучения социальной реальности, целью которого является получение социального портрета исследуемой территории (мир в целом, государства, области, города, отдельные районы). Социальный портрет может включать такие характеристики, как распределение богатства и доходов, уровень преступности, доступность транспорта и пространства, стоимость недвижимости, концентрация представителей различных социальных групп в изучаемой области и другие социально-демографические, экономические и политические особенности.

Картографирование, то есть нанесение на карту определенных границ, разметки, символов согласно определенному сюжету (например, климат, ландшафт и др.) представляет собой метод, пришедший из естественных наук. Учитывая тесную связь естественных наук и социологии с момента ее возникновения, неудивительно, что в современных социальных науках этот метод получил широкое распространение [3–8]. Существует несколько причин популярности этого метода. Во-первых, повсеместное использование информационных технологий позволило сделать составление карт менее трудоемким и затратным процессом. Во-вторых, интерес к процессу глобализации привел к необходимости разработки более наглядных методов исследования, при реализации которых стали часто использоваться карты. В-третьих, социальное пространство неразрывно связано с географическим, что и обуславливает применение подобного метода и в современных науках.

Первым фундаментальным трудом, автор которого применил метод социального картографирования к изучению проблем бедности и социального неравенства, является работа британского социального реформатора и исследователя Ч. Бута «Жизнь и труд населения Лондона»

[9]. Дальнейшие исследования подобного рода тесно связаны с Чикагской социологической школой (Р. Парк, Э. Берджесс и др.). Представители этой школы широко использовали метод картографирования для обозначения различных районов американских городов, прежде всего, Чикаго.

В зависимости от целей исследования могут применяться различные подходы к изучению социального неравенства при помощи метода картографирования. Во-первых, метод картографирования позволяет широко варьировать масштаб исследования. Подобный визуализированный метод позволяет одновременно использовать его как на уровне отдельного района или небольшого поселения, так и рассматривая социальные проблемы в глобальном масштабе. Так, широко известны карты, где при помощи цвета отражается, например, уровень дохода на душу населения. Классическими для современной социологии являются работы британского социального географа Д. Дорлингга по изучению социального неравенства в современных обществах [10]. Во-вторых, при помощи социального картографирования возможно изучение распределения различных ресурсов и свойств. Исходя из этого критерия, можно выделить социально-демографические, политические, экономические и другие виды исследований при помощи метода социального картографирования.

Анализ существующих исследований, реализованных на основе рассматриваемого метода, позволяет обозначить основные возможности и ограничения метода социального картографирования в изучении проблемы социального неравенства. Во-первых, основным достоинством метода является наглядность. В последние годы метод активно применяется и в нашей стране органами власти различного уровня для анализа территории и выявления возможных существующих проблем [11]. В частности, метод позволяет четко выявлять территории города, которые не доступны отдельным, например, маломобильным группам населения и людям с ограниченными возможностями. Во-вторых, метод социального картографирования также может быть использован для социального проектирования и конструирования [12], то есть для создания среды с необходимыми свойствами, что широко обсуждается в современной социологии [13,14]. При помощи этого метода могут рассматриваться различные варианты трансформации городов и районов. В-третьих, сопоставление карт одних и тех же территорий, составленных в разное время, будет способствовать выявлению динамики трансформации, например, городов, где подобным образом легко выявить процессы джентрификации и другие формы сегрегации (как желаемой и сознательной, так и вынужденной). Наряду с выявленными достоинствами и возможностями метода необходимо подчеркнуть его ограничения и недостатки. Во-первых, следует обозначить проблему масштаба. Необходимо обращаться к изучению неравенства на такой территории, которая позволит избежать возможного искажения карты при большом масштабе и невозможности выявить общие тенденции и характеристики изучаемого явления при мелкомасштабных исследованиях. Во-вторых, особую сложность представляет сопоставление карт при изучении на одной территории социального неравенства на основе нескольких показателей сразу. Наложение множества показателей уменьшает наглядность и точность распределения. В-третьих, ограничения метода социального картографирования в изучении социального неравенства связаны с необходимостью исследования той формы социального неравенства, которая может быть зафиксирована на карте. Не всегда можно обозначить на карте некоторые характеристики, например, распределение по религиозному признаку и даже по уровню дохода, так, в условиях Москвы, где советское прошлое позволяет найти людей, обладающих совершенно разным уровнем дохода, в границах одного района.

Несмотря на актуальность и востребованность метода в западных странах, в России его использование встречается не так часто. Проекты, реализуемые государством, чаще всего направлены на нанесение на карту различных социальных объектов – приютов, центров помощи, больниц и т.п. Тем не менее, изучение общества, в том числе проблемы социального неравенства, при помощи этого метода позволило бы предотвратить некоторые возможные социальные конфликты, сделать среду более доступной, а также способствовать развитию отдельных регионов с целью децентрализации производства и распределении человеческого капитала.

Таким образом, социальное картографирование, несмотря на некоторые сложности реализации метода и трудоемкость процесса, представляет собой эффективный способ изучения социального неравенства в современном мире. Картографирование может также выступать эффективным средством реализации социальной политики. Достижения в области компьютерных технологий значительно упрощают применение метода, а принцип наглядности, возможность проектирования и создания альтернативных моделей социального устройства делают его применение перспективным инструментом изучения современного неравного мира.

Библиографический список:

1. Вершинина И.А., Мартыненко Т.С. Неравенство в современном мире: обзор международных докладов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 3. С. 74-91.
2. Мартыненко Т.С. Глобальное неравенство как фактор нестабильности современного общества // V Всероссийский социологический конгресс Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Екатеринбург: Изд.-полигр. центр УрФУ, 2016. С. 514-522.
3. Стрельникова А.В. Социальное картографирование: эволюция метода // Вестник РГГУ. Серия Социология. 2013. № 2. С. 210-217.
4. Наберушкина Э.К., Сорокина Н.В. Картографирование доступности городской среды: аспекты социального неравенства // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 1. С. 27-42.
5. Вафина З.А. Социальное картографирование как инструмент решения социальных проблем города // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2012. № 11. С. 153-157.
6. Brady I. Social Cartography: Mapping Ways of Seeing Social and Educational Change // Vis. Anthropol. Rev. 2000. Vol. 16. № 1. P. 86-88.
7. Bastidas E.P., Gonzales C.A. Social Cartography as a Tool for Conflict Analysis and Resolution: The Experience of the Afro-Colombian Communities of Robles Social Cartography as a Tool for Conflict Analysis and Resolution: The Experience of the Afro-Colombian Communities of Robles // Peace Confl. Stud. 2009. Vol. 15. № 2. P. 1-14.
8. Liebman M., Paulston R.G. Social Cartography: a new methodology for comparative studies // Comp. A J. Comp. Int. Educ. 1994. Vol. 24. № 3. P. 233-245.
9. Booth C. Life and Labour of the People in London. London, 1889.
10. Dorling D. Class segregation // Social-spatial segregation. Concepts, Processes and Outcomes / ed. Lloyd C., Shuttleworth I., Wong D.W. Cambridge: Polity Press, 2012. P. 363-388.
11. Третьякова О.В. Социальное картографирование в системе муниципального управления // Омский научный вестник. 2008. № 4 (69). С. 73-76.
12. Руденко Д.Ю. Социальное картографирование как метод социального проектирования (на примере Тюменской области) // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2015. № 2. С. 13-17.
13. Добринская Д.Е. “Реальные утопии” в социологической теории Э.О. Райта // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 44-59.
14. Карасев Д.Ю. Теория революции Чарльза Тилли // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 4. С. 176-189.

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Надток С.А.

Науки о жизни и о человеке являются фундаментом, как научного мировоззрения, так и обыденного, практического восприятия жизни. Поэтому важно чтобы гуманитарное и естественнонаучное знание складывались в единую картину, что и составляет основу междисциплинарного подхода. По мнению Г. Хакена, методологическую основу рассмотрения всех этих разноуровневых нелинейных процессов и взаимодействий дает синергетика как общая теория

системного анализа совместного кооперативного действия разнообразных процессов становления в природе.

Становление идей синергетики, несмотря на их молодость уже стало предметом исследования и проанализировано во множестве работ. Возникнув в области физики, химии, приобретя соответствующее математическое обеспечение, синергетика достаточно быстро вышла за рамки этих наук, и вскоре биологи, а за ними обществоведы оказались под ее воздействием. Отчасти это объясняется своеобразным «узнаванием» синергетики биологами, социологами, экономистами, историками. Действительно, понимание того, что все имеет свою историю, которая сохраняется как системная память, что время является сущностной характеристикой физических процессов. А представление об обществе как целостной, саморазвивающейся системе начало формироваться даже раньше.

Синергетику пытаются создать рациональные модели, объясняющие «нерационально устроенный мир». В методологии социальной работы это течение получило название «социолого-синергетического» подхода. Этот подход обеспечивает представление о социальных сущностях как о целостных, развивающихся и самоорганизующихся системах и позволяет разрабатывать технологии выбора альтернатив, при которых социальная система сохранила или улучшила бы свое качество[3]. В синергетическом знании выделяют три следующих уровня (по степени общности): частнонаучный, общенаучный, мировоззренческий. Частнонаучный уровень – это теории самоорганизации в различных разделах физики, химии, биологии, социологии, психологии, появившиеся как обобщения решений вполне определенных задач, связанных с коллективными взаимодействиями, открытыми системами, их переходами от неустойчивого к устойчивому состоянию.

Общенаучный уровень – это концепции И. Пригожина, Г. Хакена, работы С.П. Курдюмова, Э. Ласло, Ф. Варелы, У. Матурана. На этом уровне становится ясной специфика синергетики как фундаментальной научной теории, то есть фиксируется наличие в ней теоретического конструкта, например, фрактала (понимаемого уже не как математического, но как общенаучного понятия). Философский (мировоззренческий) уровень – это современные прочтения даосизма, буддизма, диалектики, монадологии, учений о синтезе субъекта и объекта, системного подхода, попытки обобщения энергетической парадигмы, религиозно-философские учения о всеобщей взаимосвязи сотворенного бытия, о безмолвии, о синергии в православии и т.д.

Все это обобщается до попытки сформулировать синергетическую философию – и как мировоззренческое основание синергетики, и как самостоятельное направление философской мысли. Синергетическая философия (синергософия) разрабатывается главным образом в России (работы В.С. Степина, С.П. Курдюмова, В.И. Аршинова, В.П. Бранского, В.Г. Буданова, В.Э. Войцеховича, Е.Н. Князевой, А.П. Назаретяна и других).

Самоорганизацией называется процесс, переводящий открытую неравновесную систему, находящуюся в неустойчивом состоянии, в новое, более устойчивое состояние, характеризующееся более высокой степенью сложности и упорядоченности. Г. Хакену и И. Пригожину удалось показать и отразить в математических моделях, как из хаоса может появиться порядок. Самоорганизация сыграла роль в раскрытии специфики синергетики.

В общесоциологической синергетике выделены два крупных направления: теория общества как эволюционирующей диссипативной системы и концепция универсальной истории.

Важность развития социальной синергетики увеличивается ещё и потому, что многие иные «стандартные» способы исследования социума редко дают достаточно полную картину изменений и взаимодействий в обществе. Данный ответ дает именно социальная синергетика.

Социальная синергетика в России, как отмечает О.Н. Астафьева[1], развивается в двух основных направлениях философских и социально-культурологических исследований: фундаментальном и прикладном. В рамках теоретического направления изучаются и разрабатываются:

- основные принципы и стратегии синергетики, как методологической основы социальной синергетики - трансдисциплинарность, междисциплинарное согласование и диалог; нелинейная динамика и нелинейное мышление;

- поведение открытых самоорганизующихся социальных (человекоразмерных) систем и т.д.

Не менее интенсивным является развитие прикладного направления социальной и (или) социокультурной синергетики, в рамках которого выявляются механизмы самоорганизации социокультурных процессов разных уровней социальных сообществ - цивилизационном, региональном и т.д. Важной особенностью социальной синергетики является наличие в исследованиях «срединного» слоя, когда намечаются взаимопереходы от теоретического уровня исследования к эмпирическому и наоборот [2].

Таким образом, синергетический подход в социальных науках стремится создать рациональные модели объяснения социальной жизни и общества.

Библиографический список:

1. Астафьева О.Н. Синергетика: энциклопедические очерки о становлении научного направления в России // Перспективы синергетики в XXI веке: сб. материалов междунар. науч. конф. Белгород, 2004. Т. 3. С. 34.

2. Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999.

3. Аршинов В.И., Войцехович В.Э. Синергетическое знание: между сетью и принципами // Синергетическая парадигма. М., 2000.

4. Кузина И.Г. Теория социальной работы. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2006. 230 с.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КОНСЕРВАТИВНАЯ ВЕРСИЯ «КОНЦА ИСТОРИИ»

Нефедев С.Н.

Модернистская версия «конца истории» хорошо известна. Процесс глобализации под эгидой неолиберального глобализма был провозглашен Ф.Фукуямой современной формой исторического финализма, предполагающей завершение качественной эволюции экономических и политических институтов, как итога исполнения проекта Модерна. В условиях консенсуса по поводу необратимого характера глобализации, прогрессирующей интеграции обществ, формирования и развития транснациональных отношений, организаций и структур, камнем преткновения остается проблема формирования нового миропорядка, места национального государства в нем, перспективы социокультурной идентификации, групповой и политической лояльности граждан.

Финансовый капитализм разрушает традиционные формы социально-экономической и гражданской консолидации граждан, а либерализм попирает демократию, в результате чего формируется манипулятивный постдемократический право-популистский социально-политический порядок. Ф.Фукуяма (2012) выдвигает тезис о необходимости «дискуссии о социально-экономическом устройстве, поскольку нынешняя форма глобализованного капитализма разрушает базу среднего класса, на котором держится либеральная демократия» [3].

Спектр возможных вариантов культурной и гражданской идентификации в условиях глобализации простирается от этнонационалистических, религиозно-фундаменталистских, мультикультурных, до постнациональных космополитических форм идентичности. У.Бек, выступая в качестве теоретика и сторонника транснациональной формы государственной организации, ставит вопрос: «может ли в гражданских обществах ... возникнуть сознание космополитической принудительной солидарности?», искусственно сформирована транснациональная (постнациональная) гражданская идентичность [1, с. 190], в которой «социальные и политические связи и идентичности должны мыслиться как перекрывающиеся в понятиях глобальных, региональных, национальных и локальных» мотиваций социальных и индивидуальных практик [1, С. 197].

М.Кастельс, анализируя влияние технологических факторов на экономические и социальные институты в условиях глобализации (информатизацию, ведущую к доминированию сетевых форм организации), обращает внимание на роль культурной (этнической, религиозной) и социальной

идентичности (сопротивления, проактивной), при наложении которых резко возрастает вероятность радикализации возникающих «гибридных» видов идентичностей [2]. Причем такие идентичности могут конструироваться посредством политических, социальных и гуманитарных технологий.

В чем может состоять консервативный вариант завершения истории? Консервативную идеологию возврата к концепции сосуществования национальных государств, приоритета национальных интересов, можно рассматривать как антимодернистскую реакцию со стороны обществ, проигрывающих от процессов глобализации. В условиях неприемлемости либерального варианта конца истории для конкретных политических элит или отдельных народов может происходить обращение к традиционным социально-политическим, культурным институтам и моделям функционирования общества, что представляет собой консервативный, либо фундаменталистский проект «завершения истории». Универсалистский формационный подход презентации истории вырождается в локалистский – цивилизационный. Порождающая глобальные эффекты и возмущения, внутренняя динамика конкретной цивилизации, мыслится неспособной породить универсальные культурные формы, механизмы упорядочивания и контроля глобальных процессов.

В условиях глобализации сформировался некий механизм трансмиссии – переключения/передачи вовне присущих обществам внутренних напряжений. Экономические и социальные проблемы обществ обретают характер глобальных проблем. Так, присущий обществу потенциал социальных напряжений: 1) проявляется не в виде классового конфликта, а принимает форму ксенофобии, радикального национализма, религиозного фундаментализма и т.п.; 2) разрешается не в форме социальной революции, а посредством массовых миграций; 3) внутривнутриполитические проблемы решаются внешнеполитическими способами. Из сложившейся ситуации существуют два радикальных (ведущих не к количественным, а качественным изменениям) выхода: 1) новая мировая война национальных государств и их блоков (пока протекающая в виде конфликтов «низкой интенсивности»), либо, 2) новый глобальный гражданский конфликт (гражданская война в мировой «глобальной деревне»). Вызревание глобальной формы общечеловеческого гражданского конфликта отстает от процессов трансмиссии внутривнутригосударственных политических конфликтов в межгосударственные конфликты, а, возможно, специально направляется в это русло национальными и транснациональными элитами. Современными причинами этого отставания являются: 1) кризис левой политической идеологии как социальной и альтерглобалистской альтернативы; 2) отсутствие консолидированных социальных групп (диссоциация пролетариата, «среднего класса») как носителя этой идеологии; 3) отсутствие обществ и государств, успешно реализующих указанный социально-экономический и социально-политический идеал. Характеристику распада СССР В.В. Путиным, как «крупнейшей геополитической катастрофы XX века», необходимо дополнить утверждением, что отказ СССР (и постсоветской России) от социалистического пути развития стал крупнейшей социальной катастрофой XX века: реальной – для подавляющего большинства населения постсоветских государств, концептуальной – для человечества в целом, утратившего значимую цивилизационную альтернативу своего развития. По признанию самого У.Бека, «на ключевой вопрос Второго модерна: как возможна социальная справедливость в эру глобальности? – ни у кого нет ответа» [1, с. 266].

В современном мире функционирует ряд механизмов, противодействующих социально-классовой консолидации: 1) этническое возрождение (мультикультурализм, культурный изоляционизм), 2) радикальный национализм (этнический, политический), 3) религиозное возрождение (фундаментализация сознания), трансформирующее межнациональные конфликты в «конфликт цивилизаций», 4) неокорпоративизм. Будучи порождением глобализации, указанные процессы чреватые новыми проявлениями сепаратизма, геноцида и этнических чисток, религиозных войн, а неокорпоративизм из перспективного на определенных этапах социального развития способа обеспечения баланса социальных, групповых интересов в обществе, превращается в инструмент постдемократического лоббизма и манипуляций. Ф.Шмиттер отмечает, что «под влиянием неокорпоративистской практики происходит постепенная трансформация современных демократий. Наряду с индивидами (если не взамен последних) своего рода гражданами становятся

организации... демократия становится все более связанной «интересами», все более «организованной» и все более «непрямой» [4, с. 311]. Понятие корпорации подменяет понятие гражданского объединения, а гражданское общество сводится к совокупности корпоративных структур и отношений.

Консервативная идеология в средне- и долгосрочной перспективе, вместо стабилизации и консолидации, может вести к сословно-корпоративной, мультикультурной, религиозно-конфессиональной фрагментации общества, его дедемократизации и архаизации социальных отношений.

Библиографический список:

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма - ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.

2. Кастельс М. Могушество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 296-308 .

3. Фукуяма Ф. Будущее истории: сможет ли либеральная демократия пережить упадок среднего класса // Россия в глобальной политике. 2012. № 1. С. 8-21. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Buduschee-istorii-15456>

4. Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // Политология: хрестоматия / сост. проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. С. 305-318.

ВИЗУАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ГОРОДА

Панфилова А.О.

Городское пространство как место жизнедеятельности большого количества людей, безусловно, способно влиять на их личностные и социальные качества, изменять вектор оценки социального самочувствия и уровня социальной защищенности. Его организация показывает особую значимость своей инфраструктурной части, специфику ландшафта, отражает факторы социальной экологии города.

Принимая во внимание всю современную значимость процесса урбанизации, его очевидное глобально-социальное продолжение и усиление, можно утверждать, опираясь на уже имеющиеся научные данные, что внешний вид, визуальный облик городских объектов отражает цели и идеологию города, его экономику, его социокультурное «лицо» и идентичность, актуальные устремления людей, а также их повседневные практики. «Свойства городской среды информируют нас о макроэкономических и политических силах, а также отражают формы социального неравенства, «опривыченные» в данном обществе» [1, с. 27]. Соответственно, социологический анализ этих объектов способен дать ценную информацию о жизни современных горожан, проблемах, обусловленных городским образом жизни, социальной силе и характере города.

Современные исследования в области социологии города весьма разнообразны, во многом детерминированы продолжающейся урбанизацией и сопутствующими ей явлениями, актуальны и имеют разнонаправленный характер. Наиболее значимыми из них являются:

- качество городской среды, качество жизни (включая их экологический аспект);
- планирование социально-экономического развития города, городское управление;
- городские сообщества, социальные движения, социальная активность;
- социальные проблемы в городском контексте;
- городской образ жизни (урбанизм), характер коммуникаций;
- культурно-символическое содержание городского пространства, социокультурное влияние архитектурных сооружений [2, с.80].

Вместе с этим, определенно можно отметить повышение социологического интереса к визуальным методам исследования общественного пространства вообще и городского, в частности. Их сущность можно определить как «процесс, в ходе которого изучение предмета исследования производится на основе обращения к визуальным документам. Говоря о визуальных методах в социологическом исследовании, мы имеем в виду способы сбора и анализа данных, основанных на

привлечении визуальных материалов (прежде всего, изображений) в качестве исследовательского инструмента или источника информации» [3, с. 36-37].

В таком ключе интересные исследовательские возможности предоставляет, например, метод социального картирования. Его суть состоит в нанесении респондентом на карту города мест, имеющих для него особый смысл, отражающий его социальный опыт в условиях этой среды. Таким образом, на карте появляются места, представляющие большую опасность посещения, дискомфортные общественные зоны, объекты желательного и приятного посещения. Общая цель такой работы заключается в конструировании социальной карты городского пространства с нанесением на нее значимых зон, точек, ареалов с точки зрения его жителей. Через их субъективно-документальное обозначение на карту наносятся объекты, наиболее выражающие эмоции респондентов - настроения, ожидания, надежды, страхи, тревоги и т.д. Для более глубокого наполнения затем целесообразно подключить метод интервью (проблемного или описательного) и интерпретировать визуальные данные (с карты) с личностными высказываниями на этот счет респондентов.

Более детально исследовательские задачи социального картирования могут включать:

- визуализация «болевых», проблемных мест города; «точек» спокойствия и зон напряженности, а именно:

а) выявление точек максимальной напряженности (какие районы, точки города вызывают наибольший дискомфорт, напряжение, страхи, тревогу и т.д.);

б) выявление точек психологического комфорта и спокойствия, то есть выявление пространственного фактора комфортности городской среды;

в) обозначение мест, нежелательных для посещения (с указанием причин – например, в ходе последующего интервьюирования), а также наиболее проблемных зон в городе. Это могут быть экологически неблагоприятные районы (например, во Владивостоке – это территория вокруг мусоросжигательного завода или ТЭЦ-2); более криминальные в субъективном восприятии районы; районы с более высокой концентрацией мигрантов; психологически дискомфортные зоны и т.д.;

- обозначение желательных для посещения мест в городе (а также желательных, но недоступных в силу каких-либо причин, например, ограниченных возможностей респондентов);

- обозначение мест, наиболее нуждающихся во внимании местных властей (дороги и транспортные развязки, скверы и зеленые зоны, памятники и исторические места города, отдельные здания и т.д.);

- оценка восприятия жителями архитектурного облика города, передача ценностно-символического смысла городских объектов, их субъективная интерпретация респондентами.

В зависимости от поставленных исследовательских целей и задач, реальную помощь в их реализации могут внести тематические фотографии и видео, снятые на сформулированную исследователем тематику. Так, это может лечь в основу исследовательской мотивации студентов соответствующих профилей обучения – социологов, социальных работников, специалистов в области рекламы и коммуникаций, ландшафтных дизайнеров, специалистов по проектированию городского пространства. Такая работа хорошо соотносится с виртуальным параметром современных социальных отношений, когда фото- и видеосъемка стали доступными практически всем, в высоком качестве, на самые различные темы. Нынешний уровень развития социальных сетей генерирует особую визуальную культуру и отношение к ней, а также совершенно иной подход к внешней репрезентации, приданию ей новых смыслов и граней значимости.

Это говорит о том, что стоит развивать исследовательский потенциал визуальных методов, включать их инструментарий в эмпирические социологические программы. К примеру, Новосибирский государственный университет второй год проводит конкурс социологической фотографии «NSU Social View 2017», вызывающий интерес молодежной аудитории [4]. Такие мероприятия дают возможность студентам оттачивать навыки работы с социологическими данными, их анализом, кодированием и расшифровкой, применяя для этого привычные фотопрактики.

Кратко резюмируя суть, отметим, что визуальные методы способны расширить и обогатить знания о структуре и характере коммуникаций в городской среде, способствовать их семиотическому и семантическому анализу. Их корректное применение, особенно в связке с другими методами социологического анализа – как количественного, так и качественного – может помочь в репрезентации социального облика города, в попытке визуализации его «болевых», проблемных мест; точек «спокойствия» и точек максимальной напряженности, в изучении ценностно-символического наполнения объектов городской среды. Таким образом, специфические визуальные материалы и технологии работы с ними являются перспективным инструментом познания социокультурных граней городской реальности.

Библиографический список:

1. Наберушкина Э.К., Сорокина Н.В. Картографирование доступности городской среды: аспекты социального неравенства // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т.10. № 1. С. 27-42
2. Щербакова И.В. Социологическое исследование города: диагностика проблем и гражданская дипломатия // Территория и планирование. № 5(29). 2010. С.78-82
3. Орех Е.А. Визуальные методы в изучении пространства современного города // Человекознание: история, теория, метод. 2014. № 6. С. 35-45.
4. Конкурс социологической фотографии «NSU Social View 2017». Электронный ресурс. Режим доступа: <http://nsu.ru/socialphoto2017> (дата обращения: 23.10.2017).

КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ И «НАЦИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ»: К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

Подъячев К.В.

Вопрос об особенностях российского социума, специфике протекающих в стране социально-политических процессов, конечно же, ставится не впервые. Является ли Россия особой цивилизацией, и если да, то в чём её специфические черты – эта задача сформулирована отнюдь не вчера. Если рассматривать возникающие вокруг этой проблематики дискуссии, как продолжение спора «западников» и «почвенников», восходящего ещё к Радищеву и князю Щербатову [1, с. 133], то можно думать, что им около полутора веков. Но в последние годы эта полемика приобрела особую остроту. Об «особом пути», специфике российской цивилизации говорят уже и представители властей, начиная с Президента. А главное, изменяется общественное мнение. И есть все основания полагать, что на него влияет не государственная пропаганда, а, наоборот, вслед за настроениями большинства граждан меняется официальная риторика. Социологические исследования последних лет отмечают, что даже у представителей среднего класса, считавшихся носителями более космополитичного, «постмодерного» сознания, возникло «осознание... неприменимости ряда норм и ценностей западной культуры в российских условиях, неприемлемости стандарта, который... используется странами Запада в оценке России» [2, с. 344]. В значительной степени этому способствовали события на Украине, «русская весна», воссоединение Крыма с РФ и т. п. Но, хотя все эти события и оказали влияние на публичный дискурс, заставив многих задуматься, проблема специфики российской социальной реальности была порождена не ими.

Задолго до всех этих событий академик М. Горшков писал: «...совершенно очевидно, что по сравнению с большинством других, и прежде всего западных стран, Россия обладает особенностями, существенно затрудняющими анализ, оценку и прогноз направлений, происходивших и происходящих в ней... перемен» [3, с. 12].

Проанализировав литературу, посвящённую социальным и политическим процессам в России, нетрудно увидеть: если изучать их, опираясь на господствующие сегодня в социальных науках методологические концепты, то мы легко получим образ страны перманентно отсталой, население которой граждански неразвито и пребывает в плену патерналистско-клерикальных мифов. Собственно,

это совпадает с образом России, воспроизводимым основными мировыми медиа. Но никак не уйти от вопроса, каким же образом такая страна за 300 лет расширилась до 1/6 мировой суши, неоднократно успешно отразила натиск соединённых сил Европы*, в рекордные сроки овладела ядерными технологиями, первой вышла в космос и т. п. И как же, наконец, удалось восстановить военную мощь и (в некоторой части) экономику после тяжелейшего кризиса 1990-х.

А пока убедительный, теоретически и эмпирически обоснованный ответ на этот вопрос не получен, говорить о хоть сколько-нибудь успешном развитии социально-гуманитарного знания в стране, на наш взгляд, не приходится.

Обозначенная проблема очень обширна и многоаспектна, её никак невозможно осветить в рамках одного доклада. О собственно методических её аспектах мы уже говорили ранее [4, с. 689], здесь же хотелось бы обратить внимание на более фундаментальные теоретико-методологические вопросы.

Как мы уже указывали [4, с. 690], в наших исследованиях российских локальностей сочетались классические качественные методы (глубинные интервью, фокус-группы и т. п.) с инструментами визуальной социологии, непосредственным наблюдением, элементами интуитивного знания, всем тем, что называется «третьей социологией» [5, с. 3]. В нашей работе очень большое значение имел интуитивный элемент, хотя многими исследователями он отвергается как ненаучный. Действительно, интуитивное знание имеет тот недостаток, что оно с большим трудом поддаётся верификации и адекватной трансляции. Тем не менее, мы полагаем, что в нашем случае оно необходимо. Да, сегодня благодаря широкому распространению веб-технологий информацию можно получать, не отходя от монитора. Можно вести и нечто вроде визуального наблюдения: для этой цели сгодится хотя бы и сервис «панорамы» на Яндекс-картах. Но при этом никакие фотографии и даже видеоматериалы не могут передать главного: атмосферу жизни, непосредственное ощущение той среды, в которой разворачивается жизнедеятельность наших респондентов. Что же касается СМИ и блогосферы, то они полны взаимоисключающей информации, верифицировать которую, не проведя непосредственного наблюдения, невозможно.

Вообще в вопросе о роли визуального наблюдения и интуитивного знания в социологии уместна аналогия с двумя направлениями классической японской поэзии: вака, возникшим в VI – VII вв., и хайкай, зародившемся в XVI в. Выдающийся филолог, тонкий знаток японской классической литературы Т. Соколова-Делюсина писала об этом: «... будучи связанным с вака генетически, хокку – поэзия принципиально иного типа. Для поэта, пишущего вака, природа, окружающий мир представляют собой набор символов, которые он использует для того, чтобы сообщить о своём чувстве... Ему совершенно необязательно видеть то, о чём он пишет... Поэт, пишущий хокку, относится к... природе совершенно иначе. Для того, чтобы создать хокку, он должен прежде всего ощутить – увидеть, услышать, осязать и даже обонять то, о чём он сочинит стихотворение, причём... уловить элемент вечности, всеединства в определённости сиюминутного облика... Поэт хайкай может писать только о том, что увидел собственными глазами» [6, с. 30]. Так вот, наша работа сродни стилю хайкай, мы – своего рода поэты хокку в социологии.

Поэтому для нас необходимо работать в регионах непосредственно, не останавливаясь только на столицах субъектов РФ, добираться до районных центров и сельских поселений. Также важной частью используемой методики является интервьюирование респондентов непосредственно на их рабочих местах, что позволяло наблюдать обстановку, в которой разворачивается их повседневная деятельность. Значительное внимание уделялось нами визуальному наблюдению, для чего внимательно осматривались и фотографировались не только архитектурно-градостроительные доминанты, но и различные объекты городской среды, инфраструктуры, жилые дома, интерьеры органов власти, учреждений образования и культуры, изделия местных творческих студий и т. п. Фотографии отдельно анализировались нами на предмет обнаружения разного рода позитивных и негативных признаков, символов и знаков, характерных черт общей атмосферы и т. п. Каждый день

---

* 1812 – 1814 гг., 1854 – 1856 гг., 1914 – 1920 гг., 1941 – 1945 гг.

работы завершался общими «посиделками», в ходе которых детально обсуждалось всё увиденное и услышанное, при этом осуществлялась аудиозапись нашей беседы, чтобы все участники впоследствии могли обратиться к ней в процессе работы над материалом. Проведённые таким способом исследования более чем в 20 субъектах РФ показали существенное расхождение между образом регионов в популярном дискурсе и тем, что доводилось наблюдать при посещении локальных сообществ. На основании этого был сделан вывод, что количественные методы и институциональный анализ плохо работают в российских регионах, их эвристический потенциал для анализа локальных сообществ мал.

Но это говорит не только об эвристической недостаточности некоторых теоретико-методологических концептов в социологии. Это указывает, по нашему мнению, на проблемы мета-теоретического, гносеологического уровня. Институционализм, различные версии структурно-функционального подхода и вместе с тем количественные методы – всё это принадлежит к той мета-теоретической парадигме, которую Ж. Тощенко назвал социологическим реализмом [7, с. 16-17]. А эта парадигма есть не что иное, как социологическая ипостась аналитической гносеологии. Она основана на предположении, что всё сущее, недоступное для человеческого познания, может быть мысленно расчленено на более простые сущности, которые возможно осмыслить силами интеллекта. Эта линия мышления уходит корнями в античность, а окончательно возобладали в западноевропейской мысли, вероятно, со времени Декарта и Бэкона.

В противовес ей холистическая гносеология предполагает целостное познание предмета (пусть и не детализированное), в котором важное значение играет интуитивный элемент. Противостояние их прослеживается во всей известной нам истории познания и мышления. И до сего дня есть все основания говорить о «серьёзном методологическом кризисе современного социального знания, не способного дезавуировать наиболее яркие и устрашающие эффекты господства режима социальной онтологии Нового времени» [8, с. 7], каковая и была вызвана к жизни тотальным торжеством аналитической гносеологии.

Опробованные нами качественные и визуально-интуитивные методики, указывают на возможность преодоления главных недостатков социологического реализма (и аналитической гносеологии вообще): статизма, движения «от одного сочетания вещей к другому, от одновременности к одновременности» [9, с. 178], и, как следствие, неспособности уловить процесс [7, с. 32].

Без сомнения, академическая наука как таковая невозможна без анализа, логики, рассуждения, т. е. аналитической гносеологии. Но, как мы пытались показать на примере одного исследовательского «участка» (а именно российских локальных сообществ) без внедрения некоторых элементов гносеологии холистической, дальнейшее развитие социальных наук становится весьма проблематичным. Отметим, что именно отечественные учёные ещё в 1970-х, первыми в новейшей истории, обратили на это внимание [10].

Исходя из сказанного выше, можно утверждать, что сегодня необходимо искать не только методики исследований, позволяющие замечать ранее ускользавшие от наблюдения социальные феномены, но и критически пересматривать методологические концепты, которые не позволяли видеть важных явлений.

Следует подумать над тем, какой должна быть наша «национальная социологическая школа», смысл которой не в удовлетворении чувства национальной гордости, или своего рода научном «импортозамещении», но в более глубоком познании характерных особенностей российского социума, выявлении констант российской политики, культуры, массового сознания вообще. Несомненно, нам не нужна автаркия, но открытость миру не должна означать игнорирования или горделивого отрицания специфики собственной страны. И, как представляется, опробованные в локальных исследованиях методологические инструменты, и связанные с ними теоретические концепты, могут быть весьма полезны в дальнейшем развитии социологической науки в России.

Библиографический список:

1. Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история: от Екатерины Великой до Александра II. М.: Мысль, 1994.
2. Средний класс в современной России: опыт многолетних исследований / под ред. ак. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2016.
3. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. М.: Новый хронограф, 2011.
4. Подьячев К.В. О применении качественной (визуальной) социологии при анализе социального развития регионов России // Проблемы моделирования социальных процессов: материалы Второй всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. И.Г. Кузина. Владивосток: ДФУ, 2016. С. 688-691.
5. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь: новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 3-11.
6. Японская поэзия. Антология. СПб.: Северо-запад, 2000. 662 с.
7. Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с.
8. Вызовы современности: социальное знание и ценностные императивы / под ред. Э.Ю. Майковой. Тверь: ТвГТУ, 2016. 159 с.
9. Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь. М.: РОССПЭН, 2010. 399 с.
10. Шубкин В.Н. Пределы // Новый мир. 1978. № 2. С.187-217.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ИМИДЖА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Сапрыкина И.Э.

Интерес к исследованию имиджа образовательных организаций в настоящее время возрастает в российской науке. Это связано с рядом процессов, произошедших в российском обществе за последние годы, а также тем влиянием, которое сфера образования оказывает на облик современного российского общества и мира в целом. Так, в рамках международных отношений России и стран АТР образование является одной из ключевых тем азиатского диалога сотрудничества и кооперации. Реформы системы образования, экономические и социальные изменения, переход высшего образования в сферу услуг и его коммерциализация вызывают необходимость корректной адаптации сферы образования к современным реалиям.

Отдельным вопросом для рассмотрения является корректное управление образовательными организациями в контексте меняющихся условий. Формирование имиджа в настоящее время признается одним из актуальных инструментов управления образовательной организацией, что обусловлено возникновением конкуренции в образовательной сфере и другими процессами.

В связи с возрастающим интересом к исследованию имиджа организаций актуальным представляется вопрос о методологии таких исследований, применения в той или иной степени качественных и количественных методов социологического исследования, корректного определения переменных и индикаторов для проведения эмпирического исследования имиджа. При этом, в случае изучения имиджа именно образовательной организации и, в частности, вуза, исследование приобретает свою специфику, поскольку имидж образовательной организации, в отличие от коммерческой структуры либо организации любого другого типа, включает в себя особые элементы. Так, некоторые исследователи относят к ним представления о личности ректора, об истории и традициях вуза, о популярности вуза в СМИ, о социальной деятельности, о красоте здания и т. д. [1].

Некоторые из таких имиджевых элементов, незначительные для бизнес-структуры (например, личность главы бизнес-корпорации, которая иногда остается мало известной), в случае образовательной организации приобретают совершенно другое значение (личность и деятельность ректора, декана, преподавателей может являться публичной), что обуславливает неприменимость общих разработанных методов исследования и формирования имиджа (имидж-мейкинг) к образовательным организациям. Также автор настоящей публикации настаивает на невозможности

автоматического применения зарубежного опыта формирования имиджа вузов и необходимости корректной адаптации к условиям российской действительности.

В настоящее время в эмпирических исследованиях используются различные методы исследования, а также переменные для изучения имиджа образовательных организаций. Пример количественного исследования имиджа вуза приведен в исследовании ФОМ «Имидж МГУ и престиж российского образования» и ряде других исследований. В данном случае имидж в представлении респондентов выявляется с помощью вопросов «Скажите, пожалуйста, что первое приходит Вам в голову, когда Вы слышите слова «Московский государственный университет (МГУ) (открытый вопрос)», «Как Вы считаете, высшее образование, которое дает Московский государственный университет, соответствует мировому уровню, выше или ниже этого уровня?», и других вопросов [2].

Поскольку имидж часто отождествляется с образом, представлением в сознании человека, это явление представляется сложно измеряемым количественно. Упомянутые элементы имиджа вуза с точки зрения структуры организационной культуры относятся к глубинному, ценностному уровню, а некоторые образы и представления могут быть неосознаваемы респондентом. Для выявления наиболее глубинных представлений об образе организации и корректного её отображения могут быть эффективно применимы проективные методики социологии, которые, в сочетании с количественными исследованиями дадут наиболее корректный результат. На взгляд автора настоящей публикации, этот ряд особенностей обуславливает необходимость анализа и разработки применения качественных методов и их сочетания с количественными методами для измерения состояния имиджа организации.

Библиографический список:

1. Сидорова В.Л. Формирование эффективного имиджа вуза // Вестник Волгоградского университета. Серия 6. С. 13
2. Имидж МГУ и престиж высшего образования. База данных ФОМ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bd.fom.ru/report/map/dd050323>

СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Сушко В.А.

Зарождение идеи социальных сетей можно видеть в сочинениях отцов-основателей социологии Э.Дюркгейма, Ф.Тенниса и Г.Зиммеля. Как справедливо указывает в своей диссертации Е.А.Лавренчук [1], о социальных отношениях, обладающих сетевой структурой, писал в 1903 г. Г. Зиммель в работе «Большие города и духовная жизнь» [2, с. 20-27], где проведен анализ влияния урбанизации на формообразование социальных групп и социального взаимодействия индивидов. Дюркгейм изучает структуру общества в связи с его социальной организацией и коллективным сознанием людей, которых сплачивают в единое целое общие верования, ценности и нормы. В социальной солидарности он видел новое качество, благодаря которому целое превышает сумму частей [3]. Идеи сетевого подхода можно заметить в учении об обществе и общине Ф.Тенниса [4, с.35]. У Г.Зиммеля косвенное указание на идею социальных сетей и влияние размера сети на взаимодействие людей можно видеть в том, как он описывал природу социальных групп и социального взаимодействия [5].

Само понятие «социальная сеть» включает некий круг знакомых человека, где есть сам человек – центр сети, его знакомые – ответвления сети и отношения между этими людьми – связи. В отличие от социальных структур, представляющих достаточно жесткий «каркас» устоявшихся социальных отношений, социальные сети относятся к числу гибких или «мягких» структур, способных управлять малыми социальными взаимодействиями. «Рассыпанные» социальные сети, объединяясь, собираются в мощную субъективную композицию. Складывается сложная сеть, охватывающая максимальное число индивидов. В те исторические времена, когда отсутствовали современные телекоммуникации, они представляли собой обычные сети человеческих взаимоотношений. Социальные взаимосвязи связывают не столько человеческие личности, сколько позиции. Это сплетение идей, правил, действий и интересов. Пронизывая социальное пространство всем спектром «вертикальных» и «горизонтальных» связей, социальные сети аккумулируют значительный социальный капитал на

основе доверия, взаимной поддержки, симпатий, предпочтений, участия в общих делах. Именно социальные сети составляют «живую ткань» общественной жизни и позволяют участникам эффективно взаимодействовать для достижения общих целей [6, с. 60].

С момента своего возникновения сетевой анализ формировался как междисциплинарное направление, в котором объединяют свои усилия психологи, социологи, специалисты по коммуникациям, антропологи, математики и статистики. Междисциплинарная теория социальных сетей развита в работах Л. Фримана, Д. Ноука, П. Марседена, С. Вассермана, Б. Веллмана, С. Берковица и др.

Сетевой анализ, основанный на теории графов, позволяет установить потоки обмена между стратами, выявить узловые вершины и определить их стратификационные характеристики. В сети необязательно личное присутствие, непосредственный контакт, постоянное общение, пространственная близость для того, чтобы множество людей считать социальным целым [7, с. 320]. В ходе развития и формирования сетевого анализа все чаще обсуждались вопросы о том, что считать элементарной единицей сети, ее узлом, как трактовать отношения между узлами, каков объект и предмет анализа социальных сетей (могут ли попадать сюда формально структурированные и жестко детерминированные объекты, например бюрократические структуры).

Предмет анализа социальных сетей - структура регулярных отношений. Математический аппарат позволяет исследовать: 1) реляционные свойства (связи и отношения), 2) атрибутивные данные. Методология сетевого анализа позволяет использовать разные данные: особенности акторов, групп и подгрупп, позиций и целой сети. Сетевой анализ позволяет описать процессы взаимодействия между социальными акторами, обменивающимися разными типами ресурсов или «потоков» (капиталом, информацией, технологиями, изображениями, звуками и символами) [8].

Социология для обозначения узлов социальных сетей использует термин «актор». Иногда в качестве синонима используется термин «агент».

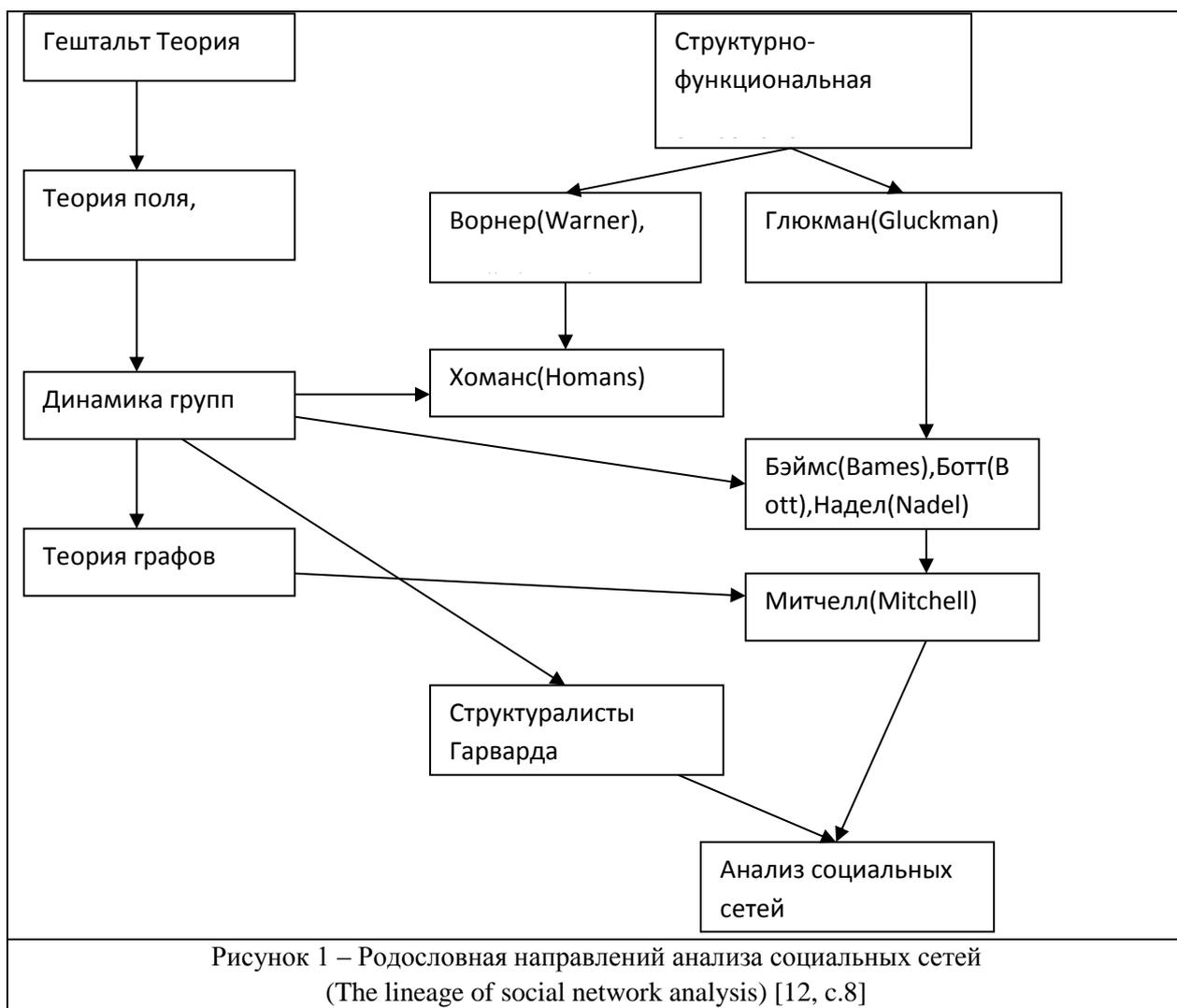
Актеры социальной сети подразделяются на первичных (индивиды и группы) и вторичных – социальные организации и социальные институты. Первичные акторы неформальные, вторичные – формальные. В качестве акторов могут выступать, к примеру, домохозяйства, обменивающиеся между собой теми или иными ресурсами, как-то: доход, информация, индивиды, подарки, натуральные продукты, орудия труда и т.д. Акторов иногда называют обобщенно «артефактами» социальной сети. В социологии различают акторов-людей (human actors) и акторов-не-людей (non-human actors) [9, с. 871-887]. Среди акторов-не-людей можно назвать понятия, нарративы (рассказы), социокультурные практики, организации, артефакты. «Люди могут приписать рассказанные истории объектам, включить их в социальную сеть и создавать взаимодействия с ними. Но социальное действие исходит только от людей» [10, с. 35]. Теория «актор-сеть» считает акторов-людей и акторов-нелюдей равнозначимыми.

Акторами считаются люди или группы, находящиеся в отношениях обмена. Акторы описываются (характеризуются) атрибутами. Полученная в результате эмпирического исследования схема связей между акторами образует сетевую структуру группы или общества.

Ключевой характеристикой социальной сети является то, что каждый человек связан с другими посредством прямых или косвенных связей. Это не означает, что каждый человек должен знать, взаимодействовать или находиться под влиянием любого другого человека в сети. Однако все вместе они связаны незримой структурой взаимосвязанной сети.

По мнению Дж. Скотта [11, с. 7], существует множество самых разных направлений (линий) в развитии современного анализа социальной сети, появившихся в самое разное время и в своей совокупности образующих своеобразную «родословную» данного метода (lineage of social network analysis). На этом «родословном древе» выделяются четыре основные линии: 1) гештальт-теория, 2) теория поля и социометрия, 3) групповая динамика, 4) граф-теория (см. рис.1). Эти линии современного анализа социальной сети послужили фундаментом социометрической аналитики, которая породила много технических достижений с помощью методов граф-теории.

Независимую линию на «родословном дереве» представляет структурно-функциональная антропология, исследования и теоретические поиски в которой стимулировали формирование как социометрии, так и сетевого анализа (Уорнер, Мэйо, Глюкман). На пересечении двух линий родились в середине XX века теоретико-методологические достижения Хоманса, Барнса, Бота и Наделя. Важную роль первоисточника здесь сыграла групповая динамика. Она же вместе с антропологией Рэдклифф-Брауна повлияла на исследования гарвардских структуралистов, а через них – на возникновение современного анализа социальных сетей. Социологи и психологи Гарвардского университета в 1930-х годах исследовали паттерны межличностных отношений и формирование «клик». Манчестерские антропологи объединили обе первые линии и построили на их основе методологию исследования структуры общинных отношений в племенных и сельских сообществах. В эту схему, на наш взгляд, необходимо добавить имена Рэдклифф-Брауна, Хайдера, Кёлера, Уайта, Морено, Ньюкомба и др (см. рис. 1).

Сетевой анализ берет свои теоретические истоки из антропологии, социологии и социальной психологии. Якоб Морено заложил то, что сейчас называют фундаментом, как социометрии, так и сетевого анализа, хотя сам этот термин появился позже. Социометрический метод группового анализа представляет собой первую попытку эмпирического измерения коммуникационных процессов на групповом и субгрупповом уровнях. Новаторская деятельность Морено касается не только экспертизы социальных отношений в малой группе, но также фундамента групповой субкультуры

Анализ социальных сетей ведется на нескольких уровнях общества и общностей: уровень актора, микро-уровень (диады и триады в малой группе), уровень подмножеств, мезо-уровень, уровень

организаций (формальные и бюрократические структуры), макро-уровень. Поскольку сетевая теория, по сути, не выражает никакой мировоззренческой позиции, а применяемые ею абстрактно-математические методы универсальны, то современные исследователи сошлись во мнении, что сетевая теория является «метатеорией».

Библиографический список:

1. Лавренчук Е.А. Аутопойезис социальных сетей в интернет-пространстве. Дисс. канд. филос. наук. М., 2011.
2. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3-4. С. 20-27.
3. Durkheim E. De la division du travail social: étude sur l'organisation des sociétés supérieures, Paris: F. Alcan, 1893.
4. Tönnies, F. Gemeinschaft und Gesellschaft, Leipzig: Fues's Verlag, 1887.
5. Simmel G. Soziologie, Leipzig: Duncker & Humblot, 1908.
6. Stanley Milgram. The Small World Problem, Psychology Today, 1967, Vol.2
7. Кравченко А. И. Социология: учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2012. 320 с.
8. Градосельская Г.В. Анализ социальных сетей. Автореф. дисс... канд. социол. наук. М., 2001.
9. Mützel S. Networks as Culturally Constituted Processes: A Comparison of Relational Sociology and Actor-network Theory // Current Sociology. November 2009. Vol. 57. № 6. P. 871-887.
10. Мальцева Д.В., Романовский Н.В. О современных сетевых теориях в социологии // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 35.
11. Scott J. Social Network Analysis: A Handbook. SAGE Publications Ltd; 2nd edition, 2000. P.7.
12. Scott J. Social Network Analysis: A Handbook. SAGE Publications Ltd; 2nd edition, 2000. P. 8.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА СОСТАВНОГО НАРРАТИВА В ВЫРАБОТКЕ РЕКОМЕНДАЦИЙ ПО БРЕНДИРОВАНИЮ СЕРБИИ

Толвайшиц Л.

Перспективы привлечения человеческого капитала, инвестиций, развития экспорта и туризма в значительной степени зависят от имиджа страны в мире [1, с. 3]. В процессе формирования бренда страны государство заинтересовано в определении своих конкурентных преимуществ. Особую ценность приобретают сведения о том, какими страну и её общество видят в мире.

В данной статье представлен опыт применения метода составного нарратива в исследовании потенциала иммиграции квалифицированной рабочей силы в Сербию. Объектом исследования выступает имидж Сербии среди образованной иностранной молодёжи, а целью исследования – выработка рекомендаций для миграционной стратегии и политики брендинга Сербии. Целевую группу выборки составили образованные иностранные граждане в возрасте до 35 лет, пребывающие в Сербии не менее полугода. Выборочная совокупность состоит из 84 чел. из 21 государств дальнего зарубежья. 47% опрошенных имеют степень бакалавра, 32% – магистра и 21% – кандидата наук. Анкетирование проводилось в Белграде и Нови-Саде с августа 2014 г. по декабрь 2016 г. [2, с. 353-360].

Метод составного нарратива (англ. composite narrative) подразумевает объединение общих преобладающих элементов – ключевых слов, часто встречающихся лейтмотивов в индивидуальных историях респондентов – в коллективный нарратив [3, с. 92]. Под нарративом понимается повествование, субъективное видение и истолкование ситуации. Преимуществом настоящего качественного метода является возможность свободной формулировки развёрнутого нарратива, в котором респонденты подчёркивают наиболее значимый опыт, касающийся социальных и экономических условий жизни в стране, и сопряжённые ассоциации по ключевым пунктам «шестиугольника бренда страны» [4, с. 19]: 1) опыт посещения страны; 2) качество местной продукции и услуг; 3) уровень работы государственной администрации; 4) привлекательность страны для иммиграции; 5) сила культуры и наследие; 6) человеческий капитал. Оценки распределяются на шкалах узнаваемости (от незнания до глубинных познаний) и привлекательности страны (от резко отрицательного до ярко положительного мнения).

Нарративный анализ ключевых слов позволил определить, что в ожиданиях большинства опрошенных от предстоящего посещения Сербии преобладали чёрные или серые краски. Отрицательные ожидания преобладали у 49%, положительные у 9%, а смешанные – у оставшейся части респондентов. Четверть опрошенных (27%) признала, что не знала почти ничего о Сербии прежде посещения этой страны, 9% признались в полном незнании, лишь 10% знали о Сербии много, тогда как свыше половины опрошенных могли перечислить лишь основные факты или предположения об этой стране.

Признаком релевантности оригинальных дискурсивных мотивов следует считать частоту их повторения в ответах разных респондентов. Так, в представлениях о Сербии прежде её посещения наиболее выражен мотив войны, встречающийся у 29% опрошенных: «восстанавливающаяся послевоенная страна», «уничтоженная войной», «с послевоенной травмой». Вторая по распространённости – тема нищеты с ключевыми словами «борьбы за выживание», «тяжёлых времён», «отсталой, неразвитой страны», встречающаяся у 24,5% респондентов. На третьем месте (9%) – группа ключевых слов, передающих отрицательную социально-психологическую атмосферу, которую сочли нужным затронуть 9% респондентов: «серость», «безнадёжность» и «депрессия». Мотивы небезопасности, преступности и коррупции, встречающиеся в 16% индивидуальных историй, выявляют имевшиеся у респондентов опасения по поводу поездки в Сербию. Четверть опрошенных опасалась менталитета местных жителей (страна «злых», «жестоких», «коварных» людей). Среди положительных ожиданий от Сербии преобладают ключевые слова «живописной страны» (7% индивидуальных историй), «доброты местных жителей» (7%), «качественного досуга и спорта» (4,45%). Тем не менее, для большинства опрошенных предстоящее посещение Сербии выглядело как путь в неизвестность и характеризовалось опасливыми ожиданиями.

Ответ на вопрос о соответствии опыта посещения Сербии имевшимся ожиданиям 21% опрошенных начали констатацией, что страна превзошла их ожидания. Положительные впечатления преобладают у 96% опрошенных, а наиболее распространён нарратив человеческого капитала и дружелюбного менталитета (66%). За ним следует ностальгический нарратив Сербии как «оазиса» особого, «старомодного» стиля жизни (27%), утраченного в других странах и подразумевающего безопасность, размеренный ритм и насыщенность жизни и благоприятные условия для жизни семьи, и воспитания детей. Наиболее оригинален мотив «ощущения, что ты у себя дома, которое утрачено в стране происхождения». В отдельный нарратив можно выделить группу ключевых слов («атмосфера», «ритм», «энергия», «динамика» и «шарм»), относящихся к имиджу Белграда, который сочли достойным упоминания 17% респондентов.

Качественный метод нарративного анализа дополняется количественными элементами, поскольку степень распространённости различных нарративов среди опрошенных можно выразить в процентах. Недостатком метода следует признать заниженную долю представленности той или иной позиции при процентном выражении мотивов в ответах на вопросы открытого типа. К примеру, показательно, что 13% респондентов сочли нужным подчеркнуть, что Сербия является безопасной страной, однако для более точных замеров распределения мнений по вопросу безопасности необходимы дополнительные исследования с использованием вопросников закрытого типа. То же самое замечание справедливо для оценок недостатков жизни в Сербии, в числе которых наиболее распространены мотивы коррупции (22%), бюрократии и не функциональности институтов (18%), экономического кризиса (13% опрошенных, упоминающих недостаток инноваций и инвестиций, безработицу и низкий размер средней заработной платы), устаревшей системы здравоохранения (7%), слабости правового государства (4,5%). Нарратив об атмосфере безнадёжности, пессимизма, депрессии и пассивности развивают 22% респондентов. В 7% индивидуальных историй отмечается, что характер проблем Сербии не хуже, чем в любых прочих странах, что вступает в противоречие с распространённым в Сербии фатализмом относительно неизбежности краха. Налицо необходимость работы с населением над «внутренним брендингом» страны [5, с. 33] по части экологического сознания, трудовой этики и культуры вождения.

Метод составного нарратива позволил установить, что положительные впечатления от посещения Сербии, как правило, вступают в резкий контраст с предшествующими этому опасливыми ожиданиями. Важным открытием исследования следует признать данные, свидетельствующие о том, что немалая часть образованных иностранцев остаётся (42%) или хотя бы рассматривает возможность остаться (78%) в Сербии. Преобладает нарратив «приятной неожиданности», поскольку обнаруженный уровень экономического развития, стабильности и безопасности оказывается несравнимо выше ожиданий.

Базовый нарратив основывается на мотивах «досуговой культуры», в корне отличающейся от западной, и «здоровой пищи» (20% опрошенных). Исследование позволило выявить, что в построении бренда Сербия могла бы специализироваться на производстве органической пищи и жизни в экологически чистой сельской местности. Из ответов следует наличие в Сербии незанятых ниш для инновационной хозяйственной деятельности.

Метод нарратива позволил определить, что среди причин, побуждающих иностранцев к изучению сербского языка, преобладает нематериальная мотивация: любознательность, научный, культурный или художественный интерес. Налицо также выраженный мотив экзотики в мотивации посещения Сербии: неизвестность послевоенной судьбы этой страны побуждает интерес к её современности. Сербия в этом нарративе предстаёт как носитель альтернативной европейской перспективы, находящийся за рамками базового восточноевропейского посткоммунистического нарратива «возвращения в Европу». Из ответов респондентов явствует, что противоречия, ассоциирующиеся с именем Сербии в мире, могут поспособствовать созданию имиджа интересной и интригующей страны.

Ответы респондентов позволяют определить факторы, формирующие имидж Сербии за рубежом. Отрицательные стереотипы о Сербии сформировались под влиянием преимущественно СМИ и общественного мнения родных стран опрошенных. У 11% опрошенных положительные ожидания от Сербии сформировались под влиянием контактов с сербскими гражданами, встреченными за рубежом. Третий фактор, влияющий на стереотипы о Сербии, – произведения искусства, в частности – фильмы сербских режиссёров. Примечательно, что деятельность государственных институтов не упоминается среди факторов, повлиявших на представления о Сербии в мире. Наиболее важным каналом в коммуникации страны с миром остаётся население Сербии.

Результаты исследования позволили наметить направления разработки как туристического предложения, так и иммиграционной стратегии Сербии. Ввиду слабых возможностей трудоустройства и достижения стабильного уровня доходов бренд Сербии по пунктам Анхольта [4, с. 19] развит неравномерно. Тем не менее, он обладает сравнительными конкурентными преимуществами благодаря досуговым возможностям, открытому менталитету, особой психологической атмосфере и богатому наследию. Налицо ряд предпосылок для построения успешного бренда: простота, ясность, спонтанность, преимущество уникальной совокупности ассоциаций, эффект неожиданности и умение превзойти ожидания. Сербия может позиционировать себя как неизведанная страна, вызывающая любопытство и предлагающая оригинальную традицию и атмосферу образа жизни, богатого событиями в живописной и разнообразной культурной и исторической среде. Тем не менее, следует отметить, что появление нарратива Сербии как экзотической страны можно увязать со слабым эффектом деятельности государственных институтов по продвижению имиджа Сербии. Все успешные опыты по продвижению Сербии состоялись спонтанно, без сколь-нибудь существенной поддержки со стороны государственных институтов, не формулирующих запрос на формирование повестки притока умов.

Библиографический список:

1. Dinnie K. Nation branding: Concepts, issues, practice. London, NY: Routledge. 2015.
2. Толваишис Л. Наративи о Србији међу странам држављанима на боравку у Србији. Потенцијали за изградњу бренда Србије // Култура Полиса. 2017. № 33. С. 353-365.

3. Sylvan D. A., Metskas A. K. Trade-offs in Measuring Identities. A Comparison of Five Approaches // Abdelal R., Herrera Y. M., Johnston A. I. and McDermott R. (eds.). *Measuring Identity: A Guide for Social Scientists*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 72-110.

4. Anholt S. The Anholt-GMI City Brands Index. How the world sees the world's cities // *Place Branding*. Vol. 2. № 1. 2006. P. 18–31.

5. Anholt S. *Places: Identity, Image and Reputation*. London: Palgrave Macmillan. 2010.

КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В СОЦИОЛОГИИ ГОРОДА: МЕТОДОЛОГИЯ Ф. ЗНАНЕЦКОГО

Тюпина И.А.

Одним из первых качественные методы в социологическом исследовании проблем города применил Флориан Знанецкий в 1928 г. с целью изучения социальной структуры «гмины» (территориальной общности) г. Познани и социальных отношений внутри сословно-классового городского социума. Повторное исследование общественного мнения жителей Познани было проведено через 36 лет – в 1964 г. под руководством Я. Зюлковского кафедрой социологии университета им. А. Мицкевича [1, с. 173]. Жителям был предложен вопросник, во многом повторявший анкету Ф. Знанецкого. Цель исследования заключалась в том, чтобы выявить, как изменился образ города в сознании горожан, и как изменились социальные связи внутри городского социума.

По мнению Ф. Знанецкого, город – это непространственная, гуманистическая целостность, реализующаяся через опыт и деятельность людей. Люди, населяющие территорию города, являются не только телами, но и ощущающими и действующими субъектами. Поэтому не они находятся в городе, а город находится в сфере их общего опыта и деятельности, они творят его как чрезвычайно сложную социальную структуру [2, с. 354-355].

В социальной структуре городского сообщества Ф. Знанецкий выделил несколько уровней:

- «городская гмина» – территориальная группа со сложной и высоко рационализированной структурой, включающая большинство жителей города;

- «познаньская публика» – свободно организованная вокруг местных периодических изданий контактная группа;

- «познаньская общественность» – совокупность немногочисленных групп, а также часть более широких локальных групп (например, те, кто не живут в Познани, но имеют с городом какую-то связь) [2, с. 354].

Для обеспечения своего развития городская гмина должна черпать новые социальные силы из следующих источников: деятельность городских функционеров на благо города; сотрудничество всех социальных групп, существующих в познаньском обществе; общественные устремления городского населения, то есть всех жителей города. Именно этот источник предполагалось анализировать в ходе исследования.

По мнению Ф. Знанецкого, социальные силы могут быть конструктивными и деструктивными. Активные стремления каждого жителя города, противоречащие его обязанностям, – это деструктивные социальные силы. Нормативное стремление (связанное с выполнением обязанностей) и регулятивное стремление (направленное на то, чтобы склонить гражданина к выполнению его обязанностей) – это конструктивные социальные силы. Поэтому исследование направлено на выяснение того, какие конструктивные социальные силы своих граждан гмина Познани фактически использует в своей общественной жизни, и какие еще могла бы использовать.

В исследовании рассматривались нормативные и регулятивные стремления граждан, выступающие в их отношениях: 1) с гминой как целостностью; 2) с функционерами гминных учреждений; 3) с согражданами; 4) с кандидатами в граждане [2, с. 355-356].

В исследовании использовался качественный метод – анализ «ответов членов городской группы» или дневниковых записей. Ф. Знанецкий подчеркивал, что в принципе ответы людей не

являются достаточным основанием для социологии и должны дополняться другой, объективной информацией. Однако есть такие социологические проблемы, которые могут быть удовлетворены на основе одних только ответов.

Ф. Знанецким был разработан так называемый конкурсный вопросник, направленный на получение вознаграждения за ответы на вопрос: «Чем был и является для тебя город Познань?»: 1-я премия – 500 злотых, 2-я премия – 300 злотых, 3-я премия – 200 злотых, 4-я премия – 100 злотых. Вопросы анкеты предполагали сбор информации о следующих эмпирических признаках:

- краткая автобиография автора (2–4 страницы);
- описание всех контактов респондента с городскими учреждениями;
- описание всех полезных дел, которые сделал респондент для Познани;
- описание ущерба, который вольно или невольно респондент причинил городу;
- оценка респондентом своих отношений с городом: соизмерим ли вклад жителя в городское развитие с тем, что житель получает от города;
- мотивы проживания в Познани, а также артикуляция факторов, которые «отбивают охоту» жить в этом городе;
- мнение о населении Познани вообще;
- мнение об отдельных социальных группах, например, о рабочих, торговцах, промышленниках, чиновниках, журналистах, артистах, духовенстве, девушках, женщинах, детях и т. д.;
- мнение об управлении городом;
- мнение о внешнем виде Познани;
- мнение о Всеобщей национальной выставке;
- сравнение Познани и других городов, которые знакомы респонденту;
- мнение о том, как удовлетворить самые насущные потребности Познани;
- мнение о том, какой должна стать Познань, чтобы быть идеалом города.

Вопросник был напечатан в познаньских газетах, расклеен на афишных тумбах и в канцеляриях Магистрата, разослан разным общественным союзам и объединениям. Ответили 12 женщин, 14 мужчин и один человек, не указавший пол (предположительно мужчина). Все ответившие были небогаты, имели разное образование (от начального до университетского) и принадлежали к разным сословиям (от чернорабочих до землевладельцев). Никто из респондентов не играл выдающейся роли в городской жизни [2, с. 358].

При интерпретации данных Ф. Знанецкий подчеркивает, что его, как социолога-теоретика, прежде всего, интересует, какие общесоциологические проблемы выдвигает или помогает решить основательный анализ фактов, что из полученного материала можно извлечь для науки при его тщательном использовании. Такая постановка вопроса, по мнению Ф. Знанецкого, имеет методологическое значение не только для исследования Познани, но и всей социологии города, «ибо ... современная социология не умеет как следует использовать свои эмпирические материалы» [2, с. 359].

При общей положительной оценке Познани отрицательные оценки в трактовке отдельных явлений городской жизни преобладают. При этом положительные оценки выражены в банальных общих фразах, а отрицательные оценки конкретны и подтверждены фактами из собственной жизни. Ответы на вопросы о нормативных и регулятивных устремлениях горожан показали «необыкновенный индивидуализм, почти социальный атомизм» респондентов. Ответившие, с одной стороны, не представляют себе, что делает город для своих граждан, а, с другой стороны, не осознают собственных обязанностей по отношению к городу. Ф. Знанецкий приходит к выводу о том, что фактически средний житель Познани получает от города значительно больше, чем дает городу.

Сравнение различных оценок вклада респондента в развитие города позволяет Ф. Знанецкому сделать следующие логические выводы:

- человек, который получает меньше, чем другие, испытывает чувство обиды и социальную зависть по отношению к тем, кто получает больше, и считает себя моральным кредитором группы;

- если за свои услуги человек получает столько же, сколько другие, то он считает, что ни он группе, ни группа ему ничего не должны;
- если человек получает больше, чем отдает, то он считает себя моральным должником группы [2, с. 361].

Исследование показало «разомкнутость» отношений между местными властями и гражданами, что обусловлено отсутствием взаимодействий группы и ее членов, а также тем, что все общественные дела поручаются функционерам, граждане отстранены от участия в принятии и исполнении решений, а «гминные власти» управляют в основном массой подчиненных чиновников.

Ответы респондентов, в которых содержатся оценки поведения других граждан, оказались более развернутыми и подробными, чем ответы, посвященные характеристике города как целого. Из этого факта Ф. Знанецкий делает вывод о том, что частные отношения более важны для опрашиваемых, чем отношения индивида и гмины, а также отношения гражданина и гминного функционера. Кроме этого, анализ первичных данных позволил Ф. Знанецкому утверждать, что в сознании респондентов принадлежность к одной территориальной группе является социальной связью между индивидами, из которой следует признание таких взаимных обязанностей, как соблюдение приличий, вежливость, уважение чужого достоинства, чуткое отношение к чужим чувствам, приспособление к темпу чужой жизни и т. д. При этом отмечается, что строгий контроль группового мнения над частной жизнью соседей, присущий соседской группе, для познаньской городской общности не характерен [2, с. 363].

В исследовании были систематизированы мнения жителей о разных сторонах социальной жизни: общественной, семейной, приятельской, частно-экономической и т. д.

Жители города идентифицируют свою принадлежность к городской гмине и городскому сообществу, а также к таким крупным группам, как государство, церковь, нация. При этом все респонденты подчеркивают, что Познань - это польский город. Для того времени это было особенно важно, так как в результате национальной борьбы против германизации город «был отобран из прусских рук» ценой жертв, понесенных населением Познани. Респонденты в основном негативно оценивают проявление симпатии к немцам, любовь к немецкому языку и немецким товарам [2, с. 364].

При этом, отмечает Ф. Знанецкий, взаимная солидарность всех жителей города не достигнута, хотя и рассматривается как желаемая цель гармонизации общественной жизни. По данным исследования отношения горожан со своим городом (гминой) обнаружены только в сфере экономических отношений (например, материальные услуги в обмен на обязательные налоги). Другие типы отношений распространяются только на сферу межличностных и межгрупповых взаимодействий. По мнению Ф. Знанецкого, такая ситуация является проблемой для городского социума, который должен представлять более солидарную социальную систему.

Знакомство с результатами исследования города показывает, что отличительная черта творчества Ф. Знанецкого – это органичное соединение ограниченного эмпирического материала с обширными теоретическими обобщениями, использование разных исследовательских стратегий, приоритет среди которых он отдавал «мягким», качественным методам, опередив время на несколько десятков лет.

Библиографический список:

1. Беляева Л.А. Польская школа эмпирической социологии // Эмпирическая социология в России и Восточной Европе. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004.
2. Знанецкий Ф. Город в сознании его горожан // Эмпирическая социология в России и Восточной Европе. Хрестоматия. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004.

ОПЫТ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗА РОДИНЫ В ШКОЛЬНЫХ РИСУНКАХ

Хатнюк Н.Н.

Образ России, формируемый в сознании россиян, определяет уровень социальной напряженности, готовность к участию в социально-экономических, социально-политических преобразованиях и др. Механизмы конструирования единого целостного образа России приобретают актуальное значение и на международном уровне. Образ России, формируемый в международном сообществе во многом предопределяет успешность и конструктивность международного сотрудничества.

В настоящее время на передний план выходят ключевые проблемы, связанные с конструированием образа России на современном этапе; определением закономерностей и механизмов, лежащих в основе конструирования образа России в общественном сознании. Определение стереотипов и трансформационных процессов в общественном сознании относительно образа России, выявление основных механизмов конструирования образа России как в общероссийском, так и международном формате позволит определить закономерности конструирования имиджа и обозначить наметившиеся тренды его формирования.

Активное использование социологического инструментария (как качественных, так и количественных исследований) существенно расширяет представление о механизмах конструирования образа России. В последнее время многие исследователи активно работают с рисуночными методиками и применяют качественный анализ. *Качественный анализ* учитывает индивидуальные интерпретации ответов, субъективные смыслы респондентов. Качественный анализ и интерпретация рисуночных данных не отличаются от процедуры качественного анализа в целом [1]. В данном контексте привлекаются идеи феноменологии и символического интеракционизма, главная цель которых - понять, что стоит за декларируемым и наблюдаемым.

Применительно к образу родины рисуночная техника применялась в рамках исследования «Левада-Центра», одной из задач которого являлось выяснение образа России, существующего в городской молодежной среде, и отношения к России как социальному объекту. Именно в этой части исследования использовались рисунки. Полевые работы проводились в 2002 г. в 12 городах. [1]

Нами предпринята попытка изучения сформированности образа родины у школьников Орловской области. В качестве изучаемой общности были выбраны школьники, причем городские и сельские. По итогам исследования было отобрано 57 рисунков, достаточных для проведения качественного анализа.

Использовалась методика, опирающаяся на современную западную практику исследований, в которой данные, полученных с помощью рисуночных методик, представляют в «сыром» виде. В этом случае полученная информация рассматривается в качестве внутренних репрезентаций предмета изучения, «говорящих сами за себя». Такой путь работы с рисуночными данными широко используется в креативных исследованиях, для поиска «инсайтов», строительства брендов и выяснения их образов.

В исследовании, мы опирались на методику «Левада-Центра», включающего в себя многокомпонентную процедуру: типизацию рисунков; содержательный, тематический анализ; символический анализ; эмоциональный анализ.

На первом уровне по результатам пилотажного исследования рисунков школьников можно выделить следующие доминирующие типы образа родины в детских рисунках.

1. Пейзажный «сельский» тип (изображения природных объектов: бескрайний простор, вода, березы, луг). Отмечается в подавляющем большинстве рисунков. Причем можно выделить две разновидности: пейзажный подтип и образ дома.

2. Экстерьерный, городской тип - памятные места города (изображения уличных объектов).

3. Следует отметить, что в рисунках школьников практически отсутствует метафоричность восприятия родины. Символичность может быть определена в образе «родины-победительницы».

По типизации рисунков можно сделать вывод, что также как и в исследовании С.В. Гуреева образ России несоциален и неиндивидуален. В школьных рисунках преобладают изображения «первичные» (конкретные) данных изображений объектов во внешней действительности объектов (природных, городских).

Представляется, что изображения на рисунках свидетельствуют о том, что образ родины тесно связан с тем местом, в котором живу и тем что знаю о ней, по рассказам в школе.

Что касается второго уровня исследования – тематического или «содержательного», то речь идет о выделении и интерпретации тем, идей, представленных в изображениях. При этом внимание обращается лишь на устойчивые, повторяющиеся темы. Среди рисунков школьников достаточно сложно выделить такие темы. Однако, представляет интерес изображения с тематикой «историческая память». Тут, с одной стороны, либо восприятие родины в значении «родина-победительница», причем ассоциируется с Победой в Великой Отечественной войне, а с другой, в рисунках много образов современных солдат, российского флага, современной военной техники.

На символическом уровне анализа предпринята попытка выделения и интерпретации символов. Среди рисунков можно выделить:

Обезличенность. На рисунках отсутствуют люди. На тех немногочисленных рисунках остальные - маленькие, почти кукольные фигуры.

Природные символы. Это наиболее распространенные элементы рисунков. К ним относятся изображения деревьев, солнца, облаков, реки, озера, луча и поля. «Значимый» природный символ среди рисунков респондентов - это солнце. Часты изображения дороги, ведущей вдаль. В основном природные символы выражают положительное отношение.

Сельские символы рисунков включают изображение дачного/деревенского домика, как правило, с печной трубой и дымом. Все эти изображения практически идентичны (как в нашем исследовании, так и в исследовании Гуреева С.В.) - квадратный дом, треугольная крыша, окно на передней стене, крыльцо на боковой, труба.

Городские символы. Школьники г. Орла изображают городские здания. В отличие от исследования, проведенного «Левадой центром», нет ни официальных, ни традиционных, ни советских символов. При этом нет и ассоциации России с мусором, зависимостей и отношение к России как сырьевому приращку.

На четверном уровне при анализе эмоциональной составляющей рисунков, следует отметить положительное отношение к родине, которое выражается тщательностью, аккуратностью его изображения, детализированностью и прорисованностью. Учитывая, что рисунки школьников были выполнены при помощи цветных карандашей и красок в них преобладают яркие и сочные тона.

Таким образом, результаты качественного исследования показали преобладание «традиционный» образ России, связанного, в первую очередь, с российской природой, картинами сельской жизни. В этом проявляется «локальная национальная идентичность» (малая Родина). Значимыми являются ресурсные и географические характеристики образа России (также лежащие в рамках публичного дискурса), в частности, просторы – большие размеры страны. С другой стороны, на символическом уровне, помимо фактических, природных образов России, не выражены стереотипные, внешние, государственные символы - официальные, советские и традиционные.

Мы отмечаем выделение одного на наш взгляд важного аспекта, присутствующего в рисунках и связанных с «исторической памятью». Исследования, проведенные ранее показывают, что именно историческая память и способы ее конструирования во многом определяют и образ родины в целом и его основные типологические, содержательные, символические и эмоциональные характеристики. Именно историческая память формирует и патриотические чувства, и настроения в целом.

Проведенный анализ показывает, что историческая ретроспектива образа Родины отчетливо представлена в сознании школьников, а вот настоящее и будущее страны туманно. Современные школьники не имеют кумиров - современников, не ориентируются в приоритетах и ценностно-

содержательных характеристиках образа современной родины и векторе деятельности государства в целом.

Библиографический список:

1. Гуреев С.В. Анализ рисунков в социологических исследованиях // Социологические исследования. 2007. С. 132-134.

2. Батов В.И. Психологический анализ детского рисунка на тему чернобыльской трагедии // Вопросы психологии. 1997. № 1.

3. Воспроизводство исторической памяти о Великой отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси и России: сравнительный анализ // Проказина Н.В., Дорохова Ю.В., Алексеенок А.А., Игнатова Т.В., Старых Н.П., Ключникова Т.Н. Под общей редакцией Н.В. Проказиной. Орел, 2014.

4. Проказина Н.В., Старых Н.П. Коммуникативная память о Великой отечественной войне: теоретические подходы и социальная практика // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 5 (35). С. 35-43.

5. Мельникова О.Т. Методика психологического рисунка в качественном исследовании социальных установок // Социология: 4М. 2005. № 21.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Щеткина И.А.

Качество жизни как самостоятельный предмет изучения попало в поле зрения культурологии в конце XX в., однако уже с древнейших времен можно проследить отдельные размышления и интуиции по поводу оценок и восприятия уровня бытия человека в рамках культурологических концепций, отличающихся различным пониманием сущности культуры и подходами к ее осмыслению. В исследовании культуры культурологические парадигмы рассматриваются как совокупность взглядов на феномен культуры, с одной стороны, нацеленных на анализ системы принимаемых обществом ценностей, с другой – на формирование систем ценностей, направляющих человека на достижение целей, актуальных, по мнению авторов концепций, для культурного и цивилизованного общества [1].

Современные научные концепции определяют качество жизни как системную характеристику широкого комплекса факторов и условий существования человека, среди которых выделяется социально-экономический, политический, культурно-идеологический и экологический фактор. Понятие «качество жизни» в историческом контексте описывалось такими терминами, как благосостояние, благополучие, счастье, указывающими на наличие совокупности признаков, определяющих насыщенность культурными и цивилизационными благами, обеспечивающими уровень жизни, который отличается от жизни животных, либо от жизни других людей [2].

Факторами, влияющими на выбор той или иной парадигмы, описывающей феномен качества жизни, выступают содержательные и функциональные характеристики, определяющие направленность концепции на анализ или описание условий и императивов выживаемости того или человеческого сообщества, куда включается: уровень обеспеченности духовными, материальными, социокультурными, экологическими и демографическими компонентами жизни; уровень обеспеченности физического и морального здоровья людей и общества; уровень дохода и условий труда, гарантирующего определенное благосостояние; количественный и качественный уровень потребления товаров и услуг. Согласно А. И. Субетто, в структуре концепций качества жизни отражаются такие «срезы» как предметно-вещественный, посвященный рассмотрению биолого-физических и материальных аспектов качества жизни; функциональный, позволяющий оценить уровень жизни в зависимости от степени удовлетворенности, которую испытывает человек, принимающий участие в удовлетворении своих потребностей и возможностей, возникающих в процессе его жизнедеятельности; системно-социальный, раскрывающий качественные условия социальных пространств, являющихся «жизненным миром» для человека [3].

Как показывает анализ культурологических концепций, проведенный Э.С. Маркаряном, А.И. Шендриком, М.В. Козловой, М.А. Шороховой и другими, теоретическое осмысление проблемы качества жизни в представлениях о благополучии, благосостоянии, счастливой жизни началось одновременно с попытками осмысления феномена культуры и предполагало направленность на «мир, созданный человеком», который отличался от «мира природы». Чаще всего эти концепции представляли не сложившиеся теории, а совокупности идей, поэтому этапы формирования представлений о качестве жизни выделяются с высокой степенью условности, и, тем не менее, именно они составляют фундамент культурологических парадигм качества жизни.

Первой в истории культурологии попыткой объяснения явления благосостояния и счастливой жизни человека были мифологические интерпретации перемен, происходящих в жизни людей в связи с открытием различных культурных новшеств. В мифах давались попытки представить типы качества жизни: в исторической проекции, представленные как мифы о «золотом», «серебряном», «железном» и прочих веках; в синхронной проекции, представленные мифами о «цивилизованных» и «варварских» народах [4].

В средневековой культуре качество жизни как категория также не была оформлена в рамках господствующей теологической доктрины, а счастливая и полноценная жизнь понималась как единение с Богом. Иерархия жизненных ценностей, по мнению мыслителей Средневековья, строилась на критериях, характеризующих данную Богом культуру, пребывающую вне времени и пространства [5]. Эта культура была независима от условий окружающей среды, которые оценивались как нечто случайное и эфемерное по отношению к требованиям духовной жизни [6].

Значимым отличием представлений о благополучии и счастливой жизни в Новое время стало то, что в связи с распространением влияния линейной концепции времени и идей прогресса, все большее признание получали идеи единства истории и культуры всего человечества. Это направило исследования в направлении, отличном от предшествующих попыток сравнения «варварских» и цивилизованных, а также христианских и языческих народов. Светские и рационалистские представления о культуре выдвинули на первый план критерий прогресса, подразумевающий, что уровень жизни человечества, двигающегося по пути развития, должен возрасти [7]. Просветители обращали внимание на объективные показатели благосостояния (качества жизни), уделяли внимание общественному прогрессу, соотношению культуры и общества, а также противоречиям современной цивилизации.

В XIX в. проблему благосостояния и счастья исследователи осмысливали в контексте влияния цивилизации, формирующей определенные ценности, общественную культуру, тип экономической и политической системы. Исследователи отмечали, что в реальной исторической действительности существует непреодолимое противоречие между прогрессом и гармоническим существованием человека в мире, что делает благосостояние явлением, производным от усилий человека.

Исследования качества жизни в XX в. характеризуются обращением к поиску объективных данных, свидетельствующих о закономерностях прогрессивного развития общества как единого организма, касающихся главным образом материальных и технологических параметров развития, определяющих состояние социальной и духовной культуры. Несколько позже актуализируется анализ субъективных характеристик качества жизни. Биологическая модель культуры повлияла на концептуализацию качества жизни в философии жизни, где оно понималось как социально-психологическая интерпретация практики восприятия жизненной реальности [8]. Влияние социально-психологического и функционального подходов на формирование теоретического обоснования проблемы качества жизни совпало с разработкой теории модернизации, исходящей из того, что качество жизни является неотъемлемой частью культуры, позитивное влияние на которую оказывает линейное развитие по пути прогресса. В данном случае качество жизни – это отражение процесса взаимодействия ценностей и эмпирической реальности повседневного бытия.

Отличный путь формирования качества жизни фиксируется в концепциях отечественных авторов, основанных на плюралистическом видении развития локальных цивилизаций, фиксируемых

в разработках представителей теории цивилизации, русской философии, космизма, где категория «жизни» определяется несводимыми друг к другу параметрами и обретает собственную, не сравнимую ни с чем другим ценность, объясняемую наличием «души» или «духа» в каждой отдельной культуре.

Концептуализация идей о качестве жизни в XX в. свидетельствует о разнообразии подходов и противопоставлении объективистских и субъективистских оценок, представленных социально-психологическими теориями модернизации, а также культуроцентристскими направлениями, включающими теории жизненного мира, диффузии культур, культурной антропологии и культуроцентризма. Методология культуроцентристского подхода определила качество жизни как итог окультуривания жизни человека [9, 10]. Распространение цивилизационного подхода в западной культурологии привело к завершению отделения плюралистической от линейной моделей развития культуры, что позволило анализировать проблемы качества жизни в рамках проблематики взаимодействия всемирной и региональных культур, исходя из признания их локальности, цикличности и уникальности.

Концепции, затрагивающие тему качества жизни, несмотря на исторические изменения и дискуссионность позиций, не отвергают друг друга, как это может показаться на первый взгляд, а представляют собой различные аспекты целостного, синкретического взгляда культурологии на сущность качества жизни. Качество жизни предстает в данных концепциях как результат процесса совершенствования условий и образа жизни человека, основой чего является дух культуры, закладывающий предпосылки для формирования духовности и познания смысла жизни. Основанием для подобного убеждения является то, что в современной культурологической науке на основании исследования обширного исторического, социологического, этнографического, психологического, экономического, политологического материала сложился достаточно емкий образ качества жизни как элемента культуры. Данный образ включает не только познавательные или оценочные критерии, но учитывает более широкие культурологические параметры, такие как влияние идеологии, экономики, социума и субъективного внутреннего мира человека, его речь, индивидуальная и коллективная память, символика пространства и времени и т.д. Сегодня качество жизни преподносится как итог процесса самореализации, представляющий меру удовлетворенности комплекса потребностей человека и социальных групп в целом.

Библиографический список:

1. Беркетов А.В. Культурологические концепции и идеи в общественной жизни России на рубеже XX-XXI веков: автореф. дис. ... канд. культурол. наук. Краснодар, 2006. 22 с.
2. Козлова М.В. Методологические основы качества жизни // Вестник Кемеровского университета. 2013. № 3 (55). Т. 1 С. 221-225.
3. Субетто А.И. Качество жизни. Грани проблемы. СПб., Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004. 170 с.
4. Чернышов Ю.Г. «Железный век» империи // Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме. В 2 ч. Ч. 2. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1994. С. 47-98.
5. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 489 с.
6. Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1996. 256 с.
7. Шевченко И.В. Традиционная народная культура как условие сохранения культурной идентичности в современном обществе // Философия и культура. 2014. № 9. С. 1298-1303.
8. Хайдеггер М. К вопросу о назначении дела мышления // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 4 (39). С. 61-71.
9. Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль, 2014. 286 с.
10. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon&Schuster, 1996. P. 45-49.

О МЕТОДАХ ИЗУЧЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ В МАГАЗИНЕ

Яровая В.Е.

Изучению потребительского поведения и потребительской социализации уделяется большое внимание в зарубежной и отечественной социологии. И если методы изучения этих аспектов у подростков и взрослых представлены достаточно широко, то методов изучения потребительского поведения детей мало.

В особенности проблематично обстоит дело с изучением поведения детей дошкольного возраста. Контент-анализ статей журнала «Социологические исследования» показал предпочтение в качестве респондентов российскими исследователями подростков и юношества [5], а также обращение к мнению родителей и экспертов при изучении детей дошкольного возраста [4].

Ребенка дошкольного возраста отличает эмоциональная незрелость, ограниченность в выражении чувств и оценочных суждений. С.Н. Майорова-Щеглова отмечает, что для изучения детских представлений нужны «мягкие» методы, под которыми исследователь понимает те, которые учитывают специфику дошкольного возраста, и в которых отсутствуют прямые вопросы, которые заставили бы ребенка закрыться [2]. В справочно-учебном издании «Гезаурус социологии. Тематический словарь-справочник» арсенал «мягких» методов представлен играми, рисунками и графикой [4].

Особенности потребительского поведения ребенка дошкольного возраста можно изучить двумя группам методов, которые мы условно обозначим как «внешние» и «внутренние». К первой группе отнесены методы, не предполагающие непосредственное взаимодействие с ребенком-информантом. Во-первых, это, как уже отмечалось, может быть опрос родителей. С помощью анкетирования можно выявить, кто является агентами социализации детей в магазине, в каком возрасте ребенок приобретает представление о товарно-денежных отношениях, специфику формирования моделей потребительского поведения. Во-вторых, есть ряд взрослых, которые могут выступить в качестве экспертов по вопросам детского потребления, потребительской социализации (например, продавцы, консультанты и т.д.). В-третьих, изучать ребенка-дошкольника можно опосредованно, через продукты его творческой деятельности – рисунки, коллажи, или прибегая к наблюдению. Главным достоинством метода наблюдения является то, что мы можем зафиксировать интересующее нас поведение непосредственно там, где для его проявления созданы максимально комфортные условия. Так местом изучения потребительского поведения детей дошкольного возраста могут выступать детские магазины. Используя метод наблюдения, мы можем выявить модели поведения детей в магазине, их взаимоотношения с родителями и продавцами, определить предпочтения детей, стратегии выбора товара и т.д. В таблице 1 представлен бланк для наблюдения за ребенком с выделенными единицами наблюдения.

Таблица 1 – Единицы потребительского поведения ребенка в детском магазине.

Номер испытуемого	Единицы потребительского поведения ребенка в детском магазине					
	Самостоятельно ходит по рядам и ищет нужный товар	Бегает по магазину, прося купить любую игрушку	Ходит вместе с взрослым	Покупает то, что наметил изначально (например, пополняет коллекцию)	Скучает и хочет быстрее уйти	Другое

Вторая группа исследовательских методов основывается на социальных взаимодействиях исследователя-взрослого и респондента-ребенка. Одним из методов изучения данной группы является беседа с ребенком по управляемому сценарию. Так, А.Н. Аянян использовала данный метод для изучения потребительской социализации детей по следующим показателям: участием ребенка в

покупках (походам в магазины); роли в принятии решения о покупке; осведомленности о местах приобретения игрушек; информационной осведомленности о новинках и популярных игрушках; пониманию соотношения цены и качества игрушки; способности избавиться от ненужной игрушки (выбросить, отдать); способности добиваться желанной игрушки (копить деньги, выполнять поручения, ждать события) [1].

Вариацией беседы с ребенком по заданному сценарию является беседа с использованием картинок, на которых представлены сюжеты, связанные с магазином и поведением людей в них. Ребенок может, как описать, что он видит на картинке, так и составить целый рассказ. Можно выявить его представление о магазине, какие товары в нем он знает, чем хочет обладать и т.д. На рисунках 1 и 2 представлен возможный стимульный материал. При этом рисунок 1 ориентирован на выявление специфики интеракций ребенка с продавцом в магазине, определение модели поведения (более подробно о моделях поведения см. работу Филипова А.Г., Яровая В.Е. От детского потребления к консьюмеризму будущего) [6]. В беседе с дошкольниками мужского пола используется стимульный материал с изображением мальчика в магазине. Второй рисунок предполагает обращение к теме магазина в контексте изучения профессий.

Стимульный материал для использования разнообразен:

Рисунок 1 – Я в магазине   Рисунок 2 – В мире профессий

Еще одним методом изучения мнения детей дошкольного возраста являются проективные методики. С помощью модификации методики Юркевич «Дерево желаний» можно выявить ориентацию ребенка на потребительское поведение. Ребенку задаются следующие вопросы: Ты попал в детский магазин. Продавец может исполнить 5 твоих желаний. Чтобы ты у него попросил? (6 мин.) Чудо-машина умеет все на свете: шить, печь пироги, мыть посуду, делать любые игрушки. Что должна сделать чудо-машина по твоему приказанию? – 5 мин. Ты очутился вместе с мамой в детском магазине, где все разрешается. Ты можешь делать все, что твоей душе угодно. Придумай, что бы ты в таком случае делал? – (регистрируются первые 5 ответов) – 4 мин. С помощью этой методики можно определить, насколько сформированы представления ребенка о детском магазине и выработалась ли у него потребительская установка.

Для анализа формирования потребительского поведения у детей можно использовать метод анализа сюжетно-ролевой игры. Играя в магазин, ребенок воспроизводит элементы поведения в магазине, может попробовать себя в разных социальных ролях: стать продавцом, быть покупателем и т.д., то есть закрепляет модели потребительского поведения. Ребенок может, как сам организовывать пространство магазина, так и пользоваться уже придуманными взрослыми играми, представленными в виде лото, тематических наборов и т.д. В эти игры ребенок может играть дома с взрослым, со сверстниками в игровых зонах или в детском саду.

Используя данные методы, исследователь может выявить механизмы формирования потребительского поведения детей, определить, как он становится неотъемлемой частью общества потребления.

Современная социология обладает большим арсеналом для исследования потребительского поведения дошкольников. Главная особенность заключается в использовании «мягких» методов, которые помогают установить контакт с ребенком.

Библиографический список:

1. Аянян А. Н. Особенности потребительской социализации детей старшего дошкольного возраста (сравнительный анализ данных 2009 и 2014 гг.) // Мир психологии: научно-методический журнал. 2015. № 1. С. 122-132.
2. Майорова-Щеглова С.Н. Социологические исследования детей: границы и возможности применения неопросных методов // Социология детства. Сайт профессора С.Н. Майоровой-Щегловой. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. Режим доступа: http://www.childsoc.ru/doc/metod_1.pdf
3. Тезаурус социологии. Тематический словарь-справочник / под ред. Ж.Т.Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 489 с.
4. Филипова А.Г. Актуальные проблемы отечественных социологических исследований детства // Петербургская социология сегодня. 2016. № 7. С. 26-38.
5. Филипова А.Г. Детство в фокусе отечественных социологических исследований // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 1 (41). С. 80-87.
6. Филипова А.Г., Яровая В.Е. От детского потребления к консьюмеризму будущего // Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях. Материалы VII международной социологической Грушинской конференции. Ответственный редактор: А.В. Кулешова. 2017. С. 1749-1752.

SOCIAL CAPITAL CONCEPT

Ćeranić Goran

The concept of social capital incorporates two sub-concepts which have different etymological origin. The social aspect of this term suggests that this is a concept which describes a relationship between people, and the capital segment suggests that the relationships between people need to be understood as something that can be a resource for those who possess it. The classical and new theories of capital imply that a particular capital is primarily a resource, that it is measurable and, to some extent, convertible to other capitals [11]. To explain it more vividly, economic capital is based on the bank accounts of individuals, human capital is in the minds of individuals, and social capital builds on the structures of relationships among people. In order for an individual to use social capital, he/she must be connected with other people. It is a binding material, a glue which helps people to put all other capitals in the function of improving the common good, and as such it is partly a prerequisite for development.

Numerous sociologists seek to base the social capital debate on the historisation of the concept, pointing out that social capital is not something completely new to the theory, but rather that it is a new articulation of some of the old ideas in sociology. Thus, they invoke Durkheim, Marx, Tocqueville, or any other important classic of the history of sociological thought. For example, social capital is connected to Durkheim's notions of anomy and solidarity, Marx's distinction between "class in itself" and "class for itself" or Tocqueville's analysis of American civil activism at the beginning of the 19th century [4]. However, the notion of social capital is first mentioned in the report of L. J. Hanifan [9] a state supervisor in rural schools of the American state of Virginia. Hanifan wanted to explain the importance of the local community for the successful work of schools, and he identified social capital as the most important aspect of the community. This innovation did not immediately catch on. The notion began to be used occasionally only in the second half of the twentieth century by Canadian sociologists Jane Jacobs in her neighbourhood research, and Glen Laurie in the study of racial inequalities.

The discourse on social capital was created only recently. Regardless of the fact that at the end of the 1980s the term gained a serious theoretical basis within Bourdieu's theory of capital, it was only in the late nineties of the twentieth century that a real debate about social capital would begin. This process took place at

a high speed. It quickly became an important point in the research fields of many disciplines, from sociology and economics to the practical political science. It has experienced its meteoric rise primarily owing to Harvard professor Robert Putnam who offered arguments that the effectiveness of state power is directly related to the ability of association in the local community. The idea of looking at the ability to socialize as a resource for society was an answer to the idea of accumulating huge amounts of material personal capital as a basis for rational economic behaviour. This understanding recognizes that people are social beings rather than lonely individuals, and that social interactions in socio-economic life form social capital. In his book *Bowling alone: the collapse and revival of the American community* Putnam [9] speaks about a reduction in social capital which has a rise of individualism as its cause. He points out that this phenomenon is particularly characteristic of the United States and other developed countries.

Having in mind that this is a relatively new concept, there is no generally accepted definition, but most of them speak about the ability of social structures to increase the effectiveness of collective action. Social capital is described by some as a good will characteristic of individuals and social groups, which includes feelings of gratitude, mutual help, respect and friendship [1]. It is a property which exists in the relationships of individuals and consists of a goodwill coming from friends of colleagues and other contacts [2]. A possible way of defining social capital stresses the system of interpersonal relationships and social networks through which an individual achieves access to various social resources, as Bourdieu sees it. Accordingly, he sees social capital as a set of advantages and opportunities which belong to individuals due to their affiliation to a particular social group or organization, or because they are interconnected by permanent, more or less institutionalized relationships of mutual knowledge. Francis Fukuyama [5] defines social capital as a component of human capital which allows members of a society to trust each other and to co-operate with an aim of forming new groups and associations. Grootaert and Van Bastelaer [7] for the purposes of quantitative research on social capital carried out under the auspices of the World Bank, defined social capital as institutions, relationships, attitudes and values which govern interactions between people and contribute to economic and social development. Social capital can also be defined as a presence of trust, norms and social networks which enable social action for the benefit of individuals and society as a whole. The accumulated social capital in a society is proportional to the number of social networks and intensity of social relations [12]. The central idea of social capital is that social networks or relationships among people have a value which is not reflected only in warm feelings, but also in very concrete benefits resulting from trust, reciprocity, information exchange and collaboration related to social networks.

According to the degree of complexity, social capital can roughly take: the simplest form which involves intense social relations within small and closed communities (such as the narrow circle of the family), then a more complex form which involves the relations and links between citizens of different social, cultural and ethnic backgrounds and status, and, ultimately, the most complex form which builds the internal relations of the citizens themselves and the relations of civil society, on the one hand, and the state on the other. The basic function of social capital is to provide and facilitate certain actions of participants in the social structure, and its goal is the welfare of individuals and society as a whole.

It is necessary to point out that there are cases where social capital has a negative effect. These negative manifestations occur as a result of abuse of basic elements of social capital, i.e. the abuse of trust, established relationships and acquaintances or as a result of violation of norms. Abuse of acquaintances could thus cause certain forms of corruption, nepotism, etc., which causes a reduction of trust in the impartiality and efficiency of public institutions. Under such circumstances, which are characteristic of our society, the role of the state is particularly significant. In such conditions, the state has a particularly sensitive role due to the relative underdevelopment of the private sector and the underdevelopment of democratic norms of behaviour. The incentive for the creation of social capital is given by the state through its own behavioural pattern, which affects other stakeholders and clears out the path to a spontaneous development of ethical norms. Levi argues that the state is one of the main producers of social capital, i.e. the role of the state is not limited to encouraging the development of trust between individuals. She points out that the state, through its transparent and honest

procedures, as well as fulfilling its obligations, can increase its credibility and encourage the development of social capital [6].

A review of the literature on social capital points to the problems of measuring and operationalisation of social capital, since there are no generally accepted standards for its measurement and inclusion into the usual models, alongside physical and human capital, which would explain in a clear and unambiguous way the relationship between social capital and economic and other characteristics. Then, no matter how we define the cultural context of a society or its parts, the question remains whether and how we can compare it with some other environment. What in some cultural milieu represents an advantage in collective life, yielding positive connotations of social capital, in another, it is inapplicable or has completely negative connotations [10]. Thus, this elusiveness of social capital sets a barrier to theoretical and empirical research of its impact on various macro-social, political and economic outcomes.

Taking into account all the difficulties stated above, most authors point out that the availability of social capital in the possession of an individual is proportionate to the size of a network of relations that he/she can effectively mobilize as a volume of economic, cultural and symbolic capital that each of the individuals connected to that network owns. Practically, social capital includes both a system of relationships which allows access to social resources, as well as those resources themselves. Intensified interaction between individuals, whether in the economic, religious or cultural fields, enables better information and facilitates mutual cooperation. Forming a wider range of informal relationships can prove to be very advantageous, for example, those with more informal relationships are more successful in securing work than those with a few close friends. The fact is that someone at the centre of complex social or information networks receives a lot of information needed for a successful engagement with a particular activity.

Trust is another segment in relation to which social capital can be exploited. We can observe it in relation to an individual, but also in relation to groups and institutions within the society, including the state. It can be personal and systemic. Personal trust refers to the trust amongst people, i.e.: one can trust other people, then he/she can believe that others have confidence in him/her or that others trust some third parties. Systemic trust implies the trust in system norms and institutions. In all the societies there is a certain level of trust, but what is important is the level of social trust they exhibit. It is therefore important to determine whether social trust exists at the level of small social groups (families, closed organizations, etc.), or whether there is trust at the level of the society as a whole. The countries with a higher level of social capital, which is a prerequisite for economic prosperity, have the highest level of trust amongst the members of society. In those societies where the level of trust is low, decisions, for example, on employment, are predominantly based on the personal relations with individuals (informal connections, blood ties ...), and less on educational attributes and professional references, which is the case in the societies where the level of trust is high.

Literature:

1. Adler P., Kwon S. Social capital: Prospects for a new concept // *Academy of Management Review*. 2002. Vol. 27. № 1.
2. Burt R.S. Structural holes: The social structure of competition // Cambridge. MA Harvard. 1992.
3. Burt R.S. The contingent value of social capital // *Administrative Science Quarterly*. 1997.
4. Field J. Social Capital // London and New York. 2003.
5. Fukujama F. Sudar kultura // *Zavod za udžbenike i nastavna sredstva*. Beograd. 1997.
6. Golubović N. Izvori duštvenog kapitala // *Sociologija*. 2008. Vol. L. № 1. Beograd.
7. Grootaert C., Van Bastelaer T. Understanding and Measuring Social Capital // *Social Capital Initiative Working Paper*. 2001. № 24.
8. Nahapiet J., Ghoshal S. Social capital, intellectual capital and the organizational advantage // *Academy of Management Review*. 1998. 23:2. Pp. 242-266.
9. Putnam R. Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community // New York. Simon and Schuster. 2000.
10. Pušić Lj. Socijalnoekološki okviri socijalnog kapitala u Vojvodini // *Sociološki pregled*. 2006. br. 3 godina XXXX Beograd.

11. Storberg J. The evolution of capital theory // A Critique of a Theory of Social Capital and Implications for HRD. Human Resource Development Review. 2002. 1: 468-499.
12. Živanović M. Koncept socijalnog kapitala u BiH // 2005.

MEDIA AND SOCIETY

Krivokapić Nataša

The media are an integral part of every modern society. The daily life of an individual cannot be imagined without various means of mass communication to which the life of a man in a modern society is simply attached and with whose development it goes hand in hand. Any new means of mass communication, especially those in recent times such as computers, tablets, e-books, mobile phones, etc., are becoming more and more widely spread and accepted. The media pervade all social institutions, they determine their organization and functioning. In fact, society can be seen as a communicative construct, «which means: it is organized in communication structures and there is (only) as a communicative creation, it is a communication construct» [1, p. 25]. According to Bertrand, the media of today constitute one of the parts of the social system, on which the work of the whole system depends. «It works together as a vast living organism; each element is dependent on the others: it suffices that a subsystem fails, so that the mechanism does not work properly» [2, p. 28].

The connection between society and the media is multiple. Bauer [1] lists several fields in which this link is most apparent. We can observe media as the keepers of social memory, its cultural and functional aspects, thanks to which everything that happens in a society is registered and recorded. However, their role is not exhausted simply by storing the memory of the society, i.e. the practical and scientific knowledge that the society has at its disposal and according to which it functions effectively. It also manages that memory by preparing, dividing and generating it. Bauer also believes that the development of the media and social change are conditioned by one another, where the media serve as mediators to social activities. The media transmit and mediate all social movements, they monitor and describe the changes that occur in organized societies: social structures, social organizations, social relations and values and attitudes [3]. All areas of a society become visible through the media, and in fact there is no social status, theme or event which is not covered or handled by the media. Following and describing social relations in which communicative action is increasingly connected to different media, the media also condition changes in interpersonal relations. «Mediation is a process of social change in conditions of a media society, in which politics and the public, as well as economy, work, leisure, entertainment, and basically all life realities, interfere with media reality» [1, p. 10]. In addition to mediating social activity, the media also carry out the control of this activity by reinforcing the dominant cultural and institutional models. However, even they are under the control of society. Their field of activity is socially limited in a way that editorial policy and production are legally regulated, which implies that the media must fit the social system by adhering to the prevailing legal and social norms.

The media represent a form of a social practice which enables «public communication of society, with itself and with others, using the topics and events that are relevant for it and for the others» [1, p. 19]. The symbiosis of the media and society is also reflected in the cultural positioning of the media in relation to the society. Namely, the media are both a producer of culture and its product, since they are themselves a form of a cultural property. The media are actually «complexes of action and agencies of social and communicative domains, i.e., political culture of a national society» [1, p. 12].

It is obvious that the media are difficult to observe separately from the society, so it is understandable that the types of their linkage have increasingly become a research subject of a number of media theorists. Examining the role of the media in the society, Bertrand [2] notes that, in relation to the society, the media exhibit a triple nature. At the same time they appear as a public service, industry and political institution.

Legally or otherwise regulated media present a form of public service. This status implies that the media provide members of the community with a certain type of service in the form of accurate, complete, comprehensible and useful information. With such information quality, the media show responsibility and thus earn the trust of the citizens. However, today, when the media are in the hands of large companies whose main

goal is to increase the income, we can be sure that they serve the public purpose. With their appearance, the mass media provided the opportunity for every citizen to participate in the state issues and problems, but the nature of the industrial media development has turned them into companies which eliminate competition and form oligopolies.

Such media, Bertrand believes, do not have to make a commitment to users. They «have the power to decide what happened in the world - whether they will report it at all» [2, p. 30]. As a part of the industry, they have a responsibility only towards their shareholders. Media with exclusively entrepreneurial motives do not serve the social community and its goals. The media power is a two-edged sword. They have the power to influence the organization, functioning and mobilization of the individual and the society, acting as a kind of political institution, which is why the media got the status of the fourth estate. The limitation of this power which is most often in the hands of media companies, is achieved through the institution of media freedom.

All of the above mentioned types of media and society connections were created during the modern period and are at its most prominent in industrialized societies. The connection between the society and the media can also be observed in the sphere of everyday life of the individual, primarily through the presence and use of mass communication tools. Numerous studies which have been conducted in the course of this century indicate a high average level of use of mass media, especially during spare time, and that their use has reached such proportions that «it makes sense that a moderate degree of exposure to the influence of mass media is at least declared to be a characteristic of the members of contemporary societies» [5, p. 11]. A constant increase in the use of mass communication tools confirms that it is not a passing state but a phenomenon that has become an inseparable part of everyday life.

McQuail believes that the conditions that prevail in a modern society, that is, the economic and social changes in a certain social community, are closely linked to the development of the mass communication system. Leaning on the research results from the countries at different stages of economic development, he shows that a higher degree of economic development is in correlation with the increased use of the mass media (the number of print media, television and radio receivers, cinema, etc.), and that the widespread distribution of mass media is in correlation with a higher degree of literacy, a greater degree of urbanization, industrialization, higher income per capita, and so on. Also, research has shown that the media trigger the process of modernization, i.e. the significant connection «between the use of mass media and the customs, behaviour and possession of information related to the social changes» [5, p. 13].

It is quite certain that the modern society is in a symbiotic relationship with the mass media. In support of this assertion, it can be added that the process of modernization has led to the growth of mass media, primarily by providing favourable economic conditions which foster their widespread distribution and use [4]. On the other hand, the socio-cultural factors have contributed to their development, such as «a certain degree of literacy and education, a widespread common language and culture, a tendency to spend money and time on the use of mass media and, finally, some measures of individual freedom and openness into society» [5, p. 14].

Literature:

1. Bauer T.A. Mediji za otvoreno društvo // Zagreb. ICEJ. 2007.
2. Bertrand J.C. Deontologija medija // Zagreb. Sveučilišna knjižara. 2007.
3. Koković D. Društvo i medijski izazovi // Novi Sad. Novinarska biblioteka. 2007.
4. Krivokapić N. Uloga medija u demokratskom društvu // Teme. 2015. VOL XXXIX. № 3. Pp. 997-1012.
5. MekKvejl D. Uvod u sociologiju masovnih komunikacija // Beograd. Glas. 1976.

SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF TIME

Samardžić Obrad

If we attempt to analyze the concept of time in a broader context of the history of thought, we can easily conclude that it mostly stayed on the sidelines, or it caused many problems for those who set the phenomenon of time as a challenge to their own understanding. On the trail of that thinking, maybe no one better and so distinctly had not expressed that than St. Augustine through the famous statement of the inconceivable and elusive nature of time: «What then is time? If no one asks me, I know: if I wish to explain it to one that asketh, I know not: yet I say boldly that I know, that if nothing passed away, time past were not; and if nothing were coming, a time to come were not; and if nothing were, time present were not» [1, p. 263].

The flow of time is something that most people are familiar with, while the conceptual concept of time skillfully evades the interpretation. What then is the time? Oswald Spengler remarked that no one is allowed to ask such a question. Physicist Richard Feynman said: «Please do not ask me that question! The answer is almost impossible to find» [2, p. 47]. According to one anecdote, Russian poet Samuil Yakovlevich Marsak during his first visit to London in 1914. met a man on the street and asked: «What is time?» Marsak, in fact, wanted to find out what time it was, but, as since he did not speak English well, instead of «What time is it?» he asked, «What is time?» The confused passerby answered: «Well that's a philosophical question. Why do you ask me?» [3, p. 2].

Time considerations are always susceptible to time-scrutiny checks, because deeper reflection shows that the time ideas were different at different times in the development of human society. In modern civilization, the notion of time is based on the idea that time represents an irreversible straight line motion that is measured by clocks and calendars in which hours, days, weeks, months, years, ages, epochs form a linear array. This notion of time is so grounded in the consciousness of a modern man that it simply seems like an unavoidable necessity of thinking. But it's far from the truth. Not only did the early human communities have completely unspecified ideas of time, but most of the civilizations before us considered that the nature of the times was cyclical. According to L. Lévy-Bruhl, our term of time seems to be a natural attribute of the human spirit. But that's an illusion. This idea is rarely encountered by people from primitive societies. «The primitive does not understand reality as the unity of the past, the present and the future, but all existence «enters one another»; the primitive is serving the space, but there is no representation of space» [4, p. 168].

Anthropological research suggests that we can find a reflection of that life among the surviving tribal peoples. Thus, for example, according to B. L. Worf, Hopi Indians have no idea of time in the sense that it flows from the past through the present, to the future or vice versa. Hopi felt that life had a rhythm, but not a stream, and hence the language of Hopi had no reference to the past, the present and the future [5, p. 27]. Another tribe studied by E. E. Evans-Pritchard, the Nuer. Nuer have no equivalent of our word 'time' in our language, and they cannot speak of it as if it were something that passes and can be saved or wasted. «Their point of reference in time are provided by their social activities. [...] The Nuer have no units of time such as hours or minutes, for they do not measure time but thing only in terms of succession of activities» [6, p. 21]. Cultural anthropologists consider, that more than 20,000 years ago, European hunting tribes counted days between the two moon phases by cutting lines and recesses into small pieces of wood and bones. In ancient Greece, the landing of the cranes signified the time for sowing and planting of vegetables, and the return of swallows the time of pruning trees.

Observing the nature around and the celestial bodies above it, it can be noticed that everything that happens in the nature and in the sky happens in cycles. Hence, the understanding of the time of these ancient people is understood by the rhythm of the natural flow of time, as well as the performance of their works: the works in the field begin with the sunrise, and they end with the sunset. Temporalization of these pre-modern societies starts from these «natural watches»: one for day and night, the other for the seasons, the third for the dry periods and so on. Social and historical times were not counted yet; no time units were counted, but time was indicated by referring to certain phenomena that occurred in a certain period. Thus, according to the researchers of these communities, they referred to floods, diseases, hunger, wars. Therefore, the content that fits a certain time frame has determined its meaning, and was bound to certain events in social life that have

undermined the usual rhythm of life of human communities. One Chinese proverb nicely describes such a meaning of time when it says: «Happy times are those in which nothing happens». And this means that at some point, the seasons were not early or late, there were no wars, sickness, starvation, mass dying. Hence, the notion of time, as an abstract continuous thread, which continually connects all the events in the continuous unwinding, while remaining independent of them, was completely unknown, because it opposed the concrete-content character of the understanding of time in the old peoples.

The word calendar comes from the Latin word «calendarium» which denotes a list of debts and interest that the creditor had received from his debtor every first in the month. All the great cultures of the ancient world - from Sumerians and Babylonians, through the Egyptians and the Chinese, to Maya and the Aztec created their own calendars to control the social life of their inhabitants. The best example was with the time obsessed Maya. G. J. Whitrow claims that among all the ancient nations, Maya clerics developed the most advanced and accurate astronomical calendar and thus gained immense power over the masses [6, p. 125]. D. Landes says that the Chinese: «considered time and time knowledge as a confidential aspect of governance, inaccessible to ordinary people. Each new emperor had his own calendar - his seal on the course of time» [7, p. 68]. It means, that the man who lived in the conditions of the beginning of the first urban civilizations was to a greater degree subordinated to the order that he created himself than to the natural rhythms.

Throughout the history, there have been numerous attempts by the man to limit his time, to fit it, cut it down and make it as harmless and as useful as possible. These attempts to finally master the weather were, in general, unsuccessful. They were reduced to dividing time, its division into smaller and smaller units, to make it easier to manage; the one who managed to master the moment, his would be eternity, and the one who possesses eternity would become a deity. However, from the very beginning, it has been shown that the measurement of the time is a sword with two blades. The positive side of the time measurement is that it is accessible to every citizen from the peasant to the city clerk in the direction of synchronizing their activities, but on the other hand, the fact is that the more distracting is the division of time, the more is taken control of people by determining the rhythm of their lives. Elias Kaneti will say: «the most perfect and most creepy art work of humanity is the division of time» [8, p. 2]. Even in antiquity, our ancestors fought against the tyranny of time. In the 200s before the new era, the Roman writer Titus Maccius Plautus wrote the following sad lines:

- The Gods cursed the man who first learned;
- How to distinguish hours! Cursed and the one;
- What sets up the sunny hour here;
- To do such a devastating cut and break my days;
- On small pieces. When I was a boy;
- My belly was a sunny hour; and even safe;
- More reliable and accurate than anyone else;
- This clock told me when the time had come;
- To lunch, when I should eat;
- But 'today, even when hungry;
- I can not eat until the sun does allow me [9, p. 30].

Before the 13th and 14th centuries, the accuracy of time was not much taken care of, and the devices used to measure time were sand, water or sunny clocks. At that time, the first mechanical clocks appeared, and around 1330, according to D. Boorstin [9, p. 145] the clock became what is today, one of twenty-four equal parts of the day. The mechanical clock, found in the middle of the fourteenth century, made a real revolution in the field of the social time. L. Mamford considers that the key of understanding the spirit of industrial time is not a steam engine, but a mechanical timer. L. Mamford thinks that the bourgeoisie is the first class to discover that «time is money» and that the maxim «exactly as the clock» was actually a bourgeois ideal, and having its own watch for a long time was a sign of a social prestige. The time, and not eternity, is a «new place» where to have happens and not to be, because since then, as L. Mumford says: «the measurement of time has transformed into the use of time, into taking account of time and time distribution. When this happened, Eternity almost stopped to serve as the measure and focus of the human actions. The Clock, not a

steam engine, is the main machine of the modern industrial age» [7, p. 14]. At the same time, it is the time when the time of planting and harvesting has been moved to the factories, and the natural «clock» has been replaced with a registration factory watch that «closely followed» a man, taking care to not allow him to disturb the «factory rhythm of time»; in favor of these words, let us recall the organisation of work of the American economist F.V. Taylor, the organization in which everything, and most of all, a man is subordinate to the productivity of the work. The new catalog of the virtues is conditioned by the laws of functioning of the machine, as can be seen on the example of the most advanced machine, the clock - discipline, accuracy, order, diligence, regularity and durability. On the social rule of time – discipline it could even be said: «time is everything, man is nothing; at best he is a «skeleton of time» [10, p. 48].

Bibliography:

1. Augustine, A. Confessions // Zagreb. Christian present, 1973. 1.
- Zerzan, J. Anarcho-primitivism against civilization. // Zagreb : Jesenski i Turk, 2004. 2.
2. Stojanović B. Atomic Time // Belgrade. PC Press, 2012. 3.
3. Lévy-Bruhl L. Primitive mentality // Zagreb: Naprijed, 1954. 4.
4. Whorf B.L. Language, Thought, and Reality // Beograd : Beogradski izdavačko-grafički zavod, 1979. 5.
5. Vitrou G.J. Time in History: Views of Time from Prehistory to the Present Day // Belgrade. Prosveta, 1985. 6.
6. Landes D. Wealth and Poverty of Nations // Belgrade. Poles culture, 2004. 7.
7. Palma, F.J. Time Map // Beograd. Dereta, 2010. 8.
8. Boorstin J.D. The Discoverers // Beograd. Geopoetika, 2008. 9.
9. Mumford L. Tehnic and Civilization // London. Routledge & Regan Paul, 1934. 6
10. Marx K. The Poverty of Philosophy // Zagreb. Globus, 1946. 10.

TOTALITARISM – THE LIVING CONTENT OF GLOBALIZATION

Živković Predrag

All the testimonies on the experiences of globalization, in the interpretation of this phenomenon, are starting from its «history», as well as the from the ranks of temporality that point to the constituent contents that marked its focal points. In locating theoretical ideas, it can be noticed that globalization is often related to cognitive reality of neo-colonialism, imperialism and postmodern reduction of the ontological horizon of today's man. At one point it became a shadow of the capitalist system and the balancing of corporate interests. If we were to accept such thoughts, we could conclude that globalization is fully representative of the «hegemonic ego». Although our formulation is taking the character of subjective interpretation, in domain of such logical feasibility it has the status of a phenomenological imperative, because it determines the origin and totalitarian aspirations of imperial powers. It is enough to recall those supplements that conceive the existence of this imperial ego that it carries within itself, and on the basis of these arguments to conclude that its primary interest is related to the hub of the totalitarian will as the universal perception of the world. Regardless of the fact that some theoretical currents are identified with manifest reflections of the spread of a conceptual spirit, our analysis narrows the scope of the experiential determination to the areas of postmodern reality that alienated a modern man from his ontological sources.

Another of the boundary experiences, on the basis of which the coordinates of globalization can be traced, is the applied statement of the Western theoreticians who in the globalization saw the invested state of modernity. The relational link of the indicated verifiers is conditioned by Giden's conclusion that modernity is exclusively the product of the Western hemisphere, and hence the trace of its historical movement. In the essence, presented theoretical crossroads are also justified if the technological delineation of the Western world would be taken as a measure of credibility. However, this is not the reason why non-Western societies uncompromisingly are rushing to the western version of the progress and modernization, which alienates them from their traditions and religiosity, as Nikolai Danilevski [3] wrote about it at the time. We believe that we will not make a mistake if we add to this explanation also raciocentric tradition or better said support, which

the West had in its encounter with the challenges of modernity. It is not a rare case, and even among those theorists, who consider that Giddens' language axiomatic theory is not sufficiently elaborated, moreover, that it not giving a logical structure, and on the basis of these errors, they introduce a terminological corrective which implies a mediated syntagm - modernity for everything or modernity to its own degree* [8].

A number of theoretical and research papers identify globalization as a haven for neoliberal capitalism. First of all, the denounced fields of neo-liberalism [5] will confirm the suspicion in its universal nobility, and so the globalization itself to identify with the impulses of corporate capitalism. This will lead to the creation of a arranged resistance on a global scale. These are social movements, which are recognized today in the instances of anti-globalization and alterglobalism. The concequent topic of globalization is also linked to the collapse of a national states that, according to Touraine's view [7], it lost those prerogatives that previously had. The European Union, as a model of regionalization, extracted the jurisdiction of the national states, justifying this act, tacitly acknowledging their inability. It will be shown that she is not capable to level internal dichotomy and to secure the legitimacy of sovereign power.

The point of view that, according to dogmatic frameworks is studing the processes of globalization and the character of its manifestation, is the world-system theory of Immanuel Wallerstein [2]. The content and the vectors of his theory, the theorists of this direction ranking into a formative group of skeptics who denying the process of globalization, believing that it is only a myth and impulse of response to global capital movements, Wallerstein's exposition of the decoration of globalization rests on its denial as a process and a consolidated structure of changes in the world system. This implies that globalization, at least its view, which has become so represented in social theory, does not exist. Such an analytical depiction of this social process, representatives of the world-system theory, headed by Wallerstein, justify with a persistent insistence that the only thing that is catogorally positioned is the world capitalist system. Theorists of this direction, are focusing on overcoming the notion of globalization, because the world system's structure is much more consistent than the motive for suggesting the generative spheres of social processes.

Here it is necessary to include Santos's views on the aspect of economic globalization. Taking a critical approach to the economic dimension of globalization, Santos confirms the main features of economic globalization based on the world economy. Given that the transformation is planetary, the implications of the world economy to national entities and their economic policies could be manifested on the basis of market beliefs in the correctness of the horizons of the imposed economic pattern or the fundamentalism, that is ideological postulates. The next step in approaching and setting of the receptive terrain in the analysis of the aspects of globalization by Santos is of great importance for us, because it «calls for» a dimension of globalization that has become marginalized, regarding social aspects of globalization, and within it the introspective meritum which focuses on the problems of the social structure. He notices that in a world system whose distinctive character is a class system, a transnational capitalist class emerged behind the paravans of multinational companies [6]. These powerful notes, induced by unstable changes in the sphere of social division of labor, transform a new class structure, based on an unequal division of conscious capital, where there is a tendentious accumulation of capital on the one hand, and on the other hand a growing pauperization of the global population. Where does such a dichotomy originate in a society? Is it in our own ambitions and desires that a general disorder in society should be sought? Whether the galloped economy and the unsustainable flow of large-scale capital are increasingly approaching; In the meantime, has it become a phenomenon of primitivism and a destructive factor in the social sphere, which, in all likelihood, must be subjected to the automation of unlicensed stereotypes and sophisticated falsification of reality?

Globalization as a rising tide of the risk

In the composition of this work, it is necessary to mention the problem of a risk society. Upon reaching the «postulatory truths», Ulrich Beck [1] chronologically examined the passage of an industrial society at the time of the modern modernism and outlined the contours of what was meant to be a categorical and thought

---

* You can read more about this phenomenon in: Živković, P. Antropološka misao fizičnog društva. Постсоциализм (Черногория-Россия 1990-2015). Vukičević, S. // Москва: МГУ имени М.В. Ломоносова Социологический факультет / Институт социологии и психологии Философский факультет Черногории. 2016. p. 333-376.

construct in the structure of the globalization itself. The author's knowledge in the analysis of theoretical thought deserves the attention of the reader. And completely consistent with these ideas, and especially thanks to the sociological erudition, Beck will offer new derivatives as constructs of massively influential expression of an industrial society, and make an official objection, naming it as a risky society. The success of modernization, at the same time, creates a risk of decadence. Science and technology have the discretion to speak on behalf of everyone, and to discredit any opinion that opposes the absolutism of the mind.

On the other hand, the risks create a new normative order. «The term risk society, which I devised and addressed him in 1986, summarizes an epoch of contemporary society that not only rejects traditional forms of life, but also opposes the side effects of successful modernization – the uncertain biographies and hard-to-understand dangers that affect everyone and which no one can be safe anymore. From there I come to the several conclusions: [...] We become members of the 'world society of danger'. Dangers are no longer an internal matter of a country, no country can fight itself against danger itself. There is a new conflict dynamics of social inequality» (1. p. 23-24). As two paradigms of reflexive modernization, Beck states, coexistence with knowledge and ignorance, which have become its internal doctrines, and without a glance can lead to a crusade of self-destruction. The theory of reflexive modernization, which is revealed between the principles of ambivalence of more-modernity and ambivalence of the antimodernity, in the best way presents a vision of the future, which has no clear coordinates of development.

And at the very end, let's say that in order to gain the lost trust in the process of globalization, while acquiring a new habit of adapting to other cultures and civilizations that will not act as renters at one time, and at least for a while, postpone the «end of time», it is necessary to have a new theoretical and practical reconstruction of its toponyms and direction to those spheres that will point to a well-known but difficultly attainable globalization currency, which will follow the needs of all societies, not only the chosen circle. This is also contained in the works of the eminent Russian thinker prof. Alekandar Dugin [4], more precisely, in his Fourth Political Theory. It is therefore necessary to make a balance and draw the best of all, as those who see in globalization a predominant tide of ideological influences, as well as those theorists who offer an apologetic approach to this phenomenon. From this setting, inevitably follows the conclusion, that the past and the future of contemporary globalization must be interpreted on the basis of its influence, positive and negative connotations and their influence on the ontological dimension of man and the human community. It is also necessary to overcome the narrow and one-sided concepts of globalization, which are «crumbled» in their ideological captivity and to strive for a new insight, which will be closer to the teared off knowledge of globalization with the human face.

Literature:

1. Bek U. Svetsko rizično društvo / U potrazi za izgubljenom sigurnošću // Novi Sad. Akademska knjiga. 2011.
2. Volerstin I. Uvod u analizu svjetskog sistema // Cetinje. Otvoreni kulturni forum Cetinje. 2005.
3. Данилевский Н.И. Русија и Европа // прев. Павле Д. Илић. Полит – Досије. Београд. 2007.
4. Дугин А. Четвертая политическая теория // Россия и политические идеи XXI века. СПб.: Амфора, 2009.
5. Harvi D. Kratka istorija neoliberalizma // Novi Sad.Mediteran. 2012.
6. Santos B.D.S. Procesi globalizacije. Beograd. Radio B92. Časopis za književnost i kulturu, i društvena pitanja. Reč. 2002. № 68/14, decembar. Pp. 5-65.
7. Turen A. Nova paradigm // Beograd. Službeni glasnik. 2011.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Абагеро Даниэль Джемалович**, аспирант Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: abagero-dany@mail.ru
2. **Абрамов Александр Петрович**, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия), e-mail: abramov_ap@inbox.ru
3. **Абросимова Евгения Евгеньевна**, младший научный сотрудник Центра научных исследований проектов и программ Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Владивосток, Россия), e-mail: gaijony@mail.ru
4. **Аверин Юрий Петрович**, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии социологических исследований Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: marfenka28@gmail.com
5. **Алейникова Евгения Евгеньевна**, магистрант Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: evgeniya_aleynikova@mail.ru
6. **Аристова Ирина Леонидовна**, кандидат психологических наук, доцент Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: aristova.il@dvfu.ru
7. **Бадараев Дамдин Доржиевич**, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии сибирского отделения российской академии наук, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия), e-mail: damdin80@mail.ru
8. **Бадмацыренов Тимур Баторович**, кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия) e-mail: batrovitch@mail.ru
9. **Батуренко Светлана Алексеевна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и теории социологии Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: level_s@rambler.ru
10. **Батурин Георгий Геннадьевич**, аспирант кафедры математики и моделирования Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Владивосток, Россия)
11. **Белоус Елена Ивановна**, кандидат педагогических наук, доцент Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток, Россия), e-mail: belous.ei@dvfu.ru belelena68@mail.ru
12. **Бобылева Наталия Юрьевна**, магистрант Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Орёл, Россия), e-mail: nataliya.bobyleva24@yandex.ru
13. **Бунькина Наталья Евгеньевна**, аспирант Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: bunkina.ne@dvfu.ru
14. **Бутуева Зинаида Арсентьевна**, кандидат философских наук, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия), e-mail: butueva_z@mail.ru
15. **Вершинина Инна Альфредовна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: urbansociology@yandex.ru

16. **Винокурова Анна Викторовна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: vinokurova77@mail.ru
17. **Власенко Екатерина Павловна**, студент четвертого курса направления подготовки 39.03.01 – Социология Амурского государственного университета (Благовещенск, Россия), e-mail: ekaterinav1995@mail.ru
18. **Высоцкая Алёна Валерьевна**, и.о. заведующего кафедрой «Информационные системы», Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет (Комсомольск-на-Амуре, Россия), e-mail: Al-w-buaa@rambler.ru
19. **Герасимов Антон Валериевич**, старший преподаватель кафедры естественно-математического образования ГБОУ ДПО РК «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования» (Симферополь, Республика Крым, Россия), e-mail: gersimf@gmail.com
20. **Гончарова Светлана Владимировна**, кандидат социологических наук, доцент Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: goncharova.sv@dvfu.ru
21. **Городинец Анфиса Сергеевна**, магистрант Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: anfissia@mail.ru
22. **Горошко Юлия Николаевна**, кандидат философских наук, преподаватель кафедры социального и гуманитарного образования Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования (Симферополь, Россия), e-mail: julg13@mail.ru
23. **Грабельных Татьяна Ивановна**, доктор социологических наук, профессор, зав. социологической лабораторией региональных проблем и инноваций Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия), e-mail: tagr@bk.ru
24. **Грановская Ольга Леонидовна**, доктор философских наук, доцент, профессор Департамента философии и религиоведения Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: olg@vladivostok.com
25. **Грибова Кристина Львовна**, аспирант Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: k.gribova@inbox.ru
26. **Григоричев Константин Вадимович**, доктор социологических наук, начальник научно-исследовательской части, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия), e-mail: grigorichev@yandex.ru
27. **Григорьева Лариса Юрьевна**, старший преподаватель Департамента коммуникаций и медиа Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: glorica@mail.ru
28. **Гримов Олег Александрович**, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия), e-mail: grimoleg@yandex.ru
29. **Грудина Татьяна Николаевна**, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории социологии Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: grudina-tatyana@yandex.ru
30. **Гузенина Светлана Валерьевна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной социологии факультета истории, мировой политики и социологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина» (Тамбов, Россия), e-mail: dialog-lana@yandex.ru

31. **Двойнев Василий Владиславович**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, философии и работы с молодежью Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия), e-mail: vassilidvoinev@yandex.ru
32. **Деханова Наталья Геннадьевна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии государственного управления Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: ndehanova@mail.ru
33. **Дмитриева Екатерина Александровна**, студент социально-психологического факультета Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия), e-mail: katyusha-dmitrieva1997@mail.ru
34. **Егоров Александр Григорьевич**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, философии и работы с молодежью Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия), e-mail: ag-egorov@yandex.ru
35. **Ефимова Виктория Леонидовна**, старший преподаватель Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: lt-v@mail.ru
36. **Задонская Ирина Анатольевна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной социологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия), e-mail: ir-yar75@mail.ru
37. **Заяц Ольга Васильевна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: zayats.ov@dvfu.ru
38. **Злотников Анатолий Геннадьевич**, кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры права и экономических теорий Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации (Гомель, Беларусь), e-mail: zlot@tut.by
39. **Зырянов Владимир Викторович**, кандидат экономических наук, доцент, заместитель декана Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: vvzyryanov@gmail.com
40. **Иванова Наталия Геннадьевна**, аспирант Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: nat-iv-2@yandex.ru
41. **Иванова Татьяна Николаевна**, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Социология» Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия)
42. **Игебаева Фания Абдулхаковна**, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Башкирского государственного аграрного университета (Уфа, Россия), e-mail: igebaeva.fania@yandex.ru
43. **Кабайкина Ольга Владимировна**, аспирант кафедры современной социологии Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: kabaykinaov@mail.ru
44. **Кадиров Никита Тимурович**, магистр менеджмента, аспирант Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: nickmarlou@gmail.com
45. **Калинникова Марина Викторовна**, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии регионов Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия), e-mail: kalinnikova1@rambler.ru
46. **Калита Виталий Владимирович**, кандидат психологических наук, профессор Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: kalita.vv@dvfu.ru

47. **Каменский Евгений Георгиевич**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия), e-mail: kamenskyeg80@gmail.com
48. **Карпова Вера Михайловна**, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии семьи и демографии Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: wmkarpova@yandex.ru
49. **Килимова Людмила Викторовна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия), e-mail: lyuda-klv@yandex.ru
50. **Ковтун Галина Степановна**, кандидат философских наук, доцент, профессор Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: kogala@yandex.ru
51. **Комарова Анастасия Николаевна**, аспирант кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия), e-mail: zaunka@bk.ru
52. **Кондратенко Галина Викторовна**, младший научный сотрудник Отдела китайских исследований Центра Азиатско-тихоокеанских Исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Россия), e-mail: Gala103@yandex.ru
53. **Корпачева Полина Владимировна**, аспирант кафедры социальных технологий Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, ведущий инженер Центра научно-технической информации – филиала ОАО «РЖД» (Москва, Россия), e-mail: podolyakina89@mail.ru
54. **Костина Елена Юрьевна**, кандидат социологических наук, доцент, руководитель ОП «Социология», доцент Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: kostina.eyu@dvfu.ru
55. **Котков Дмитрий Андреевич**, магистрант Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: ct_dmtr@mail.ru
56. **Котов Игорь Сергеевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры маркетинга Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации (Гомель, Республика Беларусь), e-mail: Igorek.Kotov.65@mail.bk
57. **Кочетков Владимир Викторович**, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии международных отношений Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: vkochetkov58@mail.ru
58. **Краснов Алексей Юрьевич**, аспирант Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
59. **Кривошеев Владимир Вениаминович**, доктор социологических наук, доцент, профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград, Россия), e-mail: krivs48@rambler.ru
60. **Крокинская Ольга Константиновна**, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: krokinskaya@mail.ru
61. **Крошкина Мария Сергеевна**, аспирант Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

62. **Кузина Ирина Геннадьевна**, кандидат исторических наук, профессор, директор Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: irina-kul@yandex.ru
63. **Купряшкин Илья Владимирович**, кандидат философских наук, доцент Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: kupryashkin.iv@mail.ru
64. **Купряшкина Евгения Алексеевна**, аспирант Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук, Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: zhenya.gorelowa@yandex.ru
65. **Лапшов Валерий Александрович**, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия), e-mail: valeralapshov@gmail.com
66. **Лежебоков Андрей Александрович**, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия), e-mail: leghebokov@yandex.ru
67. **Леонов Аркадий Константинович**, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Амурского государственного университета (Благовещенск, Россия), e-mail: Leon.ak@mail.ru
68. **Лизунова Ольга Александровна**, главный специалист по образовательному процессу Фонда deti.msk.ru. (Москва, Россия), e-mail: olga.al.lizunova@gmail.com
69. **Липатова Мария Евгеньевна**, социолог, преподаватель, Социологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: lme-tatarintseva@mail.ru
70. **Литвинова Татьяна Николаевна**, доктор политических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и социальных процессов Одинцовского филиала МГИМО МИД России (Одинцово, Россия), e-mail: tantin@mail.ru
71. **Лопатова Анжела Петровна**, научный сотрудник отдела координации научных проектов и программ Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации (Гомель, Беларусь)
72. **Лядова Анна Васильевна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: annaslm@mail.ru
73. **Макаров Сергей Николаевич**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и философии Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия), e-mail: snmak75@mail.ru
74. **Макарчук Вероника Александровна**, магистрант Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: akinorocka@yandex.ru
75. **Манцева Елизавета Романовна**, аспирант Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: agnessmsu@mail.ru
76. **Марин Егор Борисович**, кандидат исторических наук, доцент, доцент Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: egor-marin@yandex.ru
77. **Мартыненко Татьяна Сергеевна**, ассистент кафедры современной социологии Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: ts.martynenko@gmail.com

78. **Матко Дарья Александровна**, магистрант Деапартаментa социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: darya_95@mail.ru
79. **Мищенко Александр Сергеевич**, кандидат экономических наук, эксперт Общественного объединения «Непрерывное образование для всех» (Санкт - Петербург, Россия), e-mail: mischenko-al@yandex.ru
80. **Надток Светлана Андреевна**, магистрант Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: svetlana999_95@mail.ru
81. **Назаров Михаил Серафимович**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарного образования Школы педагогики Дальневосточного федерального университета (Уссурийск, Россия), e-mail: Nazarov_30@mail.ru
82. **Немерюк Евгения Евгеньевна**, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии коммуникаций на базе администрации Энгельсского муниципального района Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия), e-mail: evgeniya_nemeryuk@mail.ru
83. **Нестерова Алина Андреевна**, магистрант Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного Федерального Университета (Владивосток, Россия), e-mail: alinka9595@bk.ru
84. **Нефедев Сергей Николаевич**, кандидат философских наук, доцент кафедры социального и гуманитарного образования Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования (Симферополь, Россия), e-mail: sergnefsn@mail.ru
85. **Новицкая Варвара Викторовна**, аспирант кафедры социологии коммуникативных систем Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: pava55555@yandex.ru
86. **Обрывалина Ольга Андреевна**, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии коммуникативных систем Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: olgaobryvalina@gmail.com
87. **Ойдопова Арюна Мункобаировна**, старший преподаватель кафедры «Социальная работа» Забайкальского государственного университета (Чита, Россия), e-mail: karyuna@mail.ru
88. **Орлова Надежда Александровна**, кандидат социологических наук, доцент Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: orlova.na@dvfu.ru
89. **Осмачко Надежда Владимировна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: osmachko.nv@dvfu.ru
90. **Панкова Наталья Вячеславовна**, директор КГБУСО «СРЦН «Парус надежды» (Владивосток, Россия), e-mail: panatalia@mail.ru
91. **Панфилова Анна Олеговна**, кандидат социологических наук, доцент Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: anna_pl.vl@mail.ru
92. **Панченко Евгения Павловна**, магистрант Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: evgpnk@gmail.com
93. **Первухин Михаил Александрович**, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математики и моделирования Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Владивосток, Россия)

94. **Подъячев Кирилл Викторович**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: kirvik@bk.ru
95. **Приходько Ирина Анатольевна**, студент Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: prikhodko.dvfu@mail.ru
96. **Проказина Наталья Васильевна**, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и информационных технологий Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Орёл, Россия), e-mail: nvprokazina@mail.ru
97. **Прокофьева Александра Сергеевна**, магистрант Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: lobodenko_as@students.dvfu.ru
98. **Родионов Владимир Александрович**, кандидат политических наук, доцент кафедры истории и регионоведения стран Азии Бурятского государственного университета (Улан-Удэ, Россия), e-mail: vladimir_198025@mail.ru
99. **Романцева Екатерина Евгеньевна**, аспирант Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: ekaterinaromantseva@mail.ru
100. **Самарджич Обрад**, магистр социологических наук, сотрудник философского факультета Университета Черногории (Никшич, Черногория), e-mail: samardzicobrad@gmail.com
101. **Самойленко Пётр Юрьевич**, кандидат политических наук, доцент, доцент Департамента коммуникаций и медиа Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: samoilenko.pyu@dvfu.ru
102. **Сапрыкина Ирина Эдуардовна**, аспирант кафедры экономической социологии и менеджмента Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: ira.saprykina@gmail.com
103. **Свердликowa Елена Альбертовна**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экономической социологии и менеджмента Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: Elena.sverdlikova@gmail.com
104. **Свищёва Анна Николаевна**, аспирант кафедры современной социологии Социологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: annysv@yandex.ru
105. **Семенов Сергей Алексеевич**, аспирант Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: sergeisemenoff@yandex.ru
106. **Семенова Юлия Александровна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии коммуникаций и управления на базе администрации Энгельсского муниципального района Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия), e-mail: semenofa@gmail.com
107. **Синельников Александр Борисович**, доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии семьи и демографии Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: sinelka@mail.ru
108. **Соколова Анна Михайловна**, магистрант Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: anita5277@bk.ru

109. **Соколова Маргарита Михайловна**, магистрант Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: marsok18@mail.ru
110. **Соловьев Михаил Михайлович**, научный сотрудник Государственного казенного учреждения «Республиканский ресурсный центр Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан» (Казань, Россия), e-mail: Solovyevmichail@gmail.com
111. **Сушко Валентина Афанасьевна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры методологии социологических исследований Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: valentina.sushko@gmail.com
112. **Сущенко Ольга Александровна**, аспирант кафедры социологии семьи и демографии Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: suschenkoolga@ya.ru
113. **Сыроед Надежда Саввовна**, кандидат социологических наук, доцент, профессор Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: syroed.ns@dvfu.ru
114. **Темнова Лариса Витальевна**, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры современной социологии Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: Temnova.larisa@yandex.ru
115. **Титова Наталья Юрьевна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Владивосток, Россия), e-mail: titova_2010@mail.ru
116. **Толвайшис Леонас**, кандидат политических наук, доцент кафедры работы с молодёжью Института физической культуры, спорта и молодёжной политики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), e-mail: leonas.tolvaisis@fepps.edu.rs
117. **Толстоброва Юлия Дмитриевна**, магистрант Департамента социальных и психологических наук школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: tolstobrova.yulya@mail.ru
118. **Томилов Владимир Анатольевич**, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии и социально-гуманитарного образования Школы педагогики Дальневосточного федерального университета (Уссурийск, Россия), e-mail: tomilov05@mail.ru
119. **Тюпина Ирина Анатольевна**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии, документоведения и архивоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия), e-mail: Irene-an@mail.ru
120. **Ухалова Татьяна Сергеевна**, старший преподаватель Академического департамента Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: vuyshka@ya.ru
121. **Филина Виктория Николаевна**, магистрант Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: super-girllove@mail.ru
122. **Филипова Александра Геннадьевна**, доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, профессор Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: alexgen77@list.ru
123. **Хадисов Магомед-Рамзан Бувайсарович**, соискатель, старший преподаватель кафедры высшей и прикладной математики Грозненского государственного нефтяного технического

- университета имени академика М.Д. Миллионщикова (Грозный, Россия), e-mail: m-rkhadisov@mail.ru
124. **Хайруллина Юлдуз Ракибовна**, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия), e-mail: iouldouz@narod.ru
  125. **Халий Ирина Альбертовна**, доктор социологических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии, руководитель сектора изучения социокультурного развития регионов России Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: illaio@yandex.ru
  126. **Хатнюк Наталья Николаевна**, аспирант кафедры «Социология и информационные технологии» Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Оёл, Россия), e-mail.ru: oragssoc@mail.ru
  127. **Холоденко Юрий Александрович**, кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии государственного управления Социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: hol.u@mail.ru
  128. **Хомушку Кара-кыс Чечек-ооловна**, магистрант Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия)
  129. **Цветкова Ирина Викторовна**, доктор философских наук, профессор кафедры «История и философия» Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия)
  130. **Чистик Ксения Вячеславовна**, магистрант Департамента социальных и психологических наук школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: ksenya_chistic95@mai.ru
  131. **Шарович Раде**, доктор социологических наук, доцент, вице-декан философского факультета Университета Черногории (Никшич, Черногория), e-mail: sarovicrade@gmail.com
  132. **Шаршембиева Таалай Султановна**, кандидат социологических наук, доцент Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (Бишкек, Кыргызская Республика), e-mail: shartaalay@mail.ru
  133. **Шишкарёва Наталья Валерьевна**, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Морского государственного университета имени адм. Г.И. Невельского (Владивосток, Россия), e-mail: g-nat@mail.ru
  134. **Шматова Светлана Сергеевна**, аспирант кафедры истории, теории и прикладной социологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г Чернышевского (Саратов, Россия), e-mail: svshmatova@gmail.com
  135. **Штейникова Маргарита Евгеньевна**, студент Департамента социальных и психологических наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия), e-mail: ritachka.96@mail.ru
  136. **Щеткина Ирина Анатольевна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы Забайкальского государственного университета (Чита, Россия), e-mail: irinasocio@mail.ru
  137. **Яковлев Иван Викторович**, аспирант кафедры политических наук Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г Чернышевского (Саратов, Россия), e-mail: yak-ivan@yandex.ru
  138. **Яровая Вероника Евгеньевна**, старший преподаватель кафедры философии и юридической психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Владивосток, Россия), e-mail: ronika11@mail.ru
  139. **Ćeranić Goran**, PhD, Assistant Professor at the University of Montenegro, Faculty of Philosophy (Nikšić, Montenegro), e-mail: ceranicgoran@yahoo.com

140. **Krivokapić Nataša**, PhD, Teaching Assistant at the University of Montenegro, Faculty of Philosophy (Nikšić, Montenegro), e-mail: natashak@t-com.me
141. **Lučić Miomirka**, PhD, Teaching Assistant at the University of Montenegro, Faculty of Philosophy (Nikšić, Montenegro), e-mail: miomirka.lucic@gmail.com
142. **Samardžić Obrad**, Master of Sociological Sciences, Teaching Assistant at the University of Montenegro, Faculty of Philosophy (Nikšić, Montenegro), e-mail: obrads@ac.me
143. **Vukasojević Sandra**, PhD, Teaching Assistant at the Faculty of Philology (Nikšić, Montenegro), e-mail: sandrav@t-com.me
144. **Živković Predrag**, PhD, Teaching Assistant at the University of Montenegro, Faculty of Philosophy (Nikšić, Montenegro), e-mail: sociollog@gmail.com